2 р. 75 к.

РЕВОЛЮЦИЯ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА
В ОПИСАНИЯХ БЕЛОГВАРДЕЙЦЕВ

925

РЕВОЛЮЦИЯ НА УКРАИНЕ

ВИННИЧЕНКО · МОГИЛЯНСКИЙ · ДОРОШЕНКО
ДЕНИКИН · ЛУКОМСКИЙ · ГУРКО · МЯКОТИН
ГОЛЬДЕНВЕЙЗЕР · МАРГОЛИН · ЧЕРИКОВЕР и ДР.

СОСТАВИЛ С. А. АЛЕКСЕЕВ

1930
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

96

РЕВОЛЮЦИЯ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА
В ОПИСАНИЯХ БЕЛОГВАРДЕЙЦЕВ

Рбс 925

РЕВОЛЮЦИЯ НА УКРАИНЕ

ПО МЕМУАРАМ БЕЛЫХ

Составил С. А. АЛЕКСЕЕВ
под редакцией Н. Н. ПОПОВА

ИМЕНИ ЛЕНИНА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1930 ЛЕНИНГРАД

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Предлагаемый сборник составлен по тому же типу, как и отдельные томы нашей серии «Революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев», и отличается от них только своим содержанием: он составлен из отдельных произведений зарубежной мемуарной литературы (русской и украинской) и в общем охватывает весь период революции и гражданской войны на Украине.

Отзывы советской печати о названной нашей серии сходятся в том, что белогвардейские публикации безусловно должны быть использованы как нашей исследовательской и популярной исторической литературой, так и широкой советской читательской массой. Для этой последней главная ценность названных публикаций — не в том, что они дают исторический материал, отсутствующий в советской печати, а в том, что они разоблачают классовую и политическую природу белогвардейщины, ее гниль и разложение, подчас с большей убедительностью, чем кто бы то ни было другой.

Украина эпохи гражданской войны представляет чрезвычайно высокий интерес для исторического изучения, так как ни в одной из других областей бывшей Российской империи мы не наблюдаем такого множества и разнообразия сменявших друг друга в эту эпоху политических режимов, в частности белогвардейских, как именно здесь. К сожалению, не все они оставили о себе одинаково ценные исторические документы. В частности чрезвычайно скудны и даже почти отсутствуют в зарубежной печати материалы об одном из характернейших явлений украинской революции — партизанщине и бандитизме [1]; а между тем, эти последние в течение всего периода с 1918 по 1921 г. держали вне большой дороги украинской революции ряд отдельных местностей и районов, в которых хозяйствовали свои временные владыки. По этой причине и в нашем томе отсутствуют материалы этого рода (исключая статьи Игренева, рисующей, между прочим, любопытный эпизод пребывания Махно и махновцев в Екатеринославе). Сверх того в сборник почти вовсе не включены материалы о деникинщине, достаточно освещенной и для Украины в последнем томе 5-томной серии (Алексеев, С. А., сост., Деникин, Юденич, Врангель. Госиздат, 1927 г.). Единственным исключением является статья Гольден-

[1] Если не считать такого рода лживых апологетических «сочинений», как, например, анархистская брошюра Аршинова о Махно, использование которой для нашего сборника было бы невозможно, так как она потребовала бы слишком обширных оговорок и комментариев.

вейзера, дающая возможность читателю ориентироваться в общем ходе событий на Украине. В этой статье сохранена и та часть, которая посвящена деникинщине.

Весь материал сборника расположен приблизительно в хронологическом порядке событий, которым он посвящен. Как и в названной серии, и в настоящем сборнике из некоторых статей удалены описания периодов советской власти на Украине, так как эти периоды достаточно освещены в советской исторической литературе. Сверх того, в интересах сбережения места допущены некоторые сокращения за счет многословия или излишних подробностей в описании малозначительных событий. Вставки, сделанные для связи речи составителем взамен опущенного материала, заключены в прямые скобки [ ].

Центральное место в сборнике занимает статья Винниченко «Из истории украинской революции», впервые появляющаяся на русском языке (в переводе составителя). Из всего материала предлагаемого сборника статья Винниченко представляет, несомненно, наибольший интерес, и потому мы остановимся на ней в первую очередь. Остальной материал всего удобнее будет рассмотреть в хронологическом порядке описываемых событий.

Статья Винниченко посвящена главным образом как раз тому периоду этой революции, когда автор стоял в самом центре событий, возглавляя так называемую «Директорию». О событиях, представляющих выдающийся исторический интерес, нам рассказывает, таким образом, их непосредственный участник и, отчасти, руководитель; это-то и придает главный интерес его рассказу. Необходимо при этом иметь в виду, что книга Винниченко написана в тот период, когда ее автор считал себя стоящим весьма близко к коммунизму. Поэтому автор направляет жало своей критики главным образом против контрреволюционной политики Директории (которую сам же он и возглавлял) и петлюровщины. Это до некоторой степени увеличивает ценность статьи для советского читателя. Однако своей критикой автор разоблачает не только петлюровщину; он раскрывает перед нами и самого себя, как мелкобуржуазного демократа, который, несмотря на все свои потуги изобразить себя сторонником советской системы, на деле остается в самом кровном родстве с опорачиваемой им петлюровщиной. И каждому, прочитавшему статью Винниченко, становится понятным, почему этот политик, занявший через несколько месяцев после выхода своей книги пост заместителя председателя Совнаркома Украины, тотчас же бежал с этого поста, не будучи в состоянии примириться с подлинным советским строем.

Несмотря на всю свою критику Директории, автор далеко не остается объективным историком в описании ее деяний. Начнем с самого восстания, поднятого Директорией против гетмана в половине ноября 1918 г. Автор усиленно старается доказать, что не Петлюре принадлежит честь инициативы этого восстания, а всей Директории, которую он, Винниченко, возглавлял. Рассказ о

том, каким образом «возглавил» движение и попал на короткий исторический миг в «герои» Петлюра, тайком от своих друзей уехавший в Белую Церковь и выпустивший от своего имени «универсал», весьма живописен и дает должный колорит фигуре этого авантюриста.

Но, развенчивая Петлюру и выдвигая на первый план Директорию, Винниченко весьма кстати для этой Директории «забывает» о главной исторической силе в возрождении революционного движения на Украине, придушенного гетманом и немецкими оккупантами (которые были ведь приглашены—напомним кстати—политическими друзьями Винниченко): мы говорим о большевистской партии. Винниченко, стоявший почти в течение двух лет в центре политической жизни Украины, близко знавший советских деятелей в стране и одно время сам не чуждый «советской идеи» (хотя бы и «исправленной» и «дополненной» ее издания), не мог, конечно, не знать, что ни немцам, приглашенным его политическими единомышленниками, ни посаженному немцами гетману не удалось уничтожить большевизм на Украине. Уже на первомайской демонстрации 1918 г. в Киеве развевались знамена с лозунгом «Да здравствует власть советов!» Значительная часть Всеукраинского съезда профсоюзов в Киеве (май 1918 г.) голосовала за большевистскую резолюцию. Тогда же в Киеве, оторванном от ЦК РКП, организуется Временный всеукраинский ЦК коммунистической партии (независимо от центра, образованного Таганрогским совещанием). Летом 1918 г. состоялся в Москве I съезд КП(б)У, избравший постоянный ЦК. На Украине партия существовала, разумеется, в подполье, но политическое влияние ее на пролетариат, как и повсюду в районах белогвардейской оккупации, было огромно. Партией был организован центральный повстанческий комитет, была широко раскинута сеть местных повстанческих комитетов, притом—и это главное—не только в городах, но и в деревнях. Один только Киевский областной комитет большевистской партии имел организованные партизанские отряды в Богуславском, Каневском, Таращанском, Радомысловском и др. уездах. Еще важнее то, о чем свидетельствует член подпольного областкома Киевщины т. Майоров: «Сами по себе возникали отряды в селах,—говорит он,—и они командировали своих представителей в Киев для связи с большевиками». («Из истории революционной борьбы на Украине». Киев, 1922. Стр. 85. Разрядка наша.) «В Киев приходили крестьяне на явочные квартиры в союз портных... связаться с Ревкомом. В Брусиловском районе существовали партизанские отряды крестьян. Они знали, за кем идти,—они шли за большевиками, а сторонники Петлюры никакого успеха не имели, несмотря на то, что они заявляли, что Петлюра—тоже за советскую власть. Все движение шло под флагом большевиков» (там же, стр. 87. Разрядка наша). Движение шло под флагом большевиков как раз в то время, когда, по

свидетельству самого Винниченко, о Петлюре украинское крестьянство не имело никакого представления.

Движение нарастало с такой силой, что на августовском совещании парторганизаций и губ. ревкомов, созванном Киевским областкомом и собравшем представителей Киевской, Подольской, Волынской, Черниговской и Полтавской губерний, было решено немедленно начать восстание.

Восстание действительно произошло в августе в ряде пунктов Подольской, Киевской и Черниговской губерний, его политическим вождем был молодой ЦК КП (б) У, но оно было раздавлено германскими штыками. И как раз остатки поднявших восстание партизанских отрядов Киевщины и Черниговщины, ушедшие из-под ударов германских оккупантов, сорганизовались на русско-украинской границе в 1-ю украинскую дивизию под командой вождя восстания на Черниговщине, украинского большевика Крапивянского.

Неудача восстания не остановила подпольной работы большевиков на Украине по подготовке нового восстания с целью свержения гетмана. К той же цели стремились и украинские националисты. Однако работа КП (б) У и работа украинских националистов проходила в далеко не равных условиях. Тогда как за загнанными в подполье большевиками охотились как германская, так и гетмановская контрразведки и прятали их в тюрьмы, будущий «головный атаман» Директории Петлюра и будущий председатель первого совета министров «Украинской народной республики» Чеховский как раз незадолго до поднятого Директорией восстания были выпущены из тюрьмы, а будущий глава Директории Винниченко (как он сам рассказывает в другой части своей книги) был вхож к гетману и вплоть до самого восстания вел с ним дружеские беседы. Несмотря на такое неравенство условий, большевистский повстанческий отряд в Киеве в момент поднятого Директорией восстания представлял настолько солидную силу, что глава петлюровского штаба в Киеве полк. Капкан именно к большевистской организации обратился с предложением о совместном выступлении в гетманской столице после того, как восстание уже вспыхнуло в Белой Церкви. Киевские большевики отвергли сотрудничество с Директорией, не желая вытаскивать для нее своими руками каштаны из огня и не располагая, после поражения августовского восстания, достаточными силами, чтобы сбросить вместе с гетманом и Директорию.

Обо всей этой подпольной работе украинских большевиков, о подготовленных ими повстанческих отрядах в украинской деревне, о популярности, которой пользовалось слово «большевик» в среде украинского крестьянства, наконец, об огромной роли, которую сыграли в распространении восстания возвратившиеся в деревню украинцы-фронтовики, с гордостью называвшие себя «большевиками», обо всем этом не может не знать Винниченко, но обо всем этом он предпочитает умалчивать для того, чтобы тем удоб-

нее можно было в дальнейшем изображать большевистскую работу на Украине, организацию и борьбу украинского советского правительства, как дело рук «русских» большевиков, вдобавок еще и зараженных русским национализмом.

Когда Петлюра и его компаньоны подняли восстание в Белой Церкви, то образованные украинскими большевиками крестьянские повстанческие комитеты и организованное ими крестьянство, естественно, стали стекаться в Белую Церковь, чтобы свергнуть гетмана и оккупантов, тем более, что Петлюра распускал слухи через своих агентов, что и он—тоже сторонник «радянской влады» (советской власти). Именно этим и объясняется то обстоятельство, что 50-тысячная крестьянская армия «головного атамана» Петлюры вступила в Киев под «большевистскими» красными знаменами, а на этих знаменах так удивляли обывательскую публику чисто большевистские надписи: «За владу Рад», «За радянску владу» и т. п. Петлюра и прочие «вожди» повстанцев, очевидно, сознавали, что для такой армии желтоблакитное знамя, объединявшее Директорию с гетманом, было бы лишь знаменем контрреволюции и паницины. Все это опять-таки прекрасно известно Винниченко, но обо всем этом он столь же благоразумно умалчивает, так как, расписываясь в столь горячих своих симпатиях к системе советской власти, он ни на минуту не упускает из виду своей главной цели: представить большевизм и советскую власть на Украине (в ее исторической реальности, а не в винниченковской фантазии) как дело русских коммунистов, вдобавок, не освободившихся от великодержавных и националистических замашек.

Присмотримся несколько поближе к аргументации Винниченко:

«Название «петлюровец»,—пишет он,—во время борьбы с большевиками (т. е. во время советской революции на Украине в январе—феврале 1918 г.—*О. А.*) носило специфический, контрреволюционный характер, а имя Петлюры слыло в среде революционных элементов, особенно же пролетариата, как имя заведомого контрреволюционера. И это вынуждало наиболее сознательные и революционные элементы относиться к нашему движению с большой сдержанностью и осторожностью».

Итак, по признанию самого Винниченко, среди украинского населения, «особенно же пролетариата», слово «петлюровщина» уже «во время борьбы с большевиками» стало синонимом контрреволюции. Что же противопоставлялось этой контрреволюции в сознании украинских масс, как революция? Ответ ясен из приведенных слов Винниченко: подлинной революцией массы считали большевистское движение, украинскую советскую революцию. Вот почему украинская Центральная Рада—политические единомышленники Винниченко—не нашла ни одного стойкого полка, чтобы противопоставить его этой советской революции; вот почему она с такой позорной поспешностью укрылась от штыков своего собственного народа под защиту германских штыков.

Правда, тогда была петлюровщина, а теперь ведь началось «наше движение», движение винниченковской Директории. Однако

не напрасно сам Винниченко описывает начало этого движения как «начало петлюровщины». А на дальнейших страницах Винниченко весьма убедительно доказывает, что движение, начавшееся как петлюровщина, продолжалось и развивалось,—конечно, вопреки его, Винниченка, желаниям и стараниям,—тоже как петлюровщина, как атаманщина, как подлинная контрреволюция; как петлюровщина и контрреволюция оно и закончилось и с тем же именем отошло в историю.

Совершенно естественно, что эту повторную петлюровщину,—петлюровщину Директории, постигла совершенно та же судьба, что и ее первое издание—петлюровщину Центральной рады: революционные массы Украины, вовлеченные Петлюрой и петлюровскими Винниченками посредством обмана, красными знаменами и «радянскими» лозунгами, в борьбу за петлюровское дело, повернули свои штыки против петлюровщины, как только распознали обман. Сам же Винниченко повествует нам, как и почему это произошло:

«Инициаторы предвидели,—говорит он,—что главной силой революционного движения будет сельский и городской пролетариат. И действительно, повстанческая армия пополнялась главным образом пролетарским элементом... В городах же и местечках активной инициативной силой были, разумеется, рабочие как украинские, так и иных национальностей. Само собой разумеется, что этот элемент не мог удовлетвориться теми неопределенными лозунгами, которые выставлялись Директорией, и «самочинно» начал их расширять, организуя повсюду революционные комитеты, носившие преимущественно характер советской власти».

Итак, основной силой движения были пролетарские элементы. Естественно, что эти элементы тотчас после победы стали «самочинно» строить советскую власть.

Надо обладать поистине всею беспринципностью мелкого буржуа, чтобы после всего этого изображать советскую власть и советское правительство на Украине как выдумку русских большевиков, а вторую украинскую пролетарскую революцию—как нападение «националистического» пятаковского правительства на революционную украинскую Директорию.

Самого себя Винниченко, разумеется, старается изобразить как подлинного революционера и даже «почти» большевика, правда, сторонника «национальных украинских рук» в деле строительства украинской «государственности». Он всячески старается огородиться от петлюровщины. Однако в этом деле он достигает отнюдь не большего успеха, чем какого в свое время достиг Керенский в своих стараниях отгородиться от корниловщины.

«Даже с точки зрения «исключительно национально-государственной позиции» всякому «более или менее дальнозоркому политику должно было быть ясно, что логическое развитие движения приведет к большевизму и что в интересах украинской государственности необходимо не упускать инициативы из своих рук, необходимо обеспечить себе заранее украинский характер той власти, которая неминуема должна притти».

Как мы видели, по словам самого Винниченко, советская власть устанавливалась немедленно и «самочинно» пролетарскими элементами украинского города и украинской деревни повсюду, где они побеждали. Теперь он заявляет, что самое развитие этого украинского революционного движения «неминуемо» должно было привести к большевизму. Спрашивается, для чего же Винниченко так старался «обеспечить себе (?!) заранее» тот «украинский характер» власти, которым она и без того обладала на все 100 процентов, поскольку она «самочинно» создавалась украинскими пролетарскими элементами?

Смысл этих своих стараний раскрывает нам сам Винниченко подробным изложением той политической программы, которую он придумал и предложил Директории в противовес петлюровщине. Как оказывается, Винниченко стал не больше и не меньше как сторонником «системы советской власти»:

«Предвидя, что сдержать это движение (т. е. движение в пользу установления советской власти.—*С. А.*) невозможно..., зная, что движение неминуемо захватит наши массы, что оно сотрет нас, если мы будем ставить ему препятствия, а с другой стороны не желая выпустить инициативы и руководства из национальных украинских рук, я еще в Фастове поставил перед Директорией вопрос о принятии системы советской власти на Украине... Этой социальной смелостью мы привлекли бы на сторону украинского национального возрождения таких активных и сильных сторонников, как пролетариат деревни и города. Становясь на почву советской власти, мы лишили бы русских большевиков возможности выступить против нас и стремиться к захвату власти... Сверх того, будучи введена по инициативе и по указаниям самой Директории, советская власть могла бы быть организована по такому принципу, чтобы ее национальный украинский характер сохранился в полной мере и чтобы от этого дело нашего национального возрождения и нашей государственности не пострадало».

Итак, советскую систему Винниченко противопоставляет украинскому национальному возрождению, как он его понимает. Для того чтобы уничтожить противоречие между ними, для того чтобы «привлечь на сторону» такого «возрождения» пролетариат деревни и города, наконец, для того чтобы движение в пользу советской власти не стерло «нас», Винниченко предлагал осуществить советскую систему «национальными украинскими руками», не подпуская, очевидно, к этому делу ни русских, ни—боже упаси—евреев, и сверх того осуществить «по указаниям Директории». Так думал Винниченко лишить «русских большевиков» возможности «стремиться к захвату власти».

Мы видим, что «советская система», осуществляемая «национальными украинскими руками» Винниченко, сразу утрачивает ту основную черту, благодаря которой великая Октябрьская революция зажигала таким энтузиазмом колонны своих борцов и стала знаменем международного пролетариата: противопоставляя «украинские руки» русским или еврейским, воздвигая в среде рабочего класса национальные перегородки, эта «советская система»

безнадежно утратила бы свой интернациональный характер, характер объединения пролетариев всех наций против буржуазии всех наций.

Но этого мало. Предлагая свою «советскую систему», Винниченко, как мы видели, хотел «обеспечить себе заранее украинский характер власти». Какими же путями хотел он этого добиться? Об этом нам опять-таки повествует сам Винниченко, хотя и в несколько «облагороженных» выражениях. Стараясь склонить Директорию на свою сторону, Винниченко указывал,

«...что если инициатива советской системы будет исходить от нас, то мы сможем установить такую систему выборов в эти советы, чтобы украинский национальный элемент был в них вполне обеспечен».

Но обеспечение «украинского национального элемента» с помощью «системы выборов»,—это означает на более откровенном языке установление национальных ограничений при выборах в советы, это означает предоставление «господствующей национальности» иных избирательных прав, чем национальностям не господствующим. «Советская система»,—как новая система национального угнетения... Петлюра мог бы с полным правом возразить этому «почти большевику»: «Ведь я добивался того же самого,—за что же ты бранишь меня контрреволюционером?»

А дальше—новое откровение о той же «советской системе»:

«Мы не обязаны,—убеждал Винниченко своих противников,—поступать так, как поступают русские большевики, которые одного работника-металлиста приравнивают к десяти или пятнадцати крестьянам. Мы можем дать более справедливое для нашей нации представительство сельским рабочим в этих органах власти».

«Сельские рабочие» появляются тут, очевидно, ради более «красного», «почти большевистского» словца. Суть дела, конечно, в крестьянах, столь несправедливо обиженных «русскими большевиками».

«Советская система» Винниченко является не только «более справедливой для нашей нации». Представляя собой уничтожение диктатуры пролетариата, эта система по своему социальному содержанию как две капли воды похожа на те «свободные советы» или «советы без большевиков» (Винниченко сказал бы: без русских большевиков), которые всего через 1½ года после Винниченко так восхвалял Милюков, как лозунг кронштадтцев.

От откровенной петлюровщины, организовавшей еврейские погромы, перекрашивавшей вывески и отдававшей власть в руки атаманщины, «советская система» Винниченко отличалась бы ровно настолько же, насколько отличалась керенщина от корниловщины: она представляла бы собой лишь более искусный способ обмана масс. Массы, которые уже перестали бы верить петлюровскому красному флагу,—эти массы еще можно было бы в течение одного исторического часа держать в обмане с помощью винниченковской «советской системы». Однако Винниченко, как и всякий изобретатель, несколько увлекается, полагая, что будь осуществлена его

система обмана, а не петлюровская,—и массы не смогли бы стереть «нас», а так и оставались бы одураченными. Ведь сам Винниченко повествует, что ему удалось в конце концов надуть если не массы, то своих сотоварищей по Директории и провести «полусоветскую систему» в виде так называемых «трудовых советов» и трудового конгресса». Однако эта «полусоветская» система никого не обманула. И трудовые советы, и трудовой конгресс, по свидетельству самого Винниченко, остались «мертворожденными», а украинские революционные массы все же пошли за большевиками и выгнали вон из советской Украины как всех Петлюр, так и их более «левых», но столь же «национально-украинских» Винниченок.

Описывая этот последний процесс,—процесс вышвыривания Петлюр и Винниченок народными массами из «ридной» Украины, Винниченко все же хочет быть умнее Петлюры, желавшего втереть очки простым враньем и уверявшего, что его выгнали из Украины русские большевики-империалисты. Нет, Винниченко прямо заявляет:

«И не российское советское правительство выгоняло нас из Украины, а наш собственный народ, без которого и против которого российские советские войска не могли бы занять ни одного уезда нашей территории».

Винниченко не был бы самим собою, если бы из-под «почти большевистской» шкуры у него не высовывалось длинное петлюровское ухо. Признав, что «нас» выгонял из Украины «наш собственный народ», он не может не упомянуть, применительно к петлюровской подлости, о «российских советских войсках».

Еще пикантнее, однако, то, что говорит наш «полубольшевик» о восстании против Директории на Левобережье. Здесь мы у него читаем:

«Когда Директория выпускала свою декларацию, то на Харьковщине и Полтавщине уже организовывались повстанческие отделы селянской спилки под предводительством главным образом украинских левых эсеров... однако уже не против разбитой гетманщины, а против Директории, которая порола крестьян розгами, целовала панам руки и оставляла гетманщину на старых местах».

И вслед затем Винниченко высмеивает вранье атамана Болбачана, который, воюя с повстанцами, посылал Директории донесения, «что геройски борется с войсками русских коммунистов».

Но через несколько страниц, забыв свои насмешки над Болбачаном, сам Винниченко пишет:

«Тем временем восстание против Директории все больше и больше разгоралось на Левобережье. Оно происходило частью под руководством левых эсеров (украинских.—С. Л.), а главным образом российского советского правительства».

Повторяя побасенки враля Болбачана, Винниченко попадает вместе с ним в одну компанию с вралями из числа «российских» белогвардейцев, которые также с возмущением рассказывали, что их побили не русские красногвардейцы, а «латыши и китайцы». Международным Винниченкам, как и Болбачанам и Деникиным, никогда не понять интернационального характера пролетарской

революции; потому им предстоит и впредь много раз удивляться, когда их будут бить, наряду с «национальными», также и русские и китайские коммунисты.

Изложенные специфические черты авторства Винниченко отнюдь не отнимают, однако, весьма значительной ценности от приводимого им в статье фактического материала. Материал этот составляют, с одной стороны, данные о неудержимом и независимом от какой бы то ни было агитации «российских коммунистов» развитии большевизма в стране, о непреодолимой тяге рабочих и крестьянских масс к советской власти (конечно, не в «винниченковской» форме, а в том виде, как она была осуществлена под руководством Ленина в республике Советов), с другой стороны— в высшей степени яркие и поучительные данные о контрреволюционной деятельности Директории и петлюровщины. Обе эти части конкретного исторического материала, содержащегося в статье Винниченко, представляют незаменимую ценность как для читателя, так и для исследователя, так как мы получаем их из первоисточника.

Мы достаточно касались первой части фактического материала статьи в предыдущем изложении. Что касается второй его части, то данные Винниченко устанавливают прежде всего удивительное сходство петлюровщины с такими «российскими» формами контрреволюции, как, напр., колчаковщина или деникинщина. И там и здесь режим, устанавливаемый контрреволюцией, характеризуется прежде всего самовластием военщины, диким произволом здесь—«атаманщины», там—офицерщины над беззащитным населением, у которого остается только один выход: восстание против режима, реставрирующего худшие времена царского самодержавия.

«В провинции, не говоря уже о Левобережьи, вся власть и политика была... в руках либо военных комендантов, либо самодержавных комиссаров, либо, еще хуже, атаманов, руководивших военными операциями. Вследствие этого декреты Директории, ее благие намерения и декларации оставались лишь хорошими словами, а в действительности совершались атаманские дела со скверными последствиями».

Даже в самый разгар «полубольшевистской» весны Директории Болбачан, свергший под знаменем Директории гетманщину на Левобережьи, ведет себя не лучше гетманского сатрапа, расстреливает рабочих в Харькове, сечет розгами членов крестьянского съезда в Полтаве.

Большим героям атаманщины подражали ее бесконтрольные и самодержавные малые герои, получавшие в полное свое распоряжение города и села из рук «головного атамана» и... самой Директории..

«В результате над населением часто совершались насилия, несправедливости, брались взятки, покрывались спекулянты-гетманцы, защищались интересы помещиков и разных социальных преступников».

Если на селе режим петлюровщины (под это понятие всецело подпадает и режим Директории, несмотря на пышные «декларации»

последней, ибо сам Винниченко не может установить никакой разницы в социально-политическом содержании того и другого) означал защиту интересов помещиков, то в городе это был режим злейшего подавления рабочего класса. Притом,—не только в Харькове или Полтаве, где царил Болбачан. В самом Киеве непосредственно вслед за тем, как Директория устраивала себе пышные парады с молебнами, ее агенты на протяжении 2-х недель четыре раза разгромили Центральное бюро профсоюзов. С целью борьбы с большевиками было

«организовано шпионство и сформирован особый полк под командой «социал-демократа» Ковенко, задачей которого была организация карательных экспедиций в те места, где образовались советы рабочих и крестьянских депутатов».

Замазывание вывесок и перевод их на украинский язык под страхом всевозможных кар было самой невинной формой «национального освобождения», принесенного петлюровщиной Украине. Истинная сущность его сказалась в огромном усилении еврейских погромов даже по сравнению с эпохой гетмана уже в «весенний» период Директории. В дальнейшем атаманщина нашла свое призвание в диких разгромах целых еврейских местечек, сопровождаемых вырезыванием сотен и тысяч жертв.

Свою преданность «демократизму» Директория проявила, помимо разгрома свободно избранных советов рабочих и крестьянских депутатов, еще и тем, что

«сразу была введена беспощадная цензура для прессы, запрещены съезды и собрания,—словом, населению не было позволено даже свободнее вздохнуть и почувствовать хотя бы какую-нибудь разницу между гетманщиной и Директорией».

Изложенным в достаточной мере характеризуется внутренняя политика Директории. Ее внешняя политика характеризуется пресмыкательством перед Антантой, цинизмом, с которым эта «национальная украинская власть» предавала и продавала дешевле, чем за 30 серебреников, свою «ридну» Украину Антанте и ее мелким агентам. Винниченко расточает задним числом немало укоризн по адресу своих соратников, позабывших в выражении своих холопских чувств всякую меру. Однако сам он вынужден сознаться, что Директория первая и по собственному почину пошла на поклон к Антанте,—еще в тот момент, когда находилась под его председательством и была «полубольшевистской».

Еще организуя восстание, мы вступили в неофициальные сношения с представителями Антанты в Румынии, и последние горячо нас поддерживали и даже обещали помощь против гетманщины и немцев».

Правда, когда под влиянием русских белогвардейцев так называемый французский консул Энно стал требовать из Одессы от Директории прекращения восстания против гетмана, Директория разразилась было «нотой» протеста. Однако достаточно было первых ударов по ней рабоче-крестьянской революции на Украине, чтобы заставить Директорию снова с покорной головой отправиться в прихожую к Антанте вымаливать прощения и помощи против

большевиков. Тот договор, который с таким возмущением приводит в своей статье Винниченко и который был заключен между представителями Антанты и Директории в Одессе,—договор, по которому Директория обязывалась передать все свои вооруженные силы в распоряжение Антанты, вступить в союз с Деникиным, передать власть буржуазному «коалиционному правительству» и уничтожить на своей территории советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов,—вовсе не является границей предательства интересов Украины со стороны «украинской национальной власти». В этом отношении его значительно превосходит документ, приведенный в статье Деникина, и, повидимому, оставшийся неизвестным Винниченко, как сфабрикованный уже после ухода последнего из Директории: мы говорим о ноте Директории, представленной французскому командованию в Одессе в середине февраля 1919 г. и превращавшей Украину во всех отношениях в колонию Франции:

«Директория, признавая сделанные ею ошибки, просит французское командование о помощи в борьбе против большевиков. Директория отдает себя под покровительство Франции и просит представителей Франции взять на себя руководство управлением Украины в областях военной, дипломатической, политической, финансовой, экономической и судебной в течение всего времени, пока будет продолжаться борьба с большевиками, и наконец Директория надеется, что Франция и другие державы Согласия проявят великодушие, когда после окончания борьбы с большевиками возникнут вопросы о территориях и нациях».

По мере того, как восставшие рабоче-крестьянские массы выгоняли Директорию и верную ей кучку атаманов и чиновничества из одной «столицы» в другую,—из Киева в Винницу, из Винницы в Ровно, из Ровно в Каменец-Подольск и т. д.,—все более разлагалось это сборище авантюристов, превращаясь в простую шайку бандитов. Только разруха гражданской войны и большой сундук с отпечатанными в Германии по заказу гетмана «гривнами» позволяли этой шайке время от времени одурачивать ту или иную воинскую часть, с помощью которой она продолжала самодурствовать над населением захваченного ею уезда, пока и эта воинская часть не распознавала истинное лицо «батьки-Петлюры» и не покидала его. Страницы статьи Винниченко, посвященные периоду разложения и агонии петлюровщины, ее кочеванию в вагонах, вымаливанию помощи у Деникина, у галичан, наконец, подвиги петлюровской дипломатии за границей, напоминают авантюристический роман, с тою только существенной разницей, что каждый шаг этой «национально-украинской власти» стоил новой крови и нового разорения украинским трудовым массам. Продажа Галиции, а затем и Украины панской Польше были последними политическими актами Петлюры, которым, однако, рабоче-крестьянская революция на Украине позволила осуществиться лишь в некоторой части—в отношении западной Украины.

Переходя к остальному материалу сборника, отметим прежде

всего, что большая часть его принадлежит перу русских белогвардейцев, напр.: Деникина, Гурко, Сумского и пр. Последние не жалеют красок, когда рисуют отрицательные стороны украинской контрреволюции, но противопоставляют они ей не что иное, как русскую великодержавную контрреволюцию. Надо сказать, однако, что тогда как украинская контрреволюция стояла на позиции буржуазной демократии, — русская контрреволюция на Украине (деникинщина, а частью и гетманщина) была прямым восстановлением старого режима и, поскольку речь идет о деникинщине,—старого национального гнета. В особенности пропитаны духом великодержавной русской контрреволюции статьи Деникина, Гурко, а также и Сумского.

Мы прежде всего остановимся вкратце на материале, посвященном периоду Февральской революции на Украине. Этому периоду посвящено начало двух первых статей Гольденвейзера и Дорошенко, из которых первая охватывает, сверх того, весь вообще период гражданской войны на Украине до польской оккупации включительно, а во второй рассказ доведен примерно до периода гетманщины. В обеих статьях мы здесь отметим для данного периода лишь полное отсутствие каких бы то ни было сообщений о деятельности партии большевиков. Отчасти это надо приписать тому, что оба буржуазных автора стояли слишком далеко от этой партии и от движений в среде пролетариата вообще; отчасти же—тому, что в описываемом авторами Киеве большевистский комитет, правый по своему составу, еще не сумел в этот период развернуть достаточно широкой массовой работы, не сумел найти правильной линии среди многосложных межнациональных отношений на Украине, не сумел противопоставить себя на этой почве мелкобуржуазной Центральной раде и превратиться в видную общественную силу. Таким образом освещения большевистской работы на Украине в этот период читатель должен искать в других книгах [1]. Так как деятельность большевистской партии осталась для обоих авторов совершенно темной областью, то для них обоих остался также скрытым внутренний механизм и смысл событий, разыгравшихся в Киеве в Октябрьские дни и в достаточной мере искаженных ими, особенно Гольденвейзером. В частности совершенно неверно утверждение последнего, будто вооруженные силы Центральной рады приняли в эти дни участие в борьбе киевского пролетариата с силами Временного правительства.

Совершенно неверно и то, будто Рада и в дни Октябрьского восстания в Киеве находилась в блоке с большевиками. Этот блок существовал, правда, раньше, хотя лишь в течение немногих дней, и был оформлен вхождением большевиков в организованный Радой в Киеве «Краевой комитет спасения революции». Объяснялся этот блок тем, что киевский большевистский комитет перед Окти-

[1] Напр., Е. Бош. Год борьбы, Майоров. Два года революционной борьбы на Украине, многочисленные статьи в «Летописи революции».

брем стоял примерно на тех же позициях, что и Каменев и Зиновьев в Петрограде.

Однако по получении первых же известий об Октябрьской революции в Петрограде Рада осудила «большевистский мятеж» в Петрограде и призвала украинские части к невмешательству в случае возникновения аналогичных событий в Киеве. Только после этого большевики вышли из «Комитета спасения» Рады и выпустили листовку об «измене» Рады. Под энергичным напором рабочих масс, требовавших вооружения и борьбы с контрреволюцией, комитет большевиков вышел, наконец, из состояния пассивности. 26 октября пленум Совета избрал большевистский ревком из 6 человек, который, однако, не торопился начинать борьбу и 28-го был арестован, вместе с почти всеми членами большевистского комитета, юнкерами, разгромившими здание Совета. После этого Печерским рабочим районом был выделен новый ревком, руководивший дальнейшим движением. Тотчас началась всеобщая забастовка и вооруженная борьба. Восставшие рабочие были поддержаны некоторыми воинскими частями (каковы: 3-й авиапарк, понтонный батальон и др.). На стороне штаба округа оказались почти исключительно юнкера и казаки. Рада сохраняла нейтралитет. После трехдневной борьбы и после того как между воюющими сторонами было заключено при посредстве Рады соглашение об обмене пленных и прекращении борьбы, штаб вместе с юнкерами в ночь на 1 ноября выехал из Киева. После этого Рада расставила свои караулы по городу и объявила себя властью, а освобожденные юнкерами руководители большевистского комитета, продолжая свою старую политику, примирились с создавшимся положением. Потребовались месяцы дальнейшей борьбы, чтобы власть советов восторжествовала на Украине. Читатель может судить после этого, сколько правды и сколько обывательской выдумки в сообщении Гольденвейзера, будто в Октябрьские дни в конце борьбы Рада вовремя поспешила на помощь победителю, причем будто бы

«все имевшиеся в Киеве украинские части были брошены на сторону противников Временного правительства».

Такой же выдумкой является и сообщение Дорошенко, будто

«...украинцы поддерживали большевиков, признававших над собой власть украинского начальника военного округа полк. В. Павленко».

(Нечего и говорить, что подобного признания даже со стороны правых большевиков никогда не было.)

В описаниях последовавшего затем трехмесячного периода властвования Центральной рады в Киеве интересно сообщение Дорошенко о заключенном им 7 ноября от имени Рады соглашении с Духониным; по этому соглашению из соединенных армий Юго-западного и Румынского фронтов был образован особый Украинский фронт под командой едва ли не самого черносотенного из тогдашних русских фронтовых генералов, заядлого монархиста Щербачева, охотно согласившегося пойти на службу к украинским «социали-

стам» и шовинистам, чтобы избавиться от неприятной перспективы отношений с советской властью.

Любопытно и сообщение того же автора об отношениях между «Украинской народной республикой» периода Центральной рады и англо-французскими дипломатами. Уже в начале ноября, т. е. в то время, когда Бьюкенен и Нуланс (английский и французский послы) в Петрограде подготовляли комплоты против советской власти сообща с русскими эсерами и кадетами и заверяли их в своей преданности идее «единой и неделимой» России, в Киеве.

«Ген. Табуи—начальник французской военной миссии при ставке Юго-западного фронта—и майор английской службы Фицвильямс явились к генеральному секретарю по международным делам... А. Я. Шульгину с заявлением, что союзники вообще, а в особенности Франция, с полной симпатией относятся к культурному и политическому возрождению Украины».

А еще через месяц, с 5 декабря Франция стала уже считать себя

«...вошедшей в официальные сношения с Украиной».

Однако до вине ненавистных большевиков, выгнавших Раду из ее столицы, в конце января 1918 г., этот «роман» Антанты с украинцами неожиданно прервался. А вслед за тем только что обласканная французами «социалистическая» Рада предпочла обратиться за более верной помощью к императорской Германии, чтобы уберечь свою шкуру от восставших рабочих и крестьянских масс.

За несколько месяцев своего владычества Рада не сумела и не захотела выполнить свои проровещательные обещания. В частности не сумела она осуществить и аграрную революцию против помещиков так, как это было сделано большевиками в России. Поэтому падение власти Рады произошло с необыкновенной легкостью:

«В решительную минуту, когда большевики нажали извне и изнутри, оказалось, что за Центральной радой никто в сущности уже не стоит».

О самом изгнании Рады из Киева довольно внятно рассказано в статье Дорошенко. Любопытный рассказ о том же мы находим и в статье Сумского. Что касается Гольденвейзера, то последний спутал рабочее восстание с наступлением Муравьева. Рабочее восстание, штабом которого был славный киевский Арсенал, было после нескольких дней кровавой борьбы разбито Радой, уже когда советские войска Муравьева стояли под Киевом. Таким образом победа не спасла Рады, которой пришлось тотчас вымаливать помощь у немцев ценою сдачи им Украины в колониальное владение.

1 марта конвоируемое немцами правительство Центральной рады, за три недели до того изгнанное из Киева рабочим восстанием и артиллерией Муравьева, снова возвратилось в свою столицу. Об этом втором периоде власти Центр. рады все наблюда-

тели, статьи которых приведены в сборнике—Гольденвейзер, Сумский, Могилянский—сходятся в одном: что власть эта была чисто номинальная, призрачная; подлинными хозяевами были немцы.

«Рада была номинально верховным органом украинской государственности. Но с момента прихода германских войск (а последние вступили в Киев, как известно, через несколько часов после того, как туда вошли украинцы, которых немцы впустили первыми только ради «приличия». *С. А.*) она фактически не обладала никакой силой и властью» (Гольденвейзер).

Немецкое командование без всякого согласия Центральной рады и ее правительства и даже не доводя предварительно до их сведения, издавало приказы об «урегулировании» аграрного вопроса, о воспрещении захватов помещичьих земель крестьянами, вводило цензуру для газет, вводило даже немецкие военно-полевые суды. Кучка жалких политиков, прикрывавшая своей игрой в «правительство» и в «парламент» эти подвиги оккупантов и уже не вызывавшая к себе ни в одной группе населения ничего, кроме презрения, была с величайшим позором сброшена своими повелителями, как только вздумала фрондировать. На ее место тотчас был посажен теми же хозяевами страны «гетман» Скоропадский, уже заранее договорившийся с Германией, но приличия ради провозглашенный на съезде «хлеборобов».

На одной черте бесславного периода Центральной рады мы должны остановиться несколько подробнее именно на начавшихся в этот период еврейских погромах. Винниченко в своей статье достаточно убедительно обличает Петлюру в организации еврейских погромов. Надо сказать, что большая часть имеющихся материалов о еврейских погромах на Украине во время гражданской войны относится как раз к описываемому Винниченком периоду Директории. Помещаемая в настоящем сборнике статья Черикover а ценна как раз тем, что дает обширный материал о погромах и положении евреев более раннего периода—периода Центральной рады и гетмана.

Правительство Центральной рады и правительство Директории отличаются друг от друга только по названию, да еще по тому, что первое действовало с Октябрьских дней до конца апреля 1918 г., а второе—начиная с ноября 1918 г. Классовый и партийный, а частью персональный состав того или другого совершенно одинаковы. Совершенно естественно поэтому, что погромы, явившиеся таким бедствием на Правобережьи в период властвования Директории, начались еще при Центральной раде и носили совершенно тот же характер, что и потом: это были погромы, производившиеся при прямом попустительстве—можно было бы сказать: подстрекательстве—«национального» Украинского правительства, «кокетничавшего» своим антисемитизмом. Активной силой, устраивавшей погромы, была регулярная армия (поскольку можно о таковой говорить в отношении этого периода) и темные слои крестьянства, поддававшиеся кулацкой агитации. Отношение к погромам Петлюры (и тогда входившего в состав правительства) и петлюровцев со-

вершенно таково же, как и в период Директории. Вот, например, сообщение о погроме в Бородянке, где, правда, было убито гайдамаками всего двое евреев, но под угрозой погрома находилось все еврейское население местечка,

«пока община не догадалась откупиться деньгами от гайдамаков. Все эти дни на вокзале ст. Бородянки находился Петлюра и его помощник Загородский. Население Бородянки послало к нему депутацию... Но Петлюра, собиравшийся уезжать, отослал депутацию к своему помощнику. А последний ответил, что гайдамаки «раздражены», и он ничего не может поделать».

После захвата петлюровцами, при поддержке немцев Киева гайдамаки стали производить кровавую расправу с евреями в своем штабе—в Михайловском монастыре. А всего в Киеве только за одну первую неделю пребывания петлюровцев—с 1 по 8 марта 1918 г.—было зарегистрировано 172 случая насилий над евреями, в числе которых были и убийства, и истязания, и изнасилования, и «пропавшие без вести», арестованные и т. д.

Вместо того чтобы обуздать своих гайдамаков, правительство Центральной рады ограничивалось «заверениями». Так, председатель совета министров Голубович, приняв еврейскую депутацию, представившую официально установленные данные о массовых насилиях и расстрелах евреев,

«заверил делегацию, что курс правительственной политики вообще, а в национальном вопросе в частности, остается прежний, и просил передать еврейскому населению, что нет оснований для тревоги и опасений».

Когда расстрелы и насилия над евреями совершаются в «столице» десятками ежедневно, то, по мнению этого любопытного министра, у евреев «нет оснований для тревоги и опасений».

Если министры успокаивали, то представители власти рангом чуть-чуть пониже занимались прямым подстрекательством к погромам или организацией их. К погромам призывал официальный орган одной из правительственных партий «Новая рада» устами самого товарища председателя Рады «известного» Никовского. По словам этого «общественного деятеля», когда украинцы отступали из Киева, то

«Киев стрелял им в спину до последнего строения под Святошином (дачный поселок под Киевом.—*С. А.*). Присматриваясь к единичным и групповым врагам своим, украинцы отлично разглядели, что это была исключительно еврейская молодежь—студенты, гимназисты, рабочие».

Разумеется, для гайдамаков такие статьи были равносильны прямому призыву: «бей жидов». И хотя подобное вранье печаталось в газете «социалистов-федератистов», но оно ровно ничем не отличалось по содержанию от погромных деникинских листков.

Жалкую и презренную роль играло при таких условиях существовавшее в период Центральной рады так называемое «еврейское министерство», которое своим участием в правительстве Петлюр

и Никовских лишь прикрывало погромщиков и санкционировало погромы.

Следует отметить особенность статьи, богатой материалами Чериковера. Считая совершенно справедливо одной из главных сил, производивших еврейские погромы в период Центральной рады и гетмана, украинские войсковые части, Чериковер в качестве второй такой силы изображает украинское крестьянство, особенно в периоды повстанчества, не проводя никакого отличия между разными его слоями.

«Параллельно с эксцессами украинской армии,—пишет он,—происходит ряд других погромов, где главными участниками являются крестьяне. Это—вторая и более серьезная, активная сила в погромном движении... Систематический поход деревни (курсив наш.—*О. Л.*) против евреев относится к 1919 г., когда повстанческое движение принимает необычайно широкие и опасные (?—*О. Л.*) размеры».

В том же смысле автор высказывается и во многих других местах.

Что кулацкие слои украинского крестьянства, для которых евреи-лавочники, еврей-скупщики хлеба или еврей ярмарочные торговцы были непосредственными конкурентами,—что эти слои были в широкой мере заражены антисемитизмом и при благоприятных обстоятельствах были непрочь пограбить и погромить еврейское население,—в этом сомневаться не приходится. Больше того, можно сказать, что именно эти слои и были главными социальными источниками антисемитизма на Украине. Потому-то петлюровщина, классовыми корнями которой были как раз эти кулацкие слои украинского крестьянства, оказалась так крепко, так органически сросшейся с погромным движением. Временами, от случая к случаю, эти слои могли увлекать за собой и делать участниками погромов темные элементы среднего или бедняцкого крестьянства. Однако все это не дает никаких оснований историку изображать еврейские погромы в период гражданской войны, как дело украинского крестьянства сплошь, или утверждать, как это делает Чериковер, будто существовала

«неразрывная, почти органическая связь между повстанчеством на Украине и еврейскими погромами».

Такое утверждение является грязной контрреволюционной клеветой.

Что на самом деле положение вещей было иное, что можно было бы говорить об органической связи с погромами лишь петлюровского повстанчества или гетманско-петлюровских войсковых частей,—об этом в достаточной степени свидетельствуют материалы, приводимые самим Чериковером. Так, описывая погромы с мест. Виноград, Звенигородского уезда, связанные будто бы с партизанским движением крестьян, приводимый Чериковером источник сообщает:

«Каждый раз приезжают банды в 30—50 человек верховых, при полной боевой амуниции (курсив наш.—*О. Л.*), собирают всех евреев в синагогу, окружают здание и под угрозой рас-

стрела требуют в кратковременный срок контрибуции, а пока им уплачивают, они ходят по домам и грабят».

Разумеется, верховые в полной боевой амуниции гораздо более напоминают пресловутых гайдамаков или «казаков» Сердюцкой дивизии, чем крестьян повстанцев, вооружившихся чем попало.

Что же касается повстанческого движения бедняцкого и середняцкого крестьянства в подлинном смысле, то движение это, широко разлившееся по Украине в 1918/19 г., проходило под лозунгами советской власти и было направлено против всякой контрреволюции как гетманской, так и петлюровской и деникинской. Это повстанческое движение не только было совершенно свободно от «органической связи с еврейскими погромами», но, напротив, именно оно, уничтожив украинскую контрреволюцию, окончательно и безвозвратно ликвидировало и это позорнейшее наследие средневековья.

О гетманщине, сменившей по воле германского командования правительство Центральной рады, мы находим в сборнике довольно обильный материал. Ему посвящены целиком или частью, кроме статьи Гольденвейзера, также статьи Могилянского, Деникина, Лукомского, Гурко, Мякотина и Чериковера (затрагивающие, однако, большей частью и смежные эпохи). Но наиболее яркий материал для характеристики классовой природы этого режима мы находим в статье Деникина, представляющей вообще большую ценность многочисленными приведенными в ней документами. Социальной опорой гетманщины, несомненно, была русская крупная буржуазия, дворянство, помещики — слои, которые и до революции были «панами» на Украине. К ним присоединились теперь родственные им элементы из коренной России — представители крупной буржуазии и бюрократии, которые в Февральские дни отдавали дань времени, подкрашиваясь под «демократов» и голосуя за кадет, а после Октября наводнили Украину, в особенности Киев, в качестве «беженцев» из «Совдепии». Здесь они частью занялись спекуляцией или прожиганием нажитых капиталов, частью захватили верхушку гетманского правительственного и административного аппарата, гримируясь на службе в «жовтоблакитные» цвета, а в домашнем кругу издеваясь над «мовой» и мечтая о том времени, когда Деникину, Краснову или иному герою удастся, наконец, посадить в Москве «настоящего» царя, который восстановит их в былом величии.

«На стороне ее (гетманской власти.—*С. Д.*),—пишет Деникин,—оставались... только союз хлеборобов-собственников в лице крупных землевладельцев, возглавлявших эту бутафорскую организацию, весь сектор крайних правых и «Протофис» (Союз промышленности, торговли и финансов),—словом, земельная и финансовая знать,—максималисты в области классовых целей и интернационалисты в способах их достижения».

Вот картинное описание этой среды в цитируемом Деникиным письме кн. Гр. Трубецкого:

«Аристократический квартал Липки (в Киеве.—*С. Д.*) был жутким приведением минувшего. Там собрались Петербург и Москва; почти

все друг друга знали. На каждом шагу встречались знакомые типичные лица бюрократов, банкиров, помещиков с их семьями. Чувствовалось, в буквальном смысле, что на их улице праздник. Отсюда доносились рассказы о какой-то вакханалии в области спекуляции и наживы. Все, кто имел вход в правительственные учреждения, промышляли всевозможными разрешениями на вывоз, на продажу и на перепродажу всякого рода товаров. Помещики торопились возместить себя за то, что потерпели, и взыскивали, когда могли, с крестьян втрое за награбленное. Правые и аристократы заискивали перед немцами».

Так было в Киеве. А об Одессе того времени мы читаем у Деникина:

«По концентрации спекулянтских элементов и плутократии, по темпераменту и размаху Одесса превзошла тыловые центры всех фронтов».

Нет ничего удивительного, что политическую санкцию гетманщине дали—вплоть до участия в гетманском правительстве—кадеты, правда, киевские (т. е. как местные, так и очутившиеся в Киеве в перипетиях гражданской войны); московский кадетский центр, надеявшийся на помощь Антанты, осуждал своих киевских сочленов за участие в германофильском правительстве.

В описаниях периода гетманщины у Деникина необходимо остановиться на попытках автора доказать, будто в этот период большевики на Украине находились под особым покровительством германских оккупационных властей (см., например, стр. 145 и др.). Утверждения Деникина в этом пункте представляют чистейший и злостный вымысел. Известно, что уничтожил советскую власть на Украине не кто иной, как германо-австрийская армия. Известно, что немецкие оккупационные власти вели упорную борьбу как с революционным рабочим движением, так и с крестьянским повстанчеством, шедшим в значительной мере под большевистским знаменем. Известно, наконец, что немецкие оккупанты держали сотни большевиков в тюрьмах и так же не стеснялись их расстреливать, как и сам Деникин на своем «Юге России». В выдуманном Деникиным покровительстве немцев большевикам сквозит слишком явное желание изобразить большевиков, по старой генеральской традиции, как купленных агентов Германии.

Как социальная система, период гетманщины характеризуется прежде всего тем, что возвративший себе власть помещик принялся за отобрание у крестьянства захваченных последним помещичьих имений и имущества. Военное командование императорской Германии оказывало этому стремлению своих классовых друзей всемерную поддержку. Немецкие войска вообще вели себя на Украине как в завоеванной стране. В виде иллюстрации приведем несколько строк из статьи Могилянского, настроенного наиболее «благожелательно» в отношении гетманщины из всех авторов нашего сборника.

«В других местах,—пишет Могилянский,—шел прямой, бесстыдный и циничный грабеж (крестьянства германцами.—*С. А.*). Были случаи во многих местах, когда помещики пользовались немецкой силой для восстановления своих прав и в особенности для возврата своего ограблен-

ного имущества (движимости). Это приводило иногда к таким конфликтам, что немцам приходилось пускать в ход артиллерию».

Классовому характеру режима вполне соответствовал и характер административного аппарата. Под названием «державной варты» была восстановлена старая полиция. Административные посты замещались главным образом старорежимными губернаторами, полицеймейстерами и приставами. Как осторожно выражается Могилянский:

«С фатальной неизбежностью приходилось возвращать к власти и вербовать для кадров новой власти людей опыта старого времени, которые были к тому же настроены очень озлобленно всеми предыдущими событиями».

Гетман подобно другим организаторам российской контрреволюции, вступившим в борьбу с пролетарской диктатурой, строил свои вооруженные силы по принципу *классовой* армии. Однако гетману задача эта вовсе не удалась, и его вооруженные силы являли собой весьма жалкую картину. Состояли они исключительно либо из подобранных сыновей буржуазии, либо из купленных деклассированных элементов.

«Вооруженные силы гетмана,—пишет Деникин,—состояли: 1) из дивизии ген. Натиева, сформированной из добровольцев... находившейся в подчинении у немецкого командования, совершенно разложившейся и впоследствии разоруженной немцами; 2) сердюцкой дивизии (гвардейской), составленной по набору исключительно из сыновей средних и крупных крестьян-собственников и вскоре разбежавшейся; 3) из охранных и пограничных сотен; 4) наконец в августе из Владимира-Волынска прибыла сформированная там австрийцами из военнопленных украинцев 1-я Украинская пехотная дивизия, которая вслед за тем, ввиду непригодности, была расформирована».

Как указывает Могилянский, для формирования армии было более или менее достаточно офицеров, которых самые различные побуждения заставляли итти на службу к Гетману. Однако,—добавляет с некоторой наивностью автор,—

«недоставало одного, но зато весьма существенного (!),—солдат. И главная беда была в этом: неоткуда было взять надежных солдат».

Само собою разумеется, что политика гетмана во всех тех случаях, когда в ней были заинтересованы настоящие хозяева страны—германское командование—определялась желаниями и приказами последнего. Любопытно указание Деникина на молниеносную отставку пресловутого «бессменного» гетманского министра внутренних дел Кистяковского по требованию германцев.

Осенью Киев стал в буквальном смысле осиным гнездом русских белогвардейских организаций, старавшихся делать «большую политику» контрреволюции. Здесь обосновались: «Монархический блок», союз «Наша родина», шульгинская организация «Азбука», «Совещание членов законодательных палат», «Совет государственного объединения России», отделение «Национального центра», «Земско-городское объединение», отделение Союза возрождения Рос-

сии» и множество других организаций всех оттенков от черного до розового. Все эти организации устраивали заседания, принимали резолюции, оказывали давление на гетмана, переписывались с Деникиным и друг с другом, на все лады обсуждали вопрос об «организации власти», организовывали армии, даже устраивали заговоры против приютившего их гетмана. Но, сколь ни «энергична» и разносторонне была эта деятельность, она напоминала лишь работу белки в колесе; ее результаты не выходили за пределы довольно узкого круга «общественных деятелей». Основной причиной этого было, конечно, то, что массы, снова ввергнутые гетманщиной в условия старого режима, были непримиримо враждебны ко всем этим буржуазным организаторам и реформаторам. Но в той безнадежности, в той обреченности, печать которой лежала на всех попытках множества контрреволюционных организаций создать реальную вооруженную силу для борьбы с «большевиками» в образе «собственного» украинского крестьянства,—и это при наличии многочисленного офицерства, слонявшегося без дела в Киеве, Одессе и др. украинских городах,—в той легкости, с какой все это бесподобное сборище важных господ и финансовых тузов выдало головой «своего» гетмана поднявшим восстание петлюровцам,—явно сказалось действие еще одной немаловажной причины: глубокого разложения самой буржуазии в результате неверия в свое собственное дело. Финансовые «деятели» предпочитали лучше спекулировать, наживаться на валюте, срывать куши, разворовывать сообща с купленными чиновниками государственную казну и устраивать пиры во время чумы, чем участвовать собственным карманом в организации армии, а офицерству лучше нравилось служить в ресторанах и получать чаевые, грабить окраинного обывателя, или, наконец, записываться в добровольцы, чтобы затем получить деньги и исчезнуть, чем браться за винтовку и рисковать головой.

Таким образом, несмотря на большой шум и огромные расходы,

«численность офицерских дружин была незначительна, вряд ли превосходила 3—4 тысячи; организация далеко не совершенна: разбухшие штаты, неизбежные контрразведки и «отряды особого назначения» доминировали над «штыками». Расплодились также многочисленные «вербовочные бюро» с громадными штатами, обширными реквизированными помещениями и автомобилями. Каждое из них формировало не меньше чем «армию» и имело в наличии 100—150 бойцов».

Поэтому падение гетмана после того, как его отказались поддерживать германцы, не стоило большого труда. Не помогло и обращение гетмана к Николаю Николаевичу, которому гетман предлагал не больше, не меньше как:

«принять верховное командование всеми войсками бывшей России и управление»,

да так и не дождался ответа. Вообще, как сообщает Деникин,

«последний месяц его (гетмана.—*С. А.*) правления прошел под исключительным и полным влиянием блока крайних правых, разделяемым до

известной степени с переменившим ориентацию министром внутренних дел Игорем Кистяковским».

Статья Чериковера, на которой мы уже останавливались выше, дополняет характеристику гетманщины с весьма существенной стороны материалами о положении евреев в этот период.

По сравнению с периодом Центральной рады период немецкого полновластия и гетманщины был для евреев сравнительно «спокойным», но только сравнительно. Стало значительно меньше убийств и прямых актов насилия. Сказались как никак культурные традиции немцев и любовь к порядку. Однако и теперь еврей остались бесправной нацией (а юридически это бесправие еще обострилось), и недостатка в самых диких издевательствах как со стороны гетманских агентов, так даже и со стороны «культурных» немцев отнюдь не было. Одним из самых невероятных актов издевательства было, например, наложение на еврейское население контрибуции для возмещения убытков помещикам, пострадавшим от... аграрных беспорядков,

«хотя еврейское население, разумеется, никакого участия в крестьянских волнениях не принимало. При этом евреи облагаются во много раз выше нееврейского населения. Так было, напр., в Обухове Киевской губ., где на местечко была наложена контрибуция в размере свыше 2 млн. рублей в возмещение за нанесенные помещикам убытки.

Гетманская администрация нередко ведет себя столь же «свободно» и без стеснения, как и петлюровская. Весьма красочна, например, выходка житомирского губернского старосты (т. е. губернатора) Андро,—впрочем, уже в период заката немецкой оккупации:

«В Бердичеве сволочная еврейская молодежь,—сказал он вызванным им к себе представителям еврейской общины,—расстреливает офицеров-добровольцев, борющихся с большевиками... Передайте населению, что я больше этого не потерплю; за малейшее большевистское выступление евреев я залью Житомир еврейской кровью».

Но и у немецких военных властей линия в отношении еврейского населения была в сущности та же, хотя, несомненно, более «культурная». В Киеве на вокзале они вывесили, например, рядом два объявления для своих солдат на немецком языке: «Остерегайтесь воров» и «Остерегайтесь еврейских менял».

А на местах появляются такие объявления германских властей:

«До сведения комендатуры дошло, что большая часть еврейского населения, в особенности большинство еврейских торговцев, на рынке и в своих поездках по деревням самым позорнейшим образом агитируют против украинского правительства и немецкой власти».

или:

«Я запрещаю местным жителям иудейского вероисповедания вступать в какие-либо отношения с моими солдатами, разговаривать с ними, гулять и т. п. Нарушение приказа карается в первый раз поркой, во второй—расстрелом».

Порка и даже расстрел специально для евреев за прогулку

или разговор с германскими солдатами... Военно-немецкая культура достаточно быстро эволюционировала в сторону приспособления к «национально-бытовым» условиям гетманской Украины.

Достаточно характерный материал о позиции германских военных властей по отношению к евреям найдет читатель и в других статьях сборника. Таков для примера хотя бы сообщаемый Гольденвейзером случай:

«высылки в концентрационный лагерь всего состава еврейской общины г. Геническа по доносу уволенного учителя талмуд-горы и арест нескольких десятков наиболее почтенных обывателей мест. Каэатина, организованный с явно шантажными целями каким-то житомирским портным».

В числе контрреволюционных организаций, нашедших себе приют в гетманской Украине (а затем, при наступлении тревожных для гетмана времен, переселившихся в Одессу), был, между прочим, «Союз возрождения России», которому принадлежит вообще довольно заметная роль в истории контрреволюции 1918—1919 гг. Пребыванию этого «Союза» на Украине в 1918 г. посвящена главным образом статья Мякотина «Из недалекого прошлого», дающая любопытный материал для характеристики позиции русских мелкобуржуазных партий в отношении событий на Украине в конце 1918 г. Союз возрождения России, возникший в Москве и перекочевавший отсюда на Украину в составе хлынувшей сюда к осени в 1918 году обывательской массы, был организацией, созданной партией «народных социалистов»,—промежуточной партией чисто-интеллигентского состава, стоявшей на полдороге между кадетами и правыми эсерами. Но в этот Союз входили также и правые эсеры и меньшевики, а с другой стороны, и кадеты.

В частности в отношении Одессы на это указывает и сам Мякотин. По его словам, в состав тамошнего отдела этого Союза

«кроме народных социалистов, входили социалисты-революционеры, в том числе несколько видных гласных местной городской думы, меньшевики-оборонцы и левые конституционалисты-демократы».

Тесное участие меньшевиков и эсеров в «Союзе возрождения России» весьма ярко характеризует политическую физиономию этих партий: в пределах Советской республики обе они нередко склонны были клясться и божиться в своем лояльном отношении к советской власти и в своей кровной ненависти к белогвардейщине, а попадая в захваченную этой последней территорию, сплошь и рядом разыгрывали роль столпов и опоры белогвардейской государственности». Таким образом и на меньшевиков и на эсеров падает в полной мере ответственность за политическую деятельность «Союза возрождения», с одной стороны, раболепствовавшего перед союзниками, засыпавшего последних их лакеев (вроде авантюриста Энно) слезными мольбами и ходатайствами об интервенции против страны Советов, а с другой стороны, умиленно расписывавшегося в любви и преданности к «спасающей Россию» добровольческой армии,—и это уже после того, как рабочие и крестьяне Северного

Кавказа полили своею кровью каждый шаг «победоносного» пути золотопогонной деникинской рати.

«Союз возрождения России ожидает, что державы Согласия... немедленно окажут через Новороссийск деятельную помощь армии Деникина... Союз возрождения России ожидает.., что державы Согласия... решительно отклонят... просьбы о признании новых государственных образований... Союз возрождения России надеется, что державы согласия не признают и совершенного Румынией захвата Бессарабии».

«Союз возрождения России ожидает»... «Союз возрождения России надеется»... Таким рабьим языком только и осмеливались разговаривать с генералами и полковниками Антанты люди, претендовавшие на звание «хозяев страны». Не иначе, как стоя на коленях решались они говорить о кровных интересах «своей» России с призванным ими самими англо-французским начальством, и даже решения вопроса о характере государственной власти в России эти холопы покорно ждали от своих западных хозяев:

«С появлением на территории южной России войск держав Согласия... неизбежно встанет вопрос о характере долженствующей сейчас возникнуть здесь государственной власти. Союз возрождения России... полагает, что в местностях, которые будут заняты войсками держав Согласия...», и т. д. и т. д.

И к этим позорным слезницам лакеев интервенции руку приложили эсеры и меньшевики.

Еще пикантнее, однако, те данные для политической характеристики двух этих партий, которые вытекают из приводимого Мякотиным описания симферопольского съезда представителей земских и городских самоуправлений юга России (30 ноября—8 декабря 1918 г.). В «Союзе возрождения России» меньшевики и эсеры составляли все же лишь небольшое меньшинство. На симферопольском же съезде, созванном почти непосредственно вслед за образованием так называемого «демократического» (кадетского) крымского правительства С. С. Крыма, меньшевики и эсеры играли преобладающую роль, как показывает уже состав избранного съездом «Совета земств и городов юга России» (9 соц.-демократов, 9 эсеров, 4 народных социалиста, 9 кадет).

Чем же ознаменовал себя этот съезд?

«В принятых... резолюциях съезд, между прочим, выражал свою надежду на то, что появление союзных войск на юге, сопровождаемое ликвидацией... реакционной германской политики в России, будет благоприятствовать организации сил демократии и укреплению основ народовластия; что действия союзников на юге России будут производиться по соглашению... с местными самоуправлениями и краевыми правительствами, созданными демократией; что с прибытием достаточного для охранения порядка количества союзных войск будут удалены все австро-германские и турецкие оккупационные отряды».

Но ведь это—совершенно тот же рабий язык, каким разговаривал с представителями Антанты Союз возрождения России. Громко говорят и самые даты. Конец ноября—начало декабря 1918 г. (период съезда) есть время высадки первых союзнических десантов в Крыму (в Одессе первый десант был высажен лишь

17 декабря). Как видно из цитированной резолюции, в момент ее принятия еще не было высажено на русскую территорию «достаточного для охранения порядка количества союзных войск», а меньшевики и эсеры уже возлагали на союзников все свои надежды в отношении «организации сил демократии» и «укрепления основ народовластия». Забегая вперед перед Антантой, обе партии спешили признать ее законной колонией весь «юг России» еще прежде, чем сама Антанта успела осознать столь благоприятное для нее положение.

А каково было отношение этого меньшевистско-эсеровского съезда к палачу рабочих и крестьян России и Украины—Деникину?

Отметив заслуги деникинской армии «в деле самоотверженной борьбы за воссоздание государственного единства и независимости России»,—читаем мы у Мякотина,—съезд

«признавал необходимым в скорейший срок образование на юге России южно-русского правительства, объединяющего Украину, Крым, Дон, Кубань, Кавказ. Такое правительство, полагал съезд, должно быть образовано путем сговора политических и общественных групп на государственном совещании в форме немногочисленной Директории, связанной общей ответственностью и включающей в свой состав главнокомандующего всеми русскими силами на юге России» (т. е. Деникина.—*С. А.*).

Надо ли добавлять что-нибудь к этой превосходной характеристике «социалистов», лобызающих сапоги русских и англо-французских генералов?

Периоду Директории, пришедшему на смену гетманщине, посвящена, кроме рассмотренной выше статьи Винниченко, также статья Марголина «Украина и политика Антанты».

Статья эта интересна главным образом характеристикой международных отношений и внешней политики украинской Директории. Но она дает кое-что и о внутреннем положении страны в этот период. Прежде всего она вносит некоторое уточнение в столь распространенное мнение о «левизне» первого председателя Директории Винниченко,—левизне, которой так кокетничает этот «почти коммунист» в своей собственной статье в настоящем сборнике. Марголин, обывательски-буржуазная физиономия которого достаточно ясно рисуется его собственным произведением, был нисколько не правее своих сотоварищей по партии—так называемых украинских «социалистов-федералистов», которым наименование «социалистов» приличествовало не более, чем российским кадетам. Этого-то Марголина с его партийными товарищами, по его признанию, Винниченко приглашал в состав своего «левого» правительства как раз в медовый месяц Директории, еще до занятия ею Киева, еще тогда, когда она осмеливалась разговаривать с Антантой не совсем рабьим языком.

«Оставайтесь с нами,—гостеприимно приглашал Винниченко Марголина с компанией,—все равно вы—наши будущие министры».

Что касается внешней политики Директории, то укажем пре-

жде всего на то, что Марголин в качестве «очевидца» подтверждает подготовку того договора Директории с французскими дипломатами в Одессе, по которому почтенные «государственные деятели» Украины ради помощи в борьбе с большевиками соглашались собственными руками превратить Украину во французскую колонию, сверх того, «выгнать как собаку» своего председателя Винниченко из состава Директории и заменить «левое» министерство Чеховского более правым. Как сообщает Марголин, несмотря на то, что и Винниченко и Чеховский были выброшены из состава украинского правительства, так сказать, авансом, договор, однако, не осуществился,—не из-за того, чтобы украинские политики запнулись перед каким-нибудь порогом унижения и предательства, а только потому, что французам пришлось спешно эвакуировать Одессу в начале апреля 1919 г., и договор с петлюровцами потерял для них всякий интерес.

Из дипломатической деятельности Марголина представляют интерес его переговоры с французами по поводу еврейских погромов на Украине. О самых погромах Марголин много не распространяется, и мы понимаем его «деликатное» положение еврея и вместе с тем члена петлюровского правительства, этого, можно сказать, «исторического» правительства погромщиков. Марголин отводит погромам всего несколько строк:

«...Начались страшные, жестокие февральские и мартовские погромы. Прибывающие из Балты, Ананьева, Проскурова и других городов и местечек очевидцы погромов рассказывали о таких зверствах, которые превосходили все, что могло себе представить воображение, и вызывали в памяти печальные дни 1903 г. в Кишиневе».

Еще в бытность в Одессе автор «умолял» влиятельнейшего члена французской миссии Фреданбера выпустить от имени Франции или Антанты печатный протест против погромов. Можно вполне верить Марголину, что такой протест был бы достаточно убедителен для того правительства, членом которого состоял он сам. По словам Марголина, далеко за пределами полосы французской оккупации,—вплоть до Жмеринки и Винницы,—

«все на вокзалах почтительно подтягивались, когда проносился лишь слух, что у станции стоит или ожидается поезд, в котором едет хотя бы один французский офицер».

Однажды в одном поезде с Марголиным ехал курьер французского командования с пакетами.

«И уже этого было достаточно, чтобы в Одессе нам дали и паровоз и пропуск. Было ясно, что французы могли бы без всякого труда занять двумя-тремя батальонами всю линию от Бирзулы до Винницы, а также и линию Жмеринки—Проскуров. И тогда не было бы ни анархии, ни погромов».

Однако французские дипломаты, которые с такой готовностью «соглашались» взять на себя управление железными дорогами и финансами петлюровской Украины и даже командование ее армией, которые указывали Петлюре, в каком направлении

следует изменить аграрное законодательство страны, каких министров «выгнать как собак» и каких включить в состав правительства,—эти французские дипломаты сочли для себя чересчур неделикатным уступать «мольбам» Марголина и выпустить декларацию по поводу еврейских погромов: они не пожелали «вмешиваться во внутренние дела Украины».

Столь же безрезультатными оказались старания Марголина уже в Париже добиться печатного выступления Франции против погромов на Украине от всесильного тогда Клемансо, также не пожелавшего вмешиваться во внутренние дела Украины.

Ценный материал о позициях французских оккупантов в отношении украинского вопроса мы находим еще в частью рассмотренной выше статье Деникина. Конец этой статьи как раз и посвящен периоду французской оккупации Одессы (декабрь 1918 г.—март 1919 г.). Все поведение оккупантов свидетельствовало о том, что, захватив одну Одессу с Николаевом, Очаковом и гинтерландом, оккупанты считали себя уже всерьез подлинными хозяевами Украинской «народной» республики. В оправдание им надо сказать, что именно так на них смотрели и сами «щирые» украинцы, делавшие политику, притом обоих лагерей, представители которых облюбовали «интернациональную» Одессу: как «социалистические» петлюровцы, так и правые черносотенцы, последыши гетмана, надеявшиеся с помощью французов снова попользоваться благами власти. Разница между теми и другими не всегда, впрочем, была явственна. Петлюровский военный министр, русский генерал Греков

«по мере развала армии и правительства... стал вести свою особую линию, «жертвуя» уже и Петлюрой и являясь претендентом на роль главы Директории или диктатора. В то же время его агенты стремились привлечь одесское офицерство и в особенности генеральный штаб на украинскую службу широкими денежными посулами и обещаниями «федерации и даже монархии».

Среди гетманских «украинцев», заискивавших у французов, видную роль играли:

«Харьковский помещик, председатель отделения союза русского народа Котов-Коношенко, претендовавший на гетманский «стол», и киевский помещик, бывший чиновник канцелярии ген.-губернатора Григоренко».

Французы были очень непрочь пойти по стопам немцев и организовать в Одессе «национальное» правительство, которое в такой же мере было бы их слугою, в какой гетман был слугою немцев. Но в отличие от немцев французы хотели организовать «демократическое» правительство. Как раз в поисках кандидатов в члены этого демократического правительства французы и остановились на двух названных черносотенцах.

«Французское командование в поисках «подлинно-демократических» течений вело оживленные переговоры с ним (Котовым-Котошенко) и с Григоренко и в их кругах искало людей для нового правительства; в частности Григоренко состоял неизменным кандидатом во всех французских комбинациях новой власти».

Каковы же были планы организаторов этой власти? Об этом мы узнаем из приводимого Деникиным содержания докладной записки, представленной французскому командованию названным Котовым-Котошенко. Вот ее программа:

«1. Верховная власть в Малороссии принадлежит «гетману, воеводе или верховной краевой раде». 2. При ней—верховный совет из представителей добровольческой армии, народной громады и хлеборобов-собственников». 3. «Краевая армия», созданная путем мобилизации имущих классов при участии хлеборобческих громадянских организаций, с офицерским составом преимущественно «из местных офицеров-хлеборобов». 4. Лозунг—«неприкосновенность собственности на землю... Требуется «законное разрешение свободной купли-продажи земли».

Вероятно, симпатии французов к такого рода планам организации власти были в немалой степени куплены исходившими из той же группы русско-украинских черносотенцев экономическими прожектами, например,

«проектом разрешения аграрного вопроса в России: иностранный консорциум, скупающий у помещиков землю и перепродающий ее после парцелляции крестьянам с большим дивидендом...»

Мы видим, что собранный в предлагаемом сборнике материал оставляет вне всякого сомнения следующее положение: все сменявшие друг друга на Украине контрреволюционные режимы, а в эту категорию мы можем после всего сказанного с полным правом отнести также и якобы «социалистические» системы Центральной рады и Директории,—не только были неспособны разрешить настоятельные задачи революции, они могли только усиливать и обострять противоречия в стране, порожденные войной и революцией. В частности относительно мелкобуржуазных украинских «социалистов» необходимо подчеркнуть с особой настойчивостью, что они обнаружили полнейшую неспособность довести до конца даже буржуазно-демократическую революцию, хотя бы в одной из основных ее задач. Несмотря на все свои провозглашения «национально-персональных автономий», «трудовые конгрессы» и прочие прекрасные вещи, это был режим еврейских погромов и перекрашенных вывесок, режим атаманской контрреволюции как на местах, так и в центре. И если о русских меньшевиках и эсерах можно было с полным правом сказать, что они расчистили путь и подготовляли пришествие Колчака, то их украинские собратья, приведя войска германских оккупантов в советскую Украину, собственноручно подготовили свое позорное падение и водворение гетмана. Всего менее оказались способными эти «социалисты» осуществить аграрную революцию; они ограничились взамен того лишь провозглашением «социализации земли», а то, что в этом направлении было осуществлено самим крестьянством, было целиком уничтожено приведенными Центральной радой оккупантами и подготовленным ею гетманом.

Естественно поэтому, что всякий раз, когда советская власть побеждала на Украине, она оказывалась перед неразрешенными задачами буржуазно-демократической революции, а прежде всего—

перед необходимостью развязывания революции аграрной. Но это же было также и причиной того, что при каждой победе контрреволюции советская власть становилась лозунгом не только украинского пролетариата, но и широчайших масс крестьянства, жестоко расплачивавшихся, вместе с пролетариатом, за свои советские симпатии.

Окончательная победа советской власти на Украине в 1920 г. внесла в эти взаимоотношения между пролетариатом и крестьянством такие же изменения, какие произошли в них и в советской России весной 1918 г. Перенесение социалистической революции в деревню расколола украинское крестьянство: незаможники остались решительными и последовательными сторонниками союза с пролетариатом, тогда как «куркули» (кулачество) были отброшены в лагерь контрреволюции, при нейтрализованном середняке. Этим объясняется широкая полоса кулацких восстаний, атаманщины и бандитизма на Украине в 1920 г. Новая экономическая политика, установившая для данного этапа революции правильные взаимоотношения между пролетариатом и крестьянством, подорвала экономические корни кулацкой контрреволюции и на Украине, обеспечив союз между пролетариатом и основной массой бедняцко-середняцкого крестьянства. То, что заявил через полтора года после введения новой экономической политики, на IV конгрессе Коминтерна, Ленин, относится в равной степени как к русскому, так и к украинскому крестьянству. «В 1921 г.,—сказал Ленин,—мы безусловно имели налицо недовольство громадной части крестьянства... Как обстоит дело теперь, после того как мы ввели новую экономическую политику, после того как мы предоставили крестьянам свободу торговли? Ответ ясен... Крестьянские восстания, которые ранее, до 1921 г., так сказать, определяли общую картину России, почти совершенно исчезли. Мы спокойно можем утверждать, что крестьянство довольно своим настоящим положением» (т. XVIII, ч. 2, стр. 93). А принятая партией впоследствии, на XV съезде, линия решительного выкорчевывания корней капитализма в стране, линия планомерной социалистической реконструкции индивидуального крестьянского хозяйства и пошедшее ей навстречу бурное стремление самого крестьянства к коллективизации убивает и на Украине, как и во всей советской стране, самую возможность успеха как буржуазно-помещичьей, так и кулацкой контрреволюции, ибо она изменяет самую социальную природу крестьянина, превращая его из мелкого товаропроизводителя в работника крупного обобществленного сельского хозяйства.

С. Алексеев.

А. А. ГОЛЬДЕНВЕЙЗЕР

Из киевских воспоминаний

(1917—1920 гг. [1])

I. Эпоха Временного правительства

(Февраль—октябрь 1917 г.)

Накануне. — Первые дни. — Организация местной власти. — Первый украинский съезд. — Киевский исполнительный комитет и его члены. — Наш конфликт с украинцами. — Приезд Церетели. — Соглашение с украинцами и вступление «меньшинств» в Центральную раду.

В конце февраля 1917 года в Киеве ничто не предвещало великих событий, на самом пороге которых мы находились.

Убийство Распутина, повидимому, не произвело у нас того впечатления, которое мне пришлось наблюдать в Петрограде, где я как раз в эти дни был. Последовавшие затем предсмертные судороги реакции—премьерство кн. Голицына, увольнение министра народного просвещения гр. Игнатьева, двухкратное отсрочивание думской сессии,—все это было воспринято, как очередной поворот вправо, как политический эпизод, которых было и которых будет еще так много...

На фронте было зимнее затишье, продовольственное положение не обострялось, и жизнь текла своим чередом. Наша провинциальная общественность концентрировалась главным образом вокруг трех военно-общественных организаций: Земского союза, Союза городов и Военно-промышленного комитета. Руководящие органы всех этих учреждений состояли сплошь из прогрессивных элементов—земцев, городских деятелей и промышленников. Во главе областного комитета Земсоюза стоял С. П. Шликевич, во главе Согора—барон Ф. Р. Штейнгель, председателем Военно-промышленного комитета был с самого его основания Михаил Иванович Терещенко—баловень судьбы, обладавший колоссальным богатством и пользовавшийся исключительными симпатиями в торгово-промышленных и общественных кругах. Все проникавшие к нам частные сведения о непорядках в деле снабжения армии, о тлетворном влиянии Ставки, об антагонизме между отдельными военачальниками—все это обычно шло через эти комитеты. В их же канцеляриях перепечатывались на машинках и оттуда распространялись бес-

[1] «Архив русской революции», т. VI, Берлин 1922 г.

численные списки со знаменитых речей Милюкова, Шульгина и Маклакова в заседаниях Государственной думы 1 и 3 ноября 1916 года.

Партийные и национальные организации хотя и существовали у нас с самого 1905 года, но работали довольно вяло. Левые партии работали в подполье. Из полулегальных политических организаций был заметен, пожалуй, только областной комитет партии народной свободы, во главе которого, после смерти Е. Г. Шольпа, стоял один из самых видных и уважаемых киевских деятелей—Д. Н. Григорович-Барский. В качестве суррогата еврейской национальной организации существовала некая «Комиссия общих дел», числившаяся при суррогате еврейской общинной организации—«Представительстве по делам еврейской благотворительности при киевской городской управе». Дело же помощи многочисленным еврейским беженцам и выселенцам из прифронтовой полосы сосредоточивалось в так называемом КОПЕ—«Киевском обществе помощи евреям, пострадавшим от военных бедствий». В обоих учреждениях преобладали политически-умеренные элементы еврейства—сионисты, кадеты, крупные торговопромышленники, и оба подвергались систематическим нападкам со стороны евреев-социалистов, взгляды которых выражал в печати талантливый сотрудник «Киевской мысли» М. Лиров.

Повторяю: к концу февраля 1917 года наша киевская атмосфера не была сгущена более, чем обыкновенно, и ничто не предвещало близкой грозы.

Но вот однажды вечером—должно быть, это было 28 февраля или 1 марта—получилась в Киеве знаменитая телеграмма за подписью Бубликова, назначенного комиссаром Комитета государственной думы в министерство путей сообщения. Телеграмма эта с быстротой электрической искры распространилась по городу. Все были в этот вечер у телефона, читая, слушая, перечитывая и переспрашивая... Никто не знал, кто такой Бубликов; стали справляться по стенографическим отчетам Государственной думы, и пришлось удовлетвориться тем, что он—депутат, инженер и, если не ошибаюсь, член партии прогрессистов. Ни в подлинности телеграммы, ни в решающем значении происшедшего переворота не могло быть сомнений; порукой служил включенный в телеграмму текст воззвания Родзянко к населению. Опасались только одного: как бы ход событий не повернул обратно.

Все в эти дни ждали известий, жаждали узнать подробности. Получаемые в редакциях газет телеграммы переписывались и распространялись по городу—чаще всего в перепутанном и невразумительном виде. А по утрам мы выбегали на улицу и часами простаивали в очередях у газетных киосков.

Настроение было праздничное. Да и как было не радоваться? Грандиозный переворот, осуществление вековой нашей мечты мы получили как бы в подарок, без борьбы и усилий, без крови и стонов...

В первые дни революции эти чувства были всеобщими.

Были, вероятно, сожалеющие о старом режиме, были, может быть, и встревоженные за свою собственность, но они терялись в общей массе. Разумеется, эта масса радующихся и торжествующих не была однородна. С первых же дней можно было провести демаркационную черту между сторонниками «углубления революции» и более умеренными элементами. Это отразилось прежде всего на различном отношении отдельных групп к актам отречения Николая II и Михаила Александровича. Отречение Николая было, впрочем, встречено всеми, как что-то естественное и неизбежное. Но еще до 3 марта население Киева ознакомилось с речью Милюкова, в которой он говорил о регентстве, и многие ждали именно такого выхода из положения. Личность Михаила Александровича внушала доверие; он слыл англоманом, и многих вполне удовлетворяла перспектива иметь его в качестве «царствующего, но не управляющего» монарха. Опасались, как бы переход к совершенно новой власти не был воспринят широкими массами, как переход к безвластью; и думали, что сохранение в этот момент монархии способствует развитию у народа чувства преемственности власти и поможет предотвратить анархию. Поэтому, повторяю, к отречению великого князя отнеслись различно; не все в эти первые дни радовались этому отречению.

Нельзя, однако, не признать, что в этом вопросе умеренные были в ничтожном меньшинстве и что правы оказались те, которые говорили: «вот вы увидите, в России через две недели не будет больше монархистов»...

Второй вопрос, в оценке которого разошлись мнения «углубителей» и умеренных, это был состав Временного правительства. Против большинства назначений, впрочем, ничего нельзя было возразить. Несколько удивлял Некрасов в качестве министра путей сообщения: мы тогда еще не привыкли к парламентаризму и к замещению технических постов профанами; никто не ожидал увидеть Терещенко министром финансов. Но наибольшей неожиданностью было, несомненно, назначение Керенского. Никто не сомневался в том, что министром юстиции будет В. А. Маклаков. И замене его Керенским радовались тогда только самые ярые «углубители». Впрочем, быстро возраставшая популярность Керенского, его пламенные речи и роль, которую он, как затем выяснилось, сыграл в событиях, скоро примирили всех с передачей такому молодому и экспансивному депутату поста генерал-прокурора Российской державы.

Как организовалась в Киеве первая революционная власть? Организационным центром оказалась городская дума,—впрочем, в большей мере думское здание, чем личный состав городской управы или гласных. Октябристское большинство думы, политически бесцветную управу и городского голову Ф. С. Бурчака тотчас же перегнали и обошли события. Но в залах думы стали собираться представители организаций и партий, к которым перешла власть,

и из числа гласных были взяты лица, ставшие во главе ее. Это отчасти придало организации новой власти такой характер, как будто она исходит от городской думы.

В образовавшемся органе были представлены все существовавшие в Киеве общественные, культурные, просветительные и национальные организации, а также представители возникших сейчас же Советов рабочих и военных депутатов. Это импровизированное представительство организованной киевской общественности вылилось в «совет объединенных общественных организаций города Киева». Однако этот орган сейчас же оказался слишком громоздким, и из его состава был выделен «исполнительный комитет», к которому фактически и перешла вся власть. В первый состав исполнительного комитета вошли представители городской думы (Н. Ф. Страдомский, Д. Н. Григорович-Барский), Земского союза (С. П. Шликевич), Городского союза (бар. Ф. Р. Ютейнгейль), Военно-промышленного комитета (проф. Ю. Н. Вагнер), украинских организаций (А. В. Никовский), еврейских организаций (И. Фрумин), рабочих (П. И. Незлобин, А. В. Доротов), военных (офицер Карум, солдат Зайцев) и др. Этот «исполнительный комитет» (никто тогда не чувствовал потребности сокращать это наименование в «исполком») и стал в первые полгода революции представителем власти Временного правительства в городе Киеве [1].

Я ближе познакомился с этим учреждением, когда (в конце апреля) вступил в число его членов. В первые же два месяца революции моя общественная работа ограничивалась участием в еврейских национальных организациях. К ним-то и относятся поэтому мои первые наблюдения и воспоминания.

В качестве участника депутации от «Совета объединенных еврейских организаций г. Киева» я впервые мог присмотреться ближе к самопроизвольно зародившимся органам—«исполнительному комитету», совету рабочих депутатов и совету военных депутатов. Они помещались тогда в Дворянском доме, на Думской площади.

Чего-чего только не видел за эти годы в своих стенах этот серый дом, в котором до 1917 г. заседали одни только сонные генералы из дворянской опеки и дворянского депутатского собрания! В

[1] По примеру Исполнительного комитета Госуд. думы наш Исполнительный комитет назначил своих комиссаров в отдельные городские учреждения; впоследствии большинство из назначенных комиссаров стали начальниками этих учреждений. Так, комиссар судебных учреждений Д. Н. Григорович-Барский стал старшим председателем судебной палаты, комиссар военного округа К. Оберучев — начальником округа, комиссар почты и телеграфа А. Н. Зарубин — начальником почтово-телеграфного округа. Кроме названных были еще назначены: комиссар учебного округа Архимович, комиссар духовной консистории о. Постоловский. Губернским комиссаром согласно общему распоряжению Временного правительства, сделался председатель губернской земской управы М. А. Суковкин. При нем был свой губернский исполнительный комитет и свой губернский совет общественных организаций. Эти губернские органы, представлявшие все уезды без г. Киева, с самого начала были окрашены в украинский цвет.

1917 г.—исполнительный комитет, а затем (после его переезда во Дворец)—Совет профессиональных союзов, в 1918 г.—немецкая комендатура, военно-полевой суд и пр. армейские учреждения, в 1919 г.—совнархоз, в 1920—1921 гг.—клуб какой-то красноармейской части...

В марте 1917 г. здание и мебель еще не были потрепаны, и помещение производило довольно эффектное впечатление. Исполнительный комитет стоя выслушал наше приветствие, на которое в теплых выражениях отвечал его председатель Н. Ф. Страдомский.

То была—в Киеве, как и во всей России,—эпоха приветствий, и я тогда уже от души жалел председателей всех этих приветствуемых учреждений и искренно удивлялся их долготерпению. Ведь каждый из нас—членов депутаций—приходил по одному разу; но каково было им всех нас выслушивать и каждому отвечать!.. Киевский «исполнительный комитет» буквально осаждался желавшими его приветствовать. И особенно любопытно было наблюдать, как самые благонамеренные правительственные учреждения—губернское правление, консистория, суд, учебный округ и т. д.—одно за другим извлекали из своей среды своего самого либерального, а потому наиболее затертого сочлена и его устами выражали пред исполнительным комитетом свой восторг по поводу совершившегося переворота. В течение двух месяцев такие депутации являлись почти каждый день; говорились речи, и затем члены исполнительного комитета поднимались с мест, пожимали руки депутатам и благодарили их...

Из президиума совета рабочих депутатов нас встретил один только товарищ председателя А. В. Дорогов. Наиболее торжественным оказалось посещение военного совета. В тот день в театре Бергонье было общее собрание офицеров киевского гарнизона. Мы решили передать ему наше приветствие и посетили это собрание. Я помню, как, стоя за кулисами и ожидая своей очереди, мы слушали одно за другим выступления офицеров. Все выступавшие как будто искренно желали служить новому строю. Но все были в ужасе от начинавшейся дезорганизации среди солдат, в ужасе от своего трагического бессилия. Помню, речь шла об организации охраны тюрьмы [1]. Никто не хотел браться за командование предназначенной для этого частью. Положение становилось все более и более напряженным. По просьбе председателя выступил полковник К. Оберучев—сотрудник «Киевской мысли», назначенный тогда комиссаром, а вскоре затем начальником Киевского военного округа. Он прочел собравшимся целую лекцию об организации

[1] В Киеве, (как, вероятно, и в других городах) известие о совершившемся перевороте вызвало большое возбуждение среди тюремных сидельцев. Их ум никак не мог обнять того, что воцарившаяся «свобода» не может растворить их узилище. По поручению Исполнительного комитета в тюрьму ездили судебный комиссар Д. Н. Григорович-Барский, Я. С. Гольденвейзер и др., пытаясь разъяснить заключенным смысл происшедших событий и примирить их с своей судьбой. Требовались, однако, и более реальные меры охраны.

службы и дисциплины в деморализованной армии. Его речь несколько подняла настроение, и, наконец, среди собравшихся нашелся смельчак, взявший на себя миссию охранять губернскую тюрьму.

8 апреля в традиционном зале купеческого собрания открылся Всеукраинский национальный съезд. Помню этот зал, переполненный молодой, чужой мне по настроениям и говору толпой. Помню седую голову проф. М. С. Грушевского, занимавшего центральное место за столом президиума. Помню его волшебную власть над всей этой неотесанной аудиторией. Достаточно было ему поднять руку с цветком белой гвоздики, которой был украшен стол, и зал затихал... После дипломатических приветствий председателя исполнительного комитета Страдомского и губернского комиссара Суковкина слово получил председатель еврейского совета д-р Быховский. Он произнес краткую, сдержанную речь (над редакцией которой мы проработали весь предыдущий вечер) и импровизированное заключительное приветствие Грушевскому, скрепленное публичным лобызанием...

8 апреля 1917 года был первый смотр украинских национальных сил и первая встреча украинской и русской общественности после революции. И приветствия, и поцелуи—все это было прекрасно и даже трогательно. Но от внимательного наблюдателя не могли уже в этот день ускользнуть предвестники совсем иных встреч в близком будущем.

В конце апреля из совета объединенных еврейских организаций вместе с остальными социалистами вышел наш делегат в исполнительном комитете И. О. Фрумин, и я был избран на его место.

Участие в исполнительном комитете, продолжавшееся с этого времени вплоть до выборов в городскую думу и ликвидации комитета, было одним из самых напряженных и интересных для меня моментов в моей общественной работе. Так же, как впоследствии участие в Центральной раде, оно дало мне возможность некоторое время стоять в самой гуще политической жизни города и края. И вместе с тем тогда мы не чувствовали себя еще, как затем в раде и еще более при большевиках, бессильными зрителями роковых событий. Напротив, именно тогда казалось, что открывается поле широкой и плодотворной работы...

Исполнительный комитет заседал тогда в бывшем императорском дворце—очаровательной постройке Растрелли, небольшой, изящной и уютной, расположенной среди зелени царского сада. Очередные заседания происходили в одной из гостиных, а в особо торжественных случаях—в парадной зале дворца.

Я уже говорил о происхождении и составе Исполнительного комитета. Это был центральный орган, в который входили делегаты главнейших организаций, представленных в «Совете объединенных общественных организаций города Киева», а также представители советов рабочих и военных депутатов; впоследствии к этому основному зерну присоединились делегаты главнейших политических пар-

тий. Председателем комитета был гласный городской думы, заслуженный общественный деятель и прогрессивный кандидат в Государственную думу по I курии, доктор Николай Федорович Страдомский. Это был хороший работник и довольно тактичный руководитель прений, хотя и недостаточно властный и авторитетный. Он жил в мире и согласии со всеми партиями, старался не ссориться даже с большевиками и не обострять отношений с украинцами. Никакой своей политической линии он не вел, и вся его работа сводилась, с одной стороны, к техническим функциям, а с другой,—именно к проведению такой примирительной тактики.

К сожалению, внутренние разногласия неудержимо обострялись, и à la longue (надолго) сглаживать углы оказывалось невозможным. Однако показателем несомненного успеха тактики нашего председателя явилось то, что он, не принадлежа ни к одной из партий и не имея особенно близких личных связей в комитете, в конце концов оказался наиболее приемлемым кандидатом в городские комиссары. На этот пост Н. Ф. Страдомский и был нами избран в июне 1917 г.; он оставил его в начале сентября, после восстания Корнилова.

В соответствии с коалиционным характером Исполнительного комитета он имел трех товарищей председателя, по одному от каждой из составлявших комитет организаций: представителя совета общественных организаций Д. Н. Григоровича-Барского, рабочего А. В. Доротова и офицера Л. С. Карума.

В противоположность Н. Ф. Страдомскому Григорович-Барский был вполне определенной политической фигурой. Это был признанный лидер киевских кадетов. И это его кадетство по условиям момента, к сожалению, мешало ему пользоваться тем влиянием в комитете, которого он заслуживал. При величайшем личном уважении левое большинство комитета не могло все же оказывать ему достаточного политического доверия. А между тем это был, несомненно, наиболее дельный человек в нашей среде...

Второй товарищ председателя—Алексей Васильевич Доротов—был вместе с тем товарищем председателя совета рабочих депутатов. Он был эсдек-меньшевик, ярый враг большевиков и украинцев. Доротов был всеобщим любимцем в комитете. Подлинный самородок, незатуманенный социалистическим доктринерством, с огненным темпераментом и живым, практическим, здравым умом, с успехом восполнявшим пробелы его образования,—он был из тех рабочих, которые в Европе становятся величайшими парламентариями и государственными деятелями—Бернсами, Бебелями, Эбертами. Как просто и достойно этот вчерашний наборщик, среди блеска и позолоты царского дворца, председательствовал в заседаниях, в которых участвовали министры...

А. В. Доротов умер от болезни сердца,—кажется, в 1919 г.—всего 34 лет от роду.

Я хочу здесь же сказать о других самородках, выдвинувшихся в первые же дни революции. Председателем СРД был П. И. Не-

злобин, также бывший печатник, по партийной принадлежности эсер. Это была значительно менее яркая фигура, чем Доротов. Он, подобно петербургскому рабочему Гвоздеву, выдвинулся в качестве руководителя рабочей группы Военно-промышленного комитета. Незлобин был хорошим оратором, человеком решительным и стойким. Но над ним тяготело проклятие российской «широкой натуры»—необузданность, безалаберность и даже—увы!—падкость к алкоголю. Крупнейшей фигурой в Совете военных депутатов и председателем этого Совета был солдат Е. Я. Таск. Он изредка принимал участие в заседаниях нашего комитета, но не здесь мог он развернуться во всю свою ширь. Настоящим его поприщем были митинги и многоголовые собрания рабочих и солдат. Он и сохранял над ними свою власть, пока это было возможно для такого убежденного оборонца...

Наконец третий товарищ председателя Исполнительного комитета офицер Л. С. Карум не играл большой роли. Зато значительным влиянием пользовался энергичный секретарь комитета И. О. Фрумин.

Наряду с указанными выше крупнейшими политическими организациями города Киева в Исполнительном комитете был также представлен «Коалиционный совет киевского студенчества». Повидимому, допущение представителей от студентов в высший орган местной власти было сделано во внимание к старым заслугам учащихся высшей школы в освободительном движении. Но когда настроения первого момента несколько осели, и пришло время приступить к серьезной организационной работе, дефилирование студентов и курсисток, особенно на наших соединенных заседаниях (о них речь впереди), производило впечатление чего-то не вполне уместного.

Очередные заседания Исполнительного комитета происходили три раза в неделю, примерно от 1 часа до 5 часов дня. В остальные дни заседал президиум комитета. Председательствовал всегда Страдомский, членов комитета собиралось в обыкновенные дни человек десять. Прения по каждому вопросу, как водится на русских заседаниях, затягивались бесконечно, и повестка никогда не бывала исчерпана к концу заседания. Она переходила, разбухая и удлиняясь, с одного заседания на другое.

Выше я описал личный состав и внешнюю картину деятельности Киевского исполнительного комитета. Что касается внутреннего содержания этой деятельности, то к ней можно применить изречение: довлеет дневи злоба его. Заседания наши были посвящены вопросам, захватывавшим тогда все наше внимание, вопросам, которым мы придавали большое значение и из-за которых готовы были спорить целые ночи напролет. Теперь почти все это покрылось забвением, а то, что припоминается, кажется эфемерным, а иногда и мелким, и суетным... С Советами—рабочим и военным—жили более или менее мирно. Большинство в них принадлежало тогда оборонцам, а в своей тактике по отношению к Исполнительному комитету они, к счастью, не подражали своему петроград-

скому собрату с его доверием «постольку-поскольку». Из столкновений с Советом рабочих депутатов я припоминаю только довольно резкий конфликт по поводу самочинного закрытия магазинов, в которых работали штрейкбрехеры.

Наша жизнь была наполнена интересами и вопросами момента. Но самое главное и решительное в ней было то, что позади всех этих очередных вопросов и забот поднималась и заполняла все большую и большую часть горизонта грозовая туча украинского сепаратизма (большевистская опасность была в ту эпоху в Киеве еще не на очереди). Мы все видели эту тучу и чувствовали ее приближение; и это налагало отпечаток какой-то мрачности на наши мысли и настроения.

Центральная украинская рада была избрана, как я уже упоминал, на съезде «спилок» в апреле 1917 года. Тогда же председателем рады был единогласно избран проф. М. С. Грушевский. Первоначально мы смотрели на раду как на чисто национальное объединение, наподобие нашего «совета объединенных еврейских организаций» и «Польского исполнительного комитета» [1]. Еврейский совет даже пытался конкурировать с радой, хлопоча перед Исполнительным комитетом о предоставлении ему помещения в Педагогическом музее. Однако этот последний остался в исключительном обладании украинцев и стал их штаб-квартирой. Оттуда и начали исходить нити, постепенно охватившие провинциальные города и даже деревни Украины, а также и армию. Украинские деятели проявили в эту эпоху большую энергию и сумели в короткое время создать широко разветвленную, крепкую организацию. До поры до времени, однако, все оставалось в рамках чисто национального движения, отнюдь не претендующего на захват власти. Временное правительство признавалось, и против него итти еще не решались. Но уже очень скоро рада перестала считаться с властью нашего Исполнительного комитета или, во всяком случае, стала смотреть на себя как на орган автономный и независимый от местных «российских» учреждений.

Эта тенденция впервые проявилась в обращении Центральной рады к Временному правительству с особой декларацией, заключавшей в себе целый ряд национальных требований. Декларацию эту повезли в Петроград особые посланцы рады, во главе с Винниченко.

Эта-то депутация к Временному правительству, посланная за спиной его местного органа—Исполнительного комитета, и послужила сигналом к началу внутренней борьбы между комитетом и радой. На ближайшем заседании комитета Страдомского спросили, известен ли ему этот факт и считает ли он нормальным, чтобы

---

[1] Этот последний возник приблизительно одновременно с еврейским советом и был построен приблизительно на тех же началах. Председателем комитета был И. И. Бартошевич (н.-д.), его товарищем И. Н. Пересвет-Солтан. Судьба «польского исполнительного комитета» также напоминала участь еврейского совета: раскол, выход левых, маразм и смерть.

такого рода сношения велись с Временным правительством помимо нас и без нашего ведома. Помню, как наш миролюбивый председатель сейчас же сказал, что лучше не касаться этого больного места. Но было уже поздно. Вопрос вызвал прения, в которых было отмечено, что представитель украинских организаций перестал посещать заседания комитета и что рада вообще начинает держать себя, как государство в государстве. Как водится, наши разговоры окончились тем, что было решено созвать соединенное заседание с рабочими, военными и студенческими депутатами. На следующий день все это было воспроизведено в газетах под многозначительным заголовком «Украинский вопрос в Исполнительном комитете». Через пару дней состоялось соединенное заседание, и на нем все партийные и групповые представители получили возможность выступить с широковещательными декларациями. Я упорно молчал, получив от президиума еврейского совета реприманд за недипломатическое выступление в комитете...

В конце концов Исполнительный комитет послал в Петроград контр-депутацию (в составе д-ра Фрумина и еще кого-то), которой, однако, оказалось нечего делать, так как Временное правительство и без того отклонило все требования рады [1]. Исполнительный комитет был удовлетворен, «Киевская мысль» торжествовала, но украинцы сумели tirer les conséquences (сделать выводы)...

Агитация Центральной рады, начиная с этого момента, приняла более резкий и боевой характер. Вместо простого будирования против Временного правительства, стали раздаваться призывы к освобождению из-под его «узурпаторской» власти; вместо игнорирования Исполнительного комитета, рада вступила на путь прямой оппозиции и борьбы против него.

Был издан и торжественно оглашен на Софийской площади «Универсал», в котором припоминались все преступления московской власти против Украины и который заканчивался призывом к украинскому народу сплотиться вокруг своего органа. Стали созываться украинские войсковые съезды, сначала воспрещенные, а затем в сознании своего бессилия дозволенные Керенским, на которых проповедь сепаратизма раздавалась все громче и громче. «Передайте Киевскому исполнительному комитету,—говорил на одном из таких съездов украинский эсер Ковалевский городскому голове Бурчаку, не вполне появившемуся с приветствием,—что украинский народ признает над собой только одну власть—Центральную раду»... А Исполнительному комитету не оставалось ничего иного, как молча все это выслушивать...

Для всех было ясно, что сила украинского движения лежит главным образом в слабости его противников. Его же собственная

[1] В чем состояли эти требования, я теперь точно не помню. Кажется, речь шла в них об официальном допущении украинского языка, о выделении украинских частей и об отдельном участии украинской делегации на предстоявшем международном мирном конгрессе.

сила и быстрота распространения обусловливались доступностью и завлекательностью лозунгов, с которыми оно тогда подходило к массам. Национальный подъем, несомненно, играл известную роль. Но он не мог быть таким могучим и всенародным. Секрет успеха национальной украинской агитации был в том, что она—так же, как впоследствии агитация большевистская—вполне угождала желаниям и склонностям широких, по преимуществу сельских масс. Крестьянам внушалось, что Центральная рада защитит их от невыгодного общего передела земли с безземельными крестьянами севера. Их настраивали против Временного правительства, требовавшего от них все новых и новых жертв и настаивавшего на выполнении всех старых повинностей. Им внушали мысль, что не Украина затеяла войну и что поэтому они не обязаны воевать.

Широкие массы воспринимали возвещенные Центральной радой лозунги именно в таком, полуанархическом и полудезертирском, смысле. И они пошли за радой—впрочем, ненадолго. Полгода, а затем вторично полтора года спустя, те же самые Винниченко и Петлюра не могли ничего противопоставить тем уже вполне откровенно анархическим и дезертирским лозунгам, с которыми двигались на Украину большевики. И, как Гетевский «Zauberlehrling», украинские лидеры не смогли совладать с духами, которых они же вызвали наружу...

В эпоху Временного правительства к украинцам постоянно обращались с увещанием: «подождите, мол, до Учредительного собрания». Этот аргумент при трезвом взгляде на вещи нельзя не признать несколько прекраснодушным и наивным. Ведь для всех было ясно (а яснее всего для самих украинцев), что при Учредительном собрании их позиция будет во всех отношениях слабее, чем теперь. Зачем же им было ждать его?

Но, как бы то ни было, факты оставались фактами. Временное правительство (особенно после неудачи июньского наступления) все слабело, а вслед за ним ослабевал и представлявший его в Киеве Исполнительный комитет. А украинцы, учитывая изменившееся соотношение сил, довольно искусно эксплоатировали в свою пользу все прошлые и настоящие грехи российской власти и российской интеллигенции.

К этому времени (дело было в середине июня) относится последняя попытка Исполнительного комитета найти спасительный компромисс и помириться с радой. После нескольких довольно бесплодных заседаний с украинскими представителями [1] Лепарский внес довольно неожиданное предложение—устроить следующую встречу на пароходе. И вот, в один из прекрасных июньских вечеров состоялось катанье по Днепру, в котором приняли участие все революционные властители города Киева. Были приглашены и украинцы, причем сам Грушевский нас не удостоил, но явился Винниченко и целый ряд deorum minorum (младших богов). Больше

[1] Проф. Грушевским и Винниченко.

всех был доволен катаньем его инициатор Лепарский, распевавший песни во всю свою богатырскую грудь. Но остальные участники, менее поддавшиеся действию вина и свежего воздуха, чувствовали некоторую натянутость. Украинцы и за столом сидели отдельно, и на шутливо-примирительные тосты отвечали довольно угрюмо. Помню, как тот же Лепарский, с комическим азартом, взывал к украинским социал-демократам: «Покажите мне, какие тексты у Маркса оправдывают национальный сепаратизм!» Несоответствие украинских национальных домогательств постулатам ортодоксального марксизма было одним из любимых аргументов, которыми наши эсдеки пытались поразить украинских...

В конце концов из всего сказанного и спетого в эту ночь имели политическое значение только некоторые слова из речи Винниченко, которого чарующая обстановка заставила немного разоткровенничаться. Говорил он к концу вечера, на палубе, при свете луны. И вот, после неизбежных рассуждений на тему о классовом составе украинского народа, вынуждающем к некоторым отступлениям от лозунгов чистого марксизма, он перешел к характеристике отдельных течений среди украинских националистов. Тутто с его слов мы узнали, что среди украинцев имеется течение,— и притом довольно значительное,—которое рекомендует вместо длинных переговоров с Временным правительством о г о л и т ь ф р о н т, отозвав украинцев из воинских частей. Жуткое впечатление произвели на нас эти слова... «Если Временное правительство будет продолжать упорствовать,— сказал Винниченко,—умеренные элементы украинства окажутся бессильными в борьбе против этого течения».

Около того же времени Центральная рада избрала свой исполнительный орган—«Генеральный секретариат». Хотя, по утверждению украинцев, это не было министерство, но по своей конструкции Генеральный секретариат был построен по образцу министерств и, несомненно, был предназначен для того, чтобы при первой возможности присвоить себе функции таковых. Председателем Генерального секретариата и генеральным секретарем по внутренним делам был Винниченко, генеральным секретарем военных дел—Петлюра, земледелия—Ковалевский, межнациональных дел—Ефремов[1].

На образование Генерального секретариата «Киевская мысль» реагировала громовой статьей К. Василенко под заглавием «Узурпаторы власти»...

Так все шире и шире разверзалась пропасть между Исполнительным комитетом и Центральной радой. И, наконец, приехал из Петрограда нас рассудить и примирить самый влиятельный член первого коалиционного кабинета Ираклий Церетели.

В первый вечер в парадном зале дворца Церетели выступал еще до переговоров с украинцами. Поэтому он не сказал ничего

[1] Его заместителем и преемником был мой гимназический товарищ А. Я. Шульгин. Об этих главнейших фигурах Центральной рады речь впереди.

определенного по самому больному для нас вопросу. Следующий день (кажется, это было 1 или 2 июля) приехавшие министры совещались с представителями рады, и к вечеру Церетели сообщил нам о соглашении, которое было достигнуто. По этому соглашению, которое еще нуждалось в ратификации со стороны Временного правительства, Генеральный секретариат получал функции краевого исполнительного органа, а Центральная рада становилась законодательным центром автономной провинции; оба учреждения должны были быть пополнены представителями «национальных меньшинств»,—в первый раз мы услышали тогда это слово. И в тот же вечер, в присутствии Церетели и Терещенко и при участии Винниченко, мы занялись конструированием новорожденной автономной Украины и ее местного правительства. Помню тяжелое впечатление, которое произвело на меня то, с какой легкостью и быстротой «отвалили» Украине десяток губерний. И помню, что уже тогда все присутствовавшие представители отдельных партий и групп явно интересовались больше всего тем, сколько мест каждая из них получит в раде...

Все киевские партии, в том числе и кадеты, одобряли достигнутое соглашение, хотя почти все смотрели на него как на неизбежное зло. Как известно, в самом Временном правительстве на почве украинского вопроса произошел тогда же кризис, и министры-кадеты (Шингарев, Мануйлов и кн. Шаховской) вышли из его состава. Но дело было сделано, а последовавшее затем в Петрограде восстание большевиков, хотя оно и было подавлено, все же не могло не упрочить впечатления, что Временное правительство слишком слабо, чтобы сопротивляться украинскому сепаратизму.

В результате создавшегося у нас после отъезда Церетели нового положения, пред киевской общественностью встали новые вопросы и тревоги. В том же ночном заседании, в котором мы «скондачка» устанавливали границы будущей автономной Украины, была избрана небольшая комиссия, которой было поручено вести переговоры с радой о количестве представляемых «меньшинствам» депутатских мест. Не знаю, очень ли неискусно велись эти переговоры, но в результате различных этнографических исчислений мы получили 30% мест, а один украинец (впрочем, не очень надежный) говорил мне впоследствии, что его друзья согласились бы дать 35%. Вообще в настроениях наших революционных главарей произошел внезапный надлом. Легкомысленное пренебрежение ко всему украинскому с неприятной быстротой сменилось полной резиньяцией и сознанием своего бессилия... Едва ли было достаточно оснований для столь решительной перемены фронта, главным виновником которой я считаю бундовца М. Г. Рафеса. И я подозревал, что в то время сами украинцы еще не считали себя такими могучими и непреодолимыми, какими они вдруг представились их вчерашним господам и менторам...

Но так или иначе восемнадцать мест в раде было получено. Предстояло их распределить между всеми неукраинскими органи-

зациями и партиями. И тут, как водится в таких случаях, началась торговля, подкапывание друг под друга и интриги. Рафес, который приобретал все больше и больше значения, пустил здесь в ход всю свою энергию; и можно сказать, что утвержденное в конечном результате распределение мест было в общих чертах произведено по его проекту, причем даже случайная ошибка в наименовании одной еврейской партии перешла из его записной книжки в текст официального протокола.

Окончательная схема представительства «меньшинств» в раде, принятая на соединенном заседании Исполнительного комитета со всеми заинтересованными организациями, была следующая (воспроизвожу ее по памяти) [1]:

Общероссийские организации: Исполнительный комитет—1, Совет рабочих депутатов—2, Совет военных депутатов—2, всего 5; общероссийские партии: к.-д.—1, с.-д. (меньшевики)—2, с.-д. (большевики)—1, с.-р.—2, всего—6; еврейские партии: бунд—1, объединенные социалисты—1, поалей-цион—1, демократическое объединение—1, сионисты—1, всего 5; польские партии: демократический централ—1, П. П. С.—1, всего—2. Всего представителей меньшинств—18.

Внепартийные национальные организации—Совет объединенных еврейских организаций города Киева, Польский исполнительный комитет—были от представительства в раде отстранены.

Через несколько дней состоялось торжественное заседание рады с участием представителей меньшинств, которые, каждый на своем языке, славословили воцарившееся национальное примирение. Это последнее было со стороны украинцев ознаменовано изданием Второго универсала, в котором констатируется победа украинского движения над своими московскими супостатами.

С этого дня центр политической жизни города Киева переместился из дворца (где продолжали заседать Исполнительный комитет и советы) в Педагогический музей—место собраний новорожденного украинского парламента. Однако около того же времени возник в Киеве новый общественный центр, которому предстояло олицетворять демократическую оппозицию—сначала против рады, затем против большевиков и, наконец, против гетмана: я говорю о вновь избранной на демократических началах городской думе.

В конце июля 1917 года происходили в Киеве выборы в городскую думу, на которых фигурировали различные еврейские списки, а в следующем декабре и январе имели место выборы в еврейскую общину. Результат получился в обоих случаях весьма различный... О выборах в еврейскую общину, на которых мне пришлось занять срединную и примирительную позицию, я скажу позже: они относятся к следующей эпохе нашей революционной истории. К выборам же в городскую думу перехожу сейчас.

[1] Мной производится распределение мест в так называемой «Малой раде», о котором тогда шла речь. О Малой раде и ее отношении к пленуму Центральной рады говорится в следующей главе.

Выборы должны были происходить по новому, изданному Временным правительством, закону, на основах всеобщего, прямого, равного, тайного и пропорционального голосования. Эта последняя квалификация—пропорциональность—была главным новшеством; она определила собой характер и результаты выборов. Согласно пропорциональной системе, предстояло голосовать не за людей, а за списки, составленные партийными комитетами, без права вносить какие-либо изменения в список в отношении имен кандидатов или хотя бы их порядка. Партии давали избирателю готовый лист, и ему оставалось только сделать свой выбор между листами различных партий.

Первые шаги пополненной представителями национальных меньшинств Центральной рады относятся к моему пребыванию в Финляндии.

«Скучно возвращаться в Киев,—писал я оттуда 15 августа,—где все с ума сошли на украинской автономии и играют в какую-то глупую оппозицию Временному правительству».

Эта «глупая оппозиция» происходила главным образом на почве составления «Инструкции Генеральному секретариату», которую Временное правительство должно было утвердить. Украинцем все было недостаточно прав, которые им уделяли; а Временное правительство, не учитывая своих сил, упорствовало [1]. Курьеры летали из Киева в Петроград и обратно, но вопрос никак не улаживался. А в это время положение Временного правительства становилось все менее и менее прочным.

Украинским националистам это было только на руку. Естественно поэтому, что делегат Центральной рады Порш требовал на Демократическом совещании [2] отказа от коалиции с буржуазией и чисто социалистического правительства. Чисто социалистическое правительство означало переход власти к большевикам и советам. Оставляя у себя Центральную раду, украинцы с легкой душой рекомендовали передать общероссийскую власть в руки съезда советов, который должен был завершить разруху и распад страны. И близоруким украинским политикам казалось, что тогда-то, на развалинах России, расцветет самостийная Украина...

Во главе Центральной рады продолжал стоять М. С. Грушевский, во главе Генерального секретариата—Винниченко. В состав секретариата вступили отдельные представители национальных меньшинств (А. Н. Зарубин, М. Г. Рафес).

Все положение носило, видимо, временный, переходный характер.

---

[1] Последний министр юстиции—П. Н. Малянтович — вздумал даже привлечь Генеральный секретариат к ответственности по какой-то статье уголовного уложения.

[2] На Московское государственное совещание, созванное для поддержки Временного правительства, украинцы своего делегата не послали вовсе.

II. Центральная рада, большевики, немцы

(Ноябрь 1917 — апрель 1918 г.)

Первый снаряд. — Украинская народная республика. — Организация национальных меньшинств. — Вокруг Учредительного собрания. — Украинская делегация в Брест-Литовске. — Самостийность. — Одиннадцать дней бомбардировки. — Большевики в Киеве. — Приход немцев. — Обострение украинского национализма. — Малая рада в апреле 1918 г.: личности и партии. — Подготовка конфликта с немцами. — Арест А. Ю. Доброго и приказ Эйхгорна. — Последний день Центральной рады.

В один из последних дней октября 1917 года, перед вечером, что-то вдруг прожужжало над нашими головами. Мы тогда еще не привыкли различать артиллерийские шрапнель и в первый момент не знали, что случилось. Но через минуту уже показывали друг другу небольшое, довольно аккуратное отверстие, пробитое в стене пассажа страхового общества «Россия». Сомнений быть не могло: над городом пролетел снаряд.

Стреляли, как потом выяснилось, большевистские части, засевшие в арсенале. Арсенал—один из крупнейших промышленных центров в нашем не фабричном городе—издавна считался цитаделью большевизма. В октябрьские дни в арсенале находился военно-оперативный центр большевиков, а политический центр их—Совет рабочих депутатов—помещался во дворце.

На этот раз судьба пощадила киевлян, и большого артиллерийского обстрела не было. Дело обошлось несколькими орудийными выстрелами, не причинившими особого вреда. Вообще в октябре 1917 года в Киеве не было настоящей вооруженной борьбы; стороны ограничились выяснением своих сил.

Конкурирующих претендентов на власть было у нас в эти дни не два, как в Петрограде и Москве, а три: кроме Временного правительства и большевиков, была еще Центральная украинская рада. Политическим центром сил, верных Временному правительству, была городская дума; но среди войск киевского гарнизона оно могло рассчитывать, как выяснилось, только на юнкеров, на командный состав и на отдельные небольшие части. Большевики также не имели за собой значительной вооруженной силы. Таким образом, силы обоих основных противников уравновешивались, и решение зависело от Центральной рады и тех воинских частей, в которых господствовали украинцы.

Как и следовало ожидать, Центральная рада решила соблюдать нейтралитет в возгоревшейся борьбе «российских» групп. В среде ее членов был образован «Комитет спасения революции на Украине», заседавший в течение нескольких ночей, составляя воззвания и резолюции. Но никаких активных шагов в Педагогическом музее предпринято не было. Так прошли первые два-три дня, пока соотношение сил еще не выяснилось. Но затем, когда победа большевиков определилась повсеместно, Центральная рада вспомнила данное Бисмарком определение задачи нейтральных держав: во

время поспешить на помощь победителю. Все имевшиеся в Киеве украинские части были брошены на сторону противников Временного правительства. После этого юнкерам и остальным правительственным войскам не оставалось ничего иного, как капитулировать. В состоявшемся между тремя группами соглашении украинцы дали почувствовать свою превосходную силу. Временное правительство было побеждено, большевики не чувствовали в Киеве достаточной опоры. Выход намечался сам собой: власть должна была перейти к Центральной раде.

О первых днях украинской власти у меня остались не очень розовые воспоминания. Какой-то вульгарный тон воцарился тогда в нашей общественной жизни. В городе выходили только украинские газетки, составленные грубо и аррогантно, полные издевательств над Временным правительством и над его местными представителями. Верным правительству войскам по соглашению должны были предоставить возможность эвакуироваться на Дон; в действительности, однако, их выезд шел негладко. Не обошлось и без эксцессов, в особенности в отношении командного состава. Конечно, не было ничего подобного той большевистской расправе с офицерством, которую мы пережили три месяца спустя; но с непривычки нам тогда казалось чем-то вопиющим, если, например, главного начальника военного округа держали несколько дней арестованным, без пищи и на соломе...

9 ноября был принят Центральной радой и опубликован Третий универсал, подводивший итог происшедшим событиям. Украина провозглашалась «Украинской народной республикой», с сохранением федеративной связи с Россией; генеральные секретари получили титул народных министров [1]. Кроме того, в Универсал были включены декларативные заявления о предстоящих социальных реформах—отмене права собственности на землю и введении 8-часового рабочего дня.

Универсал был принят в раде всеми украинскими партиями единогласно, как и полагалось торжественному манифесту, составленному по предварительному соглашению между фракциями. Помнится, остальные национальные партии (польские и еврейские) также голосовали за Универсал; российские же эсдеки и эсеры воздержались от голосования.

Приблизительно месяц спустя после этих событий мне предстояла поездка по Московско-Киево-Воронежской линии, по направлению к Брянску. Условия сообщения на железных дорогах были тогда уже неважные; однако билеты и плацкарты еще продавались

---

[1] Председателем рады народных министров был Винниченко (у. с.-д.), военным министром — Петлюра (у. с.-д.), министром труда — Порш (у. с.-д.), министром финансов — Туган-Барановский (соц.-федер.), мин. иностр. дел — Шульгин (с.-ф.) министром почт и телегр. — Зарубин (росс. с.-р.), госуд. контролером — Золотарев (Букд), министрами по делам национальностей были Зильберфарб (евр. соц.), Мицкевич (польский демократический центр) и Одинец (н.-с.)

заранее. Запасшись билетом, я поехал на вокзал к часу отхода поезда—7 часов вечера. Выяснилось однако, что поезд из Москвы, приходивший утром и отправлявшийся в тот же день обратно, еще не прибыл. Я прождал его на вокзале до 2-х часов ночи и отправился ночевать домой. Рано утром, по пути к вокзалу, я стал просматривать газету и увидел в ней сенсационное сообщение: Совет народных комиссаров, с самого начала не признававший власти Центральной рады и отделения Украины от России, прервал начатые с Радой переговоры и объявил ей войну. Большевистские войска движутся на юг, всякое сообщение с Великороссией прекращено. Очевидно, ни о какой поездке думать уже не приходилось. Я забрал свои вещи и возвратился в город, чтобы затем более трех лет не выезжать за пределы Киева.

Началась гражданская война.

Украинская народная республика была объявлена, власть Петрограда отпала, и местные правительственные учреждения стали постепенно перестраиваться и приспособляться к новым условиям. Со стороны чиновничества, как и следовало ожидать, украинская власть не встретила особой оппозиции. Иначе обстояло дело в среде интеллигенции. Предстоящая украинизация приводила в смущение всех неукраинцев, причастных к школе, науке, адвокатуре. Украинский язык, с которым впоследствии немного свыклись, вызывал аффектированные насмешки; никто не собирался учиться этому языку.

Особенно упорна была борьба против сепаратизма в среде адвокатуры—этой наиболее независимой профессии, давно привыкшей быть в оппозиции к «видам правительства».

Октябрьский переворот привел к образованию у нас на юге России фактически независимой республики, построенной на чисто национальной основе. Естественным результатом нарождения самостоятельной Украины явилось то, что на первый план нашей политической жизни были выдвинуты вопросы национальные. То же, как известно, произошло в Латвии, Литве, Грузии и т. д.

Киев всегда жил под знаком национальной розни. Эта рознь препятствовала развитию у нас широких объединений даже среди деятелей искусства, науки, литературы. В области же политики обостренность национальных вопросов питала мракобесие и человеконенавистничество. Это наследие старорежимного Киева проявилось теперь во всем блеске. Национальный момент был официально выдвинут на первое место: результатом не могли не стать национальное обособление, вражда и упадок общечеловеческих благ культуры.

Конечно, теперь роли переменились. В 60-х годах, выпуская первый номер «Киевлянина», В. Я. Шульгин счел нужным поставить своим лозунгом фразу: «Юго-западный край—русский, русский, русский». Очевидно, такой лозунг был бы смешон и бессодержателен в чисто русском крае, например в Москве; он получал определенный смысл и политическое значение именно в Киеве, притом именно

потому, что Юго-западный край в действительности не был чисто русским. Цель В. Я. Шульгина и его преемников состояла в том, чтобы сделать его таковым. Через 50 лет политика руссификаторов принесла свои неизбежные плоды: захватившая власть Центральная рада не переставала повторять, что Юго-западный край—украинский, украинский, украинский.

Из неукраинских национальностей политики рады согласны были признавать еврейскую и польскую; «российская» же была под большим подозрением, так как уж слишком трудно было провести демаркационную черту между русскими и украинскими жителями Украины. Это было и небезопасно для украинцев. Не различая на Украине украинцев и «россиян», можно было всех жителей объявить украинцами. В деревне, как я уже упоминал, этот флаг имел большой успех, благодаря чему, например, на выборах во Всероссийское учредительное собрание украинцам удалось провести от нашего края почти исключительно депутатов своего национального блока. Но предоставлять коренному населению право национального самоопределения было все же небезопасно, особенно в городах: это привело бы к большому конфузу для украинцев. Поэтому украинские политики были с своей точки зрения совершенно правы, когда они после некоторых колебаний отказались от мысли создавать особое национальное меньшинство из граждан, причисляющих себя к русской национальности.

Как я уже говорил, и в Малой раде были представлены в качестве «национальных меньшинств» только евреи и поляки. Русского национального представительства не было. Впрочем, наряду с польским и еврейским министрами был первоначально учрежден пост министра по великорусским национальным делам. Пост этот был занят весьма симпатичным деятелем—народным социалистом Д. М. Одинцом. Но, насколько мне известно, работа этого министерства была весьма бедна содержанием; начиная же с марта, после изгнания большевиков, министерство по великорусским делам было уничтожено.

Польское и еврейское министерства существовали все время владычества Центральной рады. Польским министром был демократ Мицкевич, еврейским—сначала еврейский социалист Зильберфарб, затем член фолькспартай В. И. Лацкий. При обоих министрах образовались национальные советы, составленные на паритетных началах из представителей отдельных национальных партий.

Лозунгом национальной политики «меньшинств», официально одобряемых со стороны украинской власти, была в то время «национально-персональная автономия». Эта идея, заимствованная из книги австрийского социалиста Шпрингера (Реннера) о национальной проблеме, сводилась к тому, что члены отдельных национальностей, живущие в данном государстве, объединяются в национальные союзы. Эти союзы пользуются самоуправлением, и конституция гарантирует невмешательство в их внутренние дела со стороны общегосударственной власти. Представителями национальных

ных союзов в правительстве являются министры по национальным делам. В круг ведения органов автономных союзов входят вопросы народного образования и национальной культуры, социальной помощи, эмиграции и т. д. Национально-персональная автономия мыслится обыкновенно действующей в федеративном государстве, разбитом на территориально-автономные части. При этом членами национальных союзов граждане становятся не по территориальному, а по персональному признаку: в него вступают все члены данной нации, где бы они ни проживали на всем пространстве федеративного государства. Отсюда и самый термин: «национально-персональная автономия».

Насколько создание таких национальных «государств в государстве» осуществимо и насколько оно в частности соответствует интересам русского еврейства, которое с внешней стороны наиболее подходит к указанной выше конструкции, сказать трудно. Несомненно, однако, то, что в описываемую эпоху лозунг «национально-персональной автономии» был очень выгодной оборонительной позицией против агрессивной национальной политики господствующего большинства. Украинская власть сама родилась из национального движения, она еще не успела заразиться привычками «державности». Ей не шло поэтому подавлять чисто национальные устремления других народов. И действительно, проекты меньшинств о национальной автономии не встретили особых возражений. И в начале января закон о «национально-персональной автономии» был принят Центральной радой.

Самоуправление национальных союзов должно было строиться по демократическому принципу, на началах всеобщего избирательного права и парламентаризма. Между тем ни рада в целом, ни отдельные представительства национальных меньшинств в раде и национальных советах не соответствовали этим началам. Здесь и там были представлены революционные организации и партии; умеренные же и правые элементы либо устранились сами, либо не были допущены. Между тем в населении эти элементы были сильны и становились все сильнее и сильнее. Отсюда не могли не возникнуть конфликты, которые особенно резко проявились в еврейской среде.

Совершенно отказаться от демократических начал, как это впоследствии сделали большевики и директория, господствующие группы тогда еще не решались. Поэтому всеобщие выборы, где было возможно, происходили, и результаты их не подтасовывались. Но вместе с тем левые группы стремились использовать свое большинство в тех временных органах, куда они были вброшены революционной волной. Между тем элементы умеренные и правые не могли примириться с тем, что их майоризируют в раде и национальных советах, в то время как каждые новые выборы приносят им все большие и большие успехи.

Так-то в роковой момент укрепления советской власти мы в Киеве были заняты своими местными и национальными делами.

Связующим звеном с общероссийской действительностью служили для нас только старые политические партии, особенно эсеры и эсдеки-меньшевики. Их ряды уже тогда стали пополняться начавшими приезжать к нам с севера беглецами. Эти партии, как тогда выражались, «ориентировались на Всероссийское учредительное собрание». Они же муссировали агитацию за его поддержку. Для этого был создан особый «Комитет защиты Всероссийского учредительного собрания». Но агитация российских партий особого успеха у нас не имела. Без всякого подъема прошли перед тем и самые выборы в Учредительное собрание. Я имел касательство к этим выборам в качестве председателя одной из участковых избирательных комиссий. Вместе с моими сотрудниками я провел дни 27 и 28 ноября 1917 года, от 9 часов утра до 9 часов вечера, в помещении комиссии, принимая избирательные бюллетени. По городу Киеву очень много голосов получил тогда «союз русских избирателей», ведший на первом месте В. В. Шульгина. Но деревня голосовала «оптом» за список украинских эсеров и украинских эсдеков с Грушевским, Винниченко и др., и в результате из 22 депутатов от киевской губернии 21 место получили украинцы и одно—«еврейский национальный комитет», по списку которого прошел Н. С. Сыркин.

Между прочим на выборах в Учредительное собрание благодаря пресловутой системе списков практиковался еще один способ одурачивания избирателей, который не был известен на выборах в городские думы. По изданному Временным правительством—после шестимесячного обсуждения—избирательному закону, один и тот же кандидат мог баллотироваться в пяти губерниях. Все партийные лидеры для обеспечения своих мандатов и для рекламы своих партий использовали это право. Избранные сразу в нескольких местах отказывались от излишних мандатов в пользу следующего кандидата по списку. Так, в Киеве кадетский список возглавлялся М. М. Винавером (фактически избранным в Петрограде), а список еврейского национального блока—О. О. Грузенбергом (прошедшим в Одессе). То и другое делалось для уловления голосов. И таким образом киевские избиратели, голосуя за Грузенберга, в действительности избирали Сыркина, а голосуя за Винавера, избирали Григоровича-Барского...

Выборы в Учредительное собрание протекали довольно вяло. А имевшие место спустя пару месяцев выборы в Украинское учредительное собрание не вызвали уже решительно никакого интереса у населения; абсентеизм достиг на этих выборах колоссального процента. Избиратели как будто предчувствовали, что ни та, ни другая конституанта не дойдет до выработки конституции.

Трагическая борьба против большевизма, которая в эти первые месяцы еще не затихла в Петрограде и Москве, встречала наше бессильное сочувствие. Мы, со своей Россией, возмущались разгоном Учредительного собрания, оплакивали судьбу Духонина, Шингарева и Кокошкина и героическую гибель москов-

ских и петроградских юнкеров. Но мы чувствовали себя и были скованными...

Украина отделилась в самый роковой момент русской революции, когда внутри страны захватили власть и все более и более укреплялись большевики, а во вне немцы решили дать России coup de grâce (последний удар) и—освободить свои армии для решительного наступления на Западе. Людендорф действительно мог торжествовать: на всем восточном фронте было заключено перемирие, и в Брест-Литовске начались переговоры о сепаратном мире между центральными державами и Россией.

Новорожденная «Украинская народная республика» в первые недели своего существования еще окончательно не остановилась на германской ориентации. Через Киев проезжали в то время, покинув Ставку верховного главнокомандующего, военные атташе союзников. Некоторые из них, повидимому, надеялись найти в Украине центр для продолжения борьбы, после того как всероссийское правительство положило оружие. Украинский министр иностранных дел—А. Я. Шульгин—не был германофилом; его честной натуре претила идея сепаратного мира против воли и за счет вчерашних союзников. Он, видимо, надеялся способствовать миру всеобщему; его патриотизму льстила мысль о том, чтобы Украина выступила как его инициатор. Поэтому он в ноябре и декабре 1917 года всячески старался войти в контакт с союзниками, хотя бы в лице приехавших в Киев военных атташе.

Однако события оказались сильнее самых благородных побуждений. Слишком уж явственна была выгода для самостийной Украины от немедленного мира, чтобы менее разборчивые в средствах коллеги нашего министра иностранных дел не ухватились за эту возможность. И действительно, Генеральный секретариат послал в Брест для переговоров украинскую делегацию. Германцы поступили очень умно, тотчас же признав ее и начав вести с ней переговоры, параллельно переговорам с Троцким.

Делегация Центральной украинской рады в Бресте состояла из Голубовича, Севрюка и Левицкого. Мне пришлось присутствовать в заседании рады, на котором эта делегация делала свой первый доклад; заседание было чрезвычайно характерным и интересным. Впрочем, речь шефа делегации и будущего украинского премьера Голубовича была по обыкновению бесцветна. Но большое оживление внес доклад Севрюка—совершенно еще молодого человека, чуть ли не студента, но при этом весьма неглупого и занимательного юноши. Он не без юмора рассказал о препирательствах украинцев с большевистской делегацией. Наконец третий делегат, Левицкий, в простоте душевной никак не мог скрыть своего восторга по поводу выпавшей на его долю почетной миссии—представлять самостоятельную Украину на международной конференции. Украинские делегаты могли услышать критику только со скамей «меньшинств»: разногласия между самими украинскими партиями по вопросам войны и мира естественно не выносились наружу.

И действительно, на этот раз мирной делегации досталось от Рафеса, произнесшего по этому поводу одну из удачнейших своих речей.

Рафес находился тогда как раз в полосе оппозиции против украинцев (в октябре он выступил в городской думе с речью против Временного правительства и в пользу украинцев и большевиков). Смысл его речи в раде был тот, что украинская мирная делегация стремится использовать Брест в целях утверждения самостийности и что для этой цели ею сознательно предаются интересы России; и без того слабая позиция России на конференции еще ослабляется внутренним расколом, который не преминут использовать немцы.

Все это было сказано открыто и с большой смелостью; смелостью он вообще обладал. Зал Педагогического музея, в котором заседала рада, был переполнен, на хорах разместились солдаты, и настроение аудитории было чрезвычайно враждебно по отношению к оратору. Ему отвечал с трибуны Шульгин, которому пришлось заступиться за своих коллег. Он в довольно сдержанной форме заявил, что мир приходится заключать, так как воевать мы больше не можем. Легко критиковать действия делегации, работающей при таких условиях. Но пусть товарищ Рафес лучше скажет, как же нам продолжать войну?

«Дайте ему ружницу!»—раздалось откуда-то с хоров.

Этот добродушный Zwischenruf несколько разрядил атмосферу...

Вторично мне пришлось быть в раде уже в начале января 1918 года, когда ясно обозначалась угроза большевистского завоевания Украины. Настроение было чрезвычайно напряженное, солдаты на хорах неистовствовали, требуя объявления «самостийности». Военный министр Порш, которого потребовали на трибуну, давал объяснения о положении на фронте и об организации украинской армии («Вильного казачества», как она тогда называлась). Ему приходилось усовещевать аудиторию, взывать к терпению и выдержке. Еще, по его словам, не время провозглашать Украину независимой державой, пока у нее нет настоящей армии...

Неизвестно, насколько искренни были увещевания Порша. Но несомненно то, что пустив в солдатские массы лозунг «самостийности», украинские политики ничем уж не могли заставить эти массы терпеливо дожидаться подходящего момента для ее провозглашения. Демагогия всегда была и будет палкой о двух концах,—она доставляет главарю призрачную власть над толпой и в то же время дает толпе реальную власть над главарем.

Под несомненным давлением солдатских масс лидеры украинских партий в конце концов решились на объявление самостийности. Оно произошло 14 января 1918 года, в форме провозглашения четвертого (и последнего) Универсала. Все украинские партии, разумеется, голосовали в раде за Универсал. Но из представителей меньшинств на этот раз никто не голосовал з а, большинство воздержалось и, кажется, российские с.-д., с.-р. и «Бунд» голосовали п р о т и в.

То была начальная эпоха большевизма, когда Совет народных комиссаров каждый день издавал декреты, знаменовавшие собой осуществление тех или иных «завоеваний революции»,—отмену права собственности, национализацию, провозглашение различных прав и преимуществ пролетариата. Украинцы не могли слишком отставать в этом революционном пылу; поэтому в четвертый Универсал было включено провозглашение социализации земли, рабочего контроля над производством и т. п. Вообще позиция господствовавших украинских партий состояла тогда в том, что они в сущности отнюдь не правее большевиков—те за немедленный мир и эти за немедленный мир, те за непосредственный переход к социализму и эти за непосредственный переход к социализму, у тех власть в руках советов, а у этих—в руках Центральной рады, которая также является представительством пролетариата и беднейшего крестьянства. Однако, несмотря на все старания украинцев доказать, что они—те же большевики, это соревнование в левизне окончилось не в их пользу...

26 января 1918 г. Киев был занят советским отрядом Муравьева. Бомбардировка города длилась целых 11 дней—от 15 до 26 января. Большевистские батареи были расположены на левом берегу Днепра, в районе Дарницы. Оттуда перелетным огнем производился обстрел города. Посылали они к нам попеременно трехдюймовки и шестидюймовки...

Жертв среди жителей было сравнительно немного; но разрушения были ужасны. Думаю, что не менее половины домов в городе так или иначе пострадало от снарядов. Возникали пожары, и это производило особенно жуткое впечатление. Большой шестиэтажный дом Баксанта на Бибиковском бульваре, в чердак которого попал снаряд, загорелся и пылал в течение целого дня. Водопровод не действовал, так что пожарная команда и не пыталась тушить. Пламя медленно опускалось с этажа на этаж, на глазах у всего народа. От дома остался только голый каменный остов.

Легко представить себе состояние киевлян в эти дни. Пережив затем еще десяток переворотов, эвакуаций, погромов и т. п., киевские жители до сих пор с особым ужасом вспоминают об этих одиннадцати днях бомбардировки. Почти все время население провело в подвалах, в холоде и темноте. Магазины и базары, само собой разумеется, были закрыты; поэтому приходилось питаться случайными остатками и запасами, которых тогда никто еще не считал нужным иметь.

К ужасам и страхам, вызываемым непосредственной опасностью от артиллерийского огня, прибавлялись страхи внутреннего порядка. Тогда мы в первый раз увидели, что в гражданской войне, в момент перехода власти, о б е борющиеся стороны одинаково враждебны и одинаково опасны для населения. Завтрашняя власть, естественно, отождествляет его с враждебной ей партией, под ферулой которой оно еще находится; вчерашняя же власть, потеряв надежду удержаться, теряет вместе с тем всякий интерес

к населению—к его безопасности, к его пропитанию, к его политическим симпатиям. У нас часто случалось, что отступавшие войска творили больше бед, чем сменявшие их завоеватели. Впоследствии мы неоднократно имели случай убедиться в непреложности этого своеобразного социологического закона.

На этот раз уходили украинцы; и они покидали Киев не так, как оставляют родной город и столицу, а как эвакуируют завоеванную территорию. В центре города, на улицах и площадях, были расставлены батареи; это в некоторой степени и оправдывало, с стратегической точки зрения, артиллерийский обстрел извне. Город не эвакуировался до последней возможности, хотя никакой надежды удержать его у украинского командования не было. Это, разумеется, только напрасно затягивало обстрел.

Внутри города, как и естественно, царил хаос и сумятица. «Вильное казачество», защищавшее город, чинило всякие эксцессы; во дворе нашего дома расстреливали людей, казавшихся почему-либо подозрительными. В последние дни, уже под обстрелом, происходил министерский кризис: Винниченко ушел, его сменил умеренный эсер Голубович. Рада заседала (в подвале Педагогического музея) и рассматривала какие-то законопроекты.

Население города чувствовало себя оставленным на произвол судьбы,—жалкой игрушкой в руках безответственных политических экспериментаторов.

Мы сидели по подвалам и нижним этажам, прислушивались к звукам пролетавших снарядов, и при каждом ударе обсуждали вопрос: выстрел это или разрыв? За два дня до конца бомбардировки, посреди таких рассуждений, нас оглушил невообразимый грохот. Это уж, несомненно, был разрыв, притом в самой непосредственной близи. Оказалось, что артиллерийский залп угодил в наш дом. Насчитывали впоследствии около двадцати попавших в нас снарядов. Все стекла фасада вылетели. Снаружи и внутри дома оказалось много повреждений.

Улучив минуту затишья, я с трепетом поднялся на 7-й этаж в свою квартиру, представлявшую весьма благодарную мишень для прицела. Предо мной развернулось довольно непонятное зрелище. Все стекла были выбиты, большое трюмо в передней разлетелось вдребезги. В библиотеке картина была такова, будто в ней похозяйничали домовые или какие-нибудь озорники: толстые фолианты Свода законов валялись на полу, среди вещей был заметен беспорядок. Однако непосредственных следов от снаряда заметно не было. Это и придавало обстановке характер какого-то намеренно устроенного беспорядка... Но когда я зашел в свой кабинет, картина совершенно разъяснилась: там была выломана часть стены, обстановка, вещи и книги представляли кучу развалин; воздух был полон густой пылью, как это бывает возле построек, которые сносятся на лом. Очевидно, снаряды попали именно сюда, здесь же произошел и разрыв. Но сотрясение было так сильно, что движение воздуха наделало беспорядок и в соседних комнатах...

26 января утром в город вступили большевики.

Они пробыли тогда в Киеве всего три недели, и тот первый лик большевизма, который мы увидели за это короткое время, не был лишен красочности и своеобразной демонической силы. Если теперь ретроспективно сравнить это первое впечатление со всеми последующими, то в нем ярче всего выступают черты удальства, подъема, смелости и какой-то жестокой непреклонности. Это был именно тот большевизм, художественное воплощение которого дал в своей поэме «Двенадцать» Александр Блок.

Рада, бежав из Киева, заседала в Житомире; о ее переговорах с немцами ничего еще не знали. Но уже в ближайшие дни после получения первой телеграммы о Брестском мире по городу стали ходить слухи о германском наступлении на Украину. Вскоре стало заметно смущение и у самих большевиков. А еще через пару дней одна из местных газет осмелилась перепечатать приказ одного немецкого генерала, в котором говорилось, что германская армия, по просьбе представителей дружественного украинского народа, идет освобождать Украину из-под власти большевиков.

Наступление немцев шло с фантастической быстротой. Никакого сопротивления им не оказывали. Через каких-нибудь 7 дней после подписания мира они были уже в Киеве. При этом вступление немецких войск в город еще было задержано на день или два, пока прошли на восток эшелоны чехо-словацких полков.

Последние ночи, как обычно пред сменой власти, были довольно тревожные. Во всех домах дежурила охрана, организованная домовыми комитетами из жильцов. Имел место целый ряд налетов.

Пожаловали незваные гости в эту ночь и к нам. К дому подъехал чуть ли не целый эскадрон в расшитых мундирах одного из гвардейских полков. И вместо того чтобы протанцовать балет из «Пиковой дамы», эти кавалеристы занялись повальным обыском во всех квартирах. Для острастки было выпущено на лестнице несколько зарядов, жертвой которых пал один из наших жильцов. А затем приступили к обходу квартир.

Остальные жильцы, как говорится в газетной хронике, отделались испугом. Была своевременно вызвана охрана, состоявшая из солдат какого-то другого полка. Обе части вели некоторое время переговоры и, кажется, чуть-чуть не поменялись ролями. Но в конце концов,—вероятно, в предвидении наезда еще какой-нибудь третьей части,—объяснили дело поисками оружия и оставили нас.

На следующее утро, после бегства Евгении Бош и остальных комиссаров, в город вступили довольно мизерные украинские части под командой Петлюры. Немцы из галантности предоставили им честь войти первыми. А в середине дня в городе стало известно, что на вокзале немцы.

Имена Гинденбурга и Макензена вызывали трепет, но не внушали симпатии. И приход немцев в качестве победителей и покровителей ощущался, как что-то обидное и оскорбительное. Наиболее ярко выразил эти чувства В. В. Шульгин, который в день

прихода немцев выпустил прощальный номер «Киевлянина» с полной достоинства передовой статьей и временно прекратил издание своей газеты. «Киевлянин» возобновился только в сентябре 1919 года после вступления в Киев добровольческой армии. Те же чувства, в менее острой форме, разделялись тогда всеми. Но любопытство брало верх, и киевляне массами устремлялись на вокзал, чтобы поглядеть на заморских гостей. Должен сознаться, что побывал в тот день на вокзале и я. 3½ года мы не видели ни одного немца, не слышали немецкого слова, не прочли немецкой газеты. Было уж очень любопытно поглядеть на них, да еще в такой неожиданной обстановке.

Немецкие войска, которые мы увидели на киевском вокзале, были очень мало похожи на тех молодцеватых манекенов, которые в мирное время занимались шагистикой на улицах Берлина. Вид они имели обветренный, уставший и истощенный. Одетые в однотонно-серый цвет, с серыми мешками на плечах, возле серых повозок и кухонь, немецкие полки производили впечатление какого-то каравана странников.

Впрочем, на следующий день на Софийской площади немецкое командование устроило довольно импозантный парад, который, по словам присутствовавших, уже более напоминал наши прежние впечатления о германской армии. При этом, как мне передавали, один офицер с презрением воскликнул по адресу провинившегося в чем-то прохожего: «Er glaubt, er wäre noch in Russland!» («Он думает, будто он еще в России»).

С величайшим любопытством киевляне наблюдали поведение немцев в первые дни оккупации. Свою административную деятельность немцы начали с того, что нарядили сорок баб, которым было велено горячей водой и мылом вымыть киевский вокзал. Об этом анекдоте много говорили; но тем не менее, это сущая правда. Правда и то, что на моей памяти—ни до, ни после этого случая—никто не подумал вымыть наш вокзал.

Затем началось то, что один немецкий солдат, на расспросы о цели их прихода, формулировал словами: «Wir werden Ordnung schaffen» («Мы наведем порядок»). Был отпечатан прекрасный план города на немецком языке. На всех перекрестках были прибиты дощечки с немецкими надписями. Особые стрелки указывали, как куда пройти, и тут же было приписано, сколько минут это займет. Весь город был, как паутиной, опутан телеграфными и телефонными проводами, служившими для надобностей германского штаба. Эти проволоки как бы символизировали то, как по рукам и ногам связывала нас оккупация.

Самой положительной стороной этого времени было восстановление связи с частью Европы. Немцы открыли в Киеве два больших книжных магазина. В них можно было получать, кроме книжных новинок по всем отраслям знания, также свежие берлинские и венские газеты.

Серое здание киевского дворянства на Думской площади было,

после надлежащей мойки, обращено в германскую комендатуру. Каждое утро у входа в это здание можно было прочесть сообщенную по радио последнюю сводку германского штаба, за подписью генерала Людендорфа.

Немцы с первого дня не скрывали, зачем они пришли. По мирному договору с Украиной, они должны были получить от нас миллионы пудов хлеба. Для обеспечения этой поставки им и нужно было «Ordnung schaffen» (навести порядок) на Украине. Продовольствие вывозилось в Германию по различным каналам. Для обывателей наиболее заметными были частные посылки солдат, которые, разумеется, в действительности не играли существенной роли. Немцы, со своей педантично-деловитой сентиментальностью, устроили в Киеве специальный магазин, в котором продавались «Kistchen für Heimatspakete» (ящики для посылок на родину)—небольшие деревянные ящики подходящего размера и формы, куда упаковывалась отправляемая посылка. Пытались наладить частный экспорт и в широком масштабе; в Киеве открылись конторы обширных торговых организаций (в частности так называемой «Deutsche Wirtschaftszentrale»), основанных с этой целью. Приезжал тогда в Киев и глава имперского военно-продовольственного ведомства фон-Вальдов.

В конечном результате, как известно, германцам и австрийцам не удалось вывезти из Украины того количества продовольствия, на которое они рассчитывали. Помешала незамиренность деревни, расстройство транспорта и общеполитическая обстановка, при которой закончилась оккупация. В первые месяцы, однако, немцы были на вершине своего могущества; с большой энергией и настойчивостью принялись они за выкачивание необходимого им хлеба. Естественно, что они не могли терпеть ничего, что шло в разрез с их целями и планами. И потому-то оккупационным властям очень скоро пришлось вмешаться в наши внутренние политические дела.

Формально в Киеве и во всей Украине с 1 марта 1918 года (когда были изгнаны большевики [1]) была восстановлена верховная власть Украинской центральной рады. В Киев возвратился и украинский парламент, со своим президентом М. С. Грушевским, и кабинет министров, который возглавлялся Голубовичем. Но по существу эта возрожденная самостийно-украинская государственность производила в эти месяцы довольно жалкое впечатление. Чувствовалось ее полное бессилие рядом с опекавшей ее германской военщиной.

Единственная область, в которой украинской власти предоставлялась полная свобода действий, это была политика национальная (вернее, националистическая). И сами украинцы по возвращении в Киев давали себе волю в этой области. Именно в эту эпоху

[1] Большевики вступили в Киев 26 января и ушли 1 марта. Тем не менее они пробыли у нас только три недели. Дело в том, что с 1 февраля 1918 г. был введен новый стиль; так что мы перешли сразу от 31 января к 14 февраля.

начались антиеврейские эксцессы—сначала в виде самосудов над отдельными заподозренными в большевизме лицами. Под предлогом обвинения в большевизме украинские сечевики захватывали и расправлялись с евреями, которых им почему-либо хотелось убрать. В самом Киеве имел место целый ряд таких самосудов; в провинции, естественно, дело обстояло еще хуже. Были случаи пыток и издевательств. Все это оставалось безнаказанным...

Так расправлялись с евреями. В области же украинской haute politique (большой политики) шла ожесточенная борьба против всего «российского». Началась украинизация различных учреждений—обязательное введение украинского языка и т. д.

Особенно больно затронула нас национализация суда. Настроения киевской адвокатуры, проявившиеся в общих собраниях в декабре, получали все больше и больше пищи. Политика и национализм захлестывали дело правосудия. Так как и состав суда и состав адвокатуры был абсолютно несведущ в украинском языке, а между тем сразу заменить их было некем, то, естественно, украинизаторам приходилось действовать медленнее, чем они бы хотели. Они начали свою реформу сверху, упразднив киевскую судебную палату и заменив ее «Апелляционным судом», состав которого был избран Центральной радой. Все правила о судейском цензе были при этом отменены—иначе бы реформа оказалась неосуществимой,—и новоиспеченные «апелляционные судьи» были во многих случаях на уровне членов мирового съезда. Все прежние члены палаты, среди которых были хорошие юристы, были уволены. Только немногие из них выставили свою кандидатуру в Апелляционный суд.

Одновременно с этим был учрежден Генеральный суд в качестве заменяющей сенат кассационной инстанции.

Перспективы для судебных деятелей были мрачные. Но, кроме вынесения резолюций протеста, мы были бессильны что-либо делать. И на годовом общем собрании молодой адвокатуры 27 марта 1918 года я не мог иначе подвести итог царившему у нас настроению духа, чем воспроизведя заключительные слова В. В. Шульгина из его статьи в прощальном номере «Киевлянина»: «Есть положения, в которых нельзя не погибнуть. Нет положения, из которого нельзя было бы выйти с честью»...

Слова эти оказались в данном случае, быть может, уж слишком пессимистическими. Через месяц погибли не мы, а та власть, при которой нам «нельзя было не погибнуть». Мне самому пришлось присутствовать при ее умирании и вблизи вглядеться в гиппократов лик Центральной рады.

В первых числах апреля 1918 года я был делегирован комитетом еврейской народнической партии («фолькспартай») в Малую раду. Лидер нашей партии в Киеве—В. И. Лацкий-Бертольди—около того же времени вступил в кабинет Голубовича в качестве еврейского национального министра. Это последнее обстоятельство не мешало, однако, нашей партии входить в хронически-оппозиционный

блок национальных меньшинств. Ближе к правительственной политике примыкали сионисты, которым только их буржуазная репутация преграждала доступ в министерство.

В раде я пробыл всего около трех недель,—в конце апреля она была распущена,—и успел только присмотреться к окружающей обстановке, редко принимая активное участие в прениях. Впрочем, по занимаемой мною позиции я и не мог быть особенно активен в раде. Кадетов в раде уже не было, сионисты и польские демократы заигрывали с украинцами, украинские социалисты-федералисты очень дорожили своей национальной и социалистической репутацией. Таким образом, я оказался на самом правом крыле, чуть ли не единолично представляя по многим вопросам оппозицию господствовавшим течениям. Поэтому я не мог бы выступать иначе, как резко оппозиционно; а навлекать на свою партию и национальность одним модерантизма и контрреволюционности мне бы не позволил мой ЦК.

Недели через две мое положение стало для меня уже совершенно ясным, и я начал подумывать о том, не следует ли мне уйти из рады. Но через несколько дней об этом уже не приходилось больше думать, так как сама рада перестала существовать.

Малая рада,—только она имела значение, так как пленум Центральной рады собирался раз в несколько месяцев и, воспроизводя в расширенном масштабе то же соотношение сил, не вносил ничего нового,—Малая рада заседала в Педагогическом музее. Это выстроенное миллионером Могилевцевым здание, на освящении которого в 1911 году присутствовал за несколько дней до своей гибели П. А. Столыпин, было более или менее подходящим пристанищем для миниатюрного парламента, каким и была Малая рада. Большой лекционный зал под стеклянным куполом был даже очень эффектен, как зал парламентских заседаний.

Председателем (или, как его называли по-украински, головой) Центральной рады был Михаил Сергеевич Грушевский. Он был, действительно, главой и ментором всего сборища депутатов. Он стоял неизмеримо выше их по своему образованию, европейскому такту и умению руководить заседаниями. Отношение членов рады к Грушевскому было чрезвычайно почтительное; его называли «профессором», «батькой» и даже «дедом». Он и по возрасту годился в деды большинству депутатов. Низкорослый, подвижный, с большой седой бородой, в очках, с блестящим взглядом из-под нависших густых ресниц, он напоминал на своем председательском кресле сказочного деда-Черномора...

В министерстве в это время не было ни одной яркой фигуры. Премьер Голубович был совершенно бесцветен и не выдерживал никакого сравнения со своим предшественником Винниченко; из министров выдавался своим умом и хитрецой министр юстиции Шелухин; некоторым темпераментом обладал министр внутренних дел Ткаченко. Остальные—как военный министр Жуковский, министр торговли и промышленности Фещенко-Чоповский, министр труда

Михайлов—ничем не возвышались над общей массой деятелей рады.

Депутаты-украинцы делились на три значительные фракции: украинские эсеры, украинские эсдеки и социалисты-федералисты. Украинские эсеры были самой сильной партией в раде; к ним под конец присоединился и Грушевский, долго оставшийся беспартийным. Но вместе с тем эта фракция была наиболее бедна людьми; даже в премьеры она не могла выдвинуть никого ярче, чем Голубович. Украинские социал-демократы, к которым принадлежали Винниченко, Петлюра, Ткаченко, Порш и другие, были малочисленны, так как городские рабочие на Украине шли за общероссийскими партиями, а крестьянство по традиции поддерживало эсеров; но несравненно более значительный персональный состав этой фракции несколько сглаживал численное превосходство эсеров. Наконец социалисты-федералисты представляли наиболее умеренный и культурный элемент украинской общественности. Лидером этой партии был уважаемый всеми литератор С. А. Ефремов, ее газету («Нова рада») редактировал А. В. Никовский. Как наиболее умеренно националистическая группа, социалисты-федералисты жили сравнительно в ладу с представителями «меньшинств».

Эти последние продолжали фигурировать в раде приблизительно в том же составе, который я привел в первой главе. Присоединился только еще представитель народных социалистов, а кадеты (в лице С. Г. Крупнова) еще до 3-го универсала демонстративно вышли из рады. Самой враждебной к украинцам, хронически оппозиционной партией были российские эсеры, которых представлял в раде энергичный и способный А. Н. Зарубин. Меньшевики, с М. С. Балабановым во главе, также держались независимо, а иногда и мужественно. Рафес, представлявший «Бунд», говорил и орудовал больше всех; как я уже упомянул, он был в это время в полосе оппозиции к украинцам, которые весьма побаивались его острого язычка. Остальные еврейские партии были представлены довольно слабо.

Да и вообще общий уровень членов Малой рады был не из высоких. Грушевский умел придавать заседаниям некоторые парламентские аппарансы. Но по содержанию большая часть того, что говорилось в раде, было в значительной степени посредственным дилетантством.

Рада была номинально верховным органом украинской государственности. Но с момента прихода германских войск она фактически не обладала никакой силой и властью. Близорукость украинских главарей в том и проявилась, что они не учли этого осязательного факта и не сумели найти какой-либо приемлемый политический компромисс, при котором немцы могли бы продолжать поддерживать раду. Вместо этого они упорствовали в своей политике социалистических фраз, не хотели отступить ни на шаг от своей аграрной программы и т. д.

Между тем, как должно было быть ясно для всякого, немцы прислали свои войска на Украину не ради прекрасных глаз украинских министров и дипломатов. Им нужны были миллионы пудов продовольствия, которые они выговорили себе по мирному договору. Чтобы обеспечить доставку этого продовольствия,—а в этом была единственная задача немецких войск,—нужно было немедленно «Ordnung schaffen» в деревне. Земельная же политика рады—во всяком случае, в ближайшее лето—могла привести только к сумятице и недосеву. Этого-то немцы никак не могли потерпеть. На земельном вопросе политика рады в конце концов и сорвалась.

Около середины апреля, когда я уже был в раде, немецкий главнокомандующий, фельдмаршал фон-Эйхгорн, издал приказ, по которому временно, впредь до разрешения аграрного вопроса, устанавливалось, что как крестьяне, так и помещики будут считаться собственниками урожая с тех полей, которые каждый из них засеет. Мера эта была по существу разумная; она правильно учитывала хозяйственный дух крестьянства. Но, разумеется, это было явное вмешательство немцев в наши внутренние дела. Рада разразилась протестами и жалобами в Берлин. Протесты эти, конечно, ни к чему не привели; приказ не был взят обратно. Между тем украинцы потеряли последнюю возможность столковаться со своими покровителями.

После этого инцидента, германское командование (получив, очевидно, соответственные директивы свыше) окончательно изверилось в возможность работать с Центральной радой. Оно стало ждать удобного случая, чтобы раз навсегда от нее отделаться. Такой случай скоро и представился.

В одно прекрасное утро,—дело было в двадцатых числах апреля,—город был встревожен известием о происшедшем ночью таинственном похищении директора Русского для внешней торговли банка А. Ю. Доброго. К его дому подъехали какие-то люди и, предъявив мандат, увезли его в автомобиле. Дом находился недалеко от полицейского участка, куда успели дать знать. Но приехавшие представители сыскной полиции вели себя как-то странно и никаких мер не приняли. Несмотря на это последнее, никто в городе не сомневался, что Добрый не арестован законными властями, а пал жертвой каких-то вымогателей и налетчиков. Эту версию не опровергало и правительство.

Я имел в этот день судебное заседание и, возвращаясь около 2 часов дня домой, увидел, что по всему городу расклеены афишки с каким-то приказом на немецком и русском языках. Возле афишек толпилась публика, оживленно комментируя текст приказа. Я протиснулся к одной из афиш и прочел приказ главнокомандующего немецкими войсками ф.-Эйхгорна, в котором говорилось о злоумышленной агитации против германских властей и объявлялось, что отныне всякие проступки против немцев будут караться германскими военно-полевыми судами.

Трудно было установить связь между этим распоряжением и

исчезновением Доброго, но смысл приказа был совершенно ясен. Он объявлял по существу о военной оккупации Украины германскими войсками. «Союзная и дружественная армия», в качестве которой пришли немцы, разумеется, не устанавливает своей юрисдикции над гражданским населением занятой территории и во всяком случае не делает этого без ведома и согласия «союзного» правительства. Приказом Эйхгорна маска была сорвана.

Впоследствии выяснилось, что Добрый был не похищен, а подвергнут аресту и высылке по распоряжению двух министров—Ткаченко и Жуковского—с ведома министра-президента Голубовича. Причиной его ареста было его предполагаемое германофильство [1]. Фактически этот «арест», однако, мало отличался от самочинного налета: достойные исполнители министерского приказа за взятку согласились отвезти арестованного не в тот глухой городок, куда он значился высланным, а в Харьков. В Харькове ему удалось дать знать о себе немецким офицерам, которые и освободили его через несколько дней после падения рады. Но не только низшие агенты—само украинское правительство вело себя странно и недостойно в этом деле. На запросы с разных сторон, в том числе от немцев, Ткаченко и другие министры отвечали, что приняты меры к розыску Доброго. Это, разумеется, укрепляло всех в предположении о самочинном налете. В официальных заседаниях кабинета, как мне передавал Лацкий, о случае с Добрым говорилось в таком же смысле. Между тем одни из министров знали, а другие подозревали правду. Как выяснилось впоследствии на суде, знал ее и премьер Голубович. И тем не менее кабинет продолжал свою недостойную игру. На мой вопрос в закрытом заседании рады, как он объясняет непонятный образ действий уголовно-розыскного отделения, министр юстиции Шелухин кратко ответил мне, что не может дать никаких сведений по этому делу. Я объяснил себе его ответ, сказанный в довольно резком тоне, нежеланием нашего генерал-прокурора обнаруживать тайны незаконченного следственного производства. В действительности, однако, Шелухин, повидимому, также чуял правду, но не установил еще своей линии поведения.

Германские власти через несколько дней, видимо, получили сведения о причастности к делу Доброго украинских министров. Это и решило судьбу министерства Голубовича, а вместе с тем судьбу избравшей его Центральной рады.

Наши политические круги, и прежде всего рада, были чрезвычайно взволнованы приказом Эйхгорна. Малая рада собиралась 27 апреля три раза: утром в закрытом заседании, вечером в открытом и ночью снова в закрытом. Премьер Голубович в открытом заседании заявил с трибуны протест против нарушения германцами суверенных прав Украинской народной республики; он сказал, что

[1] Некоторые украинские круги в то время конспирировали против немцев.

правительство обратится в Берлин с требованием об отозвании из Киева представителей высшего германского командования. После речи Голубовича начались прения. Говорил в тот вечер, впрочем, один только представитель «руководящей фракции»—украинский эсер Янко, а затем заседание было прервано до следующего дня.

На следующее утро, при громадном стечении публики, заседание возобновилось. Настроение было очень встревоженное, но не безнадежное. В кулуарах рады передавали, что от берлинского посланника Севрюка получена телеграмма с благоприятными сведениями. По открытии заседания, первым выступил представитель украинских эсдеков Порш, после него Винниченко, впервые появившийся в раде со времени ее бегства из Киева в январе 1918 года. Винниченко говорил часа полтора, он прочел нам целую лекцию об украинском национальном движении. Затем появлялись на трибуне представители «меньшинств»—эсер Зарубин, поалей-ционн Гольдельман, еврейский социалист Шац. Все речи в той или другой форме протестовали против поведения немцев. Зарубин, как убежденный украинофоб, перекладывал вину на правительство, призвавшее немцев. А Шац, молодой человек с франтоватым видом, так увлекся своим красноречием, что назвал 70-летнего фельдмаршала Эйхгорна «прусским лейтенантиком с нафабренными усами».

Министерская ложа была в начале заседания полна, но постепенно большинство министров, в том числе Ткаченко и Жуковский, исчезли. Помню, как поразило меня в этот день осунувшееся лицо Ткаченко и лихорадочный блеск его глаз. Заседание все продолжалось, приближалось время перерыва, мы начинали уже уставать и около 4 часов дня на трибуне появился Рафес. Его речь—последняя речь, сказанная в раде,—была очень удачной. Он пытался очертить реальное положение вещей, потонувшее «в море слов, сказанных сегодня к делу и не к делу». И эта неприкрашенная действительность состояла, по его словам, в том, что немцы совершенно пренебрегают радой и правительством и начинают хозяйничать по-своему. Такого оборота событий следовало ожидать с того момента, как немцев призвали; и за него ответственны те, кто призвал их. «Говорю это,—сказал Рафес,—не с злорадством, а с печалью в душе»... Во время речи Рафеса кто-то подошел сзади к председательствовавшему Грушевскому и шепнул ему что-то на ухо. Грушевский ничем не реагировал на сообщенное ему известие и только через несколько минут, посмотрев на часы, заметил Рафесу, что его время закончилось. Рафес, однако, продолжал. Через несколько минут Грушевский снова обратился к нему со словами: «Ваш час скончился».

Рафес еще говорил заключительные фразы своей речи, когда с лестницы донесся шум, дверь в зал растворилась, и на пороге появились немецкие солдаты. Несколько десятков солдат тотчас вошли в зал. Какой-то фельдфебель (потом выяснилось, что это был чин полевой тайной полиции) подскочил к председательскому креслу и на ломаном русском языке крикнул:

«По распоряжению германского командования, объявляю всех присутствующих арестованными. Руки вверх!»

Солдаты взяли ружья на прицел.

Все присутствующие встали с места и подняли руки. С поднятыми руками, саркастически улыбаясь, стоял на трибуне Рафес. Порш (как будто в знак своей немецкой лояльности) высоко поднял руку с номером «Neue Freie Presse»; в другой, также поднятой руке он держал свой паспорт.

Грушевский, смертельно бледный, оставался сидеть на своем председательском месте и единственный во всей зале рук не поднял. Он по-украински говорил что-то немецкому фельдфебелю о неприкосновенности прав «парламента», но тот еле его слушал.

Немец назвал несколько фамилий, в том числе Ткаченко и Жуковского, которые приглашались выступить вперед. Никого из названных в зале не оказалось.

Тогда всем депутатам было предложено перейти в соседнюю комнату; при этом в дверях залы заседания солдаты ощупывали нас, ища оружия.

Мы столпились в указанном нам помещении. Комизм положения невольно настроил всех юмористически. Обсуждали вопрос, что же с нами будет—поведут ли в тюрьму или, может быть, вышлют в концентрационный лагерь?

Я оказался рядом с украинским эсером Янко, выступавшим накануне от имени своей фракции. «Теперь вы видите,—сказал я ему,—что было довольно легкомысленно, не имея никакой силы, вести политику, которая шла в разрез с видами тех, у кого сила была. Отчего вы не столковались во-время с немцами?» Мой эсер был, видимо, подавлен. «Да, нужно было пойти на уступки в земельном вопросе»,—сказал он наконец.

Наше сидение взаперти продолжалось не больше часу. Вдруг двери на лестницу раскрылись, и кто-то грубым и насмешливым тоном крикнул нам:

«Raus! Nach Hause gehen!» («Вон! Расходись по домам!»)

Мы спустились по лестнице вниз. На улице, у входов в здание рады, стояли броневики и пулеметы. Толпа любопытных глазела на пикантное зрелище.

Мы разошлись по домам...

III. Гетман и директория.

(май 1918 г.—январь 1919 г.)

Провозглашение гетмана. — Новое правительство. — Высокая конъюнктура. — Защита в немецких военно-полевых судах. — Политические преследования. — Киевское эльдорадо. — Финал германской оккупации. — Внутренняя политика гетмана. — Напускной украинский национализм. — Восстание Петлюры и крушение гетманства. — Директория. — Борьба против русских вывесок. — Трудовой конгресс. — Налеты. — Большевики с севера или союзники из Одессы? — Исход из Киева.

[29 апреля съездом «хлеборобов» в Киеве был совершен, по соглашению с немецким командованием, государственный переворот: власть рады была упразднена, и провозглашен гетманом ген. Скоропадский.] Никакого сопротивления, даже никакой попытки сопротивления ни с чьей стороны не было.

Как могло случиться, чтобы кучка дрессированных «хлеборобов» в несколько часов свергла власть Центральной рады и учредила гетманство? Объяснение этого дикого факта лежит прежде всего в том, что рада не имела ни физической, ни моральной опоры в городских массах. Что же касается деревни, то она «безмолвствовала» 29 апреля, но последующим своим поведением по отношению к гетману и к немцам показала, что она, во всяком случае, не на их стороне. У рады имелся военный министр Жуковский, который занимался похищением банкиров, но украинской армии, которая могла бы защитить раду, не существовало. Если не считать нескольких сотен сечевых стрельцов, то военная опора рады могла бы базироваться исключительно на германских войсках, да еще на привезенных немцами частях, составленных из бывших русских военнопленных. Эти последние, маршируя по улицам города, вызывали всеобщую зависть своей новёхонькой формой из синего сукна. Их и стали называть «синими жупанами». Но в политическом отношении синие жупаны в конце концов показались немцам слишком красными, и накануне падения рады они были разоружены. Позиция же самих германских войск воплощалась фигурой солдата с пулеметом на крыше цирка...

Рада успела собраться еще раз в самый день 29 апреля,—мне не удалось попасть на это заседание,—и впопыхах принять конституцию Украинской народной республики, выработанную Грушевским. Сейчас после заседания Грушевский скрылся, а члены рады разошлись по домам без особой уверенности в том, что им дадут ночевать дома. Однако в этот и ближайшие дни никаких арестов не было [1]. Немцы чувствовали себя слишком непреоборимо сильными, чтобы охранять себя от членов разогнанной и униженной Центральной рады. Гетманская же власть еще не успела наладить свой собственный полицейский аппарат.

---

[1] Насколько я помню, был только временно задержан И. О. Фрумин, как раз не состоявший членом рады.

Гетманский переворот произошел во всей Украине совершенно безболезненно. Никакого сопротивления новая власть не встретила. Ей оставалось выявить свое лицо и сорганизоваться.

Члены комитета фолькспартай собирались в эти дни на квартире С. Б. Ратнера для взаимного обмена информациями. Там же, помню, мы прочли первое пронунциаменто гетмана, оправдывавшее переворот и устанавливавшее конституцию новой власти. Когда стали читать вслух, статью за статьей, эту необычайно быстро испеченную конституцию, она показалась мне подозрительно-знакомой. Я взял из шкафа т. I, ч. I Свода законов и начал сравнивать читаемое с Основными законами по изд. 1906 года. Оказалось, что за немногими отступлениями гетманская конституция воспроизводила эти Основные законы. Порядок и почти весь текст статей Основных законов 23 апреля 1906 года был сохранен. Недоставало только «Учреждения государственного совета и думы». Зато был почему-то воспроизведен архаический «Комитет финансов».

Составление министерства представляло некоторые трудности. Украинские партии, в частности социалисты-федералисты, с которыми велись переговоры, отказались участвовать в правительстве. Правые группы охотно пошли бы, но придавать кабинету явно реакционную окраску, повидимому, не хотели. К участию в правительстве были приглашены кадеты, среди которых произошел по этому вопросу раскол, причем большинство высказалось за вхождение в кабинет.

Этот шаг был особенно труден для кадетов вследствие той германской ориентации, которую сама сила обстоятельств предуказывала гетманскому правительству. Участие в таком правительстве означало для партии народной свободы резкий разрыв со всем своим прошлым, отказ от основной своей позиции по вопросам внешней политики. С другой стороны, нельзя же было требовать от гетмана и его министров, чтобы они выступили против того немецкого солдата, который защищал их рождение на свет.

После некоторых колебаний, областной комитет партии народной свободы высказался за участие кадетов в министерстве. Собравшийся вслед затем областной съезд подтвердил это решение, причем на этом съезде выступили с программными речами новые министры-кадеты—Н. П. Василенко, А. К. Ржепецкий и С. М. Гутник. Однако эти речи только усилили впечатление отступничества, совершенного партией. Если при создавшейся ситуации кадеты имели полное основание считаться с германской оккупацией, как с совершившимся фактом, и не устранять себя от работы для пользы населения, то уже совершенно излишне было выступать с историческим обоснованием германофильства, как это сделал Василенко, припомнивший в своей речи все грехи англичан против России начиная с 1878 года...

Кабинет был в конце концов составлен под председательством Ф. А. Лизогуба,—председателя полтавской губернской земской управы, человека, пользовавшегося безукоризненной репутацией,

но в политическом отношении довольно бесцветного. Он же был назначен министром внутренних дел. Министром иностранных дел был назначен украинец Д. И. Дорошенко, замечательный главным образом своей красивой наружностью, министром народного просвещения—Н. П. Василенко, финансов—А. К. Ржепецкий, юстиции—проф. Чубинский, труда—проф. Ю. Н. Вагнер, торговли—С. М. Гутник, военным министром—ген. Рогоза и министром здравоохранения—д-р П. И. Любинский. Состав этого первого гетманского министерства был отнюдь не правый; напротив, наряду с умеренными консерваторами в него вошли деятели определенно прогрессивного направления. Но трагедия гетманского правительства в том и состояла, что по существу дела его направление и политическая программа были совершенно безразличны. Над ним была более сильная, бронированная рука, от которой в действительности зависело все.

«В лице гетмана Скоропадского,—пишет в своих воспоминаниях ген. Людендорф,—получил в Киеве власть человек, с которым можно было хорошо работать» [1].

Естественно, что немцы стремились всемерно использовать эту возможность и направляли политику гетмана в ту сторону, в какую им казалось выгодным. Истинным главой Украинской державы был все это время не ясновельможный пан гетман, и не голова рады министров, а начальник штаба армейской группы Эйхгорна ген. Грёнер. Впрочем, Грёнер не только по своему положению, но и по своей личности был самый крупный человек из всех подвизавшихся тогда в Киеве деятелей, русских и немецких; мы не были удивлены, когда в октябре 1918 года его призвали на самый высший пост в германской армии, на место ушедшего в отставку Людендорфа.

Германская гражданская власть была, напротив, представлена довольно бледно в лице посланника барона Мумма. Зато австро-венгерским посланником в Киеве был знаменитый граф Форгач, которого считают автором пресловутого ультиматума Сербии в июле 1914 г.

Гетманский переворот прошел под лозунгом восстановления земельной собственности и свободы торговли. В этом отношении программа нового правительства вполне соответствовала видам немцев; поэтому здесь ему давалась полная свобода действий. В первое время особенно проводилась политика покровительства торгово-промышленным кругам; и только в последние месяцы гетманщины, с дальнейшим поворотом вправо, объектом попечения сделалось землевладельческое дворянство.

Эта политика принесла реальные плоды.

Эпоха гетмана, действительно, характеризуется некоторым экономическим подъемом. Она была у нас временем «высокой конъюнктуры». Промышленные и торговые круги, с одной стороны, были

---

1 Meine Kriegserinnerungen, S. 502.

бливки к власть имущим и влияли на последних в выгодном для себя направлении; а с другой,—обеспеченный сбыт всевозможных товаров в Германию и Австрию создавал и в чисто экономическом смысле весьма благоприятную конъюнктуру для нашего края. Мы и пережили тогда эпоху грюндерства и спекулятивной горячки. Парализованная буржуазия севера устремилась в Киев. А у нас учреждались все новые и новые акционерные компании, и делались крупные дела.

Эта черта гетманского времени воплощается для киевлян в таинственном слове «Протофис». Таково было сокращенное наименование. Всеукраинского союза торговли, промышленности и финансов. Протофис образовался в первые же дни гетманщины, на торгово-промышленном съезде, на котором с большой речью выступил новый министр торговли Гутник. Он существовал все это время и был весьма активным фактором в нашей внутренней политике.

В связи с оживлением промышленности, банков, биржи в эпоху гетмана восстановились до некоторой степени и функции суда. Помогли этому и невольные послабления в области украинизации, о которых речь впереди. Адвокатура вновь почувствовала некоторую почву под ногами. Превращение Киева в столицу, обилие административных дел, в частности проведение уставов и концессий, обеспечивали для деловых адвокатов хорошие времена. Наряду с этим начавшиеся несколько позднее политические преследования вызывали необходимость в организации политических защит. Были даже попытки учреждения «группы политических защитников», подобно той группе, которая работала в 1905—1907 гг.

У меня лично связано с гетманским временем одно весьма своеобразное воспоминание из области адвокатской практики.

Это было в конце мая 1918 года. Однажды перед вечером телефонируют ко мне из комитета еврейской объединенной социалистической партии и просят выехать в тот же вечер с членом комитета Шацом в Белую Церковь. Там несколько дней назад арестованы товарищ городской головы Лемберг, председатель городской думы Рутгайзер и еще один гласный по обвинению в антигерманской пропаганде. Завтра утром их будут судить в немецком военно-полевом суде. Возможно, что допустят защитников. Комитет просит меня, вместе с Шацом, взять на себя защиту.

Я был крайне взбудоражен и смущен этим предложением. Военно-полевой суд, особенно германский,—тот самый военно-полевой суд, который был введен роковым апрельским приказом Эйхгорна,—представлялся нам чем-то весьма жутким. О деле белоцерковских гласных я слышал впервые и не имел никакого понятия ни о сущности обвинения, ни о возможностях защиты. И притом предстояло выступить в германском суде, процессуальные порядки которого были мне совершенно неизвестны, и плэдировать на немецком языке...

Но отказать в своем содействии я считал себя не вправе и поэтому, сложив фрак и необходимые вещи, отправился на вокзал,

В поезде меня познакомили с приехавшими из Белой Церкви членами городской управы, которые и рассказали нам вкратце суть дела. Подсудимых обвиняли в произнесении «речи возмутительного содержания» в заседании думы вскоре после германского переворота. Они несколько дней назад были арестованы, допрошены и в любой день, когда заседает полевой суд, дело их может быть заслушано. Завтра, в субботу, в 8 часов утра—очередное заседание суда. К этому времени нужно явиться в штаб, прочитать дело и «подготовиться к защите».

На следующее утро, надев фраки со значками, чтобы хоть чем-нибудь импонировать немецким офицерам, мы отправились в штаб расположенной в Белой Церкви германской дивизии. Штаб помещался в старинной помещичьей усадьбе владелицы местечка—графини Браницкой. Наши информаторы еще раньше объяснили нам, что все дело находится в руках одного лейтенанта, которого называют «Gerichtsoffizier» (судебный офицер); он вел следствие, он же будет и обвинять на суде. После переговоров с накрашенной особой, которая исполняла обязанности секретаря и переводчика, мы и предстали пред светлые очи этого лейтенанта.

Лейтенант Флеш принял нас вежливо, но с глубоким сознанием своего величия. Дело, к счастью, должно было слушаться только через неделю, и хотя показать самые акты Флеш обещал только перед заседанием, но из разговора с ним мы составили себе приблизительное представление о том, что ожидает нас на суде. Сам Флеш был великолепен в истинно-прусском апломбе своих непогрешимых суждений. Разумеется, обвиняемые были виновны во всем, что им приписывают; и разумеется, ничего другого нельзя и ожидать от этой городской управы, состоящей из русских социалистов. Дума занимается только политическими разговорами и агитацией, а все отрасли городского хозяйства—и в том числе, как он выразился, «das Bordellenwesen» [дома терпимости],—совершенно запущены...

Из разговора с Флешем мы приблизительно уяснили себе характер германского военно-полевого судопроизводства. Постоянного состава суда не существовало. Суд назначался в каждом отдельном случае приказом командующего генерала. Вся подготовка дела, следствие, прокурорские обязанности и наблюдение за исполнением приговоров лежали на «судебном офицере» (Gerichtsoffizier), имевшемся при каждом штабе или комендатуре. Он фактически председательствовал и в заседании и даже, сам не подавая голоса, руководил совещанием судей.

Самый процесс был свободен от формальностей и не очень связан законами [1]. Суд мог по своему усмотрению повышать и понижать назначенные в уголовном кодексе наказания. А командующий генерал, в качестве верховного распорядителя над судом,

---

[1] Между прочим, в ряде случаев германский суд превращал во время самого заседания свидетелей в обвиняемых и тут же выносил им приговор. Так было, например, с Голубовичем в деле об аресте Доброго.

обладал неограниченным правом не утверждать и изменять уже состоявшиеся приговоры суда. От него же зависело и допущение защиты, предание суду, назначение заседаний и т. д. Все эти правила имелись в виде печатной инструкции, которая, однако, как военная тайна, штатским на руки не выдавалась.

Ощущение некоторой жути, с которым я взялся за эту защиту, разумеется, не могло пройти после разговора с Флешом. Мало того, что приходилось защищать на чужом языке, пред враждебными судьями—не юристами; как теперь выяснилось, нам предстояло участвовать в процессе, не зная и даже не имея возможности узнать те законы, по которым он происходит...

Однако делать было нечего. Положение обвиняемых б е з з а щ и т н и к а представлялось нам при этих условиях еще в тысячу раз трагичнее. И мы надеялись по мере сил помочь им в предстоявшей неравной борьбе.

Повидавшись с подзащитными и условившись относительно подлежащих вызову свидетелей, мы с Шацом в тот же вечер отправились обратно в Киев. Через неделю я снова поехал в Белую Церковь, но уже не с Шацом, который заболел тифом, а с членом центрального комитета Бунда Ниренбергом. Остановились мы в Белой Церкви у городского головы Каткова—симпатичнейшего провинциального ветеринара и земца старой школы, который должен был быть главным свидетелем защиты.

На следующее утро, пред заседанием, мы успели наскоро просмотреть протоколы допросов и уяснили себе уязвимые места обвинения. Оно было целиком построено на показаниях полицейского чина, присутствовавшего в заседании думы, но сидевшего у выходных дверей и часто покидавшего зал, чтобы подышать воздухом. У немцев, на основании малограмотного доноса этого урядника, создалось впечатление, что это собрание было чем-то вроде митинга. Нам нетрудно было установить на суде, что в действительности имело место очередное заседание городской думы, на котором подсудимые выступали с докладом о съезде городских деятелей, незадолго пред тем происходившем в Киеве. В действительности доклад, разумеется, носил резко антигерманский и антигетманский характер. Но Флешу не удалось установить это путем допроса при помощи переводчика полицейского урядника. Катков же и некоторые гласные, допрошенные по нашей ссылке, дали показания в пользу подсудимых.

Я лично не сомневался в обвинительном вердикте. Отношение судей к подсудимым, как к русским, революционерам и евреям, было явно враждебным. Флеш, подзадориваемый наличностью защиты, изо всех сил старался добиться обвинения. Казалось, что, каковы бы ни были результаты следствия, приговор должен был прежде всего поддержать немецкий престиж и уж во всяком случае не оскандалить Флеша.

С большим волнением возвратились мы поэтому в зал, когда нас позвали для объявления приговора. «Суд постановил,—заявил

Государственная ордена Ленина БИБЛИОТЕКА СССР им. В. И. ЛЕНИНА

Флеш,—признать подсудимых оправданными. У суда имеются подозрения, что речи возмутительного содержания действительно были произнесены. Но следствие не дало тому достаточных доказательств»...

«Немецкая добросовестность за себя постояла»,—подумал я, услышав этот неожиданно-приятный приговор.

Немецкие военно-полевые суды налагали на подсудимых очень тяжкие наказания: 5 лет тюрьмы за пустяшный проступок Гельфмана, 2½ года тюрьмы за нарушение приказа о выдаче оружия и т. п. могут служить тому примерами. Положение подсудимых, не знающих немецкого языка, было ужасно; произвол «Gerichtsher'a» (коменданта) и всепоглощающие функции «Gerichtsoffizier'a» мало соответствовали представлению об упорядоченном судопроизводстве. Однако если сравнить эти суды с остальными формами политической расправы, которые практиковались в то время, то придется признать, что это была еще наилучшая форма. Она была лучше административных высылок, производимых в большом количестве самими немцами; и она была несравненно лучше полицейских репрессий, за которые принялось гетманское правительство.

К середине лета в кабинете министров наибольшее влияние получил министр внутренних дел Игорь Кистяковский. Он был самым толковым и активным членом гетманских кабинетов. Но и в новой роли его не оставила та неудержимая беспринципность, которой он отличался уже в качестве адвоката. Вплоть до последней фазы гетманщины он проводил украинскую национальную политику, что не помешало ему вступить 15 ноября 1918 года в новый кабинет, лозунгом которого было восстановление единой и неделимой России... Игорь Кистяковский и во время, и после гетмана был у нас притчей во языцех. Его обвиняли во всевозможных пороках и называли «злым гением» Скоропадского. Едва ли, однако, это было так. Народная молва, по моему убеждению, сильно преувеличивала значение и зловредность его личности.

В одной из своих программных речей Кистяковский установил принципиальное различие между «эволюционным» и «революционным» социализмом; по отношению к первому обещана была терпимость, второму же объявлялась беспощадная борьба. И, как всегда бывает в таких случаях, эта борьба свелась к тому, что «вартовые», заменившие прежних урядников, хватали кого им было угодно из общей массы участников революционного движения; этим последним затем предоставлялось, сидя в узилищах, доказывать, что они исповедуют не «революционный», а «эволюционный» социализм. Кому не удавалось доказать это, тот обычно подвергался выдаче германским властям, упрятывавшим его в один из ближайших концентрационных лагерей.

И как неизбежно бывает при всех формах административных репрессий, личные счеты, донос и взятка стали решающими факторами этой организованной Кистяковским юстиции.

Положение адвоката в подобных делах было совершенно бес-

сильно. Приезжает, бывало, из какого-нибудь городка мать, сестра или жена арестованного, устанавливает со слезами на глазах гнусную подоплеку дела и молит о защите. Но что делать и чем ей помочь? Приходилось обыкновенно ограничиваться составлением какого-нибудь прошения, которое имело единственной целью успокоить несчастную женщину и едва ли когда-либо действительно помогало арестованному. Если арест был произведен немцами и прошение подавалось в какой-нибудь штаб, то через несколько дней хоть получался тот или иной (обычно, неутешительный) ответ. Если же арестованный числился за «державной вартой» или за каким-либо «воеводой» (губернатором), то в этом случае нельзя было рассчитывать даже на ответ. В отдельных, наиболее серьезных делах, когда аресты носили массовый характер, мы пытались лично обращаться к министру юстиции, либо к прокурору судебной палаты. Нас обыкновенно принимали очень любезно и обещали полное содействие, тем дело и кончалось. Из таких крупных дел я помню в своей практике случай высылки в концентрационный лагерь всего состава еврейской общины г. Геническа по доносу уволенного учителя талмуд-торы; и арест нескольких десятков наиболее почтенных обывателей местечка Казатин, организованный, с явно шантажными целями, каким-то житомирским портным...

Еще более тяжелый характер носили массовые репрессии против крестьян. Были образованы особые комиссии по возмещению убытков, причиненных в революционную эпоху землевладельцам. Установленные комиссиями суммы убытков безжалостно выколачивались у крестьян с применением начала круговой поруки. Деревня отвечала местными восстаниями, подавлявшимися с большой жестокостью.

Из городского населения больше всех подвергались репрессиям евреи. Гетманское правительство взяло антисемитский курс, которого и следовало от него ожидать. Гетман опирался, с одной стороны, на немцев, с другой,—на правые русские круги. Во многих отношениях эти его десница и шуйца расходились и тянули каждая в свою сторону. Но в еврейском вопросе они были более или менее солидарны: и десница, и шуйца не любили евреев и приписывали евреям все крайности революции.

Я говорил уже о том, что благодаря частичному замирению, порядку и восстановлению права собственности, эпоха гетмана была для Киева и всей Украины временем высокой конъюнктуры. Действительно, хотя хозяйственная жизнь носила несколько взвинченный, спекулятивный характер, хотя прочной валюты не было, деньги обесценивались и цены росли, все же летом и осенью 1918 года жизнь в Киеве била ключом. Сами немцы, создавшие у нас «Ordnung» и сделавшие возможным хозяйственный подъем, позитивно ничем не могли способствовать благосостоянию оккупированной Украины. Это был момент наибольшего экономического истощения Германии, и немцы ждали от нас питательной манны. Поэтому они, в нарушение всех традиций, фигурировали у нас не как

импортеры, а исключительно как экспортеры. Притом предметом вывоза в Германию служило не только продовольствие и сырье; даже такие предметы, как электрическая арматура и лампочки, скупались немцами в киевских розничных магазинах и вывозились в Германию. Снабжали немцы нас книгами (в том числе русскими, в издании Ладыжникова) и отчасти химическими продуктами, в частности аптекарскими товарами. Но главная роль их в хозяйственной жизни была, как сказано, роль покупателей. Покупатели же они были крупные и щедрые, платили аккуратно в германских марках [1]. Поэтому торгово-промышленный мир охотно с ними работал.

Огромной заслугой немцев было то, что они наладили у нас транспорт. Стало опять возможным ездить и перевозить грузы по железным дорогам. Связь с Польшей и Германией была вполне нормальная: из Киева в Берлин поезда шли около двух суток.

Сравнительное благополучие Киева в гетманское время резко оттенялось быстрым обнищанием Петрограда и Москвы. На севере начинался уже голод, который был нам еще совершенно незнаком. А начиная с осени, после покушения на Ленина, начался и красный террор, с расстрелом заложников, чрезвычайками и ревтрибуналами.

Все, кто только как-нибудь мог, устремились к нам на юг. Киев, хотя и на короткое время, стал подлинным всероссийским центром.

К нам переехали правления всех банков, крупные промышленники и финансисты, представители аристократии, придворных и бюрократических кругов. За ними потянулась и интеллигенция—адвокаты, профессора, журналисты. Все устремилось в Киев...

В эти несколько месяцев, с августа по декабрь 1918 г., у нас, можно сказать, перебывал «весь Петроград» и «вся Москва». Были основаны газеты с петроградскими редакторами и сотрудниками, в театрах гастролировали столичные артисты, в местных банковских филиалах приютились центральные правления банков.

Город был переполнен, найти комнату становилось почти невозможным, квартиры продавались за сотни тысяч. На улицах было необычное оживление, кинематографы и театры не вмещали всех жаждавших развлечения, открылись десятки новых кабаре, кафе и игорных клубов. Попав после московского ада в это киевское эльдорадо, русский человек кутил, сорил деньгами, основывал новые предприятия и спекулировал. Разумеется, в этом вихре излишеств кружились только немногочисленные слои богатых и разбогатевших. Широкие же круги Петрограда и Москвы, в особенности круги интеллигентские, снявшись с мест, начали тогда свою печальную беженскую страду...

---

[1] При вступлении немецких войск в Киев был объявлен обязательный курс 1 марка = 66 коп. Затем курс марки был повышен до 75 коп. Австрийская крона обращалась по курсу 50 коп. Немецкая и австрийская валюты обращались в публике и охотно принимались по этим курсам.

* * *

Пребывание немцев на Украине совпало с наиболее драматическим периодом мировой войны—с грандиозным вторичным наступлением германцев против Парижа и с последовавшим затем контрнаступлением Фоша и поражением германской армии. Мы принуждены были смотреть на все эти события глазами немцев, так как наша информация ограничивалась немецкими источниками. Официальные сводки за подписью Людендорфа извещали нас об успехах германского оружия; попадавшая к нам немецкая пресса, как водится, раздувала и подогревала эти известия.

Стоявшие у нас германские части представлялись нам чудом организованности и деловитости. Однако дух этой армии уже давал трещины. Правда, офицерство сохраняло свою классическую самоуверенность и высокомерие. Но всем было ведомо, что a parte те же самые лейтенанты, как германские, так и особенности австрийские, сбавляли тон и шибко обделывали всевозможные дела с русскими, украинскими и еврейскими «лиходателями». Солдаты же расквартированных у нас немецких частей, набранные из наименее активных элементов армии, с самого начала не проявляли никакого воинского энтузиазма. Помню поразивший меня разговор между двумя солдатами, читавшими вывешенную сводку об очередной победе. «Довольно кормили нас известиями о тысячах пленных,— мира бы нам, одного только мира»... Эти слова были сказаны солдатом на улице, у самого входа в комендатуру. Притом дело было, кажется, еще в апреле 1918 года.

В июле на пути из здания штаба в свою квартиру был убит брошенной в него бомбой германский главнокомандующий фельдмаршал Эйхгорн. Почти одновременно с этим в Москве жертвой террористического акта пал германский посол граф Мирбах. Эти два факта не вызвали со стороны немцев ожидаемой реакции. Очевидно, Германия не чувствовала себя уже в силах ответить на них так, как она ответила в 1900 году китайским боксерам на убийство немецкого посла Келлера...

Аппарансы, впрочем, соблюдались до самого конца. Еще в сентябре 1918 года, когда положение на Западном фронте стало уже критическим, император Вильгельм пригласил к себе в гости гетмана Скоропадского, которому показывали заводы Круппа, Кильские пароходные верфи и т. д. И по возвращении в Киев гетман заявил (эти слова тогда же попали в прессу), что после всего виденного у него нет сомнений в непобедимости Германии.

Однако совершенно скрыть истину становилось в конце концов невозможным. Отступление во Фландрии и параллельное отступление полицейско-монархического режима на внутреннем фронте довольно явно обнаруживали приближение роковой развязки. А затем пришло 9 ноября 1918 года, образование правительства Эберта в Берлине и «Soldatenrat» (совет солдатских депутатов) в Киеве.

Внезапный разгром германской армии и заключение перемирия на направлении внутренней политики гетманского правительства. на продиктованных ей убийственных условиях тотчас же отразились Политика эта, с самого начала гетманства, была совершенно беспринципной. Единственным постоянным элементом в правительственной программе было угождение немцам. Немцы, повидимому, хотели образования независимой Украины [1]; поэтому гвардейский офицер Скоропадский стал украинским националистом и самостийником. Но его национализм, как и национализм его приближенных и министров, не мог быть искренним; это был лицемерный, притворный национализм. Когда Грушевский и Винниченко производили украинизацию и боролись против русского языка, это могло казаться некультурным и вредным, но во всяком случае это было осуществление мечты всей их жизни. Но когда нас стали украинизировать Скоропадский и Игорь Кистяковский, то это сугубо оскорбляло и коробило своим напускным, деланным характером.

Опираясь на те круги, на которые опиралось правительство гетмана, то есть на помещиков, буржуазию и старое чиновничество, невозможно было проводить на деле украинизаторскую политику. В конце концов люди, не умевшие говорить по-украински, не могли украинизировать, какими бы национальными титулами их ни называли. Потому-то весь исторический церемониал, которым окружал себя гетман,—все эти хоружие, бунчуковые, атаманы и старшины,—производили впечатление дурного маскарада. А деловые учреждения—министерства, суды—под новыми украинскими наименованиями сохраняли свою прежнюю русскую сущность [2].

Полнейшая беспринципность гетмана как нельзя лучше проявилась в последний месяц его правления. В первых числах ноября в наших «сферах» отчего-то взяло верх национально-украинское течение. Кабинет был преобразован, в него вошли социалисты-федералисты, и был взят резко-украинский курс. Но прошли две недели, принесшие с собой германскую революцию и конец войны, и картина переменилась с фантастической быстротой. Украинствующий кабинет ушел в отставку, ушел даже умеренный премьер Лизогуб. Место председателя Совета министров получил царский министр земледелия Гербель, в министерство внутренних дел вернулся преображенный Кистяковский, и был открыто провозглашен курс на «единую, неделимую Россию».

Вместе с тем, в правительственной политике произошел резкий поворот вправо. Доминирующую роль стали играть приехавшие

---

[1] За отделение Украины стояли по крайней мере германские правительственные и парламентские круги. Высшее военное командование как будто предпочитало в качестве германского вассала единую Россию.

[2] «Киевская судовая палата», в которую был преобразован учрежденный радой «Апелляционный суд», была фактически восстановленной Судебной палатой; во главе ее вновь стал Д. Н. Григорович-Барский. А «Державный сенат», в который превратился прежний «Генеральный суд», фактически сделался киевским отделением Правительствующего сената.

из Петрограда генералы, установился контакт Киева с Добровольческой армией, которая тогда шла в значительной мере под реакционными лозунгами. И первым актом нового правительства был вооруженный разгон безобидной студенческой манифестации, повлекший за собой много жертв.

Однако «российский» и правый кабинет гетмана просуществовал всего один месяц; образование этого кабинета послужило сигналом к восстанию Петлюры, которое закончилось падением гетманщины.

Петлюра, бывший в то время председателем Киевской губернской земской управы, летом 1918 года был признан недостаточно «эволюционным» социалистом и упрятан Игорем Кистяковским в Лукьяновскую тюрьму. Но эфемерное национально-украинское министерство в начале ноября освободило его. А 15 того же ноября он вместе с Винниченко выехал из Киева в Белую Церковь и выпустил там воззвание от имени «Директории Украинской народной республики», в котором призывал народ к восстанию и свержению гетмана.

«Это—авантюра!» с апломбом твердили у нас все, кто только говорил о политике. Об «авантюре Петлюры» и об его «бандах» писала «Киевская мысль» и вся остальная пресса. Однако эта авантюра все распространялась и усиливалась и в конце концов вплотную подошла к Киеву. Правительство гетмана металось в бессильной злобе, вело переговоры с высадившимися в Одессе войсками союзников, производило мобилизацию [1]. Но все это было напрасно. «Авантюра» Петлюры была уж очень скороспелой, и его армия, созданная за 2 недели, не могла быть сильна. Но гетман, со своими хорунжими и министрами, не опирался ни на кого и не мог создать никакой армии...

Несколько дней Киев был в осаде, ощущался недостаток в продуктах, цены подскочили, хлеб стоил 3 рубля фунт. Союзники все не появлялись, никакой помощи ни извне, ни изнутри подоспеть не могло, и 14 декабря 1918 года министерство вынесло постановление о сдаче города. Власть была передана демократической городской думе, которая несколькими месяцами раньше была распущена и заменена «Комиссией по делам городского хозяйства» с И. Н. Дьяковым во главе. Теперь, в последний час гетману пришлось потревожить «революционную реликвию»—Е. П. Рябцова, которому по традиции была вручена власть над городом в эти переходные дни.

В Киев вступили войска Директории, во главе с командиром «осадного корпуса», галичанином Коновальцем.

Как могло случиться, что правительство гетмана, державшееся 8 месяцев и установившее во всей стране относительный порядок,

---

[1] 1 декабря был объявлен призыв 2-летних, через неделю — мобилизация всех мужчин от 20 до 30 лет. Главнокомандующим гетманскими войсками был граф Келлер.

исчезло с лица земли в течение каких-нибудь двух-трех недель, почти без борьбы и сопротивления? Ключ к разрешению загадки был, разумеется, в той позиции, которую заняли в отношении восстания Петлюры немцы. У нас настолько прочно укоренилась уверенность, что на Украине ничто не происходит против воли немцев, что неожиданный успех восстания многие стали объяснять прямым содействием и руководительством с их стороны. В действительности, однако, никакой прямой помощи немецкие войска повстанцам не оказывали; содействие их выражалось, пожалуй, только тем, что отдельные немецкие отряды охотно давали себя обезоруживать и таким образом снабжали войска Директории оружием. Но не помогали немцы и гетману. А без их помощи вся гетманская держава должна была моментально лопнуть, как мыльный пузырь.

Немецкий нейтралитет во время восстания Петлюры не объяснялся ни сочувствием повстанцам, ни (как некоторые говорили) злокозненным желанием оставить на Украине хаос и тем повредить Антанте. Лучшее объяснение этого нейтралитета заключается в приведенных мною выше словах, которыми лейтенант Бюттнер мотивировал прекращение дела П. о шпионаже: «Es macht keinen Spass mehr»... У истощенной, уставшей и разочарованной германской армии не было ни малейшей охоты проливать кровь ни за, ни против гетмана. Ей хотелось возвратиться поскорее домой: в этом заключалась вся ее политическая платформа.

Войска Директории вступили в Киев, на Софийской площади был устроен парад; самой Директории, приехавшей несколькими днями позже, была устроена торжественная встреча на вокзале. Произошла очередная—по счету четвертая—перемена власти.

Первые дни Директории живо напомнили мне начало ноября 1917 года, когда впервые над нами получили власть украинцы. Сразу в политике и общественности установился тот же грубоватый [1] и вызывающий тон. Но только на этот раз наши властители, имея за собой феерический успех поднятого ими восстания, чувствовали себя уже подлинными национальными героями. Поэтому время владычества Директории, каких-нибудь шесть недель, было временем самого необузданного украинского национализма и руссофобства. И вместе с тем это было время неслыханно-кровавых и жестоких еврейских погромов.

Единственное административное мероприятие, которое Директория успела не только декларировать, но и осуществить, было снятие всех имевшихся в городе русских вывесок и замена их украинскими. Центр тяжести приказа лежал не в том (как обычно бывает), чтобы каждый магазин имел обязательно украинскую вывеску, а в том, чтобы русские вывески были обязательно сняты. Русский язык не допускался даже наряду с украинским. Вывески же на иностранных языках не подлежали снятию. Приказ о немедленной украини-

---

[1] Характерно в этом отношении то, что народный вождь Петлюра для поднятия дисциплины в своих войсках ввел наказание розгами!

зации вывесок частным образом мотивировался тем, что галицийские войска, которых Петлюра призвал освобождать Украину, были весьма сконфужены, когда они, овладев, наконец, Киевом, оказались в совершенно русском городе. Между тем для них-то русский язык был действительно чужд и мало понятен. И вот, уступая чувствам своих войск, атаман Коновалец издал свой исторический приказ, следы которого долго еще напоминали киевлянам об эфемерном владычестве Директории.

В большинстве случаев там, где вывески содержали только фамилию владельца магазина, реформа ограничилась изменением орфографии. В середине слов «и» были заменены «і», в окончании, напротив, «і» заменялись «и». Так, «Вишневский» превращался в «Вішневський» и т. п. Твердые знаки исчезли безвозвратно. Ал. Яблоновский острил потом в одном фельетоне, что киевские спекулянты усиленно скупали в эти дни все твердые знаки, снимаемые с вывесок, рассчитывая при следующем повороте на большой спрос на этот товар. Реформа имен нарицательных на вывесках была более радикальна. «Столовая» превращалась в «идальню», «парикмахерская»—в «голярню», «женские болезни»—в «жиночи хороби».

Весь город в эти веселые дни представлял собой гигантскую малярную мастерскую. Улицы были полны лестниц, ведер с красками и т. п. Особые патрули расхаживали по городу и проверяли, исполнен ли приказ. В случае каких-либо орфографических сомнений они же разрешали их с авторитетностью академии наук...

Наряду с национализмом директория воскресила в усиленном виде еще одну традицию начальной эпохи рады: соревнование с большевиками в левизне. Состав правительства был сплошь социалистический, причем преобладающее значение имели украинские эсдеки и украинские эсеры. В самой Директории руководящей фигурой был ее председатель Винниченко. Окруженный ореолом славы, Петлюра был занят войсковыми делами. Остальные члены Директории—Швец, Андриевский и Макаренко—не имели значения. А Винниченко, всегда принадлежавший к наиболее левому флангу национально-украинского движения, стал тогда все более и более, как выразились бы теперь, «большевизанствовать».

Вопросы государственного строя возрожденной Украинской народной республики были совершенно не выяснены. Ясно было одно: родившаяся из народного восстания Директория должна была опираться на народные массы. В прежние времена такая предпосылка повела бы к установлению демократической конституции, всеобщего избирательного права и т. д. Но ведь с 25 октября 1917 года «nous avons changé tout cela»: демократизм был объявлен опаснейшим из буржуазных предрассудков. Потому-то Директория, по примеру большевиков, предпочла ввести аристократию наизнанку. И воплощением этого псевдо-народного принципа должен был явиться своеобразный представительный орган—«Трудовой конгресс».

По закону о выборах в Трудовой конгресс избирательными

правами обладали три сословия: крестьяне, рабочие и трудовая интеллигенция. Собственники, промышленники и торговцы были лишены права голоса. При этом весьма любопытна была конструкция представительства от третьей группы—«трудовой интеллигенции». По инструкции о выборах в ее первоначальной редакции адвокаты, профессора и врачи были исключены из числа избирателей. Звание трудового интеллигента уделялось только сельским учителям, служащим и, в качестве представителей медицины, фельдшерам. Повидимому, кто-то обратил внимание директории на вызывающий и карикатурный характер этой инструкции, и в конце концов наряду с фельдшерами были допущены и врачи. Адвокаты и профессора также удостоились права голоса. Все интеллигентские группы в своей совокупности имели, однако, столь ничтожное представительство, что их голоса не имели никакого реального значения.

Среди заинтересованных кругов города Киева пред созывом трудового конгресса довольно горячо обсуждался вопрос: участвовать ли в этих выборах? Была образована комиссия из представителей советов присяжных поверенных и помощников присяжных поверенных, союза врачей, профессоров, союза младших преподавателей высших учебных заведений, союза инженеров, учителей и других интеллигентских групп. Этой комиссии, которая получила название «контактной», было поручено вынести решение по вопросу об участии в выборах, а при нужде и руководить самой выборной кампанией. Большинство в комиссии оказалось против бойкота, и в выборах мы участвовали.

Помню, как мы с д-ром Г. Б. Быховским и приват-доцентом А. К. Елачичем составляли, по поручению контактной комиссии, какое-то предвыборное воззвание. Помню и собрание адвокатов, на котором избирались представители на «губернский съезд уполномоченных трудовой интеллигенции». Помню, наконец, и самый губернский съезд.

Съезд заседал в зале купеческого собрания и продолжался день или два. Выборы депутатов в конгресс производились по спискам, согласно пропорциональной системе. Все украинские группы выдвинули блоковый список; кроме того, были выставлены списки эсеров, эсдеков и «беспартийной интеллигенции». Этот последний список и принадлежал нашей контактной комиссии; его поддерживало подавляющее большинство делегатов адвокатуры, врачей, профессоров и т. д. Вероятно, он нашел бы сторонников и среди других групп. Но запуганность наша в отношении украинского засилия была так велика, что было решено объединить все неукраинские голоса на каком-либо одном списке, чтобы провести хоть одного депутата не украинца. Выбор пал на список № 2—эсеров-меньшевиков, возглавляемый бывшим министром труда во Временном правительстве, Гвоздевым. Списки эсеров и наш были сняты, все мы голосовали за список № 2 и, к удивлению и досаде, в конечном результате провели не только оборонца Гвоздева, но и следовавшего

за ним кандидата –интернационалиста И. С. Биска. Остальные места были заняты кандидатами украинского блока.

Как производились выборы в уездах, по деревням и местечкам при отсутствии свободной прессы, полном административном произволе и совершенной пассивности непартийных масс, вообразить нетрудно.

Трудовой конгресс собрался в январе 1919 года, за несколько дней до взятия Киева большевиками. Представители Директории выступили на нем с декларативными заявлениями; их усиленно критиковали слева (в частности критиковал их Рафес, ставший уже на платформу советской власти); затем их переизбрали, и конгресс закрылся. Это было какое-то повторение—mutatis mutandis—съезда хлеборобов в цирке, избравшего 29 апреля 1918 года гетмана: та же инсценированность, то же самозванство, то же фактическое бессилие номинально-всесильного собрания; но только без немецкого солдата с пулеметами на крыше...

В области административной деятельности директория дала свою левизну объявлением о проверке сейфов, изъятием ценностей у ювелиров и многочисленными арестами. Эти последние производились так беспорядочно и бесконтрольно, что трудно было установить, где был арест, а где налет и похищение. Многократно и в худшем виде повторялась история с А. Ю. Добрым.

Время Директории вообще было для города Киева эпохой хулиганства par excellence [отменного]. Из всех властей, которые царили над нами за эти пестрые четыре года, ни при одной не расцвели таким пышным цветом налеты, грабежи и вымогательства. Разгулявшиеся хулиганы спешили снять сливки с понаехавшей в Киев при гетмане денежной публики. Импровизированная армия, которая совершила восстание, была, разумеется, полна всяческих авантюристов; поэтому налетчики иногда носили форму казаков или старшин. Действовали они обычными приемами: выследив жертву, являлись в квартиру, начинали какой-нибудь разговор, а улучив удобную минуту, приставляли к виску револьвер и предъявляли свои требования. Уходя для острастки оставляли в квартире, у выходных дверей, пару ручных гранат, которые затем часто оказывались незаряженными.

Бороться против налетов было очень трудно, и случаев ареста налетчиков, насколько я помню, почти не было. Во всех домах функционировали охраны из жильцов, но, как всегда, они были совершенно бессильны.

Чтобы получить полную картину жизни Киева в эти недели, необходимо еще прибавить к этому угрозу большевистского наступления, которая все более и более выдвигалась на авансцену. Конечная катастрофа – занятие города большевиками – казалась почти неизбежной. На украинскую армию, после опыта 1918 года, особой надежды не было. Правда, в Одессе уже были войска союзников, и стоустая молва всячески старалась преувеличить силы этого десанта. Но Директория со своими друзьями слева не могла призвать

на свою защиту капиталистических варягов. Говорили о расколе, существовавшем по этому вопросу между «большевизанствующим» Винниченко и более умеренным Петлюрой; что у последнего не было принципиально-социалистических сомнений в возможности такого альянса,—это он доказал впоследствии своим союзом с Польшей. Да и вскоре после падения Киева, в Виннице, как потом выяснилось, Петлюра вел переговоры с французским консулом Эно и другими одесскими дипломатами и генералами Антанты.

Но в декабре и январе ни Петлюра, ни солидарный с ним военный министр Греков не могли решиться на открытый шаг в сторону союзников. Директория обменивалась нотами и с Москвой, и с Одессой; Москва отвечала на ноты и продвигала свои войска на юг; Одесса также отвечала, но войск на север не двигала. Нетрудно было предвидеть, кто окажется раньше в Киеве.

Киевляне это и предвидели.

С первых же недель господства Директории начался исход новых и старых киевлян за границу и в Одессу.

Переселившиеся к нам при гетмане «вся Москва» и «весь Петроград» двинулись в путь дальше, к следующему этапу своего беженства. За ними потянулся и «весь Киев».

Пессимисты, считавшие, что уезжают надолго, старались пристроиться к отъезжавшим немецким эшелоном и направлялись через Польшу в Берлин. Оптимисты, рассчитывавшие на скорое избавление и на помощь союзников, устремлялись в Одессу. Уезжали всеми способами и путями, уезжали даже украинские деятели, превращавшиеся для этого в послов и атташе... Уезжали за большие деньги и за большие взятки.

С тяжелой душой мы с женой решили остаться в Киеве. Мы стали ждать прихода большевиков.

IV. Большевики. — Добровольцы. — Поляки.

(Февраль 1919 г. — июнь 1920 г.)

Междувластье. — Советская власть. — Добровольцы. — Начало юдофобской травли. — Погром. — Деморализация. — Снова советская власть. — Поляки.

Войска Директории оставили Киев заблаговременно и с преувеличенной поспешностью. Большевики были еще не близко и никак не могли вступить в город тотчас же после его эвакуации. Поэтому между уходом одних и приходом других образовался некоторый vacuum—период безвластья, когда никто нами не володел и никакого начальства в Киеве не было.

Период этот продолжался целую неделю. За это время все население убедилось в том, что отсутствие правительства есть тоже своего рода форма государственного строя, притом, пожалуй, не самая худшая форма. Царило совершенное спокойствие, магазины были открыты, базары торговали, извозчики ездили. Было только как-то неуютно-тихо...

Ожидание большевиков стало уже несколько надоедать, а Директория почувствовала неловкость из-за своего не в меру поспешного бегства. Снова стали поговаривать о предстоящем приходе французов из Одессы, и был издан какой-то приказ о мобилизации. В этом приказе, между прочим, дезертирам угрожали каторжной работой на срок 15—20 лет; это звучало довольно комично в устах власти, которой, по всеобщему (и в том числе ее собственному) мнению, оставалось существовать не более нескольких дней... Был еще какой-то шутовский приказ, предостерегавший население от гибельного действия «химических лучей», которые будут пущены в ход против большевиков. Об этом новом смертоносном оружии, будто бы употреблявшемся на Западном фронте, уже давно шли разговоры. В действительности это был миф. И со стороны главного командования Директории «пугать» таким образом врага (подобно тому как, говорят, китайцы некогда рисовали декорации крепостей) было недостойным и неуместным фарсом.

Так прошло несколько сравнительно спокойных дней, в которые многие, не успевшие уехать в дни паники 28—29 января, выехали в более сносных условиях в Одессу.

В конце концов, однако, — это было 6 февраля 1919 года, — большевистские войска вступили в Киев.

* * *

[Советская власть продержалась в Киеве на этот раз до 30 августа 1919 г., когда город был занят добровольцами]. С первых же дней добровольческой власти фанатики и слепцы стремились использовать всеобщие чувства траура и скорби для человеконенавистнических, пагубных целей.

Возбуждение народа, как и следовало ожидать, направилось с первых же дней против евреев. В эту именно сторону направляли его если не сами добровольцы, то весьма значительная часть их политических друзей.

Шульгин в первом же номере возобновленного «Киевлянина» счел уместным напомнить слова своего отца о том, что «Юго-западный край — русский, русский, русский», и обещал отныне не отдавать его больше «ни украинским предателям, ни еврейским палачам». В своем националистическом ослеплении Шульгин считал, что сила добровольческого движения — в национальных русских лозунгах. В действительности, однако, сила движения была в лозунгах не национальных, а государственных, не русских, а российских. И как раз роковой ошибкой для всего грандиозного движения оказалось то, что оно не сумело победить в себе национальное высокомерие и оттолкнуло от себя все не националистическо-русские элементы населения.

В отношении украинства ложный шаг был сделан самим Деникиным. В отношении же еврейства ему оказали медвежью услугу его правые сторонники во главе с В. В. Шульгиным.

Что бы ни говорить о роли евреев в большевистском движении,

изображение большевизма как национального еврейского движения, направленного против всего русского, есть не только клевета, но невежество и глупость. Большевизм не есть национальное движение; напротив, он уничтожает все национальные институты. Большевизм и не направлен специально ни против какой нации; среди его жертв наблюдается полное равноправие национальностей. И если Троцкий и Урицкий—евреи, то евреями же были Дора Каплан и Каннегиссер.

С первых же дней после ухода большевиков начались антиеврейские эксцессы. Пример показали наши калифы на час—галичане. На одной из окраин они захватили небольшой отряд гражданской милиции, наспех организованной в эти дни городской думой, и безжалостно расстреляли 34 еврейских юношей, бывших среди милиционеров. Как жестоко и слепо национальное предубеждение: эти юноши, самоотверженно откликнувшиеся на зов думы и еще в присутствии большевиков, с большим риском для себя образовавшие охрану мирных жителей,—эти несчастные юноши были привлечены к ответу за преступления большевиков...

Отдельные эксцессы имели место и в последующие дни на улицах города. Хватали и избивали людей, которых—правильно или неправильно—«признавали» за бывших комиссаров. В лучшем случае их отводили в контр-разведку. Оттуда же, продержав их пару недель, обычно отпускали с миром.

В один из этих первых дней, возвращаясь домой, я увидел группу возбужденных людей, толпившихся у подъезда. Я подошел ближе. Один из наших жильцов, К., с прежних времен имевший отношение к сыскной полиции, с азартом доказывал, что стоявший тут же молодой человек—комиссар из чрезвычайки. К ужасу я узнал в этом последнем своего хорошего знакомого Б., шедшего ко мне в гости. Б. служил в городском управлении и был несколько раз в чеке, хлопоча за арестованных рабочих городских предприятий. Наш жилец, очевидно, встретил его там однажды. И этой встречи было для него достаточно, чтобы теперь называть Б. комиссаром и чекистом.

К., видимо, уже успел завести связи в контр-разведке, так как по его вызову через полчаса явился взвод солдат, арестовавший моего знакомого. Я направился за ним. Его предъявили начальствовавшему в нашем районе полковнику, который велел перевести арестованного на ночь в какое-то помещение на глухом Кловском спуске.

«Г. полковник,—спросил я его, подавляя волнение,—арестованному ничего не угрожает?»

Полковник переменился в лице и резко ответил: «Мы не большевики,—не расстреливаем».

Однако эту ночь мы были не вполне спокойны за судьбу Б. На следующее утро его перевели в контр-разведку, помещавшуюся на Фундуклеевской улице, а оттуда в тюрьму. Мы сейчас же подняли на ноги всех и вся, получили от городского головы удосто-

верение о совершенной лойяльности Б., но все это не произвело большого впечатления. Его освободили только недели через две. Впоследствии, по другому делу, я обратился с просьбой о заступничестве к прокурору судебной палаты С. М. Чебакову, который лично знал арестованную (помощника присяжного поверенного). Но тогда же мне передали отзыв о Чебакове одного генерала из контр-разведки, заявившего, что Чебаков, которого назначил прокурором «мерзавец Керенский», для него не авторитет... Единственным способом вызволить кого-либо из контр-разведки было найти знакомого следователя или нащупать путь к кому-либо из не бессеребренников чинов канцелярии...

* * *

Наш председатель домового комитета с каким-то смущенным видом заходит к нам в квартиру.

— О чем вы объяснялись с этими офицерами, Василий Корнилович?

— Да так, знаете... Они спрашивали, где у нас в доме еврейские квартиры...

Так вот оно что.

Невольно вспомнился вечер 18 октября 1905 года. Я был тогда гимназистом 6-го класса. Мы всей семьей спускались вниз по лестнице, направляясь к знакомым праздновать объявление конституции. Но, еще не успев сойти вниз, мы увидели швейцара, поспешно запирающего выходную дверь.

— Что случилось?

— Да так, знаете... У нас тут внизу живет портной... еврей. Так у него стекла разбили...

Тот же смущенный, как будто виноватый голос...

Погром. Он висел в воздухе в первые дни прихода добровольцев. Но не было санкции, хотя бы молчаливой, со стороны начальства, а без нее погромы не начинаются. В сентябре из разных мест стали поступать известия о погромах. Но в Киеве настроение улегалось. Грозивший и несостоявшийся погром никогда не осуществляется без нового толчка. Налет большевиков 1 октября и обратное завоевание города дали такой новый толчок погромным настроениям. А обстановка была такая, что явное одобрение некоторой части населения и прессы и молчаливая санкция начальства были обеспечены...

Погром и начался.

Страшный это был погром, спокойный, деловитый,—по-моему, даже как бы компрометирующий идею еврейского погрома. При всем желании в том, что делалось в эти дни в Киеве, нельзя было видеть и тени стихийного проявления народного гнева. Никакого подъема, никакой ширины, никакого разрушения. В прежние времена расхищение еврейского имущества происходило хоть в облаке пуха из распоротых перин и под звон разбитых стекол. Теперешние погромщики стали несравненно деловитее и практичнее.

Они понимали, что при существующих ценах было бы грешно разломать хоть бы безделицу...

Техника октябрьского погрома 1919 года была примерно следующая. В еврейскую квартиру заходит вооруженная группа, человек пять-шесть. Один становится у парадной двери, другой у двери на черный ход. После этих предупредительных мер начинается лирическая часть. Один из шайки обращается к хозяину квартиры с речью: вы, еврей, мол, большевики и предатели, вы стреляли в нас из окон, вы уклоняетесь от призыва в армию и т. д.,—извольте отдать на нужды Добровольческой армии все, что у вас есть ценного, деньги, золото, драгоценности; не отдадите добровольно, будете немедленно расстреляны; найдется что-либо запрятанное, сделаем обыск, все обнаружим, а вас расстреляем за укрывательство. Если жертва народного гнева после этого спешила выложить достаточную сумму, все этим и кончалось; если нет, пускались в ход более интенсивные приемы вымогательства: ее ставили к стенке, приставляли дуло револьвера к головкам детей и т. д., и т. д.

В более глухих частях города, в особенности в уединенных, оставленных хозяевами усадьбах, происходило не вымогательство, а настоящее разграбление. Тут на помощь «инициативной» группе являлись в большинстве случаев живущие по соседству дворники, мастеровые, прислуга и т. д. Имущество растаскивали до нитки, оставляя только мебель. Но и здесь окон не били и ни одного стула не ломали.

Среди участников таких разграблений бывали иногда люди, знакомые или связанные в деловом отношении с ограбленной еврейской семьей. В этих случаях мстители за поруганные национальные идеалы после погрома для избежания обыска и для восстановления знакомства, возвращали хозяевам что-либо из «взятых на хранение» и «спасенных от гибели» вещей...

По сравнению с романтическими временами 1881 и 1905 гг. нынешние погромщики стали практичнее и в самом выборе своих жертв. В прежние времена, когда путем погромов боролись с еврейской эксплоатацией, жертвами погрома оказывались в громадном большинстве бедняки из предместий; теперь, когда погромы являются возмездием за большевизм, они падают исключительно на богатых...

Человеческие жертвы были, увы! и от того погрома. Но убийства производились как-то параллельно и независимо от ограблений. Не было бушующей толпы, грабящей и убивающей. В отдельных случаях солдаты, преимущественно кавказцы, весьма далекие от каких бы то ни было русских патриотических чувств,—ловили на глухих улицах молодых евреев и расправлялись с ними. Но даже и от них часто можно было откупиться.

В дни погрома и в последующие дни бывали и иного рода случаи самосудов и расстрелов. Под предлогом ареста уводили еврейских молодых людей, которые больше не возвращались. Рас-

правлялись и с теми, кто позволял себе защищаться и защищать других.

Убивали не в квартирах, не в пылу борьбы. Нет, жертву уводили и приканчивали в укромном месте. И в этом сказалась модернизация погромного дела.

Ни одного разбитого стекла, ни одного поломанного стула; деловитость и экономия сил; деньги, деньги и деньги...

Таков был этот современный погром в октябре 1919 года в Киеве.

Разумеется юдофобская пресса сумела сочинить и для этого погрома благовидные причины и придать ему некоторую долю идейности. Погромную кампанию в прессе начали «Вечерние огни»— бездарный и бесчестный уличный орган. А увенчалась она не менее бесчестными, но более талантливыми статьями В. В. Шульгина в «Киевлянине».

Вместо разорванных царских портретов, которые играли такую важную роль в погромах 1905 г., на этот раз фигурировала стрельба евреев из окон в добровольческие войска. «Вечерние огни» в первом же своем номере, вышедшем по возвращении добровольцев в Киев, поместили пространную статью с указанием десятков случаев стрельбы евреев в уходившие и наступавшие добровольческие войска. Все случаи сообщались с образцовой подробностью и точностью; с названием имен и указанием адресов. Все они были затем проверены и все, без единого исключения, оказались ложью. Результаты расследования были через два дня опубликованы «Киевской жизнью». Но, разумеется, никаких практических результатов разоблачение не имело: публикация, естественно, не успела предотвратить погрома, а впечатление статьи «Вечерних огней» все равно не изгладилось. Можно ли доводами разума заставить кого-либо усомниться в том, во что он хочет верить? В данном же случае Шульгин откровенно сказал в одной из своих статей, что напрасно евреи отрицают, что они стреляли из окон, так как им «все равно никто не поверит». По компетентному мнению Шульгина, все эти попытки самооправдания со стороны евреев только разжигают юдофобские чувства; поэтому он и назвал Зарубина и Рябцева, особенно много работавших над выяснением истины, «самыми главными погромщиками города Киева»...

Еврейское население отнеслось к погрому с каким-то тупым отчаянием. Нервы были истощены до крайности, а после кровавых кошмаров последних лет можно было ожидать от погромщиков величайших жестокостей. По ночам из домов, в которые пытались войти погромщики, доносился душу раздирающий вой; сотни голосов взывали о помощи. Иногда это делалось от страха, а иногда из расчета: погромщиков обычно бывало человек 5—6, и вид целого дома, бодрствующего и зовущего на помощь, в большинстве случаев смущал их и заставлял пройти мимо. Глубоко трагичен этот ночной крик был в обоих случаях—и как результат отчаяния и как единственный возможный прием самозащиты.

Но В. В. Шульгин счел возможным увековечить эти ночные крики, как назидание. В своей знаменитой статье «Пытка страхом», появившейся в «Киевлянине» дня через два после погрома, он советовал евреям, слушающим этот крик, поразмыслить о том, сколько вреда еврейская молодежь наделала России. Эта пытка, которой подвергаются старики и дети,—«пытка страхом»,—есть, с одной стороны, возмездие евреям за их грехи, а с другой,—напоминание и предупреждение. А заканчивалась эта позорная статья,—говорю п о з о р н а я с полным сознанием смысла и значения слова,—заканчивалась статья следующим каннибальским умозаключением: погромы с политической точки зрения вредны, и с ними нужно бороться, т а к к а к о н и в ы з ы в а ю т с л и ш к о м м н о г о ж а л о с т и к е в р е я м.

Так защищал дело возрождения России в октябре 1919 г. В. В. Шульгин.

* * *

Эпизод 1 октября и последовавшие за ним погромные дни наложили мрачный отпечаток на киевскую жизнь [1]. Добровольцы оставались у нас еще два месяца, но все это время город жил страхами и слухами о приходе большевиков. К тому же распоясанный антисемитизм армии и некоторых ее идеологов не мог не уничтожить того радостного чувства единения и душевного подъема, с которым все население Киева встретило в августе Добровольческую армию.

Получались известия о новых и новых погромах. Особенно кровавую страницу добровольцы вписали в свою историю в Фастове. Там уже был не погром, а резня, истребление всего еврейского населения... Так как погромы нужно было чем-нибудь оправдать, то юдофобская пропаганда правых кругов все усиливалась. Стали распространять легенды о жестокостях, чинимых евреями над солдатами деникинской армии. Легенды эти были настолько нелепы и неправдоподобны, что не воспроизводились даже в самой крайней правой печати. Тем не менее их повторяли люди, которые как будто причисляются к интеллигенции... Повидимому, в иных случаях, когда нет ритуального убийства, нужно его создать.

Еврейство насильно выключалось из состава групп, поддерживающих Добровольческую армию. Некоторые еврейские круги принимали крайние меры к тому, чтобы предотвратить это пагубное для обеих сторон отчуждение. Через несколько дней после киевского погрома человек двадцать киевских еврейских деятелей, не смущаясь презрительным шипением и еврейских, и русских националистов, образовали «Еврейский комитет содействия возрождению России».

---

[1] 1 октября 1919 г. группа Красной армии захватила Киев, выбив из города добровольцев, но смогла удержаться только в течение нескольких дней. Добровольцы, снова занявшие город, отплатили ему за свою неудачу массовым погромом и ограблением евреев. П р и м. с о с т.

Комитет выступил в печати с декларацией, призывавшей еврейство к всемерной поддержке Добровольческой армии.

Но события были сильнее самых благих намерений и начинаний. И их голос звучал громче самого горячего призыва. Между еврейством и армией образовалась пропасть. Еврей, переживший погром, не мог не стремиться всеми силами души уехать в такие места, где ему не грозило бы его повторение. Еврейский купец, неуверенный в своей безопасности и в безопасности семьи, не мог ездить за товаром; этим он саботировал хозяйственное возрождение. Еврей—бывший юнкер, произведенный в офицеры, не мог продолжать любить армию, которая изгнала его из своей среды.

Становилось тяжело жить. Впервые в эти дни во мне появилось желание уехать, хотя бы и надолго, за границу. Всякая общественная работа делалась все труднее и мучительнее... Ухудшались с приближением зимы и внешние условия жизни.

Между тем военное положение Добровольческой армии начало заметно изменяться к худшему. Большевистский налет на Киев был как бы сигналом, положившим начало обратной волне добровольческого наступления. Возможность такого налета обнаруживала чрезвычайную необеспеченность тыла добровольцев на Украине. В значительной мере эта необеспеченность была вызвана ошибками политического характера.

Деникин объявил Петлюру изменником и не умел столковаться с Польшей. Естественно, что и Петлюра, и поляки старались, чем могли, вредить Добровольческой армии. Петлюра открыл свой фронт большевикам и дал им возможность с юга подойти к Киеву. Поляки не желали «протянуть руку», чтобы сомкнуть в районе Гомеля свой фронт с фронтом Деникина и тем завершить окружение оставшихся на Украине большевистских частей.

Хозяйственная жизнь, которая не переносит даже самых справедливых еврейских погромов, не налаживалась. Транспорт был расстроен совершенно. У нас не было прямого сообщения с Одессой—туда приходилось ездить через Бахмач. Сообщение с правительственным центром, Ростовом н/Д., также было крайне медленное и трудное. Надвигалась зима, а между тем город был без топлива. Стали обзаводиться комнатными печками, так как на центральное отопление уже не рассчитывали. Уголь из Харькова не подвозили, электрические станции жили со дня на день. Трамвайное движение сокращалось, электрическое освещение действовало нерегулярно. Каждый вечер нас оставляли на час или два во мраке. Невеселые думы навевал этот мрак...

Я невольно сравнивал эти внешние условия киевской жизни в октябре и ноябре 1919 года с тем, что было годом раньше—при гетмане и немцах. Ведь тогда тоже была эпоха «контрреволюции»,— отчего же тогда жизнь била ключом, а теперь она так явно замирала? Неужели все дело было в немцах, в этих серых, исполнительных солдатах и в франтоватых, наглых лейтенантах? Неужели

так-таки невозможно своими силами восстановить угольные шахты и заставить работать электрическую станцию?..

* * *

Армия была деморализована. Непрекращавшиеся еврейские погромы не прошли для нее даром. Растеряв всеобщее уважение и сочувствие, растеряв симпатии торгово-промышленных и, в частности, еврейских элементов населения, она вместе с тем подтачивалась и изнутри. «Грабители,—сказал генерал Деникин,—не могут долго оставаться на месте грабежа». Сначала они, после грабежей, уходили вперед, теперь они стали уходить обратно.

Разлагающее влияние еврейских погромов признал в конце концов и Шульгин. В одной из последних статей в «Киевлянине» он со свойственным ему талантом формулировал эти мысли в ярких и лаконических строках. И для Шульгина стало ясно, что погромы вредны не только из-за вызываемой ими чрезмерной жалости к евреям... Но было уже поздно.

Национальная нетерпимость добровольческого командования и в другом отношении отомстила за себя на судьбе армии. Все украинское движение было в официальном приказе Деникина объявлено изменническим; ни о каком соглашении с Петлюрой, разумеется, не было и речи. Такой политикой этот естественный союзник в борьбе с большевиками был обращен в врага. И в то время как Добровольческая армия двигалась на Москву, Украина оставалась незамиренной, и связи с портами Черного моря не было... Неумелыми и нерешительными переговорами добровольцы оттолкнули от себя и другого союзника—Польшу.

Политические ошибки командования и эксцессы войск прощались общественным мнением, пока оно верило, что Добровольческая армия—такая, как она есть—все же ведет нас к свержению большевиков. Но когда эта вера пошатнулась, а затем стала быстро слабеть и исчезать, широкие круги резко отшатнулись от командования армии и политики добровольцев.

Та же картина происходила, повидимому, и у Колчака. Но характерным образом у нас в Киеве о Колчаке и его правительстве не находили иных слов, кроме самого горячего восхищения. Деникину даже ставили в вину, что он нарочито не допускает в свои края известий о положении в Сибири, чтобы иметь возможность не следовать либеральному и демократическому примеру Колчака. Возможно, что в Сибири в это время думали то же об Украине. Эта трагикомедия на тему: «где же лучше?—где нас нет», происходила в миниатюре и между Киевом и Одессой. В Киеве все надежды возлагали на одесского командующего генерала Шиллинга и на какие-то подчиненные ему идеальные части, составленные из немецких колонистов. А в Одессе, говорят, ждали спасения от киевского генерала Бредова...

Я сказал уже, что события 1 октября были для добровольцев сигналом к повороту военного счастья. С октябрьскими днями сов-

пало взятие Орла—этого крайнего пункта на пути к Москве, который удалось занять добровольцам. Через несколько дней, однако, Орел был оставлен. Писали о различных стратегических соображениях, по которым эвакуация Орла добровольцами должна была быть гибельной для большевиков. Этого хотелось, но трудно было верить. А когда затем каждая неделя стала приносить весть о новом отступлении и о новой эвакуации, для нас стало ясно, что мы о б р е ч е н ы.

Подавляюще действовало на жизнь Киева то, что большевики, отступив от города в первых числах октября, снова остановились на Ирпене. Таким образом, мы все время находились под ударом. Доносившаяся по ночам канонада напоминала нам о близости фронта и об изменчивости военного счастья... В городе часто распространялись слухи о предстоящей эвакуации; несколько раз подымалась паника. В десятых числах ноября даже началась форменная эвакуация, которая затем была приостановлена...

[16 декабря 1919 г. в Киев снова вступили советские войска, но снова лишь на несколько месяцев. В апреле поляки предприняли на Западном фронте энергичное наступление, и 7 мая уже захватили Киев.]

* * *

Польские войска вступили в Киев 7 мая 1920 года и оставались у нас пять недель.

Радость при избавлении от советской власти была, как всегда, большая. Но на этот раз у всех было сознание неестественности и непрочности нового порядка. Пришла и завоевала нас ч у ж а я армия,—это было ясно всем. Ни более благоразумные из числа поляков, ни тем менее население Украины не думали о том, чтобы наш край мог окончательно подпасть под власть воскресшей Речи Посполитой. Официальные пронунциаменто Пилсудского [1] говорили только о помощи самостийной Украине. Это напоминало приход немцев и гетманщину; большевистская пресса и называла Петлюру кандидатом в гетманы. Но различие было в том, что вместо немцев пришли поляки, а также и в том, что тогда эксперимент проделывался в первый, а теперь во второй раз.

Через несколько дней после занятия города польские войска устроили блестящий парад. Со свойственной им любовью к помпе поляки дали нам весьма импозантное представление. В течение нескольких часов воинские части всех видов оружия маршировали по Крещатику. Формы были новехонькие, лошади прекрасные, муштровка великолепная. Офицерство—сама элегантность и удаль...

Гражданской администрации поляки у нас не завели, предоставив эту функцию украинцам. Верховный атаман Петлюра составил кабинет министров во главе с Прокоповичем, при участии

---

[1] В то время—«начальник Польского государства». Прим. с о с т.

Ефремова, Никовского, Саликовского и других лучших представителей умеренного украинства. Резиденцией правительства был не слишком близкий к фронту Киев, а Винница. Но и эта предосторожность не спасла кабинет от необходимости, через несколько дней после своего конструирования, приступить к эвакуации.

В киевских органах управления царил совершенный хаос. Мы имели польскую комендатуру, украинскую комендатуру, губернского комиссара Преснухина, какой-то суррогат городского управления. Все это не налаживалось и функционировало чрезвычайно беспорядочно и растерянно.

Совершенно не налаживалась и хозяйственная жизнь. Если при добровольцах мы пережили, как я писал, полосу восстановления, то во время поляков мы успели только убедиться в том, как бесконечно трудно или даже невозможно стало теперь восстановление всего разрушенного большевизмом. Ни банки, ни магазины, ни городские учреждения, ни суд ожить и воскреснуть теперь не успели или не смогли. Материальный субстрат всех этих институтов—мебель, делопроизводство, архивы, запасы—за протекшие несколько месяцев продолжал расхищаться и разрушаться. Личный же состав окончательно поредел после вторичного киевского исхода в ноябре 1919 года.

Бесконечно сложной стала самая элементарная хозяйственная операция—покупка провизии на обед. Прежде всего негде было достать денег. При большевиках население в весьма значительной своей части состояло на советской службе, теперь оно лишилось жалования и бросилось на поиски заработков. О запасах и фондах, на которые можно было бы жить в переходное время, не могло быть и речи: кто мог что-либо накопить за долгие месяцы недоедания и растраты всего накопленного прежде?

Однако голым фактом бедности и безденежья не исчерпывались трудности хозяйственной ситуации. Даже для тех, кто имел деньги, вставал вопрос, те ли у него деньги, на которые можно что-либо купить. Валютный вопрос стал во время польской оккупации фантастически запутанным и острым. Циркулировало бесконечное количество сортов денег: советские, думские, украинские, царские, керенки, польские марки. Украинские деньги делились на карбованцы и гривны, карбованцы—на тысячные и пятидесятки. Среди керенок различали сороковки и двадцатки, среди царских—пятисотки, сотки и мелочь. В качестве раритетов попадались на базаре и все виды звонкой монеты: золотые, серебряные рубли и мелочь. На каждый из этих четырнадцати сортов денег был особый, притом изменчивый, курс. И цены каждого товара были различны на каждый сорт валюты.

Базарные торговки должны были стать профессорами математики, чтобы разобраться во всем этом финансовом лабиринте!

Курс денег варьировался по сословиям. У крестьян были свои вкусы, у «биржи» свои. Всеобщими фаворитами были «гривны», царские и керенки двадцатки. С карбованцами или сороковками

в кармане можно было и не ходить на базар... Достать привилегированные сорта денег было, конечно, чрезвычайно трудно.

Результатом бедности и валютной путаницы был всеобщий голод. Ни в один из пережитых нами периодов, даже при большевиках, экономическая разруха не чувствовалась так болезненно и остро, как в эти пять недель польской оккупации. И оставалось только утешаться тем, что и этот голод и эта валютная неразбериха—неизбежный этап на пути к хозяйственному восстановлению, тогда как мнимое благополучие пайков и неограниченных бумажных эмиссий есть путь к дальнейшему разорению и обнищанию. Но нетерпение есть роковой недостаток человеческих суждений, а в данном случае действительно не было времени для выжидания.

Настроения киевлян в недели польской оккупации были мрачные и озлобленные.

[Полякам удалось продержаться в Киеве лишь до 12 июня, когда город был снова и в последний раз занят Красной армией].

Д. И. ДОРОШЕНКО.

Война и революция на Украине. [1]

I.

Пока в Галиции шли приготовления к последнему наступлению русской армии [2], в Киеве и вообще на Украине происходили очень крупные события. Украинское национальное движение делало такие успехи, получало такой размах и встречало такой широкий отклик в народных массах, что его достижения могли превзойти наиболее смелые мечты украинских патриотов. За самое короткое время украинская политическая мысль проделала путь, в обычных условиях рассчитанный на десятилетия. Еще в марте месяце в Киевском губернском исполнительном комитете возникла было мысль о выделении пяти основных, центральных, так сказать, украинских губерний (Киевской, Волынской, Подольской, Полтавской и Черниговской) в особую административную область, своего рода генерал-губернаторство, причем на пост главы управления этой области намечался М. А. Суковкин. Временному правительству подавались записки и предложения в этом духе. Но жизнь пошла быстрее всяких предположений. К июню 1917 года Центральная рада, поддержанная целым рядом съездов, сделалась фактическим хозяином положения на Украине. Вопрос об автономии Украины был поставлен, как постулат текущего дня, и Временному правительству, вначале недооценивавшему широты и интенсивности украинского движения, пришлось начать непосредственные переговоры с Центральной радой.

В первых числах июня 1917 года в Киев приехали министры Временного правительства Керенский, Церетели и Терещенко, и здесь состоялось соглашение между ними и представителями Центральной рады об образовании областного украинского правительства, в форме так называемого генерального секретариата. Об учреждении автономного украинского правительства население Украины было оповещено торжественным универсалом. Временное правительство с своей стороны издало соответствующую декларацию. Так готова была осуществиться автономия Украины, еще

---

[1] «Историк и современник», кн. V, Берлин 1924 г.

[2] Речь идет об июньском наступлении 1917 г. русской армии. Прим. сост.

недавно казавшаяся идеалом, который может быть осуществлен разве в отдаленном будущем.

Однако главную борьбу за автономию Украины пришлось вынести не с центральным правительством, а с «революционной демократией» у себя дома, т. е. с представителями русских и еврейских социалистических или просто радикальных групп, не желавших расстаться с своей ролью руководителей революционного движения на Украине, олицетворяемого различными «советами» и «исполнительными комитетами». Эти группы яростно боролись против украинского движения, но после того как целый ряд съездов—крестьянский, рабочий, войсковой и др.—всецело стали на сторону Центральной рады, то и эта революционная демократия, увидев себя в положении генералов без войск, пошла на компромисс с Центральной радой и вошла в ее состав в качестве представителей национальных меньшинств.

Когда я приехал в конце июля в Киев, то острый момент борьбы за осуществление украинской автономии уже несколько миновал, и Центральная рада посылала своих представителей в Петроград, чтобы получить от Временного правительства утверждение выработанного ею положения о генеральном секретариате, т. е. областном правительстве автономной Украины.

В Киеве мне предстояло прежде всего разместить эвакуированные учреждения галицко-буковинского генерал-губернаторства. По примеру первой эвакуации 1915 года, центральные учреждения были размещены в Киеве, в том же самом здании коммерческого института на Бибиковском бульваре, что и первый раз. Хотя русские войска при отступлении удержали за собой некоторую пограничную полосу в Галиции и в Буковине, где еще оставалась наша администрация, но было ясно, что в Галицию и Буковину больше нам не возвращаться; поэтому я сразу же испросил у верховного командования распоряжение о постепенной ликвидации всех учреждений генерал-губернаторства и оставлении лишь небольшого центрального ядра.

По коридорам и аудиториям коммерческого института расположились бивуаком наши учреждения; горы ящиков, мешков, всевозможного багажа; кое-как разместили столы, рассадили писарей; защелкали пишущие машины, закипела канцелярская работа по приведению в порядок и ликвидации дел по управлению оккупированными областями.

В первых числах августа я решил поехать в Петроград и там представить непосредственно Временному правительству отчет о своих действиях. [В Петрограде Керенский принял автора довольно рассеянно и обещал назначить заседание Временного правительства для заслушания доклада автора о Галиции].

В ожидании этого заседания я провел несколько дней. Как раз в это время в Петрограде находилась делегация Центральной рады по делу об утверждении статута автономной Украины. Я разыскал земляков где-то в меблированных комнатах на Фонтанке,

вблизи Аничкова моста. Застал В. К. Винниченко, А. Н. Зарубина, г. Мицкевича (товарища генерального секретаря по национальным делам) и еще кой-кого. Все были крайне недовольны отношением к ним Временного правительства. Сначала делегация не могла добиться даже приема у министров, а после приема пошла волокита. Временное правительство, видимо, скрепя сердце, шло на компромисс с Центральной радой, но целиком аппробировать соглашение Керенского, Церетели и Терещенко в Киеве оно не хотело. В особенности против украинской автономии были министры-кадеты.

Делегатов просто брали измором, а из Киева получались от Центральной рады настойчивые требования скорее добиваться утверждения выработанного статута, имея в виду немедленно приступить к организации автономного строя, а в Петрограде хотели обойти самую сущность автономии и, не имея возможности взять обратно данных обещаний, желали свести всю автономию на учреждение «Малороссийской коллегии», существовавшей на Украине при Петре I и Анне Иоанновне. Но вместе с тем Временное правительство, видимо, чувствовало свое бессилие и не решалось ни на какой определенный, твердый шаг.

Я предложил землякам свое участие в их хождениях по канцеляриям и министерствам, ибо у меня уже были там кое-какие знакомства. Вскоре по делам делегации мне пришлось видеться с управляющим делами Временного правительства г. Гальперном, сменившим на этом посту Набокова. Господин Гальперн сообщил мне, что Временное правительство вместо утверждения привезенного делегацией статута пока дает лишь инструкцию для генерального секретариата,—и тут же показал мне набросок этой инструкции. Пробежав наскоро текст, я заметил г. Гальперну, что в этой инструкции совершенно не определено положение Центральной рады относительно Временного правительства и генерального секретариата и что вообще в ней так много неясного, что в Киеве не будут знать, как понимать эту инструкцию.

«Пусть понимают, как знают»,—угрюмо возразил мне г. Гальперн. Такое отношение представителя Временного правительства (кажется, г. Г. был и автором инструкции) к законодательному акту, долженствовавшему регулировать взаимоотношение центрального и областного правительств, не сулило, конечно, ничего хорошего в будущем. Вместо соглашения и контакта между Временным правительством и Центральной радой сразу же устанавливалось положение враждующих, борющихся сторон. Такое положение являлось очень опасным и прежде всего для самого Временного правительства, восстанавливавшего против себя здоровое национальное движение на Украине, которое наоборот следовало бы использовать, чтобы опереться на него против надвигавшейся анархии и крайних большевистских течений.

[После доклада в совете министров автор выехал обратно.]

Надо сказать, что инструкция Временного правительства, как и следовало ожидать, не только не удовлетворила Центральной

рады, но вызвала среди ее членов большое неудовольствие, даже возмущение. В неутверждении проекта статута, представленного радой через ее делегацию, справедливо было усмотрено нарушение соглашения от 3 июля в Киеве и несоблюдение данных тогда и позже (в декларации Временного правительства) обещаний. И вот было решено, приняв к сведению инструкцию [1], избрать секретарей, сформировать областное правительство автономной Украины и затем добиваться расширения его прав и распространения компетенции до тех пределов, какие были намечены еще раньше Центральной радой. На принятие инструкции и использование ее для организации секретариата повлияла между прочим телеграмма, посланная из Петрограда на имя Центральной рады совещанием комиссаров украинских губерний, находившихся в Петрограде по случаю съезда комиссаров: Левицкого (Полтавской губ.), Суковкина (Киевской губ.), Искрицкого (Черниговской губ.), Вязлова (Волынской губ.), Страдомского (города Киева). В этом совещании принял участие и подписал телеграмму также и я.

В своей борьбе за украинскую автономию Центральная рада очень умело использовала затруднительное положение Временного правительства и его колебания, последовательно и неуклонно идя к своей цели. Но внутри рады, среди ее украинского большинства, уже сказывались партийные разногласия и борьба за власть. Наиболее видными деятелями рады являлись украинские социал-демократы: Винниченко, Порш, Ткаченко, Садовский, Мартос, Сте-

---

[1] Вот основные пункты этой инструкции

1. На время до разрешения Учредительным собранием вопроса о местном управлении, высшим органом Временного правительства по делам местного управления Украиною является генеральный секретариат, назначаемый Временным правительством по предложению Центральной рады.

2. Полномочия генерального секретариата распространяются на губернии: Киевскую, Волынскую, Подольскую, Полтавскую и Черниговскую, за исключением Мглинского, Суражского, Стародубского и Новозыбковского уездов. Они могут быть распространены и на другие губернии или их части в том случае, если образованные в этих губерниях на основании постановления Временного правительства земские учреждения выскажутся за желательность такого распространения.

3. Генеральный секретариат состоит из генеральных секретарей ведомств: а) внутренних дел, б) финансов, в) земледелия, г) народного просвещения, д) торговли и промышленности, е) труда, ж) национальных дел и генерального писаря.

4. Генеральный секретариат рассматривает, разрабатывает и подает на утверждение Временному правительству проекты, касающиеся жизни края и его управления. Проекты эти могут до подачи их Временному правительству вносимы на обсуждение Центральной рады.

5. Сношения высших государственных учреждений и отдельных ведомств с секретариатом и отдельными секретарями производятся через особого комиссара по делам Украины в Петрограде, назначаемого Временным правительством.

Подписали: министр-председатель Керенский,
министр-юстиции Зарудный.

Петроград,
4 августа 1917 года.

шенко. К ним примыкали и социалисты-федералисты, объединявшие в своих рядах лучшие силы украинской интеллигенции; из них наиболее выделялся А. Я. Шульгин, секретарь по национальным делам. Но социалисты-революционеры, к которым причислял себя и председатель Центральной рады проф. Грушевский, имели за собой в раде большинство. Это была серая масса, шедшая за своими вожаками, кроме самого Грушевского, почти исключительно молодыми людьми, в большинстве недоучившимися студентами. Когда приходилось формировать секретариат, т. е. правительство, то у социалистов-революционеров почти совсем не оказывалось людей, даже при тех скромных требованиях, которые тогда предъявлялись к лицам (имея в виду, конечно, деловую сторону), которых хотели видеть в правительстве. Поневоле приходилось брать социал-демократов или социалистов-федералистов. И вот теперь, когда надо было формировать правительство уже на основании инструкции Временного правительства, социалисты-революционеры не захотели видеть во главе генерального секретариата Винниченко, который до сих пор состоял его председателем. Винниченко было высказано недоверие, и тогда решили поручить формирование генерального секретариата мне.

Я не могу сказать наверное, какие расчеты руководили социалистами-революционерами и их вдохновителем проф. Грушевским, когда они отстраняли Винниченко, вынесшего на себе всю тяжесть предварительной борьбы за автономию и за этот самый секретариат, принимавшего участие во всех переговорах, дебатах, решениях, приобревшего уже большую популярность,—и поручали образование первого правительства автономной Украины мне—человеку, все время находившемуся в Галиции и потому стоявшему в стороне от деятельности Центральной рады. Но из всего того, что мне вскоре пришлось увидеть и узнать, я вынес впечатление, что, во-первых, Грушевскому и лицам близким к нему не хотелось видеть Винниченко во главе правительства, как человека слишком самостоятельного; во-вторых, считали, что при хорошем отношении Временного правительства ко мне, секретариат, возглавляемый мною, будет скорее утвержден, а там—будет видно...

Учитывая трудность своего положения, как человека, находившегося вдали от переживаний и настроений Центральной рады, я лишь с большим трудом и после долгого раздумья согласился принять предложение, выговорив, однако, условие, что я не буду стеснен в выборе членов правительства. Чтобы скорее добиться моего согласия, мне заявили, что соглашаются на мое условие, но что желательно было бы, чтоб место секретаря по земельным делам было предоставлено социалисту-революционеру, а секретаря труда—социал-демократу.

И вот я начал формирование первого кабинета правительства автономной Украины. Пришлось ездить от одного общественного деятеля к другому и приглашать их вступить в кабинет. Прежде всего я пригласил указанного мне социалистами-революционерами

их сопартийного члена г. Савченко-Бельского (уездного агронома из Борзны, Черниговской губ.) на пост секретаря по земельным делам. Труднее было с секретарем труда, и его я так и не успел пригласить. На пост секретаря финансов я пригласил по телеграфу покойного проф. М. И. Туган-Барановского и был очень обрадован его согласием. Приглашал бар. Ф. Р. Штейгеля, И. Г. Чарныша, С. Л. Франкфурта, С. Ф. Веселовского, Л. М. Слуцкого—все отказались.

В конце концов на третий или на четвертый день, кабинет наметился в таком составе: кроме меня, как председателя и секретаря внутренних дел, И. М. Стешенко—народное просвещение, М. И. Туган-Барановский—финансы, М. Савченко-Бельский—земельные дела, А. Я. Шульгин—национальные дела, контролер—А. Н. Зарубин, генеральный писарь—А. И. Лотоцкий, комиссар при Временном правительстве—П. Я. Стебницкий.

Оставался еще незамещенным пост секретаря труда. Но уже обнаружились разногласия между мною и председателем Центральной рады М. С. Грушевским. В это время происходили заседания не пленума Центральной рады, а лишь так называемой Малой рады, представителей отдельных фракций. 18 августа я огласил в заседании Малой рады краткую декларацию программного характера; сущность ее сводилась к следующему: опираясь на соглашение 3 июля, генеральный секретариат будет придерживаться общего направления политики предшествующего секретариата, ставя на первом плане творческую деловую работу по организации автономного строя на Украине при обеспечении прав всех ее национальных меньшинств и охраняя Украину как от проявлений внутреннего непорядка и анархии, так и от внешних врагов. В своих отношениях к Центральной раде генеральный секретариат будет руководиться статутом, выработанным Центральной радой 16 июля, а с Временным правительством поддерживать самый тесный контакт. Программу работы генерального секретариата я обещал представить уже после окончательного его сформирования. Мое заявление было принято весьма холодно.

Как раз в это время пришли в Киев петроградские и московские газеты с откликами на поручение формирования генерального секретариата мне. Большинство газет отметило мою лояльность по отношению к Временному правительству, а в «Русском слове» появилось по этому поводу интервью с Некрасовым, в котором он заявлял свое удовлетворение по поводу решения Центральной рады поручить мне правительство и выражал надежду, что теперь удастся наладить нормальные отношения с Украиной.

Эти заявления, и в особенности интервью Некрасова, поставили меня в совершенно ложное положение перед Центральной радой, в глазах которой я являлся теперь как бы креатурой Временного правительства, с которым ей приходилось до сих пор и вероятно предстояло и дальше бороться за форму и пределы автономии. Из дебатов по поводу моей декларации, а еще больше из бесед

с лидерами Центральной рады я вынес убеждение, что между мною и ими существует известное принципиальное различие во взглядах на сущность и значение той автономии, которую мне предстояло проводить на Украине.

Украинское политическое движение сосредоточилось, как в фокусе, в киевской Центральной раде; в провинции политическая жизнь чувствовалась довольно слабо; там не столько ощущалось появление новой власти автономного правительства, сколько упадок и разложение всякой власти вообще. Необходимо было фактически распространить новую власть на провинцию и крепче связать ее с центром в Киеве. В моем представлении возрожденная национальная государственность Украины должна была бы опираться на все классы населения и привлечь к делу строительства обновленной жизни все группы, все народности края, всех их заинтересовать и сделать участниками общей работы. Я не считал, например, целесообразным исключать из понятия членов украинской национальности представителей дворянского класса, обрусевших на левом берегу Днепра и ополяченных на правом, и совершенно устранять их от участия в государственном строительстве. Это был в сущности единственный у нас на Украине культурный класс, коренным образом связанный с краем и вместе с тем обладавший политическим и административным навыком, а потому незаменимый при новом государственном строительстве. Лишаясь земли при предстоявшей земельной реформе, он всю энергию и силы мог приложить на службу государству. Тем более что его представители на глазах у всех возвращались к своей родной украинской национальности и охотно шли работать для новой Украины. Но их выбрасывали за борт, клеймили «врагами народа» и вели против них агитацию без всяких оговорок. А между тем если в национальном движении необходимо было опереться также на известную историческую традицию, то как раз среди представителей поместного класса эта традиция могла быть пробуждена очень легко, как связанная с родовой, фамильной традицией. Но социалисты, целиком заполнявшие Центральную раду, предпочитали строить новую Украину на так сказать пустом месте, а украинскую историческую традицию в ее последней и ближайшей к нам по времени форме гетманщины предавали осмеянию и поруганию.

Центральная рада опиралась на «революционную демократию» и на крестьянство, поскольку можно было считать выразителями дум и чаяний *всех слоев* народа—тех случайных людей, какие (как всегда это бывает в революционное время) попадали делегатами на разные съезды и в самую Центральную раду. Считали, что она опиралась и на украинизованную армию («миллион штыков»).

Я хорошо знал, как подготовлялись войсковые съезды и творились представители от «40 000 солдат» или иной крупной массы, и потому мало верил в прочность этой опоры, особенно в ее сознательность. Действительно, когда осенью появились большевики

и бросили в солдатскую массу более элементарные и заманчивые лозунги, чем те, которые распространяли российские и украинские эсеры, то этот «миллион» расстаял бесследно в самое короткое время. Защищать Центральную раду оказалось некому, и умирать за нее пошла лишь интеллигентная молодежь, гимназисты и студенты—дети «буржуев».

Со стороны господствовавших в Центральной раде эсеров в крестьянскую массу все время бросались демагогические призывы и широкие обещания, конечно, прежде всего обещание даровой земли. Центральная рада держала курс на социализацию земли, причем появление большевиков заставляло ее выступать в этом направлении все более и более радикально. Автономия Украины и вообще национальные требования преподносились массам как своего рода выкуп, цена за панскую землю: хочешь получить панскую землю даром—требуй автономию! Понятно, это не создавало прочной базы для воссоздаваемой украинской государственности. Подобно солдатской массе, крестьянство в свою очередь не кивнуло и пальцем в защиту Центральной рады, когда в январе 1918 года к Киеву подступили большевики.

Мои расхождения с деятелями Центральной рады в описываемое время еще не оформились окончательно в моем собственном представлении, но уже сознавались мною достаточно отчетливо, чтобы понимать всю трудность положения при предстоявшей совместной работе. Каждый день наших встреч и переговоров убеждал меня в том, что я попаду в ложное положение, как председатель генерального секретариата, ответственного перед Центральной радой. Уже к концу первой недели я увидел, что продолжать далее совместную работу с деятелями Центральной рады я не могу, и заявил, что ухожу в отставку. Произошла очень тяжелая и неприятная для меня сцена объяснения с проф. М. С. Грушевским и другими членами президиума Центральной рады, но я настоял на своей отставке, предложив передать уже сформированный состав генерального секретариата В. К. Винниченко, беря на себя переговоры и с ним, и с приглашенными генеральными секретарями, а также поездку в Петроград, чтобы там настоять на утверждении кабинета Винниченко Временным правительством.

Прежде всего я направился на квартиру к В. К. Винниченко, укладывавшему уже свои вещи, чтобы ехать на отдых в деревню, и уговорил его не отказываться от председательства в генеральном секретариате. Затем мы вместе с ним объехали приглашенных уже раньше секретарей и заручились также и их согласием. Затем я решил ехать в Петроград.

Перед самым моим отъездом ко мне явилась делегация из Чернигова с предложением выставить мою кандидатуру на пост губернского комиссара, ввиду ухода М. А. Искрицкого. Я согласился, с условием, что в случае выбора буду просить об оставлении за собою звания областного комиссара Галиции и Буковины, чтобы довести до конца дело ликвидации генерал-губернаторства и иметь

возможность наблюдать за остающимися еще в наших руках галицко-буковинскими территориями.

Я отправился в путь опять в том же вагоне, с неизменным спутником Абрамом. Со мной поехал вместе и М. И. Туган-Барановский, желавший ликвидировать кое-какие дела в Петрограде. Поехал также и А. И. Лотоцкий, теперь генеральный писарь, и еще кое-кто из бывших петроградцев, решивших воспользоваться случаем и вывезти из Петрограда кое-что из своих вещей. Попрежнему я остановился на Царскосельском вокзале. Временное правительство встретило меня очень кисло, но в общем я заметил какое-то не то равнодушие, не то пассивную покорность судьбе, с которою все переносили сыпавшиеся без конца неудачи и огорчения.

Больше всего мне пришлось говорить с Некрасовым и Терещенко. Кандидатура Винниченко встретила упорное сопротивление. Почему-то его считали «германофилом». Этой репутацией Винниченко был обязан интервьюеру одной бульварной парижской газетки, который совершенно переврал и извратил смысл разговора и приписал Винниченко слова, будто бы и Центральная рада настроена германофильски. Это злосчастное интервью подхватили некоторые русские газеты, и во Временном правительстве мне совершенно серьезно заявляли, что утверждение Винниченко вызвало бы неудовольствие союзников. С большим трудом удалось убедить Некрасова, что «германофильство» Винниченко—выдумка и что неутверждение его до крайности обострит и без того неважные отношения с Центральной радой. Наконец утверждение состоялось, и прежде чем было сообщено официально, я протелеграфировал о нем в Киев.

В Киеве я узнал касающуюся лично меня новость: на губернском съезде в Чернигове я был избран комиссаром губернии.

Первое, что меня поразило, когда я приехал в хорошо мне знакомый Чернигов, это—«тишина необыкновенная». После шумного Киева Чернигов произвел на меня такое впечатление, будто здесь и не знали, что в стране происходит революция.

[По приезде в Чернигов автор направился в губернаторский дом]. Скоро пришли и мои будущие сотрудники, помощники губернского комиссара, гг. Савич и Ганжа. Первый был еще совсем молодой человек, лет 24, студент московского коммерческого института (окончивший, правда, курс, но еще не державший экзаменов). Единственный сын очень богатых землевладельцев Новозыбковского уезда, он увлекался кооперативным движением и был правоверный эсер. Считал себя русским, хоть необычайно яркий, характерный для северных черниговцев, акцент выдавал его происхождение и, вероятно, особенно резал ухо москвичам. Он мечтал о том, как он попадет в Всероссийское учредительное собрание (а в том, что его изберут, он нисколько не сомневался), и на свое пребывание на посту помощника губернского комиссара смотрел, как на временное. Впрочем он весьма ревниво относился к своим служебным прерогативам и впоследствии несколько раз приходил ко мне с

претензией, что его обходят в каких-то канцелярских мелочах. Когда месяца два спустя стали получаться из разных концов губернии телеграммы о поджогах усадеб, об уничтожении винокуренных заводов, хозяйственного инвентаря, убийствах и т. п. проявлениях нашей жакерии, г. Савич неизменно улыбался и говорил: «Углубление революции!» И вот однажды получилась телеграмма об убийстве с целью ограбления его отца и матери. Бедный Савич испытал углубление революции на самом себе.

Р. И. Ганжа был человек другого рода. Происходя из подгородных «панков» среднего достатка, он молодым студентом Петроградского технологического института был арестован по какому-то политическому делу и сослан в Сибирь на каторгу. Через года два он бежал оттуда и попал сначала в Вену, где ему оказал поддержку Троцкий, проживавший в то время там, а затем перебрался во Францию. Здесь он прожил десять лет; сначала работал как простой рабочий на фабрике, а затем окончил политехникум. Во Франции женился на черниговке-эмигрантке и весною 1917 года вернулся на родину через Англию и Скандинавию. Ганжа сильно офранцузился и по-русски говорил с заметным иностранным акцентом. Он был эсдек-меньшевик, очень убежденный и свято веровавший в свою доктрину. Сначала он стоял в стороне от украинского движения, хоть теоретически сочувствовал ему, но затем я стал замечать, что он все более и более интересуется украинским делом, берет у меня украинские книги, расспрашивает. Под конец 1917 года он уже чувствовал себя украинцем. Это был очень порядочный человек, совершенный джентльмен и европеец с головы до ног.

Когда я приехал, в губернии было совершенно спокойно. Изредка вспыхивали кое-где недоразумения, но их еще удавалось быстро и мирно улаживать. Обыкновенно кто-либо из членов губернского исполнительного комитета выезжал на место беспорядков, и так как это все были люди тактичные, пожилые, хорошо знакомые с местными отношениями, то им удавалось уговариванием успокоить недовольных или урезонить строптивых, и дело этим кончалось.

Фактически губернский комиссар не имел никакой реальной силы. Милиция никуда не годилась. В большинстве это был совершенно негодный элемент—взяточники, бездельники, да ее было и совершенно ничтожное количество. Население никем не охранялось, но жизнь еще шла по инерции, по заведенному порядку, еще не было совсем разрушено понятие о законности, еще уважалась чужая собственность, и агитация многочисленных представителей социалистов-революционеров, а кое-где и большевиков, казалась большинству крестьян пока еще просто словесным упражнением. Но скоро она стала приносить свои плоды, и мирная губерния уже к концу сентября кое-где стала волноваться. Но вначале, повторяю, все еще было благополучно.

Чтобы ознакомиться с составом уездной администрации, я

созвал в половине сентября съезд уездных комиссаров. Съехались почти из всех 16 уездов.

Просидев с ними первое заседание, я поразился неинтеллигентным составом уездной администрации. Людей с высшим образованием было всего двое, но они умоляли освободить их от несения комиссарских обязанностей. Согласно неизменявшемуся распоряжению Временного правительства, уездные комиссары и их помощники были выборные, и губернский комиссар мог только представлять их или нет к утверждению Временным правительством, вступая в последнем случае в конфликт с избирателями. Выборными были и начальники милиции. Конечно, в момент революции всегда на административные посты могут попадать случайные люди, а в глухой провинции попадали по большей части те, кто посмелее, ловчее, кто громче других кричал. И ввиду того, что из дворянского, помещичьего класса выбирали неохотно, а вообще более степенные люди сами не хотели итти, из осторожности, из опасения,—авось из всего этого никакого добра не выйдет,—то, неудивительно, что обыкновенно проходили в комиссары, в помощники и в начальники милиции своего рода карьеристы или демагоги.

Один из таких комиссаров, некий Ш. из северной части губернии, наделал нам массу хлопот своими самоуправствами, предосудительными сделками по торговой части и т. п. Но «свергнуть» его было почти невозможно, так как это был уже утвержденный комиссар, и за ним стоял местный уездный совет.

Из двухдневного съезда и я, и мои коллеги вынесли очень грустное впечатление о составе нашей администрации в губернии. Поправить же дело было очень трудно, поэтому мы задумали взяться хоть бы за улучшение милиции. Был приглашен губернский инспектор милиции, один из прежних моих сослуживцев по Галиции, сам черниговец, имевший маленький хуторок. Но пока удалось что-либо сделать, уже надвинулись дальнейшие события.

Из уездных комиссаров не присутствовал только нежинский комиссар К-ий. Между тем, видимо, это был очень «энергичный» человек. У него то и дело возникали разные казусы, и между Черниговом и Нежином происходил наиболее оживленный обмен телеграммами. Однажды ко мне явились из Нежина купцы и принесли горькие жалобы на комиссара и на начальника милиции за то, что те вмешиваются в торговлю, устанавливают по своему усмотрению цены на мануфактурные товары в лавках, производят учет товаров и в виде репрессии закрывают на неделю или на две магазин чем-либо неугодившего им купца. Я обещал разобрать дело и запросил из Нежина объяснений.

Не прошло и недели, как один из приезжавших купцов явился ко мне снова, очень взволнованный и испуганный, и объявил, что начальник милиции Т-ко хотел его арестовать в наказание за жалобу, опечатал мануфактурную лавку и то же самое сделал с его товарищами, приезжавшими ко мне. Одновременно получилась бумага от прокурора Киевской судебной палаты С. М. Ч-кова

с просьбой воздействовать на того же начальника милиции Т-ко и вот по какому делу.

Оказывается, в Нежинском уезде еще летом появился некий «пророк», ходивший по селам и предсказывавший приближение кончины мира, скорое пришествие антихриста и т. п. страхи. Пророк имел успех среди баб, мужики же относились к его вещаниям недоверчиво и насмешливо. Нежинская уездная администрация усмотрела в деятельности пророка контрреволюцию и, арестовав, посадила в тюрьму. Там он просидел с месяц и затем был выслан в свою деревню с воспрещением показываться в соседних селах. Однако прошло немного времени, и «пророк» был узнан на базаре в Нежине. Его немедленно схватили и посадили в узилище. Тогда в это дело вмешался прокурор Нежинского окружного суда и, не найдя состава преступления и оснований для лишения свободы злосчастного «пророка», требовал его освобождения. Но Т—ко не только не хотел освободить «пророка», но обвинил самого прокурора в контрреволюции и стал угрожать ему арестом. Бедный прокурор должен был думать теперь о собственной безопасности и обратился за защитой к прокурору Киевской судебной палаты.

Из всего этого я заключил, что мне надо самому ехать в Нежин и разобраться в том, что там происходит. Я пригласил себе в спутники г. Ганжу, и мы отправились на автомобиле проселочными дорогами в Нежин, который по грунтовой дороге отстоит от Чернигова всего в 75 верстах. Стоял сухой ветреный день, когда мы подъезжали к Нежину. Ветер подымал тучи пыли по широким площадям и узеньким, извилистым улицам города, где получил свое воспитание и провел юношеские годы Гоголь. Вот и его памятник, уныло чернеющий среди худосочного пыльного сквера. «Определено мне чудной властью озирать жизнь сквозь видимый миру смех и незримые, неведомые ему слезы», — гласит знаменитая цитата, выкованная на постаменте памятника...

Въехав в город, мы нигде не могли допроситься, где помещается уездный комиссариат. Долго колесили мы по запутанным улицам города, наводя своим автомобилем страх на мирно пасущихся гусей, индеек и на играющих детей, пока, наконец, в одном из переулков не увидали жестяной таблицы на скромном деревянном домике, гласившей, что здесь помещается комиссариат. Войдя в помещение, мы застали толпу народа, галдевшую и о чем-то споривщую. На вопрос, можно ли видеть комиссара, нам указали на молодого человека в черной блузе, подпоясанной шнурком, оживленно спорившего в толпе. Это и был комиссар, студент второго курса местного историко-филологического института К—ий. Одна нога у него была искалечена или коротка, и на ходу он страшно хромал, почти приседал. Я назвал себя и попросил провести меня в кабинет, чтобы поговорить о делах. Спорившая и шумевшая толпа (оказалось, это были крестьяне из уезда, пришедшие по какому-то делу), узнав, что приехал губернский комиссар, немного притихла.

— Ну, и шумные же у вас посетители!—заметил я.

— Это еще ничего,—возразил комиссар,—вот на днях я ездил в село N., уговаривать, чтобы не рубили казенный лес-молодняк,—так чуть не избили, едва убежал.

В это время вошел начальник милиции Т—ко. Это был пожилой человек, с рыжей бородкой и хитрыми глазами, тип уездного торговца или подпольного адвоката. Оказалось, он и был частным поверенным, т. е. тем, кого у нас в народе называют попросту «аблакатом». Потом выяснилось, что и вражда у него к прокурору возникла на почве старых счетов по его прежней профессии.

Из короткого разговора я увидел, что всеми делами в сущности ворочает Т—ко, как человек опытный и бывалый, а бедный филолог ездит по селам лишь для митингов и уговариваний, не всегда, как выходило из его же слов, безопасных для него. Я попросил Т—ко оставить нас наедине с К—ним и принялся выговаривать ему неуместность и незакономерность поступков и с купцами, и с пророком. К—ий во всем со мной согласился и горько сетовал на свое полное незнакомство с законами, с административными делами и практикой.

Я условился с комиссаром К—ним, что еще раз зайду к нему перед отъездом, а сам поспешил в окружной суд, чтобы застать там еще кого-нибудь.

Я познакомился прежде всего с председателем суда, почтенным стариком, от которого узнал, что со времени переворота и своего вступления в должность, ни уездный, ни городской комиссары ни разу у него не были, не познакомились, и вообще ни в какие отношения с судом не вступали, хотя, добродушно добавил старик, для них знакомство с представителями судебного ведомства имело бы некоторое значение, в смысле ознакомления с известными правовыми нормами. Познакомился я и с прокурором, который чуть ли не со слезами на глазах жаловался на Т—ко и объяснил всю подоплеку действий начальника милиции, личности действительно очень темной и для своего поста совершенно неподходящей.

Пообедав в клубе, мы с Ганжою отправились опять в комиссариат, но по дороге мы встретили ковыляющего комиссара, куда-то спешившего.

— Вы меня извините,—заявил он,—я должен итти на станцию: прибыло тело моей неожиданно скончавшейся невесты...

Нам оставалось только выразить ему свое сочувствие и, отпустив его с миром, ехать обратно в Чернигов.

Конечно, терпеть такого начальника милиции, как Т—ко, было нельзя. Я воспользовался тем, что он еще не был утвержден, и отказал в утверждении, распорядившись не выплачивать ему жалованья. Ко мне полетели телеграммы от каких-то советов и даже съездов (как это, мол я, народный избранник, не хочу утвердить лицо, также избранное народом), но так как я оставался непреклонным, то поехали жаловаться на меня в Киев прямо Центральной раде. Я объяснил там, в чем дело, и добился смещения Т—ко.

Между тем работа генерального секретариата подвигалась весьма туго. Временное правительство его саботировало (например, совершенно не выдавало денег). Сношения с правительственными учреждениями в крае завязывались весьма слабо. Винниченко созвал съезд губернских и уездных комиссаров 5 украинских губерний, и это несколько наладило связь с краем.

Надо сказать, что энергия и время генеральных секретарей уходили не столько на их прямые обязанности и дела, сколько на политику Центральной рады. Поэтому все они, а в особенности Винниченко, были всегда очень заняты, и с ними трудно было даже переговорить о каком-нибудь деле.

Одним из наибольших осложнений жизни в нашей губернии и в самом городе Чернигове было присутствие большого количества войск, прибывших с фронта или готовившихся к отправлению туда. Вдоль шоссе между Киевом и Черниговом, в Броварах, Семиполках, Яновке и других прилегающих селах была расположена тяжелая артиллерия, увезенная с фронта. Вдоль шоссе были расставлены, словно для смотра, колоссальные орудия, зарядные ящики, обозные телеги. Армия уже разлагалась. Солдаты самовольничали, пошаливали в деревнях и с каждым днем причиняли все более и более хлопот.

Но особенно обременительным был 13-й запасный пехотный полк, расположенный возле самого Чернигова на так называемом «казарменном участке». Полк этот беспрестанно пополнялся запасными из губернии и доходил иногда до 16 000 человек. Это была буйственная толпа ничего неделавших солдат, служившая постоянной угрозой городу. Население города почему-то было уверено,— очевидно такие шли разговоры,—что полк рано или поздно взбунтуется, разобьет казенный винный склад, и тогда начнется в городе погром. Во всяком случае в полку беспрестанно вспыхивали какие-то недоразумения. Город несколько раз ходатайствовал перед начальником округа К. М. Оберучевым о выводе полка из Чернигова. Однажды я сам ездил к Оберучеву и просил его о том же. В сущности набирать солдат из уездов, недовольных, раздраженных, уже тронутых пропагандою, не было никакого смысла: ведь все равно из этого полка никаких пополнений на фронт посылать было нельзя и не для чего; война фактически уже кончилась и надо было думать о том, как бы полегче произвести демобилизацию, без разорения областей, примыкавших к фронту. Но полковник Оберучев ни за что не хотел согласиться на все мои доводы и упрямо стоял на своем.

Однажды, когда я был в гостях у И. Л. Шрага, прибежал запыхавшись офицер городской милиции и просил скорее итти в совет рабочих и солдатских депутатов города Чернигова, приславший за мною; оказалось, 13-й запасный полк взбунтовался, арестовал командира и офицеров, собрался на митинг и теперь, видимо, собирается итти на город... Я поспешил в совет. До сих пор я не имел с ним никакого дела и никаких отношений. По законам Временного правительства милиция в губернском городе была совер-

щенно изъята из ведения губернского комиссара, так же точно не были подведомственны ему вообще все городские дела. Я жил в Чернигове, как бы пользуясь экстерриториальностью, и в дела города не входил. Теперь вдруг совет рабочих и солдатских депутатов сам меня приглашает,—значит, дело плохо!

Действительно, совет, в котором присутствовало человек 15—20 разного пола, возраста и состояния, был очень перепуган и просил у меня помощи. Единственно, что я мог ему предложить, это послать телеграмму Оберучеву. К моему мнению присоединился и вызванный в заседание комендант города, старенький полковник. В это время на улице раздался гром военной музыки. Все члены совета так и присели от страха. Это полк после митинга проходил по улицам города; однако на сей раз все обошлось благополучно, солдаты прошли с музыкой по двум-трем улицам и повернули к себе на «казарменный участок». Оказывается, на митинге был избран новый «командир полка», какой-то прапорщик. На другой день ко мне явилась делегация от полка, заявила, что это, мол, у них было свое домашнее дело и что не извольте, дескать, беспокоиться! Арестованного командира и офицеров на другой день выпустили. Только после этого случая полк стали постепенно разгружать (а задержка людей в нем, как оказалось, и была главной причиной бунта), и он скоро растаял. В городе остался только один украинский батальон и еще некоторые мелкие части.

Этот батальон сформировался вопреки желанию начальника округа полковника Оберучева, ставившего всякие препятствия его организации. Своей дисциплиной батальон выгодно отличался от других воинских частей. Но его держали в загоне, не выдавая никакого снабжения. Офицерский же состав батальона был слаб. Командир батальона, штабс-капитан Е—в, держал себя как-то странно и вел какую-то не совсем ясную для меня политику, так что мне приходилось быть в отношении него все время настороже. А тем временем положение вещей в губернии постепенно принимало такой оборот, что приходилось серьезно рассчитывать на такую хотя бы и небольшую, но сохранившую организацию и дисциплинированную воинскую часть.

Я уже упоминал, что вначале, всю первую часть осени, в Черниговской губернии было спокойно. Небольшие недоразумения лишь изредка вспыхивали то тут, то там, но их удавалось без особого труда улаживать. Как ни расстроен был административный и хозяйственный аппарат, как ни слаба была новая, наспех организованная администрация и милиция, но жизнь края текла еще по старому налаженному руслу, и если бы в стране была сильная и авторитетная власть, то можно было бы спокойно провести необходимые реформы социально-экономического характера, и в первую голову реформу земельных отношений. Но в этой области не делалось ничего, шли только теоретические рассуждения и споры, вопрос откладывался до Учредительного собрания, а тем временем левые

партии, и украинские, и русские, вели свою агитацию, и настроение крестьянской массы постепенно взвинчивалось и подымалось.

В Черниговской губернии, в ее северных, малоплодородных уездах, с осени начали замечаться тревожные признаки голода. Год был неурожайный, и даже в южных, черноземных уездах губернии (таких, например, как Нежинский) был недород и ощущался кое-где недостаток хлеба. На севере же было совсем плохо. Между тем согласно общему продовольственному плану, с системой централизации дела снабжения, на Черниговскую губернию падала известная часть хлебных поставок для армии и для великорусских губерний. Черниговский продовольственный комитет подчинялся директивам из Петрограда, и все указания на то, что надо позаботиться о своей собственной губернии, не приводили ни к чему. В комитете сидели преимущественно люди молодые и неопытные; хотя они и старались что-нибудь сделать, но не выходило ничего. А между тем из Суражского и Мглинского уездов являлись депутации и заявляли, что там ощущается острый недостаток хлеба и начинается просто голод. Не добившись ничего в комитетах, депутации направлялись ко мне. Начались мои неоднократные поездки в комитет, посылались срочные телеграммы, но из Петрограда отвечали, что изменить нарядов не могут, от Киева же вообще ничего нельзя было добиться: там были заняты «высокою политикою» и на телеграммы просто не отвечали.

В начале октября В. К. Винниченко, как я выше упомянул, созвал в Киев съезд губернских и уездных комиссаров автономной Украины (Черниговская, Полтавская, Волынская и Подольская губернии). Съезд раскрыл довольно печальную картину состояния края: правобережная Украина страшно страдала от погромов и разных безобразий, учинявшихся солдатами фронта, превратившимися в нестройные орды насильников и грабителей. Некоторые местности, лежавшие на пути отступления войск, еще летом 1917 года были так разорены, что, например, в Каменецком уезде населению приходилось голодать. Повсюду жаловались на милицию. В Полтавщине и на Волыни все чаще и чаще происходили беспорядки на аграрной почве, и давала себя чувствовать анархия. Я настойчиво указывал на опасность голода и возможность возникновения голодных бунтов. Но съезд так и не имел никаких реальных последствий.

Генеральный секретариат продолжал оставаться оторванным от страны, изображая из себя нечто вроде наблюдательного или совещательного органа. Никто из секретарей не показывался нигде, кроме Киева, а в Киеве их энергия уходила на политику в Центральной раде. От них не только нельзя было добиться какого-либо ответа на телеграммы, но даже приехав специально в Киев, нельзя было достичь того, чтобы быть выслушанным и получить какой-нибудь деловой совет, какое-либо указание. Но всю вину за то, что автономное правительство никак не могло наладить дела и действительно взять бразды правления в руки, сваливали на Временное правительство, на игнорирование им генерального секретариата

и саботирование его попыток наладить деловые отношения. Отчасти это было верно.

Временное правительство, доживавшее свои последние дни, или махнуло совсем рукой на украинские дела, стремясь как-нибудь дотянуть до Учредительного собрания (а там, мол, все устроится), или же действительно саботировало правительство автономной Украины, желая донять его если не мытьем, то катаньем. Как вдруг в Петрограде разразилась так называемая Октябрьская революция, и Украине уже не оставалось ничего иного, как отделиться от большевистской России и начать устраивать свою судьбу совершенно самостоятельно.

Как раз в это время у нас в Чернигове вновь возникли недоразумения на «военной почве». Штаб округа требовал, чтобы украинский баталион отправлялся на «фронт». Войсковой украинский секретариат, существовавший в Киеве помимо утверждения и признания со стороны Временного правительства, противился уходу баталиона. Я также был против увода баталиона, особенно ввиду того, что еще не был ликвидирован совсем 13-й запасный полк и артиллерия, окончательно превратившаяся в банды и по большей части уже покинутая своими офицерами. Но свои сношения с баталионом генеральный секретарь С. В. Петлюра вел помимо меня, не посвящая меня в свои планы, а командир баталиона постоянно обращался ко мне в своих недоразумениях с комендантом гарнизона, представителями других воинских частей и советом солдатских и рабочих депутатов. Ко мне обе стороны обращались как к своего рода арбитру, и мое положение становилось очень затруднительным, дело же могло кончиться вооруженным столкновением между баталионом и запасным полком.

Во время одного из совещаний в бывшем губернаторском доме с представителями спорящих сторон, в зал вошел Савич и потихоньку мне сообщил, что только что получено известие о восстании в Петрограде. Я запросил телеграфно Киев и, как всегда, не получил ответа. К вечеру прибыли из Петрограда несколько успокаивающие сведения, но я все же решил съездить в Киев, чтобы осведомиться о намерениях генерального секретариата и заодно уладить в округе дело украинского батальона.

На другой день утром я поехал в Киев. Со мной попросился съездить и командир украинского батальона штабс-капитан Е—в Я уже был осведомлен, что и в Киеве назревает конфликт, но пока еще никаких особенно тревожных известий оттуда не приходило. В Киеве положение было довольно сложное. Фактически сталкивались три силы: Центральная рада со своим генеральным секретариатом, опиравшиеся на украинизованные воинские части; затем—штаб Киевского военного округа, во главе которого по уходе полковника Оберучева стал генерал Квецинский, но душою его был комиссар округа эсдек-меньшевик Кириенко. Штаб округа опирался на военные училища и школы прапорщиков, на донские казачьи части, на чешский баталион и еще кое-какие части, стя-

гивавшиеся к Киеву. Наконец были большевики с советом солдатских и рабочих депутатов, с несколькими воинскими частями в Киеве и артиллерией за Днепром. Конфликт разразился, как только пришло известие в Киев о начавшемся восстании в Петрограде. {В Киеве автор} понемногу ориентировался в том, что происходило.

Одновременно в Киеве заседали два съезда: «3 Всеукраинский войсковой съезд» и «Фронтовой казачий съезд». Как только пришло известие о начавшемся в Петрограде восстании, в Киеве организовался «Революционный комитет по охране революции на Украине», в котором объединились представители Центральной рады с представителями местных большевиков (Л. Пятаков и В. Затонский), объявивший себя верховной властью на все 9 украинских губерний (Киевская, Подольская, Волынская, Полтавская, Черниговская, Харьковская, Херсонская, Екатеринославская и Таврическая). В выпущенном к населению воззвании комитет объявил, что «на улицах Петрограда идет борьба между Временным Правительством и Петроградским советом рабочих и солдатских депутатов», и что «враги революции и народной свободы могут воспользоваться для возвращения царского режима и порабощения народа. В этот грозный час вся революционная демократия—рабочие, крестьяне и армия—должны объединиться и собрать все свои силы для того, чтобы сберечь спокойствие и порядок на Украине». Под этими словами скрывался разрыв с Временным правительством и украинско-большевистский альянс.

Штаб киевского военного округа пытался устроить в Киеве базу для поддержки Временного правительства и борьбы с большевиками и Центральной радой, но эта попытка не имела никакого успеха, ибо Временное правительство давно уже утратило свой авторитет, особенно на Украине, и за исключением групп интеллигенции, русских и еврейских кадетов с меньшевиками, никто за ним в Киеве не стоял. В свое время Временное правительство, не хотевшее и не умевшее опереться на украинское национальное движение против большевиков, теперь имело против себя и тех и других.

Борьбу начал штаб округа. Окружив верными себе частями бывший императорский дворец, где заседал совет солдатских и рабочих депутатов с Пятаковым во главе, штаб округа хотел было на месте расправиться с главарями большевиков. С величайшим трудом делегации Центральной рады лишь удалось вырвать Пятакова и его сподвижников из рук разъяренных юнкеров и казаков. Помещение же совета солдатских и рабочих депутатов было совершенно разгромлено. Были уничтожены канцелярия, книги и даже мебель. Делегатам Центральной рады спасением вожаков совета удалось лишь на несколько часов задержать начало вооруженного столкновения.

На другой день большевистские части атаковали штаб округа, и на улицах Киева закипела вооруженная борьба, сосредоточившаяся

главным образом на Печерске, причем на стороне большевиков выступили понтонные и воздухоплавательные баталионы и артиллеристы; штаб округа защищали юнкера и казаки. Чехо-словацкий баталион, вначале поддерживавший штаб, скоро уклонился от борьбы и объявил нейтралитет. Украинцы поддерживали большевиков, признавших над собою власть украинского начальника военного округа полковника В. Павленка.

Я не мог ничего добиться толком ни в Центральной раде, ни у С. В. Петлюры; он принял меня, что называется «на ходу», ничего не объяснил и только уверял, что «все будет хорошо».

Между тем защитники штаба округа рассеялись, генерал Квецинский арестован (но на другой день освобожден), и Центральная рада осталась хозяином положения. Теперь она заговорила иным тоном и с большевиками, ясно показывая им свое нежелание делиться с ними властью. Альянс скоро кончился, и Пятаков с Затонским вышли из «революционного комитета» и из состава Центральной рады, упрекая украинцев в коварстве и вероломстве. Спустя несколько дней украинские части очень ловко разоружили большевиков в Киеве и за Днепром, в Никольской слободке, Дарнице и Броварах. Но это случилось две недели спустя.

Я пробыл в Киеве два дня. Временное правительство в Петрограде было уже свергнуто, и в генеральном секретариате мне предложили оставаться попрежнему губернским комиссаром, но уже от имени украинского правительства, причем заявили, что я могу совершенно рассчитывать на украинский баталион, расположенный в Чернигове. Надо было думать о возвращении в Чернигов. За мной заехал на военном автомобиле капитан Е—в и предложил отправиться в Дарницу, откуда мы можем продолжать путь уже на моем автомобиле, если он цел. Мы поехали. С нами сели в качестве охраны два вооруженных украинских солдата. Поехали низом по берегу Днепра, так как через Печерск еще не было проезда. У моста нас задержала большевистская застава. «Свои!» закричал им Е—в; но к нам все же подсели два красноармейца, и мы проехали с ними через мост в Никольскую Слободку. Здесь в каком-то «районном участке» молодой рабочий и барышня, исполнявшие роль комиссаров, снабдили меня пропуском с печатью, гласившим, что «товарищ губернский комиссар Черниговщины едет по служебной надобности», и я поехал дальше в Дарницу уже без провожатых. Автомобиль мой был цел, начальник милиции успел добыть бензину, и шофер с нетерпением ожидал моего возвращения, наскучив сидеть в лесной глуши. Через несколько часов мы с Е—вым были уже в Чернигове.

В Чернигове большевики не имели никакой силы и значения. Лидером их являлась молоденькая барышня, Соня Соколовская, дочь местного мирового судьи. Она выступала и в совете рабочих депутатов, и в городской думе, как гласный новой демократической думы. Когда мне на одном заседании думы указали на нее, я не мог сначала поверить, что эта совсем юная, миловидная барышня,

почти подросток, является «лидером», да еще большевиков! Когда я познакомился с ней, она мне очень жаловалась на «грубость» украинцев, с которыми ей приходилось сталкиваться в совете солдатских депутатов. Видимо, грубость действительно была нужда Соне Соколовской, ибо когда уже в самом конце 1917 года Чернигов заняли большевики, то ей были обязаны своим спасением около сотни офицеров, проживавших в городе, и вообще, как мне потом передавали, благодаря ее настояниям, как «председательницы ревкома», в Чернигове тогда не было ни одной кровавой расправы. Был тогда в Чернигове еще один известный теперь большевистский деятель, студент В. Элланский (литературный псевдоним его В. Блакитный), но в то время он больше был занят устройством украинской книжной лавки в Чернигове и официально считался эсером. Мы часто с ним встречались по делам разных украинских культурно-просветительных учреждений, и «Вася Элланский», как его все звали в Чернигове (он кончил там духовную семинарию) был очень скромным и симпатичным молодым человеком. Теперь он стал «пролетарским поэтом».

Спустя неделю после моего возвращения из Киева приехал в Чернигов генеральный писарь А. И. Лотоцкий и предложил от имени секретариата отправиться с ним в ставку в Могилев, чтобы заключить с верховным командованием соглашение об образовании особого украинского фронта для защиты украинской территории, соединив вместе Румынский и Юго-западный фронты. Главнокомандующим предполагался генерал Щербачев, уже выразивший на это свое согласие. Думали собрать остатки армии, преимущественно украинизованные части, державшиеся лучше других, и прикрывать ими границы Украины. Я согласился, и мы поехали на автомобиле через Гомель в Могилев. Мне уже пришлось таким путем побывать в ставке еще в половине октября, когда я ездил по делам галицко-буковинского управления. Тогда я виделся с генералом Духониным, исполнявшим обязанности начальника штаба,—главнокомандующим еще считался Керенский. Теперь уже Керенского не было, и верховным главнокомандующим был Духонин.

7 ноября вечером нам из Киева передали, что там провозглашена Украинская народная республика. Один из делегатов «Викжеля», земляк-украинец О., говорил нам какие-то загадочные фразы и советовал скорее уезжать из ставки. Я догадывался, что «Викжель» уже сговорился с большевиками и держит их сторону, хотя тут в ставке его представители пока еще не раскрывают своих карт. Поздно ночью того же 7 ноября в кабинете генерала Духонина состоялось соглашение об образовании Украинского фронта. Когда я по подписании договора припомнил Духонину, как мы летом встречались с ним в Каменеце и в Бердичеве и как он тогда относился с недоверием ко мне, как украинцу, а вот теперь мы вместе подписываем это соглашение, он печально улыбнулся.

Я решил на другой же день утром ехать в Чернигов.

В Чернигове я застал приготовления к торжественному празднованию провозглашения Украинской республики. Это празднование состоялось в ближайшее воскресенье. На площади перед Спасо-преображенским собором преосвященный Иоанн отслужил молебен и сказал приличествующее случаю слово. И. Л. Шраг, бывший городской голова А. Верзилов и я произнесли речи, затем состоялся парад войскам черниговского гарнизона, который мне пришлось принимать. Последний раз видали черниговцы стройные ряды войск, с офицерами во главе, с сине-желтыми украинскими знаменами, с музыкой, дефилировавшие в полном порядке и с песнями расходившиеся после парада. Празднование прошло при огромном стечении народа и с большим подъемом. У всех как бы просветлело на душе. После беспрестанной тревоги и напряженности последних недель, казалось, блеснул светлый луч; все ожидали, что независимая Украина, отделившаяся от большевистской России, сделается оплотом порядка, законности, что она сумеет сама лучше устроить свою жизнь. Этот мотив звучал и в слове архиерея (родом костромича), и в приветствиях многочисленных депутаций от различных официальных и общественных учреждений, явившихся приветствовать меня после парада войскам, как представителя новой власти. Начиная от крестьян, собравшихся на какой-то очередной съезд, и кончая представителями банков, землевладельцев и духовенства, все выражали мне эту уверенность, что самостоятельная Украина избежит печальной участи Великороссии, ставшей жертвою смуты. Хотелось верить и самому, но над нами уже собирались темные тучи, и радость наша была непродолжительна.

III.

Альянс с большевиками продолжался недолго. С самого начала он не имел никакой искренности с обоих сторон. Хотя Пятаков и жаловался на неверность Центральной рады, но сами большевики не помышляли о соблюдении «верности», несмотря на все свои широковещательные заявления о праве народов России «на самоопределение вплоть до отделения», и готовили удар самостоятельной Украине. Большевиками руководил совершенно правильный (с их точки зрения) расчет: в России произошел переворот, и там образовалась советская республика с диктатурой коммунистической партии, опиравшейся первоначально на широкие круги рабочего класса, подготовленного долгой и искусной агитацией, на разагитированные массы разложившейся армии, и на определенные группы интеллигенции. Легкость, с какой был осуществлен переворот, показывала, что в Великороссии для восприятия советско-коммунистического строя почва была достаточно подготовлена и сама по себе благоприятна. Далеко не то было на Украине. Элементы, готовые к принятию коммунизма, составляли здесь очень тонкую прослойку, и то лишь в крупных центрах, притом состояли преимущественно из людей неместных, пришлых. Крестьянин в

огромной своей массе был настроен строго собственнически, как это было на Украине искони. А главное—здесь с весны 1917 года происходило национальное движение, в той или иной форме и степени находившее себе очень живой отклик в широких кругах населения. Это движение не умели использовать его официальные вожаки, а между тем представлялась полная возможность для Украины устоять против надвигавшейся волны большевизма и в национальном возрождении почерпнуть силы для здорового развития молодой государственности и нормального строительства жизни.

То, что осенью 1917 года Украина представляла еще из себя «оазис» среди взбаламученного всероссийского моря, среди его хаоса и смуты, далеко не было одной лишь красивой фразой. Но, повторяю, этого использовать не умели, да и не хотели. А большевики учитывали возможность образования обок с своею Советскою республикою несоветской Украины, которая неминуемо сделалась бы оплотом всех противобольшевистских элементов в соседней Великороссии.

Но, конечно, не социалистическое правительство Центральной рады, словно состязавшееся с большевиками в распространении среди народа демагогических лозунгов разрушительного, а отнюдь не созидательного характера, не украинские «революционные демократы» были способны организовать государство в 40 миллионов населения и найти силы, которые могли бы это государство сберечь и охранить между мировой войной и социальной революцией. Фраза, произнесенная одним украинским министром социал-демократом: «Мы хотим или социалистической Украины—или же нам не нужно никакой Украины»,—эта фраза соответствовала в действительности настроению большинства деятелей Центральной рады. Большевики оперировали подобными же лозунгами, но они были более последовательны и прямолинейны. Ставя своей первой задачей разрушение буржуазно-капиталистического строя, они и в теории и в практике шли до конца. Украинские же социалисты полагали, что, бросая систематически в народные массы известные лозунги, провозглашая определенные формулы, можно управлять массами при помощи этих формул, словно каких-то магических заклинаний, можно удержать массы в таких границах, какие будут необходимы для осуществления партийной программы.

Украинские социалисты-революционеры, старательно углублявшие в течение лета 1917 года «революционное сознание народных масс», что сводилось к проповеди захвата и раздела «панской» земли и панского имущества, прекрасно приготовили почву для пришествия большевиков, которым не оставалось ничего иного, как пригласить массы немедленно и практически осуществить то, о чем толковали и торжественные универсалы Центральной рады, и партийные эсеровские агитаторы на деревенских сходах.

От четвертого универсала Центральной рады, провозглашавшего принцип социализации земельной собственности, к большевизму переход был неминуем. Ни обмануть, ни перехитрить те элементы

крестьянства, которым улыбалась перспектива «социализации» панского имущества, точно так же, как и городской пролетариат, одинаково ожидавший всяких благ от социализации фабрик и заводов, было нельзя. И тех, и других софистика украинских социалистов лишь раздражала. В ней справедливо видели обман. И как только Центральная рада пошла на разрыв с большевиками, участь ее была предрешена. Увлеченная успехами национального движения, опьяненная легкими победами над бессильным Временным правительством, украинская социалистическая (или революционная, как она любит себя называть) демократия не хотела допустить к делу государственного и социально-экономического строительства тех, кого она называла «панами» и «москалями», ибо не хотела делиться с ними властью и руководящим положением; конечно, не хотела она делиться и с претендентами на возглавление революции—с большевиками. Она полагала, что можно найти какой-то средний путь, какое-то среднее состояние между социалистическим и буржуазно-демократическим строем, что можно управлять революцией при помощи красивых фраз и чувствительных воззваний. Конечно, она горько ошиблась. Ей и выдвинутой ею Центральной раде с генеральным секретариатом [1] пришлось повторить судьбу Временного правительства, последовательно повторивши все его ошибки. Поманивши крестьянство своими обещаниями, разжегши классовую рознь, раззадоривши худшие инстинкты и аппетиты, Центральная рада остановилась и стала отставать от того, что уже осуществляли у себя в России большевики,—и влияние ее мгновенно исчезло. В решительную минуту, когда большевики нажали извне и изнутри, оказалось, что за Центральной радой никто в сущности уже не стоит: «миллионы штыков» оказались пуфом, а те реальные тысячи, которых она сама же разложила своей демагогией и удивительной неспособностью что-либо организовать, в критическую минуту объявили нейтралитет. А «народ», конечно, безмолвствовал, но только не в пользу Центральной рады.

Между тем обстановка для молодой украинской республики вначале складывалась весьма благоприятно, даже во внешнем, международном отношении. Союзники, отчаявшиеся в России, обратили свое внимание на Украину, рассчитывая, что она будет продолжать если не активную борьбу, то по крайней мере сопротивление, удерживая своими силами бывшие Юго-западный и Румынский фронты. Формирование украинских национальных частей и затем образование по соглашению со ставкой в Могилеве украинского фронта было принимаемо представителями союзного командования, как меры для продолжения войны—в форме обороны украинской территории от австро-немецкого вторжения. Представители Франции, Англии и Румынии внимательно следили за развитием собы-

---

[1] Большевики и название «генеральный» использовали для агитации против Центральной рады, толкуя, что в генеральном секретариате заседают генералы, потому де он так и называется.

тий на Украине. Уже в начале ноября генерал Табуи, начальник французской военной миссии при ставке Юго-западного фронта, и майор английской службы Фицвильямс явились к генеральному секретарю по международным делам в Киеве А. Я. Шульгину с заявлением, что союзники вообще, а в особенности Франция, с полной симпатией относятся к культурному и политическому возрождению Украины. У союзников уже намечался план, что Украина, вместе с Доном, чехо-словацкими легионами и различными национальными частями, будет наряду с Румынией продолжать хотя бы пассивное сопротивление на фронте.

Когда советское правительство в Москве заявило о своем намерении заключить мир с центральными державами, Франция и Англия ответили на это формальным признанием самостоятельной Украинской республики. 21 декабря 1917 года Шульгин получил письмо от генерала Табуи следующего содержания:

Le Général Commissaire
de la République.

République Française

Kiev, le 21 décembre 1917 / 3 janvier 1918

Le Général Tabouis, Commissaire de la République Française auprès du Gouvernement de la République Ukrainienne, à Monsieur le Secrétaire Général aux affaires étrangères de la République Ukrainienne.

Monsieur le Secrétaire Général.

J'ai l'honneur de vous prier de porter à la connaissance du Gouvernement de la République Ukrainienne que le Gouvernement de la République Française m'a désigné comme Commissaire de la République Française auprès du Gouvernement de la République Ukrainienne.

Je vous demanederai, en conséquence, de bien vouloir me faire savoir, quel jour et à quelle heure je pourrai faire au Chef du Gouvernement ma visite solennelle de présentation officielle.

Veuillez, Monsieur le Secrétaire Général, agréer l'assurance de ma haute considération.

(Signé) Tabouis [1].

[1] В переводе:

Генеральный Комиссар
Республики.

Французская Республика

Киев, 21 декабря 1917 г. / 3 января 1918 г.

Генерал Табуи, Комиссар Французской Республики при Правительстве Украинской Республики, Г-ну Генеральному Секретарю иностранных дел Украинской Республики.

Господин Генеральный Секретарь.

Имею честь просить Вас довести до сведения Правительства Украинской Республики, что Правительство Французской Республики назначило меня Комиссаром Французской Республики при Правительстве Украинской Республики.

Не откажите, в связи с этим, в любезном уведомлении меня о том в

На другой день председатель генерального секретариата В. К. Винниченко в торжественной аудиенции принял французскую делегацию, состоявшую из генерала Табуи, полковников Ванно и Денса, и генерала Арке, назначенного французским консулом в Киеве. В своей речи генерал Табуи, между прочим, заявил:

«Я приношу вам безусловное заверение в том, что Франция, первая совершающая этот торжественный акт (официального признания Украины), поддержит всеми своими моральными и материальными средствами усилия, которые будет делать Украинская республика, чтобы итти тем путем, какой наметили себе союзники и каким они и далее будут неуклонно итти в полном сознании своего права и своих обязанностей перед демократиями всего мира и всего человечества.»

Письмом от 2 января 1918 года генерал Табуи уведомил украинское правительство, что с 5/18 декабря Франция считает себя вошедшей в официальные сношения с Украиной (Depuis cette date, La France est entrée en relations officielles avec l'Ukraine) [1]. Вслед затем и бывший английский генеральный консул в Одессе Пиктон Баггe уведомил украинское правительство, что он назначен «представителем Великобритании на Украине». Румынский генерал Коанда уже с октября месяца вел официальные переговоры с генеральным секретариатом, и вопрос об учреждении официального румынского представительства на Украине был принципиально уже решен.

Какими же силами располагало украинское правительство, чтобы укрепить свое положение и оправдать надежды союзников на поддержание противо-австро-немецкого фронта?

Мне пришлось уже выше говорить о том, что движение, направленное вначале на выделение украинцев в отдельные национальные части, а затем и на формирование особых украинских частей, движение, известное под именем украинизации армии, началось еще весною 1917 года и очень скоро приняло широкие размеры. Но и здесь во главе дела стали партийные люди левого направления, не сумевшие отделить военное дело от партийных задач и внесшие в формирование украинской армии все дурные приемы дешевой демагогии и узкого политиканства. Во главе «генерального секретарства по войсковым делам» стал С. В. Петлюра, человек штатский, имевший к военному делу лишь то отношение, что с 1916 года он состоял помощником уполномоченного

какой день и в котором часу я мог бы сделать Главе Правительства торжественный визит официального представления.

Прошу принять, Господин Генеральный Секретарь, уверение в моем глубоком уважении.

(Подписано) Табуи

[1] Цитирую по изданию Лиги Наций: «Demande d'admission dans la Société des Nations de la République Ukrainienne. Mémorandum du Secrétaire Général.», 20 novembre 1920. Document de l'Assemblée 88. Genève.

земского союза на Западном фронте. Он окружил себя молодыми прапорщиками военного времени, матросами, писарями, военными чиновниками—это и был штаб нарождавшейся украинской армии. Ко всем старым офицерам, хотя бы они были и чистокровными украинцами, Петлюра и его ближайшие сотрудники относились с глубоким недоверием. И встречая это недоверие на каждом шагу, старые, опытные офицеры генерального штаба, генералы, имевшие уже славный боевой стаж, не особенно стремились в ряды молодой украинской армии. Шли по большей части авантюристы, вроде полковника Капкана (командира первого украинского полка имени Б. Хмельницкого), форменного бандита—полковника П—ка; типичного проходимца и авантюриста—штабс-капитана Б—го и прочих, закончивших свою карьеру после многократных переходов и измен службою в советской армии. Понятно, что такие люди ничего прочного создать не могли, и, после всех шумных толков и выступлений, в распоряжении Центральной рады находилось осенью 1917 года всего несколько «полков», представлявших из себя скорее отряды партизанов под командою своих атаманов, чем регулярные войсковые части. Избалованные, деморализованные политикою, эти дружины удальцов, носившие трескучие названия: «Полк имени гетмана Сагайдачного», «Полк имени Дорошенко», «Полк имени Грушевского» и т. п.—не выдержали, как мы сейчас увидим, пробы при первом же серьезном испытании [1].

Но была одна солидная украинская воинская часть, которая могла стать ядром украинской армии, которая положила уже серьезные заслуги в деле обороны края... но—этой части Центральная рада боялась не менее, чем большевиков, и напрягла все усилия, чтобы ее разложить. Речь идет о 34 армейском корпусе, украинизованном еще летом 1917 года на Юго-западном фронте под командою генерал-лейтенанта П. П. Скоропадского (будущего гетмана). По распоряжению генерала Корнилова этот корпус был украинизован, т. е. солдаты других национальностей были из него выделены, остались только украинцы, затем в корпус были влиты украинцы из других войсковых частей. Корнилов, по опыту знавший, что украинизованные части прекрасно сражались (как, например, 56 дивизия VIII армии в Галиции), возлагал большие надежды на сохранение боеспособности хотя бы отдельных частей путем их украинизации. Действительно, украинизованный 34 корпус сделался

---

[1] Правда, усилиями отдельных лиц из числа кадровых офицеров, главным образом полковника В. А. Павленко, удалось было сформировать к концу октября две «сердюцкие» дивизии, численностью до 15 000 человек. При их помощи было произведено немного позже разоружение большевистских частей в самом Киеве и его окрестностях. Но как только это разоружение произошло и первая опасность как будто миновала, Петлюра распорядился немедленно демобилизовать эти дивизии, опасаясь их «контрреволюционного» настроения, выражавшегося в стремлении поддерживать настоящую воинскую дисциплину, в нелюбви к комитетам и в желании видеть во главе частей людей не штатских, а военных.

последней опорой порядка среди всеобщего развала фронта в конце 1917 года.

После падения ставки в ноябре генерал Скоропадский не подчинился распоряжениям нового главковерха Крыленко и занял своим корпусом линию железной дороги между Жмеринкой и Казатином, а также линию Казатин—Шепетовка и Христиновка—Вапнярка, разоружил обольшевичившийся 2 гвардейский корпус, двигавшийся с фронта на Киев, и направил обезоруженные эшелоны солдат кружным путем через Шепетовку—Калинковичи на север. Точно так же обезоружил он и другие большевистские части, стремившиеся в ноябре и начале декабря занять Киев и утвердить здесь большевистскую власть.

Однако действия генерала Скоропадского не только не ободрили правительство Центральной рады, но вызвали в нем опасения, как бы энергичный генерал, опираясь на свой прекрасный украинский корпус, развернувшийся до внушительных размеров (60 000 человек), не захватил власть и не провозгласил себя гетманом! Эти опасения я лично слыхал в Киеве от самих генеральных секретарей. И вот были направлены все усилия, чтобы разложить и уничтожить этот корпус. В него были посланы специальные агитаторы. Несмотря на многократные просьбы командира корпуса, не присылалась теплая одежда и обувь, хотя киевские склады ломились от запасов обмундирования. Люди, более месяца жившие в холодных вагонах, начали волноваться. Целым рядом намеренных действий генеральный секретарь Порш, заменивший в декабре Петлюру, добился ухода генерала Скоропадского в отставку. И прекрасная боевая часть, строго-украинская по своему национальному составу, быстро разложилась и уже к началу 1918 года перестала существовать.

Такую же участь потерпела и другая военная организация, так называемое «Вольное казачество», начавшая формироваться в Киевской губернии еще летом 1917 года. Первая организация возникла в Звенигородском уезде и состояла преимущественно из крестьянской молодежи, иногда же к ней примыкали и люди пожилые.

Дружины «Вольного казачества» ставили себе задачей поддержание порядка, безопасности, борьбы с разбойничьими элементами.

Под влиянием национального движения в форму организации было внесено немало романтического элемента в духе старой казачьей традиции: появились старинные названия, исторические жупаны, шапки и прочие аксессуары исторического казачества.

К организации определенно примыкали хозяйственные элементы деревни, степенные хлеборобы, настроенные антисоциалистически и антиреволюционно. Из Звенигородского уезда движение распространилось в другие уезды, перекинулось за Днепр в Полтавскую губернию, где нашло себе множество сторонников среди здешних казаков, далее—на Черниговщину, Екатеринославщину.

В этом «Вольном казачестве» украинскому правительству легко

было создать прочную опору порядка и молодой государственности, но оно с самого начала крайне подозрительно отнеслось к формированию казачьих дружин, когда же на съезде представителей «Вольного казачества» всей Украины в Чигирине 6 октября был избран почетным атаманом тот же генерал П. П. Скоропадский, подозрительность эта удвоилась. Казачеству не отпускали средств, не выдавали оружия и распространяли слухи о его «контрреволюционных» намерениях.

Так подрывала Центральная рада те сучья, на которых не только могла усидеть сама, но и поддержать шаткую и неукрепленную еще храмину молодой украинской республики. А грозный день был уже близок.

* * *

Советское правительство считало себя в состоянии войны с правительством Украины. Ему не нужно было формировать для наступления особой армии (тогда еще только заканчивался процесс разложения старой российской армии, и делались всего лишь первые шаги для организации новой красной армии): взрыв Украинской народной республики был подготовлен изнутри. В начале декабря местные большевики созвали в Киеве «рабоче-крестьянский» съезд. Им не удалось получить на съезде большинство. Тогда большевистское меньшинство переехало в Харьков и выделило из себя «советское правительство Украины». В то же время с севера был захвачен Чернигов. В Полтаве местный «совдеп» поднял голову. Во всех крупных центрах власть правительства Центральной рады существовала к концу года лишь номинально. В Киеве это сознавали, но ничего уже поделать не могли.

IV

Наступал новый 1918 год. В старом помещении украинского клуба на Большой Владимирской собралось около сотни представителей украинского и общественного и литературного мира встретить Новый год. Явились и некоторые из генеральных секретарей (недавно переименованных в министры) с В. К. Винниченко во главе. Настроение у всех было подавленное,—отовсюду приходили недобрые вести. Пробил 12-й час, и никто не решался поднять бокал и провозгласить традиционный тост. Все взоры устремились на главу украинского правительства—на Винниченко; дамы стали упрашивать его сказать хоть несколько слов.—«Что я могу сказать вам?—начал он,—разве то, что варвар с севера стоит у наших дверей и грозит смять, уничтожить все наши достижения, разрушить наше молодое государство, смести нашу культуру...»

Вся речь Винниченко была пронизана этим мрачным настроением предчувствия надвигающейся катастрофы. О том же самом говорил и следующий оратор, Н. Е. Шаповал (министр почт и

телеграфа), свою речь он закончил грустным возгласом: Morituri te salutant!

Конечно, такое настроение членов правительства передалось всем присутствующим, и на другой день тревога распространилась по всему городу.

Впрочем, кабинет Винниченко не долго оставался на своем посту: через несколько дней произошел «кризис», официально истолковывавшийся тем, что, дескать, теперь партия украинских эсеров настолько преобладает (в чем ее убеждало и огромное количество голосов, поданное за их списки при выборах в Всероссийское учредительное собрание там, где эти выборы были произведены), что может всецело взять власть в свои руки, обходясь без эсдеков. Лидер эсеровской фракции, Аркадий Степаненко, заявил в заседании Центральной рады о недоверии к кабинету Винниченко, и тот подал в отставку, наверно, радуясь, что не ему придется расхлебывать кашу, заваренную, однако, при его активном участии.

Был образован кабинет Голубовича, состоявший преимущественно из эсеров. Как вообще мог выдвинуться и занять пост премьера этот кретинообразный субъект, не умевший связно произнести даже коротенькой речи, вялый, без инициативы, тупой — остается загадкой, которую можно пояснить разве тем, что при общем уровне лидеров эсеровской партии, не подымавшемся выше студентов второго курса, человек с высшим образованием (Голубович был инженер) являлся такой ценной величиной, что уже в силу одного этого считался кандидатом на все высшие посты.

Злые языки утверждали, что профессор Грушевский, истинный режиссер всех таких махинаций, как «министерский кризис», «формирование кабинета» и т. д., умышленно выдвигал людей бездарных и безличных, чтобы ему легче было самому ими управлять. Впоследствии Голубович приобрел себе печальную известность своим позорным поведением на немецком суде в Киеве в 1918 году и на большевистском в Харькове в 1921 году.

Но так или иначе, новый кабинет был образован. Из прежнего состава в нем, однако, остался Порш, как военный министр. (Видимо, его «военные заслуги» очень ценились.)

Между тем события развивались очень быстро. Большевики уже подготовили взрыв украинского правительства изнутри. Этот взрыв должен был произойти в самой Центральной раде, путем объявления себя частью ее членов—большевиками, и путем вооруженного восстания в Киеве. Для осуществления первой части задуманного плана была образована фракция «левых эсеров» с неким Северцевым во главе (по всей вероятности—псевдоним). Бывая на заседаниях Центральной рады, я заметил выступления этой новой группы, лидером которой являлся Северцев, молодой человек, кажется, бывший офицер, приехавший, как говорили, из Харькова и никому в Киеве неизвестный. Он действовал в контакте с некоторыми членами Центральной рады, уже открыто именовавшими себя большевиками: среди них выдавался Неро-

нович, бывший студент Петербургского университета—офицер военного времени. Вот эти-то две группы и должны были произвести переворот в самой Центральной раде. Но их предупредил комендант города Киева Ковенко.

Это была очень интересная личность: инженер по профессии, очень талантливый изобретатель, человек смелый и решительный, с большой долей авантюризма, он в эти дни явился в сущности единственным защитником Киева от большевиков. Видя полный развал «армии» Центральной рады, обратившейся в банды разнузданной солдатни, он наспех стал организовывать в Киеве «Вильне козацтво» (вольное казачество)—род милиции, составленной из самых разнородных элементов, проникнутых, однако, известным национальным одушевлением и, как показали события, из людей достаточно отважных. Это была вольница, позволявшая себе всякие самоуправства и даже бесчинства, но в решительную минуту только это «Вильне козацтво» и бросилось сражаться с большевиками. Так вот этот г. Ковенко и предупредил большевистский заговор: получив сведения о замысле большевистских членов Центральной рады, он распорядился арестовать ночью ряд главных участников задуманного предприятия. Эффект получился крупный: сначала эсеры завопили о нарушении священных прав парламента, о неприкосновенности депутатов, о грубом насилии; Грушевский рвал на себе седую бороду и был, казалось, в отчаянии. Но так как у Центральной рады сил не было никаких, а у Ковенко все же было несколько сот послушных ему «вольных казаков», то пришлось смириться, и Ковенко вдруг сделался диктатором в г. Киеве.

Неудача в стенах Центральной рады не остановила большевиков. В ночь с 14 на 15 января они подняли восстание в Киеве, захватив арсенал на Печерске (рабочие арсенала были главным оплотом большевиков). Ночью под 15 января меня разбудил звонок телефона; я бросился к трубке: говорил со мной Ковенко, которого я всего раза 2—3 видал перед тем. «Господин комиссар,—услыхал я,—мы принуждены реквизировать ваш автомобиль [1], но когда вы позже узнаете, для какой цели мы берем вашу машину, то сами будете меня благодарить!» Мне не оставалось ничего другого, как принять к сведению это галантное извещение.

На другой день утром я отправился в военное министерство (помещавшееся в здании коллегии Павла Галагана на Фундуклеевской улице). На дверях его виднелась записка, что занятий в министерстве сегодня не будет. Я все-таки пробрался в помещение. Лица служащих были как-то озабочены, все куда-то спешили,

[1] В моем распоряжении, как областного комиссара Галиции и Буковины, еще находился автомобиль. Этот автомобиль стоял в гараже союза городов и служил предметом постоянных покушений на «реквизицию» со стороны разных «атаманов» войск Центральной рады. Мне несколько раз приходилось с большим трудом его освобождать. Вообще в Киеве развилась своего рода охота на автомобили.

некоторые вооружались винтовками. На мои вопросы отвечали очень неохотно, и я с большим трудом добился кое-каких сведений. Оказалось, что на Печерске поднялось восстание; его сдерживают пока только «вольные казаки» Ковенко. На помощь им формируются отряды из служащих министерства, из добровольцев, из солдат, пожелавших защищать правительство; все полки, находившиеся в Киеве, объявили «нейтралитет»; это были полки с самыми громкими названиями—«Полуботьковский», «Дорошенковский», «Шевченковский» и т. д., на которые Центральной радой было истрачено столько денег, а еще больше красноречия.

Так началось восстание. Я не буду подробно излагать его хода. Оно памятно всем, бывшим тогда в Киеве. Прекрасный многонаселенный город сделался жертвою сначала борьбы на улицах, а потом жестокого обстрела с нескольких сторон. Это были ужасные, незабываемые дни. В общих чертах события происходили так. Как я упоминал выше, вначале борьба ограничивалась Печерском, но постепенно силы обеих борющихся сторон увеличивались. С украинской стороны они увеличились отрядом галицких «сечевых стрельцов», очень храбро бившихся с большевиками на Подоле, несколькими отрядами, пришедшими в Киев из окрестностей, новыми дружинами добровольцев. Можно было бы набрать добровольцев очень много, прежде всего офицеров, но украинское республиканское правительство заранее сделало все возможное, чтобы оттолкнуть от себя офицерство,—хотя бы своим распоряжением, чтобы все офицеры бывшей российской армии в трехдневный срок покинули Киев. И вот теперь по городу расхаживали тысячи людей в офицерских шинелях, бывшие лишь молчаливыми зрителями разыгравшейся перед их глазами отчаянной борьбы. Многие из них следили за борьбой с злорадным чувством по адресу украинцев; для них большевики все же были прежде всего свои, «русские»...

Если росли силы обороняющейся стороны, то росли, с другой стороны, и силы восставших. К ним присоединилась рабочая молодежь, отчасти и учащиеся (преимущественно евреи) на окраинах города. Борьба распространилась почти по всему городу. К концу недели, однако, украинцы взяли верх. Стрельба стала затихать, но тут к большевикам подошли подкрепления из России, Киев стали обстреливать с двух сторон—из-за Днепра тяжелой артиллерией и с броневых поездов со стороны товарной станции. Этим участь города была решена.

Когда со стороны Бахмача и Чернигова двинулись на Киев большевистские эшелоны, правительство не могло послать для отпора ни единой воинской части. Тогда собрали наскоро отряд из студентов и гимназистов старших классов и бросили их—буквально на убой—навстречу прекрасно вооруженным и многочисленным силам большевиков. Несчастную молодежь довезли до станции Круты и высадили здесь на «позиции». В то время, когда юноши (в большинстве не державшие никогда в руках ружья) бесстрашно выступили против надвигавшихся большевистских отря-

дов, начальство их, группа офицеров, осталась в поезде и устроила здесь попойку в вагонах; большевики без труда разбили отряд молодежи и погнали его к станции. Увидев опасность, находившиеся в поезде поспешили дать сигнал к отъезду, не оставшись ни минуты, чтобы захватить с собой бегущих... Путь на Киев был теперь совершенно открыт. Говорят, инициатива отправления на видимую гибель нескольких сотен несчастной молодежи принадлежала военному министру Н. В. Поршу.

В то же время другой бывший военный министр, Петлюра, собрал партизанский отряд, чтобы отразить наступление большевиков со стороны Полтавы. Он ждал их со своим отрядом у станции Гребенка Киево-полтавской железной дороги, но большевики обошли эту станцию и направились в Киев по грунтовой дороге. Петлюра возвратился со своим отрядом в Киев, подняв на некоторое время настроение его защитников, ибо разнесся слух, будто бы он «разбил на голову» большевиков у Гребенки. Но вскоре обнаружилось истинное положение дел.

Над Киевом опять стали рваться снаряды. Несколько дней продолжалась адская канонада, и в ночь на 25 января члены правительства, лидеры фракций Центральной рады и кое-кто из ее членов выехали из Киева по Житомирскому шоссе, а за ними отступили украинские войска. Выезд был произведен внезапно, без всякого предупреждения и оповещения хотя бы всех членов Центральной рады и наиболее известных политических деятелей. Утром 26 января стало совершенно тихо, стрельба замолкла. На улице было пустынно, пошел густой снег, и, казалось, что все успокоилось и наступил отдых после адских дней борьбы и напряжения. Я ничего не знал об оставлении Киева. Вдруг ко мне заходит А. Я. Шульгин и сообщает, что в Киеве большевики...— Что же вы думаете делать?—спросил его я.

— Иду искать убежища, чтобы спрятаться, и вам советую сделать то же!

Мы обнялись, и он ушел, подняв воротник и нахлобучив шапку. Ковенко же, уезжая на моем автомобиле, не успел заехать за мной, хотя (как выяснилось впоследствии) шофер и напоминал ему об этом несколько раз.

Что же было делать? Я решил оставаться дома и ждать своей судьбы. Скрываться и бежать мне было некуда. Я уничтожил свой билет члена Центральной рады и красное «посвідчення» (удостоверение) о моей принадлежности к военному ведомству,—предосторожность, мало меня успокаивавшая, ибо сотни таких бумажек были розданы за моею собственноручною подписью чинам галицко-буковинского генерал-губернаторства, ожидавшим в Киеве ликвидации своих учреждений.

Целый день, однако, на улице было тихо (я жил на Львовской улице у самого Покровского монастыря). Под вечер толпа обывателей из нашего и соседнего домов собралась у ворот и поджидала, что будет дальше. Вдруг по улице промчался автомобиль

с вооруженными солдатами и матросами. Он остановился недалеко от наших ворот. Вот послышался выстрел, и толпа обывателей испуганно шарахнулась в ворота. Но мотор зашипел, и автомобиль поехал далее. Оказалось, это выстрелил в воздух один из сидевших в автомобиле, чтобы произвести впечатление. Опять тихо, и вновь у ворот собралась кучка любопытных. Я не мог усидеть дома и тоже вышел за ворота, одев старенькое пальто и валявшуюся среди домашнего хлама старую облезлую шляпу. В группе у соседнего дома какой-то субъект, немолодой, типа полицейского канцеляриста или отставного околоточного надзирателя, о чем-то толковал своим слушателям. Я подошел. Оказалось, он бранил Центральную раду и в особенности профессора Грушевского, рассказывая преувеличенные вещи о богатстве последнего. У ворот или подъезда почти каждого дома стояли такие же кучки людей и ждали. Но вот застучали конские копыта, и показалась артиллерия. К нашему дому подъехала батарея и остановилась. Пушки сняли с передков и навели на видневшиеся вдали Луцкие казармы. Зрители переполошились, но солдаты стали успокаивать, говоря, что послана вперед разведка, и если окажется, что Луцкие казармы пусты, то стрелять не будут. Командовавший батареею офицер, с красивым, но неприятным лицом, заметил, ехидно улыбаясь: «Ну, это еще мы посмотрим! Придется вам открывать форточки, а то—прощай все стекла». Один же из солдат до того увлекся своим великодушием, что услыхав, что здесь где-то во дворе живет старушка-барыня и плачет, узнав, что начнется стрельба, пошел отыскивать эту барыню, дабы ее успокоить. К счастью, разведка вернулась и донесла, что в Луцких казармах никого нет. Батарея уехала. Сердца обывателей были покорены! Неужели же это те самые большевики, о которых рассказывали такие ужасы! Неужели это они несколько дней и ночей держали всех в смертном страхе своим обстрелом? Неужели из этих самых пушек была убита в соседнем доме молодая женщина с ребенком, а в следующем смертельно перераненa целая семья? Обыватели решили, «что тут что-то не так»... и стали расходиться, уже несколько ободрившись. После десяти дней канонады и всяческих опасностей уже одна тишина сама по себе успокаивала нервы.

Уже в конце второй недели пребывания большевиков в Киеве пошли слухи о том, что положение их непрочно, что Центральная рада заключила с немцами мир и что немцы идут на Украину. В действительности дело обстояло так.

Центральная рада с проф. Грушевским во главе, т. е. несколько десятков ее активнейших членов и остатки войск отступили к Житомиру, а затем к ст. Сарны на Волыни. Отсюда была послана делегация в Брест-Литовск для заключения мира.

Три государства, входившие в состав так называемого четверного союза: Германия, Турция и Болгария очень хотели мира именно с небольшевистской Украиной, полагая, что самостоятельная Украина будет хорошим соседом и даст возможность своими

богатыми запасами поднять тяжелое экономическое положение борющихся на стороне центральных держав. Австрия же шла на мир, скрепя сердце: камнем преткновения был для нее «польский вопрос», который она хотела было разрешить в смысле создания вассального, по отношению к империи Габсбургов, польского государства. Теперь же, по настоянию германцев, приходилось отдавать Украине все этнографически украинские области на западе, т. е. Холмщину и Подляшье, а относительно Галиции согласиться на тайный договор о разделе ее на западную—польскую и восточную—украинскую части; это шло в разрез с данным еще покойным императором Франц-Иосифом в 1916 году обещанием: составить из Галиции единую автономную область, где, конечно, хозяевами были бы поляки.

Успешному для украинцев характеру договора много способствовал находившийся в составе австро-венгерской делегации украинский общественный деятель из Буковины, член венского парламента Николай Василько. Но и делегаты Центральной рады: Любинский, Севрюк и Левицкий, проявили, несмотря на свою молодость, очень большую настойчивость, выдержку и такт (о чем свидетельствует в своих записках и участник переговоров граф Чернин).

По Брест-литовскому договору все четыре державы центрального блока признавали независимость и самостоятельность Украины с точным определением ее границ на западе, совпадающих более или менее с этнографической границей украинского населения. Украина же обязывалась продать Австрии и Германии часть своих продовольственных запасов, а те должны были помочь ей отбиться от большевиков. Вопрос о вооруженной помощи поставлен был не совсем ясно, украинские делегаты добивались, чтобы им были предоставлены лишь те дивизии, которые были сформированы в Германии и Австрии из военнопленных украинцев; они считали, что этих войск (до 30 000 человек) будет вполне достаточно для освобождения украинской территории. Но случилось так, что двинулись немецкие и австровенгерские войска, что, конечно, в боевом отношении ускорило и упростило задачу, но зато придало союзной австро-германской помощи характер оккупации ими украинской территории.

Нужно упомянуть об одном эпизоде брестских переговоров. Так называемое «украинское советское правительство», перекочевавшее из Харькова в Киев, услыхав о прибытии в Брест делегации правительства Центральной рады, послало туда и своих делегатов, предлагая заключение мира от себя. Его делегация, под председательством некоего Шахрая, прибыла в Брест, но поздно: дело было уже сделано.

Германские и австро-венгерские войска начали наступать на Украину, имея в авангарде украинские отряды из войск, защищавших Киев и усилившихся по пути добровольцами. Командовал ими генерал Присовский. Наступление пошло очень быстро.

Первым вошел в Киев отряд Присовского с Петлюрой. Ему устроили восторженную встречу. Колокольный звон сливался с пением молебна на площади. А там за Днепром гудели орудийные выстрелы: враг был еще недалеко. На следующий день начали входить немецкие войска. Члены украинского правительства долго не появлялись, хотя их ждали с нетерпением.

Все думали, что теперь дела пойдут по-иному, что умудренные несчастием и опытом деятели Центральной рады поймут положение, не будут допускать прежних ошибок, что теперь начнется разумная государственная работа, что под защитой сильных союзников несчастная страна отдохнет, наберется сил и станет строить свою новую жизнь на прочных основаниях деловой социально-экономической политики, что будет приступлено к образованию могучей национальной армии согласно требованиям военной науки, и т. д., и т. д. Увы! Всем этим чаяниям не суждено было сбыться. Возвратились знакомые лица—Голубович, Грушевский—и запели свои старые песни. Они ничему не научились, ничего не забыли. К их обычным приемам прибавилась только большая самоуверенность они чувствовали себя победителями. Пошли одно за другим нелепые распоряжения, недоразумения, скандалы, и дело закончилось так, как оно и должно было закончиться: строение украинского государства взяли в свои руки другие люди; не прошло и двух месяцев со времени возвращения Центральной рады в Киев, как Украинская народная республика перестала существовать, и ее место заняла Украинская держава с гетманом во главе.

С. СУМСКИЙ

Одиннадцать переворотов [1].

(Гражданская война в Киеве.)

Это—не документы, не история и не политика. Это рассказ о том, как в одном из многих домов Киева виделась гражданская война, рассказ о наиболее запавших в памяти ее эпизодах. Такой рассказ могли бы рассказать все киевляне. Его следует тем не менее записать: так необычно виденное и так значительно оно в жизни—и отдельных лиц, и общества.

I. Нашествие Муравьева.

Январь восемнадцатого года. Борьба большевиков за власть была не только угроза, она уже начиналась. На последних выборах в совет коммунисты получили большинство. За исключением специальных украинских янычар,—а их было очень мало,—все войсковые части требовали захвата власти советами. Рада, лишенная опоры в широких слоях населения, настроившая против себя города—своей националистической политикой, деревню—боязнью разрешить земельный вопрос, солдат—продолжением войны, была уже властью призрачной. Министры произносили речи, требуя защиты республики, а по улицам, угрюмо поглядывая по сторонам, бродили, именно бродили, а не ходили серые шинели. Правительство рады играло в солдатики, украинизировало армию, вводило в моду оселедцы и бритые головы, полковников переименовывало в старшин, а поручиков—в хорунжих. Плохие актеры играли роли запорожцев. А войска ночью вышли из казарм. Вовсе не для защиты рады, а для ее свержения.

Восстание началось. Утром собрались мы для обычной работы в редакции «Киевской мысли». Какой-то министр самоуверенным басом говорил в телефон, что ночью произошли беспорядки. Большевистские части пытались разоружить верные правительству войска, но верные правительству войска немедленно привели бунтовщиков к повиновению. Виновные будут наказаны. Следствие начинается. А эти эксцессы—сущие пустяки, и им не следует придавать серьезного значения.

---

[1] «Летопись революции», кн. 1, Берлин 1923 г.

В те времена у нас еще не было опыта разговоров с министрами, и в редакции очень немногие знали, что самоуверенный бас министра—свидетельство его непроходимой пошлости и лживости. Почти все поверили министру, хотя и понимали, что в его речах должен иметься казенный оптимизм. Но прибежали наши репортеры и принесли очень тревожные вести. Наш редактор был опытный человек;

— Одному своему репортеру я верю больше, чем десяти декларациям десяти кабинетов, особенно у нас, в России. Поздравляю вас с властью советов.

Но из редакции снова позвонили министру. Тот же самоуверенный бас стал успокаивать:

— Все пустяки, отголоски вчерашних волнений. Через час-другой будет восстановлено спокойствие...

Телефон министра находился в Педагогическом музее, т. е. на расстоянии тридцати шагов от редакции газеты. Еще слышен был в телефон министерский бас, как вдруг в окне завизжала пуля, звякнуло стекло, а затем послышались редкие выстрелы.

— Траектория пули,—заявил наш военный обозреватель,—равняется примерно двум километрам. Стало быть, винтовка, из которой вылетела напугавшая нас пуля, находилась не дальше, чем за два километра от кабинета секретаря редакции «Киевской мысли».

— Я за репортеров,—сказал редактор.—Репортеры могут быть министрами, но из министра никогда не сделаешь хорошего репортера.

Секретарь отправил успокоительный разговор с министром в типографию. Редактор отправил в типографию совсем неспокойные донесения репортеров. Уже принесли из наборной корректурные гранки, мы все спорили и обсуждали положение, а кругом становилось тревожнее и выстрелы чаще. Мы не заметили, как произошел переход от одинокого выстрела, разбившего стекло в кабинете секретаря, к частой и густой стрельбе, точно щелкание орехов или хлопанье бича. Уже как будто стреляли во дворе редакции. Еще пуля прилетела в репортерскую. Из типографии пришел метранпаж и сказал, что наборщики волнуются, хотят уходить домой. Как-то сразу всем стало ясно, что работу надо кончать.

— Пора расходиться, иначе до дому не дойдем,—сказал редактор.—Одному я рад: этот джентльмент уже никогда более не будет министром.

Прислушались к стрельбе. Это уже был бой. Сразу стала работа. На столе валялись недочитанные гранки. В типографии мгновенно стало тихо и пусто. Замолчал треск наборных машин. И изредка, действуя на нервы, как-то особенно шумно хлопала стеклянная дверь из типографии в редакцию.

Разбрелись. На улицах хлопало. Время от времени разрывались шрапнели. Народ толпился группами подле ворот, еще непривычный к боям в мирном городе. Вдоль улиц уже почти никто не ходил: одинокие люди пробирались по домам. Перебегали серые

шинели с винтовками. Иногда кричали. Непонятно было, о чем кричали. Я жался у стен и заборов, все думая о том, как бы скорее дойти до дому.

К вечеру уже нельзя было выйти на улицу. Бесчисленные рвались снаряды, как удары бичей, щелкали винтовки, с разных сторон на своем мерном, с обрывами, языке говорил пулемет.

* * *

Дом наш, по Мариинско-Благовещенской улице, помещался между Еврейским базаром и вокзалом. С Еврейского базара наступали украинцы, с вокзала—большевики, а сзади, у памятника Бобринского—опять украинцы. И это было первое, что нас поразило в гражданской войне,—так сказать, чересполосица воюющих сторон. Почему вдруг на вокзале очутились большевики, как будто перелетев через украинцев, почему за большевиками снова оказались украинцы, а вслед за ними, как рассказывали, по направлению к Святошину—опять большевики, это никто толком объяснить не мог.

Жильцы нашего дома сбились во дворе, прислушивались к трескотне и обсуждали положение, а оно было из рук вон плохо. Участок наш, находившийся в центре враждебных лагерей, переходил из рук в руки. Каждая занимавшая его власть—в лице нескольких солдат—стучалась в ворота и утверждала, что на нашей крыше помещается пулемет. Повидимому, на всех крышах им мерещелись пулеметы—и украинцам, и большевикам. Далее, украинцы были всегда убеждены, что на нашей крыше помещается большевистский пулемет, а большевики,—что украинский. Устраивали соответственно этому обыски, ходили по квартирам, заглядывали в трубы и шарили на чердаке. Иногда находили старые часы и кулек с мукой, которые предусмотрительно хозяева не успели запрятать. И хотя ни часы, ни кулек с мукой не стреляли, их все-таки конфисковали; правда, этим обыски и оканчивались.

На другой день стало хуже. Мы сбились во дворе и обсуждали положение,—а за эти годы мы только то и делали, что обсуждали положение,—и один факт прервал это обсуждение, как впрочем подобного рода факты всегда прерывали нас. Стало слышно, что дом наш обсыпается с улицы градом пулеметных пуль. В самом этом обстреле опасного ничего не было: уже со вчерашнего дня все комнаты, выходившие на улицу, были оставлены жильцами, потому что в них залетело много пуль. Мы переселились в комнаты, выходившие во двор: со стороны двора дом был защищен огромным флигелем. Но, не представляя непосредственной опасности, этот обстрел мог быть опасен своими последствиями. Зачем стреляют?

Через несколько минут во двор вошли серые шинели. Кто их знает, были ли они большевики или украинцы? Наша предварительная дипломатия стремилась выведать, какой партией мы завоеваны. Но сразу же нам было заявлено, что на нашей крыше стоит

пулемет, и поэтому броневик завоевателей, заняв наш участок, первым делом обстрелял дом. Мы стали уверять, что у нас нет никакого пулемета, что сургучными печатями домового комитета запечатаны все форточки, все двери, все окна, выходившие на улицу; запечатаны чердачные оконца и все ходы на чердак. Серые шинели посмотрели, убедились и ушли. Через несколько часов другие завоеватели таким же манером обстреляли дом, а затем также пришли убеждаться, что никаких пулеметов у нас нет. Эта особая симпатия к нашему дому объяснялась вероятно тем, что он был самый высокий в нашем квартале; другие дома в районе Еврейского базара—маленькие, двухэтажные или трехэтажные.

Часов до одиннадцати шел бой. Потом утихло. К утру началось снова.

Каким-то образом доходили вести извне, сообщалась информация, хотя никаких газет не было и никакие телефоны не разговаривали. Но вот храбрый человек, жених горничной соседа, пришел с Соломенки, а один из жильцов ухитрился совершить экспедицию на Подол, вернувшись, правда, только на следующий день. Мы знали, что восставшие большевистские части вместе с вооруженными рабочими вели бой с «верными правительству» войсками.

Не видно было конца этому бою, потому что фантастически нелепы были методы его. Все количество—как восставших, так и украинцев—не превышало нескольких сот человек, разбившихся по всему городу. В бою участвовало, вероятно, столько же пушек, сколько и людей. Бой вели—в каждом участке—два десятка человек против двух десятков человек. Огромный город находился во власти этих небольших группок, перебегавших из одного квартала в другой. Одна группка почему-то очищала занимаемый ею участок, другая его—опять-таки почему-то—занимала. Стреляли из подворотен, прячась и перебегая. Число жертв среди участников боя было ничтожно, а если и были, то падали жертвами шальных пуль и шальных снарядов. Из винтовок стреляли вдоль улиц—неизвестно зачем,—неизвестно в каком направлении. В этой своей первой стадии гражданская война была лишена самых элементарных принципов стратегии. Никаких команд, приказов не было.

— Стреляй, братцы,—говорил кто-то, и стреляли.

— Бежим на Безаковскую, там, кажется, украинцев нет,—и перебегали на Безаковскую.

Но если винтовкам были поставлены естественные преграды—дома, и потому стреляли вдоль улиц, то из пушек лупили куда попадет,—вообще. Батарея, стоявшая у памятника Бобринского, лупит по Печерску, хотя там никаких солдат ни противной стороны, ни своих нет. С Соломенки лупили по Еврейскому базару, и пылью взлетали лотки и столики. Так было первые дни. Потом как будто определился порядок. Сегодня на известном месте стоит, скажем, украинская батарея. Завтра большевики узнают, что там находится враждебная батарея. Они начинают обстреливать весь этот участок (авось попадет куда надо), но обстреливаемая батарея

при первом же разрыве снаряда снимается, уводится в место, куда не попадает, и начинает оттуда стрелять в каком-нибудь направлении.

Сколько времени продолжался бы этот бой—никто сказать не может. Теоретически он мог продолжаться без конца, по крайней мере до исчерпания запасов пуль и снарядов. Но на седьмой день боя пронеслась жуткая молва. Почему она была такой жуткой, почему она вызвала самые мрачные опасения, которые, кстати сказать, больше чем подтвердились, тоже сказать нельзя. Стало известно, что на подмогу киевским большевикам со стороны Днепра идет сам Муравьев. Никто не слыхал до того времени этой фамилии, кроме записных политиков, помнивших такую фамилию при защите Петербурга от Керенского; но к этой фамилии прилагался эпитет сам, с этим связывались самые свирепые возможности. Говорили, что с Муравьевым идет двадцать тысяч войск, сотни батарей, тяжелые орудия, ядовитые газы, что сам Муравьев не знает пощады, и что жестокость его превосходит все вообразимое.

И, действительно, на седьмой или восьмой день боя началось. Все, что до того происходило, казалось нам, запертым в этом котле гражданской войны, сущими пустяками. Город застонал от снарядов. Досужие люди,—а много в эти дни было досужих людей,—насчитали, что в Киеве в течение дня разрывалось свыше двух тысяч снарядов. Все в доме ходили мрачные и обреченные.

А к ночи загорелись огни пожаров. С балкона были видны зарева. Горел вокзал, какие-то здания горели на Соломенке, какие-то на Печерске. На Бибиковском бульваре горел дом Богрова, на Тарасовской ярким костром пылал дом председателя рады М. О. Грушевского. Жутки и тяжелы были эти дни—бессмысленных и жестоких боев. Но самое жуткое в них, что на всех действовало особенно сильно и угнетающе, были пожары. Со всех концов горел Киев. Ночью затихала стрельба, и были видны только зарева пожаров. В комнатах было так светло, что можно было читать. И последние дни—одиннадцатый или двенадцатый день—было особенно нестерпимо. Ночью становилось так тихо, что вдруг слышался отдельный лай собаки. Странно и страшно было слышать этот лай. Мы рисковали выходить на балкон, который на улицу, и смотрели на вокзал и на горевшую Соломенку. В окнах, выходивших на улицу, уже не было стекол. Они были либо разбиты, либо просверлены пулями.

Двенадцать дней шел не бой, а бессмысленный обстрел города. И если сперва, мы хотя и испуганно, но все же мирно обсуждали положение, то с каждым последующим днем становились все более унылы, мрачны и молчаливы. Истощились продовольственные запасы, и особой храбростью у нас отличалась одна горничная, ухитрявшаяся раз в два дня совершать куда-то экспедиции за хлебом. Потом и хлеба нельзя было достать, и она приносила воду. И это было большой драгоценностью, потому что водопровод не действовал. В нашем доме была лавочка, и мы разобрали из лавочки все, что там было.

Всю ночь шло во дворе дежурство. Четверо мужчин спускалось вниз каждые три часа. Молча ходили дежурные по двору и прислушивались—к редкому ночью—выстрелу или разрыву. Пытались определить, что это—выстрел или разрыв, и если почему-то казалось, что выстрел, облегченно вздыхали, если разрыв, жались к стенке в ожидании, что вот опять разорвется здесь, на улице или во дворе. Потом подымались наверх,—сменяли другие, и наверху, не раздеваясь, засыпали, вскакивая от всякого выстрела и прислушиваясь к каждому стуку.

Днем начали играть в шахматы, в карты. Однажды сидели в моей квартире и играли с соседями в карты. Вдруг—грохот. Сперва ошарашило. Жена побежала на кухню. Оказалось, что плита на кухне и дымоход разворочены, а все кругом завалено щебнем. Мы помолчали, поглядели друг на друга: стало страшно. Снаряды подбирались совсем близко. От кухни до кабинета, где мы сидели, в моей маленькой квартирке не было и двадцати шагов. Стали опять играть. И снова громыхнуло. Над самым потолком, как будто тяжелым молотом ударило по голове.

— На крыше разорвался снаряд,—сказал сосед.

На крыше, действительно, разорвался снаряд, разворотил трубу и железную крышу. Стакан от снаряда упал как раз над кабинетом,—мы его потом нашли, как раз, когда мы играли в карты, но почему-то не пробил потолка. Мы жили в верхнем этаже.

Еще через некоторое время—треск битого стекла. Против моей столовой у окна—в самую кирпичную стену—врезался снаряд так, что верхняя половина стакана была видна. По сию пору он еще торчит там, в доме по Мариинско-Благовещенской, № 112. Это был неразорвавшийся снаряд.

И вот в какой-то день утром стало тихо. Домашняя информация установила, что украинские войска на трех грузовиках ночью оставили Киев. Уехали ли они на трех грузовиках или, может быть, на десяти, но вся эта армада уместилась на грузовиках: это потом сообщили нам в своих воспоминаниях украинцы. Несколько батарей и эти так называемые армии в течение двенадцати дней в мучительном напряжении держали шестисоттысячный город, и, наверное, мирных жителей в эти дни полегло больше, чем было воюющих армий на обеих сторонах, если не считать подошедшей к Киеву, действительно, большой армии Муравьева.

* * *

Это было плохое утро. То есть, кто его знает, была ли в тот день хорошая погода или плохая, но когда я вышел на улицу и испытывал почти физическую сладость от того, что в морозном воздухе тихо, и не слышно шрапнелей, я все же находился в отвратительнейшем состоянии. Чувствовалось, что эти двенадцать дней—жестокий и непроходимый рубеж. Прошлое—это только воспоминания. Начинается самое трудное, может быть, даже непереносимое.

Первое впечатление—разбитые стекла. Под ногами трещали стекла, груды и груды битого стекла, будто какой-то шутник ходил по городу и бросал битое стекло,—весь город был засыпан битым стеклом.

Я пошел в редакцию. Но помещение редакции было занято красноармейцами. У меня спросили пропуск и туда не пустили. Через несколько минут я разыскал всех сотрудников газеты на квартире М. С. Мильруда, жившего как раз против редакции. Даже редактор наш, человек с большим юмором, правда, зачастую довольно мрачного оттенка, был серьезен и потрясен. Из рассказов выяснились страшные подробности этих дней. Огромное количество жертв оказалось среди мирного населения. Городские жители еще не приспособились к гражданской войне, не научились прятаться от опасности, не представляли себе размеров ее. Женщина, сидевшая подле швейной машины, была уложена снарядом, влетевшим в окно, вместе с четырьмя детьми. В квартиру ворвался с потолка снаряд и убил трех человек, ранил двух. И подобные рассказы. Несколько тысяч человек легло жертвой этих дней. Насколько мало было сознание опасности, видно из такого случая. В первый день боя у булочной на Крещатике стояла большая очередь за хлебом, раскинувшаяся по улице и заходившая на Фундуклеевскую. Упал снаряд в очередь, и один человек был убит. Люди не разбежались. Толпа шарахнулась, прижалась к стенам домов, но через несколько минут вновь выстроилась в очередь. Для стоявших в очереди людей, конечно, страшна была пролитая кровь, но как страшная случайность. Никто не подумал, что вот через несколько минут может снова разорваться шрапнель и убить не одного, а нескольких человек. Стояли в очереди большей частью бабы и дети.

2. Нашествие немцев.

Уже ползли слухи о движении немцев, австрийцев, гайдамаков. Это было в проклятые дни Бреста. Из советских газет мы узнали о том, что украинцы подписали сепаратный договор с немцами. Да и заметки в советских газетах о «столкновениях с украинскими бандитами» были в достаточной мере зловещи. Стало известно, что Житомир оставлен большевиками. Кем он взят—неизвестно. И вдруг зазвучали новые мотивы, правда, не в печати, уверявшей, что Киеву никакой опасности не грозит, а в речах, на заседании совета. Немецкие империалисты, опирающиеся на украинскую контрреволюцию, пытаются задушить революцию.

И сразу,—такие вещи всегда случаются неожиданно,—среди большевиков поднялась паника. Для жителей не подлежало уже сомнению, что большевики уходят. Несмотря на самую нелепую, лживую информацию, весь Киев знал, что немцы движутся на Киев. Видно было, как спешно эвакуировалось и вывозилось все, что можно было вывезти. По городу пошли всевозможные слухи. Еще выходили «Известия», а сотрудники «Киевской мысли»

собрались на квартире М. С. Мильруда, помещавшейся против редакции, и обсуждали вопрос, когда газета должна выйти, и как она будет реагировать на факт немецкой оккупации.

Перемена режима, неизвестность, ожидание,—все это всегда вызывает известное возбуждение, напряжение нервов, и вышли мы из квартиры Мильруда взволнованные и возбужденные. Особенно возбужден был наш редактор, человек живой, с подвижным лицом, стремительный и общительный. Бухнуло снова. И видно было, как посерело у него лицо и потухли глаза. Показалось выражение некоторой обреченности, которое было на лицах у всех в дни Муравьевского наступления. Опять бухнуло.

Но толпы народа появились на улицах и не расходились. Начавшаяся канонада почему-то никого не смущала. Пришел слух, что канонада для города не опасна: немецкий броневик посылает снаряды через Днепр—вслед уходящим большевикам. Встретились такие, которые говорили, что самолично видели немцев на вокзале. Подошел репортер, только что пришедший с вокзала. Он рассказывал, что немцы моются и чистятся: в город они хотят вступить нарядно и торжественно.

Проходили часы, ликующие толпы народа и яркий солнечный день ждали вступления немцев. Вера в силу немцев была огромна, к большевикам все еще относились, как к чему-то ненастоящему, и обывательская масса радовалась тому, что, во-первых, наступит порядок, а, во-вторых, создадутся отношения старые, такие, к которым издавна привыкли—отношения хотя и военной оккупации, но не коммунистической диктатуры. В течение нескольких часов засверкали товарами магазины, на базарах появились массы продуктов. Это, действительно, чудесный феномен: еще вчера трудно было достать хорошо испеченный черный хлеб, а вот немедленно, точно в кинематографе, посыпались горы белых булок.

Мы, сотрудники «Киевской мысли» стояли подле редакции на Фундуклеевской. Двоилось настроение. Все сознавали, что это—не освобождение, а оккупация, и тяжелая оккупация торжествующей немецкой реакции и империализма. Ни у кого не было иллюзий относительно намерений Германии.

Часа в четыре дня показались в отдалении немецкие каски. Рота за ротой грузно, солидно, по-немецки, вступали в город немецкие части, подчищенные, вымытые, уверенные и спокойно направлялись к выбранным квартирьерами казармам. У нас, в России, всегда удивлялись Европе, потому что она потребляет огромное количество мыла. И тот факт, что немцы, заняв киевский вокзал, в течение десяти часов мылись и чистились, прежде чем вступить в город, произвел огромное впечатление. Спокойствие всегда авторитетно. И когда показались первые немецкие роты, маленькие лошадки с пулеметами поверх седел, а под каждым пулеметом тщательно положенный коврик, многие подумали:

— Ну, эти—настоящие.

Какое-то чувство отчужденности было все время, конечно. Им

не бросали цветов, как это потом было при вступлении Деникина, их не приветствовали, смотрели молча и с любопытством, но город принял совсем иной вид. Пустынный и мертвый при большевиках, он сразу оживился и выбросил на улицы тысячные толпы и светлые дамские наряды.

В нашей группе стоял один владелец фабрики типографских машин и принадлежностей, бойкий, умный еврей. Он еще в начале большевизма уверял, что им, буржуям, рано или поздно придет конец. Так продолжаться не может. Через 75 лет рабочие у них отберут все; они—сила, стихия, с которой ничего нельзя будет сделать. Но сейчас еще рано. Сейчас они, буржуи, еще коммунизма не допустят. Коммунизм этот представитель буржуев ненавидел самой крепкой буржуазной ненавистью. Казалось бы, приход немцев должен был вызвать в нем бурный припадок радости, тем более, что он был вообще человек бурный. А он стоял молчаливый и в достаточной мере сухо настороженный.

— Почему вы так унылы?—спросил его кто-то.—Кому, кому же радоваться, как не вам?

— Видите ли,—отвечал он,—надо радоваться: душа, правда, болит, но тело радуется.

Это была самая правильная характеристика настроения большинства, той двойственности, которой никто не мог в себе преодолеть. Иноземная оккупация реакционной германской военщины ни в ком восторгов не вызывала, но тело тосковало по улучшению чисто физического существования, требовало гарантии некоторой—пусть реакционной, пусть оккупационной, но все-таки правомерности.

Вслед за немцами появились на улицах верховые отряды. На лошадях сидели люди точно из малороссийской оперетки: какие-то пестрые шаровары, закрученные усы и длинные болтающиеся оселедцы. Эти Назары Стодолы только-только не были подкрашены, хотя некоторые молодые офицеры еще в те времена, т. е. задолго до появления имажинизма, подкрашивали себе брови и пудрили носы, покачиваясь на лошадях.

То были украинские гайдамаки, идеал свой возводившие к временам Железняка и Гонты, гордость и опора немногочисленной украинской армии.

Было что-то нездоровое во всем этом гайдамачестве, и оно было бы смешно и безвкусно, как всегда смешна и безвкусна бывает провинциальная оперетка, играющая для сбора «Короля Лира», если бы у персонажей этой оперетки не было настоящих винтовок, настоящей—не театральной—ненависти и злобы, продукта того разложения и опустошения, которые приносят с собой война и гражданская война.

Немцы устраивались, а гайдамаки захватили Михайловский монастырь, где кутили, веселились, судили и казнили. Впервые показался предвестник того страшного истребления еврейского народа, которое потом в течение двух лет сопутствовало всякому украинскому движению и мятежу.

Гайдамаки хватали на улицах евреев, уводили их с собой в в Михайловский монастырь и там убивали. Газеты пестрели траурными объявлениями, кончавшимися стереотипной фразой: «зверски убит в Михайловском монастыре». В центре города производилась расправа, и жители боялись близко подходить к монастырю. Напротив, в Софийском соборе, служились торжественные молебны об освобождении Киева, а в ворота монастыря таскали за бороды кричавших в смертельном страхе евреев. В течение первой недели насчитывалось несколько десятков убитых. Эта деятельность сброда украинских янычар, нисколько не страшных для большевиков, но очень страшных для населения, особенно для еврейского, становилась неприятной и всячески мешающей восстановлению порядка. Немцы это почувствовали и решительно положили этому конец. Они немедленно разоружили разгулявшихся янычар, часть отправили на фронт, а нескольких человек, как говорят, даже расстреляли.

Но погромная идеология была не только продуктом разложения в гражданской войне. Надо прямо сказать, что в последовавшей затем резне повинны в полной мере и несут за это полную, моральную, если не юридическую ответственность, руководители и вожди «украинского освободительного движения», люди, все время уверяющие, что они—демократы и социалисты. Они сделали резню орудием своего «освобождения», и один эпизод, случившийся как раз в эти дни, может служить тому примером.

Выходила в Киеве газета «Нова рада», орган партии украинских социалистов-федералистов, который редактировали заслуженнейший украинский ученый и писатель С. А. Ефремов и будущий министр, один из вождей партии социалистов-федералистов, Андрей Никовский. На другой или третий день после прихода немцев г. Никовский напечатал в «Новой раде» при ближайшем участии гуманнейшего С. А. Ефремова статью, в которой говорилось: мы должны вдуматься в психологию обыкновенного гайдамака. И дальше в первом лице, хотя и без ковычек, но так, чтобы при случае можно было сказать—так рассуждает гайдамак, а я без комментариев воспроизвожу его рассуждения,—приводились примерно такие мысли:

— Я иду в советское учреждение и там встречаю молодых людей с длинными носами, которые нахально разговаривают с православным населением. Над населением, его культурой, церквами измываются евреи. Во время боев жители-евреи подают сигналы Красной армии и занимаются шпионством. А когда наши части вынуждены были отступать, то евреи из окон и дверей стреляли им в спину.

Когда пишущий эти строки в одной из киевских газет обозвал после этой статьи г. Никовского Андреем Чебыряком, то г. Никовский очень обиделся, но эта идеология предопределила в будущем то, что бледнеет по сравнению с подвигами Железняка и Гонты.

И разве не характерно, что свои исторические воспоминания и идеалы украинская интеллигенция связала с гайдамаками, оселедцами, Гонтой, уманской резней? И если гуманнейший С. А. Ефремов допускал, чтобы в его газете печатались такие статьи, то что было спросить с прочих политиков Украины?

Немцы начали успокаиваться. Вместе с немцами пришло старое правительство рады, которое делало вид, что оно является правительством.

Немцы не мешали правительству делать такой вид и во-вне держали себя скромно первое время, пока в этом для них была надобность. Правительство Голубовича заявило, что немцы пришли помочь украинскому правительству, что после наступления порядка они уйдут, и что вся власть принадлежит правительству рады.

Немцы стали по всему Киеву проводить телефоны, буквально запутали Киев проволокой, которая болталась и под ногами, и на балконах, и на деревьях, и на телефонных столбах. Но эта идиллия продолжалась всего несколько дней.

В газете премьер-министра Голубовича «Боротьба» была напечатана статья под названием «Хмара», в которой указывалось на то, что в деревнях немцы ведут себя как завоеватели и круто расправляются с крестьянами. Надо-де главному командованию немецкой армии прекратить эти бесчинства отдельных частей, иначе этот факт может отразиться на дружеских отношениях между суверенной Украиной и Германией. Скромная и осторожная была статья, и написана она была, если не премьер-министром, то его секретарем. Немедленно вслед за выходом газеты с этой статьей типография газеты была занята немецким отрядом, законченный к выпуску номер газеты был рассыпан, находившийся в помещении редактор газеты арестован, и, несмотря на то, что сам премьер-министр Голубович явился в редакцию, выход газеты был запрещен. Через несколько дней газета вышла, после того как дала обещание не печатать статей против немцев.

Таких фактов стало случаться больше и больше, и они, понятно, мало содействовали укреплению авторитета украинского правительства.

В Педагогическом музее заседала рада, произносились речи, вотировались законопроекты, выражалось доверие правительству, а немцы методически делали свое дело—медленно подбирали к своим рукам всю власть.

Уже стало невозможным не только печатание статей против немцев, но и необходимо было все военные статьи и информации, а также все, что касалось пребывания немцев на Украине, посылать в немецкую цензуру. Немцы печатали и расклеивали на улицах свои приказы, и к этим приказам относились с большим вниманием и уважением, чем к законам рады. Министры, идя на заседание правительства, прочитывали на улицах приказы, которые совершенно нарушали намеченный ими для сегодняшнего заседания план работы.

Заседания рады и правительства Украинской национальной республики начинали превращаться в фарс. И прошло каких-нибудь два месяца со дня прихода немцев, и власть рады полетела, исчезла, не оказав в своем падении даже самого ничтожного сопротивления.

Началось это со знаменитого приказа Эйхгорна, главнокомандующего вооруженными немецкими силами на Украине.

Был у нас в редакции «Киевской мысли» репортер, по фамилии Зозуля.

Это был тихий, совершенно незаметный молодой человек, очень нуждавшийся, как-то попавший в Киев, как-то попавший в редакцию и попросивший работу. Посадили его править телеграммы, а потом, когда к нему привыкли, дали ему небольшой репортаж.

Было для репортажа во все времена такое гиблое место, куда ни один уважающий себя репортер не считал для себя возможным ходить, потому что там информация бывала очень редко и всегда скучная: это в царские времена—комиссия по землеустройству, сохранившаяся и потом, но подброшенная не то земельному министру, не то земской управе.

Сидим мы как-то в редакции, входит Зозуля и приносит свои землеустроительные новости. Секретарь, скучая, просматривает их и говорит:

— Кажется, ничего интересного.

Зозуля уже вышел, но вскоре вернулся:

— У меня тут еще какой-то немецкий приказ есть насчет деревни. Я не читал, но наверное тоже мало интересного.

Редактор взял переписанную на машинке бумажку и стал читать. И по мере того, как читал, мы видели, что она производит на него потрясающее впечатление. Наконец, он вскочил, бросился к Зозуле и крикнул:

— Вы—совершеннейший идиот. Хотели унести в кармане документ огромнейшей важности, который означает не только конец нынешнему правительству, но и конец революции.

Оказалось, что в землеустроительную комиссию в порядке отчетности из провинции прислали копию приказа Эйхгорна, расклеенного во всех деревнях. В комиссии его не читали, а приобщили к делам, а из дел порядка ради взял их аккуратный Зозуля.

Приказ же этот, не более, не менее, ликвидировал всю аграрную революцию на Украине и восстанавливал помещичье землевладение в формах, самых уродливых и опасных. Сущность приказа заключалась в следующем: впредь до урегулирования вопроса о праве собственности на землю никакие захваты помещичьих земель недопустимы. Тот же хлеб, который засеян крестьянами на помещичьей земле, может, правда, сниматься лицами, засеявшими его, но четверть урожая должна быть отдана собственникам земли, т. е. помещикам. Засев же земель в будущем

году могут производить только собственники или законные арендаторы.

Мы сперва немного усомнились в подлинности приказа. Он был послан в штаб немецкого командования, и там сказали, что приказ подлинный. Мы негодовали на украинское правительство, которое скрывает приказ такой огромной важности, не понимали, как оно после этого может оставаться у власти, почему не обсудит положения в раде и т. п.

На следующий день утром приказ был напечатан в «Киевской мысли». Впечатление он произвел потрясающее. Но самое замечательное во всем этом оказалось то, что украинское правительство не имело ни малейшего представления об этом приказе, несмотря на то, что в деревнях он был уже расклеен более двух недель назад, и в некоторых местах на его почве начались уже аграрные волнения. И вот тут-то обнаружилась вся бездарность и тупость украинского правительства.

Во главе правительства стоял студент третьего курса Голубович, худой высокий юноша, лет 26—27. Почему он попал в премьеры даже при действительной бедности украинцев в людях—это один из секретов украинской политики. Ниже я расскажу, как этот юноша струсил на суде и расплакался, когда вся его нехитрая интрига была раскрыта. Но в те времена он еще был премьером, только что подписавшим в Бресте мирный договор с центральными державами. Примерно, на таком же уровне находился весь кабинет. О нем тоже расскажу ниже. Военным министром был юноша Жуковский, министром внутренних дел—мелкий авантюрист и интриган Ткаченко и т. п.

Когда в «Киевской мысли» появился приказ Эйхгорна, было немедленно созвано экстренное заседание рады. Украинскими партиями был внесен запрос, верно ли сообщение газеты, и если неверно, то что думает предпринять правительство против подобного рода, опасной для государства, информации? Правительство, вместо того чтобы навести справки, действительно ли издан такой приказ, и попытаться как-нибудь добиться его аннулирования, заявило, что приказ—выдумка «Киевской мысли», что такого нарушения суверенитета Украинской республики немцы никогда себе не позволят, и что против газеты надо принять суровые меры. «Киевской мысли», может быть, пришлось бы плохо, если бы немецкое командование, не оценив по достоинству глупость министров Украинской национальной республики, не поспешило в тот же день расклеить на улицах приказ Эйхгорна. Факт полного пренебрежения к украинской власти стал очевиден. С радой никто не считался.

Для всякого было ясно, что подлинной властью были немцы. Любопытно опять-таки отметить, что во всей украинской общественности не нашлось человека, который понял бы, в чем центр тяжести вопроса. Ненависть всех украинцев к «Киевской мысли» за ее антисамостийность была так велика, что все газеты

и депутаты набросились на «Киевскую мысль» за напечатание ею якобы вымышленного приказа, но никто не бросил упрека правительству, не знавшему, что делается в стране, и из газет узнававшему о событиях, создающих революцию.

И когда на следующий день стало очевидно, что напечатанный в «Киевской мысли» приказ Эйхгорна абсолютно аутентичен, правительство совсем растерялось. Вместо вчерашних угроз, пошел униженный тон о необходимости изменить приказ, просьбы главному командованию не поддаваться наущениям помещичьих и реакционных кругов и т. п. Но ответ командования был прост и ясен. Командование через газеты ответило правительству, что немецкое военное командование не издает своих приказов легкомысленно, каждое его распоряжение тщательно подготовляется, а потому не только об отмене приказа, но даже и об его изменении не может быть и речи.

В одном украинское правительство было право: оно совершенно верно учитывало, что командование подпало под влияние помещичьих и реакционно-промышленных кругов на Украине. Эти круги были, во-первых, ярые антисамостийники и дискредитировали в глазах немцев всю украинскую государственность, доказывая, что никакого украинского народа нет, во-вторых, с ненавистью относились к полуинтеллигенции из рады, невежественной, самоуверенной, относились с ненавистью и презрением как потому, что все эти сельские учителя, фельдшера и маленькие журналисты были все-таки демократия, так и потому, что они совершенно неспособны были к какой-нибудь государственной и хозяйственной деятельности.

Правительство Украинской национальной республики решило бороться с влиянием среди немцев этих реакционных кругов, по своей наивности полагая, что если укротить реакционеров, то немцы перейдут на сторону украинских демократов. И правительство Украинской национальной республики избрало метод борьбы, быть может, самый постыдный из всех в немалой мере постыдных методов борьбы, применявшихся в гражданской войне.

По сведениям правительства Украинской национальной республики, особым уважением среди немцев пользовался известный в Киеве банкир, директор Русского для внешней торговли банка, Добрый. И вот министр внутренних дел Ткаченко вместе с военным министром Жуковским при одобрении премьер-министра Голубовича, организовывают похищение Доброго. В квартиру Доброго вошли четыре вооруженных человека, из которых один был—сам военный министр, в масках, с револьверами в руках, заставили Доброго выйти, усадили в автомобиль и увезли в неизвестном направлении. Это похищение банкира среди бела дня вызвало в Киеве большое волнение. Украинское правительство, т. е. те же Ткаченко, Жуковский и Голубович, опубликовало правительственное сообщение, в котором говорилось, что правительство взволновано подобного рода фактом, и что им приняты все меры к отысканию Доброго и наказанию виновных.

И вдруг снова сенсация. В помещение рады, т. е. высшего украинского законодательного учреждения, во время вечернего заседания, вошел отряд немецких солдат с офицером во главе, крикнувшим на чистейшем русском языке: «Руки вверх!»

Перепуганные депутаты и министры подняли руки, а самый храбрый из них, министр Порш, вынул даже из кармана свой паспорт, держа в одной руке этот важный документ, а в другой номер газеты «Neue freie Presse». Так украинский парламент с поднятыми руками стоял до тех пор, пока немцы обыскивали министров и депутатов. Затем офицер заявил, что министры Ткаченко, Жуковский и еще несколько лиц объявляются арестованными, остальные могут уходить. Ткаченко удалось скрыться, а Жуковский был увезен в тюрьму. Немедленно вслед за этим на улицах появились объявления о том, что, по сведениям немецкого командования, похищение Доброго произвели министры Ткаченко, Жуковский и некоторые другие должностные лица. Рядом с этим объявлением красовался новый приказ Эйхгорна, согласно которому лица, виновные в ряде преступлений (похищения, убийства, выступления против немецких войск и властей, нарушения общественного порядка и пр.), предаются немецкому военно-полевому суду. Все собрания без разрешения немецких властей запрещаются. Власти рады пришел конец не только по существу, но и формально.

При таких условиях переворот был неизбежен. Немцы должны были либо устранить всякую местную власть, установив откровенный режим оккупации, либо создать такую фиктивную власть, которая была бы не только им послушна, но и ими создана. И полное презрение к людям, способным на похищение банкиров среди бела дня, и социальные симпатии—все толкало немцев к созданию такого правительства, которое было бы сформировано из высших социальных слоев, и которое по возможности было бы облечено в легитимную монархическую форму. Этим и объясняется последовавший затем переворот, закончившийся водворением гетмана Скоропадского.

Несколько забегая вперед, я расскажу сейчас же, чем закончился эпизод с похищением Доброго. Немецким сыщикам удалось установить, что Добрый был увезен в Харьков, где и содержался в вагоне на запасном пути под охраной верного Ткаченко отряда. Добрый был немцами освобожден и доставлен в Киев, а министры Украинской национальной республики предстали перед германским военно-полевым судом. Три дня длился этот процесс. В «Киевской мысли» был напечатан подробный стенографический отчет этого процесса, и для историка он представит огромный интерес. Сейчас только отмечу, что подсудимые—военный министр, два директора департамента и начальник уголовного розыска—держали себя очень плохо. Они оправдывались, путали, просили о снисхождении и снова путали, путали без конца. Прокурор, типичный грубый прусский лейтенант, третировал подсудимых, как мальчишек, обращался с ними пренебрежительно:

— Когда с вами разговаривает прокурор, вы должны стоять ровно и не держать рук в карманах...

Это было почти драматично—и вследствие невыносимой грубости прокурора, и вследствие жалкого испуганного вида подсудимых: они боялись, повидимому, смертного приговора, хотя прокурор требовал всего лишь двух лет тюремного заключения во внимание к молодости и незрелости подсудимых (только один из них был взрослый человек, начальник сыскного отделения еще при царском режиме—Красовский, зато один из подсудимых был, кажется, несовершеннолетний). Но самый драматический эффект прокурор подготовил к концу, ко времени допроса премьера Голубовича. Относительно участия Голубовича в похищении не было никаких данных, и путем тонкого допроса прокурор вырвал у Голубовича сознание. Ему предшествовала истерика; для успокоения премьера пришлось устроить перерыв. После перерыва премьер сознался, и из свидетельской комнаты ему пришлось перейти на скамью подсудимых. Премьер обещал прокурору больше никогда этого не делать. Прокурор в этом нисколько не сомневался:

— Я не думаю, сказал он, что вам вновь когда-нибудь придется стоять во главе правительства.

Его тоже приговорили, кажется, к двух годам тюрьмы.

Большего позора, для украинского правительства, чем этот процесс, не придумаешь, хотя обыкновенно все симпатии бывают на стороне подсудимых. Симпатии огромного зала, как это ни дико, были целиком на стороне суда: немцы великолепно разыграли этот процесс. Когда я уходил из зала суда, какой-то старичок, сидевший в публике, обернулся ко мне и сказал:

— Слава богу, что немцы освободили нас от этих мальчишек и бандитов.

Немцам удалось не только скомпрометировать «демократическое» правительство, но доказать всю его моральную негодность. Немцы говорили: нас не интересует, какое у вас правительство; пусть будут демократы, социалисты, монархисты, но нельзя допускать мазуриков, невежд и самоуверенно-наглых мальчишек. Мы вмешиваемся не в политические отношения на Украине, а охраняем порядок. И в целях охраны порядка нельзя допускать Голубовичей.

Как жаль, что украинские демократы давали немцам повод так оправдывать свою политику.

———

Н. М. МОГИЛЯНСКИЙ.

Трагедия Украины [1].

(Из пережитого в Киеве в 1918 г.)

I.

Подписав в Бресте все условия немцев, украинцы торжественно вошли в Киев в качестве победителей. Правда, негласно, накануне, обеспечив порядок, первые вошли в город немцы. Это было 17 февраля по старому стилю.

Придя в Киев, немцы прежде всего вычистили невероятно загаженный при большевиках вокзал. Вычистили, убрали, декорировали и пригласили вечером на танцы тех торговок, что по принуждению помогали в уборке вокзала. За украинскими войсками, вошедшими под предводительством нового военного министра Центральной рады Жуковского, численно возросшими, благодаря привезенным из германского плена, с иголочки одетыми в синие жупаны, новые сапоги и высокие серые папахи, из поддельного барашка, с огромными кокардами украинских цветов, вошли на другой день немцы под командой Лишингена. Продефилировав по городу с музыкой, немцы устроили парад на Софийской площади и начали устраиваться с обычной немецкой аккуратной педантичностью, порядливостью и неторопливой систематичностью.

В шлемах, при строгой немецкой выправке, размеренным походным шагом враскачку двигалась зелено-серая масса пехоты в виде не то какого-то чудовища Tarasc'a, как описывал его А. Додэ, не то липкой страшной массы гусениц. Тяжкое чувство испытывал я, глядя на низкорослый ландвер, солдат—уже не того исключительного вида schneidiger Militär, который поражал когда-то своими разводами и парадами на Unter den Linden или у гауптвахты возле Brandenburger Tor. Землистые, усталые лица, обношенное, серое, стального цвета платье, много ленточек железного креста на груди солдат и офицеров—все это указывало на то, что это уже не первой очереди кадровые войска—гордость Вильгельма, что это уже также побывавшие в переделках войска, счастливые теперь своим отдыхом на Украине от ужасов продолжавшейся на Западном фронте бойни. Они явились сюда (на Украину) друзьями, а не врагами: здесь

[1] «Архив русской революции», т. XI, Берлин 1923 г.

можно будет и отдохнуть, и подкормиться. Лица сосредоточенные, дисциплина образцовая, спокойная приветливость и сознание собственного достоинства.

Как же встретил немцев киевский обыватель? Зажиточный обыватель, так называемый «буржуй», встречал немцев хотя и радостно, но без всякой экспансивности; радость избавления была хотя и искренняя, но без энтузиазма: некоторые дамы совали застенчиво букеты цветов немецким офицерам, но ни подъема, ни восторга мне видеть не приходилось: слишком все устали, да и будущее рисовалось в формах, если и не столь ужасных, как только что пережитые, кошмарные дни большевизма, то все же и много неизвестного таило оно в себе.

С появлением немцев, как по мановению волшебного жезла, без всяких угроз или угрожающих объявлений, исчезли всякие грабежи и насилия. Обыватель вздохнул свободно. Даже поздней ночью стало совершенно безопасно гулять по улицам. Открылись театры, синема, рестораны, жизнь заиграла быстрым темпом свою вечную суетливую музыку.

Украинцы-патриоты позволили себе роскошь некоторых диких эксцессов, причем, сколько мне было известно, пострадал один студент-еврей, убитый на Подоле неизвестно за что и при совершенно неясных обстоятельствах.

Немцы, изголодавшиеся дома, висели толпами над витринами магазинов с съестными припасами, где выставлены были жареные поросята, гуси, утки, куры, сало, масло, сахар и разные сладости и где все это можно было приобрести без карточек и по сравнительно тогда еще весьма дешевым ценам. На базарах по утрам немцы особенно охотно покупали сало. Они с жадностью жевали огромные куски вкусного малороссийского сала: велика была, очевидно, потребность организма в жирах, от недостатка которых давно уже страдала вся Германия.

Деятельность немцев, особенно в первый период, проявлялась в прокладывании по всему городу телефонного сообщения для своих военно-полевых надобностей.

С утра до ночи лазали они с кошками на ногах по телеграфным столбам, все опутывая своими сетями: ни дать, ни взять пауки ткали свои тенета для ловли жирных украинских мух.

Порядок в городе сохранялся образцовый, немецкая каска внушала страх перед той силой, которая, чувствовалось, стояла за ней...

Что же делали оставшиеся у власти украинцы-социалисты, чем проявили они свое творчество в момент, когда руки у них были развязаны под охраной немецких штыков, быстро угнавших свирепых большевиков за пределы украинской территории? Небольшие отряды немцев проникли к концу марта даже в Крым и создали там правительство из местных русских элементов под председательством генерала Сулькевича. Немцы нигде не встретили никаких сопротивлений. Для мирной оккупации огромнейшей территории им понадобилось всего только около 350—400 тысяч человек.

Как, наконец, сложились отношения между немцами и украинцами? На эти вопросы необходимо дать краткий ответ, чтобы понять дальнейшую цепь событий.

II.

Наиболее соблазнительной для немцев частью договора с украинскими социалистами, подписанного в Бресте, были пункты, по которым Украина обязывалась дать немцам 60 миллионов пудов хлеба (муку) и право каждого солдата, несущего службу на Украине, отправлять на родину ежедневно посылку в 12 фунтов весом. Конечно, были у немцев и другие намерения, и они взялись за их выполнение настойчиво и интенсивно. Первая задача была воспользоваться огромными складами военного имущества, и сюда немцы направили много внимания и энергии. Вторая заключалась в широком грюндерстве, которое должно было опутать прочной стальной паутиной немецкого капитала экономическую жизнь богатейшего края. Такие умные социалисты, как Видфельд, знали, что и как делать. Становилось страшно при одной мысли, что этим планам суждено осуществиться.

Но хлеба! прежде всего: хлеба! С этим Leitmotiv'ом (главным мотивом) немцы явились в Киев и на Украину вообще. И на этой почве немцы рассорились с кабинетом Голубовича и Центральной радой, т. е. с социалистической-сепаратистской властью и украинским «парламентом», страх за хлеб привел к ликвидации немцами и министерства Голубовича, и Центральной рады. Ибо весьма скоро немцы сообразили, что при хозяйничаньи гг. Голубовича и К° с Центральной радой во главе хлеба-то именно они и рискуют не увидеть вовсе. Они сразу поняли, что при сохранении в силе универсала о социализации земли, при заготовленных еще заботами «селянского министра» Чернова земельных комитетах, крестьяне, вместо того чтобы пахать и сеять, будут делить землю. А немцам нужен прежде всего хлеб, а никак не социализация земли. Наконец хлеб нужно закупить, вывезти и доставить по железной дороге. Дезорганизация же, внесенная Центральной радой и ее министерством во все области управления, в том числе, конечно, и в железнодорожное хозяйство, угрожала в корне подорвать то жизненное начало и дело, из-за которого только и стоило лишить себя 300 000 армии, столь необходимой Германии на ее западном фронте. Резервы Германии быстро таяли от непрерывных боев на территории Франции.

Наконец,—и это играло не меньшую роль в охлаждении немцев к сепаратистам-«самостийникам»,—немцы, которым нельзя отказать в том, что они внимательно изучали общественную среду и обстановку, прозрели в Киеве насчёт «украинизации». В теории, дома, в концентрационных лагерях—это было одно, в Киеве, на реальной украинской почве—они нашли нечто совершенно другое; они увидели то, что их самих привело в немалое изумление:

«Russland—das verstehe ich, Ukraina—das verstehe ich nicht» [1], повторял убитый позже в Киеве фельдмаршал Эйхгорн, заменивший вскоре Линзингена. Но об этом я скажу далее, теперь же нужно дать себе отчет в том, кто такие были вновь оказавшиеся у власти украинцы, каковы были их силы и творческие способности, каковы были результаты их деятельности и социального строительства.

Совершенно подобно тому, как в Петрограде Совет рабочих и солдатских депутатов являлся самопроизвольным парламентом, да еще облеченным исполнительной властью, державшим в плену Временное правительство, так и Центральная рада состояла исключительно из левых элементов, украинских эсеров и эсдеков главным образом, избранных с теми же гарантиями и при тех же технических условиях, что и Совет рабочих и солдатских депутатов в Петрограде.

Отличие было лишь в том, что «министерство» вполне отвечало «парламенту» и в психике и в мировоззрении,—оно, правда, и исходило из недр Центральной рады. До чрезвычайности типично, что с необычайной быстротой устранены были от дел наиболее почтенные и заслуженные деятели украинской идеи, как, например, ее ветеран, глубоко всеми почитаемый педагог, ученый и литературный деятель В. П. Науменко, назначенный Временным правительством попечителем киевского учебного округа. Другой почтенный украинец, Н. П. Василенко, был в это время товарищем министра народного просвещения при министерстве акад. С. Ф. Ольденбурга. Вл. П. Науменко, серьезный ученый филолог и талантливый преподаватель, годами и десятилетиями отстаивавший в своем журнале «Киевская старина» право украинского народа на культурное развитие, заставивший уважать себя даже таких самодуров центральной власти, каким был жандармский генерал Новицкий; человек, который приобрел для украинцев симпатии таких выдающихся деятелей академической жизни в России, как покойные академики А. Н. Пыпин, А. А. Шахматов и Ф. Е. Корш и ныне здравствующий С. Ф. Ольденбург. И вот этот человек, живой памятник 50-летия киевской культуры, оказался не ко двору у молодой Украины.

Во главе движения стал профессор Львовского университета, ученик Вл. Б. Антоновича, русский украинец М. С. Грушевский. Антонович—двуликий Янус, с кафедры университета проповедывавший одно и бывший в дружбе даже с Новицким, у себя дома, в кружке избранной молодежи проповедывавший другое: ненависть к России.

М. С. Грушевский был последователем Антоновича—домашнего учителя и ненавистника России (эти сведения я получил от другого ученика проф. Антоновича, известного педагога в Киеве, летом 1918 г.). Плодовитый писатель, посредственный ученый, привык-

---

[1]) Россия — это я понимаю, а Украина — я этого не понимаю.

ший к Австрии и ее конституционному укладу, он примкнул к левым по мотивам, непонятным и неизвестным, скорее всего желая не утратить некоторой своей популярности. А по всему своему существу он был и остается добрым буржуа в буквальном смысле этого слова, любящим комфорт и уединение своей ценной библиотеки.

Дом проф. Грушевского в Киеве, огромное шестиэтажное здание на Паньковской улице, погиб в огне, зажженный снарядами артиллерии Ремнева; в нем, кроме очень ценной библиотеки М. С. Грушевского, погибло тоже ценнейшее собрание украинских этнографических предметов художника-архитектора Кричевского. Пожар дома Грушевского и пожар огромного дома Багрова на Бибиковском бульваре составили одну из грандиознейших картин эпохи бомбардировки Киева, редкой, полной трагизма красотой этого стихийного бедствия. Трудно допустить, чтобы практичный ум М. С. Грушевского разделял увлечения зеленой украинской молодежи в области ее социологических и социалистических экспериментов. Проще допустить, что, дорожа популярностью, он плыл по течению, бессильный оказать ему серьезное идейное сопротивление.

За Грушевским идут три влиятельных в национальных кругах Украины фигуры: В. Винниченко, С. Петлюра и Н. Порш, все приблизительно одного возраста,—за 40 лет, все социалисты de nomine (по названию) и совершенно не схожие друг с другом ни по складу ума, ни по темпераменту. Общее у них одно: сепаратистские стремления, исходящие, несомненно, из очень различных источников их природы. Винниченко—писатель не без воображения и значительного дарования и таланта, наименее их всех националеп по своей сущности, как украинец. По своей страстности и импульсивности это скорее семит, по мистической сложности своей психики—это типичный великорусс, где к идеализму славянина подмешан мистицизм финского знахаря, беспокойный Пэр-Гинт с рефлексией Макса Нордау, сложное mixtum compositum (составная смесь) кухни современного европеизма. Человек импульсивный, страстный и опасный, ибо у него нет слабой стороны в виде задерживающих центров. Ему приписывают формулу: «Украина не хочет самостийности. Тем хуже для нее—пусть пройдет через чистилище большевизма, если это—необходимый путь к самостийности». И он, действительно, не смущаясь, шел на соглашение с большевиками.

Симон Петлюра—трагический символ современной Украины, гораздо более националеп; это упрямый «хохол», несколько тупой, хитрый, недоучка и самоучка, но человек с настойчивостью, характером и огромным честолюбием, отравленный ядом случайно свалившейся в руки власти. Не теоретик и не мыслитель—он один умеет организовать и действовать. Черты гайдамачины живы в нем, и немцы знали, кто им может пригодиться в соответствующий момент, ибо Петлюра искусно ориентируется в трудных положениях, умеет влиять на людей и организовать их. Самый умный, рас-

судительный, расчетливый, наиболее теоретически и политически подготовленный, наиболее дальновидный, скрытный и по-крестьянски себе на уме, хотя и не из крестьянской среды, часто остающийся в меньшинстве и замыкающийся в сознании своей правоты и превосходства, Н. В. Порш раньше других уловил необходимость ориентации самостийности на Антанту, хотя раньше был убежденным германофилом. Другие фигуры украинских самостийников менее ярки и определенны, поэтому они и менее определялись в практической политике и деятельности. Интереснее других А. Мациевич, образованный агроном, В. Лентович (не социалист), писатель беллетрист и украинец-индивидуалист, С. Ефремов—публицист и историк литературы, трудолюбивый работник и постоянно шедший вперед мыслитель.

В общем у власти оказалась молодежь социалистически настроенная: Д. Антонович—прямолинейный националист, способный, но ленивый, А. Шульгин—работящий и способный молодой сепаратист, Ткаченко—украинец англизированной внешности и слабой мысли, Голубович, о котором речь еще впереди—и другие еще менее известные своей деятельностью фигуры и лица.

Из военных сколько-нибудь выдавался, как политически воспитанный украинец по симпатиям, ген. Оберучев, но это был умеренный эсер и не шовинист, и его смыла так же, как и В. П. Науменко, волна левизны и крайнего национализма.

Какие же в этих условиях могли быть плоды мирной работы, общественного строительства? Рассчитанные на успех звонкие фразы, где поносился русский (московский) централизм,—на них делал свою карьеру М. С. Грушевский. Универсал о самостоятельности Украины, как плод усилий закулисной деятельности В. Винниченко и его компании. Универсал о социализации земли, как легкий и дешевый продукт коллективного творчества. В практической сфере деятельности все это сводилось к жалкой борьбе с безобидными вывесками, которые перекрашивались в национальные цвета—синий и желтый и переводились на украинский язык. Много и долго возились с красивым, ампирным двуглавым орлом на здании Педагогического музея на Большой Владимирской улице, выстроенном С. Могилевцевым и захваченном Центральной радой вопреки всякому закону. К зданию в стиле ампир никак не подходил новый украинский государственный герб, так называемый знак Владимира Святого в виде трезубца: сделали несколько проб и, по счастью, бросили это бесплодное усилие. В существе своем все начинания сводились лишь к крикливым декларациям, выбрасыванью известных флагов, лозунгов, в области же практики и реальных житейских отношений, возьмем ли мы область управления, суда, землеустройства, ровно ничего не было сделано, кроме введения украинского языка в делопроизводство.

Так же, как и в коренной России, социализация земли кончилась грабежом имений, насилиями, издевательствами, иногда убийством помещиков. Так, например, в Черниговском уезде была звер-

ски убита целая семья помещиков Комаровских из 12 человек. Когда тяжко раненые, недобитые несчастные умоляли дать воды, убийцы отвечали: «Подохнешь и так!»... В семи верстах от Чернигова убиты были мои родственники, отец и сын Дзвонкевичи. Моему двоюродному деду, старику, было 93 года, а его сыну—за 60 лет, причем этот последний более 30 лет своими руками обрабатывал свою землю, пахал, косил, вставал с восходом солнца,—словом, целиком жил обычной жизнью заправского крестьянина.

Людей убивали, усадьбы горели и разорялись, а социализация оставалась пустым звуком. Украинские крестьяне, собственники земли, особенно зажиточные, а таких на Украине было весьма много, были поголовно против опасных затей социализации, так же, как и против земельных комитетов, но, боясь мести, молчали и не возражали против сознаваемого озорства и безобразий: раздела скота, хлеба помещичьих экономий и пр. Когда мне лично приходилось беседовать с теми из них, кого я знал с детства, они потихоньку признавались:

«Мы бы вам всех их выдали, смутьянов и грабителей, только на одном условии: чтобы они больше к нам не вернулись». Боязнь мести определяла весьма многое в отношении к происходившей кругом анархии.

В украинской интеллигенции сказалась общая черта с русской интеллигенцией: партийное доктринерство вытравило всякое представление о реальных жизненных взаимоотношениях явлений и, упрямо губя свою родину и свое собственное будущее, украинцы, как и русские, создали себе кумиров из сухих формул и лишенных внутреннего содержания форм и трафаретов.

Пользуются ли национально настроенные украинцы доверием широких масс населения, во имя которых они действуют и именем которых так часто злоупотребляют? Пользуется ли «украинизация» симпатиями широких масс населения Украины? Нужно раз хотя бы высказать ту истину, что в той исторической стадии, в какой жило тогда население Украины, оно было более чем равнодушно ко всяким попыткам и затеям украинизации. Украинцы слишком много лгали на эту тему. Городская демократия к украинизации школы, например, относилась просто отрицательно. Как показали грустные события и переживания Киева, Харькова, Одессы, население городов везде имеет явную склонность к большевизму, а деревня везде жаждала одного: земли!

Тот, кто обещал землю, и являлся властителем деревни. И впредь проблема власти остается открытой в той же плоскости: только тот создаст власть и на Украине, и в России, кто укрепит право на землю за крестьянством и создаст гарантию от социализации и всяких видов экспроприации.

Украинские эсеры, составлявшие большинство в той массе интеллигенции или, лучше сказать, полуинтеллигенции, которая служит в земствах, кооперативах, чиновниками в разного рода правительственных учреждениях и т. п., обещали всю землю кре-

стьянам. Это—единственное действительное средство получить голоса деревни. И это нужно иметь в виду для понимания дальнейших развернувшихся событий.

Если еще нужно беспристрастное свидетельство полного провала идеи «украинизации» и «сепаратизма», то следует обратиться к вполне надежному и беспристрастному свидетельству немцев, которые были заинтересованы углублением «украинизации» для успеха расчленения России. Через два месяца пребывания в Киеве немцы и австрийцы, занимавшие Одессу, посылали обстоятельный доклад в Берлин и Вену в совершенно тождественной редакции. Немецкое высшее военное командование, составившее этот доклад (я имел его в руках только на полчаса и имел возможность лишь бегло просмотреть этот обстоятельный и интересный документ), доносило, что из всех учреждений на Украине единственно стоящее на высоте задачи и имеющее авторитет среди населения—это суд и его деятели, все же остальное далеко не на высоте задачи. Если немного усовершенствовать устаревшие в некоторых областях законы, то, опираясь на суд и военную силу, можно управлять страной.

Далее доклад красноречиво доказывал, что существующее правительство не в состоянии водворить в стране необходимый порядок, что из украинизации практически ничего не выходит, ибо население стремится к русской школе, и всякий украинец, поступающий на службу, хотя бы сторожем на железную дорогу, стремится и говорить, и читать по-русски, а не по-украински. Общий же вывод был тот, что желательно объявить открыто и легально оккупацию края немецкой военной силой. Это было в 20-х числах апреля 1918 года.

Да и в практике своей немцы мало внимания и уважения уделили украинскому языку: объявления свои они печатали на русском языке, если учились, то учились русскому, а не украинскому языку и т. д. Пробежав вышеупомянутый документ, я понял, что дни Центральной рады и министерства Голубовича сочтены.

III.

Вокруг генерала Павла Петровича Скоропадского сгруппировались все антисоциалистические элементы Украины, начиная от крупных помещиков и кончая мелкими земельными собственниками-крестьянами «хлиборобами», все политические партии правее социалистов, начиная от кадетов. Это был достаточно сплоченный антисоциалистический блок без партийных разномыслий и без национальной розни. За ним пошли и русские, и евреи, и украинцы, и поляки, и кадеты, и октябристы. Но что бы ни говорили враги Скоропадского, в основе организации «хлиборобов», которая на съезде 29 апреля объявила генерала Скоропадского гетманом всея Украины, была сильная группа настоящих крестьян-собственников, для которых смертельной угрозой был универсал о социализации

земли. Переворот от народной украинской республики к гетманству мог совершиться, конечно, только при содействии и с согласия немецкой власти, так как какими-либо собственными реальными силами ген. Скоропадский не располагал. Сделано все было чрезвычайно аляповато и грубо: немцы даже не соблюли decorum'a (внешней прикрасы) нейтралитета. Дело с внешней стороны обошлось так.

В теплый, благоуханный, апрельский день, около 3 часов пополудни, к зданию, где заседала Центральная рада, т. е. к Педагогическому музею на Владимирской улице, направились небольшие отряды немецких солдат. Двумя шеренгами солдат, поставленными поперек широкой улицы, отгородили участок против Педагогического музея,—первой со стороны Фундуклеевской улицы, второй—от Бибиковского бульвара: подходы к зданию, где заседала Центральная рада, были отрезаны. Небольшой отряд немецких солдат под командой офицера вошел в здание Центральной рады. Через час, самое большое—1½, из здания Центральной рады был выведен арестованным премьер Голубович и увезен в карете вниз по Фундуклеевской улице. Я наблюдал за этими наружными операциями, стоя на углу Фундуклеевской и Владимирской улиц, в рядах небольшой группы лиц, случайных прохожих и выбежавших из кафе отеля Метрополь с противоположного угла по диагонали. Было около 4 часов дня, послеобеденное для киевлян время. Ко мне подошел прис. пов. В., бывший очевидцем того, что произошло внутри здания Центральной рады, так как мой знакомый был в числе публики, присутствовавшей на открытом заседании рады. Вот рассказ очевидца, постороннего наблюдателя.

«Маленький отряд вооруженных немецких солдат вошел в зал заседания рады, оставив стражу у всех выходов залы.—«Руки вверх!»—скомандовал немецкий офицер. Все подняли руки, кроме проф. М. С. Грушевского, который смущенный остался сидеть на председательском кресле. Выпустили сначала публику, проверяя документы, потом членов рады, задержали только некоторых членов правительства».

Потом я узнал некоторые подробности. Не обошлось без издевательства. Так, министра иностранных дел—20-летнего юношу, студента 2-го или 3-го курса, поставили лицом в угол и велели не двигаться. Был произведен обыск, выемка документов, причем обыску подвергся и стол председателя рады, проф. М. С. Грушевского.

После увоза немцами премьера Голубовича я поднялся вверх по Владимирской на Софиевскую площадь. Туда скоро хлынула с Крещатика по Софиевской улице значительная толпа народу и и скоро подъехал в автомобиле ген. П. П. Скоропадский, только что прокламированный «хлиборобами» гетманом. Он был в черной черкеске с георгиевским крестом на груди. Его стройная, красивая фигура и красивый, римский профиль производили свой эффект. На площади, перед колокольней Софиевского собора, отслужен

был молебен. Картина была очень красивая при мягких лучах на закате стоящего весеннего солнца. Голубое небо, свежая весенняя зелень... Серьезный и торжественный звон колоколов...

Долго не расходились толпы любопытных городских обывателей, среди которых выделялись группы серьезных, настоящих крестьян «хлиборобов». В настоящих, бытовых своих костюмах, с «вышиваными сорочками», в «чемирках», они долго еще служили предметом всеобщего внимания.

К ним подходили, их расспрашивали, говорили они настоящим народным, образным, часто полным юмора украинским языком. Такими же были, наверное, и их переяславские предки, заключившие договор с Россией. Много уравновешенности, спокойствия, привычки к невзгодам и упорному труду выражали эти настоящие хозяева Украины.

IV.

Так чисто и гладко, без единого выстрела с чьей бы то ни было стороны, ликвидирована была Центральная рада к общему удовольствию, особенно киевлян, которые относились к украинскому парламенту с нескрываемым недружелюбием, ничего путного от него не ожидая. Переворот произошел мирно и без пролития крови. Украинские социалисты бросились к всемогущему, умному генералу Гренеру, умоляя его оставить им власть. Мне пришлось слышать, категорически утверждать этого не берусь, что украинцы вели себя без всякого достоинства, приносили в жертву свою программу, особенно земельную, но генерал Гренер остался неумолим и отвечал украинцам: «Zu spät!» (Слишком поздно).

Переворот, как мы видели выше, вовсе не нуждался в военной организации, об этой стороне дела, почти не требовавшей усилий, позаботились немцы.

Но гражданские силы заговора собирались так открыто и свободно, что у нас в квартале об этом, что называется, щебетали «воробьи на крышах».

Организация власти не давалась в руки неопытным абсолютно в политической жизни провинциальным профессорам, ученым, земцам и разного рода чиновникам.

Долго еще возились на «конспиративной» квартире д-ра Ю. В. Любинского с составлением «министерства».

Наскоро объявленного председателем совета министров доброго и симпатичного любителя лошадей Н. Н. Сохно-Устимовича сменил скоро временный премьер проф. Н. П. Василенко, а тем временем послали гонцов разыскивать намеченного в постоянные премьеры известного земского деятеля, Феодора Андреевича Лизогуба, который очень медлил со своим приездом в Киев. Нескоро, однако, кабинет окончательно сконструировался [1] и приступил к своей работе.

[1] Первый кабинет был в таком составе: председатель Совета министров и мин. внутр. дел — Ф. А. Лизогуб, министр юстиции — М. П. Чубинский,

Эпилогом отношений немцев с украинцами-социалистами был судебный процесс, который должен был оправдать образ действий немецкой власти по отношению к правительству и Центральной раде. Судили действия премьера Голубовича, Гаевского и других второстепенных лиц. Я не буду рассказывать здесь перипетий известного гласного процесса, где д-р Трейде, немецкий обвинитель, не пожалел красок, чтобы изобразить полную фигуру Голубовича и его деяний. Голубович в своем последнем слове наивно просил судей: «не судите по мне о моей партии». Так бесславно окончила свои дни Центральная рада и ее правительство.

V.

События развивались с такой феерической быстротой, что за ними трудно было поспевать мысли и психике неподвижного и непривыкшего к политическому мышлению обывателя, а жизнь требовала решения на каждом шагу.

Как смотреть на coup d'état (государственный переворот), в центре которого стояла фигура ген. П. П. Скоропадского? Итти или не итти работать в создавшихся условиях?

«Немецкий ставленник!»—«Изменник России!»—«Изменник Антанты!» Не было, кажется, достаточно сильно клеймящих эпитетов в устах непримиримых, прямолинейных российских патриотов. В. В. Шульгин и его единомышленники покинули Киев и уехали на Дон.

Менее прямолинейные подходили к вопросу спокойнее, стараясь оценить объективно сложившиеся обстоятельства и создавшуюся общую обстановку и в них искать выхода в будущее. Рассуждали приблизительно так:

1) Не мы виновны в появлении немцев. Но немецкая оккупация Украины—объективный факт, которого никак не выкинешь из истории Киевской Руси.

2) Немцы согласны на образование местного правительства из умеренных элементов. Они берутся своими силами обеспечить порядок внутри, не допустив разлития большевизма и оградив Украину от его проникновения извне.

3) В случае отказа в сотрудничестве немцы, очевидно, объявят Украину легально оккупированной страной. Мы не в состоянии, совершенно бессильны оказать какое-либо сопротивление иноземной силе. Немцы, как это было в Бельгии и в Польше, вывезут все, что только можно: и в первую голову хлеб и все огромные запасы и склады военного материала и имущества, которым набиты были интендантские склады Украины. И это последнее едва ли в

мин. нар. пр. — Н. П. Василенко, мин. финансов — А. К. Ржепецкий, мин. земледелия и продовольствия—Ю. Ю. Соколовский, мин. промышл. и торг.— С. М. Гутник, мин. труда — Ю. Н. Вагнер, мин. здравоохранения — Ю. В. Любинский, госуд. секретарь—И. А. Кистяковский, военный министр — ген. Рогоза, мин. иностр. дел — Д. И. Дорошенко, мин. путей сообщ. — кнж. А. И. Бутенко, мин. исповеданий — В. В. Зеньковский.

интересах края и будущей России, вера в которую не покидала, едва ли это также в интересах Антанты и незаконченной еще войны, ибо борьба самая ожесточенная и тяжкая на западном фронте еще продолжалась.

Сомнения, как известно, громадным большинством разрешены были положительно, т. е. в сторону сотрудничества и поддержки генерала П. П. Скоропадского.

VI.

В положении Украины были черты, которые не позволяли питать особого оптимизма насчет будущего. В Киеве остался написанный мною в июле 1918 года литературный документ, предназначавшийся для французской прессы, известный группе моих друзей, где, на основании анализа положения «самостийной» Украины, я предсказывал скорую трагическую развязку и приурочивал ее определенно к моменту победы союзников над немцами на Западном фронте. Отнюдь не с целью подчеркнуть здесь свою прозорливость упоминаю я об этом, а исключительно для того, чтобы подчеркнуть основную и роковую ошибку в оценке положения деятелями гетманского периода на Украине. Даже такие, несомненно умные люди, как И. А. Кистяковский и др., были убеждены непоколебимо в торжестве немецкого оружия. «Немцы в августе возьмут Париж, я в этом убежден»,—говорил Кистяковский. И это убеждение, к сожалению, разделялось почти всеми.

Не этой ли атмосферой объясняются известные заявления П. Н. Милюкова, сделанные им в Киеве. А если такой опытный политический деятель и глубокий знаток международных отношений мог ошибиться в оценке политической конъюнктуры, то насколько это простительнее людям менее широкого опыта и кругозора!

Из указанной выше основной ошибки русских политических деятелей на Украине проистекали ошибочные выводы: 1) Украина может рассчитывать на немецкие войска до формирования своей, новой армии; 2) Украине предстоит длительный период самостоятельного существования, ибо таково направление берлинской политики.

Это иллюзорное сознание обеспеченного спокойствия за немецкими штыками заставляло не торопиться с выработкой сеймового закона. По этой же причине не торопились и с аграрным вопросом и аграрными законами. Оттого тянули скучную канитель мирных переговоров с большевистской мирной делегацией, возглавлявшейся Г. Х. Раковским.

VII.

Каково же было внутреннее положение страны, наводившее меня на самые грустные выводы уже с конца июня месяца?

Прежде всего необходимо констатировать тот факт, что аппарат

власти был в конец разрушен на Украине, как и в коренной России. Новый аппарат создавался в невероятно тяжелых условиях. Из элементов, которые всю жизнь свою были в оппозиции правительству и вовсе не были воспитаны в власти, трудно было ее конструировать: они вносили лишь разложение и раздражение, дискредитируя самое власть, как таковую. Новые представители власти не умели, часто при лучших намерениях, подойти вплотную и авторитетно к новому для них делу. Старые же деятели, часто вновь призванные к власти, применяли слишком старые и ненавистные приемы управления.

Такие губернциальные старосты (губернаторы), как, например, А. В. Десницкий (в Мелитополе) из старых земцев, Пищевич (в Херсоне), сразу выдвинувшиеся своей деловой распорядительностью, были большой редкостью.

Выше мы уже упоминали о крайнем недостатке следственных властей и о расстройстве судебных функций. Как курьез, можно привести случай, когда ревизия камеры мирового судьи установила такой факт: мировой судья (из новых, назначенных при Центральной раде) разобрал всего лишь одно дело о своем собственном разводе со своей супругой.

Анархия сдерживалась одной силой—немецким оружием. Как же держали себя немцы в украинской деревне? Все зависело, конечно, от личного командного состава. Мне пришлось лично наблюдать немцев, бывших на постах в деревне Каневского у. Киевской губ., которые не вызвали раздражения у населения и не оставили по себе дурных чувств. За все те продукты, которые они брали у населения, они исправно платили и ничем населения не обижали.

В других же местах,—я читал об этом ряд подробных донесений и следственных протоколов,—шел прямой, бесстыдный и циничный грабеж. Были случаи во многих местах, когда помещики пользовались немецкой силой для восстановления своих прав и в особенности возврата своего ограбленного имущества (движимости). Это приводило иногда к таким конфликтам, что немцам приходилось пускать в ход артиллерию.

В общем же население подчинялось насилию в сознании своего бессилия.

«Что делать, барин?»—говорили явившиеся из деревни крестьяне, «немцы требуют сено по 1 рублю за пуд, а стоит оно по 8 рублей; берут сало и платят по 1 рублю за фунт, а в городе Чернигове цена лять рублей. Как тут, скажете, быть?

Австрийцы были хуже немцев, у них конфликты с населением были чаще, чем у немцев, чаще были и жестокие репрессии, вызывавшие глубокую анархию и разложение деревенской жизни. Но там действовала иноземная сила.

Но еще хуже, разлагающе действовали появившиеся местами добровольческие карательные отряды (офицерские?). 29—30 июня я лично имел случай наблюдать возникновение крупных беспорядков, вызванных действиями карателей, в Каневском уезде Киев-

ской губернии. В с. Б. Букрине в помещичьей усадьбе жила моя семья. Вечером 29 июня я приехал в Букрин и застал свою 15-летнюю дочь страшно взволнованной. Дело заключалось в том, что накануне, за два-три дня, в усадьбу нагрянуло несколько людей в военной форме (офицеров), арестовали нескольких крестьян, на которых падало подозрение в грабеже имущества экономии (имевшее место в период господства Центральной рады), арестованных крестьян связали, били и истязали. Вели себя военные люди чрезвычайно нагло и грубо. Требовали пищи, пили и ели и, конечно, ничего за принесенные им продукты не платили. Со слезами на глазах рассказывала дочь, как на ее глазах офицер побил девочку лет 12, которая принесла ему хлеба и приветливо, с поклоном подала ему.

Офицеры скоро уехали, а в соседнем с. М. Букрине крестьяне, узнав об экзекуции в Б. Букрине, взялись за оружие и образовали вооруженную банду, которая начала свои агрессивные действия против жившей в своей усадьбе семьи помещика Д. Напуганные обитатели убежали в соседний лес, где и провели в страхе всю ночь. На другой день крестьяне того же Букрина, с которыми Д. был всегда в самых хороших отношениях, помогли им, забрав кое-что из имущества, выехать на подводах на пароходную пристань.

Ожидая возможных осложнений и в Б. Букрине, я выехал утром 30 июня на лошадях в Ходоров к пароходной пристани, но туда добраться уже было невозможно, ибо Ходоров оказался в районе военных действий между прибывшим из Канева небольшим военным отрядом с уездным старостой (прежний исправник) во главе, и восставшими крестьянами, которых оказалось уже к этому времени около 1 000 человек. Шла пулеметная и ружейная перестрелка. Во время этих военных операций был тяжело ранен уездный староста, отряд его был разбит и на лодках бежал за Днепр в Полтавскую губернию. Ходоров был занят повстанцами. Пришлось нам возвращаться обратно и ехать на Переяслав, что и удалось без всяких осложнений.

Обо всем мною виденном и слышанном в связи с этой историей, мною был представлен немедленно подробный письменный доклад министру внутренних дел Ф. А. Лизогубу. Мне неизвестно, чтобы были предприняты какие-либо меры для обуздания карателей и против карательных экспедиций вообще. Известно стало, что для усмирения разросшегося восстания вызваны были немцы, а их методы действий в этих случаях бывали решительные, однако едва ли способные внести успокоение в деревню, ибо усмирение это совершалось далеко не мерами убеждения и кротости.

Я передавал свои наблюдения молодому помещику Полтавской губернии К., возмущаясь карателями и бездействием по отношению к ним власти.

«Ничего! так им и надо... немцы миндальничать не будут, а за грабежи тоже не мешает проучить...»

Я просто остолбенел от такого ужасного непонимания обстанов-

ки и грозных перспектив. Увы! Такой случай отношения не являлся далеко единичным или изолированным. Эгоизм, корыстолюбие, желание использовать обстановку в своих личных целях и выгодах были слишком заурядным явлением у помещиков.

Так возникали беспорядки в совершенно мирных уголках. Там, где восставшие брали верх над слабыми отрядами карателей или где восставшим попадали в плен офицеры, даже не принимавшие участия в карательных действиях,—там повстанцы распоряжались с ужасающей жестокостью, напоминающей гайдамачину. У нас были донесения, что штопорами вытягивали кишки у несчастных жертв народной ненависти и жестокого самосуда разъяренной толпы.

Я глубоко убежден в том, что не будь тогда налицо немецкой силы, гетманская власть была бы легко сметена еще в июне-августе 1918 года.

Трудно, конечно, поддается определению роль социалистической пропаганды в организации восстаний; конечно, отрицать совершенно (как многие это делают) ее значения нельзя, но я указал выше на реальные факты и причины крупных волнений и беспорядков, возникавших в весьма мирной обстановке, вне всякой идейной пропаганды.

Я уже упоминал, что мне неизвестно, какие меры принимались против действий карательных отрядов и вообще принимались ли таковые, я упоминал также о легкомысленном, открытом одобрении действий карателей некоторыми помещиками, но я a priori (наперед) думаю, что власть не имела достаточной силы и авторитета, чтобы бороться с этим явлением. К непрекращавшимся волнениям деревни в конце августа присоединилась еще железнодорожная забастовка, поддержанная, а быть может, даже и организованная на огромные денежные средства, затраченные большевиками. Городская демократия повела атаку на правительство, а национальный украинский блок начал оказывать большое и успешное давление на терявших под ногами почву немцев.

Совет министров гетмана являл о ту пору картину полной неработоспособности. Голоса в Совете неизменно делились ровно пополам: было очевидно, что две половины Совета расходятся между собой в самых основных пунктах и принципах. Положение было катастрофическое. К внутренней неурядице присоединялась напряженная и успешная пропаганда большевиков.

Министром внутренних дел был в этот период уже не безвольный Ф. А. Лизогуб, а И. А. Кистяковский, наиболее яркая фигура во всем министерстве гетмана, умный, талантливый и чрезвычайной работоспособности человек. Он из сил выбивался, стараясь укрепить власть, что отчасти, особенно в провинции, ему и удавалось, но объединить кабинет на единственно спасительной в тот момент политике твердой власти было невозможно, и такие влиятельные министры, как, например Н. П. Василенко, деловой С. М. Гутник, симпатичный и гуманный В. В. Зеньковский, шли определенно против Кистяковского, увлекая за собой ровно поло-

вину Совета министров. Повторялась трагедия власти Временного правительства в Петрограде, и несмотря на предупредительный, яркий опыт истории, люди упорно держались пути политической маниловщины и невозмутимого прекраснодушия.

Но весьма понятно, что в создавшихся условиях работа министерства не была и не могла быть продуктивной.

В самом начале своей деятельности на боевом посту министра внутренних дел Кистяковский все свои усилия употреблял на привлечение к практической, созидательной деятельности местных национальных украинских деятелей. Но, к сожалению, на этом пути он потерпел почти полную неудачу, ибо все это были в большинстве своем люди, привыкшие к беспочвенной оппозиции, и они, за весьма редкими исключениями, оказались неспособными к простой, деловой работе. Как я уже выше упоминал, особенно трудно было наладить аппарат местной власти: с фатальной неизбежностью приходилось возвращать к власти и вербовать для кадров новой власти людей опыта старого времени, которые были к тому же настроены очень озлобленно всеми предыдущими событиями. И люди начинали действовать по-старому, забывая, что изменилась не только обстановка, в которой приходилось работать, но и, самое главное, обывательская психика. Не будучи вовсе реакционером, И. А. Кистяковский быстро создал себе репутацию крайнего реакционера, чем восстановил против себя как русские либеральные элементы, так и украинских националистов. И причина здесь лежала не в существе дела, а в крайней распущенности языка и резкости слов, которыми И. А. Кистяковский кстати и некстати, т. е. без всякой к тому нужды, раздражал имевших с ним дело лиц и целые общественные группы [1].

Справедливость требует сказать, что словесные злоупотребления были в моде в этот период, и их позволяли себе деятели весьма почтенные и уважаемые.

Большой заслугой Кистяковского была прямая, открытая борьба, объявленная им большевикам, причем он храбро брал на себя весь odium за прямые и откровенные средства этой борьбы. Несчастье заключалось в том, что он не умел отфильтрировать чистый большевизм, не сумел создать условия, при которых за ним пошли бы для этой борьбы левые, не большевистские фракции и партии оппозиции.

Повторяю, И. А. Кистяковский, оставаясь на немецкой формуле «самостийной Украины», вел совершенно добросовестно борьбу с большевизмом, как интернациональным, возглавляемым Кремлем, так и с большевизмом национальным, возглавляемым Петлюрой и его революционным штабом. Первый, международный большевизм имел своим представителем в Киеве Г. Х. Раковского,

[1] Для примера можно привести такой эпизод. После речи Кистяковского в Одессе ему кто-то сказал: «Что же это,—возврат к временам Плеве?» — «Передо мной и Плеве, и Сипягин скоро окажутся мальчишками», — не моргнув глазом, ответил Кистяковский.

стоявшего во главе мирной делегации и занятого совсем не мирными делами. На наиболее вредных деятелей из этой группы и были направлены удары Кистяковского.

Если я говорю о большевизме национальном, то здесь нужна некоторая оговорка. Среди Национального союза были настоящие большевики-украинцы, и от них первым был украинский писатель, талантливый и страстного темперамента агитатор В. К. Винниченко. С. В. Петлюра, хотя и не был большевиком, но работа его агентов по подготовке восстания против германской власти, равносильна была отдаче Украины во власть большевиков, что и подтвердили блестяще события ближайших месяцев.

Препятствием, ставшим на пути гетманской власти, в этой борьбе ее с большевиками, стали немцы. Это необходимо особенно подчеркнуть, ибо украинская эпопея была лишь частностью общей картины. Немцы импортировали большевиков в Россию, поддерживали их в течение 1918 года всюду—в Москве, Киеве, Одессе—безразлично. Вспомним, как снисходительно отнеслись немцы к убийству гр. Мирбаха в Москве. Немецкий посол на Украине фон-Мумм очень первничал, видя, сколь мало реагировала центральная власть на убийство Мирбаха.

В распоряжении украинского министерства внутренних дел были материалы, содержавшие неопровержимые доказательства, показывавшие, что члены большевистской мирной делегации ведут усиленную пропаганду большевизма на Украине, не жалеют миллионов «керенок» на организацию железнодорожной забастовки и на организацию вооруженного восстания. В начале октября 1918 г. И. А. Кистяковский докладывал Совету министров, что немцы препятствуют ему арестовать известных своей преступной деятельностью опасных большевиков и требуют освобождения других [1]. И. А. Кистяковский тогда же сделал заявление, что в создавшихся условиях он слагает с себя ответственность за безопасность и спокойствие Киева.

В то же время немцы потребовали освобождения арестованного Петлюры. У меня имеются точные доказательства, что С. В. Петлюра был освобожден гетманом Скоропадским по настойчивому требованию немцев. У меня имеется письмо ко мне П. П. Скоропадского, где на прямой вопрос мой об этом (по поводу письма, опубликованного С. К. Моркотуном в «Cause Commune» осенью 1919 года), П. П. Скоропадский ответил, что он вынужден был освободить Петлюру по настоянию немцев, угрожавших в противном случае освободить его силой.

Есть данные о деятельности С. В. Петлюры, еще в качестве председателя земской управы, когда в огромном здании земской управы на Владимирской улице открыто съезжался и работал по

[1] В архиве государственной канцелярии должен был сохраниться документ — проект заявления Совета министров немецкому главному командованию, написанный мною в самом заседании Совета. И. А. Кистяковский предпочел вести устные переговоры.

организации антигетманской пропаганды весь штаб украинских социалистов-революционеров, штаб будущего восстания Петлюры.

В письмах ко мне П. П. Скоропадский сетует на то, что полиция не могла дать ему в руки материала, достаточно уличающего Петлюру.

Я же весьма склонен думать, что, останься на посту министра юстиции А. А. Романов, материала для обвинения С. В. Петлюры нашлось бы достаточно, даже несмотря на защиту его немцами.

Мне представляется, что вся политика немцев на Украине сводилась к тому, чтобы поддерживать в стране состояние неустойчивого равновесия, для того чтобы в любой момент чашка весов, на которую немцы положили бы гирю своего влияния, могла накренить весы истории туда, куда по тем или иным соображениям это желательно было бы немцам. Достаточно в этом смысле обратить внимание на следующие оригинальные, чтобы не сказать более, комбинации: немцы не только поддерживали материально, но и помогали формированию офицерских отрядов так называемой Южной армии, и в то же время немецкие офицеры-инструктора находились в большевистских отрядах, дравшихся против офицеров русской армии.

Немцы как бы сознательно поставили себе целью—уничтожение русского офицерства, и взятие Киева большевиками в 1918 году имело непосредственным результатом избиение русского офицерства.

Необходимо еще напомнить, что те же немцы постоянно и намеренно путали карты при переговорах Украины с Крымом, чтобы и здесь как-нибудь невзначай не было достигнуто какого-нибудь соглашения. Divide et impera (разделяй и властвуй) было их лозунгом. А русские Украины и Крыма, серьезно вообразив себя двумя государствами, вели таможенную войну между собой, будто кому-то было полезно, чтобы в Крыму гнили продукты, когда в Киеве на них стояли безумные цены. Позорная страница!

Когда немцы стали нажимать на Скоропадского, настаивая на создании левого кабинета с преобладанием националистических элементов, для меня стало совершенно ясно, что немцы, не чувствуя за собой силы удержать далее Украину в сфере своего исключительного влияния, возвращаются к общей своей политике разложения России, ибо сомнения не могло быть в результате работы левых элементов. Этот результат был фатально неизбежен и резюмировался он кратко: Украина должна быть большевистской. Не могло быть сомнения и в том, что в соответствующий момент немцы предадут и «гетмана всієї України». Если и сомневался, быть может, то не хотел этому верить сам гетман.

VIII.

Вообще же немцы играли с Украиной так, как кошка играет с мышью: то придавит, то даст побегать и насладиться иллюзией

свободы, зорко следя в то же время, чтобы добыча не ушла от стола хищника-победителя.

В сфере промышленно-экономической и финансовой они все держали в своих цепких руках, опутывая на будущее время Украину густой сетью, расставленной немецким промышленным капиталом с его активным грюндерством, агентом которого был в Киеве небезызвестный г. Добрый.

Напрасно выбивался из сил, стараясь отстаивать свою финансовую независимость, добросовестный и честный А. К. Ржепецкий. Немцы, конечно, оставались maîtres de la position (господами положения) и в душе, конечно, смеялись, когда гетманское правительство заключало самостоятельные договоры с Румынией, недосягаемой в то время Данией и т. п. Теперь документы и материалы, характеризующие промышленные и экономические взаимоотношения Украины с немцами, уже доступны для научного исследования, которое восстановит нам картину этих отношений и пределы самостоятельности Украины в этой основной сфере жизнедеятельности страны, я же здесь ограничиваюсь лишь характеристикой положения.

Другой, дорого обходившейся Украине иллюзией, было создание украинской армии. Наивно увлеченный этой идеей, П. П. Скоропадский из-за этого миража делал такие шаги, как, например, его путешествие в Германию и его свидание с императором Вильгельмом, Гинденбургом и Людендорфом. А между тем путешествие это, хотя бы и вовсе безобидное по своим результатам и содержанию, крайне повредило П. П. Скоропадскому в общественном мнении как кругов Антанты, так и России.

Я никогда не разделял искренней и серьезной веры П. П. Скоропадского в возможность создания серьезной военной силы на Украине. Начать с того, что немцы никогда бы не потерпели создания сколько-нибудь значительной военной силы на Украине, так как фатально и неизбежно она сделалась бы угрозой им самим. Едва ли можно допустить, чтобы немцы не давали себе в этом отчета.

Но даже допустив на минуту эту мало в общем вероятную возможность, я задаю вопрос: из каких элементов можно было надеяться создать это войско?

Среди офицеров были украинские националисты, среди южнорусского офицерства, даже высших рангов, были федералисты, которые, не будучи ни врагами, ни сепаратистами, тем не менее определенно не сочувствовали и относились отрицательно к восстановлению единой, централизованной России. Значительное число таких офицеров после падения гетмана очутились в Польше: они не захотели пойти за Петлюрой, как завзятым врагом России, но, с другой стороны, они отказались и от вступления в ряды деникинской Добровольческой армии, на знамени которой они не видели даже автономии Украины. Нужно только немного воображения, чтобы представить себе душевную драму этих несчастных

жертв капризов истории. В такой бесконечно тяжелой обстановке пришлось им решать вопрос своей совести!

Наконец на службу в гетманские войска пошли многие русские офицеры для борьбы с большевиками, и недостатка предложений услуг для ролей командиров корпусов, начальников штабов, центральных установлений военного ведомства никогда не было.

Недоставало одного, но зато весьма существенного—солдат. И главная беда была в этом: неоткуда было взять надежных солдат. Призывная молодежь украинская уже побывала в тылах действующей армии, развратилась от безделья и большевистской пропаганды на сходках и митингах, но главное—безделием тыловой службы и связанного с нею времяпровождения. Создать военные части из этих элементов или даже из свежих элементов совершенно распущенной деревенской молодежи было, мне кажется, совершенно невозможно. Куда направлены были мысли и каково было настроение солдат, побывавших в действующей армии—было наглядно продемонстрировано «синими жупанами», о которых мы уже говорили выше.

Надежного войска, особенно при ненадежных командирах, как показала история полковника Болбочана [1], генерала Гутора и многих других, взять было неоткуда. Я делился этими мыслями с военным министром Скоропадского ген. Роговой, который разделял мои опасения.

Находившаяся в состоянии анархии деревня, где, как мы выше видели, часто беззастенчиво и жестоко хозяйничали немцы, конечно, легко делалась жертвой пропаганды агентов Петлюры, не вследствие того сомнительного соблазна, который обещала украинизация, а просто потому, что петлюровцы обещали свободу полного ограбления помещиков в пользу крестьян и не противились прямому грабежу всякого добра в помещичьих экономиях.

Как только под давлением немцев Скоропадский создал новое министерство с преобладанием левых элементов, стало ясно, что дни Украины сочтены.

IX.

Да и как бы оно могло быть иначе? Должен был притти тот, кто теперь имел негласную поддержку немцев: он и являлся по существу хозяином положения. Это были большевики.

События, достаточно последовательно развивавшиеся затем, были лишь медленной агонией, временем, потребным для искусного машиниста, чтобы переменить декорацию при открытом занавесе. Самые попытки Скоропадского изменить лозунги и иначе ориентировать внутреннюю и внешнюю политику ускоряли логическое развитие событий.

Когда гетман передал власть новому министерству под председательством С. Н. Гербеля, в украинских кругах называемого «мини-

---

[1] Полк. Болбочан первый поднял восстание против гетмана в конце 1918 г.; в 1919 году Болбочан расстрелян Петлюрой.

стерством русских монархистов», это целиком развязало руки украинцам-националистам. Они прямо объявили войну гетману, как изменнику Украины: 15 ноября они образуют тайную Директорию, где главная роль принадлежит В. К. Винниченко, но в ней фигурирует также и будущий «генералиссимус» С. В. Петлюра.

Небольшие отряды русских офицеров не могли устоять долго под ударами коалиции открыто воюющих украинцев, тайно наступавших с севера большевиков и при весьма подозрительном «нейтралитете» немцев. Вся эта «война» потребовала лишь одного неполного месяца. Отрекшийся от власти гетман П. П. Скоропадский, брошенный всеми, увезен был в Берлин под видом раненого немецкого офицера, благодаря заботам о нем одного германского врача. Только это спасло ему жизнь.

Войска Директории вошли в Киев 14 декабря. Торжество украинцев было, впрочем, недолгое: всего через шесть недель они должны были бежать из Киева, уступив его большевикам.

Об этом событии вовсе умалчивает брошюра, изданная в Париже под заглавием: «Chronologie des principaux événements en Ukraine de 1917 à 1919» [1]. В этой брошюре будущий историк найдет немало интересных деталей событий, относящихся к началу 1919 года, а также некоторые документы, относящиеся к 6 и 12 февраля и даже марту месяцу 1919 года.

Кровью и слезами залили всю Украину Винниченко, Петлюра и прочие украинские патриоты. На этот раз дело осложнилось еще такими аксессуарами, как деятельность разбойничьих банд Махно, Григорьева и других «атаманов», и грандиозными еврейскими погромами, которые затмили собою все, что ставилось в вину царскому правительству России с 80-х годов прошлого столетия и до 1906 года включительно, когда, например Кишиневский погром 1903 года заставил весь мир содрогнуться от негодования.

Какими детскими сказками представляются теперь кишиневские события в сравнении с деяниями петлюровцев, жертвы которых достигают по неточным еще данным до 100 000 человек...

---

[1] Хронология важнейших событий на Украине с 1917 по 1919 г.

Гетманство и Директория на Украине [1].

1. Гетманство и немцы.

Украина была порабощена немцами.

Ген. Гофман, начальник штаба Восточного фронта и участник мирной конференции, впоследствии, в 1919 г., говорил [2]: «В действительности Украина—это дело моих рук, а вовсе не плод сознательной воли русского народа. Я создал Украину для того, чтобы иметь возможность заключить мир хотя бы с частью России»...

Эта самоуверенность немецкого генерала, не углублявшегося в сложную сущность украинской проблемы, находилась, однако, внешне в полном соответствии с военно-политическим положением. Германское правительство постепенно признало самостоятельность Украины и полномочность рады, правительства Голубовича и посольства на конференции никому неведомых гг. Севрюка, Любинского и Левицкого, имевших по существу такой же легальный титул, как Совет комиссаров и его делегаты гг. Иоффе, Бронштейн и Бриллиант.

Вспомним, что и правительства союзников до «Брест-Литовска» готовы были признать фактически советскую власть, и Нуланс от имени союзников предлагал Троцкому материальную помощь... для борьбы против немцев. По тем же соображениям признали «Украинскую республику» Франция [3] 5 декабря 1917 г. и Англия в начале 1918 г. «Представитель Великобритании на Украине» Пиктон Багге заявил, что его правительство «будет поддерживать всеми силами украинское правительство в стремлениях к творческой работе, к поддержанию порядка и войне с центральными державами—врагами демократии и человечества»...

Правительства центральных держав подписали мирный договор с Украиной 26 января—в то время, когда почти вся Украина и стольный город Киев были во власти большевиков. По просьбе бежавшего в Житомир правительства Голубовича немцы двинули корпуса ген. Эйхгорна на Украину и почти без всякого сопротивления (дрались только чехо-словаки), совместно с австрийскими вой-

---

[1] Из книги: «Очерки русской смуты», тт. III—V, Берлин 1924—1926 гг. В. ст. Деникина все даты—по старому стилю. Прим. сост.

[2] «Daily Mail».

[3] «Генеральный комиссар французской республики», ген. Табуи.

сками ген. Бельца в течение двух месяцев заняли весь наш юго-запад и Новороссию [1]. «Надо было подавить большевизм на Украине,— пишет Людендорф,—проникнуть глубоко в страну и создать там положение, которое доставляло бы нам военные преимущества и позволило бы черпать оттуда хлеб и сырье».

Границы новообразования были определены в договоре лишь на западе—линией Белгорай—Красностав—Межиречье—Сарнаки. Но бурный протест поляков и давление австрийцев заставили мирную конференцию «разъяснить» и этот пункт, предоставив разграничительной комиссии право «провести границу, принимая во внимание этнографические отношения и пожелания населения... на восток от этой линии». На востоке границы устанавливались впоследствии теоретически-бесконечными, подчас весьма курьезными переговорами Шелухина с Раковским и соглашением гетмана с донским атаманом. Фактически линией расположения германских аванпостов, не считавшейся ни с этнографическими, ни с историческими признаками, а захватывавшей важнейшие железнодорожные узлы. Эта линия проходила через Клинцы—Стародуб—Рыльск—Белгород—Валуйки—Миллерово.

Мирный договор и дополнительные соглашения накладывали тяжкое экономическое бремя на Украину. До 31 июня рада обязалась доставить австро-германцам огромные количества хлеба и других продовольственных припасов, сырья, леса и пр. [2]. Взамен за эти предметы вывоза, оцениваемые по низким ставкам и низкому валютному курсу, германцы обязались доставить на Украину «предположительно», «по мере возможности» по очень высоким тарифам фабрикаты своей промышленности. В основу всей своей экономической политики Германия поставила: для настоящего—извлечение из Украины возможно большего количества сырья, для чего был затруднен или вовсе запрещен товарообмен ее с соседями, даже с оккупированной немцами Белоруссией; для будущего—захват украинского рынка и торговли, овладение или подрыв украинской промышленности и искусственное создание сильной задолженности Украины.

Осуществление этих целей требовало установления хотя бы элементарного порядка в крае и законопослушности населения. Между тем рада и правительство Голубовича с этой задачей справиться не могли.

Непопулярность и неподготовленность украинского правительства, его полная зависимость от немцев, дикие и обидные формы украинизации, отталкивавшие одних и не удовлетворявшие других,— восстанавливали против власти большевистское и противобольшевистское население городов, настроение которых сдерживалось присутствием австро-германских гарнизонов. Полубольшевистские ло-

[1] Киев занят немцами 16 февраля, Харьков — 23 марта, Ростов — 25 апреля, Одесса занята австрийцами 27 февраля.

[2] 60 млн. пудов хлеба, 29/4 млн. пуд. живого веса скота, 37½ млн. пуд. жел. руды., 400 млн. яиц и т. д.

зунги универсалов и провозглашение социализации земли подняли анархию в деревне, до тех пор сравнительно спокойной. Требование разоружения и приемы, употреблявшиеся для выкачивания хлеба из деревни, усиливали волнения. Вмешательство фельдмаршала Эйхгорна, объявившего в приказе, что урожай принадлежит тому—помещику или крестьянину—кто засеет поля, вызвало только озлобление и в раде и в крестьянстве. Все это грозило прервать сообщения в крае и возможность его эксплоатации немцами.

И потому немецкая власть решила устранить раду.

* * *

5 апреля был заключен договор между фельдмаршалом Эйхгорном и бар. Муммом, с одной стороны, и Скоропадским,—с другой, о направлении будущей украинской политики [1].

10 апреля австро-германцы спешно закончили и подписали «хозяйственное соглашение с Украинской народной республикой», чтобы одиум его лег на раду, не на гетмана. 13-го фельдмаршал Эйхгорн ввел военное положение, с применением германской полевой юстиции, а 16-го при обстановке почти анекдотической немцы разогнали раду и поставили гетманом всея Украины генерала Скоропадского.

«Народ безмолвствовал».

Осведомленная в киевских делах организация Шульгина сообщала нам на юг текст телеграммы императора Вильгельма от 19 апреля к фельдмаршалу Эйхгорну: «Передайте генералу Скоропадскому, что я согласен на избрание гетмана, если гетман даст обязательство неуклонно исполнять наши советы» [2]...

Знакомые мотивы. В 1708 году один из предшественников гетмана Иван Мазепа писал Стародубскому полковнику Скоропадскому: «С согласия всей старшины мы решили отдаться в протекцию шведского короля в надежде, что он оборонит нас от московского тиранского ига и не только возвратит нам права нашей вольности, но еще умножит и расширит; в этом его величество уверил нас своим неотменным словом и данной на письме ассекурацией». Полковник Скоропадский не послушался тогда «прелестных увещаний» Мазепы, поехал в стан московского боярина Долгорукова и сам получил гетманскую булаву.

Положение изменилось лишь внешне: водворился известный порядок, по крайней мере в городах, безопасность передвижения и даже видимый экономический подъем, в сущности лишь прикрывший спекулятивную горячку. Впрочем, ненадолго—основа этого благополучия имела нездоровые предпосылки.

Зависимость Украины и полная подчиненность ее германской общей и экономической политике при гетмане не только не ослабли,

---

[1] Донесение украинского посла бар. Штейнгеля от 7(20) июня из Берлина министру иностранных дел Украины. См. ниже.

[2] Сообщение от 25 апреля.

но даже возросли. Национальный шовинизм и украинизация легли в основу программы и гетманского правительства. Сам гетман в официальных выступлениях торжественно провозглашал самостийность Украины на вечные времена и поносил Россию, «под игом которой Украина стонала в течение двух веков»... Кадетское министерство не отставало в шовинистических заявлениях и в прямых действиях: министр внутр. дел Кистяковский вводил закон об украинском подданстве и присяге; министр нар. просвещения Василенко приступил к массовому закрытию и насильственной украинизации учебных заведений; министр исповеданий Зеньковский готовил автокефалию украинской церкви... Все вместе в формах нелепых и оскорбительных рвали связь с русской культурой и государственностью.

Только социальные мероприятия гетмана резко разошлись с политикой рады: руль ее круто повернули вправо. Вскоре вышел гетманский указ о возвращении земли помещикам и о вознаграждении их за все понесенные в процессе революции убытки. Практика реквизиции (для экспорта), кровавых усмирений и взыскания убытков при участии австро-германских отрядов была жестока и безжалостна. Она вызвала по всей Украине и Новороссии стихийные восстания, подчас многотысячными отрядами. Повстанцы истребляли мелкие части австрийцев, немцев, убивали помещиков, чинов державной варты, повитовых старост и других агентов гетманской власти. В повстанческой психологии не было и тени украинского сепаратизма: они видели своих врагов не в «русских», а в помещике и в немце. Вмешательство пришельцев вносило в общую сумму социальных и экономических причин возбуждения крестьянских масс еще и элемент ярко национальный—не украинский, быть может, и не российский, но во всяком случае в негативном его отражении противо-немецкий; им увлекалась и часть офицерства, поступавшего в отряды повстанцев и вносившего в них некоторую организованность.

«Жовто-блакитный прапор», покрывавший собою политическое и социальное движение, служил национальным символом разве только в глазах украинской, преимущественно социалистической интеллигенции, но отнюдь не народной массы.

Гетманская власть покоилась только на германских штыках, а германские войска, занимавшие города и железнодорожные станции взбаламученного края, рыли окопы, оплетались колючей проволокой, чувствуя себя там, как в осажденной крепости.

* * *

Отношение к гетманскому режиму, хотя и по разным побуждениям, почти у всей русской и украинской общественности было отрицательным.

«Украинский национальный союз», объединивший в июле все украинские партии, поддерживал близкие отношения с верхите-

лем судеб Украины ген. Гренером [1] с его политическим противником—австрийским представителем гр. Форгачем и одновременно находил поддержку в левых парламентских кругах Германии. Союз вел конспиративную работу, стараясь направить волну народных восстаний демагогическими посулами в русло самостийной и социалистической политики прежней рады.

Видные русские социалисты, примыкавшие к Союзу возрождения России, составляли заговоры против «реакционной и не-национальной» власти и пытались организовать террористические акты, которые, однако, не приводились в исполнение, ввиду глубоко мирного направления руководителей союза.

Национальный центр писал 2 июля В. Шульгину: «Мы с негодованием следим за развитием физического (?) процесса у вас в Киеве и считаем, что это бред, одержимый всякого рода манией»...

Конференция кадетской партии 13—15 мая приняла, как бесспорные начала—«воссоединение России, областную автономию и национальное равноправие» и воспретила членам партии «участие в правительстве, образованном при германской коалиции». От прямого осуждения своих киевских членов конференция, однако, отказалась: «Исполнительный комитет, не высказывая в настоящее время своего окончательного суждения», поручал одному из членов своих выяснить... создавшееся положение и меры «для согласования положения членов на Украине с... директивами ЦК». Только 27 июня центральный комитет партии выразил им неодобрение «за принятие участия в организации власти, опирающейся на немецкую поддержку». В частной переписке отношение московских кадет к киевским высказывалось гораздо легче и лапидарнее. Так, В. Степанов писал: «Здесь нет никого, кто бы не считал (как) их поведения, так и не исключившего их из партии (обл. ком.) возмутительным и марающим партию. Меня ободряет, что гонение на партию в Москве отчасти смывает ту грязь, которою облили нас киевляне, бросившись головой вниз в помойную яму германофильства»...

Киевские националисты, группировавшиеся вокруг В. Шульгина, сурово осуждали гетманскую власть по мотивам национальным и политическим.

На стороне ее оставались, *притом лишь до падения Германии*, только союз хлеборобов-собственников в лице крупных землевладельцев, возглавлявших эту бутафорскую организацию, весь сектор крайних правых и «Протофис» [2],—словом, земельная и финансовая знать—максималисты в области классовых целей и интернационалисты в способах их достижения.

Я приведу характеристику этой среды, исходящую из источника, который нельзя заподозрить в некомпетентности и в предвзятости. Кн. Гр. Трубецкой писал: «Аристократический квартал Липки был...

---

[1] Начальник штаба фельдмаршала Эйхгорна.

[2] Союз промышленности, торговли, финансов.

жутким привидением минувшего. Там собрались Петербург и Москва; почти все друг друга знали. На каждом шагу встречались знакомые типичные лица бюрократов, банкиров, помещиков с их семьями. Чувствовалось, в буквальном смысле слова, что на их улице праздник. Отсюда доносились рассказы о какой-то вакханалии в области спекуляции и наживы. Все, кто имел вход в правительственные учреждения, промышляли всевозможными разрешениями на вывоз, на продажу и на перепродажу всякого рода товаров. Помещики торопились возместить себя за то, что потерпели, и взыскивали, когда могли, с крестьян втрое за награбленное. Правые и аристократы заискивали перед немцами. Находились и такие, которые открыто ругали немцев и в то же время забегали к ним с заднего крыльца, чтобы выхлопотать себе то или другое. Все эти русские круги, должен сказать, были гораздо противнее, чем немцы, которые, против ожидания, держали себя отнюдь не вызывающим образом».

Наконец, на стороне гетманской власти стояли еще довольно широкие бездейственные обывательские слои, не углублявшие смысла происходящих событий и жаждавшие покоя, безопасности и примитивного порядка—какой угодно ценой.

Извне гетманскую власть поддерживал московский «правый центр» и примкнувший к нему персонально Милюков. Последний своим влиянием на кадет, членов правительства, старался, сколько мог, умерить буйный характер их самостийной практики, но в самом факте украинского и донского переворотов видел «явление одного порядка и явление положительное... начало возрождения российской государственности»... «Государственная самостоятельность областей, освободившихся от большевиков раньше Москвы,—писал он [1],—является неизбежной переходной стадией и неизбежным последствием бессилия Москвы освободиться... собственными силами... Участие в перевороте германцев является печальною неизбежностью, но все же второстепенною чертой»...

В. Шульгин, отражая взгляды националистов, писал на юг: «Я не смог произвести над собою ломки, т. е. работать над восстановлением России с немцами... Вопреки мнению Милюкова утверждаю, что киевские кадеты всенародно продали единство России, что было совершенно непростительным шагом».

Эти два вопроса (единая государственность и «ориентация») поглощали всецело внимание русских политических кругов и вызвали среди них ожесточенную полемику. Все другие стороны жизни Украины в их глазах отходили на задний план. В частности весьма характерно, что в этом огромном калейдоскопе личных, письменных и печатных ориентировок, которые сосредоточивались в руках командования добровольческой армии, они отражения почти не находили.

---

[1] Письмо из Ростова в Москву от 25 мая.

* * *

Как смотрел гетман на свои взаимоотношения с Германией? За несколько дней до захвата власти он приехал к одному из известных киевских генералов и предложил ему принять участие в образовании нового правительства, «которое должно заменить Центральную раду и явиться посредником между германским командованием и украинским народом». Упомянул, что в этом деле заинтересованы немцы... Когда собеседник его ответил отказом, мотивируя «неприемлемостью для него работы с немцами и на них», Скоропадский возразил, что «немцы здесь не при чем, что он будет вести вполне самостоятельную политику,—и закончил даже наивным заявлением,—что надеется обойти немцев и заставить их работать на пользу Украины».

«Обойти» оказалось невозможным.

В среде оккупантов шли серьезные внутренние трения: германское парламентское большинство и правительство, австрийское посольство в лице гр. Форгача требовали самостоятельности Украины; немецкая военная партия, исходя из практических расчетов—обеспеченности снабжения и ликвидации нарождавшегося Восточного фронта—временно склонялась к единству России. В зависимости от того, какая педаль нажималась сильнее на Эйхгорна и Мумма, определялся и политический курс гетманской политики.

28 мая генерал Гренер говорил делегации от свергнутой рады: «Германия искренно желает самостоятельности Украины и будьте уверены, что она—единственный могущественный защитник этой самостоятельности в Европе. Мы хотели вас поддержать. Но анархию и социалистические беспорядки по соседству с нашей империей терпеть не хотим, не можем и не будем»... И гетман клал руль вправо и насильственно украинизировал страну руками кадет и «умеренных» украинских националистов...

К этому времени относится разговор гетмана с одним видным русским генералом, которого прочили на должность военного министра. На вопрос его, правда ли, что гетман принял свой пост исключительно с целью воссоединения Малороссии с Россией, Скоропадский ответил отрицательно: «Может быть, в отдаленном будущем это и случится; но сейчас я буду стоять на почве самостийности Украины» [1]... Чрезмерно ревнивое отношение гетмана в то же время к «русским влияниям» приводило иногда к курьезам. Так, когда архиепископ Антоний был назначен киевским митрополитом, Скоропадский, предполагая встретить в нем врага гетманской власти и немцефильской политики, отказался вначале признать патриаршее назначение и убедительно просил Эйхгорна воспрепятствовать торжественной встрече архипастыря православными киевлянами. Гетман уверял, что митрополит Антоний «боль-

[1] Беседа ген. Х. с Шульгиным.

шой реакционер» и что «из встречи его хотят сделать большую москвофильскую демонстрацию» [1]...

В октябре ген. Гренер заявил [2]: «Положение момента выдвигает сейчас перед Украиной задачи укрепления здоровых национальных устоев и привлечения народных кругов к участию в строительстве страны, как и в ее управлении. И здесь, как и в Германии, в состав правительства будут привлечены представители левых и демократических течений»... Практиковавшаяся немцами ранее скрытая поддержка этих кругов теперь становится явной. И гетман привлекает в состав правительства украинских соцналистов и нажимает еще сильнее пресс украинизации. «Новый состав совета министров,—говорит премьер Лизогуб представителям печати 17 октября,—в области внешней и внутренней политики будет стремиться к более резкому выявлению национального лица украинской державы, отстаивая всеми силами самостоятельность и суверенность Украины».

А в то же время (9 октября) представителю добровольческой армии, полковнику Неймирку, при «случайной встрече», устроенной самим гетманом в квартире его адъютанта гр. Олсуфьева, он говорил: «Я русский человек и русский офицер; и мне очень неприятно, что, несмотря на ряд попыток с моей стороны завязать какие-либо отношения с ген. Алексеевым... кроме ничего незначащих писем... я ничего не получаю... Силою обстановки мне приходится говорить и делать совершенно не то, что чувствую и хочу—это надо понимать. Даю вам слово, что до сего времени я буквально ничем не связан, никаким договором с Берлином [3] и твердо отгородился от Австрии... Я определенно смотрел и смотрю,—и это знают мои близкие, настоящие русские люди,—что будущее Украины в России. Но Украина должна войти как равная с равной на условиях федерации. Прошло время командования из Петербурга,—это мое глубокое убеждение. Самостийность была необходима, как единственная оппозиция большевизму: надо было поднять национальное чувство. И переворот, который был сделан пришедшими немцами, я ранее еще предлагал союзникам, лично говорил об этом с ген. Тауби»... [4].

В ноябре ген. Гренер, сменив Людендорфа, сдавал уже германские армии на волю победителей... В Киеве говорил авторитетно только... немецкий совет солдатских депутатов. И гетман распускал правительство, приглашал на пост премьера «царского» министра Гербеля и издавал грамоту о Всероссийской федерации со включением в нее Украины. Одновременно Скоропадский не прекращал весьма оживленных тайных переговоров с Украинским национальным комитетом, а на юг сообщал, что «украинские силы...

---

[1] Доклад Шульгинской организации от 5 июня и свидетельство А. В. Стороженко.

[2] Киевские «Последние новости» 21 октября.

[3] Договор от 5 апреля?

[4] Доклад киевского представителя 14 октября, № 6.

возглавляемые гетманом... в согласии с Доном и параллельно с добровольческой армией направляются на борьбу с большевиками и на восстановление единства России» [1].

Такой же двойственностью отличалась политика украинского правительства. Наиболее влиятельная кадетская часть его, в замкнутом кругу киевского главного комитета, под сильным давлением Милюкова, стремившегося обуздать размах украинизации, выносила постановления следовать «по линии превращения местного национального движения в общегосударственное путем объединения всего юга России» [2]. А вне стен комитета «согласованные действия» киевлян проявлялись проповедью на тему: «единая Россия—это нелепость... Насильственное соединение в одном государстве столь больших и столь разнородных частей недопустимо»... Вдохновитель и правая рука гетмана, Игорь Кистяковский, в конце 1917 года был приверженцем Корнилова и добровольческой армии, весною 1918 года—самостийником и германофилом, в октябре, когда немцы потребовали его удаления с поста,—федералистом и германофилом; а в ноябре... централистом и антантофилом...

В свою очередь—само двуличное—германское правительство находило также некоторые странности в украинской политике... Украинский посол в Берлине, бар. Штейнгель, 7 июля доносил министру иностранных дел: «Императорское правительство находит, что наше правительство не достаточно твердо в своей политике, почему в Киеве происходит двойная политическая игра, вредящая упрочению дружбы между Германией и Украиной. Императорское правительство желает, чтобы политика украинского правительства соответствовала во всех отношениях условию, заключенному 18 апреля (нов. стиля) 1918 г. между генерал-фельдмаршалом Эйхгорном и бар. Муммом, с одной стороны, и украинским правительством гетмана, в то время находившимся в процессе формирования, с другой стороны... Ввиду этого императорское правительство желает расширить границы своих прав в целях организации порядка и правосудия»...

Впрочем, к концу сентября, после поездки гетмана в Берлин, взгляд германского правительства изменился, и министр ф. Гинце в рейхстаге заявил, что на Украине «продолжается в утешительном направлении процесс консолидации. Гетман с министрами вошел в Берлине в соприкосновение с нашим правительством. Констатируем, что намерения гетмана лояльны, планы его нам откровенно ясны».

* * *

Внешние сношения Украины также всецело зависели от немцев. Все спорные территориальные вопросы о западной границе, о подчинении Украине Крыма, о Ростовском, Таганрогском окру-

---

[1] Телеграмма на мое имя министра иностр. дел Афанасьева 16 ноября.
[2] Из письма Милюкова.

гах и части Бессарабии, на которые претендовала Украина, разрешались односторонней волей немцев и притом не в ее пользу.

Наиболее характерной была длившаяся бесконечно долго украино-большевистская конференция, заседавшая в Киеве, с Шелухиным и Раковским во главе. Поскольку вопросы, касавшиеся интересов Германии, как, например, передача оккупированной Украине в большом числе подвижного железнодорожного состава и урегулирование железнодорожного сообщения, проходили быстро, постольку все остальные, в особенности вопросы о границах, затягивались неимоверно. Участники конференции играли положительно непристойную роль, будучи пешками в руках закулисного дирижера. Приводимый документ характеризует в достаточной мере эти взаимоотношения:

Секретно.

Г. Председателю мирной делегации Украины С. Шелухину.

Ввиду того, что в частном разговоре с министром иностранных дел председатель мирной делегации Раковский выразил желание разрешить возможно скорее вопросы, относящиеся к соглашению между Российской республикой и Украинским государством, считаем необходимым поставить вас в известность, что ускорение украино-русских отношений возможно лишь после того, как по этому вопросу выскажется германское правительство [1])...

Но если дела конференции не подвигались вперед, то многочисленная советская делегация с большим успехом вела пропаганду и организацию тайных большевистских очагов.

В октябре министерство внутренних дел обнаружило две большевистских крупных организации в Киеве и Одессе, находившихся в деятельных сношениях с делегацией Раковского. После произведенных арестов и выемок как в организациях, так и у самих делегатов, обнаружилось, что работа большевиков велась совместно с украинским национальным комитетом и что посредниками между ними были... представители немецкой власти...

Результаты этого скандального разоблачения были совершенно неожиданные: удаление по требованию немцев с поста министра внутренних дел Кистяковского и освобождение арестованных большевиков.

Нужно было обладать поистине огромным самопожертвованием, неограниченным честолюбием или полной беспринципностью, чтобы при таких условиях стремиться к власти на Украине.

* * *

Ведение самостоятельной внешней политики было тем более невозможно для Украины, что, невзирая на наличность огромных военных запасов и людского материала, она не имела вовсе армии.

---

[1] Сношение министра иностранных дел Д. Дорошенко от 2 сентября 1918 года, № 2184.

Вооруженные силы гетмана состояли: 1) из дивизии ген. Натиева, сформированной из добровольцев, стоявшей в Харькове, находившейся в подчинении у немецкого командования, совершенно разложившейся и впоследствии разоруженной немцами; 2) Сердюцкой дивизии (гвардейской), составленной по набору исключительно из сыновей средних и крупных крестьян-собственников и вскоре разбежавшейся; 3) из охранных и пограничных сотен, несших службу первые—полицейскую в уездах, вторые—пограничную на западе; 4) наконец в августе из Владимир-Волынска прибыла сформированная там австрийцами из военнопленных украинцев «1-я Украинская пехотная дивизия», которая вслед за тем ввиду непригодности была расформирована.

Немцы всемерно противились организации украинской армии, считая ее опасной для себя, и допускали только существование ее кадров.

Подготовка этих кадров—штабов без войск—шла планомерно и основательно. Предположено было создать 8 корпусов двухдивизионного состава и 4 конных дивизии. С условного согласия немцев готовился к обнародованию указ о мобилизации, и набор предположен был на 15 ноября. Точно так же готовились кадры «украинского флота», в состав которого должны были войти впоследствии разоруженные и охраняемые немцами русские суда Черного моря.

Как известно, к этому времени наступили события, потрясшие Германию и поставившие Украину безоружной перед лицом большевистского нашествия. Поэтому вопрос об украинской армии интересен лишь с бытовой стороны.

Офицерский состав ее был почти исключительно русский. Генералитет и офицерство шли в армию тысячами [1], невзирая на официальное поношение России, на необходимость ломать русский язык на галицийскую мову [2], наконец на психологическую трудность присяги в «верности гетману и Украинской державе».

Побудительными причинами поступления на гетманскую службу были: беспринципность одних—«все равно кому служить, лишь бы содержание платили», и идейность других, считавших, что украинская армия станет готовым кадром армии русской.

Так как истинные мотивы тех и других не поддавались определению, то в добровольчестве создалось отрицательное отношение ко всем офицерам, состоявшим на украинской службе.

---

[1] Генеральный штаб, например, был представлен столь широко, что часть[2] обер-офицерских должностей занимали подполковники.

Один из офицеров украинской службы рассказывал о порядке делопроизводства: начальник пишет бумаги на русском языке и дает ее переводить писарю. Последний берет словарь Толпыго, подыскивает украинские слова и, не зная оборотов речи, склоняет и спрягает их по-русски... Интересно, что сношения с немцами приказано было вести только на русском или немецком языках.

* *
*

Каковы же были истинные стремления гетмана и его правительства в центральном вопросе—об отношении к России? Было ли официальное исповедание разрыва с русской культурой и государственностью только личиной или искренним их убеждением?

Прежде всего в состав украинского правительства входили люди различных толков. Для одних самостоятельность Украины была цель ю, для других—средством. Где—в средствах и целях—проходила грань побуждений личных, классовых, партийных, может быть, своеобразно понимаемых национально-государственных, для нас было и осталось неясным. Но вся совокупность фактов украинской действительности приводила нас к неизменному убеждению в беспринципности украинской политики.

Сохранение русской государственности являлось символом веры ген. Алексеева, моим и всей добровольческой армии. Символом ортодоксальным, не допускавшим ни сомнений, ни колебаний, ни компромиссов. Идея невозможности связать свою судьбу с насадителями большевизма и творцами Брест-литовского мира была бесспорна в наших глазах не только по моральным побуждениям, но и по мотивам государственной целесообразности. Идея эта не находила, однако, такого безусловного признания в глазах всей армии, как первая.

Эти положения легли в основу наших отношений к гетману. Ни ген. Алексеев, ни я не вступали с ним в сношения. Был только один случай, совершенно частный, когда я обратился к гетману, как к русскому генералу, с протестом против заключения немцами в киевскую тюрьму офицера штаба армии, подполковника Рясянского. Ответа не последовало. Только с осени 1918 года, когда обнаружилась близость катастрофы, висевшей над центральными державами и, следовательно, над Украиной, гетман делал попытки через третьих лиц вступить в сношение с командованием добровольческой армии...

Но вместе с тем командование не прибегало ни к каким конкретным мерам, враждебным гетманскому правительству. Наше участие в украинских делах ограничилось гласным осуждением гетманской политики, извлечением из Украины русских офицеров, попытками приобрести там оружие и патроны, разведкой австро-германских сил и расположения и подготовкой мер для противодействия предполагавшемуся германскому наступлению против восточного фронта и добровольческой армии. Такими мерами признавались, в случае возникновения надобности, партизанская война в тылу немцев, разрушение мостов и железнодорожные забастовки [1]. Киевский железнодорожный комитет и ряд видных путей-

[1] Июльская забастовка украинских дорог, состоявшаяся на экономической почве, показала наглядно, в каком тяжелом положении могут очутиться немцы, разбросанные на огромном протяжении.

ских инженеров обещали нам содействие в этом отношении. Много видных гетманских сановников и представителей генералитета присылали «с оказией» в добровольческую армию уверения в своей верности русской идее. А более экспансивные, не раз, быть может, авантюристы, неоднократно «испрашивали разрешение» устроить в Киеве «дворцовый переворот». Приезжал в штаб армии делегат даже от гетманского конвоя... Всем им ген. Романовский категорически запрещал какие-либо выступления против гетманской власти.

Штаб добровольческой армии не умел и не хотел вести политической интриги. Да и самый факт г е т м а н с т в а не казался угрожающим для национальной русской идеи. В годы, когда рушились вековые троны и сходили со сцены исторические династии, основание новых представлялось весьма проблематичным... в этом убеждении укрепляли нас и исторические прецеденты. «Малорусский народ,—говорит историк,—решительно не пристал к замыслу гетмана и нимало не сочувствовал ему. За Мазепою перешли к неприятелям только старшины, но и из них многие бежали от него, лишь узнали, что надежда на шведского короля плоха и что Карл, если бы даже и хотел, не мог доставить Малороссии независимости».

Для многих политических деятелей теперь, как и двести лет назад,—хотя обстановка стала неизмеримо сложнее,—решение украинской проблемы сводилось только к предвидению:

— Кто победит?

Карл—или Петр. Гинденбург—или Фош.

2. Изменение политики с падением Германии. Борьба партий. Вооруженная сила.

После опубликования германского мирного предложения (от 22 и 29 сентября), в правящих кругах Украины наступило полное смятение и растерянность. Неизбежность и близость падения центральных держав требовали спешных мер для закрепления шаткого положения украинской государственности и существующей власти и спешной политической перестраховки. Между тем эти же предвидения усилили напор на власть извне со стороны всех сил, ей враждебных.

Украинский национальный союз (УНС) предъявил тотчас гетману требование об образовании нового демократического правительства из состава членов союза, сводившееся к фактическому возрождению покойной директории. Этот шаг нашел энергичную поддержку в германской оккупационной власти и вместе с тем путем сношений Винниченко с Москвою был обеспечен некоторыми гарантиями со стороны совета комиссаров. УНС торопился захватить власть в свои руки, чтобы поставить державы согласия перед совершившимся фактом.

Германцы, готовясь к исходу, старались также создать себе обстановку, благоприятную в ближайшем будущем. Интересы са-

мой Украины, как и России, были для них глубоко чужды и безразличны; они поддерживали и насаждали там те силы, которые могли быть союзны им и противопоставлены державам согласия или, по крайней мере, могли бы создать последним большие затруднения. Поэтому ген. Гренер [1], продолжая широкое покровительство большевистским организациям на Украине, вместе с тем потребовал от гетмана создания «национального правительства», путем удаления из кабинета «руссофильских элементов» и включения членов УНС.

Эти домогательства встретили противодействие: в кабинете, среди некоторых членов его—по мотивам самосохранения, в российской общественности—в силу побуждений национальных, в союзе хлеборобов, «Протофисе»—из-за опасения прихода к власти социалистического правительства.

Под напором всех этих влияний, гетман колебался, и переговоры о реконструкции кабинета затягивались. Но в начале октября произошло событие, вызвавшее министерский кризис и ускорившее развязку вопроса.

На Украине шли безвозбранно, на глазах у всех, большевистская пропаганда и организация восстания. Извне ими руководила «девятка» [2] во главе с Пятаковым и Бубновым, которая обосновалась в Курске, формировала кадры «повстанческой армии», организовывала новые повстанческие отряды на территории Украины и помогала деньгами и оружием уже существующим. В самом Киеве такую же работу вела «мирная делегация» Раковского, советское консульство и военный эксперт делегации, бывший полк. Егоров, а в Одессе организующий центр создал Дыбенко. Большевистские центры подготовляли повсеместно «революционные комитеты», производили учет сил и вербовку красноармейцев, якобы для Восточного фронта—настолько открыто, что адреса регистрационных бюро зачастую не были секретом, и объявления об их функциях появлялись иногда в печати. Обеспокоенные этим явлением украинские власти пробовали бороться с ним, что удавалось отчасти в Одесском районе, занятом австрийцами, но в зоне германской оккупации встречало решительное противодействие военной германской власти.

Неоднократные представления по этому поводу генералу Гренеру успеха не имели. Украинский совет министров телеграммой от 11 октября обратился к германскому правительству «с настойчивым указанием и предостережением, что при таких условиях (правительство) слагает с себя ответственность за могущее произойти восстание большевиков и что в значительной степени (оно) должно будет обвинить в этом вредящую деятельность германских властей на Украине...»

---

[1] Начальник штаба оккупировавшей Украину германской группы.

[2] Из состава бывшего в начале года «рабоче-крестьянского правительства Украины».

Это обращение также никакого успеха не имело.

Министр внутренних дел Кистяковский счел себя вынужденным, наконец, произвести арест Егорова, Дыбенко и обыск в помещении делегации и консульства. Результатом был ряд новых арестов и изъятие важных документов, которые установили широкий организационный план большевистского восстания, тесный контакт делегации Раковского с председателем УНС Винниченко и полную осведомленность, если не прямое соучастие в этом... немецкого штаба. Произошло крупное столкновение: временный заместитель барона Мумма, советник Тиль, в крайне резкой форме потребовал немедленного освобождения арестованных, возвращения захваченной переписки и... удаления с поста министра Кистяковского.

Первым результатом этого эпизода был демонстративный выход в отставку 9 министров, заступившихся за Кистяковского и подавших гетману записку «о необходимости совместной борьбы объединенными силами всех частей бывшей России с большевиками», вторым—капитуляция гетмана и назначение по соглашению с Гренером и Винниченко нового министерства, в составе которого остались Лизогуб (председатель) и самостийники прежнего кабинета и вошло пять кандидатов УНС из числа социалистов-федералистов. В новом составе правительства было обеспечено вполне преобладание резко самостийного и немцефильского течения.

Лизогуб от имени нового правительства делал боевые заявления о том, что отныне он будет «стремиться к более резкому выявлению лица Украинской державы». Но фактически под гнетом грозной обстановки деятельность правительства носила следы растерянности и нерешительности. Положение его было действительно необыкновенно трудным.

* * *

Мирные переговоры с советской Россией прервались. Раковский уехал в Москву. Еще 10 октября генеральный консул Украины Кривцов прислал из Москвы тревожную телеграмму о возможности «радикального изменения политики Совнаркома по отношению к Украине», так как «с аннулированием Брестского договора все обязательства Совнаркома отпадают, следовательно, отпадает и обязательство заключения (с ней) мирного договора». Совет комиссаров слал грозные ультиматумы по поводу оскорбления своей делегации и грозил репрессиями. В «нейтральной зоне» сосредоточивались две советские дивизии; большевистские отряды появились в северных уездах Черниговской и Харьковской губерний... И хотя заместитель Раковского Мануильский уверял, что это «сепаратные акты педисциплинированных частей», и что советы не имеют никакого желания, «по крайней мере в настоящий момент», воевать с Украиной, но положение северного фронта, лишенного украинских войск и прикрытого только колеблющейся уже «стеной» германских штыков, становилось критическим.

В то же время внутри страны шла тайно и явно деятельная

работа украинских социалистов, объединенных в УНС, которые спешно (к 4 ноябрю) созывали «Национальный украинский конгресс» из состава отделов союза, чтобы путем симуляции воли народной принять окончательно падавшую из рук гетмана власть. Вероятно, в противовес гетман также торопил правительство с созывом «Державного сейма», чтобы закончить выборную кампанию до немецкого исхода... Сколько-нибудь правильные выборы в назначенные сроки были абсолютно невозможны, но к прибытию — казавшемуся несомненным — войск Согласия «голос народа» должен был сказать решительное слово. При этом все три группы (немцы, гетманское правительство и УНС) по разным побуждениям сходились в одном — в стремлении «утвердить самостоятельность Украинской державы».

Международное положение Украины было не менее шатким; перемена внешних декораций требовала поэтому исключительной осторожности.

2 октября украинский посол в Берлине бар. Штейнгель телеграфировал в Киев: положение безнадежно и «повелительно диктует нам необходимость войти в сношение с Согласием, которое одно в состоянии обеспечить державе ее интересы. Имею точные сведения, что Согласие не встретит препятствий для оккупации Украины, если об этом просить».

Сообразно с двойственным притяжением мировых центров и внешняя политика Украины пошла по расходящимся дорогам. Мин. ин. дел Дорошенко, не терявший еще надежды на Германию, отправился в Берлин с целью добиться содействия ее в вопросе «допущения представителей самостоятельной Украины на мирный конгресс». Туда же отправился товарищ председателя УНС Никовский... Гетман в грамоте своей от 17 октября «стоял на почве независимости Украинской державы и на ее строжайшем дружественном нейтралитете», выражал надежду, что и державы Согласия «признают наш государственный суверенитет». Лизогуб позволил себе даже некоторую угрозу по адресу Согласия [1]: «Украинское правительство заявляет, что оно будет всячески бороться со всеми проявлениями извне, которые были бы направлены к нарушению нейтралитета Украины». Но в то же время, с согласия германского командования, готовились уже посольства в Париж (Н. М. Могилянский), в Америку (Коростовец) и в Яссы (ген. Дашкевич-Горбатский) [2]. Насколько сильны были тогда еще (конец октября) в правительстве германофильские течения и иллюзорные надежды на силу германских штыков, можно видеть из письма Н. М. Могилянского к заместителю мин. ин. дел Палтову. Могилянский просил «отложить отъезд миссии minimum на две недели». «К этому времени, быть может, выяснится международная конъюнктура...»

---

[1] Беседа с представителями печати, оглашенная в газетах 16 октября.

[2] Первый — товарищ державного секретаря; второй — бывший русский посланник в Китае; третий — бывший начальник штаба гетмана.

Могилянский определял и «свой идейный багаж», как «глубокого сторонника немецкой общественности, солидарности и культуры». «Наибольшей угрозой будущему,—писал он,—я считаю большевизм» Вильсона и зарывающихся в упоении момента французов... Экономический союз с Англией и Францией считаю фантазией... Наше будущее как Украины, так и России, в добросовестных тесных отношениях с Германией,—это определено географией, историей и здравым смыслом» [1].

Быстро развивавшееся наступление союзников на Балканах заставило правительство спешно командировать в Яссы Коростовца, который, «не претендуя на признание Согласием Украины», вступил в деловые сношения с его представителем в лице французского посланника, графа Сент-Олера. В предъявленной последнему вербальной ноте [2] правительство Украины, высказывая опасение, что военные действия могут быть перенесены на ее территорию, просило избавить от этого нового несчастья пострадавшее и без того население; заверяло державы Согласия в своем строгом нейтралитете и готовности «принять с большим удовлетворением всякое предложение сотрудничества в целях сохранения порядка и безопасности в стране». Сент-Олер, не отказываясь от «частных сношений», ответил, что «отношение держав Согласия к Украине будет зависеть от той помощи, которую украинское правительство окажет им (союзникам) в восстановлении порядка в России»...

Мирное предложение Германии всколыхнуло, конечно, и общественную жизнь на Украине, и в особенности в Киеве. Оно вызвало громадный подъем в политических организациях и во многих произвело полный переворот «ориентаций» и тактики.

Прежде всего изменилось отношение к существу гетманской власти тех групп, которые были ее опорой. «Союз хлеборобов» на всех съездах—уездных, губернских, в главном совете—спешил отречься от украинской самостийности. 1 октября гетмана посетила делегация Союза [3], которая внушала гетману идеи о временном характере самостийности Украины, о необходимости равноправия русского языка с украинским, недопустимости социалистического правительства и, главное, об единстве России. Гетман бранил немцев, со всем соглашался, призывал к терпению. На 1 ноября н. ст. в Киеве был назначен всеукраинский съезд хлеборобов, но правительство—знамение времени—препятствовало

---

[1] (Письмо от 24 октября 1918 г.) Это письмо небезынтересно сопоставить со статьей Н. М. Могилянского в «Архиве русской революции» (т. XI, 1923 г.), в которой он описывает «нашествие иноплеменников», политику хищной эксплоатации Украины и разложения России немцами, свое предвидение «близкого и конечного разгрома немцев», наконец свое в то время «глубокое одиночество» среди политических деятелей Украины, сохранивших «иллюзорное сознание обеспеченного спокойствия за немецкими штыками». Статья Могилянского помещена выше в настоящем сборнике. Прим. сост.

[2] От 2 ноября н. ст. 1918 г.

[3] Граф Гейден, Ненарокомов, Дуссан и др.

созыву той организации, которая была воспреемницей рожденного немцами гетманства... Только после заверения руководителей съезда, что вопрос об единой России подыматься не будет, заседания его были разрешены. В отношении социальном съезд раскололся, по существу распался, на почве непримиримого отношения помещиков к вопросу об отчуждении земель, невзирая на то, что крестьянство ставило требования более чем умеренные: сохранение частной собственности и выкуп части помещичьей земли. В отношении политическом, хотя и косвенным путем, съезд проявил полное единодушие: он горячо приветствовал гетмана, посетившего заседание, и в тот же день еще более бурными овациями встретил речь Пуришкевича об... единой России.

Киевский «Протофис», с его «интернационализмом», германофильством и неизменной поддержкой гетманской политики, потеряв почву под ногами, переживал период растерянности. Он присоединился официально к позиции Союза хлеборобов, искал сближения с Национальным центром; дружил с гетманом и будировал в отношении социалистического правительства; поддерживал близкие отношения с немецким штабом, в надежде, что не все еще потеряно, и делал уже неудачные попытки военных формирований для защиты Киева и Украины.

Так или иначе гетман мог убедиться в лояльном отношении к нему лично Союза хлеборобов, «Протофиса», но ни на какую поддержку с их стороны ни самостийности, ни своему правительству рассчитывать более не мог. Одно еще сближало их—это стремление сохранить германскую оккупацию. В середине октября, после переговоров с германским командованием, веденных профессором Пиленко, от имени Союза и «Протофиса» послана была телеграмма Вильсону с просьбой оставить германские войска на Украине. Это обстоятельство вызвало большое возмущение в широких кругах российской общественности и еще более уронило в их глазах престиж обеих организаций. Точно так же выбита была временно из колеи деятельность «Монархического блока» и союза «Наша родина», связанных с организацией «Южной», «Астраханской» и «Северной» армий: с переменой германского правительства и новым курсом в украинском вопросе («национализация и демократизация»), немцы прекратили всякий денежный отпуск и поддержку этих организаций. Первые две армии, за полной невозможностью дальнейшего самостоятельного существования, перешли на иждивение Дона.

Монархический блок сохранял близкое общение с гетманом и находился в контакте с Красновым. Ввиду полной неудачи, постигшей правых в Киеве, Замысловский был отправлен в Ростов, где к началу ноября он собирал монархический съезд, стараясь привлечь на него «представителей добровольческой и Кубанской армий». Там должен был образоваться «единый фронт», имеющий лозунгом «великую, единую и неделимую Россию, на основе законопреемственной монархии». Что касается ориентации, «то этот

вопрос,—по словам Замысловского [1],—при революции, вспыхнувшей в Германии, должно признать утратившим свою остроту, ибо ориентироваться на государство, находящееся в состоянии революции, явно невозможно».

* * *

Киев в это время, осенью 1918 г., продолжал вбирать в себя всю соль российской буржуазии и интеллигенции. Сюда постепенно перекочевывали из Москвы и отдельные деятели, и целые организации. Здесь происходили сложение и диференциация сил, падение одних и нарождение других группировок, которые затем, перенеся свою деятельность на юг России, играли известную роль в его судьбах.

«Совещание членов законодательных палат», не разрывая окончательно с германскими кругами, с которыми вел переговоры в Берлине посол Совещания барон Розен на тему о «естественном союзе монархической Германии и монархической России против гегемонии Англии», решило командировать своего представителя и к союзникам с «выражением восторга по поводу близкого окончания войны... беспримерными подвигами героических народов» и за помощью, которая должна была выразиться: «1) в быстрой реальной поддержке добровольческой армии, 2) в занятии обеих столиц хорошо дисциплинированными и дружественно к России настроенными войсками, 3) в сохранении в оккупированных Германией областях ее гарнизонов до замены таковых союзническими или имеющими быть образованными русскими». Из письма видного участника совещания барона В. Меллер-Закомельского я узнал неожиданно, что «Совещание никогда не видело путей спасения России вне тесной связи с союзниками» [2].

Совещание значительно увеличилось численно поступлением новых членов, беженцев из советской России, и сильно клонилось вправо. Среди крайних элементов нарастало неудовольствие по поводу присутствия к составе «бюро» совещания Милюкова, и шла сильная агитация за его устранение, не увенчавшаяся, однако, успехом: 3 октября в собрании членов законодательных палат состоялось переизбрание «бюро», состав которого остался прежним, но был пополнен тремя членами из числа лидеров правых [3].

По мысли Милюкова, война была окончена, вопрос ориентации отпал и не было поэтому более препятствий к объединению широкого фронта русской общественности. На том же заседании 3 октября было одобрено составленное Милюковым обращение к русскому обществу, в котором указывалось на необходимость «скорейшего создания авторитетного общероссийского представи-

---

[1] Из письма Замысловского к генералу Лукомскому от 5 ноября.

[2] Письмо барона В. Меллер-Закомельского от 31 октября 1918 г. и приложенный к нему «проект» телеграммы на имя Российского посла в Париже Маклакова.

[3] Вл. Гурко, Безак, Крыжановский.

тельства, которое могло бы встать на место советской власти». Главнейшими основами сведения воедино разрозненных усилий возрождения России ставилось: 1) «признание за Россией того территориального состава и той независимости в международных отношениях, которые Россия имела до временной потери своей государственности»; 2) взаимное общение военных организаций и местных правительств; «отказ от преследования отдельными частями каких-либо частных или местных интересов» и вместе с тем «отказ вновь образуемого целого от вмешательства в местные интересы и в деятельность местной власти, неоправдываемого интересами объединения...» Нормальным государственным строем для будущего обращение считало конституционно-монархический.

Этими теоретическими предпосылками, далекими от вожделений не только южных и западных лимитрофов, но и казачьих областей, собрание заранее ограничивало возможность широкого в территориальном смысле объединения.

Совет законодательных палат приступил к созданию «широкого общественного фронта», который на деле оказался весьма узким, включив по преимуществу правое крыло русской общественности, сановную бюрократию, крупных аграриев и крупную буржуазию — элементы глубоко консервативные по своему прошлому, традициям и идеологии [1]. Для придания реального значения и силы новому органу объединения, Совет решил сделать попытку подчинить своему политическому руководству добровольческую армию. С этой целью в Екатеринодар в середине октября были командированы гг. Вл. Гурко и Шебеко. В записке, врученной ими от лица Совета, мысль о значении объединенного органа (власти?) была выражена следующим образом:

«Этот политический орган, состоящий в тесном общении с добровольческой армией и притом могущий всесторонне, а потому правильно осветить предположения и настроения руководящих кругов населения страны и обладающий тем самым должным авторитетом, явился бы не только мощным сотрудником добровольческой армии в деле воссоздания единой государственной власти в России, но представлял бы и для других культурных государств тот голос страны, с которым бы они считались и глашатаев которого немедленно бы допустили на мирный конгресс».

Я был в то время на фронте, руководя ставропольской операцией, и послы Совета имели беседу с ген. Лукомским, который в своем докладе настоятельно советовал мне «опереться» на создаваемое объединение, высказывая опасение, что иначе «мы можем остаться в одиночестве». Не разделяя этих опасений, я ответил ему:

Добровольческая армия отнюдь не может стать орудием политической партии, особливо с шаткой ориентацией. Строить «Южное объеди-

[1] В составе государственного объединения были представители: 1) бюро совещаний законодательных палат; 2) церковного собора; 3) группы сенаторов; 4) группы земских и городских деятелей дореволюционного состава; 5) группы торгово-промышленников; 6) финансово-банковская группа и 7) совет земельных собственников.

нение» и бросить его на полпути, чтобы начать новую комбинацию, нельзя. То, что предлагают они, было предложено Родзянко еще в Мечетке, строилось ими в Киеве, но неудачно. Противополагать сейчас эту комбинацию всем другим нецелесообразно. Вооруженная сила никогда не «останется в одиночестве». Ее всегда пожелают!.. Во всяком случае до решения вопроса об «Южном объединении» нельзя разрешать вопрос о новой комбинации, которая может только затруднить соглашения.

Если же эта комбинация возникнет сама собой без нашего участия; если она действительно будет иметь нравственный авторитет в стране и поддержит идеи и цели, преследуемые добровольческой армией, то тем лучше для всех нас и паче всего для России».

В то же время государственные и общественные деятели, собравшиеся к тому времени в Екатеринодаре [1] откликнулись на предложение образования «Государственного объединения» особой запиской, в которой обусловили целесообразность его тремя положениями: 1) избрать местом пребывания организации пункт, находящийся вне воздействия германских сил; 2) признать добровольческую армию «Всероссийским государственным центром»; 3) повести борьбу с самостийностью Украины. В вопросе о «расширении фронта» организации мнения разделились: меньшинство [2] высказало пожелание привлечь в него недемократические круги и те социалистические, которые группируются вокруг «Союза возрождения России» и «Земско-городского объединения», тогда как остальные участники совещания считали привлечение этих групп «неосуществимым и нецелесообразным, ввиду того глубокого различия во взглядах между ними и теми слоями населения, из представителей коих образуется предположенный совет»; возможно, говорили они, привлечение лишь тех демократических кругов, которые «отстаивают современный социальный строй всех культурных стран и отвергают принцип борьбы классов... Соглашение с организациями социалистических партий, быть может, и возможно и даже желательно, но исключительно лишь в деле общей борьбы с большевизмом» [3]

К концу октября образовался окончательно в Киеве «Совет государственного объединения», во главе которого стал барон В. Меллер-Закомельский; товарищами его были намечены А. В. Кривошеин, П. Н. Милюков и С. Н. Третьяков. Сообщая мне 31 октября о создании и задачах новой организации, председатель ее писал:

«Приступая ныне к своей работе, Совет государственного объединения России поручил мне сообщить вашему превосходительству, что он представляет все силы, знания и опыт объединившихся в нем лиц в распоряжение добровольческой армии и будет всемерно счастлив, если он хоть в небольшой доле сможет облегчить армии

---

[1] Н. И. Астров, М. М. Винавер, Н. Н. Львов, А. Н. Нератов, В. А. Степанов, С. Д. Сазонов и В. В. Шульгин.

[2] Первые два участника.

[3] Позиция «Национального центра».

ее великий ратный подвиг и ее славное служение нашему общему делу воссоздания великой, единой и неделимой России...»

Я ответил благодарностью и пожеланием успеха и сообщил, что «не премину использовать живые силы и государственный опыт» членов Совета, и вместе с тем высказал пожелание, чтобы «круг политических и общественных групп, обществ и учреждений, примкнувших к Совету, был расширен, дабы добровольческая армия могла опираться на возможно широкий, беспартийный блок всех государственно-мыслящих слоев русской общественности» [1].

В отношении гетмана Совет государственного объединения сохранил полную лояльность, находился с ним в частом общении и старался также влиять на направление его политики, но безуспешно.

* * *

Наряду с «Совещанием членов законодательных палат» и «государственного объединения», являвшимися прямыми наследниками покойного «правого центра», проявлял оживленную деятельность «Киевский национальный центр», по идеологии и задачам представлявший как бы областной отдел центра Московского или «Всероссийского». К концу октября в Киев из Москвы прибыла группа московской организации—М. М. Федоров, проф. Новгородцев, Волков, Салазкин и др., и таким образом установилось непосредственное общение между обоими центрами.

«Национальный центр определил свое лицо, как «общественно-политической организации, в состав которой входят представители всех несоциалистических политических партий, кроме крайних правых, всех общественных групп и пр., при условии признания ими необходимости восстановления единой и неделимой России, борьбы с большевизмом, антинемецкой ориентации и верности союзникам» [2]. Сохраняя московские традиции, киевский Национальный центр находился в «полном контакте» с Союзом возрождения, перенесшим также центр своей деятельности в Киев, и признавал «неприемлемым общение с Совещанием законодательных палат, так как эта организация скомпрометировала себя соглашениями с немцами». Таким образом официально грань между двумя основными буржуазными группировками проходила как будто исключительно по «водоразделу» между Шпре и Сеной, тогда как фактически уже и в то время ясно определилось их крупное политическое расхождение, запутываемое еще больше такими видимыми несообразностями, как вхождение в «Совещание» Милюкова и содружество с «Центром» Шульгина. Только в екатеринодарский период, после некоторой дифференциации, эти два общественных течения

---

[1] Письмо от 26 ноября, № 834.

[2] Из киевских организаций к Национальному центру примкнули: группа В. Шульгина (сам Шульгин находился с осени 1918 г. в Екатеринодаре), Внепартийный блок русских избирателей, Клуб русских националистов, Общество «Русь», оппозиционное крыло кадет с Ефимовским и Левитским и др.

проявят окончательно настоящее свое содержание, одно—консервативное, другое—либеральное.

Киевский национальный центр ставил ближайшими своими задачами: 1) борьбу с украинской самостийностью, 2) поддержку добровольческой армии как организующего противобольшевистского российского центра и 3) осведомление союзников «об истинном положении дел на Украине». В своем обращении «к державам Согласия и руководителям добровольческой армии» [1] центр развивал эти идеи: Украинского государства никогда не было: «Украинцы»—не нация, а политическая партия, взращенная Австро-Германией; огромное большинство населения Малороссии считает себя русским народом... и свято неизменно хранит верность союзникам растерзанной России; и Центральная рада, и гетманское правительство совершенно оторваны от страны...» В заключение центр умолял союзников и добровольческую армию «спасти Малороссию от ига и тирании германской оккупации», заняв ее «одновременно с уходом немецких и австрийских войск добровольческой армией и союзническими войсками... для спасения края от украинско-большевистской анархии и резни...»

Исходя из тех же взглядов, Национальный центр вел борьбу против созыва гетманом «Державного сейма», считая это «покушением на верховные права русского народа», так как только «единая Россия в целом может решить судьбу и определить объем прав и обязанностей всех частей ее». Одновременно образована была смешанная комиссия из состава Московского («Всероссийского») и Киевского центров, с участием представителей от Совета государственного объединения, под председательством проф. Новгородцева, для составления проекта областной автономии.

К гетману и украинскому правительству Киевский национальный центр относился с величайшей враждебностью. Когда в начале октября в Киеве распространились ложные слухи, что я веду переговоры о соглашении с Украиной, этот вопрос был поставлен на совещании центра, которое единогласно постановило: «С изменником Скоропадским и с возглавляемой им Украиной никакие переговоры и соглашения недопустимы; слухи и известия о каких-то переговорах добровольческой армии со Скоропадией повергают деятелей Национального центра в уныние и скорбь, ибо, если добровольческая армия признает Скоропадского и Украину, то это поведет к общему и окончательному признанию их и утверждению. Национальный центр в Киеве решил сосредоточить свои усилия исключительно на борьбе с украинской самостийностью» [2].

Такое же отношение было, конечно, к Украинскому национальному союзу. Назревающая опасность переворота, подготовляемого

---

[1] Резолюция «центра» от 17 (30) октября 1918 г.

[2] Вообще связь Киева с Екатеринодаром была затруднительна, чем объясняются частые недоразумения и несогласованность действий и в военных, и в общественных организациях.

этим союзом во главе с Винниченко и Петлюрой, была очевидна. Национальный центр в ряде своих заседаний, обсуждая меры противодействия, признал откровенно свое бессилие и видел выход только в прибытии на Украину войск добровольческой армии. В этом смысле я получал оттуда постоянные представления. Также освещали вопрос и сотрудники «Азбуки», и сам Шульгин, который главную причину беспомощности центра видел в отсутствии в Киеве лица, «способного властно и авторитетно руководить военными организациями...» «Может быть,—говорил он,—вооруженная сила и нашлась бы, если бы нашелся энергичный генерал, снабженный от добровольческой армии полной властью действовать по своему усмотрению, в зависимости от обстоятельств, и приказывать именем добровольческой армии, обаяние которой сейчас очень велико...» Шульгин считал негласного представителя нашего в Киеве ген. Ломновского [1] не подходящим для этой роли и настаивал на назначении нового лица, которое через Национальный центр «в кратчайший срок подчинит себе все, тяготеющее к добровольческой армии» («особый корпус», «дружины» и т. п.). То же рекомендовалось в отношении Крыма [2].

Подобных обращений ко мне, и помимо этих организаций, было не мало—со стороны общественных деятелей и просто обывателей, в глазах которых Украина Винниченко отличалась мало от Украины советской. Меня настойчиво втягивали в украинский водоворот, тогда как я считал, что задача эта для добровольческой армии совершенно непосильна. В том необыкновенно сложном военно-политическом положении, в котором находилась Украина, одного престижа добровольческой армии было на мой взгляд совершенно недостаточно. Необходима была крупная вооруженная сила, которая могла бы поддержать или свергнуть гетманскую власть, разделаться с движением, поднятым УНС, и главное, прикрыть северные рубежи Украины от готовящегося вторжения «повстанческой» красной армии Антонова-Овсеенко. Это мог бы сделать народный подъем, но его не было. Это могли выполнить легко союзники, но они не приходили. Что касается добровольческой армии, то к концу октября все решительно ее силы—30—40 тыс.—были собраны на полях Ставрополя, где в жестоких боях решались судьбы кампании и самой армии... [3].

Посылать на Украину было некого.

---

[1] Ген. Ломновский был в начале войны ген.-квартирмейстером в 8 армии ген. Брусилова, потом доблестно командовал 15 дивизией 8 корпуса и 10 армией.

[2] Письмо от 28 октября генералу Драгомирову.

[3] Как известно, только 7 ноября 1918 г. наступил полный перелом в нашу пользу, и только в начале февраля окончилась Северо-кавказская операция.

* * *

Наконец в Киеве проявляла оживленную деятельность третья крупная организация «Союз возрождения России», стоявший как-то в стороне от других. Союз находился в «контакте» с Национальным центром и в плохом мире с партиями эсеров и эсдеков меньшевиков, не прощавшими ему сотрудничества с буржуазными организациями; поддерживал добровольческую армию «постольку—поскольку» и резко враждебно относился к украинской самостийности, к гетману и к УНС. Но методы действий Союза в отношении последних институций были намечены более решительные. Осведомители Национального центра и «Азбуки», невзирая на «контакт» с Союзом возрождения, не знали ничего о конспиративной деятельности его и только однажды в очередном докладе промелькнули сведения, что «в случае ухода немцев и попытки украинцев усилиться (?), СВ намерен вклиниться и захватить власть по соглашению с Национальным центром». Это намерение звучало чрезвычайно странно как в силу «бескровно-мирного» настроения руководителей СВР, так и ввиду отсутствия тех активных сил, на которые мог бы опереться Союз. Только впоследствии мы узнали от одного из руководителей [1], что «группа радикального офицерства в Киеве, опираясь на политическую поддержку левых организаций, решила устроить переворот. Целью его было свержение Скоропадского и передача власти кругам, группирующимся около Союза возрождения, которые должны были координировать свою деятельность с Уфимской директорией...»

Тогдашний Киев и Уфимская директория! Нужно было обладать большой долей фантазии, чтобы строить такие комбинации. Но СВР относился серьезно к своей затее—настолько, что был даже намечен состав нового правительства во главе с Одинцом.

Станкевич, Одинец и другие лица вели какую-то тайную организацию офицерских дружин, вернее, материально поддерживали возникавшие самостоятельно, на что тратились суммы из французской субсидии. «Во мраке подполья и заговора,—говорит Станкевич,—политические контуры настолько терялись, что иногда после долгого разговора с каким-либо делегатом я вдруг убеждался, что передо мной стоит не мой единомышленник, а левый эсер или даже большевик...» Эти связующие нити Станкевич мог бы легко обнаружить и в другом направлении, ведущие к дружине ген. Кирпичова [2], полк. Винберга и даже к союзу «Наша родина». Ибо «радикального офицерства» в природе не оказалось: были лишь отдельные офицеры—радикалы, социалисты, даже большевики, были также люди, которым безразлично, от кого получать деньги. В конце концов, вся военная мощь Союза покоилась в большинстве случаев на тех самых офицерских дружинах, которые гетманское

---

[1] В. Б. Станкевич, «Воспоминания».
[2] См. ниже.

правительство предназначало для защиты Украины от большевиков: Национальный центр—для противодействия самостийной Украине Винниченко—Петлюры и Союз возрождения—для свержения гетманской власти.

Когда настало время действовать, у Союза возрождения не оказалось никаких сил.

* *
*

19 сентября, обсудив внешнее и внутреннее положение страны, украинский совет министров признал, что «внезапно возникшие международные события угрожают независимости, самостоятельности и самому существованию Украинской державы». И потому постановил «немедленно приступить к формированию украинской национальной гвардии».

Формирование вооруженной силы, на что получено было гетманом разрешение германского правительства еще в бытность его в Берлине, представляло, однако, неопреодолимые трудности. Всеобщий набор, на котором настаивал военный министр Рагоза, не обещал никакого успеха и, по мнению гетманских кругов, мог дать ярко большевистский состав. Формирование классовой армии—«вольного казачества» из добровольцев-хлеборобов имело уже плачевный опыт в виде почти разбежавшейся сердюцкой дивизии. Составленный в генеральном штабе проект формирования национальной гвардии при сечевой дивизии, с ее инструкторами, готовил явно вооруженную силу не для гетмана, а для Украинского национального центра и Петлюры... Вообще все формирования на национальном принципе встречали резкий, бурный протест в российском офицерстве, которое отнюдь не желало драться ни за гетмана, ни за самостийную Украину.

Ввиду таких настроений, в начале октября гетман отдал приказ о формировании «особого корпуса», подчиненного непосредственно ему, минуя правительство. Корпус этот предназначался «для борьбы с анархией в пограничной полосе»; во внутренней своей жизни он должен был руководствоваться «положением бывшей российской армии, действовавшим с 1 марта 1917 г.»; чинам корпуса присвоена была «форма бывшей российской армии». Одновременно объявлена была регистрация всех офицеров и предупреждение о предстоящей мобилизации офицеров и сверхсрочных унтер-офицеров (до 35-летнего возраста) по их желанию в украинские войска или в «русский корпус».

Первая комбинация—в глазах офицерства—приводила к утверждению украинской самостийности внутри страны; вторая—к немедленному выходу на фронт для защиты ее же от внешних посягательств. И офицерство не пошло никуда. Идейное—по убеждению, беспринципное—по шкурничеству. В той и в другой среде начался сильный отлив из Украины—одних в районы русских добровольческих армий, других—в те края, где еще не было принудительной

мобилизации, где можно было жить покойно, служить в ресторанах, зарабатывать «на лото» и спекулировать.

Ввиду полного провала правительственной организации и неудавшейся мобилизации, пришлось прибегнуть к частной. По инициативе «Протофиса», «хлеборобов» и Киевской городской думы, при деятельном участии проф. Пиленко, гр. Гейдена и Дьякова министр внутренних дел принял отвергнутое им ранее предложение—вступить в соглашение с существующими в Киеве офицерскими обществами самопомощи и дать им средства и полномочия для формирования «дружин»; эти части предназначались прежде всего для охраны спокойствия и порядка в столице. Так возникли дружины полк. Святополк-Мирского, ген. Кирпичова, Рубанова, Голембиовского и др.—частью чисто офицерские, частью смешанного типа, с добровольцами—преимущественно из учащейся молодежи, которая вообще откликнулась на призыв по-разному: одни пошли в офицерские дружины, другие искали «более демократических формирований», третьи,—и их было немало,—заявили, что предпочитают советскую власть украинскому самостийничеству, и выжидали развития событий.

Численность офицерских дружин была незначительна, вряд ли превосходила 3—4 тыс.; организация далеко несовершенна: разбухшие штабы, неизбежные контр-разведки и «отряды особого назначения» доминировали над «штыками». Расплодились также многочисленные «вербовочные бюро» с громадными штатами, обширными реквизированными помещениями и автомобилями. Каждое из них формировало не менее, чем «армию», и имело в наличности 100—150 бойцов.

Кроме этих организаций, в Киеве существовало еще офицерское общество «Свив» [1] стоявшее всецело на платформе добровольческой армии и взявшее на себя на условиях вольного найма охрану арсенала, артиллерийских и интендантских складов и полигонов.

Министерства военное и внутренних дел конкурировали друг с другом, организуя вооруженные силы, и оба не были твердо уверены, в какую сторону повернуты будут их штыки.

3. Последние дни гетманства.

1 ноября я был поражен представленной мне лентой телеграфного разговора: ген. Ломновский из Киева передавал начальнику моего штаба, ген. Романовскому:

«В местных газетах объявлен ваш приказ о подчинении всех войск на территории России генералу Деникину и мобилизация всех офицеров [2].

[1] «Союз взаимопомощи интеллигентных воинов».

[2] В «России» была перепечатана выдержка из этого приказа из «Голоса Киева» (31 октября) в такой редакции: «Сего числа я вступил в командование всеми военными силами... Все офицеры, находящиеся на территории бывшей (?) России, объявляются мобилизованными». В том месте, где многоточие, по докладу «Азбуки», цензура выпустила фразу: «на Украине и в Крыму».

Сейчас я был приглашен к гетману, который просил передать: сегодня командиру дружин и местных полков являлись ему и доложили о своем переходе в подчинение вам. Ввиду сложного и тревожного положения в Киеве осуществление этого может вызвать неурядицы. Необходимо выждать несколько дней до прихода сюда войск Согласия. Теперь здесь идут формирования дружин, и отлив офицеров может повредить делу. Мы находимся в области слухов, мало ориентированы».

Ген. Романовский: «Приказа такого главнокомандующий не издавал. Был приказ о мобилизации офицеров только на территории, занятой добровольческой армией. Само собой разумеется, что войска на этой территории подчиняются главнокомандующему. Таким образом, приказ, появившийся в киевских газетах—результат какого-то недоразумения».

Я до сих пор не знаю автора этого приказа.

Через два дня получена была телеграмма укр. мин. ин. дел Афанасьева по тому же поводу, в которой он просил «разъяснить подлинный смысл («моего») приказа с сохранением авторитета власти гетмана... во избежание разрушения дисциплины в украинской армии».

Положение мое было весьма затруднительным. Нарождающаяся киевская вооруженная сила решительно отказывалась итти под знаменем гетмана самостийной Украины. Для поддержания патриотического подъема офицерства и сохранения края от вторжения большевиков до ожидаемого прихода союзников я решил дать киевским формированиям флаг добровольческой армии. Поэтому я ответил Афанасьеву: «Приказа в редакции, появившейся в киевских газетах, я не отдавал. Генералу Ломновскому, представителю добровольческой армии в Киеве, приказано объединить управление всеми русскими добровольческими отрядами Украины, причем ему вменяется в обязанность всемерно согласовать свои действия с интересами края, направляя все силы к борьбе с большевиками и не вмешиваясь во внутренние дела края...» [1].

«Приказ главнокомандующего,—сообщала «Азбука»,—произвел потрясающее впечатление. Все моментально, как по щучьему велению, словно картина в кинематографе, перевернулось. Тысячи людей сразу осмелели. С других тысяч людей сразу отлетала украинская одурь, и они вновь почувствовали себя русскими людьми... За всем этим за приказом вырисовывалась вся мощь поддержки союзников и весь колоссальный престиж их... Все помыслы огромного большинства Малороссии устремились навстречу союзникам и добровольческой армии».

Если в нарисованной картине краски и сгущены, то нельзя отрицать, что весь этот эпизод дал некоторую опору и уверенность русским национальным элементам в Киеве, и вместе с тем послужил одною из причин дальнейших серьезных политических событий.

---

[1] Телеграмма 4 ноября 1918 г., № 416

* * *

29 октября Германия приняла тяжкие условия перемирия, продиктованные победителями, признав свое полное поражение.

26 октября французский посланник в Яссах гр. Сент-Олер высказал Коростовцу пожелание, чтобы гетман «чем-нибудь проявил перемену германофильской политики и согласие (свое) поддержать работу союзников по восстановлению порядка в России».

1 ноября киевские военные начальники заявили гетману, что войска их выходят из его подчинения, являясь поборниками общерусских интересов.

Эти события произвели окончательный переворот в гетманской политике, результатом которого была «грамота ко всем украинским гражданам и казакам», опубликованная 2 ноября. В ней говорилось:

«...После пережитых Россией великих потрясений условия ее будущего бытия должны, несомненно, измениться. На иных началах, на началах федеративных, должно быть воссоздано прежнее величие и сила всероссийской державы, и в этой федерации Украине надлежит занять одно из первых мест.

На этих началах, которые—я верю—разделяют и союзники России—державы Согласия, которым и не могут не сочувствовать все без исключения остальные народы не только Европы, но и всего мира, должна быть построена будущая политика нашей Украины. Ей первой надлежит выступить в деле создания всероссийской федерации, конечной целью которой явится как восстановление великой России, так и обеспечение экономического и культурного преуспевания всего украинского народа на прочных основах национально-государственной самобытности.

...Вновь сформированному мною кабинету [1] я поручаю ближайшее выполнение этой великой, исторической задачи».

Об этих событиях гетман беседовал на другой день после опубликования «грамоты» с В. Маркозовым, явившимся за боевыми припасами для добровольческой армии.

«В грамоте я ясно высказал то, что давно хотел (высказать), но не мог раньше,—говорил гетман.—Вы знаете, что о н и—«щирые»—хотели меня на днях арестовать, но я им сказал, что этого не стоит делать, так как беспорядки от этого еще больше усилятся; они и оставили эту мысль. Вообще теперь очень тяжело. Я, собственно, не хотел еще перемены кабинета—хотел дождаться ответа от великого князя Николая Николаевича, но ответ задержался. А обстоятельства требовали на что-нибудь сейчас решиться. Я ему писал [2], что прошу и предлагаю принять верховное командование всеми войсками бывшей России и управление. И в его лице объединить всех нас—генералов, а то мы только ссоримся. Когда он сделается не только верховным главнокомандующим, но и правителем, тогда я с радостью немедленно передал бы ему всю власть. К получению ответа хотелось приурочить и новый кабинет» [3].

---

[1] Министерство Гербеля из лиц российской ориентации или воспринявших таковую (Кистяковский).

[2] Или послал сказать — Маркозов точно не помнил.

[3] Из письма В. Маркозова ген. Драгомирову от 18 ноября н. ст.

В том же разговоре гетман с горечью коснулся вопроса по поводу нежелания моего «с ним сообщаться...» Я решительно не мог, не могу и теперь стать на ту упрощенную точку зрения, которая разительную противоположность идеологии, стимулов и лозунгов движения претворяет в «ссоры генералов». Гетман не желал понять, что между идеологией «единой, великой и неделимой России» и той, которую до последних дней исповедывал гласно он—гетман: «во всех взаимоотношениях как с нашими ближайшими соседями, так и со всеми другими мировыми государствами, мы стоим и будем стоять непоколебимо на почве самостоятельной и независимой Украинской державы...» [1], что между этими идеологиями лежит непроходимая пропасть, через которую не перекинуть мостика *слухами*, будто это—лишь политическая игра, обман, средство, чтобы сквозь узкую щель украинского шовинизма пролезть легче в широкие ворота свободной российской государственности.

До конца сентября гетман не делал никаких шагов для сближения. Только с изменением положения центральных держав 9 и 11 октября н. ст. гетман при посредстве своего адъютанта гр. Олсуфьева устроил встречу с представителем Киевского добровольческого центра, полк. Неймирком, причем уверял последнего в своей русской ориентации, в необходимости личины самостийности, как «единственной оппозиции большевизму» и в расположении своем к добровольческой армии. Неймирок не получил никаких указаний от моего штаба и вел беседу от себя лично. В начале октября в Екатеринодар приехал Шидловский [2] и от имени гетмана предложил помощь оружием и снаряжением на условиях отказа моего от союзнической ориентации и признания «нейтралитета» в отношении Германии... Наконец 21 октября, после свидания своего с гетманом на ст. Скороходово, атаман Краснов писал ген. Лукомскому, что гетман «предполагает на этих днях обратиться к добровольческой армии, Дону и Кубани, если возможно—к Тереку, Грузии и Крыму... выслать депутатов на общий съезд. Цель... выработка общего плана борьбы с большевиками и большевизмом в России».

Все эти попытки гетмана *самостоятельной и враждебной в отношении России* Украины я считал бесцельными. Но когда мин. ин. дел нового украинского правительства Афанасьев в телеграмме ко мне (3 ноября) заявил, что «украинские силы в согласии с Доном и параллельно с добровольческой армией направляются на борьбу с большевиками и *на восстановление единства России*», я ответил тотчас же: «Раз Украина стала на путь русской государственности, представляется необходимым войти в соглашение по вопросам единого фронта, единого командования—

[1] Из речи, сказанной министрам 23 октября, т. е. за неделю до «грамоты» о федерации с Россией.

[2] Бывший член Государственного совета, харьковский губернальный староста.

для борьбы с большевиками и единого российского представительства на международном конгрессе» [1].

В середине ноября от донского правительства получена была вторая телеграмма Афанасьева, повторяющая предложение гетмана о съезде в Киеве, причем целью съезда ставилось: «установление общего плана борьбы с большевизмом... разрешение вопросов, касающихся... отношений к нейтральным странам, к державам Согласия, к Германии и бывшим ее союзником и установление прочной государственной власти в России». Ген. Драгомиров послал ответ о нашем согласии участвовать в съезде, но с указанием: 1) что ввиду военной обстановки (к Киеву подступал Петлюра), как место съезда, предпочтительнее Екатеринодар или Симферополь; 2) что Добровольческая армия не имеет никаких оснований пересматривать свои отношения к союзникам и 3) что участие грузинского правительства, враждебного к России и к добровольческой армии, недопустимо.

Эта телеграмма в Киеве не была еще, очевидно, получена когда Афанасьев разослал третью с указанием срока съезда на 5 декабря.

На этом наши сношения пресеклись, так как одновременно радио принесло известие, что гетман отрекся от власти, и белый Киев агонизирует.

* * *

Последние акты гетмана, знаменуя полный разрыв с УНС [2], имели весьма важные последствия.

2 ноября в Киеве по городу было расклеено воззвание, призывавшее «громадян до зброї и до порядку» и объявлявшее о свержении гетмана, который «останнім зрадницким актом скасував самостійность Украинскої Держави». От имени «организованної украинськоі демократії, вид всього активного народного громадянства, яке обрало нас»—было оповещено о переходе власти в руки «Директорії самостійної украинськоі народної республікі» с «головою» Винниченко и членами Петлюрой, Швецом и Андреевским. В воззвании предлагалось гетману и его министрам уйти «негайно, без пролитія крови», а офицерским организациям сдать оружие и выехать «куды хто охоча». В воззвании выражена была также уверенность, что «солдати германського визволенного народу поставляться до боротьбы пригніченного украинського народу».

Директория переехала тайно из Киева в Белую Церковь, где находились галицийские сечевые части, собранные там для борьбы с Польшей. Петлюра, посаженный в свое время в тюрьму Кистяковским и выпущенный незадолго перед тем «национальным» правительством, принял звание «головного отамана»; на левобережной Украине «главнокомандующим» войсками Директории стал Болбо-

---

[1] Телеграмма 4 ноября 1918 г., № 446.

[2] Впрочем, по сведениям Киевского национального центра, гетман не бросал попыток примирения с УНС до самого своего падения.

чан. В ночь на 5 ноября полк Болбочана арестовал в Харькове штаб украинского корпуса, обезоружил офицерские дружины и при полном попустительстве немецких войск объявил там власть Директории.

Силы восставших были невелики: два полка сечевых стрельцов, остатки дивизии серожупанников (б. наших пленных) и гайдамацких кошей, некоторые изменившие части гетманских войск (б. дивизий Натиева), формируемые наскоро крестьянские банды—всего вначале не более четырех-пяти тысяч. Не ожидая накопления и сосредоточения своих сил, с имеющимися под рукой отрядами, Болбочан из Харькова двинулся на Полтаву, которую и занял 14-го, а Петлюра из Белой Церкви через Фастов—к стольному Киеву.

Навстречу ему двинуты были из Киева несколько рот дружины Святополк-Мирского и сердюцкой дивизии, которые между станц. Мотовиловкой и Васильков были разбиты и отошли к Жулянам, в 10 верстах от Киева. Здесь, получив подкрепление из состава других дружин, они заняли оборонительную позицию. Петлюровские войска, продвинувшись к Боярке, также приостановились, очевидно ввиду недоразумений с германскими войсками: захват Фастовского узла прекратил совершенно эвакуацию немецких эшелонов, и в тылу у петлюровцев на этой почве начались вооруженные столкновения с немцами.

Противники стояли друг против друга—оба с ничтожными силами, и оба неуверенные в своем успехе.

Германское правительство явно покровительствовало Директории, хотя и объявило официально о своем нейтралитете. «Мы сохраняем нейтральное положение,—говорил приказ немецкого главнокомандующего от 3 ноября,—по отношению к внутренним политическим события на Украине; однако спокойствие и порядок в стране неизбежно должны быть нами поддерживаемы силою оружия, дабы не было препятствия к вызову наших войск. Надлежит особенно твердо сохранять за собой обладание путями сообщения». В этом духе киевская главная квартира старалась повлиять на солдатские советы, чтобы побудить войска к оказанию сопротивления. 14 ноября ей удалось двинуть против петлюровцев из состава киевского гарнизона 3 батальона с артиллерией к Фастову. Немцы легко опрокинули передовые части петлюровцев у С. Белгородки, но вслед за сим на другой день представители штаба и солдатского совета заключили с ними перемирие. По договору, подписанному 19 ноября, петлюровцы предоставляли беспрепятственно пользование железными дорогами немцам и кроме того обязались: «Войска Директории, впредь до прибытия представителей Антанты на Украину и впредь до заявления об отказе от этого соглашения, прекращают всякие оперативные действия в местностях, еще не занятых ими ко времени вступления в силу настоящего договора, главным образом приостанавливают дальнейшее продвижение к Киеву».

Это постановление было обосновано отчасти и на решительных требованиях Энно, вновь назначенного в Киев французского кон-

сула «с особыми полномочиями». Энно из Ясс прибыл в Одессу и оттуда, начиная с 7 ноября обращался к Киевскому германскому штабу и гетманскому правительству с рядом телеграмм от имени Согласия [1]. В них сообщалось во всеобщее сведение: 1) «державы Согласия признают существующее сейчас украинское правительство, возглавляемое гетманом» [2]; 2) «решение всех спорных политических и социальных вопросов, в особенности вопрос о самоопределении национальностей, будет детально рассмотрено после того, как военные силы держав Согласия и их политические представители прибудут в Киев»; 3) «всякое покушение против существующей власти будет строго подавлено»; 4) «немцы обязуются поддерживать и восстановить порядок в Киеве и во всем крае—до прихода союзников»; 5) «державы Согласия ни в каком случае не допустят вступления войск Петлюры в Киев...»

Между тем во всей Украине развивалось с необыкновенной быстротой движение—революционное в отношении гетманской власти, которую не хотел защищать никто, и бесформенное в своих политических контурах: УНС шел с молчаливого согласия Москвы и при дружественном нейтралитете германского командования за самостийность Украины—против гетмана; крестьянство подымалось за обещанную Директорией «землю»—против помещиков и немцев; сельская беднота («незаможни») и городской пролетариат—против «буржуев» вообще, за советскую власть; деревня шла на город с целью поживы... Наряду с остатками гетманского «ряду» и органами, насаждавшимися петлюровскими атаманами, возникали поэтому повсеместно революционные комитеты и совдепы, а местами и новые формы самодовлеющих, ни от кого не зависимых анархических образований.

Винниченко объявлял декреты совершенно большевистского характера о социализации, национализации, изъятии буржуйских ценностей; эти призывы находили отзывчивую почву в крае, еще не прошедшем всего круга большевистского опыта, и претворялись в жизнь погромами, пожарами, разбоями, убийствами. Попрежнему, как в начале года, в движении, поднятом на Украине, решительно не было национального момента. Директория разжигала социальный пожар в целях своего утверждения, бессильная потом локализировать его в целях своего существования. Полубольшевизм Директории не удовлетворял никого и, естественно, катился по инерции в сторону большевизма советов. Люди, наблюдавшие жизнь Украины того времени, все наши осведомители, в один голос, задолго до переворота, предвещали правлению Директории участь краткого и бесславного этапа по пути к большевизму, и, по общему признанию, этот этап, наконец осуществившись, носил наиболее

[1] 7, 9, 14, 20 ноября.

[2] Сообщение это, в связи с § 2, имевшее по смыслу условное временное значение, в официальном гетманском органе «Видрождения» от 7 ноября было передано как окончательное признание Согласием «Украинской державы», которая войдет в федеративную связь с Россией.

анархический характер из всех девяти «режимов», сменившихся на Украине.

Тревога немецкой главной квартиры оказалась не напрасной: повсюду подымалась волна ненависти против немцев, с которой Директория совладать не могла; петлюровские и крестьянские банды нападали на немецкие эшелоны, грабили, оскорбляли и обезоруживали их; местами немцы оказывали сопротивление, и тогда происходили вынужденные кровавые столкновения.

Петлюровские атаманы не разделяли германофильства Директории. Григорьев, например, говорил с германскими властями таким языком: «объявляю вам именем командуемых мною рабочих войск, а также именем народа, восставшего против буржуазии, что вы не демократы, а предатели России. Если в течение четырех дней вы не покинете Николаева и Долинской, то ни один из вас не увидит своей родины: при первом же движении вы будете уничтожены беспощадно, как мухи» [1]...

Стремясь стихийно домой и желая обеспечить себе свободный путь, немцы, по частной инициативе местных комитетов или сохранивших авторитет военных начальников, помогали и вооружали то одну, то другую сторону. Так в Харькове они допустили занятие города Болбочаном, а к концу ноября заставили его отряды очистить город и вооружили организацию добровольческого центра; в Бердичеве они вооружали повстанцев; в Полтаве они не позволили гетманским частям прервать путь двигавшимся из Харькова повстанцам, но через несколько дней разоружили овладевшие уже городом петлюровские банды «незаможнего селянства», принявшие явно большевистский характер и угрожавшие их безопасности. Солдатские комитеты продавали оружие и петлюровцам и большевикам, и гетманцам, и добровольцам. Солдаты зачастую отказывали в повиновении начальникам, бросали фронт и охрану железных дорог и уходили самовольно в ближайшие центры.

Немецких начальников многие обвиняли в макиавеллизме и предательстве, но обвинение это было нередко несправедливым: поведение немецких войск обусловливалось, кроме политики, развалом и стихийной тягой на родину.

Российское офицерство было сбито с толку, рассеяно, неорганизовано. Кой-где были отдельные, иногда доблестные, попытки сопротивления, лишенные, однако, общей идеи и растворившиеся бесследно в картине общего хаоса. Так, в Харькове, например, в течение одной недели произведено было три мобилизации: гетманская, петлюровская и добровольческая... В Полтаве перед приближением отрядов Болбочана состоялся многолюдный офицерский митинг, на котором громадное большинство участников на призыв гетманского военного начальства ответило, что «готово сражаться исключительно с большевиками и только в Полтаве, а против

---

[1] Телеграмма 18 декабря совету солдатских депутатов г. Николаева и начальнику 15-й ландверной дивизии.

Болбочана не пойдут». Несомненно, наряду с «идеологией» во всех таких выступлениях немалую роль играло и «шкурничество».

Украинский хаос как нельзя лучше характеризуется положением злосчастного Екатеринослава, о котором сводка к середине ноября сообщала: «Город разделен на пять районов. В верхней части укрепились добровольческие дружины; в районе городской думы—еврейская самооборона; далее—кольцом охватывают немцы; добровольцев, самооборону и немцев окружают петлюровцы и, наконец, весь город в кольце большевиков и махновцев».

С самого начала на всем движении Винниченко—Петлюры легла печать анархии, которая не оставляла его до окончательного крушения.

* * *

Петлюровско-немецкое соглашение не нарушалось до конца ноября, давая Киеву некоторую передышку и возможность собраться с силами.

Одновременно с обнародованием последнего акта гетман, порвав окончательно с украинскими национальными кругами, искал естественной опоры в русских организациях. На его попытки в этом отношении откликнулись «Протофис», «хлеборобы» и «монархический блок». «Совет государственного объединения» не хотел себя, повидимому, связывать с режимом, уже обреченным, хотя устами Кривошеина доказывал, что «Скоропадскому можно все простить, даже оставить ему пожизненное гетманство, если он в дальнейшем будет служить верой и правдой единой России». На соединенном заседании бюро Московского («Всероссийского») и Киевского национальных центров при участии представителей добровольческих организаций 1 ноября под председательством профессора Новгородцева было решено единогласно, что какие-либо сношения с «изменником гетманом» недопустимы и аморальны. Еще непримиримее, как мы знаем, была позиция «Союза возрождения», не оставлявшего мысли о вооруженном перевороте, и левее его стоящих организаций.

И гетман сделал надлежащие выводы: последний месяц его правления прошел под исключительным и полным влиянием блока крайних правых, разделяемым до известной степени с переменившим ориентацию министром внутренних дел Игорем Кистяковским.

Под влиянием «монархического блока» 5 ноября была опубликована «грамота» гетмана:

«Ввиду чрезвычайных обстоятельств, общее командование всеми вооруженными силами, действующими на территории Украины, я вручаю генералу от кавалерии графу Келлеру на правах главнокомандующего армиями фронта, с предоставлением ему, сверх того, прав, определенных ст. 28 Положения о полевом управлении войск в военное время [1]. Всю территорию Украины объявляю театром военных действий, а потому все гражданские власти Украины подчиняются ген. графу Келлеру».

---

[1] Статья эта предусматривает известное подчинение местных органов исполнительной власти главнокомандующему на театре войны.

Этим актом устранялось неудобство непосредственного подчинения «украинскому гетману» российских дружин и вместе с тем последние косвенно выходили из распоряжения добровольческого командования. Имя графа Келлера должно было привлечь новые контингенты монархического офицерства, а флаг добровольческой армии, который был весьма неприятен и гетману, и правому блоку, но сохранялся ими неукоснительно, должен был примирять с фактом засилия правых умеренную часть общественности и офицерства.

Но граф Келлер понял свое назначение, как скрытую капитуляцию гетмана и передачу ему диктатуры—«всей полноты военной и гражданской власти на Украине» [1]. Сообразно с этим, он образовал при себе «Совет обороны»—по составу своему—бюро монархического блока, с Безаком во главе; начальником своей канцелярии назначил ген. Спиридовича.

Столь явный переход власти к «правым большевикам», как называла «Азбука» деятелей «Протофиса» и монархического блока, еще более возбудил против гетмана и украинского правительства прогрессивную и демократическую общественность.

В высокой степени достойный и храбрый генерал, граф Келлер, как политический деятель, был прямо опасен: своими крайними убеждениями, вспыльчивостью и элементарной прямолинейностью. Уже на третий день по пришествии к власти он написал приказ—призыв о восстановления монархии, от распространения которого его, однако, удержал «блок», считавший такое обращение к пылающей Украине преждевременным. Первые же шаги диктатора и «Совета обороны» привели в большое беспокойство украинское правительство. И 12 ноября к гр. Келлеру, по поручению правительства, явились министры Афанасьев и Рейнбот и заявили ему, что он неправильно понимает существо своей власти; ему не может быть подчинена власть законодательная, какою до созыва Державного сейма является Совет министров. Что граф Келлер в своих воззваниях говорит только об единой России, игнорируя вовсе Украинскую державу, тогда как правительство «стремится к созданию украинского федеративного государства и от этой своей программы для воссоздания целой и неделимой России отказаться не может» [2]. Граф Келлер предъявил ультимативное требование полноты власти и в тот же день получил гетманский приказ о своей отставке и о назначении его заместителем ген. кн. Долгорукова. В своем прощальном приказе Келлер объяснил свой уход двумя причинами: «1) могу приложить свои силы и положить свою голову только для создания великой, нераздельной, единой России, а не за отделение от России федеративного государства и 2) считаю, что без единой власти в настоящее время, когда восстание разгорается во всех губерниях, установить спокойствие в стране невозможно» [3].

---

[1] Телеграмма его мне от 5 ноября, № 1.
[2] Из приказа гр. Келлера от 14 ноября.

И хотя по существу ничего не изменилось, так как у кормила власти остался тот же блок, возглавленный кн. Долгоруковым—председателем военной монархической партии и товарищем председателя «блока», но политическая неразбериха усилилась еще более: граф Келлер ушел потому, что не хотел бороться «за отделение от России федеративного государства...» А новое командование?..

* * *

Ввиду быстрого распространения анархии на Украине и изолированного положения Киева, прямое сообщение с ним Екатеринодара было нерегулярно, а с 11 ноября прервалось вовсе; и мой штаб получал только отрывочное и случайное осведомление кружными путями о происходящих там событиях. Взаимоотношения моего представителя ген. Ломновского—номинального начальника добровольческих дружин—с гетманскими властями было весьма неопределенным. Как я уже говорил, граф Келлер, в качестве «главнокомандующего Северной псковской армией», 2 ноября признал свое подчинение добровольческому командованию. Став через три дня «главнокомандующим войсками Украины», он дал неопределенное объяснение Ломновскому: «По вопросу об установлении общего фронта и единого командования он держится своего прежнего взгляда; однако Украина столь тесно связана с Доном и столь зависит от него, что единое командование возможно только включая и Дон». По плану, одобренному гетманом и Келлером, предполагалось приступить к формированию особой «Юго-западной армии», без фактического участия Ломновского, для чего просили все же «флаг добровольческой армии». Ломновский категорически отказал [1].

Тем не менее взаимоотношения его с Келлером не нарушались. Ген. Ломновский, имея от меня общее указание предоставить добровольческие отряды в оперативном отношении высшей украинской военной власти в интересах борьбы и спасения Малороссии от большевизма, исполнял эту директиву с большой выдержкой, тактом и иногда самопожертвованием. Эта позиция Ломновского подвергалась суровому осуждению киевского национального центра, который считал, что при сложившихся обстоятельствах человек, обладающий большей волей, дерзанием и авторитетом мог бы недопустить экспериментов гетмана и взять у него падающую власть и все руководство обороной. На место Долгорукова и «монархического блока», по их мысли должен был стать Ломновский и «Киевский национальный центр». Центр явно преувеличивал свое значение и возможности, особенно приняв во внимание, что полное непонятие им гетмана ставило вопрос о власти в прямую зависимость от внутреннего переворота.

Новый главнокомандующий, князь Долгоруков с первых же шагов проявил враждебное отношение к добровольческому центру, стре-

---

[1] Доклад ген. Ломновского по прямому проводу 11 ноября.

мясь устранить всякое вмешательство его в дело формирования вооруженной силы. Его усилия были направлены не по надлежащему адресу. Военный Киев действительно представлял из себя крайне неприглядное зрелище: всевозможные штабы и бюро комплектований Южной, Северной, Астраханской армий, особого корпуса, тайных и явных организаций политических партий пухли, разрастались, конкурировали и враждовали друг с другом, способствуя распылению сил и легальному дезертирству. Ненормальность этого положения была настолько очевидной, что в осуждении его объединились, казалось бы, совершенные антиподы: в первый раз во второй половине ноября явилась возможность устроить в Киеве ряд совещаний из представителей: 1) добровольческого центра, 2) монархического блока [1], 3) Совета государственного объединения, [2], 4) Национального центра [3] и 5) Союза возрождения России [4]. На этих заседаниях вопросу об упорядочении комплектования в одних руках предпослан был вопрос объединения командования всеми русскими вооруженными силами. Монархический блок и Совет государственного объединения высказались за главнокомандующего силами Украины, Национальный центр и Союз возрождения России—за главнокомандующего добровольческой армией. Соглашение не состоялось.

Ген. Долгоруков решил итти напролом: в ночь на 23 ноября он вызвал к себе ген. Ломновского и заявил ему:

— В дружинах Святополк-Мирского и Рубанова бунт. Там чуть ли не открыто говорят, что меня надо арестовать. Долг службы вынуждает меня арестовать вас. Я человек решительный.

Дальнейший ход этого дела так излагается генералом Ломновским [5]:

«Этот разговор происходил на ходу в назначенную мне комнату, где я был арестован с приставлением часового.

Спустя час ко мне в комнату вошел Пиленко, повидимому, крайне расстроенный. Он стал говорить о своих патриотических чувствах и просил меня быть вполне откровенным. Я заверил его, что на откровенность мою он может вполне положиться, но сказать я ничего не могу, так как решительно ничего не понимаю.

Тогда Пиленко стал говорить, что причиною всего—двойственное подчинение дружин и во имя общего дела необходимо найти выход из создавшегося положения. Я объяснил Пиленко, что суть дела совершенно не в двойственном подчинении, так как дружины в оперативном отношении всецело подчиняются местному командованию... а исключительно в личностях.

Пиленко стал опять говорить о крайне тягостном положении Киева, что во имя общего русского дела необходимо найти все же выход, раз связь с ген. Деникиным прервана. На это я возразил, что теперь, с моим арестом, выход сам собою найден и для меня вопрос не в

---

[1] Безак Скаржинский и др.
[2] Шлиппе, Хрипунов и др.
[3] Демидов, Ефимовский и др.
[4] Одинец.
[5] Рапорт от 24 ноября, № 182.

двойственном подчинении дружин, а в недопустимом, неслыханном факте ареста представителя главнокомандующего русской добровольческой армии».

Между тем в дом князя Долгорукова прибыли приглашенные им общественные деятели—граф Гейден, князь Голицын, Масленников и ген. Шиллинг. Возмущенные случившимся, они потребовали от Долгорукова немедленного освобождения ген. Ломновского. На вопрос зашедшего к нему Шиллинга, как он думает поступить дальше, Ломновский ответил, что покинет Киев вместе с чинами своего штаба. На это Шиллинг сказал, что кн. Долгоруков не видит препятствий к выезду. Но через некоторое время в комнату Ломновского вошли все перечисленные выше лица...

«Гр. Гейден, очень взволнованный, обратился ко мне от имени общественных деятелей, умоляя меня, ради спасения в Киеве общего русского дела, в которое вложена громадная работа, не становиться в непримиримую позицию и согласиться аннулировать происшедшее; что отъезд представительства добровольческой армии из Киева может повести к ужасным последствиям—к тому, что русские офицеры уйдут с занимаемых ими позиций, и Киев вновь будет отдан во власть Петлюры и украинцев. Я ответил, что общее русское дело мне столь же дорого, как и им, я отдаю себе совершенно ясный отчет, к каким чреватым последствиям может повести выезд из Киева представительства добровольческой армии, но не знаю, отдает ли себе ясный отчет князь Долгоруков, к каким последствиям может повести факт ареста представителя главнокомандующего и отъезд представительства.

На это гр. Гейден сказал, что кн. Долгоруков глубоко сожалеет о случившемся; что он погорячился, сказав, что не видит препятствий к выезду, и считает это совершенно невозможным».

После продолжительных переговоров ген. Ломновский заявил общественным деятелям:

«Ввиду крайне неустойчивого положения в Киеве и возможности перенесения гражданской войны внутрь города, ввиду того, что вопрос о недопущении повстанцев в город ставится чуть ли не всецело в зависимость от полного подчинения дружин, я решил подчинить их во всех отношениях местному командованию, с тем, чтобы я был своевременно осведомляем о всех мероприятиях, касающихся этих дружин».

Все эти нелепые трения на верхах правления и командования становились немедленно достоянием широкой публики и производили глубоко деморализующее впечатление среди защитников Киева.

Какая же в сущности идея борьбы?

Консул Энно чуть не ежедневно присылал телеграммы, что союзные войска идут, они уже близко, не сегодня—завтра будут в Киеве. Тогда положение ясно: продержаться несколько дней, а там вопрос разрешится союзниками—несомненно в пользу единой России... Стоявшие в совершенно непримиримой оппозиции к гетману «национальные центры», под влиянием смертельной опасности, угрожавшей Киеву, изменили несколько свою позицию: «Всероссийский центр» соглашался, что «до прихода русских и союзных сил

самое выгодное, если сохранится та власть, которая пока существует, ибо всякий переворот явился бы новым условием для усиления большевистских настроений»; «Киевский центр» 7 ноября обратился к русским людям с призывом защищать порядок против банд Петлюры...

Но тот же Энно говорил о признании существующей власти гетмана. Добровольческое командование, отдавая дружины в распоряжение гетманского командования, как будто присоединялось к этому решению...

— Следовательно, защищать власть гетмана и Украинской державы?

К тому же в первой телеграмме главнокомандующего добровольческой армии к мин. Афанасьеву говорилось о «борьбе с большевиками» и «невмешательстве во внутренние дела края».

И хотя Ломиовский пояснил, что обстановка с тех пор изменилась, что Директория—это предтеча большевизма, но его понимали плохо:

— Следовательно, защищать гетмана от Петлюры?

В более радикальных кругах ставили вопрос в другой плоскости:

— Там—«вся власть советам»; здесь—«вся власть Протофису». Что лучше?

Эти и многие другие вопросы вызывали смуту в умах и приводили в уныние офицерство и учащуюся молодежь—почти единственный контингент защитников Киева. Да и мудрено было им разобраться в украинской проблеме, когда в среде значительно большего политического кругозора—в самом, например, ядре Союза возрождения России—возникали такие недоуменные вопросы: «Кому помогать, или социальной реакции, воплощаемой Скоропадским и защищаемой немцами, или демократическому движению украинцев, идущих с максимализмом не только социальным, но и национальным, и открывающему дорогу максимализму настоящему (советскому)?» [1]. В результате Союз выпустил воззвание против гетмана, требуя создания «демократической объединенной власти на Украине» и предостерегая от оказания помощи гетману.

Среди защитников Киева эти вопросы для одних были, действительно, вопросами совести и долга, для других, вероятно, большинства, благовидным прикрытием своего оппортунизма или малодушия.

И в киевских казармах-общежитиях, и на позициях у Жулян царило подавленное унылое настроение; люди жили в области фантастики и нервирующих слухов. Это настроение усугублялось еще потрясающим неустройством в организации, снабжении, довольствии, особенно на позициях. Там люди приходили к сознанию своей полной заброшенности и беспомощности.

---

[1] Станкевич, «Воспоминания».

* * *

Вопрос решили немцы.

30 ноября в Казатине между германским командованием и петлюровским штабом был заключен второй договор, в силу которого немцы обязались не препятствовать вступлению в Киев войск «Украинской народной республики»; взамен этого им была обещана «взаимная дружественная работа», содействие их эвакуации, в частности 10 транспортных поездов по трем направлениям—через Пинск, Сарны и Казатин.

Удельный вес Директории после многих месяцев сотрудничества был хорошо известен немцам. Но этот исход обещал облегчить трудное положение немецких оккупационных войск и вместе с тем создать большие затруднения державам Согласия...

Когда немецкие батальоны, прикрывавшие Киев, прошли сквозь расположение киевских дружин, все поняли, что наступил конец.

По инициативе Национального центра общественные организации, считая дело проигранным, обратились к председателю правительства Гербелю с предложением «поднять открыто над защитниками Киева флаг добровольческой армии», передать командование ген. Ломновскому и разработать тотчас же вопрос об отходе из Киева добровольческих дружин. Гербель ответил, что у него «все готово», что «Директория пойдет вероятно на условия—разрешить выезд всего правительства, всех желающих и добровольческих частей на Дон...»

— У меня все готово—не мешайте только довести дело до благополучного конца [1].

Течение событий не соответствовало официальному оптимизму.

Первого декабря галицийские сечевики Коновальца сбили киевские дружины и в тот же день к вечеру вошли в город.

Гетман 1 декабря подписал акт отречения и скрылся в Германию.

Правительство рассеялось [2].

Кн. Долгоруков сдал войска на капитуляцию без всяких условий и отбыл в Одессу.

Трагически пал на улицах Киева ген. гр. Келлер, заколотый петлюровскими солдатами.

Дружинники рассеялись по городу, и значительная часть их, более тысячи, засела в здании Педагогического музея под охраной германских караулов. Благодаря заступничеству киевских организаций, консулов, телеграммам Энно—Директории и моим—главнокомандующим союзными армиями, правительство Винниченко приняло меры к освобождению части интернированных и к выезду остальных в Германию.

Поезда, следовавшие на юг, увозили цвет российской эмигра-

---

[1] Из доклада Московского национального центра от 3 декабря.

[2] В Киеве остался председатель Гербель и министр юстиции Рейнбот, которых Директория три месяца держала в тюрьме, предъявив им обвинение в «покушении на ниспровержение существующего строя».

ции и политических партий на новый, третий по счету, этап, предназначенный им судьбою, в Одессу.

Вся Украина была объята анархией.

4. Украинские течения в Одессе. Политика французов в отношении украинской Директории и вооруженных сил юга.

В Одессе в 1918—1919 гг. существовали органы всех политических партий—от блока крайних правых во главе с Пеликаном и Родзевичем до тайных большевистских ячеек, обладавших большими средствами и ведших разлагающую пропаганду в городе, среди французских матросов и солдат. Легальные российские партии в качестве таковых на авансцену одесских событий непосредственно не выступали, оказывая влияние и давление главным образом при посредстве «пяти организаций». Точно так же мало заметна была в городе с огромным еврейским населением явная политическая работа еврейских партий. Одесские осведомители указывали только упорно на тайную совместную деятельность некоторых немецких банков и крупных еврейских финансистов, поддерживавших украинское движение. Эта работа, видными участниками которой называли между прочими Марголина и Вольфзона, находилась в трагическом несоответствии с природой движения, с волной еврейских погромов, поднятой разлагавшимися войсками Директории и прокатившейся по Украине и Новороссии в феврале—марте 1919 г. Эта же работа создала в добровольческих кругах довольно распространенное и слишком упрощенное объяснение направления французской политики на юге—«еврейским золотом» и «еврейским засильем». Олицетворялось оно всемогущим тогда начальником штаба ген. д'Анзельма евреем Фрейденбергом [1] и его советчиками—Марголиным, Маргулиесом и другими видными представителями русского еврейства.

Наибольшую деятельность проявляли украинские группы. Делясь на несколько толков и течений, они обладали общими чертами—большой долей авантюризма и большой решимостью жертвовать интересами и Украины и России.

В одно и то же время в Москве вел переговоры с советом комиссаров украинский посол Мазуренко, а в Одессе вступала в сношение с французским командованием целая плеяда украинских деятелей: воени. министр ген. Греков, мин. вн. дел Мацневич, его товарищи Марголин и австриец Галип; представитель отколовшегося на ноябрьском съезде левого крыла хлеборобов Шемет и другие лица. Все они для подкрепления своей агитации пользовались большими средствами [2]. Не признаваемые добровольческой

[1] В транскрипции Марголина и Маргулиеса — Фредамбер.

[2] Помимо большого запаса денежных знаков, перешедших от гетманского правительства к Директории, Германия продолжала изготовлять бумажные деньги и снабжать ими Директорию в значительных размерах.

властью и явно враждебные ей, они тем не менее пользовались благодаря французам полным иммунитетом в Одессе.

Эти официальные представители Директории далеко, впрочем, не отличались единством. Военная группа (Петлюра, Греков, отчасти Галип), находившаяся в оппозиции к партии Винниченко, в поисках расположения французов готова была итти на внутренний переворот—очищение Директории от Винниченко и большевистских элементов и сближение ее с буржуазией, с сохранением, однако, самостийности Украины. По мере развала армии и правительства из этой комбинации вышел ген. Греков и стал вести свою особую линию, «жертвуя» уже и Петлюрой и являясь претендентом на роль главы Директории или диктатора. В то же время его агенты стремились привлечь одесское офицерство и в особенности генеральный штаб на украинскую службу широкими денежными посулами и обещаниями «федерации и даже монархии». Они говорили также о возможности соединения армий под общим водительством добровольческого командования.

Украинская работа велась и в другом направлении.

Бывшие гетманские деятели—генералы Бискупский, Присовский, Долгоруков и др., оставшиеся не у дел, сохранившие старые связи с немцами и завязывавшие новые—с французами, были враждебны к добровольческой армии и в свою очередь сильно смущали офицерство. Бискупский, возглавлявший эту группу, стремился к образованию «краевого правительства с объединением национальностей» и к созданию особой украинской армии; в то же время он старался заинтересовать французов своим проектом разрешения аграрного вопроса в России: иностранный консорциум, скупающий у помещиков землю и перепродающий ее после парцелляции крестьянам с большим дивидендом... Трудно было определить, где в этом проекте проходят грани между фантастикой и потерей национального чувства.

Эта группа в силу финансовых, повидимому, обстоятельств объединилась с другой, также крайне правой, представителями которой были: харьковский помещик, председатель отделения союза русского народа, Котов-Коношенко, претендовавший на гетманский «стол», и киевский помещик, бывш. чиновник канц. генерал-губернатора, Григоренко. Они играли роль представителей «Всеукраинской народной громады» и «Всеукраинского союза хлеборобов-собственников»—групп, отколовшихся от Всеукраинского союза хлеборобов на ноябрьском съезде. Это звание придавало им известный декорум «народных избранников» в глазах неразбиравшихся в русских делах французов.

От имени обеих организаций Котов-Коношенко подал докладную записку французскому командованию и ген. Санникову с изложением чаяний широкого фронта русско-украинской реакции и ее несложной программы: 1) верховная власть в Малороссии принадлежит «гетману, воеводе или верховной краевой раде»; 2) при ней—«верховный совет из представителей добровольческой

армии, народной громады и хлеборобов-собственников»; 3) «краевая армия», созданная путем мобилизации «имущих классов при участии хлеборобческих громадянских организаций», с офицерским составом преимущественно «из местных офицеров-хлеборобов», 4) лозунг—«неприкосновенность собственности на землю». Аграрный вопрос считался уже разрешенным «ввиду накопления капиталов в деревне, позволяющих крестьянам скупать землю», для чего требуется лишь «законное разрешение свободной купли-продажи земли».

Эти организации делали также попытки формирований, призывая в свои ряды офицерство и прельщая его крупными окладами, превосходившими значительно добровольческие.

Естественно, что у ген. Санникова ни Котов-Коношенко, ни его проект не встретили никакого сочувствия. Но французское командование, в поисках «подлинно-демократических» течений, вело оживленные переговоры с ним и с Григоренко и в их кругах искало людей для нового правительства; в частности Григоренко состоял неизменным кандидатом во всех французских комбинациях новой власти.

И хотя Бискупский, Котов и Григоренко являлись сторонниками и претендентами на возглавление государственной власти трех различных систем—краевого правительства, гетманства и Директории, но это различие, повидимому, не считалось существенным и не препятствовало нисколько их единению. По существу идеология всех этих лиц была одна и та же, как один и тот же денежный источник питал их деятельность.

Большое участие в этой группе принимали руководители киевского монархического блока; полной поддержкой пользовалась она со стороны «Протофиса», группы «Всероссийского союза земельных собственников» и нового крайне-правого блока Пеликана—Родзевича—Гижицкого. Григоренко установил тесный контакт с бюро Совета государственного объединения и в то же время вел переговоры с группой ген. Грекова, протягивая нити к украинской Директории... По игре судьбы сложная интрига ковала длинную цепь, противоположными концами своими захватывавшую Петлюру и... Пеликана.

Наконец была еще одна строго конспиративная польско-украинская группа, внушавшая французам мысль об освобождении Украины при содействии Польши и о включении ее на автономных началах в состав Польского государства...

Если ко всему этому добавить, что одна и та же контрразведка обслуживала и немцев, и Украинскую народную громаду [1] и что, по свидетельству Маргулиеса, другая контрразведка («источник сведений») работала одновременно на французов, на Гришина-Алмазова и за особую плату «раньше их» делилась своими све-

[1] Почти каждая политическая организация того времени имела свой контрразведочный или осведомительный орган.

дениями с бюро Совета государственного объединения [1], то получится довольно яркая картина того переплета борьбы, интриг, влияний, той политической свистопляски, которая мутила Одессу.

Картина была бы неполной, если бы я не коснулся другой области—социально-экономических отношений. В этой области по концентрации спекулянтских элементов и плутократии, по темпераменту и размаху Одесса превзошла, вероятно, тыловые центры всех фронтов. «С одной стороны, безмерная нужда масс,—писала одесская газета,—с другой,—столь же безмерная расточительность... Буржуазия наша в чаду своих бумажных барышей и столь же полноценных развлечений как будто ничего не видит, не ударяет пальцем о палец, чтобы хоть сколько-нибудь смягчить бедственное положение народных низов. Ее пир во время чумы продолжается с непрекращающимся блеском и треском. А роковое кольцо вокруг нее между тем все суживается и суживается...»

«Одесский омут». Так охарактеризовала печать бурно кипящий третий этап российской «контрреволюции».

* * *

В начале января в Одессу прибыл штаб французской дивизии во главе с ген. д'Анзельмом и начальником штаба полк. Фрейденбергом, а вслед затем высадились и новые части десанта. В последующих событиях личность ген. д'Анзельма стушевалась совершенно, так как всю политическую работу вел его начальник штаба. Энно был отстранен от дел и вскоре уехал в Париж, «перед тем как покинуть одесский котел», послав свои «искренние пожелания успеха добровольческой армии». Взаимоотношения резко изменились. Фрейденберг, заранее предубежденный против добровольческой армии, принял систему полного игнорирования ее власти и дискредитирования ее представителей. Вместе с тем он начал поиски такой комбинации, которая наиболее благоприятствовала бы французской оккупации. Эта деятельность Фрейденберга полна противоречий и видимых несообразностей, в связи с целой гаммой влияний, интриг и давлений, которым он подвергался. Но наиболее явственные и серьезные из этих влияний исходили от трех звеньев противоестественной политической цепи: 1) Петлюра—Греков, 2) Греков—Котов—Григоренко, 3) Григоренко—Меллер-Закомельский—Маргулиес. Политически это означало: «Директорию, хлеборобческую «громаду» и Совет государственного объединения; в области устремлений—самостийность, русскую фальсификацию украинской Директории и особое южное правительство. Все комбинации признавали верховное возглавление французов и все отрицательно относились к добровольческой армии.

Иногда эти влияния оказывались раздельно, иногда составляли

---

[1] На приобретение их бюро расходовало суммы из субсидии, полученной от военного губернатора через Пильца.

mixtum compositum—наиболее уродливую форму, заводившую французское командование в тупик.

— Pas une goutte de sang français.

Этот стимул «интервенции» требовал каких-то посторонних сил для борьбы с большевиками и заставил французов обратить свои взоры на Украину. Но такая политика была явным продолжением германской, приводила не к воссозданию, а к расчленению России, и не могла не смущать французов, заставляя их искать оправдания своим действиям в отвлеченных сомнительных формулах. Так, ген. д'Анзельм говорил Шульгину: «мы должны поддерживать у вас все элементы порядка, а до партийных различий их,—до того, кто стоит за монархию, кто против монархии, кто за единство России, кто против единой России,—нам дела нет...» [1]. Эту формулу исправил и детализировал Фрейденберг: «Франция непоколебимо верна принципу единой России. Но сейчас дело идет не о решении тех или иных политических вопросов, а исключительно о том, чтобы использовать для борьбы с большевиками все антибольшевистские силы, в том числе и силы украинцев». По его представлению украинские и русские армии под водительством французов должны были итти совместно против Москвы. В этой комбинации, имевшей сочетать центробежные и центростремительные силы, украинский большевизм и буржуазно-демократическую «контрреволюцию», совершенно невыясненной оставалась, однако, активность роли связующего звена.

Оставляя в стороне идеологию, являлся вопрос—на какие реальные украинские силы могло рассчитывать французское командование? То осведомление, которое давали многочисленные послы директории, наводнившие европейские центры и Одессу, страдало чрезвычайными, часто анекдотическими преувеличениями. Но французская разведка, представленная в Киеве Серкалем [2], давала правдивую и безнадежную картину украинского движения, как не имеющего «моральной базы ни в народе, ни в интеллигенции», а «созданного известными политическими группами противно логике и реальному положению вещей»; характеристику Директории и правительства, которые «в течение полутора месяца ввергли Украину в совершенную анархию и упразднили последние признаки права, безопасности и здравого смысла»; оценку армии, в которой «только галицийские части являются элементом более или менее серьезным, а прочие войска не только не представляют боевой силы, но являются весьма опасными своим большевистским настроением»; наконец определение украинской политики, руководители которой, оставаясь враждебными к союзникам и особенно к французам, ввиду безвыходного положения «открыто спекулируют

[1] Беседа 9 февраля 1919 г.

[2] Молва считала Серкаля, совместно с Муленом, виновником франко-петлюровского «флирта». Судя по донесениям Серкаля французскому правительству, с которыми я ознакомился, близость его к украинским правителям была скорее ловкостью разведчика, чем сотрудничеством с ними.

на их авторитете и на благополучно якобы протекающих с ними переговорах» [1].

Эти сведения не оказали никакого влияния на французскую политику.

Тотчас по приезде ген. д'Анзельма (24 января) в Одессу был вызван ген. Греков, который в результате переговоров обязался снять блокаду города и восстановить прямое сообщение Киев—Одесса. В течение января и начала февраля, по мере высадки греческих дивизий, союзные войска продвинулись на линию Тирасполь (Румыны)—Бирзула—Вознесенск (исключ.)—Николаев—Херсон. Позади этой линии долго еще оставались петлюровские части, не подчинявшиеся своему командованию, пока постепенно состав их не разбежался.

Переговоры с Директорией продолжались. Главным камнем преткновения служило требование французов об уходе Винниченко, что, по словам члена Директории Макаренко, угрожало «разрывом ее с социал-демократической партией, которая ни на какую замену другим лицом не согласится». Но большевики перешли вновь в наступление от Киева, и украинские войска покатились назад в паническом бегстве, распыляясь и теряя последние признаки организации, обозначая свой путь грабежами и кровавыми погромами.

Военные неудачи ускорили назревавший еще в Киеве внутренний переворот: Винниченко и Андриевский ушли из состава Директории; ушел и предс. правительства Чеховский; образовалось новое правительство, во главе с проф. Остапенко, пополненное значительно социалистами-федералистами. И в первых числах февраля за подписью Петлюры, Швеца, Макаренко и Остапенко французскому командованию была направлена нота следующего приблизительно содержания:

«Директория, признавая сделанные ею ошибки, просит французское командование о помощи в борьбе против большевиков. Директория отдает себя под покровительство Франции и просит представителей Франции взять на себя руководство управлением Украины в областях военной, дипломатической, политической, финансовой, экономической и судебной в течение всего времени, пока будет продолжаться война с большевиками, и, наконец, Директория надеется, что Франция и другие державы Согласия проявят великодушие, когда после окончания борьбы с большевиками возникнут вопросы о территориях и нациях» [2].

Во французском штабе приняли это обращение за полную капитуляцию.

Между тем вокруг д'Анзельма—Фрейденберга усилилось значительно влияние руководителей Украинской громады в ущерб представителям Директории. Под этим влиянием и составлены были основы соглашения, имевшие целью сочетать идею Фрейденберга о триипостасной власти, стремления хлеборобческих групп и Совета государственного объединения: «1) Южная Россия разделяется на две части. Одна—губернии Киевская, Волынская, Подольская и

---

[1] Донесения 1—13 февраля н. ст. 1919 г.

[2] Прочитана у Фрейденберга и записана В. Шульгиным.

впоследствии Черниговская, Полтавская и часть Харьковской— будет управляться украинской Директорией; другая будет называться Южнорусским краем под управлением русской власти; предполагается Директория, при участии представителя добровольческой армии. 2) Оккупация всего района французскими войсками. 3) Власть Директории только гражданская. 4) Создается единый фронт против большевиков с французским генералом во главе. 5) Образуются смешанные международные оккупационные отряды франко-украинские и франко-русские. 6) Директории проводят аграрную реформу по программе партии кадетской (выкуп больших имений при иммунитете мелких и средних хозяйств). 7) Французы берут в свои руки управление финансами и железными дорогами».

Таким образом назревала военная оккупация Францией юга России со всеми вытекающими из нее последствиями. Насколько близка была к осуществлению эта идея, видно из того, что 8 февраля предполагалось подписание сторонами договора, и начальник французского пресс-бюро подготовлял уже к нему представителей одесской печати: «соглашение является чисто военным,— говорил он.—Вопросы об единстве России и о признании украинского государства в этом соглашении почти вовсе не затронуты... Решение французского командования использовать все силы, в том числе и украинцев, для борьбы с большевизмом непреклонно, и все препятствия и противодействия этой политике б у д у т с м е т е н ы».

Можно сказать с уверенностью, что главным препятствием к окончательному соглашению послужил вопрос личного состава украинской Директории, вокруг которого разгорелись страсти, закрутился одесский «омут»... На протяжении двух-трех недель под давлением разносторонних влияний Фрейденберг трижды менял решение. Первоначально переговоры основывались на базе сохранения Директории (кроме Винниченко и Андриевского) и пополнения ее «хлеборобами», в том числе Григоренко. Против этого плана восстали хлеборобская организация и Совет государственного объединения, не допускавшие участия Петлюры. На сцену вышел тогда блок грековской группы и Украинской громады с н о в о й, семичленной Директорией, в состав которой должны были войти ген. Греков, Котов-Коношенко и Григоренко. Но возникшие крупные разногласия расстроили и этот план: блок распался, громада раскололась, и Фрейденберг вернулся к прежнему своему плану—сохранить существующую Директорию, изъяв лишь из ее состава Петлюру и пополнив «хлеборобами» [1]. В таком виде были предложены окончательные условия директории.

Фрейденберг, введенный в заблуждение окружавшими его честолюбцами, был очень удивлен, когда его проект не удовлетворил никого и прежде всего те самые круги, на которые он рассчитывал. Многолюдные собрания хлеборобов, состоявшиеся 15 и 19 февраля,

[1] Швец, Макаренко и «хлеборобы» — Григоренко, Мицко и Сидоренко.

вновь и категорически высказались против всякого сближения с украинцами; они выражали неудовольствие добровольческим правлением [1] и соглашались на создание «самостоятельной» местной власти «под покровительством французского командования», и «самостоятельной» вооруженной силы «под руководством французов». Не иначе, однако, как в согласии с командованием добровольческой армии... Совет государственного объединения раскололся на группы—от сторонников прямолинейной национальной политики добровольческой армии до приемлющих Петлюру включительно (аграрии и крайние правые). Представитель последних, проф. Левашов, так мотивировал взгляды своей группы: «ради спасения родины я готов примириться с желто-голубым флагом, ибо предпочитаю видеть спасенный край под желто-голубым, чем кладбище под трехцветным флагом...»

В результате бюро приняло решение в духе «хлеборобов».

Ярко выступал против поддержки самостийной Украины и оккупационных тенденций Шульгин в личных беседах с французскими генералами, в постановлениях Южнорусского национального центра и в газете «Россия». Французское командование закрыло «Россию» на 8 дней, и это распоряжение вызвало возмущение не только в кругах, единомышленных Шульгину, но и в стане политических противников его: «Союз возрождения» обратился к французскому командованию с резким протестом по этому поводу. Французский штаб вступил в примирительные переговоры с Шульгиным, но последний отказался возобновить издание газеты, заявив, что сделает это лишь тогда, когда «его совесть позволит считать французов такими же искренними нашими друзьями, какими мы считали их год назад, закрывая «Киевлянин» (с момента немецкой оккупации Украины).

В то же время с благословения Фрейденберга в Одессе начала выходить ярко самостийная и враждебная добровольческой армии газета «Нови Шляхи».

На резко отрицательной точке зрения в отношении поддержки украинского движения стояли: Одесское отделение национального центра и Союз возрождения. Последний, впрочем, в этом фазисе борьбы принимал мало участия и, повидимому, не был надлежаще ориентирован в закулисной игре правого блока, так как по свидетельству Мякотина, развернувшиеся затем события были для бюро Союза полной неожиданностью.

Наконец и Директория решительно отказалась пойти на явное самоупразднение и удалить Петлюру. Она соглашалась только пополнить свой состав лицами не правее социалистов-федералистов и обязательно стоящими на точке зрения самостийности Украины.

---

[1] Большое значение имела обработка собраний. Так, когда председательствовал гр. Гейден, собрание обыкновенно было благоприятно настроено к добровольческой армии; когда же председательствовал Андро или Григоренко, настроения становились противоположными.

Весь этот сумбурный период, вся сложная и подчас недостойная игра в области франко-украино-русских переговоров на фоне грозной военно-стратегической обстановки приобретала какое-то трагикомическое содержание: свадьба на погосте, ибо к середине февраля украинская армия рассыпалась окончательно, Директория и правительство спешно эвакуировались частью в Проскуров и Каменец-Подольск, частью в Галицию; галичане враждебно относились к Директории, а в единственном еще до известной степени сохранившемся галицийском сичевом корпусе началось брожение против командира Коновальца и ряд мятежных выступлений на почве отказа сражаться за нежелающую защищать себя «Надднепрянскую Украину».

Под влиянием всех этих обстоятельств в середине февраля д'Анзельм—Фрейденберг, не разрывая с Директорией окончательно, приостановили переговоры [1] и, оставив открытым вопрос о Директории и Украине, вернулись к мысли о создании «самостоятельного», но подчиненного французам правительства для Новороссии. 15 февраля Фрейденберг вызвал Маргулиеса и, на основании имевших место ранее переговоров с Советом государственного объединения, предложил этой организации образование правительства. Началось обсуждение его состава. Разрыв с добровольческой армией казался, однако, и тем и другим слишком рискованным. Поэтому и французское командование, и Совет государственного объединения с тех пор особенно настойчиво и всеми доступными путями стремились воздействовать в желательном им направлении на Екатеринодар, встретив с моей стороны решительный и резкий отпор.

Идея франко-украинского альянса не была, впрочем, оставлена Парижем окончательно. Даже в конце марта, т. е. после эвакуации Одессы и захвата большевиками почти всей Украины, Быч [2], со слов Ф. Буйона, председателя французской парламентской комиссии по иностранным делам, сообщал на Кубань: «По имеющимся у Буйона сведениям... в настоящее время Петлюра сильнее, чем когда бы то ни было, и ему будет оказана всяческая помощь». И поэтому Быч внушал раде, что «помощи надо ждать от Украины».

---

[1] По словам Марголина, в середине марта французские представители заявили украинской миссии, что «переговоры о соглашении, по телеграфному распоряжению из Парижа, прерываются».

[2] Был во главе кубанской миссии, находился тогда в Париже.

Г. ИГРЕНЕВ.

Екатеринославские воспоминания [1].

(Август 1918 г. — июнь 1919 г.)

I.

Я приехал в Екатеринослав в эпоху гетманского режима. Поездка скорым поездом из Харькова продолжалась 6 часов. Из Киева до Екатеринослава можно было доехать в 12. Могло ли тогда притти в голову, что Екатеринослав вскоре окажется местом, на долгое время отрезанным от остального мира!

Жизнь в Екатеринославе била ключом.

Немецкая оккупация, тягостная и жестокая в деревнях, в городе ощущалась мало. После советской голодовки поражала баснословная дешевизна цен на съестные припасы и громадное изобилие их на рынках. Екатеринослав был завален белыми булками, молочными продуктами, колбасами, фруктами и считался в продовольственном отношении самым благодатным пунктом Украины. Моего преподавательского оклада в университете, 450 рублей в месяц, с излишком хватало на жизнь. Первые два с половиною месяца жили совершенно спокойно. Занятия во вновь открытом университете наладились и шли с большим успехом. Посещаемость лекций на юридическом факультете доходила до 500—600 человек. Спокойствие в городе нарушалось только слухами о происходящих в деревнях крестьянских восстаниях и о необычайной жестокости, с которой австрийские оккупационные войска их подавляли. Несмотря на оккупацию, немецкие газеты до Екатеринослава почти не доходили. Поэтому известие, что Германия просит мира, напечатанное в вечерних телеграммах, издававшихся австрийским военным штабом, было для всех полной неожиданностью. Последовавшие затем сообщения о ноябрьском революционном взрыве и перевороте 11 ноября [2] вызвали в городе большое возбуждение. Спокойнее всего отнеслись к этим известиям стоявшие в городе войска. В их среде незаметно было никакого волнения. Элегантные австрийские офицеры попрежнему продолжали эффектно вос-

---

[1] «Архив русской революции», т. III, Берлин 1922 г.

[2] Автор, очевидно, имеет ввиду германскую революцию 9 ноября 1918 г. Прим. сост.

седать в самых роскошных, по екатеринославскому масштабу, кафэ и гордо прогуливаться по главным улицам. Солдаты попрежнему вытягивались в струнку и отдавали честь. По настроению войск нельзя было предполагать, что в их государствах произошла грандиозная катастрофа. В первое время казалось, что на Украине остается все по-старому.

Вскоре по заключении перемирия между Антантой и немецкими государствами, по городу стали ходить слухи, что союзники решили послать войска на Украину для борьбы с севернорусским большевизмом. Каждый день в газетах печатались фантастические известия о прибывших в Одессу и Новороссийск громадных десантах французских и английских войск. Слухи были подтверждены официальным обращением французского военного аташе в Одессе «к населению южной России», расклеенным на всех столбах города. Воззвание объявляло большевиков вне закона и призывало все слои населения оказывать поддержку союзническим войскам в предстоящей борьбе с «красными варварами». Екатеринославское население откликнулось на воззвание с большим воодушевлением. Различные общественные организации созывали особые совещания для обсуждения плана встречи союзных войск; происходили принципиальные споры о тексте приветственных адресов и формах поддержки. Одновременно командующий добровольческой армией генерал Деникин объявил мобилизацию офицеров, и гетман Скоропадский пытался войти с ним в соглашение. Войск Антанты в Екатеринославе ожидали со дня на день. Екатеринославские газеты сообщали, что английские и французские солдаты уже в Александровске, даже в Синельникове (в 25 верстах от Екатеринослава)...

Но союзные войска не приходили, а в газетах стали появляться тревожные известия, что немцы, ссылаясь на условия перемирия, по которым их войска должны очистить все занятые местности, собираются уходить из Украины. Эти слухи вскоре были подтверждены официальным заявлением немецкого совета солдатских депутатов в Киеве. Требование Антанты, чтобы немецкие войска продолжали оставаться на Украине, несмотря на все угрозы, было решительно отклонено немецкими советами. Немцы энергично готовились к возвращению на родину. Предстоящий уход оккупационных войск сразу замутил на Украине все перспективы. Гетманская власть потеряла немедленно свою устойчивость.

Первым проявлением тревожного настроения в Екатеринославе была студенческая политическая забастовка, направленная против гетманского режима. Социалистические партии единодушно стали вести агитацию в пользу немедленного свержения гетмана и восстановления республики. В это время (дело было в самом конце ноября) пришли первые известия о восстании галицийских стрелков под предводительством Петлюры, поддержанном украинским крестьянством. Немецкие советы солдатских депутатов поспешили объявить о своем нейтралитете, и движение вскоре приняло ши-

рокий масштаб. Главная масса «петлюровцев» обложила Киев и через короткое время добилась успеха: гетман был низложен и бежал. В Екатеринослав петлюровцы вошли совершенно мирно. Они заняли нижнюю часть города, прилегающую к вокзалу (Екатеринослав расположен на склоне высокого холма). В верхней части города продолжал сохраняться гетманский режим, защищаемый 8-м офицерским корпусом, объявившим о своем присоединении к добровольческой армии. Австрийские войска были совершенно равнодушны. Такое положение длилось целую неделю и продолжалось даже после того, как Киев был взят Петлюрой и провозглашена украинская Директория. Петлюровцы были добродушные малые. Разодетые в опереточные зипуны, они распевали национальные песни, красиво гарцовали на своих лошадях, стреляли в воздух, проявляли большую склонность к спиртным напиткам, однако никого не трогали. Казалось, что все обойдется мирно. Ничто не предвещало вооруженного столкновения. Но оно все же внезапно произошло.

В одну из ночей в первых числах декабря я был разбужен громкой командой: «пли», раздавшейся под самым окном (я жил в первом этаже). Не успел я вскочить, как раздалась оглушительная ружейная и пулеметная трескотня, которая затем не прекращалась до вечера следующего дня. Пули стучали, как дождь, по крыше нашего дома. Как впоследствии оказалось, в нашем дворе стояла команда петлюровцев, а на противоположном углу улицы расположились солдаты 8-го корпуса. Столкновение между войсками, целую неделю мирно уживавшимися в одном городе, было настолько неожиданно, что никто из жителей нашего дома не мог догадаться, кто собственно сражается. Высказывались предположения о большевистском восстании и о сражении австрийских войск с явившимися, наконец, союзническими солдатами. Недоумение рассеялось только уже днем, когда к нам явились солдаты для обыска: они оказались петлюровцами и были по обыкновению очень добродушны. Мы узнали от них, что бой возник потому, что 8-й корпус не захотел добровольно уйти из Екатеринослава, мотивируя свой отказ необходимостью охранять мирных жителей от грабежей. Кровопролитие было остановлено вмешательством австрийского командования, которое пригрозило обстрелять город тяжелой артиллерией. Дерущиеся вняли этому аргументу, и 8-й корпус на следующий день мирно ушел. Впрочем, часть его солдат осталась и перешла к петлюровцам. Перебежничество затем повторялось при каждой смене режима. Петлюровцы торжествовали победу. Национальные украинские зипуны загарцовали на главных улицах города. Стало весело, шумно и пьяно. Гайдамаки пели, плясали, но главным образом стреляли не в людей, а просто так себе, в воздух. Днем еще было сносно, но ночью становилось жутко. Нельзя было пройти несколько шагов по улице, чтобы перед ухом не просвистела пуля. Бывали и жертвы, особенно дети... В учреждениях, управляемых петлюровцами, господствовала полная бестолковщина. Одно учреждение не подозревало

о существовании другого; каждое ведомство в отдельности непосредственно сносилось с Киевом. Ежедневно публиковались приказы о мобилизации, которые в тот же вечер отменялись. Так по крайней мере раз пять объявлялась мобилизация студенчества и ни разу не приводилась в исполнение. Из учреждений были изгнаны все служащие, не владевшие «украинской мовой». Город был полон всевозможных чудесных слухов о Махно и его разбойничьей шайке, свившей себе гнездо в Гуляй-Поле (Екат. губ.). В народе говорили, что Махно требует от петлюровцев, чтобы его впустили в Екатеринослав всего лишь на три дня: за это время он обещает ввести новый анархо-коммунистический строй—отобрать все у богатых и отдать бедным. Рассказывали, что Махно благородный человек и «враг лишь жидам и немцам», а населению его нечего бояться. Я слушал все эти толки и не придавал им никакого значения, не подозревая даже о той реальной силе, которой уже тогда обладал Махно. Но прежде чем пришлось в этом убедиться, в Екатеринославе произошло еще одно сражение: бой между петлюровцами и австрийцами. Петлюровцы потребовали у стоявших в городе австрийских частей, чтобы они сдали оружие перед эвакуацией на родину. Немцы категорически отказались и с оружием в руках отстаивали свою воинскую честь. Ожесточенная ружейная и пулеметная стрельба длилась целые сутки. Среди мирных жителей было немало жертв. Победили конечно петлюровцы, ибо австрийцы только оборонялись: у них не было достаточно сильных стимулов для борьбы до конца. Сильное впечатление производило зрелище, как гайдамаки срывали погоны у австрийских офицеров. Гордые оккупаторы, союзники державы, едва не победившей всю Европу, склонялись перед толпой полупьяных украинских стрелков, представлявших совершенный нуль в военном отношении. Так повернулась к ним судьба. Вскоре после своего разоружения немцы исчезли. Тихо и незаметно вышли из Екатеринослава австрийские части, после своего позора не показывавшиеся больше на улицах. Их уход обыватель почувствовал только впоследствии, когда через неделю после их исчезновения на Екатеринослав напал Махно.

II.

Кто такой Махно? И в чем секрет его стихийной силы в Екатеринославщине? Этот вопрос не раз приходил в голову за время пребывания в Екатеринославе: имя Махно ни у кого не сходило с языка. Из расспросов мне удалось узнать лишь следующие подробности из его биографии. Родом из Гуляй-Поля, по одной версии—народный учитель, по другой—рабочий, он в 1902 г. за убийство родного брата с корыстной целью был приговорен Екатеринославским окружным судом к 15 годам каторжных работ. В 1905 году неожиданно снова появился на горизонте, объявил себя анархистом, участвовал в каких-то экспроприациях и потом

снова потерялся из виду. Вынырнул снова только в 1917 г. в качестве председателя Гуляй-польского совета рабочих депутатов. Пытался организовать Гуляй-польскую анархическую коммуну. После прихода немцев на Украину становится одним из вождей крестьянских повстанческих банд, ведущих партизанскую борьбу против оккупационных войск. Это доставило ему широкую популярность среди крестьян Екатеринославской губернии. После подавления повстанческого движения организует более тесную разбойничью шайку, с которой совершает ряд крупных грабежей. Перемена режима не оказывает влияния на его деятельность, и в петлюровской сумятице он продолжает с успехом свою работу. На собранные путем грабежей деньги Махно скупает у австрийских солдат всякое вооружение, в том числе тяжелую артиллерию и громадные запасы ручных гранат. Превосходно вооруженная разбойничья шайка прочно обосновывается на родине своего вождя—в Гуляй-Поле и объявляет насильственную мобилизацию крестьян ближайших деревень. Так организовал Махно свое войско, которое он повел на завоевание Екатеринослава. После ухода австрийских войск, город был открыт для его нападения. Махно все ждали и все-таки не верили, что он придет. Как-то не верилось, что в XX веке возможно завоевание большого, крупного центра шайкой разбойников. Петлюровские власти уверяли, конечно, что махновцы разбегутся при первом пушечном выстреле. Но события не заставили себя долго ждать. Ровно через неделю после ухода австрийцев (это было в середине декабря) по городу пронесся слух, что Махно занял Синельниково и ведет наступление на железнодорожный мост через Днепр—соединительное звено между Екатеринославом и правобережной Украиной. К вечеру город наполнился отступающей петлюровской кавалерией. Когда ранним утром следующего дня мы с женой отправились на ближайший рынок, чтобы запастись припасами перед предстоящими событиями, петлюровские солдаты настойчиво предлагали публике разойтись, предупреждая, что сейчас будет открыта пальба по железнодорожному мосту, уже занятому махновцами. Действительно, на рыночной площади были расставлены тяжелые орудия. Не успели мы несколько отойти от площади, как грянули первые оглушительные удары. Пятеро суток с этого момента, без передышки, шла ожесточенная артиллерийская пальба. Что пришлось пережить за эти безумные дни, не поддается описанию. Махновцы, заняв при первой же атаке вокзал, буквально засыпали город артиллерийскими снарядами. В первый же день здание духовной семинарии, в которой помещались гуманитарные факультеты университета, получило 18 пробоин, из них 8 навылет. Два снаряда попали в общежитие семинаристов,—к счастью в это время были каникулы, и убито было всего несколько человек. Снаряды разрывались в частных квартирах; каждый день приносил известия о новых жертвах и разрушениях. В воздухе стоял невыносимый гул от пальбы. Стекла в окнах дребезжали и лопались. Дома тряслись так сильно, что падали картины со стен. Мы лежали на полу

в передней, не имевшей окон, совершенно изнуренные от бессонных ночей и беспрерывного гула. Но моральное состояние было хуже физического. Махно день за днем брал все новые улицы. Петлюровцы в беспорядке отступали. Под властью разбойника... что ждет впереди? Все явственнее к звукам артиллерийской пальбы примешивались ружейные залпы и стук пулеметов. На четвертый день Махно занял всю нижнюю часть города и повел наступление на гору. Снаряды стали разрываться над нашими головами; к звукам взрывов присоединился свист пролетающих шрапнелей и лязг их осколков о камни мостовой. Пули дождем сыпались на крышу. Все жители дома собрались в казавшейся сравнительно более безопасной передней первого этажа. Думали о смерти и молчали. Стреляли так сильно, что уже нельзя было различать ударов. К 7 ч. вечера стрельба внезапно затихла. Соседи отправились наверх. Вдруг постучали в дверь. На мой вопрос, кто там, раздался грубый голос: «А ну-ка, открой!» Я открыл и невольно отшатнулся: на меня направлены были дула нескольких ружей. В квартиру ворвалось гурьбой человек 10 с ног до головы вооруженных молодцов, обвешанных со всех сторон ручными гранатами; одеты они были в самые разнообразные костюмы: одни—в обычные солдатские шинели, другие в роскошные енотовые шубы, очевидно только что снятые с чужих плеч, третьи, наконец, в простые крестьянские зипуны. На испуганный вопрос подоспевших хозяев квартиры (я снимал у них только комнаты): кто вы? раздался ответ: «петлюровцы!», и послышался дружный хохот: «Небось обрадовались; а мы ваших любимчиков в порошок истерли и в Днепр сбросили. Поиграли—и будет. Мы—махновцы и шуток не любим». «Нам квартира эта нужна; выбирайся отсюда поскорей»,—прибавил предводитель отряда. Хозяйке квартиры удалось убедить незваных гостей, что передних двух комнат и прихожей будет вполне достаточно для их целей. Мы перебрались в задние комнаты. В квартиру прибывали все новые и новые махновские солдаты. Они бесцеремонно проникли и в следующие комнаты и сели за стол, на котором стояла кое-какая снедь. Наши дамы вежливо потчевали их, стараясь разыграть радушных хозяек... Махновские гости, угощавшиеся за столом, были очень разного типа. Один из них смуглый брюнет, с ярко белыми зубами, весь еще был опьянен только что пролитой кровью. Он хвастал все время своими подвигами, не выпуская из рук револьвера, которым он только что, по его рассказам, пристрелил буржуя и буржуйку; «Такие глупые,—прибавил он, жутко улыбаясь,—все время пищали»... Другой, бледный и изможденный, в железной австрийской каске, сосредоточенно молчал, водя своими стеклянными глазами прирожденного убийцы. Внезапно он вытащил из голенища гамаши, очевидно, только что снятые с убитой, и, обращаясь к моей жене, сказал, ухмыляясь: «Возьми, барышня, на память, кажется, женские чулки». Жена стала уверять, что ей не нужно этого подарка, что видимо задело страшного кавалера. Положение спас наш хозяин, который взял гамаши

для своей дочери. Совсем иного типа, чем остальные, был другой махновец: по виду мирный сельский пахарь, лет 45, одетый в обычное крестьянское платье, он поминутно крестил свой рот, приговаривал после каждого проглоченного куска: «Спасибо хозяину и хозяйке». Невольно возникало недоумение, как затесался этот мирный человек в буйную разбойничью ватагу; повидимому, это была жертва насильственной махновской мобилизации.

В столовую вошел сам начальник отряда (как потом оказалось пулеметной команды), солдат с совершенно неопределенным выражением лица; он пришел звать своих товарищей на смену и, отказавшись от угощения, стал нас просвещать: «Наш батька,—поведал нам он,—сам генерал: он царской армии подпоручик. Он коммунист настоящий, не то что петлюровцы, жидами купленные. Махно каждому позволяет взять по одной паре всего, сколько нужно, чтобы на себе носить. А кто больше возьмет, тех всех расстреливает. Мы только жидов и немцев режем: они-то и есть главные буржуи. А ты, не жидовка ли будешь?—грозно спросил он у нашей хозяйки, типичной хохлушки-брюнетки, и вразумительно помахал перед ней пальцей, в которую была вдета ручная граната. Хозяйка показала на образа, висевшие на стене,—и гроза миновала. Махновцы, сидевшие в столовой, ушли на смену, и их начальник позволил нам запереть на крючок дверь из столовой в половину квартиры, занятую отрядом. Всю ночь отдельные солдаты дергали за двери в надежде пограбить, но при окликах уходили, ничего не отвечая. Во двор к нам был поставлен пулемет, который стучал всю ночь; как оказалось, его чинили и пробовали. Мы все, конечно, не спали и прислушивались. У махновцев слышно было беспрерывное движение и шопот: только впоследствии мы узнали, что в нашей квартире был избит прикладами и чуть не расстрелян врач—сосед, который, поверив, что пришедшие солдаты петлюровцы, стал поносить махновцев. Его целую ночь продержали под дулами ружей, ежеминутно угрожая убить, а он ползал на коленях и молил о пощаде; наконец его избили и под утро вытолкнули на улицу...

На рассвете приютившаяся у нас пулеметная команда выстроилась в боевой готовности перед домом; на другом конце площади стояли еще петлюровцы. После ухода махновцев мы нашли под кроватью целую кучу ручных гранат. Шкаф был взломан и все платье и белье из него украдено. Мы поспешили позвать солдат, чтобы вернуть им оставленные на память бомбы.

Припасы все были съедены, и жена решилась, пользуясь затишьем, выйти на площадь поискать продовольствия. Махновцы, стоявшие там, узнали ее и пустили пройти: «А, ты из того дома будешь? Ну иди, иди; только скорей! А то стрелять надо. Мы подождем, но немного». Когда через минут 10 жена вернулась, раздобыв хлеба, действительно началась отчаянная стрельба. Однако это стреляла не наша знакомая махновская команда, а палила тяжелая артиллерия подоспевших на помощь из Кременчуга петлю-

ровских частей. Махновцы в беспорядке разбегались. Им не удалось даже, как следует, пограбить города. Единственное, что Махно успел в Екатеринославе,—это расстрелять прокурора окружного суда Аверьянова,—своего обвинителя в деле о братоубийстве. К вечеру махновские отряды окончательно были изгнаны из Екатеринослава и рассыпались по Екатеринославской губернии, где стали интенсивно продолжать свою деятельность. Об их окончательной ликвидации силами петлюровцев нельзя было и думать: слишком сильные корни пустил Махно в украинском крестьянстве и слишком дезорганизованы были петлюровцы. Тем не менее, они торжественно праздновали победу и прославляли происшедшие события, как проявление крепости своего режима. Во всех газетах были напечатаны длиннейшие официальные сообщения, решавшие вопросы государственного управления в категориях, свойственных политической мысли «Запорожской Сечи»... Население, сидевшее 6 дней взаперти, хлынуло на полуразрушенные улицы, засыпанные осколками снарядов, обвалившейся штукатуркой домов, стекольными осколками; мертвецы все были подобраны; зато поражало количество трупов лошадей и собак... Петлюровцы хоронили павших и... стреляли в воздух. А население ждало нового нападения Махно. Но оно не произошло...

III.

Еще дней за 10 до нападения махновцев Екатеринослав оказался отрезанным от Харькова по официальной версии вследствие занятия части железнодорожного пути махновцами и разрушения на этом промежутке телеграфа. Вскоре после «победы» петлюровцев над махновцами из Киева пришли сильно запоздавшие известия, что советские войска предприняли наступление на Украину и заняли Белгород (являвшийся в те времена границей между Украиной и Великороссией). Петлюровское правительство сообщало, что оно отправило большие силы против большевиков, и несколько раз оповещало об одержанных ими победах, правда, в совершенно неопределенном тоне. Между тем в населении стал упорно ходить слух, что Харьков занят большевиками. Петлюровские власти потребовали у местных газет напечатания категорических опровержений этих слухов. Опровержения уже были набраны и напечатаны, но... не успели газеты выйти [1]), как неожиданно началась ожесточенная артиллерийская пальба (после трехнедельного отдыха). Какие войска наступают на Екатеринослав, было для населения совершенной загадкой. О большевиках никто не думал, так как от Харькова до Екатеринослава больше 200 верст, и казалось чудовищным, чтобы петлюровские власти решились скрывать от населения приближение Красной армии, которое не могло быть внезапным. Обыватель терялся в догадках, а тем временем палили все сильнее

[1] Это было вечером, а газеты выходили по утрам.

и сильнее; снаряды снова стали разрываться в городе и разрушать здания. Снова пришлось пережить 5 кошмарных дней тяжелого артиллерийского боя. Не буду повторять его описания... Нова была только полная неизвестность: жители томительно недоумевали, кто новый завоеватель. На вопросы об этом петлюровские солдаты лениво отвечали: «А кто его знает! Все одно—враг». В самый день, когда разбитые на голову петлюровцы бежали из Екатеринослава, по городу усиленно распространялись слухи, что пришли добровольческие войска, а по другой версии—даже французские солдаты, неожиданно прибывшие в Одессу после столь долгого запоздания. Меньше всего ждали большевиков. А между тем это были они. В город вступила регулярная Красная армия под командой Дыбенко. Оказалось, что Харьков уже больше месяца был под властью большевиков. Махновцы фигурировали, как мы только теперь узнали, в качестве повстанческого авангарда советских войск. Население Екатеринослава насторожилось и притаилось. Никто не решался выходить на улицу. Но вскоре обыватель ощутил некоторое облегчение, так как почувствовал организованную армию и твердую власть. По сравнению не только с махновцами, но и с петлюровцами, красноармейцы производили необычайно дисциплинированное впечатление. В общем первые дни прошли так спокойно, что население начало благословлять советский режим, положивший конец естественному состоянию.

Уже на второй месяц большевистского владычества на Украине снова вспыхнуло крестьянское повстанческое движение, превратившееся уже здесь в традицию. Махно изменил большевикам и «объявил себя независимым». Между Киевом и Екатеринославом орудовали банды «Зеленого» и «Ангела». Обыватель снова стал ждать событий. Колчак в это время был в апогее своих военных успехов: ждали общерусского переворота. Отрезанные от Киева и плохо связанные с Харьковом, советские правители Екатеринослава совершенно были лишены денег; бесконечные затруднения с получением жалованья усиливали веру в непрочность положения.

Каждый день распространялись слухи о занятии Петрограда белыми, о прорыве Колчака в Москву, о занятии Киева поляками... Мы жили отрезанными от всего мира и не было никакой возможности проверять слухи. Денег не было. И все ждали, ждали сами не зная чего... И действительно снова грянули пушки. На этот раз к Екатеринославу подступил атаман Григорьев с взбунтовавшимися частями Красной армии. Григорьев, кадровый офицер царской службы, играл заметную роль при петлюровском режиме, в качестве командующего одной из украинских частей. При наступлении большевиков на Киев, он перешел на их сторону и был назначен начальником одной из красноармейских дивизий, наступавших на Крым и Одессу. Здесь он сразу отличился своими быстрыми военными успехами, которые заключались в занятии без боя эвакуируемых белыми местностей. Когда наметилось рез-

кое недовольство большевиками украинских крестьян и началось повстанческое движение, Григорьев объявил себя левым эсером. Выставив лозунг: «Долой комиссаров и жидов! Да здравствуют истинные советы!» — Григорьев приобрел большую популярность среди своих солдат. Снесшись предварительно с Махно, он снял свою дивизию с Южного фронта и повел верных ему красноармейцев на завоевание Екатеринослава, где он должен был соединиться с Махно [1]. По дороге Григорьев занял Кременчуг, где было совершено избиение комиссаров и устроен еврейский погром. Обороняли Екатеринослав от «григорьевцев» главным образом отряды коммунистической молодежи, состоявшие из мальчиков от 12 до 17 лет. Стрельба на этот раз локализировалась в одной части города: там, где жил я, было безопасно. Я наблюдал издали за разрывом снарядов и гулял по спокойному городу, отдыхавшему без власти. Григорьев было уже занял часть города, но тут подоспели надежные коммунистические части (латышские стрелки) из Харькова, и григорьевцы были прогнаны. Жизнь вошла в обычную колею, что для Екатеринослава означало: напряженное ожидание нового боя в городе, в атмосфере, насыщенной кровавыми слухами... Ждали Махно, Григорьева, Деникина, еврейских погромов. Все эти имена и понятия странным и жутким образом переплелись между собой. Удушливые пары национальной ненависти стояли над екатеринославским болотом и отравляли воздух. Было жутко от этих слов, жутко за людей, которые их произносили... Атмосфера становилась все более спертой. Давление ее было так сильно, что, помимо военных событий, чисто морально и психологически невозможно было ничего делать. Я чувствовал, что задыхаюсь от удушья гнилыми парами Екатеринославщины, и дал себе зарок уехать во что бы то ни стало. Тянуло в Петроград, на который по слухам наступал английский десант. Вот бы пробраться туда, пока не поздно! Выбраться из заколдованного махновского края и забыть поскорей о нем! Это была единственная мечта... Каждый день распространялся слух, что Синельниково занято какими-то войсками. Действительно, с Харьковом (не говоря уже о Киеве, который был отрезан давно) регулярного сообщения не было. Узнав, что организуется студенческий эшелон для отъезда из Екатеринослава, я поспешил к нему присоединиться и в товарном вагоне, прицепленном к воинскому поезду, выехал из Екатеринослава. Когда мы проезжали Павлоград, я узнал, что в 12 верстах от станции идет напряженный бой с деникинскими частями. Наш поезд был последним. На следующий день Павлоград был взят Деникиным, а когда я доехал до места назначения (Петрограда), я прочел в газетах о занятии им Екатеринослава. Этому городу предстояло пережить в течение ближайших месяцев не меньшее число боев и перемен, чем здесь описанные. Махно, конечно, был всегда в центре этих событий.

[1] Впоследствии Махно собственноручно убил Григорьева, очевидно, усмотрев в нем опасного конкурента.

Противосоветские организации на Украине и начало гетманства [1].

Приехав в Харьков в марте 1918 г. я, через бывшего члена Государственного совета Н. Ф. Дитмара, связался с группой углепромышленников, которая там субсидировала тайную офицерскую организацию.

На квартире одного из членов этой группы я познакомился с полковником, стоявшим во главе харьковской военной организации, и с командиром офицерского батальона.

В распоряжении харьковской военной организации имелись три тысячи винтовок с достаточным количеством патронов и около двадцати пулеметов.

Была надежда в случае восстания получить четырехорудийную батарею; личный состав для батареи был подготовлен.

В батальоне, который, по словам полковника, стоявшего во главе организации, можно было бы собрать в любой момент, числилось около тысячи человек. Кроме того в списке офицеров, живших в Харькове, числилось около двух тысяч человек. Эти последние офицеры не были посвящены в существующую организацию. Каждый из офицеров батальона должен был в случае необходимости привести 2—3 офицеров, значившихся в списке и лично ему известных.

Такие же организации, но в меньших размерах, существовали в других городах Харьковской и Полтавской губерний.

Познакомившись с организацией дела в Харькове, я преподал некоторые организационные советы руководителям ее и затем указал, что никакие выступления не допустимы. Необходимо выждать, пока окажется возможным иметь связь с генералами Корниловым и Алексеевым и свои действия строго согласовать с указаниями, которые будут получены.

При этом сказал, как свое личное мнение, что считаю наиболее правильным, чтобы все офицеры, которые это могут сделать, направлялись на усиление добровольческой армии. На местах же могут оставаться лишь те, кои, вследствие семейных и других причин, в армию ехать не в состоянии.

Эта группа офицеров может взяться за оружие лишь при под-

---

[1] «Из воспоминаний», «Архив русской революции», т. V, Берлин 1922 г.

ходе добровольческой армии, дабы преждевременными выступлениями не губить дела и не подвергать напрасно террору тех, которые сидят на местах.

В двадцатых числах марта меня в Харькове разыскал моряк, лейтенант Масленников, который служил для связи между генералами Корниловым и Алексеевым и Московским национальным центром, в состав которого вошли представители всех антибольшевистских кругов от правых до социалистов включительно [1].

Этот центр, конечно, вел работу конспиративно; хотя, повидимому, про его существование большевикам было известно, но они, по указке ли немцев, или по своим соображениям, пока его не трогали и на его деятельность смотрели сквозь пальцы.

Масленников рассказал мне, что за последнее время в Москве назревает восстание, что различные организации объединились и что руководители убеждены в полном успехе, но что в Москве нет никого из авторитетных военных, который мог бы руководить военной стороной дела; что членов Московского национального центра особенно беспокоит вопрос о том, кому можно поручить направление деятельности военных организаций; особенно важно, чтобы после намеченного переворота было лицо, которое твердо и правильно поставило бы дело и прибрало к рукам все разнообразные военные организации; что он командирован в Харьков специально ко мне [2], чтобы от имени Национального центра предложить мне немедленно прибыть в Москву и принять руководство военной стороной дела.

Я его спросил, насколько справедливы слухи о том, что Московский национальный центр раскололся; что часть членов приняла немецкую ориентацию, считая, что спасение от большевиков возможно лишь при соглашении с немцами; что другая часть членов остается верной союзу с Францией и Англией и не допускает мысли итти по пути соглашения с Германией.

Масленников, как мне показалось, несколько смазывал свои ответы.

Он подтвердил, что действительно вопрос ориентации возник, но разрыва не произошло; что группа, считающая возможным договориться с немцами, предварительно считает необходимым определенно и ясно поставить вопрос о помощи англичанам и французам; что только при отказе их оказать действительную поддержку они считают возможным начать переговоры с немцами, которые действительно предлагают с ними договориться [3].

---

[1] В Национальный центр входили только кадеты и примыкавшие к ним. Правые входили в так называемый «Правый центр», а социалисты (главным образом эпэсы)—в «Союз возрождения России». Прим. сост.

[2] О моем нахождении в Харькове он узнал от моей жены, получившей мою открытку, посланную из Царицына.

[3] В действительности раскол в «Правом центре» произошел главным образом по вопросу об ориентации. Правые «германофилы» остались в «Правом центре», а кадеты, считавшие обязательной «верность союзникам», вышли и образовали «Национальный центр». Прим. сост.

На мой вопрос, кем же он ко мне прислан, он ответил, что А. В. Кривошеиным и В. И. Гурко.

— Есть ли у вас какое-либо письмо ко мне или что-либо иное в письменной форме, что подтвердило бы мне, что вы действительно присланы ко мне указанными лицами?

— Нет, у меня ничего нет; мне поручено это передать вам на словах. Вы меня знаете, и мы считали, что у вас не будет никаких сомнений.

— Можете ли вы мне подробно рассказать про существующие в Москве военные организации? Что они из себя представляют по составу, численности, спайке и по обеспеченности военными припасами на период выступления?

— Нет, я этого не знаю.

После этого я сказал Масленникову, что согласием на подобное предложение ответить трудно, что все это представляется мне довольно легкомысленным, что ехать в Москву с тем, чтобы сейчас же быть повешенным на фонарном столбе, мне не хочется, что если мне суждено быть повешенным, то это в свое время случится, но ускорять ход событий я не намерен.

— Передайте А. В. Кривошеину и В. И. Гурко, что если они действительно хотят моего приезда, то пусть мне об этом напишут и пришлют вас и какого-нибудь генерала, стоящего во главе одной из наиболее крупных организаций, чтобы он мне мог дать исчерпывающие ответы на все мои вопросы. А на предложение, делаемое в той форме, как делаете вы, я отвечаю определенным отказом.

Злободневными в Харькове разговорами были слухи и поступавшие сведения о приближении немцев. Киев был ими занят 15 февраля ст. ст.

Немцы планомерно занимали хлебный район Юго-западного края и протягивали щупальцы ко всем крупным центрам Малороссии, с целью постепенно занять весь юг России и создать себе прочную продовольственную базу для продолжения борьбы на Западе.

Большевики отступали перед немцами почти без всякого сопротивления.

Но при этом отступлении происходило что-то странное.

Большая часть большевистских сил отступала не на север или северо-восток для прикрытия Великороссии, а на восток — для создания фронта для борьбы с казаками и добровольцами.

Все данные, поступавшие из разных источников, указывали на то, что немцы готовы были прекратить в России большевизм, но повидимому, германские правящие круги сами не знали, как будет правильно разрешить эту задачу.

Несомненно, что были предположения принять меры к прекращению большевизма и воссозданию сильной России.

Но для Германии было важно, чтоб эта Россия была для нее союзной или, в худшем случае, нейтральной.

Между тем существование на юге России добровольческой

армии, верной Англии и Франции, которая при возрождении России явилась бы естественно ядром русской армии, и существование в России политических групп, которые определенно высказывались за необходимость для России выполнить свой долг в совместной борьбе с союзниками против Германии до конца, заставляло германское правительство поддерживать связь с советским правительством и склоняться в сторону расчленения России и создания самостоятельной и ей послушной Украины.

События между тем на Украине развивались. В вербную субботу немцы вошли в Харьков и выдвинули авангарды к Белгороду и Чугуеву.

Для немцев момент был подходящий, чтобы привлечь на свою сторону массу, жаждавшую порядка и прекращения наступившей смуты.

* * *

Перед Пасхой я встретил в Харькове двух видных общественных деятелей, бывших членов Государственной думы, Н. И. Антонова и князя А. Д. Голицына.

Оба они лихорадочно занимались подготовкой созыва съезда «хлеборобов»—для выбора гетмана.

Немцы, заняв Юго-западный край России, естественно стремились создать в этом районе твердую власть и иметь прочный административный аппарат, который обеспечил бы порядок в стране и дал им возможность пользоваться этим аппаратом, чтобы богатый край действительно стал бы их продовольственной базой и они могли бы получать все предметы продовольствия быстро и без всяких затруднений.

Для немцев необходимо было, чтобы эта власть была им дружественна и чувствовала, что она им обязана своим благополучием.

Правительство, которое немцы застали на Украине, их не могло удовлетворить: социалистическое правительство, с некоторым уклоном в сторону большевизма, а главное, стремившееся провести немедленно земельную реформу с уничтожением крупного частновладения, совершенно не гарантировало скорого водворения порядка, не гарантировало возможности спокойно и планомерно начать вывоз всего необходимого в Германию.

Немцы были хозяевами только по линиям железных дорог и в городах, занятых их гарнизонами.

Отсюда они вывозили все, что возможно, и кроме того, организовали правильную ежемесячную отправку каждым немецким солдатом к себе на родину посылок по ½ пуда каждую. Солдаты должны были отправлять на родину съестные припасы, главным образом муку, крупу, сахар, сало и колбасы.

Но этого для немцев было недостаточно; им, повторяю, надо было установить такой правительственный и административный аппарат, который дал бы им возможность хозяйничать во всей стране, а не только по железнодорожным артериям.

На Украине, кроме крупного помещичьего класса, был недоволен создавшимся положением многочисленный класс довольно крупных крестьянских собственников-хлеборобов, которым проектируемые реформы украинского правительства грозили полным разорением.

Представители германских властей в оккупированном районе вошли в соглашение с видными представителями помещичьего класса и общественных организаций, несочувственно относившимися к намечавшимся реформам, и было решено созвать в Киеве съезд хлеборобов, который должен был выбрать гетмана, и затем старое правительство должно было быть ликвидировано.

Все было обставлено так, что немцы якобы оставались в стороне, не вмешиваясь в то, что происходит.

Время (апрель месяц) для съезда хлеборобов, из-за полевых работ, было неподходящее. Чтобы съезд состоялся, надо было материально хорошо обставить крестьян, участников съезда, и не только возместить им расходы, но и дать им некоторую денежную прибыль.

По упорно циркулировавшим слухам немцы на устройство съезда хлеборобов отпустили пятнадцать миллионов рублей.

Съезд состоялся; съехалось свыше девяти тысяч хлеборобов и с феерической быстротой 15/28 апреля было проведено заранее подготовленное избрание в гетманы Украины генерала Скоропадского.

Во время съезда хлеборобов в Киеве часть этого съезда отказалась от выбора гетмана, и образовалось другое собрание—«спилка».

Но выбор украинским гетманом Скоропадского был признан немцами, и они, объявив об этом, заявили, что гетмана будут поддерживать, а всякие выступления против него они с целью поддержания порядка в оккупированном ими крае будут подавлять силою оружия.

Спилка была разогнана, а часть, более непокорная, из ее состава и арестована немцами.

Гетман Скоропадский сформировал свое правительство и, опираясь на силу германских штыков, вступил в управление краем.

Как показали дальнейшие события, власть, полученная из немецких рук и опиравшаяся на немецкие войска, стала непопулярной для массы населения.

Если б правительство гетмана Скоропадского было более дальновидно, то, правильно сорганизовав и вооружив крепких земельных собственников-крестьян (хлеборобов), оно, может быть, сумело бы создать такую обстановку, при которой после ухода немцев власть сохранилась бы в его руках, и большевизм не охватил бы Украину.

Но гетманское правительство ничего реального не сделало для поддержания этого единственного надежного класса населения, а стремилось сначала создать крупную регулярную армию, а порядок поддерживать полицейскими мерами.

Полицейских же мер оказалось недостаточно, а создать более или менее прочную регулярную армию не позволили немцы.

Были созданы только штабы, назначены начальствующие лица, а солдат оказалось мало...

В двадцатых числах апреля я со своими детьми приехал в Киев.

Решив оставить детей в Киеве, у сестры моей жены, я сам хотел пробраться опять в добровольческую армию.

К этому времени немцы продвинулись на восток до реки Дона и заняли Крым.

При занятии Крыма немцами произошел интересный эпизод: первоначально германские части наступали на Крым совместно с украинской бригадой, бывшей под командой генерала Натиева; но у ст. Джанкой головной эшелон украинской бригады был остановлен немцами, а затем они потребовали удаления украинцев из пределов Крыма и заняли его самостоятельно.

Впоследствии украинское правительство неоднократно возбуждало вопрос о присоединении Крыма к Украине, но немцы определенно отвечали, что Крым должен оставаться самостоятельным.

Приехав в Киев, я через одного моего знакомого попросил узнать, когда гетман Скоропадский может меня принять. В тот же день мне было сообщено, что гетман меня просит на другой день.

В назначенный час я пошел в так называвшийся гетманский дворец (старый генерал-губернаторский дом).

Гетман сейчас же меня принял и, сказав, что ему хотелось бы со мной подробно поговорить, попросил подождать в кабинете его начальника канцелярии полтора часа, после чего «мы с вами позавтракаем и на свободе, после завтрака, поговорим; ждать же вам не будет скучно, так как здесь есть еще несколько генералов, ваших старых знакомых, которые хотели с вами повидаться».

Я согласился.

В час дня меня позвали в столовую.

За стол село человек двенадцать, в том числе был новый председатель Совета министров Лизогуб и генеральный секретарь Игорь Кистиковский.

Когда все уже сидели за столом, в комнату вошел германский офицер и, извинившись за запоздание, сел на свободное оставленное для него место.

По манере себя держать и по нескольким сказанным фразам мне стало ясно, что этот германский офицер—постоянный гость на гетманских завтраках.

Я спросил у моего соседа за столом: «кто этот немец?»

«А это известный здесь и очень влиятельный гр. Альвенслебен».

Германский офицер за завтраком очень мало говорил, но очень внимательно слушал. Разговор шел на русском и частью на французском языке.

После завтрака гетман пригласил меня к себе в кабинет и очень горячо стал мне объяснять, что он согласился быть избран-

ным гетманом только потому, что, по его мнению, это был лучший выход из создавшегося положения.

Что он не «щирый украинец», что вся его работа будет итти на создание порядка на Украине, на создание хорошей армии и что, когда Великороссия изживет свой большевизм, он первый подымет голос за объединение с Россией; что он отлично понимает, что Украина не может быть «самостийной», но обстановка такова, что ему пока необходимо разыгрывать из себя «щирого украинца»; что для него самое больное и самое трудное—это работать с немцами, но опять-таки и здесь это—единственно правильное решение, так как, только опираясь на силу, он может создать порядок на Украине; а единственная существующая реальная сила—это немцы; что добровольческая армия силы из себя серьезной не представляет, и немцы никогда не допустят ее усиления: тогда она станет для них опасной. А потому, как бы он ни сочувствовал генералу Деникину, опираться на него не может, а принужден опираться на немцев. Вот когда удастся создать прочную регулярную армию на Украине, то тогда он иначе будет разговаривать и с немцами.

На это я ответил, что немцы все это понимают не хуже, чем он, и создать ему сильную армию на Украине они не позволят.

— Нет, я этого добьюсь; я получил уже принципиальное обещание, что мне будет разрешено сформировать девять корпусов.

— Обещаний немцы надают много, но настоящей армии сформировать вам не позволят.

После этого гетман добавил, что, хотя он получил принципиальное согласие немцев на сформирование девяти корпусов, но в действительности ему пока разрешено сформировать три корпуса. Но что он надеется вскоре получить окончательное разрешение на сформирование всех девяти корпусов. Затем он сказал, что все же учитывает возможность задержки в получении этого разрешения и что у него разработан проект формирования в провинции особых частей для поддержания порядка в уездах; что эти части будут иметь в своем составе значительное число офицеров и, когда потребуется, могут послужить кадром для развертывания в более крупные войсковые части; что для немцев необходим на Украине полный порядок и что они поэтому дадут разрешение как на формирование новых корпусов, так и на организацию проектируемых им отрядов для поддержания порядка в уездах.

Я пожелал ему успеха, но еще раз высказал сомнение относительно того, чтобы немцы, разложившие русскую армию и выведшие ее из мировой борьбы, позволили бы ему создать новую армию, которая может обратиться против них же.

Затем гетман Скоропадский совершенно для меня неожиданно предложил мне быть в его правительстве военным министром.

— Я убежден, что мы с вами скоро сформируем хорошую армию,—добавил он.

Я категорически отказался, сказав, что я возвращаюсь в добровольческую армию.

Гетман Скоропадский высказал свое сожаление, что я не хочу с ним работать и сказал, что он все же надеется, что я не откажу ему в совете, когда он ко мне обратится.

Но больше мы с ним не видались, и ни за какими советами он ко мне не обращался.

* * *

В этот период мне представился случай отправить письмо генералу Деникину, который вступил в командование добровольческой армией, после того как генерал Корнилов был убит при попытке занять Екатеринодар.

Мое письмо, с подробным описанием того, что я видел и слышал, дошло по назначению и, как генерал Деникин мне впоследствии говорил, было для него очень ценно, так как от внешнего мира добровольческая армия была совершенно отрезана, и никто не знал, что и где происходит.

* * *

То, что я видел и слышал в этот период в Киеве, убедило меня, что политика Германии, как к России в целом, так и по отношению к Украине, была явно колеблющаяся, неопределенная.

Конечно, в руках у нас нет документальных данных относительно указаний германского правительства своим представителям в России, но о многом можно судить по фактам, по распоряжениям местных германских властей (представителей), по разговорам фельдмаршала Эйхгорна, по словам игравшего заметную роль в Киеве гр. Альвенслебена, а также по разговорам германских офицеров с теми русскими, с которыми они сошлись и подружились. Наконец политика правительства гетмана Скоропадского и донского представительства в Киеве отражала в себе колеблющуюся и неопределенную политику Германии.

Прежде всего получалось впечатление, что между военными и гражданскими представителями Германии в России существует резкое различие во взглядах на будущее России.

Маршал Эйхгорн неоднократно высказывал, что для Германии необходимо воссоздать сильную, единую и дружественную Германии Россию; но и здесь отражались колебания центрального правительства: то говорилось о необходимости воссоздать «единую» Россию, то о воссоздании сильной Украины, независимой от Великороссии.

Что касается политического представителя Германии на Украине, бар. Мума, то в его словах явно чувствовалось нежелание принять решительные меры для воссоздания не только сильной единой России, но и сильной Украины.

Получалось отчетливое впечатление, что немцы хотят водворить порядок в России, пользуясь последней как своей базой для полу-

чения продовольствия и сырья, но, с другой стороны, не верят в то, что Россия может превратиться в их союзницу и, напротив, опасаются, что водворение порядка в России и в частности на Украине и воссоздание ими только что разрушенной армии может грозить им опасностью и вновь может создать для них восточный фронт.

Но вместе с этим, не имея восточного фронта, немцы все же принуждены были ввести в пределы России около 600 000 человек войска и по мере продвижения на восток отлично сознавали, что их положение становится все менее и менее прочным, что требуется новое увеличение войска и что этому нет предела. Растущее против них возбуждение среди населения указывало, что хотя, занимая железные дороги и главные населенные центры, и можно поддерживать в стране сравнительный порядок, но близко то время, когда из глубины страны они ничего не будут в силах получать, близки восстания в отдельных районах, и скоро предстоит новое увеличение их войск в оккупированной ими стране.

Получался заколдованный круг: с одной стороны, было опасно дать возможность организоваться новой русской армии из-за опасения вновь создать для себя Восточный фронт, а с другой стороны, чтобы пользоваться Россией, как продовольственной базой, необходимо было в ее пределах держать сильную армию, ослабляя Западный фронт, в то время когда их противники там усиливались и назревали решительные бои, которые должны были решить участь всей борьбы и будущую судьбу Германии.

Что касается отношения немцев к добровольческой армии, то и оно было крайне неопределенно.

Когда я приехал в Киев, то застал там совершенно открыто функционировавшее бюро записи в добровольческую армию.

Никто не разрешал открывать это бюро, но никто против этого и не возражал. Запись шла открыто, и офицеры без всяких препятствий и затруднений отправлялись на Дон в состав добровольческой армии.

В июне отношение к добровольческой армии резко изменилось: бюро для записей в состав армии распоряжением правительства гетмана (а штаб гетмана указывал, что это сделано по распоряжению немцев) было закрыто, и было объявлено, что впредь всякая пропаганда в пользу отправки офицеров и солдат в состав добровольческой армии будет строго преследоваться, что виновные будут арестовываться и предаваться суду и что прекращается выдача разрешений на выезд на Дон без ручательства бывшего в Киеве представителя донского атамана, что отправляющиеся на Дон не едут на пополнение добровольческой армии.

Вместе с этим из немецких кругов через представителей украинского военного министерства широко началось пропагандирование идеи создания особой южной добровольческой армии для борьбы против большевиков и с открытыми монархическими лозунгами.

На создание этой армии немцы обещали отпустить крупные

суммы и широко снабдить армию всем необходимым из запасов бывших Киевского и Одесского военных округов.

В Киеве и в Харькове были открыты бюро для записи в Южную армию, содержание офицерам и солдатам было назначено крупное, в несколько раз превышавшее получавшееся в добровольческой армии генерала Деникина.

Все, конечно, делалось не непосредственно немцами, а через украинское военное министерство.

Первоначально предполагалось создать две группы этой армии: одну—на Дону, на Воронежском направлении, а другую—в районе Харькова. Но впоследствии остановились на формировании одной Южной армии—в районе Дона [1].

Монархические лозунги и хорошее содержание первоначально привлекли многих, и запись началась очень успешно. Записывавшихся эшелонами отправляли на Дон.

Но вскоре пыл создателей этой армии остыл: дело в том, что многие офицеры, не веря немцам и сознавая, что формирование армии, идущее с благословения немцев и на их деньги, может оказаться невыгодным русскому делу, и в то же время встречая серьезные затруднения к отправке в добровольческую армию к генералу Деникину, скоро нашли способ обходить затруднения: они записывались в Южную армию, но по прибытии на Дон уходили из состава своих эшелонов и пробирались в армию генерала Деникина.

В Харькове и особенно в Киеве начались серьезные репрессии по отношению к офицерам, которые проповедывали необходимость итти на пополнение армии Деникина; их начали арестовывать и содержали в тюрьме, как важных государственных преступников.

Формирование Южной армии задерживалось и вследствие того, что не могли отыскать подходящего, популярного генерала, которого можно было бы поставить во главе ее. Предложение (через военное министерство гетмана или через донского атамана Краснова) делалось многим; но желающих не находилось. Отказался граф Келлер, отказался кн. Долгоруков. Наконец, на предложение донского атамана Краснова, условно согласился бывший главнокомандующий Юго-западным фронтом Н. И. Иванов. Он ответил, что первоначально переговорит с генералом Деникиным. Впоследствии он принял эту армию, но к этому времени немцы уже перестали ею интересоваться, она была в полном развале, и ген. Иванов, убедившись в полной невозможности сформировать из нее что-либо крепкое и значительное, по указанию генерала Деникина, ее переформировал в особый отряд, который и вошел в состав добровольческой армии.

Таким образом из этой затеи ничего серьезного не вышло,

[1] Я ничего здесь не говорю про формирования на Дону так называемых Астраханской армии и Саратовского корпуса. По слухам эти формирования производились с благословения немцев и на их средства.

но добровольческой армии был нанесен существенный вред: открытое провозглашение монархического лозунга было слишком заманчиво для большинства кадрового офицерства, которое революцией было выброшено за борт и превращено в париев. Очень и очень многие из хороших офицеров, стремившихся попасть в добровольческую армию Деникина, теперь или шли в Южную армию, или, не идя ни туда, ни сюда, заняли выжидательную позицию, выясняя, какие же лозунги в добровольческой армии. Это же послужило причиной задержать свой отъезд в добровольческую армию и для менее устойчивой части офицеров, нашедших предлог и объяснение для неисполнения своего гражданского долга.

Наконец надо откровенно сознаться, что и в рядах добровольческой армии формирование «монархической» армии внесло разлад, и некоторый небольшой процент офицеров перешел в ряды Южной армии.

В результате—формирование Южной армии безусловно задержало рост добровольческой армии и внесло разлад в офицерскую среду.

Очень многие думали, что немцы искренно хотели создать прочную добровольческую армию, но все их неопределенное и более чем двусмысленное поведение во весь период формирования Южной армии ясно указывает, что ими преследовались другие цели: внести разлад в среду русских офицеров; затруднить и задержать дальнейшее усиление добровольческой армии генерала Деникина и, прельстив старое кадровое офицерство заманчивыми для них лозунгами, а в результате ничего им не дав, привлечь их симпатии на свою сторону и помешать итти туда, где они могли оказаться для немцев вредными.

Многие возражали против этих выводов, говоря, что немцам, если бы они захотели, ничего не стоило уничтожить добровольческую армию генерала Деникина и не было смысла прибегать к сомнительным для их выгоды мероприятиям.

Да, уничтожить добровольческую армию генерала Деникина, может быть, и было сравнительно легко, но обстановка для немцев была так сложна, что предугадать, что вышло бы из этого в результате, очень трудно.

Нельзя забывать, что немцы рассчитывали получить хлеб и прочее сырье не только из района Украины, но и с Дона и Кубани; кроме того для них важно было получить связь и с нефтяным районом Грозного и Баку. А для всего этого надо было прежде всего дружественно настроить к себе казачьи области. Иметь их врагами было опасно.

Между тем донские и кубанские казаки были кровно связаны с добровольческой армией и открытое преследование последней могло вызвать опасные для немцев осложнения в казачьих областях; да и на Украине действия против армии генерала Деникина могли вызвать осложнения для немцев, возбудив против них всех тех, кто сочувствовал этой армии.

* *
*

В конце мая я получил известие, что мой отец, живший в Севастополе, очень плох.

Без разрешения немцев ехать в Крым было нельзя. Я боялся, что мне этого разрешения не дадут. Но разрешение я получил и выехал в Севастополь через Одессу.

В Одессе (в Херсонской и части Подольской губернии) хозяевами были австрийцы.

Картина была иная, чем в Харькове и Киеве; видно было, что австрийские войсковые части совершенно разваливаются и сами становятся опасными для своего командного состава.

Немцы видели, что на австрийские войсковые части рассчитывать нельзя, и стали вкрапливать в гарнизоны городов свои небольшие части. Австрийскому командованию такая опека была неприятна, но они принуждены были согласиться. В день моего приезда в Одессу туда прибыл батальон германской пехоты.

На пароходе по дороге в Севастополь я обратил внимание, что почти все немецкие солдаты, бывшие на пароходе, принадлежат к различным войсковым частям. Я этим заинтересовался и, обратившись к какому-то немецкому лейтенанту, попросил его мне это объяснить. Он прежде всего заметил: «видно, что вы военный; штатский на это не обратил бы внимания». Затем объяснил, что в Крыму отличная рыбная ловля, но совершенно не организованная; что на это обращено внимание германским командованием и с разрешения императора Вильгельма из частей, находящихся на западном фронте, вызваны рыбаки, промышлявшие на берегах Северного и Балтийского морей; что на этом пароходе направляется в Севастополь первая партия рыбаков с сетями и различными рыболовными снастями; что, вероятно, будет прислано еще три таких, и тогда будет организована рыбная ловля и заготовление рыбных консервов, которые будут посылаться в Германию.

Невольно я подумал: трудно вас победить, но все же вы слишком зарвались и будете побиты!

Похоронив отца, я должен был зайти в Севастополе в комендантское управление, так как для получения разрешения на выезд из Крыма требовалась личная явка в комендатуру.

Войдя в комендантское управление, я увидел немецкого офицера, сидевшего за столом с задранными на соседний стул ногами и с сигарой во рту.

Мне сказали, что надо обратиться к нему.

Я подошел и сказал, что пришел за разрешением на выезд из Крыма.

— Как ваша фамилия?

— Лукомский.

Немецкий офицер сейчас же спустил ноги со стула, вынул сигару изо рта и спроси:

— Вы не генерал?

— Да, генерал.

Он встал и, предлагая мне стул, сказал, что разрешение будет немедленно выдано. Взял мои документы, и я действительно через пять минут получил разрешение на выезд из Крыма.

В Одессе мне пришлось задержаться из-за формальностей по отцовскому наследству.

Зайдя как-то к моему знакомому, Андриевскому, я встретил там командующего австрийскими оккупационными войсками. Нас познакомили.

Начал он с того, что выразил удовольствие со мной познакомиться, хотя, как он выразился, «встреча с вашей дивизией, когда вы в мае 1916 года прорвали наш фронт и затем, заняв Черновицы, продвинулись в Карпаты, была не из приятных».

Затем он начал ругать с пеною у рта Германию.

— Мы уже почти погибли, гибнут немцы. Их продвижение в глубь России пагубно; это приведет к неминуемой катастрофе. Из-за непонимания Германией обстановки она погибнет сама и погубит окончательно нас.

Бедный старик впоследствии не перенес позора своей родины и в Одессе же застрелился.

В первых числах июля я закончил свои дела и собирался выехать в Киев, но получил телеграмму от сестры жены, гр. Гейден, что она просит меня задержаться на несколько дней в Одессе.

На другой день в Одессу приехал из Киева генерального штаба полковник Кусонский и сказал мне, что должен предупредить меня о том, что мне ехать в Киев нельзя; что там идет серьезное преследование и аресты всех причастных к добровольческой армии и что отдан уже приказ арестовать меня.

Я на это ответил, что в Одессе я не скрываюсь, что если немцы мною интересуются, то, конечно, отлично знают, где я нахожусь, и могут меня арестовать так же легко в Одессе, как и в Киеве или по дороге в добровольческую армию, куда я должен скоро ехать. Что я, наоборот, считаю, что в смысле ареста мой приезд в Киев скорей безопасен, так как вряд ли германское командование захочет нашуметь с моим арестом в Киеве, где меня почти все знают.

В Киеве я нашел мою жену, только что приехавшую из Москвы в так называемом украинском поезде (в этих поездах перевозили, по соглашению между советским и украинским правительствами, украинских граждан).

Благополучный приезд в Киев моей жены также показал влияние немцев.

Комиссариат по иностранным делам категорически отказал дать ей разрешение на выезд на Украину. Моя жена через своих знакомых обратилась за содействием к германскому консулу и ей не только разрешили выехать, но потом позволили вынуть из сейфа ее драгоценности (как и другим, уезжавшим с украинским поездом).

Приехав в Киев, я узнал о приезде туда же П. Н. Милюкова. Бывшие члены Государственной думы Нелидов и Шульгин сказали мне адрес П. Н. Милюкова и сообщили день и час, когда он будет дома и будет меня ждать.

Я пошел к нему.

Наш разговор носил очень горячий характер.

П. Н. Милюков доказывал, что немцы выйдут победителями из мировой борьбы; что они единственная сила, на которую может опереться Россия; что только немцы, приславшие нам в запломбированных вагонах руководителей большевизма, могут нас от них избавить; что Франция и Англия в таком положении, что от них помощи ожидать нельзя.

По мнению П. Н. Милюкова, так как мы справиться с большевиками сами не можем, то должны обратиться за помощью к Германии—победительнице в мировой борьбе, к Германии—нашей соседке, которой должно быть выгодно восстановить в России порядок. Немцы, добавил Милюков, люди практичные, и они поймут, что для их же пользы надо помочь России.

Я, со своей стороны, доказывал, что Германия будет разбита; что победителями, несмотря на выход из борьбы России, останутся наши бывшие союзники; что особенно для Франции выгодно, чтобы Россия была сильной; что соглашение России с Германией повергнет первую в экономическое рабство Германии. Напомнил П. Н. Милюкову, что до войны Германия всегда стремилась к тому, чтобы мешать у нас развитию промышленного производства (как, например, красочного). Доказывал Милюкову, что экономическая зависимость от Англии и Франции не так страшна; что они будут вкладывать капиталы в наши производства и этим подымать нашу промышленность; что Германия в противоположность этим державам будет почти исключительно пользоваться нашим сырьем для развития своей промышленности, всячески затрудняя развитие промышленности в России.

П. Н. Милюков стоял на своем. Так как его лейт-мотивом было уверение, что Германия выйдет победительницей из мировой борьбы, то я предложил ему поговорить еще с генералом А. М. Драгомировым, авторитет которого в военном деле, повидимому, Милюков признавал.

На другой день я устроил их свидание, присутствуя на нем сам, но из этого ничего не вышло: П. Н. Милюков упорствовал на своем и не соглашался ни с какими доводами.

В заключение он сказал, что он не приехал немедленно договариваться с немцами, а пока хочет повидаться в Киеве с представителями германского правительства и позондировать почву, на каких условиях можно начать переговоры; выяснить, что именно предложат немцы, а затем в зависимости от этого принять окончательное решение.

Насколько мне известно, свидание П. Н. Милюкова с представителями германского правительства в Киеве не состоялось.

Одновременно с П. Н. Милюковым вновь приехал из Москвы в Киев лейтенат Масленников.

Масленников не привез мне никаких подтверждений о вызове меня в Москву, и впоследствии я узнал, что предложение, которое он мне сделал в Харькове от имени А. В. Кривошеина и В. И. Гурко не носило столь определенного характера, как мне это было передано Масленниковым.

Я узнал, что Масленникову было лишь поручено выяснить, соглашусь ли я на приезд в Москву и на принятие руководства военными организациями, если обстановка будет складываться для этого благоприятно.

Начиная со дня моего приезда в Киев, я почти ежедневно стал получать предупреждения о том, что буду арестован. Передавали мне об этом из гетманского штаба, из донского представительства и даже якобы из германского штаба.

Насколько действительно были верны слухи о решении меня арестовать, я не знаю, но следить за мной были приставлены два филера, которых я скоро уже знал в лицо. Одна моя родственница иногда, когда я бывал у нее, смеясь говорила: «Ну вам пора уходить, а то, посмотрите в окно, ваш филер совсем уже измучился, скучает и сердится, сидя на тумбе».

Предупреждения о решении меня арестовать стали, наконец, столь упорны и исходили из таких высоких сфер, что я решил ускорить свой отъезд на Дон. Да и вообще пора было ехать.

Чтобы не случилось бы какой-нибудь неприятности в дороге, я решил проехать в вагоне, который был предоставлен в распоряжение донского представителя. О том, что я поеду в этом вагоне, знали только представитель войска донского и моя семья.

В день моего отъезда мои вещи были отправлены на вокзал вместе с вещами уезжавшей в деревню сестры моей жены, а там перенесены в вагон донского представительства.

Я же часа за полтора до отхода поезда прошел к своим родственникам, у которых часто бывал, а затем вышел оттуда в сопровождении моих детей, и мы пошли по направлению к дому.

Филер, убедившись что я иду домой, где-то отстал, а я, взяв извозчика, проехал несколько улиц и затем пересев на другого, отправился на вокзал.

На вокзал я приехал после первого звонка и, пробыв на нем до второго звонка, быстро прошел в вагон.

Никто на меня не обратил никакого внимания и я без всяких приключений доехал до Ростова, а оттуда проехал в Новочеркасск [1].

Я хотел, прежде чем ехать к генералу Деникину, повидаться с донским атаманом генералом Красновым и вполне ориентироваться в той обстановке, которая сложилась в Новочеркасске.

---

[1] Новочеркасск вслед за занятием Ростова немцами был занят донскими казаками и отрядом полковника Дроздовского, пришедшим с румынского фронта.

По дороге на Дон, в Екатеринославе, ко мне подошло несколько офицеров и, жалуясь на то, что они уже несколько дней не могут попасть в поезда, идущие на Дон, просили взять их в вагон, в котором я ехал. Кое-как мы их устроили у себя. В пути я от многих слышал, что немцы всеми способами стараются не пропускать офицеров в добровольческую армию.

Тяжело было увидеть и на ростовском вокзале германские каски!

Приехав в Ростов, я узнал, что германцы, достигнув Дона на участке Аксай—Ростов, дальше не продвигаются. На левом берегу Дона ими занимался лишь Батайск (предместье Ростова) и у Аксая (на полпути между Ростовом и Новочеркасском) мосты через Дон охранялись их караулами.

В Новочеркасске жили лишь два германских офицера, являясь представителями германского командования при донском атамане.

Политическое положение на Украине при гетмане [1].

Политическая обстановка в Киеве в ту пору была чрезвычайно сложная, но с внешней стороны она мало в чем проявлялась. Немцы отвели для своего главного командования особый квартал города—часть Липок, который после убийства их главного вождя, Эйхгорна, окружили барьерами и часовыми, но зато вне этого квартала, вернее вдали от окружающих его застав, их присутствие почти не замечалось, а в особенности не ощущалось. Правда, проходили по улицам германские воинские части, встречались на улицах немецкие офицеры и солдаты, виднелись кое-где немецкие надписи, но держали себя немцы не вызывающе и, видимо, избегали всего, что могло бы раздражить население и дать ему понять, что настоящими хозяевами города являются они, а не украинская бутафория.

Находившиеся в Киеве германские полки, по физической крепости их личного состава, были много выше виденной нами в Орше немецкой калеки, а по внешней дисциплинированности и выправке мало чем отличались от когда-то виденных в Берлине у Бранденбургских ворот гвардейских караульных частей.

Если присутствие германцев в городе замечалось мало, то наличие украинской власти не чувствовалось вовсе. Отражалось оно в повременной прессе, усиленно оповещавшей о всех действиях, а в особенности публичных выступлениях гетманского правительства.

Превратившийся в наследника Мазепы бывший командир кавалергардского ее величества полка никем всерьез не принимался. Ко времени нашего приезда его впрочем в Киеве и не было: он ездил на поклон к своему господину—императору германскому, и в магазинных окнах скоро появились фотографии, изображавшие встречу этих двух потентатов: Скоропадский стоял, вытянувшись в струнку, перед Вильгельмом, непринужденно заложившим руку в карман.

---

[1] Из ст. автора; «Из Петрограда через Москву, Париж и Лондон в Одессу. 1917—1918 гг.». «Архив русской революции», т. XV, Берлин, 1924 г. Автор видный член правых контрреволюционных организаций, бежал из Москвы и попал на Украину в сентябре 1918 г. С этого времени и начинается его рассказ. Сост.

Оживление в Киеве было необычайное, и переполнен он был до последней степени. Сюда хлынула волна из большевистской России, и на Крещатике с каждым днем встречалось все большее количество петроградских и московских знакомых.

Гетманское правительство ко времени нашего приезда в Киев (начало сентября 1918 г.) в лице начальников составлявших его отдельных управлений, носивших название министров, было смешанное.

Председатель Совета министров С. Н. Гербель [1], министр внутренних дел И. А. Кистяковский, его товарищ, бывш. член Государственной думы Варун-Секрет были, несомненно, русские люди, смотревшие на Украину, как на временное политическое образование и допускавшие лишь присвоение ей некоторых автономных прав.

Но были среди министров и убежденные «щирые» украинофилы. К ним в особенности принадлежал министр путей сообщений, едва ли не поддерживавший сношения если не с Петлюрой, то с Винниченко и Грушевским.

Сам Скоропадский был ближе к русскому крылу своего правительства, но честолюбие в нем сильно разыгралось, а посему он, видимо, мечтал о сохранении звания гетмана и по восстановлении России, связавшись с ней на федеративных началах. Впрочем, возможно, что, как многие это утверждали, у него мелькала мысль, освободив Россию, присоединить к малороссийскому гетманству всероссийский престол. Наивному человеку чего не взбредет в голову, отуманенную случайной удачей. Этим, быть может, обусловливался двойственный образ его действий по отношению к добровольческой армии.

Держал себя Скоропадский с важностью и внешней пышностью, поскольку это дозволяли местные условия. Стремился он одновременно доказать свое «щирое» украинство между прочим усиленным восхвалением украинских знаменитостей—Шевченко и Мазепы—других не нашлось—и совершенно зря клеймя будто бы испытанный Украиной в течение двух с половиной веков русский гнет, без указаний, однако, в чем он состоял. Одновременно в частных беседах с русскими деятелями он выражался совершенно иначе. Им он объяснял свое украинство тактическими требованиями момента, но веры в себя и в свою лойяльность к России ни в ком не возбуждал. Жалкий оппортунист, он не сумел создать себе сколько-нибудь значительное число сторонников ни в украинофильском лагере, ни среди русских людей и столь же скоропалительно и бесследно исчез с политического горизонта, сколь нежданно игрою случая на нем появился.

---

[1] Автор путает: министерство царского чиновника С. Н. Гербеля появилось лишь в ноябре, после того как поражение Германии стало окончательным и бесповоротным. Прим. сост.

Почти одновременно с местным правительством в Киеве образовались и две крупные местные общественные организации, обе будто бы экономического характера, но в действительности деятельно занимавшиеся политикой. Одна из них—«союз хлеборобов»—была первоначально тесно связана с гетманом; от нее формально получил Скоропадский гетманскую булаву. Лидеры этого союза были до мозга костей русские люди и ни о какой самостийной Украине слышать не хотели. Создали и поддерживали они фикцию гетманской власти в целях исключительно утилитарных. Крестьяне-собственники, входившие в множестве в состав союза, были ярыми врагами большевиков, так как опасались пуще огня поравнения их земли с деревенской беднотой. К украинскому вопросу они относились в массе безразлично. Во главе союза стоял винницкий уездный предводитель дворянства граф Д. Ф. Гейден, тем более тяготевший к добровольческой армии, что он был женат на сестре одного из вождей этой армии—ген. А. М. Драгомирова. Не менее русским был и управляющий делами союза А. А. Зиоско-Боровский, весьма толковый и знающий человек; он впоследствии умер на юге России от сыпного тифа.

Однако организованной силой, могущей с оружием в руках поддерживать гетманскую власть и охранять край от захвата большевиками, союз не обладал. Лишенные всякого вооружения, члены его, сколь бы они ни были многочисленны, для боевых действий не были пригодны. Между тем еще существовавшая в то время австрийская империя продолжала лелеять химеру оторванной от России и присоединенной к империи Габсбургов Украины.

Австрией вооружались и снаряжались повстанческие банды, создаваемые хохломанами типа Винниченко и авантюристами типа Петлюры. Сила этих агитаторов зиждилась на тех по существу да и по форме большевистских лозунгах, которые для успешности комплектования этих банд провозглашали их вожди.

Едва прикрытый национальными сепаратистскими лозунгами, большевистский дух частей сказался при первом их столкновении с Красной армией, в бой с которой они даже не хотели вступить.

Силы против этих по существу грабительских банд союз хлеборобов не сумел или не мог создать.

Не большей силой обладал и другой образовавшийся в Киеве союз, сокращенно называвшийся «Прогофисом» (союз промышленности, торговли и финансов). Во главе этого союза был бывший член Государственной думы кн. А. Д. Голицын, а состав его был пестрый. Союз преследовал преимущественно материальные интересы, а посему в политическом отношении готов был на всевозможные компромиссы как с гетманом, так и с германцами. Добивался он, безразлично ценой каких уступок, лишь одного—охранения края от большевиков. Денежными средствами союз этот обладал, несомненно, в значительно большем количестве, нежели союз хлеборобов, но расходовать их на общегосударственные надобности проявлял мало охоты. Зато в промышленной области он развил

лихорадочную деятельность, что вполне соответствовало, хотя в значительной степени искусственному, но все же наблюдавшемуся оживлению хозяйственной жизни края. Наряду с развитием разнообразных видов спекуляции нарождались многие новые виды производства и увеличивались существующие промышленные предприятия. Степень живучести этих начинаний на практике не удалось проверить. С захватом края большевиками все они погибли независимо от их солидности. Возникали они во всяком случае десятками, и число уставов, утвержденных гетманским правительством, весьма значительно. Замышлялись и грандиозные предприятия общего значения, как, например, использование днепровских порогов, как огромной двигательной силы, которую предполагалось превратить в электрическую энергию.

Оживление предпринимательской деятельности на Украине приписывалось самостийниками приобретенной краем политической самостоятельности, которая ввиду этого в деловых, а в особенности в деляческих кругах Киева приобретала не малое количество сторонников.

По мере прибытия из большевизни остатков былых государственных и общественных деятелей в Киеве стали образовываться различные общерусские политические группировки. До сентября В Киеве было представлено лишь одно русское политическое течение, а именно крайнее правое.

Группа представителей этого течения имела во главе небезызвестного одесского городского голову Пеликана, а в качестве главного вдохновителя—присяжного поверенного Соколова. Находилась она в связи с герцогом Г. Лейхтенбергским, никакой самостоятельной Украины, конечно, не признавала и придерживалась определенно германской ориентации. Сосредоточены были ее усилия на образовании новой антибольшевистской армии, отдельной от добровольческой, названной Южной. Затея эта до известной степени поощрялась немцами, предоставлявшими образуемой армии некоторое, в общем ничтожное количество вооружения, равно как некоторые денежные средства.

Видя в добровольческой армии силу, им явно враждебную, почти столь же упорно мечтающую о возобновлении войны в союзе с Антантой, как о свержении большевиков, германские власти считали нужным по возможности уменьшить приток в нее русского офицерства и имено с этой целью поощряли образование новой русской армии.

Отвлечь переполнявшее Киев русское офицерство от вступления в ряды добровольческой армии можно было, только дав ему другой выход. Таким выходом и должна была явиться Южная армия.

Вербовкой офицеров и солдат (поступали и солдаты, но в незначительном количестве) в эту армию усиленно занимался граф В. Бобринский. Во главе Южной армии предполагалось поставить престарелого генерала Н. И. Иванова, некогда командовавшего нашим Южным антигерманским фронтом, а фактическим начальни-

ком был граф Келлер (впоследствии убитый в Киеве петлюровцами). Образовывалась Южная армия в районе Харькова, но пока что многие из записавшихся оставались в Киеве, где и подчинялись жившему там же графу Келлеру.

Однако лучшие элементы офицерской среды неохотно шли в ряды Южной армии, вследствие ее определенно германской ориентации и даже зависимости в материальном отношении от германских властей.

Напрасно привлекали в Южную армию и наиболее консервативный элемент военной среды—гвардейское офицерство—заверением, что армия эта предназначена для восстановления монархии, а что добровольческая армия пропитана республиканскими чувствами. Гвардейское офицерство, однако, туда не шло и, поскольку наличность имеющихся денежных средств ему это позволяла, понемногу пробиралось в Ростов и Новочеркасск, инстинктивно чувствуя, что именно там, независимо от господствующих в добровольческой армии тех или иных политических течений, бьется истинное национальное сердце. Впоследствии, когда ввиду явно надвигавшегося крушения Германии находящееся в Киеве германское начальство утратило всевластное доминирующее положение, русское офицерство образовало добровольческие дружины в самом Киеве, начальником коих был князь Долгоруков, причем дружины эти считали себя как бы частью добровольческой армии.

Если среди русского офицерства, сосредоточившегося в Киеве, было немного охотников вступить в ряды Южной армии, то еще менее было желающих вступить в украинские войсковые части с введенным в них украинским командным языком. За исключением нескольких честолюбцев, составивших «двор» пана гетмана и вырядившихся по этому случаю в живописные, опереточные, полупольские, полуказацкие жупаны, русских офицеров на гетманской службе почти не было. Зато среди приближенных Скоропадского были и такие чудаки, которые выбрили себе голову, оставив лишь на затылке «оселедцы» (чубы), которые старались отрастить как можно длиннее.

Таким образом в Киеве по иным причинам, но произошло то же самое, что в Москве, а именно разделение офицерства на различные группы, относившиеся друг к другу не всегда дружелюбно: на поступающих в украинские войска, на записывающихся в Южную армию монархического и германофильского настроения и на тяготевших к добровольцам. Конечно, были и такие, которые предпочитали снять военный мундир и обратиться к безопасным мирным занятиям, хотя безопасных положений в то время в России вообще нигде не было.

Если наблюдался раскол среди съехавшегося в Киев офицерства, то не было единомыслия и между съезжавшимися туда политическими деятелями.

В двух отношениях они впрочем были единомышленны, а именно в отрицательном отношении к украинскому сепаратизму и в

сочувственном к добровольческой армии. Зато по вопросу о той иностранной силе, на которую в целях возрождения России следует опереться, мнения расходились.

Толчком для образования иных, кроме крайней правой, общерусских политических группировок послужил приезд в Киев многих членов Государственной думы и Государственного совета. Тотчас создалось объединение всех парламентских деятелей, сейчас же выбравшее из своей среды бюро в составе до 15 членов. Тут рядом сидели и дружно между собой беседовали, мало в чем расходясь, Милюков и Пуришкевич.

Собиралось бюро преимущественно на квартире члена Государственной думы Искрицкого и вело нескончаемые беседы, сводившиеся в сущности к взаимному осведомлению о текущих событиях. Как сейчас вижу первое появление в нашей среде Пуришкевича, совершенно бритого и потому трудно узнаваемого, во френче, высоких сапогах и с огромным Владимирским крестом на шее. Пуришкевич, войдя, интриговал Милюкова, так и не узнавшего своего постоянного думского противника, пока он сам себя не назвал.

Вопроса о форме правления в этой среде почти не касались, хотя несомненно, что за восстановление монархии стояли решительно все, причем преобладающее большинство признавало, однако, что поднимать это знамя преждевременно. Тем не менее на первом общем собрании членов двух законодательных палат, насчитывавшем свыше 70 человек, Пуришкевич с присущей ему горячностью и стремительностью поднял этот вопрос и настоял на том, чтобы по нему была вынесена определенная резолюция. Высказаться отрицательно по отношению к монархии собрание, состоявшее из монархистов, конечно, не могло. К вящшему неудовольствию бюро и тех, которые считали это за тактическую ошибку, собрание признало, что формой правления в восстановленной России должна быть легитимная монархия. Вопрос о том, кто должен быть признан законным претендентом на престол, при этом не возникал.

Тем временем бюро парламентской группы, в состав которого вошли некоторые покинувшие Москву члены правого центра, в том числе Кривошеин, вновь возбудило вопрос об иностранной интервенции. Составили между прочим пером Милюкова обращение ко всем державам, представители коих имелись в Киеве, среди коих консулов держав Согласия, разумеется, не было. В обращении этом указывалось на все бесчинства, творимые большевиками, и на ту мировую опасность, которую представляет большевизм, разжигающий наиболее низменные инстинкты человеческой природы.

Рассчитывали приэтом, tacitu consensu [с молчаливого согласия], преимущественно на германскую помощь, но открыто высказаться за германскую ориентацию никто не решался. Милюков какие-то шаги, столь дорого ему впоследствии обошедшиеся, предпринял в этом направлении, но всецело за свой страх и риск.

Исход международной войны в Киеве в ту пору еще совер-

шенно не выяснился. Занимавшая Украину германская власть, естественно, распространяла и даже дозволяла оглашать только сведения, для Германии благоприятные. Однако и из них выяснялось, что никаких решительных результатов Германия в войне не достигла. С другой стороны, самое присутствие германских войск в Киеве и явная зависимость гетмана от Берлина внушали большую веру в германский успех. Тем не менее недавнее участие России в войне в союзе с Антантой и хозяйничанье немцев на всем юго-западе России препятствовали верить в искренность германских заявлений, а тем более желать их торжества и вообще строить будущее России на их помощи. В частности Кривошеин, столь решительно высказывавшийся в Москве за соглашение с Германией, изменил свою точку зрения. Он не мог простить немцам гибели царской семьи, спасти которую немцы имели, по его мнению, при желании полную возможность.

После образования парламентского бюро, преимущественно его же стараниями, достигнуто было в Киеве и более широкое объединение различных политических деятелей. Семь или девять, точно не помню, крупнейших образовавшихся там общерусских общественных организаций, как-то: земское, городское, промышленности, торговли и другие, связались между собой и образовали один общий управительный орган, наименовав его Советом государственного национального объединения [1], председателем коего был выбран тот же барон Меллер-Закомельский. В выборе этом сказалось общее настроение этого органа, тождественное с господствовавшим в бюро парламентского комитета. Умеренное в своих убеждениях и в соответствии с этим нерешительное в своей деятельности, объединение это и его центральный орган в общем представляло неспособную к героической работе мягкотелую русскую общественность. Какого-либо пафоса, соответствующего испытываемым родиной бедствиям, проявить оно не было в состоянии, а потому и оказалось мертворожденным. Монархисты в душе, члены этого объединения признавали, что развернуть монархическое знамя можно лишь при благоприятных к тому обстоятельствах, когда наступит уверенность, что знамя это действительно объединит вокруг себя могучую силу. С громом и грохотом, говорили сторонники этого мнения, должен царский лозунг прокатиться по России; в противном случае может случиться не распространение его, а, наоборот, развенчание. Провозглашение монархического начала без вызова немедленного сильного встречного ему общественного течения, по мнению этих лиц, могло на продолжительное время развенчать этот принцип в представлении народных масс. Думается, что в то время, при неизжитой еще населением вере в большевистские посулы, когда еще происходил захват и дележ чужого имущества, они были правы.

---

[1] Подлинное название этой организации: Совет государственного объединения России. Прим. сост.

Не решалось киевское объединение высказаться и по вопросу о «самостийной» Украине. Сколь отрицательно ни относились к хохломании съехавшиеся в Киеве русские политические деятели, сколь ни осмеивали они в частных беседах опереточный двор Скоропадского с его украшенными «оселедцами» флигель-адъютантами, все же никаких выступлений против него они не предпринимали и, наоборот, готовы были его всемерно поддержать, вполне сознавая, что при данных условиях падение гетманской власти (в случае возможного ухода германских войск, против наличия которых поэтому тоже отнюдь не восставали) до свержения большевиков в Москве обратит и весь юг России в большевистский застенок.

Настроение народных низов в Киеве было определенно большевистское, и на базарах открыто велись разговоры на тему о распространении на Украину райских, по их представлению, условий народной жизни в Совдепии. Не лучше, если не хуже было настроение сельских масс, подвергавшихся усиленным денежным взысканиям при содействии германских войск за учиненные ими аграрные бесчинства.

В верхах наблюдалось другое. Наряду с разнообразной спекуляцией и ловлей в мутной воде наблюдалось неизменно сопутствующее всем великим потрясениям разложение нравов. Размножились игорные дома, где игра шла нередко на огромные суммы. Необеспеченность завтрашнего дня, легкая нажива, наконец обесценение денежных знаков—все побуждало к широким тратам. Рестораны были полны, и за бутылку ликера платили, не морщась, сотни рублей. Женская честь превращалась в предрассудок. Большевистский дух в проявлениях иного рода захватывал и высшие слои русского народа.

Общественные русские деятели не утратили, однако, бодрости духа. Свои усилия они направили к единственной по тому времени разумной цели—к объединению деятельности тех трех новых политических образований, которые народились в пределах искони русской части б. Российской империи, а именно Украины, всевеликого Дона и расположенной на Кубани добровольческой армии.

К сожалению, к этой мысли пришли не тотчас, а в особенности не сразу принялись за ее деятельное осуществление. Между тем раскол между национально настроенной добровольческой армией и стоящей у власти в Киеве кучкой украинских сепаратистов влиял роковым образом на достижение основной цели—освобождение России от разрушающего ее Третьего интернационала. Тому же едва ли не в большей степени содействовали как зависимость гетмана от германцев, вследствие чего даже ту незначительную помощь оружием, которую он оказывал армии Деникина, он вынужден был производить тайно, так в особенности порождавшее это положение резко антигерманское настроение добровольцев.

В начале ноября автор вместе с другим активным контрреволюционером Шебеко выехал на Дон и в добровольческую армию

с целью наладить объединение их с гетманской Украиной в борьбе с Советской республикой].

В Киеве, куда мы прибыли уже после получения там известий как о заключении перемирия, положившего конец мировой войне, так и о бегстве отрекшегося от престола германского императора, мы нашли большую перемену. Утративший германскую опору гетман поспешил изменить свое отношение к России. Исключив из состава своего правительства все бывшие в нем украинские элементы, он объявил, что почитает Украину за неделимую часть России [1], но это лишь ускорило его падение, ибо окончательно оттолкнуло от него искренних украинофилов, которых все же было некоторое, довольно влиятельное в крае, количество. В Белой Церкви тотчас объявились повстанческие недурно вооруженные банды, которые возглавлял Петлюра.

Образованные бывшим определенно украинофильским министром путей сообщения железнодорожные батальоны также немедленно проявили свои украинско-большевистские чувства и перестали подчиняться гетманской власти, а никогда не верившее в искренность гетмана, заполнявшее Киев русское офицерство, составившее добровольческие отряды для защиты Киева, лишь неохотно шло на жертвы для поддержания чуждой ему власти.

Трудное положение Скоропадского внезапно осложнилось еще одним инцидентом. Представитель генерала Деникина в Киеве генерал Ломновский издал ни на чем не основанный приказ, предлагавший русскому офицерству, образовавшему в Киеве добровольческие отряды, провозгласить себя частью добровольческой армии и подчиняться лишь исходящим от нее приказам.

Одновременно проявилось и разложение германских бывших в Киеве войск, и вскоре приняло явно революционный характер. Образовались солдатские советы в воинских частях, которые и стали во главе командования. Офицерские собрания были упразднены, и офицеры принуждены кормиться из общего солдатского котла и нести караульную службу наравне с нижними чинами, чему они поспешили безропотно подчиниться. Как говорили тогда в Киеве, «свернули они свои одеялки и поплелись в разные, разбросанные по городу караульные помещения».

Узнав о моем возвращении в Киев, председатель украинского совета министров С. Н. Гербель попросил меня проехать к гетману для разъяснения ему, в связи с приказом, изданным Ломновским, отношения добровольческой армии к Украине. Во дворце, занимаемом гетманом, я застал Гербеля и министра внутренних дел Кистяковского, и мы втроем вошли в кабинет правителя края. Скоропадского до тех пор я никогда в глаза не видел, а потому был до крайности поражен одной его тотчас обнаружившейся основной чертой—невероятной болтливостью. Он решительно не давал

---

[1] Только тогда гетманом было назначено правое министерство Гербеля. Прим. сост.

возможности своим собеседникам спокойно промолвить хотя бы несколько слов. Напрасно Гербель старался прервать поток его красноречия; дальше обращения «пане хетман», как он его величал, ему не удавалось сколько-нибудь продолжить свою речь.

Я определенно заявил, что никаких распоряжений генерал Деникин о распространении власти добровольческой армии на находящееся в Киеве русское общество не отдавал и, повидимому, не собирался отдавать. Меня попросили разъяснить это вызванному во дворец генералу Ломновскому, который и был после этого введен в кабинет, где мы находились.

Ломновский, которого я в жизни тоже никогда не видел, оказался весьма тихим и, как мне показалось, незначущим человеком. На мой вопрос, на чем он основывает изданный им приказ, к моему удивлению, он наивно ответил, что основал он его на появившемся в какой-то газете соответственном частном сведении. Столь невероятное объяснение меня взбесило и, при набравшем на этот раз воды в рот гетмане, я, не имея, разумеется, никакого на то права, резко и решительно указал генералу Ломновскому, насколько недопустим его образ действий, и предложил ему тотчас изданный им приказ отменить, на что он выразил полное согласие. Впрочем, весьма возможно, что согласие это было обусловлено тем, что ему уже было, вероятно, известно, сколь несочувственно отнеслись к его приказу сами офицеры, до которых он относился.

После ухода Ломновского к Скоропадскому немедленно вернулся его изобильный дар слова, и он, вновь не давая никому открыть рта и зараз захватывая в своей речи разнообразные сюжеты, занял нас столь же пространными, сколь туманными рассуждениями, где между прочим фигурировала и преданность России.

— И вот всегда так. Извольте при этих условиях иметь с ним дело,—сказал мне Гербель, когда мы, наконец, вышли от гетмана, очевидно, имея в виду затруднительность путно и спокойно о чем-либо с ним переговорить.

[В ближайшие дни автор выехал в качестве одного из делегатов на Ясское совещание].

В. МЯКОТИН

Из недалекого прошлого.

(Отрывки воспоминаний.) [1]

1. В Киеве при гетмане.

Осенью 1918 года, когда я попал в Киев, он жил напряженной, лихорадочной жизнью. И эта напряженность зависела как от местных условий, так и от общерусской обстановки того момента.

Став центром вновь создавшегося при содействии Германии государства—Украины, Киев ярко отражал в своей жизни всю сложность и запутанность отношений, сложившихся внутри нового государственного образования. Номинально власть в последнем принадлежала в данный момент «гетману» Скоропадскому, сменившему собою Украинскую раду. Но для всех было ясно, что Скоропадский является лишь ставленником и орудием немцев и сам по себе никакой силы и власти не имеет. Политический курс, взятый его правительством, восстановил против него украинскую деревню, и власть его в последней поддерживалась только расквартированными в Украине германскими войсками, которым ради этого поддержания приходилось то и дело прибегать к суровым карательным мерам. Не встречал большого сочувствия гетманский режим и в городах Украины, по крайней мере, в большинстве их населения. А вместе с тем в распоряжении Скоропадского не было и реальной силы в виде сколько-нибудь значительной армии, частью потому, что такой армии не позволяли создать немцы, частью потому, что русское офицерство, оказавшееся на Украине, в массе своей лишь крайне неохотно шло в гетманские войска. В результате власть Скоропадского являлась крайне неустойчивой, и было очевидно, что стоит только исчезнуть той опоре, какую она находила в германских войсках, легко может исчезнуть и сама эта власть.

Эту неустойчивость в конце концов сознавали и Скоропадский, и его министры, и это делало всю их политику в высшей степени шаткой. Ясно и определенно в сущности в их политике было одно—стремление опираться на зажиточные классы общества, в частности на крупных и средних землевладельцев,—все же остальное менялось со дня на день. Гетман то заявлял себя как нельзя более пламенным сторонником полной государственной самостоя-

[1] Из сб. «На чужой стороне», кн. V, Прага 1924 г.

тельности Украины и совершенного отделения ее от России, то выступал с заявлениями совсем другого рода, сводившимися к признанию необходимости воссоздания единой России и воссоединения с нею Украины. Некоторые из министров Скоропадского в свою очередь, по крайней мере в частных беседах, признавали необходимость воссоздания единой России и утверждали, что их собственная деятельность направляется в конечном счете именно к этой цели. Другие министры, наоборот, не только выступали решительными противниками идеи единой России, но и поощряли буйно разыгравшийся в некоторых кругах малорусского общества украинский шовинизм, доходя чуть не до гонения на русский язык. Вполне удовлетворить охваченные таким шовинизмом круги им все же не удавалось,—правительство Скоропадского не вызывало к себе в этой среде полного доверия,—а между тем в русских кругах, особенно сильно представленных в Киеве, накоплялось все больше раздражения.

Общая неуверенность в устойчивости создавшегося положения и широко разлитое острое недовольство этим положением и в частности деятельностью правительства сами по себе уже создавали в Киеве крайне напряженную атмосферу. В этой атмосфере особый характер получала и экономическая жизнь: нормальная торгово-промышленная деятельность все больше уступала свое место нездоровой спекуляции, сводившейся к стремлению как можно скорее сорвать все, что только может дать сегодняшний день. Такая спекуляция захватывала все новые и все более широкие области, цены на всевозможные продукты быстро и непрерывно росли, и это в свою очередь порождало большое недовольство в широких массах городского населения.

Создававшаяся всеми этими условиями неурядица киевской жизни еще более увеличивалась благодаря почти непрерывному притоку переселенцев с севера, из Великороссии. Под влиянием частью преследований со стороны большевиков, частью обнаружившейся уже в северных и центральных городах угрозы голода многие из их постоянных жителей бежали в эту пору на юг, и немалая часть таких беглецов направлялась в Киев, где они рассчитывали найти и сытную жизнь, и более или менее твердую власть, способную охранить их от большевистских опытов, а быть может, даже и повести борьбу с большевиками за Россию. Благодаря этому притоку беглецов в Киеве, население которого и без того сильно увеличилось за годы войны, создалось крайнее переполнение, так что вновь приезжающим людям становилось уже очень трудно найти себе помещение. При этом среди беглецов, естественно, преобладали состоятельные люди. Изголодавшись на севере, они в Киеве, где все еще было сравнительно дешево и все еще можно было достать, сразу же начинали вести широкий образ жизни, не стесняясь в тратах и тем еще более ускоряя и так уже шедший процесс повышения цен. На этой почве среди коренного киевского населения возникало подчас недовольство против прие-

жих, а местная украинская пресса с своей стороны всячески старалась раздуть такое недовольство, приписывая чуть ли не всем приезжавшим в Киев великороссам самые черные и злостные замыслы против Малороссии и то и дело попрекая этих «москалей» тем «украинским хлебом», который они едят в Киеве. Нередко, к слову сказать, такие попреки исходили от людей, которые перед тем годами, если не десятилетиями, жили в Петербурге, Москве и других великорусских городах и никогда, конечно, не думали о том, что они едят чей-то «чужой» хлеб. Но надо отдать справедливость киевской украинской прессе того времени,—в большинстве своем она была крайне демагогична и тем самым еще более обостряла ту нервность и напряженность, какая чувствовалась в самых различных слоях киевского населения и придавала его жизни беспокойный, лихорадочный характер.

Такова была в общих чертах та обстановка, которую я застал в Киеве и в которой предстояло развертываться деятельности Союза возрождения России. Эта деятельность шла здесь еще до моего приезда. В ту пору, когда я жил еще в Москве, у нас существовали более или менее регулярные сношения с Киевом, где у нас, народных социалистов, была довольно значительная партийная группа, и Киев явился одним из первых провинциальных городов, в которых возникли ячейки Союза возрождения России. Председателем киевской ячейки или киевского отдела Союза с первого момента его возникновения стал председатель местной группы народно-социалистической партии Д. М. Одинец, который успел развить энергичную деятельность, несмотря на то, что в районе немецкой оккупации деятельность эта по необходимости должна была носить конспиративный или, по крайней мере, полуконспиративный характер. Ко времени моего приезда в Киев здешний отдел Союза возрождения России насчитывал в себе несколько десятков членов. Среди них были и коренные киевляне, были и люди, сравнительно недавно приехавшие в Киев; последних по количеству было даже больше, и в среде их были и некоторые мои московские товарищи по Союзу, раньше меня выехавшие из Москвы и также приехавшие в Киев.

Собственно члены центральной организации Союза возрождения России не предполагали сколько-нибудь длительно задерживаться в Киеве. Выезжая из Москвы, мы рассчитывали как можно скорее пробраться в местности, где шла активная борьба с большевиками, в частности за Волгу, и только выяснившаяся невозможность проехать через волжский фронт заставила нас направиться на юг, причем мы все-таки не отказались вполне от надежды так или иначе пробраться в Заволжье. Пока же я, как и другие члены центральной организации Союза возрождения России, оказавшиеся к этому времени в Киеве, вошел в состав киевского отдела Союза и принял участие в его работе.

Эта работа здесь, как и в Москве, сводилась главным образом к пропаганде идей Союза и к попыткам согласовать с ними и ме-

жду собой действия различных партий и организаций, отдельные члены которых входили в Союз. Но в нервной атмосфере киевской жизни подчас возникало стремление придать деятельности Союза совершенно иной характер. Особенно сильно стало проявляться это стремление с того момента, как до Киева дошли сведения об окончательном поражении Германии и полной победе союзников. Немцы, до того чувствовавшие себя полными господами в Киеве, сразу приняли более скромный вид и отошли на второй план. Вместе с тем определенно зашаталась и власть ставленника немцев—Скоропадского. С разных сторон называли различных новых претендентов на власть, по городу поползли слухи о составляемых заговорах, о предстоящем в самом скором времени аресте и низвержении гетмана. Было ясно, что Скоропадский доживает свои последние дни, но многим, кроме того, казалось, что падающую из его рук власть может захватить чуть ли не любой желающий. Общая нервность захватила и некоторых участников Союза возрождения России. Помню, в одном из заседаний его бюро один или два члена последнего настойчиво предлагали Союзу войти в сношения с офицерскими организациями, в том числе с офицерами гетманского штаба, арестовать Скоропадского и провозгласить в Киеве новую власть. Инициаторам этого плана он представлялся вполне осуществимым, и понадобилось немало усилий, чтобы доказать им полную его фантастичность и убедить в том, что во всяком случае не нам, в большинстве своем приезжим в Киев людям, коренным образом не связанным с ним, устраивать в нем перевороты и создавать новую власть.

Некоторые из членов Союза возрождения России склонны были, впрочем, вообще чересчур высоко расценивать его силу и авторитет в Киеве. За время моего пребывания здесь был случай, когда в ответ на один из приказов гетманского правительства о мобилизации студентов собравшаяся в университете сходка вынесла резолюцию, что студенчество только в том случае пойдет в армию, если его призовет к этому какая-либо авторитетная организация, вроде Союза возрождения России. Некоторые из наших сочленов увидели в этом факте явное доказательство большой авторитетности Союза и существования у него возможности распоряжаться силами молодежи. В действительности же дело тут было, повидимому, в ином. Киевская молодежь в массе своей вообще не хотела итти в армию, ни в гетманскую, ни в какую-либо иную, а имя Союза возрождения России подвернулось в данном эпизоде более или менее случайно. Такое впечатление по крайней мере сложилось у меня—и далеко не у одного меня—от наблюдений над киевской жизнью. И немного позже оно нашло себе новое подтверждение в событиях. Уже после моего отъезда из Киева один из членов Союза возрождения России вошел в сношения с ген. Бредовым, занимавшимся тогда в Киеве организацией отряда добровольческой армии, и получил от него разрешение навербовать в состав этого отряда особую дружину имени Союза. Для

такой дружины было сразу дано оружие и помещение на 300 человек, а в ближайшие дни обещано было предоставить то и другое на 1 000 человек. Но записалось в эту дружину, при всех усилиях ее организатора, всего 27 человек, считая в том числе и его самого.

Помимо общей пассивности в этом эпизоде сказалась, конечно, и недостаточная еще приспособленность самого Союза к такого рода действиям. Широкой популярности в Киеве Союз возрождения России в эту эпоху, бесспорно, не имел. О нем кое-что знали, его имя мелькало порой в прессе, но сведений о нем было не так много, да и те, что были, не получали особенно широкого распространения. Иначе, пожалуй, и не могло быть, так как к этому времени Союз в Киеве только что начинал переходить из нелегального положения на положение открыто действующей организации. Во всяком случае пока что он оставался не очень известной и не особенно многочисленной по своему составу организацией, значение которой сводилось по преимуществу к тому, что в ней принимали участие люди разных общественных кругов и разных политических партий, сговорившиеся на некоторых основных программных и тактических положениях. Реальной силы эта организация сама по себе не имела, на власть претендовать не могла, но она отражала в себе мнения определенных кругов и могла в известной мере влиять на последние и вносить некоторую согласованность в их действия.

Обстоятельства сложились таким образом, что именно в этой своей роли Союз мог, казалось, получить серьезное значение. Вслед за известием об окончательной победе союзников над Германией до нас дошли в начале ноября сведения, будто они, по инициативе французов, предполагают созвать совещание представителей русских политических организаций, с тем чтобы узнать, как смотрят последние на положение дел в России и чего ожидают для нее от союзников. Через некоторое время Союз, действительно, получил приглашение прислать своих уполномоченных на совещание с представителями союзников в Яссах. Приглашение это, по словам передавшего его лица, приехавшего из Румынии полк. Ильина, исходило от образовавшегося в Яссах комитета, задавшегося целью устроить такое совещание русских организаций с представителями союзников и состоявшего из бывшего русского посла в Румынии, Поклевского-Козелла, бывшего главнокомандующего на румынском фронте ген. Щербачева и французского вице-консула в Киеве Энно. Вместе с тем нам стало известно, что на это совещание приглашено несколько человек персонально, а из организаций, кроме Союза возрождения России, приглашение получили Национальный центр и Совет государственного объединения России. Эта последняя организация только незадолго перед тем образовалась в Киеве и представляла собою попытку объединить бывших членов Государственной думы и Государственного совета, гласных цензовых дум и земств,

торгово-промышленных деятелей, профессоров и еще некоторые другие группы, причем в составе ее преобладали умеренно правые элементы. Было в сущности очевидно, что в Яссах в состав совещания были намечены, самое большое, отдельные лица, а организации полк. Ильин приглашал, руководствуясь указаниями, полученными им уже в России. Но во всяком случае факт приглашения на совещание и, следовательно, возможности встречи с представителями союзников был налицо, и с ним предстояло считаться.

К этому времени успели вернуться в Киев ездившие в Екатеринодар члены центральной организации Союза, за исключением лишь А. В. Пешехонова, временно оставшегося в Екатеринодаре. С другой стороны, в Киев за это время приезжали некоторые члены образовавшегося в Одессе отдела Союза, и они также приняли участие в обсуждении подлежавшего решению вопроса.

Собственно сомнений в необходимости принять участие в предположенном в Яссах совещании среди деятелей Союза не возникало. В нашем прошлом был уже, правда, опыт не совсем удачных сношений с представителями союзников в Москве и последствий этих сношений на Архангельском фронте. Но тогдашняя неудача, казалось, могла быть всецело объяснена особыми условиями того момента. С одной стороны, представители союзников, находившиеся в Москве, были, повидимому, лишь очень слабо связаны со своими правительствами, с другой,—время возникновения противобольшевистского движения в северных областях России совпало как раз с моментом наибольшего напряжения сил союзников в борьбе с Германией. Теперь эта борьба была победоносно закончена. И казалось совершенно естественным, что страны-победительницы вспомнят о своей изнемогшей в борьбе союзнице, принесшей столько тяжких жертв общему делу, и попытаются притти ей на помощь. Нетрудно будет, казалось, и сговориться об этой помощи теперь, когда исчезли внешние помехи для такого сговора и вновь открывалась возможность беспрепятственных сношений России с Западом. А сговориться было все же о чем.

Окончательное поражение Германии, казалось, само собою вело и к уничтожению навязанного ею большевикам Брест-литовского мира, раздробившего Россию и в частности оторвавшего от нее почти все южные области, из которых был создан ряд мнимо-самостоятельных новых государств. Союзники в свое время заявляли, что они не признают Брест-литовского договора. Нетрудно было предвидеть, однако, что в этих новых государственных образованиях найдутся элементы, которые попытаются убедить союзников сохранить в неприкосновенности эти создания Германии. В частности правительство Скоропадского, вслед за крушением Германии, всячески старалось найти себе поддержку и помощь у держав Согласия. И представлялось настоятельно необходимым, чтобы наряду с этими попытками и в противовес

им до союзников явственно дошел голос той части русского общества, которая стояла за сохранение единства России и, не признавая Брест-литовского мира, стремясь бороться с ним, вместе с тем боролась и против созданного им искусственного раздробления России.

Выступавшие против большевиков русские силы в создавшихся условиях не имели возможности сколько-нибудь прочно организоваться для предстоящей им борьбы. Ввиду этого теперь, когда силы союзников, занятые раньше войной с Германией, освободились, казалось и желательным и возможным осуществить на юге тот план, который не удалось осуществить на севере,—ввести в Россию довольно крупные военные части держав Согласия и занять ими определенную территорию, на которой могла бы под их прикрытием организоваться русская власть и русская армия, ставящая своей целью борьбу с насилием большевиков и воссоздание разрушенной ими России.

С этим вопросом тесно связывался еще один,—вопрос о самом характере этой власти. Можно было ожидать именно, что другие организации, приглашенные на Ясское совещание, поднимут на нем этот вопрос и предложат в качестве наиболее подходящей для данного момента власти военную диктатуру, в частности диктатуру главнокомандующего добровольческой армией. Между тем деятели Союза возрождения России не считали власть такого типа способной объединить общественные силы и разрешить те громадные и невероятно трудные задачи, которые вставали на пути воссоздания и умиротворения России. Для сколько-нибудь успешного разрешения этих задач, по мнению Союза, необходима была власть, которая имела бы общественное происхождение, которая родилась бы из сговора общественных сил,—только такая власть могла бы внушить достаточное доверие населению и собрать вокруг себя достаточные силы. Этой мысли Союз возрождения России держался с момента своего возникновения, и на ней была построена и выработанная им еще в Москве схема организации общегосударственной власти.

К данному времени вдобавок мы знали уже, что на севере предпринята попытка практического осуществления этой схемы,—что в июле, августе и сентябре сперва в Челябинске, затем в Уфе состоялся ряд совещаний представителей местных правительств северо-восточных областей и что на последнем из этих совещаний было принято решение организовать общерусскую государственную власть, и в качестве носителей таковой была избрана пятичленная Директория. Правда, при этом на уфимском совещании допущены были и отступления от плана организации власти, намеченного Союзом возрождения России. Одним из них был самый состав Директории. Членами ее, согласно плану Союза, были избраны лица разных партий: два социалиста-революционера (Н. Д. Ав-

ксентьев и П. Вологодский [1], один народный социалист (Н. В. Чайковский), один конституционалист-демократ (Н. И. Астров) и один беспартийный (ген. Болдырев). Но кроме того были избраны и их заместители, причем Астрова должен был замещать кадет Виноградов, а Чайковского эсер Зензинов. Так как Астрова и Чайковского не было в Уфе и не было надежды на скорое их прибытие, то вместо них в Директорию были включены их заместители, и таким образом из пяти членов, трое оказались социалистами-революционерами. Еще важнее было другое отступление от плана Союза, выразившееся в том, что уфимское совещание, под давлением участвовавших в нем социалистов-революционеров, в частности самарского комитета членов Учредительного собрания, признало Директорию ответственной перед Учредительным собранием 1917 г., обязав ее открыть это собрание в январе 1919 г., если бы к тому времени собралось 250 членов собрания, и в феврале 1919 г., если бы к этому сроку собралось 170 членов. Эти подробности решений уфимского совещания дошли до нас несколько позже, но самый факт избрания им Директории был нам уже известен, и члены Союза, естественно, склонны были рассматривать эту Директорию, как общерусскую власть, хотя нам и было ясно, что пока ее действия не могут еще распространяться на совершенно отрезанный от нее юг России.

На собрании Союза, решавшем вопрос об участии в Ясском совещании, и было постановлено принять в нем участие и отправить на него в качестве своих представителей А. А. Титова и И. И. Фондаминского, поручив им защищать перед представителями союзников изложенные взгляды, по возможности избегая разногласий с членами других организаций, но не отступая от основных позиций Союза.

Вместе с тем ввиду заявлений членов Одесского отдела Союза, что в Одессе со дня на день ждут появления судов и войск держав Согласия, бюро Союза был выработан на случай действительного появления этих войск текст обращения к их руководителям.

«В момент, когда силы держав Согласия, сломив сопротивление своих противников, готовятся войти в Черное море и вступить на территорию южной России,—говорилось в этом обращении,—действующий на Украине отдел Союза возрождения России считает необходимым высказать руководителям этих сил свои соображения о тех задачах, какие стоят пред ними на этой территории...

«Союз возрождения России ожидает, что державы Согласия, получив возможность ввести свои силы в Черное море, немедленно окажут через Новороссийск деятельную помощь армии ген. Деникина, в частности доставив ей недостающие у нее предметы воинского снаряжения... Но вместе с тем Союз возрождения России полагает, что действия держав Согласия на юге России не могут ограничиться лишь помощью армии ген. Деникина, а должны преследовать и более широкие цели.

[1] Вологодский, председатель Сибирского временного правительства, не был эсером, а близким к кадетам беспартийным. Прим. сост.

«Правительство гетмана Скоропадского, созданное в свое время Германией, сейчас обращается к державам Согласия с настойчивыми просьбами признать его и вместе с тем признать государственную самостоятельность Украины. Подобные же просьбы могут быть обращены—и, кажется, уже и обращаются—к союзникам и другими правительствами, возникшими на юге России в результате германской оккупации.

«Союз возрождения России ожидает, однако, что державы Согласия, верные своему обещанию сохранить в неприкосновенности государственную территорию России, решительно отклонят все подобные просьбы о признании новых государственных образований, созданных на русской территории внешней силой, носящих совершенно искусственный характер и не имеющих корней в массах населения, которые стремятся к соединению с остальной Россией. Вместе с тем Союз возрождения России надеется, что державы Согласия не признают и совершенного Румынией захвата Бессарабии, население которой не мирится с насильственным отделением от России. В свое время державы Согласия заявили, что они не признают заключенного большевиками от имени России мира с Германией. Позднее представители держав Согласия неоднократно заявляли русским общественным организациям, в том числе и Союзу возрождения России, что союзники будут отстаивать единство и неприкосновенность русской государственной территории. Те же заявления были торжественно повторены союзниками в обращении к русскому народу, когда они высаживали свои силы на севере России. Сейчас, в момент перелома войны, когда державы Согласия получили возможность непосредственного соприкосновения с южной Россией, они могут предпринять практические шаги к осуществлению этих заявлений, и первым таким шагом с их стороны, по мнению Союза возрождения России, могло бы явиться требование немедленного удаления из южно-русских областей германских войск, беспощадно эксплоатирующих население этих областей.

«Гетман Скоропадский и его правительство,—говорилось далее в этом документе,—просят, правда, державы Согласия оставить немецкие войска на Украине и в подтверждение этой просьбы ссылаются на то обстоятельство, что уход этих войск может повлечь за собой вспышку большевизма на Украине. Опасность большевизма в южной России, действительно, имеется. Но бороться с этой опасностью путем оставления здесь немецких войск, значило бы лечить болезнь таким лекарством, какое способно только усилить ее. Предоставление германским войскам возможности и дальше оставаться в южно-русских областях означало бы возможность для Германии не только продолжать эксплоатировать население этих областей, но и продолжать вмешиваться в их внутреннюю жизнь,—возможность, которую Германия, конечно, не преминула бы использовать для того, чтобы затруднить дело воссоединения России. И положение немного изменилось бы в том случае, если бы германские войска,—как это предполагают некоторые политики,—были оставлены в южной России исключительно для борьбы против большевиков совместно с отрядами держав Согласия и под контролем этих последних. Наоборот, в этом случае местное население неизбежно перенесло бы на отряды держав Согласия те чувства негодования и возмущения, которые вызывают в нем германские войска, и его трудно было бы убедить в том, что союзники пришли не для насилия над ним, как немцы, а для помощи ему. Ввиду этого наиболее правильным шагом со стороны держав Согласия было бы предъявление ими требования о выводе германских войск из южной России. Что касается возможной при этом вспышки большевизма, то для парализования этой опасности державам Согласия, по мнению Союза возрождения России, предстоит немедленно высадить некоторое количество войск в Крыму и в Одессе и по возможности быстрее продвинуть их вглубь страны. Количество таких войск не может быть ничтожным, но нет никакой необходимости и в чересчур большом количестве их...

«С появлением на территории южной России войск держав Согласия, сопровождаемым отказом этих держав признать существующие сейчас на данной территории новые государственные образования и их правительства, неизбежно встанет вопрос о характере долженствующей сейчас возникнуть здесь государственной власти. Союз возрождения России, исходя из признания государственного единства России, полагает, что в местностях, которые будут заняты войсками держав Согласия, не должно быть создаваемо никаких новых государственных образований, подобных тем, какие создавала в свое время на русской территории Германия. Россия не может, конечно, существовать в будущем в виде централизованного государства, но взаимоотношения ее областей должны быть установлены их самоопределением, а не указкой внешней силы. Сообразно этому в названных местностях, помимо восстановления органов местного демократического самоуправления, должна быть организована путем сговора общественных организаций лишь временная краевая власть, не посящая самостоятельного государственного характера, и признающая над собой общерусскую власть. Такою общерусскою государственною властью Союз возрождения России считает временное верховное правительство, образовавшееся в Уфе...»

Настроение и ожидания, выраженные в этом документе и разделявшиеся в ту пору большинством собравшихся в Киеве членов Союза возрождения России, легли и в основу тех указаний, какие были даны от Союза его делегатам на предполагаемое в Яссах совещание. В половине ноября эти делегаты вместе с делегатами двух других приглашенных организаций—Национального центра и Совета государственного объединения России—выехали из Киева через Одессу в Румынию. Через несколько дней после их отъезда и я покинул Киев. Один из членов одесской группы народно-социалистической партии обратился ко мне с предложением прочесть публичную лекцию в Одессе. Я принял это предложение и выехал из Киева, рассчитывая скоро вернуться в него. Но моим расчетам не суждено было сбыться. Вскоре после моего приезда в Одессу вспыхнуло петлюровское восстание, сообщение Одессы с Киевом было прервано, и возвратиться в Киев мне уже не пришлось, а довелось надолго застрять в Одессе.

2. В украинской Одессе.

Переезд из Киева в Одессу сам по себе мало что изменил в окружавшей меня общественной атмосфере. В Одессе мне пришлось иметь дело с теми же настроениями и вести по существу ту же работу, что и в Киеве. Только обстановка этой работы была существенно иной, и она придавала самой работе гораздо более сложный и ответственный характер. Но существо работы было все-таки то же самое и теми же самыми были основные силы, вместе с которыми приходилось вести эту работу.

В Одессе давно уже существовала небольшая, но довольно деятельная группа народно-социалистической партии, включавшая в свой состав, между прочим, нескольких видных представителей одесской интеллигенции. После возникновения Союза возрождения России некоторые члены этой группы вошли в его состав и вме-

сте с некоторыми отдельными членами других политических партий образовали в Одессе отдел Союза. Из партийных людей в состав этого отдела, кроме народных социалистов, входили социалисты-революционеры, в том числе несколько видных гласных местной городской думы, меньшевики-оборонцы и левые конституционалисты-демократы. Члены отдела подбирались, как и повсюду в Союзе, персонально, и собрались в одесском отделе в большинстве люди действительно однородные по своим основным устремлениям, так что им, несмотря на принадлежность к различным партиям, было сравнительно легко сговариваться между собою. В результате этого в заседаниях отдела господствовала в общем атмосфера большого единодушия, и сговор по выдвигаемым жизнью практическим вопросам достигался обычно довольно быстро. А то обстоятельство, что в составе отдела было немало людей, имевших большой вес в местной общественной жизни, придавало такому сговору определенное значение.

Помимо местных людей, принимавших участие в деятельности Союза возрождения России, в Одессе скоро появились в довольно большом количестве и приезжие. Уже через несколько дней после моего приезда сюда вернулись из Яссы наши делегаты. Они, впрочем, пробыли в Одессе недолго. По приезде они сообщили нам, что в Яссах они представили находившимся там послам держав Согласия общий меморандум от всей русской делегации по тем вопросам, по которым удалось добиться единогласия в ее среде, т. е. по вопросу о необходимости помощи добровольческой армии и посылки союзных войск в южную Россию, и что в ответ на этот меморандум послы обещали сделать все возможное для них в данном направлении, но вместе с тем советовали для большего успеха отправить делегацию в Париж. Эта новая делегация и была, действительно, решена, и от Союза возрождения России в нее были опять-таки включены А. А. Титов и И. И. Фондаминский. Таким образом оба они, пробыв недолгое время в Одессе, вновь уехали из нее на Запад. Но тем временем в Одессу пробрались некоторые другие члены центральной организации Союза. Прибыл через некоторое время—уже в конце декабря—и А. В. Пешехонов, сделавший морем путь от Новороссийска до Одессы. И так как в связи с докладом ясской делегации было ясно, что Одесса может стать центром событий, которые будут иметь крайне серьезное значение не только для нее, но и для всей России, то сам собою вставал вопрос о необходимости оформить существование здесь центрального органа Союза и пополнить состав этого органа. В этих видах решено было попытаться созвать в Одессе съезд южных отделов Союза. Такой съезд позже и был, действительно, назначен, но на него благодаря расстройству путей сообщения смогли приехать делегаты только немногих отделов, и потому на нем был выбран лишь временный центральный комитет, который должен был сохранить свои полномочия до первой возможности собрать но-

вый, более полный съезд. В состав этого комитета вошли все наличные члены центральной организации Союза и несколько новых лиц, председательство же в комитете выпало на мою долю. Таким образом, наряду с одесским отделом Союза, в Одессе со временем создался и центральный орган последнего, менее многолюдный по своему составу, но представлявший не только Одессу и занятый обсуждением вопросов более общего характера. На практике этот центральный орган находился, конечно, в постоянном взаимодействии с одесским отделом; пока же такого центрального органа не было, и общие вопросы обсуждались в одесском отделе.

Иначе и не могло быть уже потому, что вопросы одесской жизни этой поры самым тесным и неразрывным образом переплетались с вопросами общерусского значения. В тот момент, когда я приехал в Одессу, она считалась «украинским» городом и в ней действовали назначенные Скоропадским власти, опиравшиеся на поддержку германских оккупационных войск. Точнее говоря, власть на словах принадлежала поставленным правительством Скоропадского лицам, а на деле — направлявшему действия этих лиц германскому военному командованию. Но с крушением военной мощи Германии рушилась и власть этого командования в южной России, и исчезла та поддержка, какую оно могло оказывать администрации Скоропадского. А между тем сама по себе, эта администрация была в Одессе далеко не прочна. Одесское население в массе своей прежде всего не чувствовало себя украинским, и попытки власти насильственно украинизировать его и в частности провести такую насильственную украинизацию через школу вызывали в нем крайне несочувственное отношение. В дальнейшем это несочувствие власти еще укреплялось общей реакционной политикой ее и ее местных агентов, в особенности одесского градоначальника Мустафина, упорно стремившегося восстановить в Одессе порядки дореволюционной эпохи. Между прочим, этот градоначальник добился закрытия одесской городской думы, избранной в 1917 г., и передачи городского хозяйства в ведение старой, дореволюционной управы. Такого рода действия, естественно, не вызывали больших симпатий, и когда рухнула и материальная опора этой власти, кредит ее в населении окончательно исчез и серьезно с нею никто не считался. А тем временем обозначились новые перспективы. С одной стороны, на севере от Одессы вспыхнуло петлюровское восстание, с другой,—в Одессу прибыл представитель французов, Энно, и заявил, что сюда скоро явятся союзные войска, которые возьмут на себя поддержание порядка. Эти обстоятельства еще более усиливали и без того уже существовавшее лихорадочное ожидание грядущих перемен и вызывали различные планы строительства новой власти—тем более различные, что связанные с таким строительством вопросы неизбежно обсуждались не только в одесском масштабе и не только одесситами.

По мере того как разгоралось петлюровское восстание и

вооруженные силы украинской Директории все ближе придвигались к Киеву, из последнего направлялся все более густой поток беглецов в Одессу. Не прекратился этот поток и после того, как Киев был занят петлюровцами. Из Киева бежали и просто богатые обыватели, опасавшиеся при надвигавшемся перевороте за свою жизнь и имущество, и бывшие деятели гетманского правительства, и видные члены различных политических организаций, не чувствовавшие в себе способности ужиться с режимом, который обещало водворить восстание. Одесса, куда со дня на день ожидали прибытия союзных войск, если не всем, то большинству из этих беглецов представлялась местом, где они смогут спокойно переждать надвинувшееся лихолетье и откуда они скоро будут в состоянии при помощи союзников вернуться обратно. И чуть не каждый день на улицах Одессы появлялись новые и новые лица, новые и новые приезжие из Киева и других городов Украины. В частности в Одессе вскоре собралось большое количество членов центральных комитетов Национального центра и Совета государственного объединения России, и обе эти организации начали здесь свою работу.

Около этого же времени обосновалась в Одессе еще одна новая межпартийная организация—Совет земств и городов юга России. В конце ноября в Симферополе был созван по инициативе нескольких лиц съезд представителей земских и городских самоуправлений юга России. Съезд этот по условиям момента привлек меньше участников, чем ожидали его инициаторы, но он все же состоялся, заседал с 30 ноября по 8 декабря и принял ряд политических резолюций, по основному своему содержанию близко подходивших к программе Союза возрождения России. Союз не принимал прямого участия в организации этого съезда, но среди участников последнего было немало членов Союза, и это обстоятельство в немалой степени содействовало успеху работ съезда, облегчив возможность сговора различных партийных групп, представленных на нем. В принятых в результате такого сговора резолюциях съезд, между прочим, выражал свою надежду на то, «что появление союзных войск на юге, сопровождаемое ликвидацией всех пережитков реакционной германской политики в России, будет благоприятствовать организации сил демократии и укреплению основ народовластия; что действия союзников на юге России будут производиться по соглашению как с местными самоуправлениями и краевыми правительствами, созданными демократией, так и с уфимской директорией; что державами Согласия будут признаны и поддержаны те временные местные демократические правительства, которые будут выдвинуты на смену германских ставленников соглашением общественных групп и партий, а также объединение демократических правительств на юге России; что с прибытием достаточного для охранения порядка количества союзных войск будут удалены все австро-германские и турецкие оккупационные отряды». Съезд заявлял далее, что он «горячо привет-

ствует образование в лице уфимской директории мощного фактора в деле возрождения России» и «видит залог конечного успеха предпринятого уфимской директорией общероссийского государственного строительства в том, что власть этой директории имеет своим источником и опирается на соглашение всех ответственных общественных групп и политических партий». Высказывая надежду, что в недалеком будущем состоится объединение северо-восточных и южных областей России и что при этом путем соглашения уфимской директории с будущей демократической властью юга России завершится «дело образования временного российского правительства, имеющего довести народы России до всероссийского учредительного собрания», съезд признавал необходимым «в скорейший срок образование на юге России южно-русского правительства, объединяющего Украину, Крым, Дон, Кубань, Кавказ». Такое правительство, полагал съезд, «должно быть образовано путем сговора политических и общественных групп на государственном совещании в форме немногочисленной директории», связанной общей ответственностью и включающей в свой состав главнокомандующего всеми русскими силами на юге России. Эти силы должны были образовать общенародную русскую армию, ядром которой послужила бы добровольческая армия. Отмечая заслуги этой последней в деле самоотверженной борьбы за воссоздание государственного единства и независимости России, съезд вместе с тем все же подчеркивал, что «авторитетная для широких демократических кругов краевая, а тем более—всероссийская власть, правами которой, повидимому, стремятся облечь так называемое «особое совещание» при добровольческой армии некоторые общественные группы, может быть образована не единоличным решением командования добровольческой армии, а лишь путем открытого, в условиях гласности и под контролем общественного мнения происходящего сговора всех ответственных политических партий и общественных групп». И заканчивая свои заседания, съезд выбрал орган, который должен был стремиться к проведению всех этих пожеланий в жизнь,—Совет земств и городов юга России. В этот совет вошли деятели земского и городского самоуправления, принадлежавшие к различным, по преимуществу социалистическим, партиям (9 социал-демократов, 9 социалистов-революционеров, 4 народные социалиста и 9 конституционалистов-демократов), а он из своей среды избрал центральное бюро, местопребыванием которого на ближайшее время назначена была Одесса.

Таким образом Одесса обогатилась еще одной политической организацией. Но к тому моменту, когда члены ее и вообще члены симферопольского съезда, выехавшие на него из Одессы, вернулись в последнюю, в ней создалось крайне напряженное положение. В нее пришли за это время и стояли в ее порту несколько французских военных кораблей. Но союзные войска, которых ожидали со дня на день и о предстоящем прибытии которых воз-

вещалось уже несколько раз, все не появлялись. Ввиду неприбытия их и французский консул Энно, приехавший первоначально в Одессу с тем, чтоб ехать дальше в Киев и явиться там представителем союзников, оставался в Одессе и ограничивался лишь воззваниями к населению, притом воззваниями неясными и противоречивыми. В одном из этих воззваний он говорил о поддержке союзниками единой России, в другом—о готовности их оказать поддержку германской власти. Повидимому, будучи мало осведомлен вообще в русских делах и плохо разбираясь в той обстановке, какая сложилась на юге России, он просто растерялся ввиду неожиданного для него факта успешного петлюровского восстания и не знал, что предпринять и на кого опереться. С своей стороны представители кругов, заинтересованных в сохранении «самостийной Украины», не замедлили воспользоваться этой растерянностью. «Украинская партия демократов-хлеборобов» обратилась в начале декабря к Энно с особой запиской, в которой утверждала, что возникновение самостоятельного украинского государства явилось результатом могучего национального движения, что правительство Скоропадского было создано внешним давлением общественных кругов, по национальному своему характеру чуждых украинству, и что именно украинские «самостийники» представляют собою самых серьезных противников большевиков, так как одних только украинцев не захлестнул большевизм, захвативший все остальное население России. И растерявшийся Энно готов был, кажется, наполовину верить и этим утверждениям и во всяком случае не отказывался от сношений с их авторами.

Тем временем отряды петлюровцев, спускаясь по железной дороге на юг, все ближе подходили к Одессе, а последняя ожидала их в полном бездействии, как будто не имея никаких собственных сил для сопротивления. В городе были, правда, гетманские войска, но их было мало, а их начальство, в особенности командовавший ими ген. Бискупский, вело себя до странности пассивно. Гражданские власти города также, видимо, потеряли голову, а вместе с тем потеряли и всякий авторитет среди населения. Распущенная Мустафиным городская дума в начале декабря самовольно собралась и вновь открыла свои заседания, но ей не приходило в голову взять на себя оборону города. Собственно, людей, пригодных для такой обороны, в Одессе было достаточно,—силы подходивших петлюровцев были невелики, а в городе насчитывалось около двух тысяч офицеров, и из них немалое число было записано в формировавшиеся здесь части добровольческой армии. Отдельные небольшие отряды добровольцев и были выдвинуты против петлюровцев, но действия этих отрядов, очень малочисленных и ни в ком не находивших себе поддержки, были неудачны, и скоро все такие отряды были оттянуты назад. Лица, стоявшие во главе организации частей добровольческой армии в Одессе, вели эту организацию в достаточной мере бездарно, не умея ни

зажечь энтузиазма в населении, ни поддержать серьезную дисциплину в формируемых частях. В результате части эти не пользовались в Одессе большою популярностью, а это обстоятельство в переживаемую критическую минуту в свою очередь отражалось на их настроении, внося в него большую долю пассивности.

В конечном счете Одесса оставалась бессильной перед надвигавшейся на нее судьбой. Было как будто сознание необходимости борьбы, были как будто и силы для нее, но не было ни людей, ни организации, способных взять эти силы в свое распоряжение, собрать и воодушевить их и повести в действенную борьбу. Повсюду царила какая-то растерянность и апатия, какое-то пассивное равнодушие и покорное ожидание неизбежной судьбы. И в один непрекрасный день,—помнится, это было 11 или 12 декабря,—мы узнали, что ген. Бискупский заключил соглашение с петлюровцами о сдаче им Одессы и что при этом соглашении присутствовало несколько гласных одесской думы, которые почему-то нашли даже нужным скрепить его своими подписями. Известие это было затем подтверждено и в заседании думы, которая имела в тот момент несколько сконфуженный вид, ибо большинство ее вовсе не сочувствовало петлюровцам. Как-никак, дело, казалось, было кончено. Одесса переходила под власть украинской Директории, добровольцы обязывались покинуть одесскую территорию и собрались, действительно, на стоявшем в одесском порту пароходе «Саратов», а в город должны были войти петлюровские войска.

Вскоре они и вошли в него, но заняли они все-таки не весь город. Небольшая часть его—Николаевский бульвар с несколькими примыкающими к нему улицами—осталась как бы во владении французов, которые высадили на берег две или три сотни матросов со стоявшего в порту крейсера «Мирабо» и поставили своих часовых на границах этого участка. Петлюровцы с своей стороны не делали никаких попыток проникнуть в эту запретную для них зону. Так сложилось оригинальное и двусмысленное положение—город был разрезан как бы на две части с разными порядками и разными властями. Небольшой участок его охранялся французами, не признававшими петлюровцев, и сюда последние не имели доступа. Зато вся остальная территория города находилась в их распоряжении, и на ней они, несмотря на то, что вошедшие в город силы их были очень невелики, ставили свои власти и создавали свои порядки. Я в это время жил у одних знакомых, квартира которых помещалась в занятой французами полосе города, и мне не довелось поэтому быть очевидцем вступления петлюровцев и непосредственным свидетелем их деятельности, но слышать об этой деятельности, конечно, приходилось. Курьезно, между прочим, было, что одним из первых распоряжений петлюровских властей явилось распоряжение о закрытии Союза возрождения России, как организации, явно враждебной вновь водворившейся в Одессе власти. Власть эта, впрочем, продержалась

недолго, и создавшееся двусмысленное положение уже через несколько дней разрешилось не в ее пользу. Недели за две до сдачи Одессы петлюровцам в нее приехал из Екатеринодара молодой генерал Гришин-Алмазов, бывший перед тем военным министром сибирского правительства. Он направлялся, повидимому, в качестве посланца от ген. Деникина в Яссы, но застрял в Одессе и стал здесь свидетелем всеобщей растерянности и паники, закончившихся сдачей города петлюровцам. За это время он держался в стороне, не выдвигаясь на первый план, но, когда петлюровцы вошли в Одессу и стали располагаться в ней, он вступил в соглашение с французами, объявил, что принимает на себя командование добровольческим корпусом, и отдал приказ находившимся на «Саратове» офицерам сойти на берег. Приказ этот был выполнен, и тогда Гришин-Алмазов, став во главе добровольческого отряда, предпринял очищение Одессы от петлюровцев. Квартал за кварталом оттесняли их добровольцы, ведя свое наступление от занятой французами полосы; французы не принимали участия в этой борьбе и только ставили свои караулы в освобожденных уже от петлюровцев кварталах. Целый день шла борьба, целый день на улицах трещали ружья и пулеметы, но к вечеру добровольцы, потеряв около двадцати человек из своей среды, выбили-таки петлюровцев из города.

Так вслед за гетманскою властью окончилась и кратковременная власть петлюровцев, и для Одессы началась новая эпоха— эпоха власти добровольцев.

И. ЧЕРИКОВЕР.

Антисемитизм и погромы на Украине в период Центральной рады и гетмана [1].

1. Антисемитизм в войсках Центральной украинской рады.

Возвращение в Киев и погромные эксцессы украинской армии. — Киевские события; городская дума: украинские социалистические фракции. — Эксцессы в Киевской губ.; «уполномоченные» рады. — Эксцессы на железных дорогах, ст. Гребенка и Ромодан; запросы в раде. — Эксцессы в Полтаве и В. Короленко. — Погромы, учиненные крестьянами. — События в Медвине и губернский комиссар. — Изгнание крестьянами евреев из деревень; приговоры сельских сходов. — «Жидовская манифестация». — Украинская пресса и погромы. — Антисемитские статьи «Новой рады». — Нападки на евреев в раде; ратификация Брестского договора. — Два лагеря. — «Завоевание или утеснение?» — Разоружение еврейских отрядов самообороны; одесская дружина. — Конец «золотого периода» украинского движения.

Чем упорнее становилась война между украинцами [т. е. Центральной украинской радой,—*С. А.*] и большевиками и чем успешнее шло наступление последних, тем больше обострялись националистические страсти не только в рядах украинской армии, но и в рядах украинских деятелей. Бегство из Киева в Житомир при наступлении большевиков сыграло в этом отношении роковую роль. В средине января 1918 г. большевики подступили к Киеву. 26 января Киев был взят. Когда члены украинского правительства и часть рады бежали в Житомир, среди них не оказалось н и о д н о г о п р е д с т а в и т е л я н а ц и о н а л ь н ы х м е н ь ш и н с т в — ни великороссов, ни поляков, ни также и евреев. Озлобленное же настроение покинутых украинцев обратилось целиком только против евреев. Наметившийся уже раньше перелом в настроении, теперь, в «Житомирском сидении», резко обострился. В феврале 1918 года украинская делегация заключила в Бресте сепаратный мир с германской коалицией. Немцы согласились оказать помощь украинскому правительству «в трудной борьбе против великороссов», как это было официально формулировано, и немедленно двинули свои войска на Украину. 1 марта (по новому стилю) они заняли Киев. Вместе с ними вернулись и украинские войска, которые вел С. Петлюра. И обратный путь этих последних от Житомира к Киеву отме-

---

[1] Из книги автора «Антисемитизм и погромы на Украине, 1917—1918 гг.», Берлин 1923 г.

чается рядом серьезных эксцессов против евреев. Отныне на сцену в погромном движении выступает новый участник, до этого игравший лишь случайную роль,—украинская армия.

Настроения, царившие в рядах возвращающейся из Житомира украинской армии, ярко рисуются в отчете представителя «Бунда» М. Рафеса, участника делегации, высланной Киевской городской думой от социалистических ее фракций навстречу приближающимся украинцам, чтобы просить о недопущении в городе эксцессов со стороны войска, ввиду дошедших слухов о его погромном настроении. М. Рафес подробно рассказывает о том, как встречена была делегация передовым воинским отрядом ген. Присовского. Солдаты и даже офицеры не скрывали своего озлобленно-антисемитского настроения. В ответ на просьбу о недопущении эксцессов солдаты возмущенно кричали: «Нет, мы расправимся и расправимся беспощадно». «Я один вырежу не меньше 50 евреев»!—кричал кто-то из солдат. «Полгорода, всех жидов надо перерезать!»—кричал другой. «Этого Рафеса надо первым застрелить...» «Мы жили с евреями в мире и согласии. «Мы» им «дали» равноправие, национально-персональную автономию. Но им всего этого мало, они хотели всю Украину захватить в свои руки. Жид Троцкий идет войной на Украину, и его поддерживают все еврей-капиталисты», —кричали солдаты в другом месте. «Когда мы отступали из Киева через Подол, мы в каждом еврейском доме находили пулемет, из которого в нас стреляли»,—говорили другие солдаты. «Все три миллиона жидов надо выгнать из Украины, пусть идут себе, куда хотят!», «Украина для украинцев!». Эти восклицания и угрозы убедили делегацию, что «в рядах украинской армии готовится погром на евреев». В беседе с делегацией генерал Присовский сказал: «Еще хуже настроение того отряда, который ведет в Киев Петлюра, там—гайдамаки». Делегация отправилась тогда к Петлюре и изложила свои опасения. «Мы получили возможность,—пишет М. Рафес в своем отчете,—побеседовать с ним с глазу на глаз. Мы ему сообщили все, что видели и слышали, и указали на необходимость принять нужные меры против кровавой бани и погрома. Мы говорили с ним, как с членом с.-д. партии». В ответ на это Петлюра сказал, что «он не может ничего гарантировать; настроения солдат ему известны, но он видит здесь только жажду мести, а не антисемитизм» [1] В целях предосторожности, однако, Петлюра решил ввести войска в город не через еврейский Подол, а через пригород Куреневку. Ознакомившись с настроением украинских солдат, член делегации, украинский эсдек Чикаленко сказал: *«Они задушат украинскую свободу в еврейской крови...»*

Погромные похождения украинской армии начались на путях

---

[1] М. Рафес, Oif'n Schwel vun der Kontrrewolützie. Киев 1918 г. «Отчет о делегации», стр. 53—96.

военных столкновений с большевиками. Первые отдельные эксцессы возникли еще в январе 1918 (Новоград-Волынск), но главная волна прошла в связи с наступлением украинско-немецких войск на большевиков в феврале-марте по пути из Житомира в Киев. 17 февраля гайдамаки напали на ж.-д. станциях Сарны и Коростень на евреев и многих убили; точно сколько было убитых доныне не установлено. Погромные эксцессы произошли также и в Бердичеве, по пути в Киев, в конце февраля. 3 марта в Малую раду, заседавшую тогда в Житомире, был внесен запрос о бердичевских событиях. В запросе сообщалось, что когда украинцы подошли к Бердичеву, к ним вышла с приветствием делегация из представителей Совета рабочих депутатов, городской думы и земской управы (все эти три органа находились здесь в руках евреев), но делегация эта была обстреляна. В первый день вступления украинского войска в город было 20 жертв; на население была наложена контрибуция в 5 миллионов рублей [1]. 23 февраля гайдамаки заняли ст. Бородянку (по той же линии Коростень—Киев), убили 2 евреев и стали требовать от еврейского населения выдачи оружия. В Клавдиево, близ Бородянки, ими было убито 7 евреев. Корреспондент «Naie Zait» передает картину событий в Бородянке: гайдамаки потребовали, чтобы евреи выдали «спрятанные у них 2 пулемета и 70 ружей», угрожая в противном случае погромом. Евреи клялись, что у них никакого оружия нет, но это не помогало. Тогда все евреи местечка,—дело было в Пурим,—одели «талесы» и «тефилин», взяли свитки Торы и со всех молелен собрались на синагогальной площади, что близ шоссе. Почтенные представители общины, падая ниц, вздымали руки вверх, другие поднимали свитки Торы и клялись. «Это была страшная картина». Но ничто не помогало, пока община не догадалась откупиться деньгами от гайдамаков. «Следует отметить, — сообщает корреспондент далее, — что все эти дни на вокзале ст. Бородянки находился Петлюра и его помощник Загородский. Население Бородянки послало к нему депутацию, состоявшую из 8 христиан и 2 евреев. Но Петлюра, собиравшийся уезжать, отослал депутацию к своему помощнику. А последний ответил, что гайдамаки «раздражены», и он ничего не может поделать» [2]. Эксцессы без человеческих жертв происходили в средине февраля в Коростышеве Подольской губ., где гайдамаками были высечены

[1] Запрос был внесен украинскими социал-демократами на основании информации, доставленной представителем «Бунда» Д. Липецом, который специально приехал для этого в Житомир, как член рады. Последний запрос единогласно приняла. Д. Липец был в Житомире единственным членом рады—неукраинцем. Но он никакого участия в работах рады не принял и даже заявил, что «ввиду вновь создавшегося положения он считает невозможным выступать как полноправный представитель «Бунда» и находится только с информационными целями». См. «Naie Zait» от 8 марта 1918 г. Это заявление еще больше подчеркнуло изолированное положение украинских деятелей.

[2] «Naie Zait» от 19 марта 1918 г.

в комендатуре 25 евреев, и в Белой Церкви, где «вильни козаки» бесчинствовали в синагоге, под видом поисков спрятанного евреями оружия [1].

Но наиболее длительными и серьезными являются события, разыгравшиеся в Киеве, по возвращении туда украинцев 1 марта. В течение почти трех недель Киев становится ареной неслыханных до того насилий над еврейским населением. Когда украинские войска подходили к городу, городской думой была послана, кроме упомянутой выше делегации, специальная делегация и к Петлюре, шедшему во главе гайдамаков. Считаясь с просьбой думы и зная настроение своих солдат, Петлюра повел их в город не через населенный евреями район, а другой дорогой. Это, однако, не помогло. Как только гайдамаки вступили в Киев, началась сильная погромная агитация, и пошли самовольные аресты и расстрелы. Гайдамаки и отряды «Вильного козацтва» с криками «всех жидов перережем» хватали посреди улицы мирных жителей-евреев, под предлогом ареста «жидовских комиссаров», уводили их в казармы и чаще всего расстреливали. Офицеры разъезжали по городу и нагайками избивали евреев. Последние попрятались в страхе по домам. С утра до ночи стекались к городской думе печальные сведения о произведенных над евреями насилиях. Местом тайной расправы стал Михайловский монастырь, где находился штаб гайдамацкого отряда (одного из «куреней смерти»). «Там происходят ужасные, кошмарные сцены,—писала «Naie Zait»,—оттуда никто не выходит живым. Передают также, что ужасные убийства происходят на Владимирской горке, много трупов сбрасывают оттуда в Днепр» [2]. Только за один день 6 марта,—сообщает газета,—были на Владимирской горке найдены 3 убитых еврея, между ними один инвалид (Борух Зак). На Владимирской горке произошло также зверское убийство гимназистов братьев Майзель, 16 и 17 лет. Особенно пострадало еврейское население на окраинах города —на Подоле и Демиевке. По данным комиссии при городской думе, только за время от 1 до 8 марта было зарегистрировано 172 случая насилий над евреями, среди них: 22 случая убийств, 11 истязаний, 3 изнасилования, 19 случаев угроз расстрелами, 28 арестованных, чья судьба неизвестна, 16—без вести пропавших и т. п. Позже число эксцессов уменьшается, но отдельные случаи продолжаются до 20 марта. Упомянутая комиссия была образована при думе еврейскими гласными, совместно с общиной для защиты еврейского населения от насилий но комиссии оставалось только регистрировать эти случаи, остановить же

---

[1] Гайдамаками были учинены тогда довольно серьезные эксцессы также, в той части Белоруссии, которая по Брестскому договору отошла к Украине: в целом ряде мелких пунктов в районе Мозыря произошли погромы, некоторые даже с человеческими жертвами. Во главе этой части гайдамаков стоял одесский украинский деятель, лидер «самостийников», д-р Луценко.

[2] «Naie Zait» от 7 марта 1918 г.

их не было в ее власти. Не помогли также старания некоторых гласных думы украинцев-социалистов. Последние приняли самые энергичные меры к прекращению эксцессов, объезжали арестные места, пытаясь освободить невинно арестованных евреев. Украинские депутаты думы обратились к казакам со специальным воззванием, в котором писали: «Не запятнайте Украину самосудами и массовыми насилиями над человеческими правами. Мы верим, что солдаты-украинцы хранят завет своих дедов-казаков: безоружного не бьют. Мы верим, что вы не допустите грабежей и насилий над невинными жителями, и какой бы они нации ни принадлежали».

Киевская городская дума сыграла в те дни очень видную роль в деле заступничества за терроризованное еврейское население. Городской голова Е. П. Рябцов обратился к «Голове вольного казачества Киева» атаману Дапченко с горячим призывом приостановить насилия: «Прошу вас, — гласило это обращение, опубликованное в прессе, — во имя будущего Украинской народной республики, остановите казни без суда, самочинные аресты неповинных граждан... Остановите преследование казаками евреев, преследуемых только потому, что в среде большевиков были евреи. Евреи были и есть и в числе боровшихся против большевиков, как были и украинцы среди большевиков. Прошу вас, прекратите кровавое мщение» [1]. С аналогичным призывом обратился он также и к украинскому военному министру Жуковскому и коменданту Присовскому. В ответ на эти обращения были отданы приказы казакам прекратить насилия. Депутация от всех фракций еврейской общины посетила премьер-министра В. Голубовича, которому представила меморандум о событиях. Приведя данные о массовых насилиях, установленных комиссией при думе, меморандум указывал, что эти насилия над гражданами происходят «по национальному признаку». «Расстреливают почти исключительно евреев, и погромная волна, которая всегда подтачивает основы государств и народов, исключительно направлена против евреев». Меморандум требовал, чтобы эти злодеяния были приостановлены «всей силой государственного аппарата». В. Голубович в ответ заверил депутацию, что курс правительственной политики вообще, а в национальном вопросе в частности, остается прежний, и просил передать еврейскому населению, что нет оснований для тревоги и опасений. Первоначально власти отнеслись довольно индифферентно к событиям, считая, что ужасы преувеличиваются еврейским населением. Но когда кругом заговорили об усиливающихся бесчинствах гайдамаков, когда в защиту выступила городская дума, когда об этом, наконец, заговорил председатель рады М. Грушевский, власти издали несколько приказов, призывавших казаков прекратить самочинные акты расправы. Ни о каких мерах *наказания* виновных не могло быть тогда речи: казаки вернулись в Киев как «избавители

[1] См. газету «Киевская мысль» от 3 марта 1918 г.

от большевиков», как опора национального движения, и были осыпаемы приветствиями. Насколько в действительности власти были намерены серьезно бороться против погромных насилий, можно судить по тому факту, что когда учреждена была официальная комиссия для расследования киевских событий, то первоначально входивший туда представитель от думы (Ульяницкий) скоро из нее вышел, заявив, что «комиссия занимается вовсе не расследованием мартовских событий (насилий над евреями), а расследованием действий большевиков...»

Незадолго до того избранная на демократических началах киевская еврейская община в своем воззвании к населению по поводу событий указывала, что официальные власти и представители украинских партий относятся отрицательно к происходящим погромным эксцессам: «Братья,—писала она,—знайте, что в этих позорных злодеяниях новое украинское правительство, только что вернувшееся в город, неповинно. Все ответственные руководители украинских политических партий стараются всеми мерами подавить погромное настроение». «Это тяжелое время,—писала община,—требует особого политического такта и осторожности». «Не делайте необдуманных шагов» [1]. Этими предупреждениями еврейская община намекала на имевшие место факты, когда во время киевских эксцессов некоторые еврейские обыватели хотели обратиться в немецкую комендатуру с просьбой о вмешательстве. Были даже сведения, что еврейская обывательская депутация из окраин посетила с этой целью немецкие военные власти. Община считала такие шаги бестактными по отношению к украинцам и предупреждала об этом еврейских жителей. Почти в тех же выражениях, что представители общины, говорили о поведении официальных кругов в своем воззвании и еврейские гласные городской думы. Но в еврейской прессе была несколько другая оценка этого поведения. «Правда,—писала «Naie Zait», в статье «Почему они молчат?»,—что украинское правительство неповинно в нападениях на евреев. Оно, несомненно, не науськивало на них украинских солдат... Но,—и это надо признать,—оно пока относится «нейтрально» к ужасным событиям» [2].

Украинское войско уловило, очевидно, этот «нейтралитет» власти, политику попустительства в вопросе о погромах, и продолжало свои действия. Но многие представители власти на местах, и особенно начальники отдельных воинских частей, не соблюдали даже и этого «нейтралитета» и открыто давали волю антисемитским эксцессам. И временами чувствовалась чья-то рука, которая направляла на путь расправы с евреями за деяния большевиков...

Волна погромов, начавшаяся с возвращением украинских войск и достигшая высшего проявления в киевских событиях, не оста-

[1] По данным архива Киевской общины видно, что авторами этого воззвания, защищавшего украинскую власть, были: Н. Сыркин (сионист), д-р Гарбер («Поалей-цион») и М. Левитан («объединенец»).

[2] «Naie Zait» от 6 марта 1918 г., передовая.

повилась в марте-апреле и затронула ряд пунктов в Киевской губернии. 1 марта в м. Корсунь явился отряд украинцев, во главе с некием Кириченко. Назвав себя «комиссаром Центральной рады», он разоружил местечковую охранную дружину и под угрозой «вырезать всех жидов» потребовал от еврейского населения контрибуции [1]. 2 марта явился отряд гайдамаков в Радомысль, во главе с начальником уездной милиции. Угрожая расправой, этот начальник наложил на евреев контрибуцию. Месяц спустя тот же администратор явился с отрядом в м. Брусилов Радомысльского уезда, вызвал к себе представителей еврейского населения и заявил им буквально следующее: «Я уполномочен Центральной радой сечь, бить, расстреливать, дабы ввести порядок», и потребовал, под угрозой расправы, внесения контрибуции [2]. Через несколько дней после этого «Объединенная еврейская социалистическая партия» внесла в Малую раду запрос об этом случае [3]. Погромные эксцессы происходили также в начале марта на ст. Буча, в Гостомеле, позже—в м. Хабное, Бровары и Гоголево. Наиболее серьезный характер события приняли в последнем пункте. 23 марта в Гоголево (местечко близ Киева) вошел отряд гайдамаков, который напал на еврейские квартиры и застрелил двух евреев. Одним из убитых был представитель местной общины Б. Каганов. «Войдя в его квартиру, — говорится в донесении, — гайдамаки приказали ему лечь на пол и при отчаянных криках и мольбах его старушки-матери, жены и шестерых детей в него было произведено два выстрела». «Отдав приказ немедленно отвезти трупы убитых на кладбище, гайдамаки принялись разыскивать других наиболее видных и почетных евреев, но последние успели скрыться. Ночью гайдамаки стали обходить еврейские квартиры и требовать в виде выкупа денег и водки». Гайдамаки придумали себе также особую потеху: одному местному еврею, — сообщается в другом донесении об этих событиях, — они одели боченок на голову, дали палки в руки и повели по базару: «Хай грае, щоб дивчата танцювали» [4].

Среди кровавых эксцессов этого периода должны быть отмечены события на железнодорожных станциях. Эксцессы эти происходили по линиям Киев—Полтава и Киев—Бахмач. По линии Киев—Полтава события приняли особенно жестокий характер на станциях Гребенка и Ромодан. Вот что доносят о ст. Гре-

[1] Архив еврейского министерства, донесение о событиях в Корсуни евреев-гласных волостного земства, вход. № 1165, от 9 апреля 1918 г.

[2] Там же, донесение представителей Брусиловской поселковой управы, вход. № 1080, от 5 апреля 1918 г.

[3] Там же, копия запроса в Малую раду от 11 апреля 1918 г.

[4] Архив еврейского министерства, донесение представителей м. Гоголева, вход. № 1085 («Пусть играет, чтобы девушки танцовали»).

бенка уполномоченные трех еврейских социалистических партий Пирятина в еврейское министерство: «Начиная с первых чисел марта вплоть до последнего времени (средина апреля) на станции производятся насилия над проезжающими пассажирами, сопровождающиеся ограблениями, издевательствами, а иногда убийствами». «На территории вокзала все время подбирают трупы убитых пассажиров... В Пирятине похоронены 10 убитых в Гребенке евреев, кроме того 8 человек ограблены и убиты в ночь на 10 апреля» [1]. Еще более жестокий характер приняли бесчинства над проезжающими евреями на ст. Ромодан: от 30 марта до средины апреля здесь было убито гайдамаками до 40 евреев. В справке департамента общих дел еврейского министерства приводятся следующие краткие сведения: «На ст. Ромодан войсковая команда терроризирует пассажиров—арестовывают, бьют, грабят деньги, а также убивают». Далее приводятся факты: 31 марта расстреляли двух проезжих евреев, 6 апреля истязали третьего, 9 апреля избили и ранили еще одного еврея-пассажира, избили также 60-летнего старика и его зятя, высекли нагайками другого пассажира [2]. Аналогичные события, хотя в менее жестоких формах, происходят и на ст. Бахмач: «Гайдамаки нападают на еврейских пассажиров, беспощадно их избивают и грабят. Они несколько раз отправлялись в самый город и расстреляли нескольких евреев, забрав деньги. Немецкий комендант ответил, что он ничем помочь не может, а украинские власти никаких мер не принимают» [3].

Бесчинства казаков вызвали тогда два запроса в Малой раде 16 апреля, внесенные—один сионистами, а другой «объединенными еврейскими социалистами». Первый запрос касался специально эксцессов на железнодорожных станциях. «По сообщению местных жителей,—гласил запрос,—в районе ст. Ромодан и по сей день обнаруживаются трупы убитых и удушенных, главным образом евреев... Происходят грабежи и избиения, причем как комендант станции, так и другие начальствующие лица не принимают никаких мер к защите населения». Касаясь событий на ст. Гребенка — «второго центра насилий и убийств», авторы запроса сообщали, что «вильни козаки» арестовали здесь 9 пассажиров, которых потом обнаружили убитыми. «Так называемые «вильни козаки»,— сообщается в запросе далее,—высекли вызванного в комендатуру для объяснения местного раввина, 60-летнего старика... Станции Ромодан и Гребенка объявлены как бы опасной зоной... После прохода воинского поезда, вышедшего из Киева 2 апреля, между станциями Барышевкой и Березанью были обнаружены 2 трупа, а между Переяславским разъездом и ст. Яготин—3 трупа. 4 апреля на ст. Барышевка прибыл вагон, в котором, как потом выяснилось, находилось 5 трупов евреев, удушенных ремнями и веревками,

---

[1] Архив еврейского министерства, вход. № 1263.
[2] Там же, вход. № 1087 (справка).
[3] Там же, вход. № 1364, от 19 апреля 1918 г.

страшно изуродованных и, очевидно, раньше выброшенных из вагона на полотно железной дороги, так как у одного оказались отрезанными обе ноги». Расправы, происходящие при попустительстве властей, заканчивает запрос, приняли такой характер, что «возвращают еврейское население к бесправным временам царизма» [1]. Второй запрос, основанный на приведенных уже нами донесениях в еврейское министерство, касался эксцессов в Гоголеве, Брусилове, Корсуни и Радомысле, а также на ст. Ромодан и Гребенка [2]. Оба эти запроса были радой приняты (на заседании 20 апреля). Но при этом некоторые представители украинских партий в неприязненном тоне упрекнули евреев в раздувании известий о якобы погромленных местах: «там совсем не так страшно, как говорили интерпелляты»,—заявил представитель крестьянской трудовой партии Крыжановский, а представитель украинских эсеров Григорьев прямо назвал еврейских интерпеллянтов «нечестной оппозицией».

В то самое время, как еврейским представителям посылались эти упреки, волна насилий, хотя и шла уже на убыль, окончательно еще не прекратилась. Эксцессы происходили в целом ряде пунктов и особенно часто на железнодорожных станциях, как, например, по линии Сарны—Лугины, на ст. Ольшаницы, Тараща, Ставище Киевской губ., на ст. Лозовой и Ромны—Полтавской губ. Об одном из таких эксцессов в районе Таращи сообщается (в донесении из м. Хащеватое) следующее: «23 апреля евреи местечка были среди ночи разбужены стрельбой какого-то вооруженного отряда, который с криками «бейте жидов» напал на дома, разрушил их, ограбил и 9 евреев ранил, из них 4 женщин. Дети, женщины и девушки валялись на улице, моля о помощи, но помощи ниоткуда не было» [3].

Внимание общества в то время привлекли благодаря вмешательству В. Короленко насилия, произведенные гайдамаками в Полтаве. С первых дней своего прихода в Полтаву гайдамаки стали избивать на улице евреев. 29 марта они арестовали нескольких евреев, которых отвели в здание Виленского военного училища и начали жестоко сечь и избивать шомполами, издевались над ними, заставили проделывать «немецкую гимнастику», бить друг

---

[1] Запрос был внесен от имени сионистской фракции М. Гросманом. Цитируем запрос по еженедельнику «Еврейская мысль» от 26 апреля 1918 г. К сожалению, запрос, дав ряд важных сведений о насилиях, не сообщил при этом точно источника, откуда эти сведения заимствованы. Запрос был напечатан в «Киевской мысли» и в кратком виде также в еженедельнике «Рассвет», № 16—17, 1918 г.

[2] Запрос был внесен «объединенцами», поддерживал его от имени фракции М. Шац-Анин. См. копию запроса в архиве еврейского министерства (11 апреля 1918 г.).

[3] Архив еврейского министерства, донесение из м. Хащеватое (на древнееврейском языке), вход. № 1675.

друга по лицу; в общем каждый из арестованных получил до 200 ударов; избиваемых заставили при этом кричать «Хай живе вильна Украина». Против этих насилий выступил в местной социалистической газете «Наша мысль» В. Короленко со статьей «Стыд и грех». «Людей секли шомполами,—писал он,—заставили несколько раз пережить ужас предстоящей казни, при этом низко издевались над их достоинством, заставляя кричать «ура» во славу украинства и проклятия «жидам» и «кацапам». «После истязания всех истязуемых отпустили, потому что они оказались явно непричастными к большевистской борьбе... Их истязали только за национальность» [1]. «Статья произвела сильное впечатление,—сообщает уполномоченный ЕКОПО,—и вызвала ответы украинских офицеров, оправдывавшихся и отмежевывавшихся от палачей застенка... Молва в городе приписывала руководство избиениями полковнику Шаповалу» [2]. Против Короленко в защиту украинского войска выступил с запальчивым ответом член рады Макаренко. Несмотря на опубликование приведенных фактов, истязания арестованных евреев и некоторых русских офицеров продолжались, хотя застенок как будто перестал существовать. Здание Виленского военного училища так и прослыло в городе под именем «Виленского застенка». «За свое выступление,—сообщала «Киевская мысль»,—В. Короленко стал получать предупреждения, что ему грозит избиение и даже убийство» [3].

Аналогичной экзекуции, как в Полтаве, были подвергнуты мирные жители-евреи и в Константинограде Полтавской губ. Гайдамаками были здесь убиты 3 еврея. В апреле были учинены казаками насилия в Кременчуге. Гайдамаки стали хватать евреев, обыкновенно торговцев, обыскивали их, истязали, а некоторых тайно расстреливали; офицеры только поощряли насилия [4]. Вопрос об этих насилиях обсуждался на специальном заседании Кременчугской городской думы. Представитель еврейской общины сказал при этом: «Первым выступлением представителя общины в думе суждено быть защите запроса о насилиях над евреями. Вместо национально-персональной автономии мы имеем национально-персональное убийство, избиения, ограбления, издевательства и глумления. Волна этих насилий катится по всей Украине с первых дней возрождения

---

[1] «Киевская мысль» от 19 апреля 1918 г., о событиях в Полтаве и о ст. В. Короленко.

[2] Архив редакции (1919), отчет уполн. ЕКОПО Я. Казакова о Полтаве. Речь, очевидно, идет не о М. Шаповале, видном эсере, а об А. Шаповале, «социалисте самостийнике», принимавшем деятельное участие в военных формированиях среди украинцев-военнопленных в Раштате и причастном позже к ряду крайних шовинистических выступлений; между прочим, ему приписывали убийство члена рады Нёроновича за переход к большевикам.

[3] «Киевская мысль» от 19 апреля 1918 г.

[4] Протоколы Кременчугской городской думы, заседание 16 апреля 1918 г., № 15, см. архив редакции (о Кременчуге); также показания Л. Стриженского.

украинской власти после изгнания большевиков, и на днях волна эта докатилась и до нас». В результате обсуждения думой была принята резолюция об образовании следственной комиссии; резолюция требовала также присылки «парламентско-следственной комиссии» из центра и предания суду всех виновных начальствующих лиц. Все эти решения, однако, ни к каким результатам не привели. Присутствовавшая при оглашении в думе фактов гласная-христианка сказала при этом: «После выслушанного здесь, что могу я сказать? Я русская, и мне стыдно быть среди евреев»[1].

Почти 3 месяца—февраль, март и апрель 1918 г.—тянется период огромных эксцессов, чинимых украинскими воинскими отрядами. Это была первая встреча национальной армии Украины с еврейским населением. Позже, с приходом Директории, происходит вторичная встреча этих двух элементов народонаселения края — украинского казака и жителя еврейского местечка,—и результат оказывается тот же, только неизмеримо более зловещего характера.

Параллельно с эксцессами украинской армии происходит ряд других погромов, где главными участниками являются крестьяне. Это—вторая, и более серьезная, активная сила в погромном движении. В описываемый нами период погромы, учиненные крестьянами, встречаются, однако, сравнительно мало и спорадически. Антисемитизм крестьян выражается в более пассивных формах. И только позже, в июне-августе 1918 года, когда в связи с обострившимся революционным брожением вспыхивает крестьянский бунт против немецко-гетманского господства, движение крестьян в повстанческих районах обрушивается и на евреев. Систематический же поход деревни против евреев относится к 1919 г., когда повстанческое движение принимает необычайно широкие и опасные размеры.

Характерным для настроения деревни, а также для отношения администрации к насилиям над евреями является погром в м. Медвинке Киевской губ. В донесениях местных жителей события рисуются таким образом: «22 января крестьяне с. Медвинка, явившись огромной толпой, с пулеметами, винтовками и бомбами, в центр местечка, начали громить еврейских жителей... Были разграблены все еврейские лавки и дома. Все товары крестьяне наложили на подводы и отвезли к себе домой; так же они поступили со всей домашней обстановкой, движимостью и одеждой медвинских евреев. По разграблении всего движимого имущества громилы принялись за недвижимое: они начали поджигать строения; сгорело много построек. Погром продолжался несколько дней; особенно зверские формы принимал он по вечерам и ночам... Были убитые и раненые (1 убитый и 2 раненых)». Когда пострадавшие евреи обратились за содействием к начальнику уездной милиции, последний ответил, что «без немецкого отряда он бессилен бороться с такой воору-

[1] Протоколы Кременчугской городской думы, слова эти принадлежат гласной думы В. Паператцевой.

женной толпой, ибо в с. Медвине насчитывается более трех тысяч винтовок, много пулеметов и масса ручных бомб»... После долгих ходатайств начальник уездной милиции, спустя два месяца после погрома, явился в местечко; убедившись в полном разгроме еврейского населения, он решил начать расследование среди крестьян, но последние его прогнали. «Крестьянское население на общем собрании заявило, что в погроме участвовали целые общества, и никаких расследований и дознаний они по делу о погроме не допустят»,—так сообщает в официальном протоколе о своем посещении Медвина начальник милиции [1]. Не добившись расследования на месте, разоренное еврейское население местечка послало депутацию в еврейское министерство, а последнее направило ее к киевскому губернскому комиссару. Вот что сообщает медвинская депутация о том, как она была губернским комиссаром принята: «После того как он долго кричал на нас, топал ногами и угрожал кулаками, крича, что «все евреи—большевики» и что «90 процентов евреев участвовали в большевистском бунте», после того как он вынимал газету и читал имена евреев-большевиков, он ответил, что ничего не может поделать, так как власти на месте нет, а из кармана он дать власти не может» [2]. Испытания медвинских евреев этим не кончились. Через некоторое время в Медвин была все-таки послана часть «сечевиков» для охраны. Но вот что сообщает один из членов депутации о поведении сечевиков: «Как только они вошли в местечко, 19 апреля, они стали производить обыски в еврейских домах, врываясь ночью в квартиры; некоторые квартиры они ограбили. Они стали требовать у евреев выдачи оружия, нескольких евреев арестовали, одного высекли, пришедшую депутацию от еврейского населения чуть не избили нагайками». «Отряд этот не только не принес нам никакой пользы, но еще ухудшил наше положение, так как крестьяне радуются теперь на наши неудачи и бедствия» [3]. Дикие насилия над евреями со стороны крестьян произошли в это время также в м. Саврань Подольской губ. Напавшие на местечко крестьяне разграбили все еврейские лавки, часть местечка сожгли, двух видных представителей еврейского населения, д-ра Клейна, стоявшего во главе самообороны, и его тестя, Киржнера, подвергли зверским истязаниям: первому отрезали руки и нанесли много других ран, второго так долго гнали по городу и били железными палками, что он скончался [4].

---

[1] Архив еврейского министерства, вход. № 1195, от 10 апреля 1918 г.

[2] Архив еврейского министерства, донесение члена медвинской депутации, вход. № 1210, от 11 апреля 1918 г. Киевским губернским комиссаром состоял тогда один из видных украинских деятелей и лидеров партии социалистов-федералистов — А. Саликовский. Вообще он не был ни раньше, ни после этого замечен как антисемит, и, надо полагать, что здесь была случайность, но случайность эта характерна.

[3] Там же, вход. № 1510.

[4] См. еврейский еженедельник «Olf der Wach», № 3, 1918 г.

Отношение деревни к евреям выражалось не только в форме физического насилия и прибыльного погромного грабежа. Антисемитизм пустил здесь вообще глубокие корни. Несмотря на революцию и провозглашенное равноправие, крестьяне в некоторых местах выносят приговоры об изгнании живущих в деревнях евреев. В нескольких селах Проскуровского уезда (Подольской губ.) были уже очень рано случаи, когда крестьяне отказывали евреям, давно живущим в деревне, в дальнейшем найме помещений, и евреям пришлось выселиться [1]. Начиная с осени 1917 г. случаи изгнания крестьянами евреев учащаются, особенно в Литинском и Брацлавском уездах Подольской губ. и Таращанском уезде Киевской губ. Один из выселяемых в жалобе в еврейское министерство сообщает: «Крестьяне определенно заявляют, что *не треба нам жидив в сели, нехай вони идут соби у город*». «Довожу до сведения,—пишет он,—что выселения производятся во всех селах Литинского уезда» [2]. С начала 1918 г. число таких случаев еще больше увеличивается. В архиве еврейского министерства (в отделе «Правовое положение») имеется за этот период целый ряд жалоб на выселение по приговорам сельских сходов евреев, притом таких, которые живут в селе по 30 и даже по 60 лет [3].

Особенно сильны были антисемитские настроения крестьян в Таращанском уезде Киевской губ.—в том самом уезде, который несколько позже явился очагом повстанческого движения в Киевщине и одним из важнейших пунктов крестьянской революции на Украине. Евреи села Скоморошки Таращанского уезда Киевской губ., обращаясь в апреле 1918 г. в еврейское министерство с просьбой о заступничестве, сообщают, что крестьяне в январе вынесли на сходе постановление об удалении из пределов деревни 15 живущих там еврейских семей. В конце марта крестьяне снова на сходе порешили немедленно удалить служащих на сахарном заводе евреев с их семьями (любопытно, что завод принадлежал еврею, администрация была также еврейская). На сходе крестьяне вообще высказались за необходимость выгнать всех поселившихся здесь «жидов» [4]. Об аналогичных настроениях крестьян сообщалось в прессе также и из нескольких местностей Подольской губ.: из Ладыжина и ряда деревень в его районе.

---

[1] «Еврейская неделя», № 21, от 28 мая 1917 г.

[2] Архив еврейского министерства (отдел «Правовое положение»), донесение из с. Семки Литинского уезда, вход. № 138, от 8 декабря 1917 г.

[3] См., например, там же, жалобу из с. Лукьяновки, близ м. Кашеватое Киевской губ., полученную 15 апреля («крестьяне собрались и заявили, что не хотят евреи»). См. также в архиве еврейского министерства (отдел погромов) отношения министерства по поводу аналогичных случаев: к брацлавскому повитовому комиссару, от 28 ноября, и новоград-волынскому уездному комиссару, от 29 ноября 1917 г.

[4] Архив еврейского министерства, вход. № 1232, от 15 апреля 1918 г.

Еврейскому министерству пришлось даже специально обратиться к губернскому комиссару с просьбой принять меры против выселения крестьянами евреев в Литинском уезде [1]. Волостные комитеты местами принимают постановления о создании особой «черты» для евреев, выгоняя их из пределов сельского поселения. Особенно недружелюбно относятся крестьяне к занятию евреев земледелием. Они не только вновь не допускают их к земле, но пытаются изгнать евреев-поселенцев из еврейских колоний. Так, из Чеваньской колонии близ Фастова (Киевской губ.) сообщали, что «среди крестьян идет сильная агитация об изгнании евреев из колонии с целью отбить у них всякую охоту к земледелию» [2]. В прессе сообщалось также об эксцессах со стороны крестьян в еврейских колониях Херсонской губ.—Новополтавке, Ефингари и др.

Антисемитская струя, которую принесла с собою украинская армия, влилась в деревню, как вода на мельницу, дав новый импульс и как бы официальную санкцию погромным чувствам. Донося о насилиях гайдамаков в м. Гоголево Черниговской губ., представители местного населения делают очень характерное добавление: «Тревога среди евреев еще усиливается тем обстоятельством, что темные крестьянские массы, видя с какой легкостью и безнаказанностью гайдамаки расправились с евреями, уверовали, что гайдамаки присланы верховной властью Украины для расправы с евреями, и с этих пор начали смотреть на последних как на клейменых преступников, находящихся вне законной защиты» [3]. Деревня оказалась необычайно восприимчива к погромным идеям и всегда охотно шла вслед за буйствующим гайдамаком с пустым мешком забирать еврейское добро. Но зато она часто оставалась довольно равнодушной к положительным моментам украинского национального движения. Один из наблюдавших настроение крестьян в пункте, который впоследствии прославился рядом погромов, — в м. Иванкове Киевской губ., передает следующую любопытную сцену: «В апреле 1918 г. местные украинские деятели устроили празднество в память Шевченко и пригласили также евреев принять участие. Евреи согласились, и в устроенной манифестации участие приняли еврейские обыватели (baalebatim) во главе с раввином; кроме них шло всего человек 10 украинцев. Крестьяне отнеслись ко всей этой манифестации с насмешкой, освистали ее, издевались и назвали «жидовской манифестацией»... [4].

Украинская пресса в общем высказалась против погромных эксцессов. Орган украинских эсеров «Боротьба» во время киев-

[1] Архив еврейского министерства, отношение к комиссару в Виннице, исход. № 174, от 5 декабря 1917 г.

[2] Там же, донесение из Чеваньской колонии, вход. 843, от 15 марта 1918 г.

[3] Там же, донесение о событиях в Гоголеве, от 5 апреля 1918 г., вход. № 1385.

[4] Архив редакции (1919 г.), доклад о событиях в Иванкове, записанный по сообщению секретаря общины А. Кагана.

ских событий писал, что необходима следственная комиссия об этих эксцессах, и что комиссия должна быть под контролем населения. Однако он не указал, кто является участником эксцессов. Более открыто выступил тогда орган украинских эсдеков «Робитнича газета»: «Мы знаем,—писала она,—что безответственными лицами делаются попытки среди бессознательной массы представить большевистские события, как власть евреев, как еврейскую интригу. Мы должны самым энергичным образом протестовать против таких слухов и призвать к единению и сотрудничеству с еврейской демократией. Мы должны напомнить этим безответственным лицам, что отношение еврейских партий к большевизму было все время резко отрицательное». Против погромов выступила также «Нова рада» (орган социалистов-федералистов), но она скрыла истинных виновников, хотя не могла о них не знать. «Дикую погромную агитацию,—писала она,— ведут тайные черносотенцы и хулиганы, также сомнительные «большевики», чтобы замести следы, и просто обыватели. Мы уверены,—добавляла газета,—что погромов и насилий не будет, что украинская армия не пойдет, не может пойти по пути большевистских грабителей» [1]. Прошло несколько дней, волны антисемитизма сильно поднялись, и «Нова рада» сама выступила с рядом открыто антисемитских статей. На страницах этой газеты в разгаре гайдамацких эксцессов в Киеве была помещена статья, в которой автор писал, пытаясь передать аргументы казаков: «Нам стреляли в спину... Евреи носили пищу большевикам, сообщали им о наших патрулях, с красными повязками на рукавах пролезали, чтобы оказать им помощь. А когда большевики победили, вся еврейская молодежь перешла в ряды красногвардейцев». «Еврейское население нас не любит, не сочувствует нам... Мы знаем, что при новом случае евреи нас снова предадут, будут стрелять в нас, доносить на нас... Мы—солдаты, и на стрельбу мы отвечаем стрельбой, на удар—ударом». Передавая эти аргументы, автор добавляет: «Логический ход мыслей у казаков вовсе не так дик». «Евреи должны принять меры к тому, чтобы подавить злобу против них, они должны отречься от Чудновских, Райхштейнов и Шапиро. Они на деле должны доказать свою преданность украинскому государству, а не держать курс по политической погоде» [2]. Вслед за этим с аналогичной статьей («Евреи и украинское войско») и с теми же аргументами открыто выступил редактор газеты, видный украинский деятель и товарищ председателя рады А. Никовский. Рисуя положение казаков в Киеве при наступлении большевиков, он писал: «К большевикам прокрадывалась с нарукавными знаками «Красного креста» еврейская молодежь, которая затем вооружалась винтовками против украинских казаков. Украинские войска попали как бы в мышеловку,

[1] Цит. по «Nate Zait», № 31, от 6 марта 1918.

[2] Ст. Яриновича в газ. «Новая рада», № 28, 1918 г. Как известно, Яринович — псевдоним редактора газеты А. Никовского.

всюду они были окружены врагами. Когда, наконец, украинцы вынуждены были уйти, «Киев» стрелял им в спину до последнего строения под Святошином. Присматриваясь к единичным и групповым врагам своим, украинцы отлично разглядели, что это была исключительно еврейская, молодежь—студенты, гимназисты, рабочие». «Казаки снова пришли в Киев. Куда же именно пришли они? Не более и не менее, как во вражеский город... Они (евреи) молчат о нашем приходе, они молчат о всех бесчинствах против нас их родичей и сыновей, но зато шумят по поводу самочинных арестов, все убийства валят они на нашу голову, агитируют против украинской власти, а тем временем они не отказываются от заработка около немцев»... «Казаки,—продолжает А. Никовский,—в парламенте не бывают... там слова, а на Васильковской улице (еврейский район) такие дела, что на каждом шагу оглядывайся, чтобы чего доброго тебя не сразила пуля, пущенная национальным меньшинством». Еврейство прячется за думу, за прессу, но непосредственно оно ничего не сказало... А ведь у киевского еврейства имеется свыше 40 различных общественных организаций... Почему они не протестуют (против большевиков)? Почему они, евреи, до сих пор не заявляют, что они также граждане Украинской республики?»... И дальше опять: «Красногвардейцы, состоящие преимущественно из евреев, расстреливали украинцев за то, что они—украинцы, а их отцы и братья указывали, где и кто из украинцев прячется, кто кем был во время «господства украинцев» [1]. Так писал наиболее умеренный и солидный украинский орган в разгаре гайдамацких насилий, давая полное моральное и психологическое оправдание этим насилиям [2]. Позже, правда, эти украинские органы печати осмотрелись и переменили свой тон, но пропасть между украинскими и еврейскими деятелями все больше и больше расширялась.

Озлобленное настроение украинских деятелей против национальных меньшинств особенно остро проявилось на заседании Малой рады 17 марта, при обсуждении мирного договора с центральными державами, заключенного украинской делегацией в Бресте. Заседание, сообщает очевидец, носило характер открытого скандала и превратилось в ряд эксцессов против «меньшинств». Им мешали говорить даже члены рады, а с хор неслись крики и ругань. Вопрос шел о том, ратифицировать ли мир или нет, при этом все украинские, а также и все еврейские партии, кроме «Бунда», высказались за ратификацию, а «Бунд», российские «меньшевики» и социалисты-революционеры были против. Ораторами последних

---

[1] Не имея под рукой этого номера «Новой рады» (ст. помещена 9 марта), мы цитируем по еженедельнику «Еврейская мысль» № 16, 1918 г. («Первое предостережение»), где статья передана почти полностью. См. также «Nale Zait», от 11 марта 1918 г.

[2] С аналогичным обвинениями против евреев выступил тогда также украинский эсдек Сьогобочный (Гр. Гетьманец) в специальной брошюре «До страшних днів у Київі».

трех партий были *евреи* (Рафес, Биск и Скловский). Все они отклоняли этот мир отнюдь не из-за каких-либо еврейских национальных соображений. Даже представитель «Бунда» не этим аргументировал; он говорил украинцам: «Вашим миром вы продали русский народ и окраинные народы России». И несмотря на то, что прочие четыре еврейские партии голосовали вместе с украинцами, возбуждение против евреев, особенно в публике, было так велико, что председатель рады, М. Грушевский, велел страже очистить хоры. «Украинцев выгоняют, а жиды остаются хозяйничать»,—кричали с хор. «Украинцы остаются здесь»,—ответил Грушевский, показывая на себя [1]. Несмотря на такое обострение страстей, еврейские представители три дня спустя приняли участие совместно с украинцами в торжестве празднования годовщины рады. «После всего, что Украина пережила, мы стали уверены, что она может и будет жить»,—заявил представитель «объединенцев», Ю. Новаковский. С такими же приветствиями выступили и другие еврейские партии. Представитель «Бунда», М. Рафес, при этом сказал: «Против национальных меньшинств началась кампания. Этим хоронят революцию. И если мы с вами не найдем пути сближения, мы оба будем похоронены». С другой стороны, оратор «социалистов-федералистов» Кушнир заявил: «Пока меньшинства не пойдут с нами, мы будем шовинистами»...[2].

В этих словах представителей двух национальностей Украины заключались два резко противоположных взгляда на сотрудничество. Точно стена стояла между ними. Ненормальное положение, в какое попала еврейская общественность при национальной политике украинцев, вызвало у некоторых еврейских деятелей сомнение в действительной выгоде самого института национальной автономии. В статье «Завоевание или утеснение?» один из лидеров «объединенцев», М. Литваков, писал: «Украинцы постепенно превратили этот институт в какую-то государственно-политическую черту оседлости». «Они говорят евреям: заберите у нас круг ваших специальных дел, делайте там, что хотите, разрешайте себе свои вопросы, как вашей душе угодно, но украинское государство — это вас не касается, это предоставьте нам». Автор указывает далее, что все важнейшие акты в раде—все, начиная с третьего универсала,—были решены без ведома и воли национальных меньшинств. «Правда, им после всего разрешали прочитывать свои декларации, но самое чтение этих деклараций превратилось в род экзамена на верность украинскому государству. А экзамен был строгий, беспощадный и пристрастный»...[3].

Оглядываясь назад на весь этот период погромных эксцессов, следует отметить, что еврейское население в целом и в этот

[1] «Naie Zuit» от 19 марта 1918 г. Мир был ратифицирован всеми голосами против 7 («меньшевиков», «Бунда», российских эсеров и польского «централа»).

[2] Там же от 22 марта 1918 г.

[3] Там же от 25 марта 1918 г. («A gewins oder a gselre?»).

период не чувствует себя еще терроризованным погромными событиями. Несмотря на довольно широкий и непрерывный характер погромов, провинциальное еврейство проявляет известную энергию в борьбе с ними. Выше мы привели ряд фактов о деятельности вооруженных отрядов самообороны, которым не раз удавалось отстаивать местечко. Но благодаря все большему усилению реакционно-шовинистического курса не только стало невозможным официальное признание еврейских отрядов, но в некоторых местах началось даже р а з о р у ж е н и е самообороны. Так, например, евреи м. Голованевска Подольской губ., чья дружина получила впоследствии, в 1919 г., большую славу, обратились теперь в еврейское министерство с просьбой исходатайствовать возвращение отнятого у них оружия; в местечке имелась «боевая дружина при комитете общественной безопасности», которая была разоружена уездным комендантом. Общей участи подверглась также и «Еврейская боевая дружина» в Одессе. Одесская дружина возникла по инициативе еврейских общественных деятелей в августе 1917 г., в разгаре «пьяных беспорядков», и скоро превратилась в серьезный воинский отряд, сыгравший большую роль в охране города от погромов. Дружина просуществовала, с перерывами, при всех властях, свыше двух лет. Она имела постоянный оплачиваемый состав из бывших солдат и содержалась на средства еврейского населения, а одно время даже субсидировалась городской думой. Дружина была строго аполитична, преследуя только цели защиты еврейского населения и вообще охраны города. Особенно велико было ее значение в период борьбы между большевиками и украинцами, а позже немцами, когда ей действительно удалось уберечь Одессу от погрома. Накануне прихода немцев на Украину дружина насчитывала до 600 постоянных членов (кроме резервов), расположенных в 12 казармах, была хорошо вооружена и имела пулеметные команды. По приходе немцев дружина была ими разоружена; сдав большую часть оружия (22 пулемета, 1 000 винтовок и массу патронов), дружина приблизительно треть оружия тайно закопала. С уходом немцев, в конце 1918 г., дружина была восстановлена, но вторично разоружена большевиками в апреле 1919 г. Восстановленная к приходу деникинцев, в августе 1919 г., она была ими в третий раз и окончательно расформирована [1]. Вооруженная самооборона существовала также в Екатеринославе, но здесь не было общего отряда, а каждая из трех еврейских социалистических партий имела свою дружину, и кроме того имелся отряд Союза евреев-воинов. Дружины были хорошо вооружены, и благодаря этому погромная агитация в городе не приняла активных форм.

[1] См. подробно об одесской дружине записки и воспоминания С. Я к о б и, ее организатора и руководителя, в а р х и в е р е д а к ц и и. Кроме этой дружины, имевшей специальные цели самообороны, в Одессе существовала еще еврейская воинская часть, так называемый «еврейский батальон», образовавшийся с разрешения Генерального секретариата и расформированный с приходом немцев.

В более слабой форме отряды вооруженной самообороны существовали и в ряде других городов (например в Харькове), но все они вынуждены были при немцах и гетмане ликвидироваться.

Помимо мер самозащиты попрежнему, как и в предыдущий период, были пущены в ход меры политического воздействия на правительство и просьбы о помощи. Как и раньше, эту задачу воздействовать на власть взяло на себя еврейское министерство, куда продолжали стекаться все донесения с мест о насилиях. Но в этих донесениях уже больше жалобы, чем требования, как бывало прежде. Чувствуется, что провинциальное еврейство постепенно теряет веру в действительную силу своих национально-государственных прав и смущено крепнущим шовинистическим курсом. Успех обращений еврейского министерства к власти был также неодинаков в разные периоды. До января 1918 г. обращения приносят известные результаты: властью посылается на места охрана, назначается кое-где следствие, образовываются комиссии по борьбе с эксцессами. Начиная с января и дальше ни о комиссиях, ни о следствиях, ни тем менее о посылке отрядов для борьбы с эксцессами не слышно,—ведь активными участниками эксцессов являются часто сами украинские воинские отряды.

Круг погромных эксцессов, связанных с «золотым периодом» украинского национального строительства, завершился к маю 1918 г. Последние месяцы этого периода характеризуются попрaвением курса и диктатурой «национального большевизма». В эти месяцы рельефно наметились те два канала, через которые на Украине накоплялась и текла погромная энергия—национальная украинская армия, реставрированная в духе гайдамачины, и украинская домовито-анархическая деревня, еще не распустившая свои огромные повстанческие потенции. С мая и дальше происходит резкое изменение в государственном устройстве молодой Украины, наступает период немецкой оккупации, гетманщины и ликвидации революционных завоеваний. Погромные события в этот новый период протекают уже в других условиях, хотя преемственно связаны с «золотым периодом» украинского движения.

II.

Разгон рады. — Гетманщина. — Немецкая оккупация. — «Генеральская реакция на Украине». — Немцы и реставрация. — Киев и буржуазно-монархическая концентрация. — Позиция еврейской буржуазии. — Похищение А. Доброго. — Настроение еврейской провинции. — Режим гетманщины и еврейская общественность.—Ликвидация национальных завоеваний; ограничения в правах. — Поход на евреев в официальной прессе. — Украинская демократия и евреи; украинский национально-державный союз. — Отношение украинской левой прессы. — Администраторы на местах. — Антисемитские воззвания немецкого командования на Украине. — «Евреи — самые зловредные агитаторы против немцев». — Меры против евреев. — Немцы и еврейские погромы.

28 апреля немцами произведен был на Украине государственный переворот. Рада была разогнана, республиканское министер-

ство упразднено. Генерал царской службы, потомок последнего гетмана Украины и бывший недавний организатор «вильних козаков», П. Скоропадский стал при поддержке немцев гетманом украинской державы. Вместе с этим усиливается и власть немцев как фактических оккупантов страны. Период семи с половиной месяцев гетманщины и немецкой оккупации является сравнительно самым спокойным в смысле погромных выступлений. Объясняется это раньше всего теми строгими порядками, которые немцы вообще старались установить, а главное—отсутствием военных действий. В это время было ликвидировано прежнее национально-украинское войско и «Вильне козацтво»; осталось только несколько украинских полков, игравших роль гетманской гвардии, а также «Державна варта», т. е. государственная милиция для охраны. Однако даже и этот период затишья таковым является только относительно. Нить погромов на Украине ни на одну минуту целиком не обрывается.

Наступивший после этого режим явился режимом фактической реставрации под национальным декорумом гетманщины. Реставрация в первое время не проявлялась столь открыто, особенно в области национальной, но в области политической и особенно социальной ликвидации завоеваний революции шла более откровенно. Вскоре после своего прихода главнокомандующий немецкими войсками на Украине, ген. Эйхгорн, издал приказ об обязательном засеве полей и отдаче хлеба немцам «по сходным ценам». В средине мая были изданы «Временные правила о земельных комиссиях», в коих приказывалось «вернуть владельцам их хозяйства и побудить население к добровольному возвращению отобранного добра и возмещению убытков», причем губернские и уездные начальники должны оказать содействие вооруженной силой. Основываясь на этих приказах и на общем духе новой политики, помещики стали возвращаться в свои поместья и часто отбирали землю силой у крестьян. Постепенно началась также ликвидация политических завоеваний и ограничение свобод. На места были посажены многие администраторы царского режима, действовавшие пока под флагом «украинской державности». У рабочих стали урезывать недавно добытые экономические завоевания, а с другой стороны, оказывалось самое широкое покровительство организациям промышленников и крупных землевладельцев («Протофис», «Суозиф» и «Союз хлеборобов»), агрессивно настроенным и открыто стремившимся к реакции. Под властью немцев и гетмана Украина стала базой бежавшей буржуазии и центром бешеной спекуляции.

Реакция скоро проявилась и в области национальной. Взяв первоначально курс на умеренное национально-украинское течение, гетман меняет ориентацию, входит в тесный союз с русскими добровольческими образованиями, открыто проповедующими «единую Россию» и резко враждебными украинскому движению. Гетман поощряет концентрацию на Украине контрреволюционных груп-

ировок, и Киев становится под его покровительством оплотом «белогвардейской» и монархической концентрации. Так, например, 23 июля в Киеве состоялся большой монархический съезд, обсуждавший меры восстановления Российской империи в старых границах, «под скипетром монарха»; 24 июля в Киеве состоялась панихида по Николае II с участием чиновников из министерства финансов; 7 июля произошла монархическая манифестация в Софийском соборе. Кроме реакционных сил произошла также группировка либеральных элементов в «Русском союзе», образовавшемся в Киеве в мае 1918 г. с целью объединения русских сил на Украине для защиты русской культуры и русской школы, по имевшем действительной задачей борьбу за «неделимую Россию» и против украинского дела в крае. В этот союз входили самые различные русские партии—от кадетов до народных социалистов, входили даже некоторые отдельные лица из среды правых эсеров и «меньшевиков».

Еврейская буржуазия, очень сильная в украинских городах, особенно в таких крупных, как Киев, Харьков, Одесса и Екатеринослав, приняла заметное участие в общей погоне за скорой наживой, в спекуляции и биржевом ажиотаже, которые так характерны для периода гетманщины. Она, правда, воздерживалась от активного участия в политической реставрации, инстинктивно боясь возвращения режима бесправия, но общей политике немцев, пытавшихся строгими мерами установить порядок, она вполне сочувствовала. Это поведение еврейской буржуазии казалось украинскому населению вызывающим. Вхождение в состав первого гетманского кабинета крупного одесского финансиста-еврея С. Гутника кололо глаза украинцам, хотя С. Гутник принимал деятельное участие в ликвидации еврейских национальных завоеваний и в первую голову национально-персональной автономии. Еще более раздражающее впечатление на украинские круги производила деятельность другого крупного банкира-еврея, А. Доброго, в Киеве, которого украинский историк называет «правой рукой немцев в их антигосударственных замыслах». В конце апреля, еще в дни существования рады, министр внутренних дел, украинский эсдек М. Ткаченко, желая арестовать Доброго за вредную, по его мнению деятельность, не решился это сделать открыто и прибегнул к помощи организации «Союза визволения Украины», которая тайно «похитила» Доброго; всему аресту был таким образом придан авантюристский характер [1]. Немецкое командование приказало

---

[1] О похищении этой националистической украинской организацией Доброго см. интервью с ним в «Naie Zait» от 6 и 7 мая 1918 г. В июле 1918 г. в Киеве произошел процесс по делу похищения Доброго. На скамье подсудимых сидело несколько видных представителей правительства рады, во главе с бывшим премьером Голубовичем. Судил их немецкий военный суд. Процесс явился открытым надругательством над самостоятель-

освободить арестованного, отдало под суд нескольких украинских министров и одновременно с этим издало приказ о введении на Украине немецких военно-полевых судов.

Еврейское население в мелких городах и уездах отнеслось к немцам не так восторженно, как буржуазия крупных городов, но в общем доверчиво, особенно в первый период. Раньше всего на немцев смотрели, как на прочную защиту от анархии и погромных эксцессов. Но кроме того при немцах открывались большие возможности для торговли и спекуляции. Не обходилось при этом и без бестактных шагов, когда немцы (особенно в части, оккупированной австрийскими войсками) использовались в целях защиты спекуляции. Были также случаи, когда евреи сопровождали немецкие карательные экспедиции в деревни, особенно в Подольской губернии [1]. Но скоро в еврейском местечке начинает чувствоваться охлаждение к немцам. С одной стороны, пугали признаки насаждаемой ими реакции, пугала их жестокая политика в деревне, вызывавшая восстания крестьян, бросившихся раньше всего мстить еврейскому местечку, с другой,—немцы сами, как мы увидим, проявили определенные антисемитские наклонности и в ряде мест стали преследовать евреев. Были случаи, когда они пороли евреев якобы за «спекуляцию» и случаи карательных «подвешиваний» и истязаний [2]. У еврейского обывателя наступает разочарование и даже раздражение против немцев.

Отношение организованной еврейской общественности, политических деятелей и демократических общин к режиму гетманщины и немецкой оккупации было с самого начала отрицательное. Общая реакция, как это всегда бывает, немедленно отозвалась на еврейском вопросе. Права, добытые еврейским населением в прошлый период, права, с которыми было связано столько надежд, были теперь ликвидированы. 9 июля отменен закон о национально-персональной автономии, было упразднено еврейское министерство, которое уже с момента воцарения гетмана влачило жалкое существование [3]. Затем был создан ряд ограни-

---

костью Украины и внес в ряды украинских деятелей огромное раздражение против немцев. Рикошетом раздражение перенесено было и на евреев, так как причиной позорного процесса был еврей-банкир...

[1] См. С. Гольдельман, «In Goles bei di Ukrainer», Вена 1921 г., стр. 43.

[2] Ср., например, описание И. Клинова о местечке Голованевске Подольской губ., в сборнике «In der Tkufe vun Revoluzie», который выходит в изд. «Jüd. Literarischer Verlag» (на евр. яз.), Берлин.

[3] После выхода в отставку М. Зильберфарба пост еврейского министра некоторое время оставался незамещенным; после прихода немцев короткое время пост этот занимал представитель «Volkspartei» В. Лацкий, которого поддерживали еврейские левые партии. В начале гетманского господства В. Лацкий вышел в отставку. Пост директора департамента общих дел занимал в министерстве, еще с конца 1917 г., Н. Гергель, который оставался до ликвидации министерства

чений для еврейского общинного строительства[1]. В правилах о временном государственном устройстве Украинской державы устанавливалось, что «первенствующая в Украинской державе есть вера христианская, православная»; неправославным предоставлено только «свободное отправление их веры и богослужения». Вскоре начинаются ограничения и в гражданских правах; евреям закрыт доступ на государственную службу [2]. Евреи привлекаются к уплате контрибуции, налагаемой на деревни «за участие в аграрных беспорядках», хотя еврейское население, разумеется, никакого участия в крестьянских волнениях не принимало; при этом евреи облагаются во много раз выше нееврейского населения. Так было, например, в Обухове Киевской губ., где на местечко была наложена контрибуция в размере свыше 2 миллионов рублей в возмещение за понесенные помещиком убытки (при этом на долю еврейской семьи пришлось в среднем около 2 000 руб., а крестьянской 100) [3]. Также обложено было контрибуцией еврейское население м. Людвиполя, «для возмещения убытков, понесенных окрестными помещиками в переходное время». «Контрибуция взыскивалась с суровостью величайшей» [4]. Аналогичные факты имели место и в ряде других пунктов.

В официальной и официозной прессе велась часто антисемитская агитация. Особенно отличалась газета «Відродження», официоз военного министерства. В конце мая газета выступила с серией статей о национальных меньшинствах, причем главным образом обрушилась на евреев. «Экспансивные, подвижные, жадные, с лихорадочными руками и глазами», «народ, всюду вызывающий против себя ненависть», «каждому власть имущему заглядывающий в глаза», — такова характеристика евреев, которую дает газета. «В Киеве евреи были первыми в руководстве восстанием большевиков и в партизанской войне. Поэтому злоба противной стороны и обрушилась главным образом на их голову; ненависть к ним страшно возросла, их расстреливали беспощадно, даже социалистические элементы заразились антисемитизмом». «Там, где строится украинская государственность, — там евреев как активных работников нет; там же, где она разрушается, — там евреи работают очень

[1] В некоторых городах были арестованы председатели (еврейских) общин (Городище, Старо-Синява), в других запрещены заседания общин (Ямполь, Фельштин), или закрыты их канцелярии (Погребище). См. «Die jüdische Autonomie in der Nationaler Sekretariat in Ukraine» (евр.), Киев 1920, стр. 218 и др.

[2] Так, например, в Овруче Волынской губ. был получен из Житомира тайный приказ не брать евреев на государственную службу, а ранее принятых постепенно увольнять. См. архив редакции (1919 г.), доклад А. Гиллерсона об Овруче.

[3] Архив Киевской еврейской общины, докладная записка совета общины на имя министра внутренних дел, от 27 августа 1918 г., также другие материалы о насилиях над евреями при гетмане, сведения об Обухове.

[4] Там же.

усердно... Они должны стать совершенно нейтральными, не вмешиваться в эмансипацию украинского народа; если же они активно выступают против, то они пожнут то, что посеяли». «Евреи,—заканчивает статья,—были на стороне поляков, когда мы с последними воевали, и за это дорого поплатились. История дает этому блестящие иллюстрации. Теперь Украина борется с Московщиной, и еврейство снова перешло в лагерь наших врагов. Заплатит оно и за это»[1]... В таком явно угрожающем тоне писала официозная пресса. На украинском книжном рынке стали открыто появляться антисемитские издания, вроде выпущенной издательством «Национальный прапор» брошюры «Как жил украинский народ», где достается «москалям» и «ляхам» и где специальный тезис о евреях гласит: «Жиды всегда были нашими врагами, и при каждом случае они предают нашу державу». Появились также лубочные картины о том, как «Максим Зализняк та сотник Иван Гонта взяли Умань и гайдамаки священными ножами виризали всих жидив та ляхив».

Но гораздо более симптоматичным, чем мнение субсидируемой официозной газеты или случайных брошюр, было отношение украинской демократии к еврейскому вопросу. Чрезвычайно характерным в этом смысле является отношение образовавшегося в мае Украинского национально-державного союза. Позже, в августе, после некоторого изменения своего состава, он был переименован в Национальный союз; этот-то союз поднял в ноябре 1918 г. восстание против гетмана, и из его среды вышла директория. Национально-державный союз, куда входили «социалисты-федералисты», «социалисты-самостийники», «демократы-хлеборобы», «рада железнодорожная и почтово-телеграфная», при своем основании, в мае 1918 г., обратился с обширным воззванием «К немецкому народу» (такие воззвания были тогда в моде) о положении Украины. В этом воззвании между прочим говорилось: «Еврейский народ, буржуазия которого уже целиком ассимилировалась по языку с русским, видит в отделении Украины территориальное сокращение своей торгово-промышленной деятельности, а в национально-культурном возрождении украинского крестьянина видит прямую угрозу своему положению давнего торгового посредника. Жидивський нарид прагне (жаждет) единои России и ненавидит самостийность». Ненавидя украинский народ, еврей, русские и поляки «видят свое спасение только в том, чтобы украинский народ поссорить с немецким» (подчеркнуто в подлиннике). Представители от евреев и русских в раде раздували всякие незначительные проступки немецкого войска, и «систематически и сознательно провоцировали украинско-немецкие отношения», а с другой стороны—подговаривали украинских крестьян, что «рада продала Украину немцам, что немцы

[1] Не имея под рукой газеты «Відродження», цитируем по газ. «Nasze Zadanie», от 1 июня 1918 г., где статья почти целиком приводится.

пришли с целью вернуть землю помещикам»[1]. Так, в стиле явного доноса, писал союз, обращаясь к немецкому народу, а в действительности к оккупационной власти, прямо указывая на «меньшинства», как на виновных в бедствиях Украины. Этот донос был особенно обиден в устах представителей украинской демократии. Когда немецкий лейтенант вошел 28 апреля в зал заседания рады, чтобы разогнать ее, на трибуне стоял последний оратор рады—представитель еврейской партии (Бунда) М. Рафес—и призывал «рабочих всех национальностей на Украине защищать суверенность Украинской народной республики от немецкого империализма»[2].

Правда, в это же время в левых украинских кругах, раньше также склонных в борьбе с большевиками пользоваться ходячими антисемитскими аргументами, замечается как будто отрезвление. Так, еще в последний период рады газета правительственной партии (украинских эсеров) «Боротьба» выступила с решительной статьей против погромов—«Надо остановиться». «На местах,—говорила газета,—не поняли, что означает «твердая власть», к которой правительство стремится. Там думают, что это означает «бить и резать», и эту твердую власть раньше всего испытывали на себе еврейские спины». «Неудивительно,—продолжает газета,—что органы тех еврейских партий и кругов, которые всегда шли с нами рука об руку, начинают оглядываться на нас с недоверием. Так дальше итти не может». «Те, от кого это зависит, должны немедленно, не откладывая, остановить «охоту», начавшуюся в провинции на еврейское население»[3]. В мае, когда начались разговоры об отмене закона о национальной автономии, с горячей статьей в защиту интересов «меньшинств» выступила «Нова рада»—орган партии социалистов-федералистов, чья подпись стояла под доносом немецкому народу на еврейскую интригу. «Национальное равноправие,—писал орган этой партии,—было одним из самых красивых завоеваний революции на Украине». «Хотя в Центральной раде и бывали некоторые недоразумения между украинскими партиями и так называемыми «меньшинствами», но украинский революционный парламент с самого начала твердо стал на почву национального равноправия». Газета выражает поэтому уверенность, что национальные министерства вновь возродятся[4]. Характерна эти колебания в таком серьезном вопросе, как еврейский, у ответственных украинских органов на протяжении столь короткого периода.

Впрочем, эти органы печати и стоящие за ними партии были теперь не у власти. К власти пришли другие силы и с евреями заговорили совершенно новым языком. Особенно откровенно это делалось в провинции. «Заключение следственной комиссии по

[1] П. Христюк, цит. соч., т. III, стр. 66—67.
[2] Цит. его слова по книге П. Христюка, т. II, стр. 173.
[3] Статья напечатана в газете «Боротьба», 11 или 12 апреля 1918 г.
[4] Статья напечатана в газете «Нова рада», 22 или 23 мая 1918 г.

делу о погромах в Житомире», в январе и марте 1919 г., делая обзор предшествовавшей событиям эпохе, сообщает, что «волынский губернский староста (т. е. начальник губернии), С. В. Андро, пригласил к себе в ноябре 1918 г. членов президиума Житомирской еврейской общины и, приняв их крайне грубо, сказал в присутствии многих свидетелей буквально следующее: «В Бердичеве сволочная еврейская молодежь расстреливает офицеров-добровольцев, борющихся с большевиками (подразумевается с Директорией, поднявшей восстание против гетмана). Передайте населению, что я больше этого не потерплю; за малейшее большевистское выступление евреев я з а л ь ю Ж и т о м и р е в р е й с к о й к р о в ь ю»... [1].

Австро-германские военные власти таким откровенным погромным языком не говорили, однако своими неоднократными а н т и с е м и т с к и м и в ы с т у п л е н и я м и они немало способствовали возбуждению против евреев. Уже вскоре после своего прихода в Киев немцы вывесили на вокзале рядом два плаката: «Warnung vor Taschendieben» и «Warnung vor jüdischen Geldwechslern» («Остерегайтесь воров» и «Остерегайтесь еврейских менял»). Это уже было показательно. Еврейские представители внесли об этом в раду 20 апреля специальный запрос. Украинцы, которые относились тогда к приходу немцев доброжелательно, увидели в запросе только «мелочность и придирчивость», как заявил один из ораторов [2]. Эти антисемитские выпады немцев не были случайностью. В марте украинское издательство выпустило брошюру под названием «Зачем немцы пришли на Украину?», содержавшую ряд официальных документов, отвечающих на этот вопрос. В брошюре был опубликован также и ответ данный представителями германского штаба в Киеве, в котором, между прочим, говорилось: «Большая часть евреев верит, что немцы повредили их интересам, ибо они, евреи, имели возможность в дни господства большевиков торговать награбленными вещами». Это обвинение было так огульно, что украинское издательство, выпустившее брошюру, нашло нужным прибавить от себя: «Мы не совсем разделяем это мнение о роли большинства евреев во время большевистского восстания» [3].

Но в поведении немцев были и не столь невинные случаи. Австро-германским командованием в различных местах был выпущен ряд воззваний и распоряжений, специально направленных против евреев. Приводим некоторые из них. Германская окружная комендатура в Смеле Киевской губ. выпустила за подписью под-

---

[1] А р х и в р е д а к ц и и (1919 г.), заключение следственной комиссии о погромах в Житомире; также показание П. Дзевалтовского, Я. Розенблата и Е. Эльясберга (отдел материалов о Житомире).

[2] Запрос был внесен от имени сионистов М. Гроссманом. Между прочим аналогичные плакаты немцами были вывешены и в некоторых других городах: нам известен, например, такой случай в Александрии Херсонской губ.

[3] Брошюра на украинском языке «Для чого німці прийшли на Україну?» вышла в издании «Відродження».

полковника Шерера объявление к населению, в котором говорится: «Установлено, что неприятельские агенты большей частью евреи, в городах и селениях распространяют ложные и раздражающие слухи о немцах; они хотят этим подорвать честь германского государства и вас лишить доверия к немцам, которые охраняют вас против разбойников и банд». За распространение подобных слухов объявление грозит заточением и даже смертной казнью [1]. Через некоторое время тем же подполковником Шерером было выпущено новое объявление (на немецком, украинском и русском языках) о том, что «вожаками банд и агентами распространяются слухи о предстоящем отозвании немецких войск из Украины», и затем—огромным жирным шрифтом: «Особенно снова евреи разносят такие слухи» (Hauptsächlich sind es wiederum Juden, welche dieses Gerücht inter die Leute tragen). Объявление предупреждает «мирных и трудолюбивых граждан и крестьян» против евреев, разносящих такие слухи, и угрожает последним теми же, что раньше, карами [2]. 18 июля в Белой Церкви было расклеено объявление, подписанное германским окружным комендантом, полковником Никишом фон Розенек, в котором говорилось: «До сведения комендатуры дошло, что большая часть еврейского населения, в особенности большинство еврейских торговцев, на рынке и в своих поездках по деревням самым позорнейшим образом агитируют против украинского правительства и немецкой власти». Приглашая уездных старост и волостных старшин безотлагательно сообщать имена этих вредных элементов, объявление грозит этим «еврейским нарушителям мирной жизни» (jüdische Friedensstörer) самыми суровыми наказаниями [3]. Когда делегация от местной городской управы и еврейской общины явилась в немецкую комендатуру ходатайствовать о том, чтобы это объявление не было расклеено, представитель комендатуры решительно отказал, заявив, что это объявление будет, наоборот, распространено в большом количестве экземпляров, ибо «евреи—самые зловредные агитаторы против немцев» [4]. Совет еврейской общины в ответ на это на экстренном заседании принял резолюцию протеста против обвинения, «возвращающего евреев к прежним временам», и решил оповестить об этом случае центральные органы и общественное мнение [5]. Еще дальше пошел представитель австрийского коман

---

[1] Архив редакции (отдел документов), «Bekanntmachung», помеченное Смелой, 6 октября 1918 г.

[2] Там же, «Bekanntmachung», от 17 октября 1918 г. Смела.

[3] Там же, «Bekanntmachung», помечено 18 июля 1918 г., на немецком и русском языках (в Белой Церкви).

[4] Об этом воззвании и переговорах см. архив редакции (материалы 1917—1918 гг.), копию сообщения в еврейское министерство из Белой Церкви.

[5] Архив редакции (отдел документов), копия циркуляра «Einfluss der Judenschaft auf die Mannschaft», из Александрии (Херсонской губ.), 25 августа 1918 г., от имени «К. u. K. 11. Kav.-Brig.-Kmdo».

дования в Верхнеднепровске Екатеринославской губ., вывесивший следующий приказ: «Я запрещаю местным жителям иудейского вероисповедания вступать в какие-либо сношения с моими солдатами, разговаривать с ними, гулять и т. п.». Нарушение приказа карается в первый раз поркой, во второй—расстрелом.

Чрезвычайно характерным для психологии немецкой оккупационной власти в ее отношении к евреям является циркуляр, разосланный в августе 1918 г. австрийским командованием к раввинам и в общины Подольской, Полтавской и Херсонской губ., о «Влиянии еврейского населения на солдат». «Доказано,—гласит этот циркуляр,—что единичные члены еврейской нации пытаются склонить наших солдат к проступкам и преступлениям в: а) политическом направлении и б) хозяйственном отношении (к воровству, грабежу, запрещенной торговле, торговле оружием и др.)». «Известно, с какой солидарностью держится и действует все еврейство», ввиду этого немецкое командование «привлекает к ответственности все еврейство» и призивает его воспрепятствовать своим дурным элементам. «Если же оно этого не сделает, то явится их соучастником и должно нести все последствия этого. Последствия суть: контрибуция на еврейское население, исключительные меры против него» (Tut sie das nicht, macht sie sich mitschuldig und musz dann die Folgen tragen. Die Folgen sind: Kontribution auf die Judenschaft, Sondermasznahmen gegen dieselbe). Представители австрийской военной власти на местах приняли этот циркуляр к руководству, и, например, плац-комендант Проскурова обратился к местному еврейскому общинному совету с требованием на основании упомянутого циркуляра «выдать те элементы из среды евреев, которые ведут агитацию против нынешней власти на Украине», в противном случае будет усмотрено со стороны общины «намеренное укрывательство преступников», и на нее будет наложена контрибуция. Проскуровский общинный совет вынес в ответ резолюцию протеста, указывая, что «общинный совет избран еврейским населением для удовлетворения его национальных потребностей, но ни в коем случае не для выполнения полицейских функций» [1]. Приблизительно в это же время австрийский комендант в Екатеринославе вызвал к себе местных раввинов и представителей общины и, строго приняв их, прочитал по записке перечень еврейских проступков: что «Всемирный еврейский союз» занимается шпионажем в пользу Англии и Франции, что евреи являются вожаками краж и мошенничеств на Украине». Комендант потребовал, чтобы община выдала властям этих шпионов и преступников, а также приняла резолюцию о своей ориентации на центральные державы, «так как известно, что евреи относятся недружелюбно к немцам». Еврейские политические деятели в то время, очевидно, не чувствовали себя запуганными такими

---

[1] Архив редакции (материалы 1917—1918 гг.), копия резолюции Проскуровского общинного совета, от 26 августа 1918 г.

угрозами, и фракции Екатеринославского общинного совета приняли в ответ резолюцию, что «община с негодованием проходит мимо всех этих инсинуаций» и не находит нужным выносить резолюцию о своей ориентации» [1].

Эти открытые выступления немецкого командования против евреев происходили в стране, пропитанной антисемитской злобой, где требовалась сугубая осторожность. На практике часто бывало, что немецкие солдаты во время насилий, чинимых украинскими воинскими частями или «вартой» (милицией) над евреями, оставались нейтральными, иногда же держались явно во вред евреям и даже помогали насильникам. Но бывали часто и обратные случаи, особенно в районах крестьянских восстаний, когда немцы прекращали насилия над евреями, руководясь политикой установления порядка. Эта политика, действительно, и воспрепятствовала тому, чтобы погромы в этот период приняли особенно широкий характер. Серьезный и жестокий характер приняли те погромы, которые были устроены крестьянами, но они возникли, как результат революционного движения деревни против власти—против гетмана и немцев, и не могут быть отнесены на их счет.

III.

Погромы, учиненные гетманскими солдатами и «вартой». — События в Городнянском уезде Черниговской губ. — События в Киевской губ. — Земельная политика рады; земельная и продовольственная политика немцев на Украине. — Немцы и помещики. — Немецкие карательные экспедиции. — Восстание крестьян. — Повстанческое движение и еврейские погромы — События в Звенигородском уезде; Лысянка; Таращанский и Сквирский уезды. — «Евреи привели немцев». — Меморандум Киевской общины и министр И. Кистяковский. — Канун рокового года.

Из погромных эксцессов, учиненных гетманскими частями, особо должны быть отмечены события, разыгравшиеся в мае 1918 г. в Городнянском уезде Черниговской губ. Начались события с м. Слобода Радуль (1 мая) со столкновения между гетманскими казаками и прибывшим немецким отрядом, приглашенным испугавшейся еврейской девушкой. В результате, когда оба отряда помирились, украинцы решили отомстить евреям. Командир гетманского отряда, уездный комендант Ярошевский, приказал согнать все еврейское население местечка—27 мужчин и 28 женщин—в управу и там подверг их истязаниям. Затем он выстроил всех избитых и сказал: «Немецкий комендант дал мне возможность сделать с вами все, что захочу; население предлагает вас перебить, но я вас милую, но требую в течение 10 минут выдать все оружие». Евреи стали плакать и клясться, что у них нет никакого оружия, но им не поверили. Тогда один из евреев пошел и тайно купил у христианина револьвер и принес коменданту... В результате этих событий упомянутая еврейская девушка оказалась убитой,

---

1. «Nate Zait», от 13 сентября 1918 г., ст. «Choisik oder erger»

у многих из подвергнутых в управе истязанию оказалось по 40—50 ранений, многие долго не могли встать с постели [1]. Тот же украинский отряд, во главе с Ярошевским, отправился после этого в соседнее местечко Добрянку (на границе Могилевской губ.) и, подъехав к синагоге, потребовал от молящихся «в течение 5 минут» сдать все имеющееся у евреев оружие, угрожая в противном случае репрессиями. Раввин взошел на амвон и заклинал евреев, имеющих у себя какое-нибудь оружие, сдать казакам. Некоторые отыскали у себя оружие и сдали его. После этого отряд подверг еврейское население беспощадному избиению; были тяжело избиты до 20 человек [2]. 23 мая тот же Ярошевский со своим украинским войсковым отрядом учинил насилия над евреями Городни. Казаки домогались признания в устройстве евреями «тайного собрания в синагоге», на котором якобы обсуждался вопрос «о мерах и способах уничтожения украинского войскового отряда». «Тайное собрание» оказалось обыкновенным молитвенным собранием, где обсуждался вопрос о ремонте синагоги. Несмотря на это, были арестованы местный раввин и еще несколько еврейских жителей, и их избили нагайками и прикладами. Донося о событиях в министерство, жители Городни пишут: «Еврейское население терроризовано постоянными угрозами поголовной резни, внезапными облавами и обысками по ночам... Уже два месяца еврейское население живет в страхе, напуганное зверскими избиениями и расстрелами в Радуле и Добрянке» [3].

Насилия со стороны гетманских казаков или милиции произошли, кроме этого района Черниговской губ., также в некоторых пунктах Киевской губ. В местечко Плисково вошел 12 мая отряд казаков, расставил пулеметы по улицам и приступил к грабежам; попадавшихся навстречу евреев казаки жестоко избивали, не щадили и больных, которых стаскивали с коек и избивали нагайками [4]. В м. Ружине прибывшим «для водворения порядка» карательным отрядом были произведены в августе насилия над евреями; несколько человек было избито; 7 евреев, с раввином во главе, отряд забрал с собою, завел в амбар и подверг их истязаниям, избив до потери сознания. Другой прибывший отряд также стал грабить и издеваться над еврейским населением; полковник, руководивший отрядом, натравливал крестьян на евреев, рекомендуя переложить на евреев половину той суммы контрибуции, которая была наложена на крестьян в возмещение убытков, понесенных помещиком во время аграрных беспорядков [5]. В некоторых

---

[1] Архив еврейского министерства, донесение о событиях в слободе Радуль, вход. № 1892, от 24 мая 1918 г.

[2] «Nale Zait» от 30 мая 1918 г.

[3] Архив еврейского министерства, копия донесения из Городни Киевской общине, вход. № 1956, от 31 мая 1918 г.

[4] Архив Киевской общины, докладная записка общины министру внутренних дел, от 27 августа 1918 г.

[5] Там же.

местах главным участником насилий является «варта» государственная милиция, призванная к охране порядка. Так, из м. Белиловки Киевской губ. телеграфируют, что «державная варта, во главе со своим начальником, терроризует еврейское население, арестовывает невинных, избивает, берет крупные взятки» [1]. В другой телеграмме сообщается, что «7 июля отряд резервной милиции громит, избивает еврейское население м. Кузьмина (Волынской губ.). Население, дети спасаются бегством. 20 евреев увезены, судьба их неизвестна» [2].

Так органы власти на местах сами своими действиями против части населения расшатывали основы того порядка, который они призваны были насаждать. В провинции во многих пунктах получила официальную санкцию политика особых контрибуций на евреев за преступления, явно вымышленные. Сами немцы, как мы видели, неоднократно в своих воззваниях угрожали специально евреям контрибуциями и другими карами за «проступки и преступления».

Эти примеры заражали. На евреев стали смотреть, как на естественный объект вымогательства и грабежа. «Еврейское население, — говорится в докладной записке совета Киевской общины, — терроризированное набегами, налетами и разгромами переходного времени, испытывает на себе, кроме того, непосильную тяжесть беспрерывно налагаемых на него денежных контрибуций... не находящих никакого оправдания даже по законам переживаемого ныне грустного переходного времени».

Более серьезны были погромы второго типа, возникшие в связи с вспыхнувшим движением деревни против господства немцев и гетмана. Это было *первое повстанческое движение крестьян* на Украине после революции, подготовившее падение гетманщины и уход немцев несколько месяцев спустя.

Волнения в украинской деревне возникли летом и к августу приняли серьезный, угрожающий характер. Немцы и гетман, вернувшие к власти помещиков и покушаясь на землю, перешедшую уже фактически в руки крестьян, не учли тех огромных запасов революционной энергии, далеко еще не израсходованной, которыми деревня обладала. В предыдущий период рада, опиравшаяся главным образом на украинскую деревню, вела политику радикального разрешения земельного вопроса в пользу крестьян. Четвертый универсал определенно подтвердил положение о «передаче земли трудовому народу без выкупа», приняв за основу «отмену собственности и социализацию земли». Этим постановлением рада в сущности только санкционировала фактический захват земли крестьянами. Окончательный закон о социализации земли был издан радой уже в марте 1918 г., при немцах, и он-то больше всего побудил крупных землевладельцев к тому, чтобы завладеть, при

[1] *Архив еврейского министерства*, вход. № 2860, от 15 июля 1918 г.

[2] *Там же*, Телеграмма от совета общины Староконстантинова, вход. № 2638, от 9 июля 1918 г.

помощи немцев, властью, хотя рада позже и отступила от первоначального принципа, приняв постановление о сохранении земельных участков до 30 десятин за их собственниками. Гетман, пытавшийся вначале опереться на мелких и средних «хлеборобов», позже открыто стал на сторону крупных землевладельцев. Возбуждение в деревне было также вызвано продовольственной политикой немецко-австрийских военных властей, пытавшихся выкачать из деревни побольше продуктов, не останавливаясь перед самыми жестокими мерами. Немцы пришли на Украину за хлебом и брали его, как могли. «В деревне делалось что-то страшное»,—пишет историк этой эпохи. «Казалось, не будет границ издевательствам над крестьянами». «Людей брало временами отчаяние. В ЦК Всеукраинской селянской спилки (союз) прибывали делегации, сотнями прибывали приговоры сельских обществ со всех уездов Украины с просьбами освободить крестьянство от беды, «какую самые старые люди не запомнят». «Расстреливая крестьян,—пишет автор в другом месте,—выжигая целые села артиллерией, немецкие генералы вызвали страшную ненависть со стороны крестьян. Немцы и помещики—эти два явления слились в представлении крестьян в единый образ лютого врага» [1].

Период немецко-гетманский принято считать спокойным. Ошибочность этого утверждения проистекает оттого, что принималось во внимание только положение в городах. В городах, действительно, чувствовалась крепкая власть, железная рука немцев, установивших внешний порядок и спокойствие. Не то было в деревне. Деревня не приняла этой власти и во многих случаях оказывала ей вооруженное сопротивление. Для характеристики настроения деревни в те месяцы приведем свидетельство газеты, по существу резко враждебной революционному и крестьянскому движению,—газеты «Россия», издаваемой В. Шульгиным в Екатеринодаре; тем важнее эти показания. Состояние Украины,—пишет газета,—может быть характеризовано двумя положениями: «германская оккупация и начинающаяся народная война»... «В настоящее время несочувствие к немцам превращается в открытое движение, причем последнее все более и более приобретает национальный характер» [2]. «Бывали случаи, когда немцы с большими карательными экспедициями проходили весь уезд от конца до конца и огнем и мечом водворяли порядок». «Но,—продолжает газета,—немцы уходили, и снова появлялись повстанцы, избивавшие оставленные власти». «В общем можно сказать, что немцы оккупируют только большие города, в которых они держат значительные гарнизоны. Вся остальная страна пребывает на вулкане, который часто неожиданно вспыхивает» [3]. Коснувшись того же явления в другом

---

[1] Газета «Россия», № 4, статья «Еще о народной войне на Украине»
[2] П. Христюк, цит. соч., т. III, стр. 59 и 106.
[3] Газета «Россия» (Екатеринодар), № 3, от 18 августа 1918 г., статья «На Украине».

номере, газета дает снова картину «кровавых столкновений между германцами и крестьянами». «Смертная казнь, конфискация, наказание целых селений—вот те меры, посредством которых достигается на Украине относительный порядок» [1]. В. Винниченко в своей книге описывает настроение, которое эта политика вызвала в деревнях: «Поднимались целые деревни, выкапывали заржавленные, принесенные с фронта ружья и выступали против помещичьих и правительственных сотен, жгли поместья и усадьбы приверженцев гетмана» [2].

Восстание достигло наибольших размеров в Киевщине, где во главе движения стоял украинский левый эсер Шинкарь, бывший при раде командиром украинской армии, боровшейся с советскими войсками, и начальником Киевского военного округа. Свое начало восстание имело в Звенигородском уезде. «Вскоре после разгона селянского съезда,—писал орган украинских эсеров «Боротьба» (№ 2, сентябрь 1918 г.),—в Звенигородском уезде началось первое восстание. Скоро оно охватило почти весь уезд и постепенно перекинулось на всю Киевщину и Уманьщину». Организованным центром восстания в районе была Лысянка. «Из Лысянки оно перешло в Звенигородку, Богуслав, Корсунь и дальше, в последнее время охватило также Таращанский уезд, захватив затем Бердичевский и Васильковский районы». К октябрю движение, очевидно, несколько стихает, но в средине ноября возрождается с огромной силой почти по всей территории Украины, идя за призывами поднявшей восстание Директории, и сметает режим гетманщины.

Наблюдая рост и характер повстанческого движения, мы встречаемся со знаменательным явлением, которое в последующие два года особенно бросается в глаза: неразрывная, почти органическая связь между повстанчеством на Украине и еврейскими погромами. Одновременно с первыми вспышками крестьянских восстаний рождается и яростное движение деревни против еврейского населения. Связь между двумя этими явлениями видна хотя бы из того, что большая часть еврейских погромов этого периода имела место в селах и местечках Таращанского и Звенигородского уездов Киевской губ., которые являются как раз колыбелью крестьянской революции и партизанщины.

Обычная картина погромов этого типа такова: налет окрестных партизанских групп из деревни на местечко, вымещение на евреях злобы против немцев и гетманской власти, погромный террор в течение недель, иногда месяцев, частые случаи жестоких убийств, охота на спасающихся по окрестным дорогам евреев, ограбление и вымогательство контрибуции под угрозой смерти. Последний

---

[1] Газета «Россия», № 29, статья «на Украине».

[2] В. Винниченко, цит. соч., т. III, стр. 71. Официальное телеграфное агентство УТА также сообщало о сильной повстанческой группе в районе Звенигородки, доходившей до 12 000 человек, с пулеметами и даже орудиями.

прием применяется с особенной настойчивостью и планомерностью, и фактически создается положение, что повстанческое крестьянское движение этих районов питается забранными у евреев деньгами.

Группа первых повстанческих погромов была немногочисленна и имела свое гнездо на границе Таращанского, Звенигородского и частью Сквирского уездов Киевской губ.; период этих погромов тянется от июня по сентябрь 1918 г. Одним из первых пострадавших пунктов является м. Лысянка Звенигородского уезда. Лысянка—местечко с историческим прошлым; еще во времена гайдамачины Железняк впервые встретился здесь в 1768 г. с Гонтой и устроил знаменитую резню евреев. С этого местечка началось и теперь. «Весь район—Звенигородский, Таращанский и соседние уезды,—доносят представители этого местечка,—живут как на вулкане, который готов ежеминутно взорваться» [1]. «На почве неурядиц при разделе земли и недовольства немцами,—говорится в другом донесении,—в среде крестьян Звенигородского уезда начались большие волнения. 5 июня многотысячная толпа крестьян из окружающих деревень ворвалась в м. Лысянку и предала разгрому и разорению все еврейские дома и магазины. За разгромом последовала кровавая расправа с еврейским населением». Терроризированное еврейское население укрылось в погреба, но несчастные жертвы в одних случаях были извлечены и убиты, причем надругались над трупами, в других—их похоронили под развалинами, бросая бомбы в погреба. Так заживо похоронены были в одном погребе 7 человек» [2]. Всего убито было около 40 евреев (кроме беглецов, убитых по окрестным дорогам), 50 евреев получили тяжелые ранения. Прекратившийся со вступлением в местечко немцев погром трижды возобновлялся после их ухода. Раввин Лысянки сообщает ряд потрясающих эпизодов погромных переживаний местечка, зажатого между поднявшимися крестьянами и немецкими карательными отрядами. «После того как крестьяне, ворвавшись в местечко, учинили резню еврейского населения, на мне легла обязанность ездить отыскивать в окрестностях трупы убитых евреев, чтобы предать их земле». «Затем я обратился в соседние еврейские общины с призывом о помощи и получил от них такую обильную поддержку продуктами, что месяц мог содержать все еврейское население Лысянки. Я не отказывал также христианам (крестьянам), обращавшимся ко мне за помощью»... Прогнав немцев и закрыв все выходы из города, крестьяне произвели еще ряд убийств евреев. Особенным зверством отличалось убийство адвоката Эрлихмана, которого нашли с выколотыми глазами, отрезанными ушами и изрезанным на части. Затем прибыл большой

---

[1] Архив еврейского министерства, донесение о Лысянке, полученное 1 июля 1918 г. за № 2429.

[2] Архив Киевской общины, донесение от еврейского населения Лысянки, полученное 7 июля 1918 г. См. также упомянутую выше докладную записку общины министру внутренних дел, от 27 августа.

отряд немцев, в несколько тысяч человек. На похоронах Эрлихмана,—сообщает раввин,—я произнес поминальное слово... и при этом присутствовал немецкий комендант; все кругом плакали, и даже комендант плакал и стал упрекать крестьян в зверстве. Это, очевидно, чрезвычайно озлобило крестьян против меня. Затем немцы назначили военный суд, судили убийц и 40 человек приговорили к расстрелу. Они заставили евреев выступить свидетелями и изобличать бандитов, и этим возбудили навеки злобу против евреев... Когда несколько дней спустя немцы уехали, оставив нас без охраны, бандиты опять ворвались в местечко и опять учинили резню» [1].

Партизанское движение крестьян началось и в соседнем местечке Виноград, того же Звенигородского уезда. «Уже 3 месяца,—пишет уполномоченный местечка в письме от 1 сентября,—мы живем без всякой власти, ввиду восстания крестьян. Каждый раз приезжают банды в 30—50 человек верховых, при полной боевой амуниции, собирают всех евреев в синагогу, окружают здание и под угрозой расстрела требуют в кратковременный срок контрибуции, а пока им уплачивают, они ходят по домам и грабят» [2]. Повстанцами было по дороге убито 7 евреев; когда жены некоторых убитых поехали в село «выпросить своих мужей», их тоже убили. Кроме этих было найдено много других убитых по окрестным дорогам. В м. Рыжановке, того же уезда, повстанцы убили 7 евреев.

Крестьянское движение вспыхнуло одновременно и в Таращанском уезде и точно так же обрушилось на евреев. Повстанцы нескольких деревень явились в средних числах июня в дер. Торчицы и убили 18 евреев: в одном доме убили отца и дочь, в другом—мать и двух дочерей, в третьем—4 человек, в том числе 10-летнего ребенка. Раненых закапывали живьем. Евреи в панике бросились бежать, но их настигали и на месте приканчивали [3]. В соседней дер. Стрижевке крестьянами было разгромлено несколько имевшихся там еврейских семейств и 2 еврея убито. В м. Ставище несколько раз врывались повстанцы. Первоначально они ограничивались только контрибуцией; в средине июля происходит

---

[1] Архив Киевского центрального комитета помощи погромленным, отдел городского комитета, письмо лысянского раввина, полученное 30 апреля 1919 г., вход. № 133 (на древнееврейском яз.). В письме дается преувеличенная цифра убитых — 80 человек.

В другом документе о лысянских событиях сообщается такой эпизод: когда повстанцы, прогнав немцев из района, решили отомстить евреям за то, что «они привели немцев», и устроить резню, то руководитель повстанцев, Артаменко, заявил что он даст лучше себя убить, чем пролить кровь невинных евреев. См. архив редакции, отчет уполномоченного КОПЕ: «Лысянка в 1918—1920 гг.».

[2] Архив Киевской общины, донесение из м. Винограда, вход. № 67, от 27 октября 1918 г.

[3] Там же, донесение о Торчице.

в местечке бой между повстанцами и немецким отрядом; после ухода последнего повстанцы, засев мелкими партизанскими группами по дорогам и в лесах, стали вымещать свою злобу на проезжих евреях. «Ежедневно,—сообщают в своем донесении жители Ставища,—привозят к нам одного или двух убитых в окрестностях евреев. Никто не решается пуститься в путь. Жизнь местечка остановилась... Третьего дня нашли у дер. Жидовская Гребля 9 еврейских трупов, из них 4 женщины» [1]. Подробно о событиях у себя в местечке и во всем описываемом нами районе сообщает еврейский общинный совет в Жашкове. «Уже скоро 3 месяца,—говорится в письме,—как наше местечко и соседние—Лысянка, Петр, Ставище, Виноград и др.—пребывают в большой опасности». «До вас должны были дойти слухи о последних ужасных событиях в Таращанском уезде, об открытых издевательствах над трупами убитых, донестись вопли женщин и детей». «Мы не успеваем предать погребению один труп, как уже привозят второй и третий; изверги издеваются над трупами, бросают их по дорогам с отрубленными головами, сломанными руками, вспоротыми животами. Жизнь совершенно замерла... Мы бродим, как живые тени». В письме приводится затем перечень нескольких человек, убитых партизанами в самом Жашкове. «Немцы, часто проходящие через местечко, только подливают масла в пожар, охвативший район. Когда мы к ним обращаемся за помощью, они отговариваются, что у них нет об этом приказаний свыше» [2]. Местечку пришлось после этого еще немало пережить: уполномоченный Копе сообщает, что вслед за этими событиями в Жашкове показался отряд, во главе с Гребенко. «Лозунгом отряда было: против украинской власти, против гетмана и убивать богатых.

Отрядом было убито до 10 евреев» (к сообщению приложен список убитых) [3].

О Свирском уезде имеется донесение из м. Володарки. В местечко врывались партизаны, накладывали на евреев контрибуцию и грабили; близ местечка было убито 3 августа 9 евреев, по окрестным дорогам убито 21 человек. Во время своего налета на местечко партизаны подошли к земской больнице и потребовали у врача выдачи недобитых в лесу евреев с целью теперь с ними покончить; с большим трудом удалось больных спасти [4].

Лозунгом—или предлогом—погромов этого первого периода повстанчества является месть евреям за хозяйничанье на Украине немцев.

«Евреи привели немцев»,—кричали крестьяне во время погрома в Лысянке.

---

[1] Там же, донесение из Ставища от 10 элула (средина августа), 1918.

[2] Там же, донесение Жашковского общинного совета, вход. № 31, от 29 августа 1918 г.

[3] Архив редакции (1919 г.), доклад уполномоченного КОПЕ, Х. Гофмана, о Жашкове.

[4] Архив Киевской общины, донесение из Володарки, вход. № 27, от 23 августа 1918 г.

В Володаре повстанцы накануне погрома расклеили воззвание с призывом «выгнать немцев, перебить помещиков и евреев».

Аналогичное явление наблюдалось также и в Рыжановке, и целом ряде других пунктов.

В дер. Торчице крестьяне решили перебить евреев за то, что они «привели немцев и отказываются от участия в походе, организованном крестьянами против немцев и украинского правительства» [1].

С другой стороны, немцы обвиняли евреев в обратном. Обозреватель событий в Корсуни сообщает, что вокруг города происходили упорные бои крестьян-повстанцев с немцами; однажды немцам пришлось оставить город.

«Когда они назавтра вернулись обратно (в начале июля), они решили излить свою злобу на евреев, которые якобы тепло принимали повстанцев.

Немцы въехали в город на броневике и выстрелили прямо в группу евреев, мирно стоявших на базаре; некоторые были при этом убиты, некоторые ранены и остались надолго калеками [2]. Германское командование официально заявляло (в Белой Церкви), что «евреи—самые зловредные агитаторы против немцев». А восставшие против немцев крестьяне громили евреев за то, что «евреи привели немцев».

Эти два взаимно исключающих утверждения должны были служить прикрытием истинной причины погромных чувств, обостренных до последних пределов в атмосфере беспощадной гражданской войны и анархии в крестьянской Украине.

29 августа представители Киевской еврейской общины подали докладную записку о погромных эксцессах министру внутренних дел, Игорю Кистяковскому.

Последний, еще недавно видный деятель кадетской партии, теперь объявивший себя рьяным поклонником украинской державности, в ответ на конкретные фактические данные о погромах сказал, что, согласно получаемым от губернских и уездных старост сообщениям, нигде на Украине не замечается специального движения против евреев.

На Украине нет антисемитизма», успокоительно сказал он депутации...—«Правда, в некоторых местах имеют место насилия над евреями, но это объясняется вообще хаосом переходного времени, да кроме того все эти убийства и грабежи являются результатом большевизма, в коем еврей участвуют пропорционально больше, чем это полагается по их числу на Украине». Он все-таки обещал принять решительные меры против эксцессов. В представленной ему докладной записке община писала: «Погромная волна грозит разлиться кровавым потоком по всей Киевщине, Черниговщине и Волыни».

---

[1] Там же. упомянутое донесение о Торчице.

[2] Архив редакции (1919 г.), доклад о Корсуни, составленный А. Юдицким.

«Во многих городах и местечках еврейство находится в постоянном страхе за жизнь и имущество».

Для предотвращения дальнейших эксцессов Киевская община предлагала правительству: обнародовать воззвание к населению против погромов, образовать следственную комиссию, «с привлечением по возможности представителей еврейской общественности», издать законопроект о возмещении правительством убытков потерпевшему населению, ассигновать 300 000 руб. для экстренной помощи и принять другие соответствующие меры [1].

Все эти предложения, однако, ни к чему не привели; гетманское правительство ни мер против погромов, ни мер помощи не приняло.

Почти все описанные погромы этого периода разразились уже п о с л е подачи докладной записки. Да и вряд ли гетманское правительство вообще могло воздействовать на движение, другой конец которого был направлен главным образом против него самого.

Еще в начале августа, когда антисемитизм стал принимать серьезные формы, была, по инициативе Киевской общины, создана специальная «комиссия для юридической, административной и материальной помощи евреям, пострадавшим в переходное время на Украине». В комиссию, кроме Киевской общины, должны были входить также представители наиболее крупных еврейских общин.

Комиссия избрала бюро и приступила к работе, но ей не удалось осуществить свои широкие задачи, и она главное внимание направила на усилившиеся погромные эксцессы. Но и здесь ее работа свелась преимущественно к собиранию материалов и к регистрации погромных событий,—влиять на их прекращение она не была в силах.

Обращаясь «от имени страдающей провинции, ввергнутой в погромный ужас, от имени тысяч евреев, живущих в смертельной опасности», к Киевской общине, игравшей тогда роль центральной, одна из погромленных общин писала:

«Не думайте, что все описанное нами—случайные явления; нет, тут действует организованное разбойничество, и нас ждет еще еврейская резня, и кто знает, как долго такое состояние будет тянуться» [2].

Слова эти оказались пророческими, и факты страшного 1919 года это показали.

---

[1] А р х и в К и е в с к о й о б щ и н ы, докладная записка министра внутренних дел, от 27 августа 1918.

[2] А р х и в К и е в с к о й о б щ и н ы, обращение Жашковской общины в Киевскую, полученное 29 августа 1918 года (на древнееврейском языке).

В. ВИННИЧЕНКО.

Из истории украинской революции [1]

Глава I.

Восстание, как крестьянско-рабочая революция.

1. Два способа.

Во время подготовления восстания намечалось два способа захвата власти: первый—полк сечевых стрельцов выступает из Белой Церкви на Киев и быстрым, решительным ударом берет его в один-два дня. Ему помогает железнодорожный полк, который должен был выступить в тот же день в окрестностях Киева. Этот способ мог удаться ввиду неорганизованности и трусливости гетманского офицерства. Однако если бы мы приняли этот план и сразу двинулись на Киев, то могли бы столкнуться с немецкой армией. Она безусловно разбила бы нас сразу же, и все дело революции потерпело бы огромный ущерб.

Поэтому был принят иной способ: поднимать вокруг себя народ, вооружать его, формировать в правильную армию и мало-помалу охватывать Киев со всех сторон. При этом было поставлено, что Директория должна сразу же отчетливо и ясно выяснить народу социальный, политический и национальный моменты. Директория должна была сразу же подчеркнуть перед широкими массами, что руководство ведется коллективом, партиями, а не отдельными лицами, что на первом месте стоят социально-экономические интересы трудящихся классов, что движение носит республиканский характер и в то же время чисто национальный, украинский, против русской

---

[1] Из книги В. Винниченко, Видродження нації (Історія української революції) частина III, Відень, 1920.

Мы даем здесь (в русском переводе) часть названной книги, посвященную тому периоду гражданской войны на Украине, когда автор принимал в ней непосредственное участие, именно периоду Директории и «атаманщины» (т. е. власти «главного атамана» С. Петлюры). Из этой части в интересах сбережения места мы опускаем главы, посвященные мелкобуржуазной националистической критике политики украинского советского правительства т. Пятакова, а по возможности также и многочисленные лирические излияния автора, благодаря которым так распухла эта, в общем не столь богатая содержанием, книга.

Рассказ Винниченко в воспроизводимой здесь части его книги начинается с первых шагов поднятого Директорией восстания против гетмана, т. е. с половины ноября 1919 г. Составитель.

буржуазии и немецкой гетманщины. Особенно важно было, чтобы первый же голос прозвучал именно в таком духе, чтобы сразу всему движению был придан широкий народный, социальный и национально-республиканский характер,—характер народной революции.

2. Начало петлюровщины.

Однако к ущербу для всего дальнейшего развития украинской революции этот первый акт Национального союза и Директории был испорчен и почти что сделан невозможным С. Петлюрой.

В то время как все представители партий намечали и вырабатывали план общего выступления, Петлюра выехал в Белую Церковь и здесь поторопился издать от своего имени универсал к народу с призывом к восстанию. Когда последние члены Директории съехались для выполнения намеченного и одобренного всеми партиями первого акта, то было уже поздно: петлюровский универсал уже расходился по рукам, развозился по деревням, распространялся по всем окрестностям в виде слухов и пересказов. Слухи и универсал проникали все дальше и вскоре распространились по всей Украине.

Таким образом все выступление, все движение с самого начала было поставлено под марку одного лица, окрашено персональным характером, сужено и затуманено. Повстанцы, стекавшиеся в революционные центры, стали называться «петлюровцами». «Петлюра идет на гетмана», «Петлюра призывает против немцев». Часто среди крестьянства, до того не слыхавшего имени Петлюры, раздавались такие речи: «Ага, теперь Петлюра идет на гетмана. Она ему покажет! Слава богу, больше не будет этой Украины». Словом, этим сразу было внесено в движение как раз все то, чего хотели избежать партии: персональный характер дела, неясность целей, беспрограммность, отсутствие коллективности и даже отсутствие республиканского характера движения.

К этому надо прибавить, что название «петлюровец» во время борьбы с большевиками носило специфический, контрреволюционный характер, а имя Петлюры слыло в среде революционных элементов, особенно же среди пролетариата, как имя заведомого контрреволюционера. И это вынуждало наиболее сознательные и революционные элементы относиться к нашему движению с большой сдержанностью и осторожностью.

Сверх того гетманцы, желая дискредитировать перед Европой и Украиной украинскую революцию и восстание, старались изобразить все движение как авантюру отдельного лица, а не как движение широких масс. Тут «универсал» Петлюры очень пригодился гетманцам и они, не упоминая о Национальном союзе, о партиях, о Директории, выставляли все движение, как предприятие одного человека, который сидел в тюрьме, был выпущен гетманом и в отместку поднял бандитов и устраивал беспорядки.

Члены Директории, заставшие в Белой Церкви уже изданный и распространенный универсал Петлюры, уже знали Петлюру и

помнили, как он присваивал себе всю честь «освобождения» Киева и Украины от большевиков; поэтому им не приходилось долго задумываться над вопросом, что руководило этим человеком, когда вместо того, чтобы явиться на заседание партий, он поспешил в Белую Церковь и прежде всех, не зная даже, что решено и какое направление всего выступления одобрено коллективом, не будучи никем уполномочен, от своего собственного имени выступил перед народом. Члены Директории понимали, какой огромный вред принесен этим шагом.

Однако итти назад было уже невозможно. Тон был задан. Всему движению уже были даны фирма и окраска. Это знали и партии, давая директивы Директории, это понимал и Петлюра, торопясь в Белую Церковь.

Директория после того прилагала все усилия, чтобы возместить этот ущерб, чтобы придать всему делу восстания и революции не «геройский», а социальный и национально-республиканский характер, пробудить в массах идею **народной и украинской** борьбы с эксплоататорскими классами. Она всюду подчеркивала название «республиканские войска», «республиканско-революционная армия», а не «петлюровцы». Украинский военный революционный комитет в Киеве, с своей стороны, также старался опровергнуть гетманские разъяснения и показать, что не один человек Петлюра со своими «петлюровцами» устраивает бунт, а все сознательное украинское революционное общество выступило против русской буржуазии, и весь украинский трудовой народ восстал против угнетающих классов. Однако первый крик всегда бывает громче и всего легче воспринимается психикой. Имя Петлюры стало маркой всего движения. Отсюда началась петлюровщина, принесшая столько вреда украинской революции.

3. Пожар революции.

Так или иначе, в качестве ли республиканцев или петлюровцев, широкие народные массы стали подниматься по призыву Директории. Сначала они шли к нам осторожно, понемногу, не зная, насколько серьезно это дело. Однако мало-помалу стали подходить смелее и в большем количестве. Не имея возможности в то время кормить большое количество людей, мы в воззвании просили повстанцев брать с собою пищи на несколько дней. И крестьяне являлись с продуктами не только для себя, но и для других. Хлеб и всякие другие продукты привозили к нам возами. Много повстанцев приходило уже с винтовками. Иногда привозились даже ржавые, выкопанные из земли пулеметы.

Настроение масс было деловое, серьезное, без лихорадочного подъема. Приходили, записывались в полк, переодевались в военную одежду и дисциплинированно и точно исполняли приказы команды, как будто бы уже служили в этом полку несколько лет.

Через несколько дней Директория имела уже столько силы, что могла выступить из Белой Церкви, чтобы занять Фастов—

узловую железнодорожную станцию между Киевом и Одессой. Однако же сил все же было недостаточно, чтобы итти на самый Киев.

В Киеве царила растерянность. Русские генералы лихорадочно мобилизовали свои силы. Власть была передана ген. Келлеру. Однако, не полагаясь на русское офицерство, русская буржуазия всячески старалась привлечь на свою сторону немецкий совет рабочих депутатов.

В начале движения Киевский совет солдатских депутатов (немецкий), когда революционные украинские организации вступали с ним в контакт, как будто бы относился к восстанию сочувственно. Однако это-то сочувствие вследствие провокационных шагов немецкого офицерства и гетманщины вскоре стало сменяться недовольством и даже враждебностью. Недовольство росло в особенности потому, что восстание затрудняло отъезд в Германию.

Во всяком случае в начале движения гетманщина не могла воспользоваться немецкой военной силой и сразу задушить революцию, а для нас это было всего важнее. Нам нужно было только две-три недели, чтобы стать непобедимыми даже и для немецкой армии.

И действительно, за несколько недель революция охватила всю Украину. Огни восстания вспыхивали то там, то тут, сливаясь в огромное море революционного пожара, захватывая города, местечки, села. Русское офицерство в полках, формировавшихся гетманщиной на местах, разбегалось или лицемерно переходило на сторону Директории. Немецкие гарнизоны в провинции держались нейтралитета, слушаясь в начале движения приказа Киевского совета солдатских депутатов—не вмешиваться во внутренние дела Украины. Карательные сотни в уездах со своими старостами, как губернскими, так и уездными, разбегались или соединялись по нескольку в одну группу и пытались бороться с вспышками восстания.

Вскоре весь правый берег оказался под властью Директории. На Левобережье, в Харьковщине, восстание опиралось на украинский полк Балбачана, стоявший до восстания на большевистском фронте. Точно так же и на Черниговщине небольшие военные части, охранявшие границы Украины от Советской России, послужили центрами для повстанческого движения. Только Полтавщина и часть Екатеринославщины оставались еще в руках гетманцев и то только по линии железных дорог. Внутри же страны движение широко развивалось, охватывая все деревни и местечки.

А русские генералы в Киеве ссорились между собой за власть, смещали друг друга с поста главнокомандующего, ежедневно издавали приказы о мобилизации населения, гнали офицерство на фронт. Революционные силы все более и более тесным кольцом охватывали со всех сторон по намеченному плану гетманский Киев и с минуту на минуту должны были его взять.

4. Страх обывателей из «верховной власти» перед социалистической революцией.

Подготовляя восстание, инициаторы и организаторы его старались предвидеть его возможный ход и развитие не только с чисто военной, но и с социальной точки зрения. И нетрудно было угадать, что вместе с военным успехом будет разгораться и расширяться социальное и национальное движение. Тем, кто пережил все предшествовавшие этапы революции на Украине, нетрудно было предвидеть, что широкие народные массы, будучи вовлечены в движение и став его основной силой, будут снова добиваться полнейшего политического, национального, а главное социального освобождения, в особенности если принять во внимание те жестокие физические и социальные истязания, которые они испытывали со стороны гетманщины и всех ее паразитических классов.

Начиная революцию, Директория поставила ее под знамя демократических лозунгов: обновления Украинской народной республики, восстановления всех демократических свобод, уничтожения старых и оживления местных демократических самоуправлений, как городских, так и земских. В социальной области: земли—крестьянам, 8-часовой рабочий день, охрана профессиональных интересов трудящихся,—словом, все то, что то и дело повторялось в программах всех украинских правительств.

Однако инициаторам движения было ясно с первых же дней, что эта программа не удовлетворит широких масс, что, для того чтобы быть действительными выразителями их стремлений и воли, надо коренным образом изменить эту программу в соответствии с общим состоянием страны.

Инициаторы предвидели, что главной силой революционного движения будет сельский и городской пролетариат. И действительно повстанческая армия пополнялась главным образом пролетарским элементом, т. е. тем, который испытал всего больше страданий и унижений от панов и не имел крупного хозяйства, которое привязывало бы его к месту. В городах же и местечках активной инициативной силой были, разумеется, рабочие, как украинские, так и иных национальностей.

Само собою разумеется, этот элемент не мог удовлетвориться теми неопределенными лозунгами, которые выставлялись Директорией, и «самочинно» начал их расширять, организуя повсюду революционные комитеты, носившие преимущественно характер советской власти.

Правда, крестьянство относилось весьма осторожно к захвату помещичьих имений. Помня о той тяжкой расплате, какую им пришлось вытерпеть за разрушение экономий, крестьяне теперь их не трогали и даже сами охраняли от грабежа. Однако это было лишь следствием неуверенности в своей победе, а не уважения к правам помещиков на землю экономии.

Сверх того организации большевиков или, как они теперь

официально назывались (после партийного съезда весной 1918 г.), коммунистов сразу ожили и стали вести энергичную агитацию за расширение и углубление революционных лозунгов.

Имея это в виду и предвидя, что сдержать это движение невозможно (да и не имея на это никакого желания), зная, что движение неминуемо захватит наши массы, что оно сотрет нас, если мы будем ставить ему препятствия, а с другой стороны, не желая выпустить инициативы и руководства из национальных украинских рук, чтобы тем самым сохранить наши национальные и государственные завоевания в этой революции, я еще в Фастове поставил перед Директорией вопрос о принятии системы советской власти на Украине.

Тем самым мы стали бы, разумеется, на почву чисто социалистической революции и оттолкнули бы от себя наши умеренные мелкобуржуазные национальные элементы.

Но этой социальной смелостью мы привлекли бы на сторону украинского национального возрождения таких активных и сильных сторонников, как пролетариат деревни и города. Становясь на почву советской власти, мы лишили бы русских большевиков возможности выступить против нас и стремиться к захвату власти. Тем самым мы сразу остановили бы вражду и борьбу внутри противогетманского лагеря, которая уже стала кое-где замечаться и которая не предвещала нам ничего хорошего.

Сверх того, будучи введена по инициативе и по указаниям самой Директории, советская власть могла бы быть организована по такому принципу, чтобы ее национальный украинский характер сохранился в полной мере и чтобы от этого дело нашего национального возрождения и нашей государственности не пострадало.

Однако подавляющее большинство членов Директории во главе с С. Петлюрой отнеслось отрицательно к моему предложению.

Основной причиной этого было, разумеется, их «умеренное», мелкобуржуазное мировоззрение, психика обывателей, которых втянуло в революцию национальное чувство, а обстоятельства сделали политическими деятелями. Для них, разумеется, было странно и страшно выказать самих себя большевиками. Какие же они, скажите на милость, большевики? Что они знали и что понимали в этом вопросе? Они знали только, как и все обыватели, что большевики «разрушают» хозяйство, притом разрушают так себе, от злости на буржуазию и из-за каких-то фантазий и утопий, что они расстреливают людей, отбирают дома и деньги. Неужели стать и самим такими разбойниками? Нет, на это они не могли отважиться даже ради национального дела.

Особенно сильное сопротивление оказывал С. Петлюра. Будучи таким же националистом-обывателем, он, кроме того, имел особые причины протестовать против намерения сделать его большевиком. Ведь эти большевики так долго рекламировали его, как контрреволюционера, что было бы удивительно с его стороны так скоро забыть об этом. Да и кто поверил бы в его большевизм?

Таковы были причины отклонения моего предложения Директорией, а аргументы были таковы.

Прежде всего, говорил Петлюра, этого ни в каком случае не примут военные («военные»—это не солдатские массы, а штаб сечевых стрельцов, генерал Осецкий и еще два-три офицера). И это была правда. Их психика была столь же далека от рабоче-крестьянской советской государственности, как и большинства членов Директории.

Сверх того, говорили они, когда Антанта увидит, что мы—большевики, то она начнет бить нас сзади,—в Румынии уже стояли французские войска. Немцы выйдут из своего нейтралитета и также начнут нас бить.

А сверх того нам нечего так бояться большевизма, так как массы идут за нами, верят нам, слушаются нас (ведь крестьяне не грабят имений,—какие же они большевики?). И мы легко справимся со всякой анархией, когда возьмем Киев и покончим с гетманщиной.

Меня эти аргументы не переубедили, и вследствие этого определенного постановления вынесено не было, а вопрос был отложен до разрешения его партиями, когда возможно будет их созвать.

Разумеется, ненормальным было уже то, что такой огромной важности вопрос решала небольшая группа лиц из пяти человек, хотя она и называлась «верховной властью». Однако наступало такое время, когда в силу ненормальных условий личности выдвигались на первый план и играли преувеличенную роль в движении масс.

5. Хуторянка боится пролетариата.

Когда же настала возможность созвать представителей партий, «просочившихся» через гетманский фронт на нашу сторону, и когда перед ними был поставлен вопрос о системе советской власти, то и они отклонили ее (это было в Виннице в начале декабря).

Причины и аргументы были те же самые: «хуторянка», мелкая буржуазия тож, как и в Центральной раде, боялась пролетариата. Советская власть—это, разумеется, власть городского пролетариата, а он в подавляющем большинстве своем не украинский. Таким образом, произойдет то, что мы сами отдадим власть не-украинцам и погубим свое национальное государственное дело. В советах возьмут верх наиболее активные, ловкие и революционные элементы, а наш крестьянин не сможет с ними конкурировать, да и не захочет сидеть в городе в этих советах, и таким образом все захватят в свои руки городские рабочие.

Я и те немногочисленные защитники советской системы, которые присутствовали на этом заседании, отвечали на это, что если инициатива советской системы будет исходить от нас, то мы сможем установить такую систему выборов в эти советы, чтобы украинский национальный элемент был в них вполне обеспечен. Мы не обязаны поступать так, как поступают русские большевики, которые

одного работника-металлиста приравнивают к десяти или пятнадцати крестьянам.

Мы можем дать более справедливое для нашей нации представительство сельским рабочим в этих органах власти. И дело не в той или иной организации советов и даже не в самой системе советской власти. Последняя в революционное время, в моменты острой социальной войны является наилучшим способом осуществления социалистических задач. Главный вопрос в том, чтобы вступить на путь решительной социальной борьбы со всей системой буржуазного капиталистического строя, со всеми его крепостями, органами, аппаратами, обычаями. Для этого не годится система демократических самоуправлений и парламентаризм в старых своих формах, они не могут служить целям социалистического переустройства общества, ибо все существо их коренится в старом строе.

Сверх того если рассматривать вопрос о системе власти, хотя бы только с национально-украинской точки зрения, то и в таком случае мы должны отвергнуть систему местных самоуправлений, особенно тех городских самоуправлений, которые были выбраны еще в эпоху Временного правительства и которые в своем большинстве просто враждебны украинству.

Функции земского и городского самоуправления мог бы перенять на себя единый орган—совет рабочих и крестьянских депутатов. И таким путем национальное дело было бы также лучше обеспечено и на местах.

Вообще если бы мы стояли даже исключительно на национально-государственной позиции, то и в таком случае более или менее дальнозоркому политику должно было быть ясно, что логическое развитие движения приведет к большевизму и что в интересах украинской государственности необходимо не упускать инициативы из своих рук, необходимо обеспечить себе заранее украинский характер той власти, которая неминуемо должна притти.

Однако такая дальнозоркость у мелкой буржуазии как раз и отсутствует, ибо эта дальнозоркость соединена с такими революционными актами, которые стоят в противоречии с социальной природой и психикой мещанства.

Советская власть огромным большинством голосов была отклонена. Мне оставалось либо выйти из состава правительства, либо согласиться с тем, что я считал вредным для всего дела нашей революции и для дела украинской государственности. Однако и то и другое было бы сдачей поля борьбы почти без боя.

Тогда я сознательно пошел на хитрость. И члены Директории и большинство партий в своих речах выражали согласие решительно бороться с буржуазией. Крестьянская демократия, а также мелкая буржуазия, хотя преимущественно идет за крупной буржуазией, однакоже редко питает к ней горячую любовь. Для украинской же крестьянской демократии (идеологами которой по существу были все партии, не исключая и социал-демократов) крупная буржуазия на Украине была враждебна еще тем, что она была не-

украинской, и партии соглашались с тем аргументом, что нам, украинцам, нет совершенно никаких оснований охранять интересы национально чуждой нам буржуазии.

И вот, основываясь на этом, я на следующий день после отклонения системы чисто советской власти внес новое предложение принять систему «трудовых советов», т. е. советов представителей всех элементов общества, не эксплоатирующих чужого труда. Иными словами, это должна была быть не диктатура пролетариата и незаможного крестьянства, а диктатура трудового народа.

Разумеется, в этой формуле уже были неясности, недоговоренности, некоторое смягчение чего-то, затушевывание ясных и всем известных принципов. Эта формула вызвала много недоразумений и возражений. Например, кого подвести под разряд трудового элемента? Ведь адвокаты, священники, бюрократы, журналисты буржуазных и реакционных газет—все они не эксплоатировали чужого труда. Обладали ли они, следовательно, избирательным правом в эти советы?

Однако партии и Директория нашли этот компромисс приемлемым. Система власти трудовых советов была принята. Высшим же органом власти был признан Трудовой конгресс, избираемый по тому же самому принципу: право выборов имели только трудовые элементы, крупная же буржуазия, паразитические и эксплоататорские классы лишались этого права.

6. По проторенной дорожке.

Однако, к сожалению, постановление было принято только принципиально, больше ради собственного успокоения и сохранения мира, согласия и единого фронта в своей среде. Осуществление же откладывалось, затягивалось, тормозилось дебатами по поводу выработки «закона об этих советах», дебатами об их компетенции, об установлении понятия «трудовой» и т. д.

Предлагая этот компромисс, я рассчитывал на то, что живая жизнь сама исправит ошибки и отбросит неподходящее. Здоровое же и приемлемое останется и уложится в жизненные формы.

Однако партии и Директория, очевидно, если и не совсем, то наполовину сознательно чувствовали, что жизнь сыграет решающую роль, и не торопились с осуществлением этого постановления, которое все же как-никак носило большевистский характер.

Кроме того было страшно и Антанты, которая находилась уже в Одессе, было страшно и немцев, беспокоили и большевики, пугали и массы, да и у самих не было особого огня и страстного желания повести открытую, решительную и самоотверженную борьбу с буржуазным порядком. Словом, здесь снова всего ярче выявилась нерешительная, неактивная, несамостоятельная психика промежуточного класса, который всех боится и должен на кого-то опереться.

А тут еще и военное положение было не совсем обеспеченным:

в самом деле, с одной стороны—Антанта, с другой—немцы, с третьей—гетманцы, с четвертой—большевики, обстановка войны, боев, мобилизаций.

И потому мещанская психика охотно шла по старой проторенной дорожке: пока будет выработан закон о советах, ведь нужна же какая-нибудь власть на местах и... восстановлялись старые, антиукраинские и антибольшевистские думы, право-эсеровские земства с их бесконечными демократическими разговорами, с их неспособностью к энергичной решительной работе, с вечными протестами против «насильственной украинизации».

С другой стороны, Директорией всюду назначались коменданты и комиссары, которые никем не контролировались. На эти должности часто попадали люди ни к чему не годные и, главное, иногда не только не социалисты, но и не демократы. Единственным признаком пригодности для должности служило «украинство» кандидатов.

И, разумеется, под украинцев стали подделываться самые подозрительные элементы, даже заведомые гетманцы. А так как они не подлежали ни контролю, ни ответственности ни перед каким общественным выборным органом (это должно было входить в компетенцию трудовых советов), то они позволяли себе проявлять свою власть совершенно самодержавно и в духе того мировоззрения, какого сами они придерживались. Зачастую войсковые коменданты и комиссары ссорились между собой за власть в городе и уезде, ибо границы и компетенция этой власти им не были точно указаны.

Русское черносотенство, гетманцы, перекрасившись в украинцев, намеренно старались проходить на такие должности с целью дискредитировать своим поведением самую идею украинской власти.

А в результате над населением часто совершались насилия, несправедливости, брались взятки, покрывались спекулянты и гетманцы, защищались интересы помещиков и разных социальных преступников, известных всей округе своими прежними бесчинствами. Директория и ее Временное правительство в Виннице были далеко, они не имели никакой возможности проверять деятельность своих агентов, а на местах, как сказано, также не было никаких сдерживающих и контролирующих органов.

7. Деятельность представителей Директории.

Все это вызывало чем дальше, тем все большее недовольство широких масс, и потому революционные элементы, не дожидаясь «закона о трудовых советах», сами создавали революционные контролирующие и правящие органы власти на местах, в форме революционных войсковых комитетов или советов рабочих и крестьянских депутатов, как уже испытанных и известных органов революционной борьбы.

Однако самодержавные коменданты и комиссары, разумеется, сразу же начали бороться с этими органами. Не считаясь с тем, что огромное большинство революционных комитетов и даже со-

ветов рабочих депутатов вначале целиком признавали власть директории и стояли на почве ее программы, что в большинстве своем они были украинскими, комендантъ и комиссары разгоняли их, арестовывали, а иногда кое-кого и расстреливали.

Здесь необходимо указать на чрезвычайно вредную роль полковника Болбочана в Харьковщине. Этот отменный и явный украинский реакционер сразу подорвал и даже убил на всем Левобережьи авторитет и влияние Директории. Изображая из себя официального представителя Директории на Харьковщине, он вел себя там, как ее злейший противник и враг. Не говоря уже о том, что он всюду ставил такую администрацию, которая почти ничем не отличалась от гетманской (а часто оставлял на местах и самих гетманцев), он совершил еще такие вещи.

В Харькове как раз во время восстания меньшевиками был созван рабочий съезд. По всем данным, съезд не должен был быть большевистским. Поэтому не было и никаких оснований относиться к нему неодобрительно. Однакоже, будучи политическим невеждой, а сверх того и врагом рабочего класса вообще, каков бы он ни был, большевистский или меньшевистский, Болбочан запретил съезд. Это вызвало со стороны меньшевиков сначала удивление, а потом возмущение. Съезд был открыт без разрешения Болбочана. Тогда этот представитель плеяды «национальных героев» разогнал съезд силой, а многих участников и руководителей его арестовал и расстрелял.

Разумеется, это была наилучшая пропаганда против Директории. Сразу у всего рабочего класса Харьковщины, Екатеринославщины, Донецкого района и даже Херсонщины (ибо делегаты съехались изо всех этих местностей) сложилось убеждение, что власть Директории такова же, как и гетманская—контрреволюционная и враждебная рабочему движению.

Так выказывал себя этот «национальный герой» в сфере рабочей политики. Защитники этого врага украинского движения будут оправдывать его тем, что он разогнал рабочий съезд по национальным мотивам, ибо большинство рабочего съезда было не украинским и отнеслось бы отрицательно к украинской власти.

Отлично, но вот съезжается съезд Селянской спилки (крестьянского союза) на Полтавщине, целиком украинский и под руководством заведомо украинских деятелей. А. Болбочан так же разгоняет этот съезд, а многих участников его сечет розгами. В то же время демонстративно, публично и торжественно встречает на вокзале каких-то княгинь-помещиц, целует им ручки и с необыкновенной учтивостью провожает в их дворцы.

Что же должно было думать это высеченное розгами украинское крестьянство о власти Директории? И не только крестьянство, а просто рядовые демократы?

Узнав о разгоне рабочего съезда в Харькове, я немедленно предъявил С. Петлюре, как «главному атаману» украинских войск, требование о смещении этого «деятеля» или по крайней мере о

посылке к нему комиссара для контроля над его политическими выступлениями и деятельностью. Однако С. Петлюра взял Болбочана под свою защиту и никого к нему не послал, ссылаясь на то, что мы отрезаны от Болбочана, а сверх того последний может обидеться, а ведь он—наша главная сила на Харьковщине и на всем Левобережьи.

Разумеется, С. Петлюре было трудно понять, что не Болбочан был там нашей главной силой, а тот рабочий класс и то крестьянство, которые расстреливались и пороли розгами. Нам вскоре пришлось это весьма болезненно почувствовать.

Глава II.

Развитие революции.

1. Враги со всех сторон.

Между тем, наше военное положение было не из блестящих. Правда, повстанцы прибывали к нам лавами. Но не было офицеров, не было одежды, оружия. Мы захватывали, где могли, войсковые склады, одевали и вооружали небольшие части, а большинство терпеливо ждало очереди. Разумеется, в две-три недели невозможно было создать армию даже при самых лучших условиях. И надо отметить, что сечевые стрельцы выказывали прямо чудеса энергии, находчивости, смелости и трудолюбия. Однако, несмотря на это, наша боеспособная армия росла очень медленно.

Тем временем гетманщина всеми силами старалась привлечь на свою сторону антантовские войска, стоявшие в Румынии, и двинуть их на нас. Гетманские агенты и даже министры умоляли представителей союзников в Румынии «оказать помощь против бандитов». Им удалось войти в соглашение с бывшим французским торговым консулом в Киеве Эмилем Энно. Ходили слухи, что это соглашение стоило гетманщине нескольких десятков миллионов рублей. Так или иначе, этот Энно начал бомбардировать Директорию грозными телеграммами, требуя от нас немедленной приостановки враждебных операций против гетмана и угрожая в противном случае выслать против нас французские войска.

Это нас удивляло и возмущало. Еще организуя восстание, мы вступили в неофициальные сношения с представителями Антанты в Румынии, и последние горячо нас поддерживали и даже обещали помощь против гетманщины и немцев. Правда, это происходило еще до перемирия с Германией, когда всякое ослабление немцев заслуживало в глазах Антанты поддержки. Теперь же положение изменилось, и милые союзники готовы были защищать немецкого ставленника, ибо теперь социально-политический момент был для них важнее стратегического.

В ответ на грозные телеграммы Энно Директория послала по радио ноту к демократиям всех антантовских и нейтральных стран

с резким протестом против реакционных и империалистических намерений их правительств, вступавшихся за господство русско-немецкого генерала против трудящихся масс украинского народа.

Нашу ноту, разумеется, не пропустили к демократиям, а вместо того антантовские войска заняли Одессу, выгнав оттуда украинские республиканские части. Таким образом, с тыла, с юга, мы имели серьезную угрозу со стороны Антанты.

С запада нам угрожали поляки. После австрийской революции все нации в Австрии стали лихорадочно самоопределяться. Польская буржуазия и даже польские «социалисты» сразу стали захватывать Галицию в свои руки, нагло попирая право на самоопределение хозяина этой страны—украинского народа. В этой борьбе вначале победили украинцы-галичане. Была сформирована так называемая Национальная рада Западно-украинской народной республики с державным секретариатом в качестве правительства.

Не надеясь своими силами удержать власть в Галиции и уступая напору широких народных масс, жаждавших полного объединения с великой революционной Украиной, Совет державных секретарей обратился к Директории с предложением об объединении обеих республик в одно украинское государство.

Директория охотно приняла это предложение, совершенно согласившись с мыслью вождей трудовых галицийских масс, что украинский народ по обе стороны реки Збруч должен быть навсегда объединен в одно целое и вместе бороться за свою долю. Окончательное утверждение этого соглашения должно было состояться после взятия Киева [1].

---

[1] Предварительный договор, заключенный 1 декабря 1918 г. в местечке Фастове между Украинской народной республикой и Западноукраинской народной республикой об имеющем состояться слиянии обеих украинских держав в одну государственную единицу:

1) Западноукраинская народная республика настоящим выражает непоколебимое намерение слиться в кратчайшем времени в одну великую державу с Украинской народной республикой, т. е. выражает намерение перестать существовать в качестве особой державы, а вместо того войти со всей своей территорией и населением в качестве составной части единого государства в Украинскую народную республику.

2) Украинская народная республика равным образом выражает непоколебимое намерение слиться в кратчайшем времени в одну державу с Западноукраинской народной республикой, т. е. выражает свое намерение принять всю территорию и население Западноукраинской народной республики, как составную часть единого государства—в Украинскую народную республику.

3) Правительства обеих республик считают себя связанными вышеизложенными заявлениями, т. е. считают себя взаимно обязавшимися в возможно скорейшем времени осуществить это государственное объединение так, чтобы в возможно скорейшем времени обе державы действительно составили одну неделимую государственную единицу.

4) Западноукраинская народная республика, ввиду созданных историческими обстоятельствами, особыми правовыми институциями, а также культурными и социальными отличиями особенностей жизни на своей территории и ее населения, как будущей части неделимой Украинской народной

Однако этот шаг создавал для Директории вооруженного врага с запада. Мы теперь уже не могли бы безучастно смотреть на борьбу в Галиции. У нас появился новый фронт.

На востоке была гетманщина и немцы. Разными чистыми и нечистыми средствами немецкому штабу и гетманцам удалось привлечь на свою сторону немецкий Совет солдатских депутатов, и немецкие солдаты теперь готовы были даже драться с нами. Особенно их провоцировали тем, что «петлюровцы мешают немцам выехать домой и подговаривают население не давать продуктов немецким солдатам.

С другой стороны, на Екатеринославщине появилось старое советское правительство Пятакова и начало повсюду рассылать воззвания с извещением, что оно подняло восстание против гетманщины, что народ стал грудью в его защиту и что Пятаков вместе с этим народом заняли такие-то и такие-то местности и города. Что же касается до Директории, то о ней говорилось, как о «контрреволюционной банде», которая ставилась вне закона.

2. Национальные «герои» в потоках славословия.

Однако, несмотря на врагов, напиравших со всех сторон, украинское крестьянство и рабочие, сформированные сечевыми стрельцами в сильное, дисциплинированное и вооруженное войско, через несколько недель упорной борьбы с немцами и гетманцами стали явно брать перевес. Это стало заметно в особенности тогда, когда началось обезоруживание немецких войск. Потеряв под влиянием своей и нашей революции прежний дух дисциплины и самоуверенности, полные страстного желания добраться до дому и окончить военную службу, испуганные враждебным отношением украинского населения, немецкие войска до того ослабели, что мы часто обезоруживали их крупные части одним только приказом по телефону, не имея против них никакой военной силы.

Эти же причины привели к тому, что немецкий гарнизон Киева не проявлял никакого желания бороться с нами. И это дало нам

республики получает территориальную автономию, границы которой в момент осуществления слияния обеих республик в единое государство определит особая общая комиссия, решения которой подлежат ратификации со стороны полномочных законодательных и правительственных государственных органов обеих республик. Тогда же будут установлены и детальные условия слияния обеих держав.

5) Настоящий договор, написанный в двух экземплярах, как двух отдельных оригиналах, предназначенных по одному для правительств каждой из отдельных держав, может быть опубликован с согласия обоих правительств, т. е. Директории Украинской народной республики и Совета державных секретарей Западноукраинской народной республики.

Директория Украинской народной республики: В. Винниченко, П. Андриевский, Ф. Швец, С. Петлюра, атаман украинских республиканских войск.

Уполномоченные Совета державных секретарей Западноукраинской народной республики: д-р Лёнгин-Цегельский, д-р Дмитро Левицкий.

возможность разбить гетманцев и взять в конце концов столицу Украинской республики—Киев (14 декабря 1918 г.).

Гетман, его правительство, генералы и русские офицеры спрятались под защиту немецкого офицерства. Несмотря на это, много офицеров и даже некоторые гетманские министры потом поодиночке были изловлены и арестованы. Однако Скоропадский, переодетый немецким офицером, удрал в немецком эшелоне в Германию [1].

В Киеве начинается целая полоса празднеств. Особенно пышно было отпраздновано вступление Директории в Киев. К этому вступлению киевские украинцы и штаб главного атамана готовились почти целую неделю (с 14-го по 19-е). Перед нами стоял целый ряд неотложных вопросов нашей политики, от которых зависело существование республики. Вокруг нас был хаос, с которым необходимо было немедленно же начать серьезнейшую борьбу. Нас напряженно ожидали все серьезные политические партии в Киеве, а мы не могли туда ехать, так как штаб подготовлял вступление главного атамана в Киев. Сначала Петлюра должен был вступить один, принять на себя все рукоплескания и привегствия, а потом впустить и Директорию. Однако его пристыдили, да и киевляне захотели, чтобы вся Директория вступила сразу, и Петлюра должен был поделиться рукоплесканиями с другими «героями».

Долго обсуждался штабом также вопрос, «вступать» ли главному атаману на белом коне или просто на автомобиле. Немало времени пошло и на то, чтобы сорвать в вагонах цветное сукно и пошить из него главному и неглавным атаманам околыши на шапки, а в самом Киеве строили триумфальную арку и развешивали по улицам ковры и плакаты с разными славословиями в честь национальных героев.

Мне было стыдно и тяжело от этого смехотворного декоративного самовосхваления,—тем стыднее и тяжелее, что я уже тогда знал, что через месяц мы будем уходить через те же арки, однако

---

[1] В конце октября текущего года (1919) в парижских газетах появилось открытое письмо бывшего секретаря гетмана Скоропадского, бывшего мелкого полицейского чиновника в период Временного правительства, Моркотуна. В этом письме Моркотун сообщает некоторые любопытные и никем не опротестованные данные о главном атамане Петлюре. Прежде всего мы узнаем, что «социал-демократ» Петлюра был в то же время и членом масонской ложи, шефом которой был Моркотун, мелкий полицейский чиновник и секретарь Скоропадского, что Петлюра «на колсиях» принимал присягу на верность «братьям» Моркотунам, что шеф Моркотун отдавал приказы Петлюре явиться туда-то и сделать то-то, когда последний был уже «главным атаманом» и членом Директории; что на Институтской улице, № 12 братья масоны передали Петлюре какие-то деньги, связанные с Францией; что Петлюра уверял своих Моркотунов, что он не сепаратист, а верный друг России, на основании чего Моркотун заверял в том же В. Шульгина (русского черносотенца, известного украиноеда); что Петлюра за свои поступки против масонских предписаний и дисциплины изгоняется из ложи «гроссмейстером» Моркотуном. Наконец из того же письма мы узнаем, что Петлюра знал, где прятался Скоропадский, но не посмел этого открыть, ибо это было ему воспрещено «гроссмейстером» ложи Моркотуном.

без ковров и рукоплесканий. Я тогда говорил это и близким мне людям, и членам Директории, и «главному атаману» с зеленым (а может быть красным, не помню этой важной исторической детали) околышем. Однако ни члены Директории, ни тем более главный атаман не верили мне.

Среди киевского населения, особенно украинцев, действительно наблюдался подъем и радость, и можно допустить, что оно искренно хотело выразить радостные чувства перед «освободителями». Однако ни население Киева, ни украинское общество не видели и не знали того, что видел и знал я. Они, например, восторгались нашими республиканскими войсками, для них это были герои, спасшие Украину от гибели.

Я же знал, что эти войска через месяц будут гнать нас из Украины, что большая часть этих войск состоит из таких элементов, которые не удовлетворяются одними парадами и славословиями, которые захотят не только национальной, но и социальной победы. Сверх того я знал, что делается во всей стране. Я знал, что там происходит не парад, а жестокая борьба. Я знал, что если мы решительно и радикально не изменим своей реальной политики, то будем побиты в этой борьбе.

Разумеется, парад был с попами, с молебном, звоном колоколов, со всеми петлюровскими аксессуарами. Перед вступлением, зная Петлюру, я поставил условие, чтобы никаких попов не было, иначе я никакого участия в этой комедии принимать не буду. После долгих дебатов меня заверили, что попов не будет. Но на самом деле это был обман. На вокзал для встречи попы действительно не были допущены. Зато на Софийскую площадь их согнали со всех церквей и монастырей.

Звонили в колокола, блестели ризы, маячили иконы и хоругви. Я действительно не принимал в этом участия, но что же из того? «Казаки», которые мерзли с самого утра, как на царских парадах, понуро глядели на это старое, знакомое им явление и знали, что это Директория так празднует свою победу,—«революционная», «демократическая», «социалистическая», чуть-чуть не «большевистская» Директория, «верховная власть».

После этого недели две продолжались «чествования» «национальных героев» (конечно, единственным настоящим «национальным героем» был Петлюра, остальных же называли так из вежливости). Недели две устраивались обеды, вечера, банкеты, говорилось множество речей, комплиментов и себе, и своим соседям, выпускалось в воздух множество «революционных» слов, угроз, обещаний. «Национальные герои» нежились и жмурились, как в теплой ванне.

3 Декларация Директории.

Только через две недели после взятия Киева Директория нашла возможным сказать народу, как она думает не устраивать парады и не восхвалять себя, а работать.

26 декабря появилась декларация Директории. Она была еще выражением революционной победы крестьянства и рабочего класса. Тезисы этой декларации еще опирались на силу этих революционных классов. Этой силы атаманы и «общество» еще боялись. Поэтому декларация была выслушана со вниманием и уважением. Вот она:

«Декларация Директории Украинской народной республики.

Героическим порывом украинского вооруженного трудового народа сметена с лица украинской земли разрушительная помещичье-монархистская власть—гетманщина.

Украина очищена от карательных экспедиций, старост, жандармов и иных преступных учреждений господствующих классов. Восстановлена национально-персональная автономия, обеспечивающая право каждой нации на свободную жизнь. Цензовые думы и земства, введенные гетманским правительством, уничтожены; восстановлены демократические, избранные всенародным голосованием, органы городского самоуправления.

Впредь до полного разрешения вопроса о земельной реформе Директория УНР оповестила, что все мелкие крестьянские хозяйства и все трудовые хозяйства остаются в неприкосновенности в пользовании прежних их владельцев, остальная же земля переходит в пользование безземельных и малоземельных крестьян, а в первую очередь тех, кто вступил в войска республики для борьбы с б. гетманом. Верховное управление этой землей принадлежит Директории УНР. Это постановление относится также к монастырским, церковным и государственным землям. Для проведения реформы организованы народные земельные управы.

По «Приказу № 1 Директории крестьянам» производятся описи контрибуций, взысканных помещиками с крестьян, для возвращения их потерпевшим.

Производятся также следствия по всей Украине по поводу злодеяний и преступлений, учиненных над крестьянством помещиками и гетманским правительством.

Постановлением от 9 декабря Директория отменила все законы и постановления гетманского правительства в области рабочей политики. Восстановлен 8-часовой рабочий день. Восстановлены коллективные договоры, право коалиции и стачек, а также вся полнота прав рабочих фабричных комитетов.

Во всех прочих отраслях жизни Директория также отменила все законы и постановления гетманского правительства, направленные против интересов трудящихся классов и вредных для всего общества.

Уполномоченная силой и волей трудящихся классов Украины верховная власть УНР, Директория, этими шагами совершила первый акт социального и национально-политического освобождения украинского народа.

Следующим этапом нашей революции является создание новых, справедливых и соответствующих реальному соотношению сил в государстве социальных и политических форм.

Директория есть временная верховная власть революционной эпохи. Получив на время борьбы силу и право управления государством от первого источника революционного права—трудящегося народа, Директория передаст свои полномочия тому же народу.

Однако Директория полагает, что право управления краем и поддержания порядка принадлежит только тем классам, которые являются основой общественной жизни, которые создают материальные и духовные ценности, которые кровью и жизнью своих членов вступили в борьбу с разрушительными силами современного строя.

Власть в УНР должна принадлежать только трудящимся классам, рабочим и крестьянам,—тем классам, которые завоевали эту власть своей кровью.

Так называемые «господствующие классы», классы земельной и промышленной буржуазии, за 7 месяцев полного и ничем не ограниченного своего властвования на Украине доказали полную свою неспособность и чрезвычайный вред для всего народа от их управления государством.

Имея в своих руках все материальные, физические и духовные средства, обладая полной свободой для организации экономической и политической жизни, эти классы внесли в страну только дезорганизацию и разрушение. Преследуя только свои узко-классовые эгоистические интересы, эти классы вели поистине грабительскую политику в стране.

Ими разграблена, раскрадена и роздана в чужие империалистические руки значительная часть государственного народного имущества. Заботясь только о накоплении капиталов в частных руках, эти люди довели промышленность до полного упадка, а хозяйство страны—до жалкого состояния.

Расцвет спекуляции за время властвования этих правителей дошел до неслыханных размеров. Распоряжаясь, как в завоеванной стране, крупные собственники правили по методу безудержного террора и насилия. Закапывание живьем в землю, вырезывание кусков живой кожи, выжигание глаз так называемыми «помещичьими карателями» были нормальными способами управления народом.

Будучи чуждыми стране, крупные собственники грубо попирали национальные права и завоевания нашего народа, позорили достоинство его государственности, продавали и предавали с такими жертвами и с таким трудом построенные государственные формы. Со стороны революционного правительства, поставленного народом, в гневе и муках восставшим против этих угнетателей, было бы преступлением против всей страны после всего этого допустить названные классы к участию в управлении страной.

Поэтому Директория заявляет:

Нетрудовые эксплоататорские классы, живущие и роскоществующие с труда классов трудовых, классы, которые губили страну, разоряли хозяйство и отметили свое правление жестокостями и реакцией, не имеют права голоса в управлении государством.

Директория передаст свои права и полномочия лишь трудовому народу самостоятельной Украинской народной республики.

Директория предлагает:

1) Трудовому крестьянству, которое первое откликнулось на призыв Директории и вступило с оружием в руках в бой с панством, по всей Украине съехаться в губернские города и выбрать своих делегатов на Конгресс трудового народа Украины.

Эти делегаты будут там представлять волю как того вооруженного крестьянства, которое теперь находится временно в войсках, так и тех, которые мирным трудом дома помогают создавать народный государственный строй и порядок.

2) Городскому рабочему классу выбрать от фабрик, мастерских, заводов, контор и иных учреждений человеческого труда своих делегатов на Конгресс трудового народа Украины.

Часть рабочих неукраинской национальности во время борьбы украинского народа с б. гетманом относилась к этой борьбе не с полной активностью, а часть—нейтрально.

Директория полагает, что в борьбе за освобождение всех трудящихся неукраинские рабочие забудут свою национальную нетерпимость и искренно и дружно присоединятся ко всему трудовому народу Украины.

3) Трудовой интеллигенции, непосредственно работающей для трудового народа, а именно работникам в области народного просвещения, лекарским помощникам, народным кооперативам, служащим в конторах и иных учреждениях также выбрать своих представителей на Конгресс трудового народа Украины.

О месте и часе открытия работ Конгресса, а также о нормах выборов на него Директория оповестит особой инструкцией.

Конгресс трудового народа Украины будет обладать всеми верховными правами и полнотою власти для решения всех вопросов социальной, экономической и политической жизни республики.

Конгресс трудового народа, как революционное представительство организованных трудящихся масс, созывается не по усовершенствованной форме выборов, которой невозможно сейчас придерживаться. В дальнейшем, когда наступит мирная жизнь, он должен быть заменен представительством трудящихся масс, избранным по усовершенствованной системе выборов, т. е. Учредительным собранием.

Конгресс трудового народа должен установить формы власти как на местах, так и в центре. До этого Директория будет считать всякие попытки захвата власти какими бы то ни было группами насилием над волей трудового украинского народа и потому будет решительно останавливать всякие такие самовольные выступления.

До Конгресса Директория своей верховной властью прежде всего возвратит крестьянству все контрибуции, которые были взысканы с него помещиками.

Спасая государство от дальнейшего упадка хозяйства и промышленности, разграбления и безудержной эксплоатации рабочего класса и всего населения, Директория введет на фабриках, заводах и иных промышленных заведениях государственный рабочий контроль и будет тщательно заботиться о том, чтобы промышленность получила в дальнейшем здоровое и полезное для народа развитие.

Все усилия свои Директория направит на такую организацию народного хозяйства, которая соответствовала бы нынешнему переходному моменту, когда рушится старый капиталистический мир и на его развалинах всходят ростки нового всемирного порядка, который не будет знать никакого гнета и эксплоатации. Директория считает своей обязанностью взять под управление Украинской народной республики главные отрасли украинской промышленности и направить их хозяйство в интересах трудящихся классов и всего общества, а не малочисленной группы классов—крупных собственников.

Все формы спекуляции Директория будет уничтожать беспощадно, не останавливаясь перед наказаниями по законам военного времени. С этой целью по всей Украине будут организованы «комиссии по борьбе с спекуляцией». Директория будет также всемерно заботиться о том, чтобы трудовые массы были немедленно удовлетворены предметами первой необходимости (кожей, мануфактурой, железными изделиями и иными товарами, а также предметами потребления).

Вступая твердо и непоколебимо на путь социальных реформ, Директория считает необходимым подчеркнуть, что она будет всячески стараться избежать анархических, неорганизованных и несистематических форм этого переустройства. Директория будет считать своей обязанностью сообразовать эти великие задачи с социально-историческими и международными условиями, в которых в настоящий момент находится Украина, а также с теми лучшими формами социальных реформ, к каким придет мировая особенно же западно-европейская трудовая демократия.

В области международных отношений Директория стоит на почве полного нейтралитета и желания мирного сожительства с народами всех государств. Ставя перед собой великие и сложные задачи, Директория хотела бы все здоровые, трудовые силы своего народа упо-

требить не на кровавую борьбу с соседями, а на создание новой жизни в стране и на установление мира и порядка, столь нужного для всех трудящихся.

Трудовую интеллигенцию Директория приглашает стать решительно на сторону трудящихся классов и в интересах создания новой, справедливой и здоровой жизни для всего народа приложить свои силы, знания и науку для наилучшего направления созидательного социального процесса.

Социалистические партии и группы всех социалистических направлений и всех национальностей Директория приглашает отнестись с полным пониманием к важности момента и все свои силы направить на правильную и достойную трудового народа организацию его воли, на организацию порядка по всей земле трудовой республики.

Поручая немедленное проведение в жизнь этих великих задач правительству Украинской народной республики—Совету народных министров, Директория верит, что весь трудовой народ Украины окажет искреннюю помощь своему правительству в этой важной ответственной работе.

Глава Директории Украинской народной республики—В. Винниченко.
Члены Директории: Петлюра, Швец, Андриевский, Макаренко.

Глава III.

Удушение революции и конец Директории.

1. Деятельность по неопубликованной программе.

Каждый, прочитавший эту декларацию и незнакомый с тогдашними условиями, может спросить: неужели именно эта социально-политическая программа Директории вызвала такое недовольство широких народных масс, что они не поддержали ее и даже сами восстали на нее с оружием в руках?

Я могу на это ответить, что не в социально-политической программе Директории заключалась причина. Разумеется, декларация не удовлетворила многих, как слева, так и справа. Однако я позволяю себе думать, что если бы она точно и последовательно проводилась в жизнь, то недовольства в таких размерах не было бы.

Причина заключалась как раз в том, что эта декларация не проводилась в жизнь. Она осталась на бумаге, а деятельность властей Директории совершалась по совсем иной, неписаной и неопубликованной программе.

Прежде всего декларация появилась только через полтора месяца после сформирования Директории и начала восстания и через две недели после взятия Киева. Все это время население почти ничего не знало об основных задачах социальной и политической программы Директории. Однако в течение всего этого времени агенты власти Директории в реальной повседневной своей деятельности на местах показывали такую программу, которая не оставляла в населении никакого сомнения. Харьковщина, Полтавщина, Херсонщина, Екатеринославщина не только ничего не знали о будущей «почти большевистской» декларации Директории, но вслед-

ствие трудностей сообщения и оторванности, из-за военных операций, от центра восстания не получали от Директории никаких воззваний и директив. Зато они видели и знали реальную деятельность представителя Директории, вождя восстания на Левобережьи—Болбочана. Разгоны рабочих и крестьянских съездов, расстрелы и порка розгами рабочих и крестьян, целование ручек княгинь и помещиц, оставление на административных постах гетманцев, бесчинства и своеволие болбочанского офицерства, в большинстве русского,—все это без всяких деклараций в течение этих полутора месяцев до издания декларации съагитировало всецело против Директории все Левобережье, всех рабочих и крестьян без различия национальностей.

Когда Директория выпускала свою декларацию, то на Харьковщине и Полтавщине уже организовались повстанческие отделы Селянской спилки (крестьянского союза) под предводительством главным образом украинских левых эсеров, позднее называвшихся «боротьбистами», однако уже не против разбитой гетманщины, а против Директории, которая порола крестьян розгами, целовала панам руки и оставляла гетманщину на старых местах. И уже «славный атаман», а «также национальный герой» Болбочан там и сям вступал с ними в бои, посылая Директории донесения, что геройски борется с войсками русских коммунистов.

Да и для чего так далеко ходить? В самом Киеве, в резиденции «социалистической власти», на другой же день после вступления Директории началась реальная, действительная, а не декларативная ее политика. Я уже не говорю о том, что замученный гетманщиной и месяцем всяких гетманских «военных и осадных положений» город был без всякой надобности и без смысла объявлен на «осадном положении». Не говорю уже про то, что сразу была введена беспощадная цензура для прессы, запрещены съезды и собрания,—словом, населению не было позволено даже свободнее вздохнуть и почувствовать хотя бы какую-нибудь разницу между гетманщиной и Директорией.

Пусть это требовалось, как говорили атаманы, военной необходимостью. Однако дело в том, что атаманы решали не только военные дела, но и политические, социальные и национальные. Вся верховная, т. е. реальная, действительная власть находилась в руках атамана, именно в штабе сечевых стрельцов, с которыми Петлюра совершенно солидаризировался и всякими способами заискивал у них ласки. Они вводили осадное положение, они ставили цензуру, они запрещали собрания.

То была группа молодых, энергичных, до фанатизма и экстаза проникнутых национальным чувством людей. Вся тяжесть военных операций против гетманщины пала на их плечи, и поэтому они считали себя освободителями Украины. Не доверяя политическим деятелям и партиям, будучи мало осведомленными в политических вопросах, имея психику и мировоззрение обыкновенных обывателей-демократов, с другой стороны, считая необходимым показать «твер-

дую железную власть», эти молодые люди принялись освобождать Украину и политически.

А их «освобождение» заключалось главным образом в борьбе с большевизмом. С этой целью были сформированы соответствующие учреждения, организовано шпионство и сформирован особый полк под командой «социал-демократа» Ковенка, задачей которого была организация карательных экспедиций в те места, где образовались советы рабочих и крестьянских депутатов.

Иллюстрацией этой политики молодых офицеров может служить то, что на протяжение двух недель было четыре раза разгромлено Киевское центральное бюро профессиональных союзов, где сечевики искали всякий раз большевиков. При этом было сожжено все делопроизводство бюро.

В провинции, не говоря уже о Левобережьи, вся власть и политика была также в руках либо военных комендантов, либо самодержавных комиссаров, либо, еще хуже, атаманов, руководивших военными операциями. Вследствие этого декреты Директории, ее благие намерения и декларации оставались лишь хорошими словами, а в действительности совершались атаманские дела со скверными последствиями.

2. Бесконтрольность и контрреволюционность атаманской власти.

Здесь еще раз подтверждается рациональность и необходимость в революционный момент таких органов, как советы.

Вся беда Директории заключалась в том, что она не имела соответственных органов, которые проводили бы в жизнь ее программу. Основная ошибка состояла в том, что мы, отвергнув чисто советскую систему революционной власти, остановили свою революцию на полпути. Следующей ошибкой было то, что, принципиально одобрив трудовые советы, мы фактически также и их отвергли. Мы лишили самих себя тех средств, с которыми могли осуществить свои благие намерения. Своими комендантами и комиссарами мы задушили революционную самодеятельность народных масс, мы оттеснили их от активного участия в творчестве жизни, мы не дали им даже права и возможности контроля над нашей деятельностью. Мы боялись большевизма, хотели путем репрессий не допустить его развития, но этим как раз добились того, что снова оттолкнули массы от украинской идеи, мы снова облекли эту идею в социально-враждебные массам, почти реакционные петлюровско-болбочановские формы.

Второй нашей бедой было то, что физическая военная сила нашей революции находилась в руках людей либо политически невежественных, либо даже враждебных широкому социальному движению масс.

И дело не в сечевых стрельцах. Сечевые стрельцы, даже старшины (старшее офицерство), в большинстве—крестьянские дети, могли быть способными к широкому социальному действию. Их

основной порок заключался в их политической невежественности, в их односторонней психике: они ничего не видели и не понимали, кроме национального момента, который они понимали ошибочно. При иной системе власти они могли бы быть даже полезными для революции своим энтузиазмом, энергией, самоотверженностью.

Беда заключалась в том, что вся система организации военной власти не соответствовала тем задачам революции, которые выдвигались жизнью и которые Директория старалась синтезировать и формулировать. Дело в том, что большинство нашего офицерства были не революционеры, а то и контрреволюционеры. Больше того, значительная часть его составлялась из бывших гетманцев, из русского офицерства, валом валившего в нашу армию. Это офицерство разлагало наши войска, провоцировало их на эксцессы, одних втягивало в бандитизм, в погромы, а другим внушало враждебность Директории. И это делалось офицерством вполне сознательно и намеренно.

Здесь необходимо было с самого начала применить решительные революционные меры. Еще в Виннице, до вступления в Киев, имея в виду необходимость организации революционной и социалистической армии, без которой никакие наши лозунги и декреты не могли быть осуществлены, я внес проект организации офицерских школ, в которые принимались бы политически и социально проверенные украинские рабочие и крестьяне. Впредь до выпусков из этих школ назначать офицеров из унтер-офицеров, а кроме того ввести в армию институт политических комиссаров.

Эти предложения встретили явно враждебное отношение со стороны главного атамана Петлюры и даже протест, под тем предлогом, что Директория вмешивается в военные дела, хочет насадить в армии большевизм, внести в нее разложение. Запротестовали и другие, неглавные атаманы,—по существу быть может более главные, нежели сам «главный». Я настаивал на своих предложениях. Грозил вспыхнуть конфликт. Тогда атаманы приняли иную тактику: они принципиально согласились и на школу, и на политических комиссаров (назвав их, чтобы не походить на большевиков, «инспекторами»). Однако в жизнь, несмотря на все мои настояния, упорно не проводили ни того, ни другого.

Таким образом физическая сила, армия, осталась в руках элементов, которые либо не понимали революции, либо были явными контрреволюционерами и даже противоукраинцами. В этом же заключается и причина тех еврейских погромов, которые, начавшись вскоре после вступления Директории в Киев, потом такой страшной кровавой эпидемией разлились по всей Украине. Не имея глубоких, захватывающих солдатские массы социально-революционных лозунгов, атаманы должны были чем-нибудь поддерживать «казачий дух». И «давали хлопцам погулять», как говорилось тогда. Ни для кого теперь уже не секрет, что к погромам подбивало солдат главным образом само офицерство. Также не секрет, что ни один из таких преступников не был ни расстрелян, ни даже как-либо наказан

атаманской властью. А когда глава Директории стал требовать от главного атамана объяснений, то Петлюра сердито ответил: «А почему же они (евреи) не боролись с нами против гетманщины?» А если главный атаман говорил и думал, что евреи заслуживают погромов, то что могли думать, говорить и делать атаманцы? И что удивительного, например, в том, что один из «национальных героев», атаман Ангел, останавливал поезд, вытаскивал из него всех евреев — женщин, детей, стариков, раскладывал их всех рядом на перроне и порол розгами?

А был ли наказан этот Ангел, как требовала от Петлюры вся Директория? Разумеется, нет.

А были ли наказаны те русские офицера, которые под предлогом борьбы с большевиками, устраивали потом погромы в Бердичеве, Житомире и других местах? Был ли расстрелян хоть один из них, подобно тому, как был расстрелян украинец Вербицкий за то, что он был большевиком, или как Болбочан расстрелял известного украинского социалиста Шинкаря, которому только чудом удалось бежать с места казни с простреленной рукой? Разумеется, нет.

Не было ни кары, ни управы, ни суда, ни контроля над этими преступниками и врагами не только революции, но и национального движения. Ибо вся система военной власти была построена и сознательно поддерживаема как главным, так и неглавными атаманами так, чтобы над ними не было никакого контроля.

Эта-то бесконтрольность, самодержавность гражданской и военной власти была основной и изначальной нашей бедой. Это была наша и сознательная, и бессознательная контрреволюция, которая, пользуясь обстоятельствами, захватывала всю власть и оттесняла от нее революционные элементы, не допуская над собой их контроля ни в какой форме, особенно в форме советов.

Чем дальше, тем все больше и больше вся власть переходила в руки атаманов. Директория и кабинет министров [1] играли только

---

[1] С первых дней восстания в Виннице функционировал временный совет заведующих государственными делами без ясно выраженных конституционных прав и обязанностей. Это был примитивный совещательный орган Директории во всех делах государственно-административной жизни. С выездом Директории из Винницы временный совет заведующих автоматически прекратил свою деятельность.

В Киеве вплоть до приезда Директории и назначения первого совета народных министров административную власть выполнял революционный комитет в составе 14 комиссаров.

Первый состав комитета был таков: М. Авдиенко, В. Чеховский, А. Писоцкий, В. Высоцкий, В. Галаган, Н. Загородный, М. Марченко (большинство украинские эсдеки-незалежники).

С момента вступления в Киев республиканской армии вся полнота административной и военной власти перешла в руки атамана осадного корпуса Коновальца.

Приказом Директории УНР от 26 декабря 1918 г. был назначен первый Совет народных министров в таком составе: 1) председатель Совета народных министров и министр иностранных дел — В. Чеховский (украинский эсдек), 2) министр внутренних дел — О. Мицюк (украинский эсер), 3) министр земельных дел — М. Шаповал (украинский эсер), 4) министр ис-

декоративную роль ширмы или громоотводов. К главе Директории обращались все левые элементы с жалобами, упреками, бранью, угрозами. Разгромленные профессиональные союзы, высеченные крестьяне, погромленные евреи, возмущенные партийные деятели, редактора зажатых в цензурные тиски газет, киевские обыватели, терроризованные атаманцами, шантажистами и спекулянтами,—все они просили и умоляли о защите, а глава Директории, глава «верховной власти», беспомощно возмущался, обещал «расследовать» и... ничего не мог сделать, так как его приказы не выполнялись атаманами, своей же физической силы, чтобы подкрепить эти приказы, не было.

Разумеется, это ставило «верховную власть» в смешное и недостойное положение перед всем обществом, принижало ее и убивало всякое серьезное отношение к ее хорошим словам, постановлениям и декларациям.

3. Конец Директории.

На этом можно считать период Директории законченным. Роль широких народных масс, выразительницей интересов которой старалась быть Директория в национальной социалистической украинской революции, была закончена. Главный фактор, уничтоживший гетманщину—деревенский и городской украинский пролетариат, был оттиснут от власти и созидания государственности новым фактором—национальным мещанством, представленным атаманщиной, этим худшим элементом мелкобуржуазной демократии.

Причиной этого были внутренние силы (мелкобуржуазность, неопределенность и неустойчивость украинской партийной демократии) и силы внешние.

Декларация Директории явилась только наброском тех тенденций, которые намечались в движении масс. Это был бессильный

кусств—Б. Антонович (украинский эсдек), 5) морской министр — М. Билинский (украинский эсер), 6) министр народного здравия — Б. Матюшенко (украинский эсдек), 7) министр почт и телеграфов — И. Штефан (украинский эсер), 8) министр продовольствия — Б. Мартос (украинский эсдек), 9) министр торговли и промышленности — С. Остапенко (украинский эсер), 10) и. д. военного министра О. Осецкий (украинский социалист-самостийник), 11) и. д. министра народного просвещения — П. Холодный (украинский социалист-федералист), 12) и. д. министра юстиции — С. Шелухин (украинский социалист-федералист), 13) и. д. министра финансов — В. Мазуренко (украинский эсдек), 14) и. д. министра труда — Л. Михайлов (украинский эсдек), 15) управляющий министерством дорог П. Пилипчук (украинский самостийник), 16) заведующий управлением культа при министерстве народного просвещения — И. Липа, 17) государственный контролер — Л. Симонов (украинский социалист-самостийник), 18) вр. и. д. государственного секретаря — И. Снежко.

В составе этого кабинета вскоре произошли некоторые перемены. И. д. министра народного просвещения был назначен проф. И. Огиенко (украинский социалист-федералист), и. д. государственного секретаря — М. Корчинский (украинский социалист-федералист), а министром еврейских дел — А. Ревуцкий (еврейская с.-д. партия поалей-цион).

голос задушенной в то время украинской социалистической революции в национальных формах.

На этом кончается фактическое существование Директории, как выразительницы этого короткого периода в истории национального возрождения. Номинально и официально Директория существовала и дальше, однако никакого значения она не имела. Она служила только прикрытием действительной власти и политики атаманщины.

Глава IV.

Восстание против Директории и война с Советской Россией.

1. Война с собственным народом.

Политика атамана Болбочана в Харьковщине, Полтавщине и Екатеринославщине, политика атамана Ангела в Черниговщине, политика атаманов Коновальца и Петлюры в Киевщине вскоре привела к тому, что почти вся Украина снова поднялась. Особенно на Левобережьи в болбочановской сатрапии повстанческое крестьянско-рабочее движение приобрело широкие размеры и большую силу.

В Киеве неукраинское население прямо-таки горело ненавистью к украинской власти и не только потому, что она была украинской. Когда она вступала в Киев с ореолом борьбы и победы над реакцией, то ее искренно и радостно приветствовали не только украинцы. Теперь ее ненавидели за то, что она сама оплевала эти чувства и не принесла ничего отличного по сравнению с гетманщиной. Вся разница была в том, что неукраинцев грубой силой заставляли ломать шапки перед украинством.

Подходя ко всем явлениям жизни с точки зрения своей профессии, атаманщина вносила и в новую область своей деятельности (в политику) военный способ мышления и военные методы. Атаманы, например, весьма наивно думали, что можно военной силой заставить неукраинскую буржуазию украинизироваться. С этой целью, например, атаманы Коновалец и Петлюра издали приказ об «украинизации» вывесок: в три дня заменить все надписи украинскими, иначе—наказание. Правда, не в три дня, а в течение нескольких недель вывески были украинизированы. Для атаманской (особенно петлюровской) психики этого было довольно. Им нужна была лишь показная, декоративная сторона.

Не зная иных способов борьбы с нежелательными явлениями, атаманщина и во всех сферах своей «политической» деятельности заботилась только о том, чтобы изменить вывески. Ее мещанской психике было не под силу понять то, что капитал и буржуазия говорят и пишут свои вывески на том языке, на каком к ним притекают деньги, что они охотно сами напишут вывески не только на украинском, но и на негритянском языке, когда заметят, что это помогает притоку денег, что покупатель хочет такой вывески.

Но атаманщина не замечала, что сами обыватели-украинцы, несмотря на самое искреннее свое желание иметь украинскую власть, стонали и корчились от этого бессмысленного режима. Единственный ответ на все: карательная военная экспедиция на крестьян, на рабочих, на большевиков, на свои украинские партии, на обывателя, на газеты, на лозунги—решительно на все. И все это во имя украинской государственности!

Тем временем восстание против Директории все больше и больше разгоралось на Левобережьи. Оно происходило частью под руководством левых эсеров, а главным образом российского советского правительства.

И тут опять-таки, как и при Центральной раде, мы всю вину приписывали русским большевикам: это они, дескать, шли на Украину со своими войсками и били нас! И опять-таки необходимо открыто и искренно сказать, что если бы против нас не было восстания нашего собственного крестьянства и рабочих, то российское советское правительство ничего не могло бы сделать против нас. И снова, как и тогда, не большевистские агитаторы разлагали наши республиканские войска, так геройски дравшиеся с гетманцами и немцами, а мы сами, наша болбочановщина, петлюровщина, коновальщина.

И не российское советское правительство выгоняло нас из Украины, а наш собственный народ, без которого и против которого, еще раз повторяю, российские советские войска не могли бы занять ни одного уезда нашей территории.

2. Атаманщина и война с Советской Россией.

Атаманщина всячески старалась не допускать мира с Советской Россией. Между тем политика атаманов приобретала все более резкие и отвратительные формы. Болбочан уже совсем не стеснялся и проводил в полной мере реакционный поход не только против рабочих и крестьян, но и против украинской государственности. Все чаще и чаще стали поступать со стороны украинских и даже не социалистических деятелей донесения на этого атамана и «национального героя». Однако главный атаман защищал его всеми силами и саботировал постановление Директории о смещении Болбочана.

Мало того, увидев, что большинство Директории и глава Совета министров решительно добиваются мира с большевиками и даже послали ради этого специальную миссию (в Москву), болбочановцы и петлюровцы начинают делать всевозможные шаги, чтобы сорвать этот мир. Для этого Болбочан посылает все более тревожные известия со своего фронта, дает ложные сведения, пугает, провоцирует. Не будучи в состоянии справиться даже с недисциплинированными повстанческими отрядами, он все время впадает со своим офицерством в панику, деморализует свои войска, разгоняет их.

В конце концов, чтобы убедить Директорию в страшной силе русской армии, он оставляет Харьков без боя и даже без наступления со стороны неприятеля и удирает. Харьков несколько дней остается без всякой власти, пока на призыв харьковских рабочих не приходят российские войска. В то же время, удрав в Кременчуг и захватив с собою несколько сот миллионов рублей, Болбочан разрабатывает план, как бы пробиться со своим русским офицерством и частью обманутого войска на Дон к Деникину. Одновременно он посылает в Киев к Директории своих старших офицеров и «социалиста», социал-демократа С. Тимошенко, харьковского комиссара, с требованием немедленного объявления войны России.

И вот через несколько дней после отправления мирной делегации в Москву, к Директории являются эти послы вместе с Петлюрой и Тимошенко и почти с кулаками, с рыданием в голосе, с побелевшими, дрожащими губами (Тимошенко) требуют от нее объявления войны Российской советской республике.

Зачем? Ведь мы фактически воюем с ней. Деритесь, воюйте, зачем же объявлять эту войну, когда мы хотим мириться, когда для этого послана делегация?

Нет, без объявления войны казаки не могут драться. Они не знают, враги ли нам русские большевики или друзья. Молчанье Директории ослабляет дух наших войск, останавливает их порыв и придает смелости большевикам. Знает ли Директория, что она совершает преступление против нашей государственности, не объявляя войны? Мирная делегация? А где же гарантия, что большевики хотят мириться, что это с их стороны не хитрость, для того чтобы ослабить дух наших войск? Сверх того мы не имеем оружия и амуниции. Антанта может их нам продать, но она хочет иметь гарантию, что мы—не большевики, что мы не будем этим оружием бить ее самое. Если Директория не объявит войны, то представители харьковского фронта слагают с себя всякую ответственность.

Против объявления войны был только глава Директории. Однако, не имея не только фактической власти, но и точных сведений о положении дел, не имея поэтому возможности взять на себя одного всю ответственность за отклонение столь настойчиво поставленного главным атаманом и военными специалистами требования, он также должен был согласиться на официальное объявление войны, которая фактически уже происходила.

В этот момент удивительным образом сразу прекратились всякие слухи о мирной миссии С. Мазуренко, посланной в Москву. Проходит неделя-две, а от нее—ни слова.

Только через 6—7 месяцев стало известно, что И. Мазуренко и народный комиссар Чичерин все время пытались говорить с Киевом по радио, но Киев почему-то не хотел принимать телеграмм от Москвы (радиотелеграф был в руках военной власти).

Тогда Мазуренко с особой помощью российского правительства посылает в Киев своего курьера с докладом об успешном

ходе переговоров. Российское правительство предоставляет курьеру экстренные поезда, чтобы скорее доставить его в Украину. Наконец он уже под Киевом. Однако когда он хочет на паровозе под белым флагом приблизиться к украинскому фронту, то его встречают бешеным орудийным огнем. Он еще несколько раз пытается подъехать, как можно больше выставляет напоказ белый флаг, но в ответ—тот же самый вражеский огонь. Почему же не пропустили этот паровоз? Это знает только атаманская власть.

Во всяком случае война была объявлена. Это было сделано 16 января. А 1 февраля, т. е. как раз через две обещанных атаманами недели, повстанческие украинские войска, поддержанные российскими регулярными войсками, находились уже под Киевом. Объявление войны не подняло духа. Атаманам важно было вырвать это объявление войны не по военным мотивам, а по политическим. Объявляя войну, они получали бо́льшую уверенность, что до мира дело не дойдет, следовательно, не будет советской, действительно народной, власти, которая не погерит своеволия и всех мерзостей атаманщины. Так атаманщина достигла своего. Она потащила Директорию в сторону контрреволюции и в жестокие лапы антантовского империализма.

3. Внутреннее положение и уход Директории из Киева.

Между тем положение на фронтах и внутри страны стало настолько грозным, что даже штаб сечевых стрельцов, эта настоящая власть того времени, потерял свою хвастливую самоуверенность. О степени растерянности атаманов этого штаба свидетельствует тот факт, что они предлагали автору диктатуру. Однако я отказался от нее и посоветовал передать ее Петлюре, как человеку, вполне соответствовавшему всему режиму и принимавшему участие в его установлении. Сечевики ответили, что они не считают Петлюру подходящим для этой роли ни в политическом, ни даже в военном отношении.

Этот факт предложения диктатуры одному из членов «верховной власти» показывает, насколько самовластной была атаманщина, насколько она чувствовала себя действительной верховной властью (ибо на случай принятия предложения, очевидно, имелось в виду всю «верховную власть» упразднить). О том же свидетельствует отношение атаманщины к Трудовому конгрессу. Атаманы без всякого стеснения и почти открыто совещались между собой и с членами правительства о том, что делать им, атаманам, с Трудовым конгрессом, если последний окажется левым или захочет высказаться против самостийности Украины: разогнать его или выловить из него наиболее левых, а остальным пригрозить, чтобы они не были левыми?

Что же делала сама «верховная власть», Директория, что делало правительство УНР, социалистический кабинет министров? Что делали украинские социалистические и демократические партии?

Они разъясняли, дебатировали, угрожали, однако ни у «высокой Директории, ни у «социалистического министерства», ни тем более у партий не было физической силы, и потому все разъяснения не имели ни малейшей цены.

Реальную власть «верховной власти» может иллюстрировать следующая маленькая подробность. В то время когда почти каждый старший офицер, не говоря уже об атаманах, имел для себя, для своей жены, своих родственников и знакомых один или несколько автомобилей, членам правительства, министрам часто приходилось ходить пешком, потому что первый попавшийся офицер мог у них отнять на улице автомобиль, не обращая никакого внимания на удостоверения и протесты министра.

В среде Директории не все обстояло так «благополучно», как это заявлялось самой Директорией для публики. И среди публики ходили всевозможные слухи на этот счет: будто я арестовал Петлюру или Петлюра меня, будто между нами состоялась дуэль и т. д. Ничего этого не было. Однако была налицо полная противоположность мировоззрений и непрерывная борьба между нами. Меня поддерживал Макаренко, а Петлюру—Андриевский. Швец склонялся то на ту, то на другую сторону. «Принципиально» в декларациях, заявлениях и даже законах большинство Директории всего чаще было на моей стороне. Однако фактическая, реальная политика за спиной Директории делалась теми силами, выразителями которых в Директории были Петлюра и Андриевский.

Будучи не в состоянии изменить ненормальное положение вещей, я просил ЦК УСДРП отозвать меня из Директории, но ЦК, не желая, чтобы мой уход стал поводом к внутренней борьбе среди украинства, настаивал на том, чтобы я остался в Директории, по крайней мере до Трудового конгресса. И из состава правительства ЦК не отзывал своих членов, хотя некоторые члены ЦК [правящей] с.-д. партии не ночевали дома, опасаясь, чтобы военная власть не арестовала их ночью и не причинила бы какой-нибудь неприятности «без суда и следствия». О неукраинских же партиях или о погромленных и «украинизированных» обывателях нечего и говорить!

22 января 1919 г. должен был открыться Трудовой конгресс. Атаманы решили позволить ему собраться и посмотреть, каков он будет. Он оказался спокойным, покорным, только чересчур мешкотным. Он возился дня три, пока не выбрал президиум и не поделился на фракции. Начальство было совершенно удовлетворено. Конгресс оказался в полном смысле «мертворожденным».

О военном положении можно судить на основании такого факта. Когда Директория собирала силы, то под одним Киевом она имела тысяч до тридцати войска. По всей же Украине со всеми гарнизонами и фронтами насчитывалось тысяч до ста. Войско, вступавшее в Киев, вызывало у всех восхищение своей дисциплинированностью, выправкой, бодрым и молодцеватым видом.

Директория пробыла в Киеве 1½ месяца. За эти 1½ месяца

на формирование армии было выдано 300 миллионов рублей. И вот, за неделю или за две до того, как мы были выгнаны из Киева, когда повстанцы уже взяли Полтаву, военный министр дал Директории точный и подробный отчет о количестве нашего войска по всей Украине: во всей Украине, на всех фронтах, со всеми гарнизонами и резервами, было 21 000 человек.

Если на Полтавщине нашего войска было всего 8 500 человек, то что удивительного, что у самих повстанцев хватило бы сил разбить и уничтожить его. А Болбочан в Харьковщине и Полтавщине разжег ненависть крестьянства к Директории до десятков тысяч повстанцев. Необходимым и неминуемым результатом деятельности атаманов явилось очищение нами Киева и новое бегство в Винницу.

Глава V.

Поиски помощи у Антанты.

1. Тайный договор украинско-русско-французской контрреволюции.

Рука в сторону Антанты была протянута Директорией еще в бытность ее в Киеве.

Киевский комитет русских коммунистов еще перед Трудовым конгрессом выпустил воззвание к рабочим, в котором приводил текст договора, якобы заключенного Директорией с представителями Антанты в Одессе. Вот текст этого интересного (и может быть не совсем неправдоподобного документа):

1. Директория Украинской народной республики входит на федеративных началах в состав возрождающейся единой и неделимой России.
2. Директория УНР составляет коалиционное правительство, которому и передает все свои права.
3. УНР обязуется всеми силами бороться против большевиков, находящихся в пределах республики.
4. УНР передает в распоряжение специально образованного штаба все войска для наступления против большевиков Великороссии.
5. Все вооруженные части республиканских войск должны быть объединены и подчиняются общей организации.
6. В оперативном отношении республиканские войска подчиняются специальным штабам.
7. Оперативный штаб формируется в следующем составе: 1) глава союзного командования ген. д'Ансельм, 2) один представитель Добровольческой армии—ген. Гришин-Алмазов, и 3) один представитель польских легионеров—полк. Дзеваницкий.
8. В вышеозначенный штаб входит представитель украинских республиканских войск—начальник штаба Матвеев.
9. В городах, занятых республиканской армией, допускается беспрепятственное формирование Добровольческой армии.
10. Все «заложники» и лица, сражавшиеся в отрядах Добровольческой армии—офицеры, юнкера, казаки, и т. п., немедленно освобождаются с правом беспрепятственно выехать, куда они хотят.
11. Осадный корпус атамана Янеева, блокирующий Одессу, немедленно отводит свои части к ст. Раздельной Ю.-З. ж. д.
12. УНР принимает энергичные меры к недопущению Трудового конгресса.

13. УНР обязуется не допускать на своей территории советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

14. Союзное командование будет всеми способами поддерживать УНР в ее борьбе с большевиками поставкой боевых припасов.

Изложенный договор должен быть контрассигнован Директорией УНР.

Подписали: ген. Д'Ансельм, ген. Бориус, капитан Ланжерон, адмирал Балле, ген. Гришин-Алмазов, контр-адм. Неноков, полк. Антонович, полк. Дзеваницкий, ген. Греков, ген. Матвеев; секретари: Серкаль, ген. Пильц.

Разумеется, этот договор для всякого хоть несколько политически грамотного человека был смешон и нелеп. Как бы «контрреволюционна» ни была Директория, она не могла бы заключить такого самоубийственного договора. И Директория, разумеется, с возмущением и негодованием опровергла эту клевету.

Однако в настоящее время, когда с такой яркостью выясняется истинная физиономия атаманских деятелей, если внимательно присмотреться к подписям, стоящим на этом договоре с украинской стороны (ген. Греков и ген. Матвеев), если принять во внимание двусмысленное и подозрительное поведение Грекова в Киеве, его странную и почти провокационную неосведомленность на Трудовом конгрессе о нашем военном положении, его испуг перед силами большевиков, если проследить и его дальнейшую контрреволюционную и единонеделимовскую деятельность, если, далее, принять во внимание, что ген. Матвеев был отъявленным русским черносотенцем и впоследствии проявил себя явным деникинцем,—если принять все это во внимание, то возникает вопрос: а не было ли действительно такого (только тайного даже для украинцев) договора между этими представителями украинской власти и французско-русскими генералами?

А если припомнить, что в дальнейших переговорах с представителями союзного командования по поводу закупки у него оружия и амуниции со стороны французских генералов выставлялись как раз некоторые из этих пунктов и почти что в тех же самых выражениях, то реальность этого договора становится все более и более возможной.

Наконец если проследить с самого начала до конца на протяжении почти 11 месяцев все отношения Антанты к украинскому вопросу, то разве этот договор в своих основах не является той программой, какой руководилась Антанта и особенно Франция в своем отношении к украинской государственности?

Нет особой надобности докапываться, где именно вырабатывалась эта программа: была ли она выработана сначала в Париже, а потом прислана в Одессу «на предмет исполнения», или одесско-бухарестские мастера и «знатоки» восточных отношений состряпали ее и послали «на предмет утверждения и одобрения» в Париж. Важно то, что именно эта программа в форме приведенного договора систематически и настойчиво проводилась в жизнь как в Одессе и Бухаресте, так и в Париже.

И если этот договор был действительно заключен и подписан Гре-

ковым и Матвеевым, то надо признать, что русская реакция умеет довольно ловко добиваться своей цели: посадить своих агентов во вражеский стан, выведывать все до малейших подробностей и руками этих агентов захватывать себе жирные куски,—это доказывает большое мастерство в провокационно-шпионских делах.

Но одновременно это доказывает, что такой фокус можно выкинуть только там, где нет никакого контроля и ответственности агентов власти. Если бы атаманщина не была такой самовластной и бесконтрольной, если бы она занималась своим делом, а политические дела велись революционным коллективом, если бы атаманщина согласилась бы с самого начала на введение в армии института политического контроля (комиссаров), то, разумеется, ни атаман Греков, ни атаман Матвеев не могли бы быть полезными русской реакции как ее агенты среди нас.

И какая последовательность и планомерность в выполнении намеченной программы. В первом пункте значится восстановление «единой неделимой». Разумеется, это нам покамест не предлагалось. Это был основной постулат, конечная цель, осуществлению которой должны были служить дальнейшие пункты. Но во втором пункте требуется уже уничтожение Директории, сформирование коалиционного кабинета и передача ему всей власти.

Коалиционный кабинет означал отказ от всей социально-политической программы Директории, «законное» так сказать проведение реакции (ибо атаманщина хотя и проводила ее, но хаотично, несистематично, с неожиданными выходками против буржуазии).

Этот-то пункт тайного договора и был первым пунктом в тех условиях, которые официально были предложены Директории союзным командованием («идеологом» последнего был французский полковник Фрейденберг, начальник штаба д'Ансельма).

Следующими «явными» пунктами были такие требования: контроль над финансами Украины, управление всеми железными дорогами, командование украинскими войсками, свободное формирование добровольцев, еще некоторые мелкие требования и, наконец, освобождение арестованных гетманско-немецких министров (эти пункты в точности совпадают с «тайными» пунктами).

И все это за... несколько танков и пушек. И этого домогались те самые вольнолюбивые, демократичные, благородные французы, которые так кричали о немцах, когда те пришли на Украину и стали проводить там реакцию. Это делали те, которые в вильсоновских 14 пунктах так рыцарски и горячо выступали борцами за справедливость, демократию, за самоопределение народов, за святые идеалы всего человечества.

И все это ультимативно—в 24 часа. Если Директория не даст ответа через 24 часа, то переговоры прерываются.

2. «Выгнать, как собак».

Сверх того главу Директории В. Винниченко и главу совета народных министров В. Чеховского «выгнать, как собак» (chasser

comme les chiens), ибо они—большевики. С. Петлюру отставить, ибо он бандит. Это дословные выражения полковника Фрейденберга, которые он бросил в лицо украинской делегации: социал-демократу, члену Трудового конгресса И. Мазепе, социалисту-революционеру, члену Трудового конгресса С. Бачинскому, военному министру Грекову, министру торговли и промышленности С. Остапенко.

Украинские «социалисты» выслушали его боязливо и молча, а после перерыва, придя к мысли, что об их «верховной власти» говорится как будто бы не совсем ладно, решили «весьма корректно» обратить на это внимание полковника Фрейденберга. Последний разъяснил им, что он имел в виду не лиц, а то идейное направление, какое они представляли; он хотел «выгнать, как собак», все те постановления и идеи, которые выносились партиями, представленными этими делегатами. Он хотел плюнуть в лицо не личностям, а украинской революции.

Делегаты удовлетворились этими разъяснениями и продолжали переговоры дальше [1].

И как жалко засуетились все «социалистические» партии, когда эти наглые вымогательства французских офицеров были переданы им на обсуждение, притом ультимативно: 24 часа—и кончено. Куда девалась обычная медлительность и бесконечная болтливость? В один день все партии прислали Директории свои постановления.

Разумеется, «революционная» демократия в этих постановлениях *принципиально* совершенно отвергала предложение представителей Антанты.

В качестве превосходного образца этих постановлений, приведу выдержку из резолюции партии украинских эсеров от 7 февраля:

«Центральный комитет УПСР центрального течения, признавая невозможным и недопустимым какое бы то ни было вмешательство иностранных сил во внутренние дела Украинской республики, а также всякие союзы украинского правительства с иностранными правительствами, признавая невозможным приглашение чужеземных войск на Украину, которое ведет за собой оккупацию Украины и неминуемую реакцию и угрожает уничтожением всех национальных и социально-политических завоеваний украинской революции, постановил:

Правительство Украинской народной республики может вести переговоры и вступать в соглашения лишь с теми представителями держав, которые имеют на то полномочия от своих правительств».

А затем уже: вступать в соглашение на условиях признания украинского государства, невмешательства во внутренние дела и т. д.

Словом, почти все партии (за исключением самостийников) на словах и в резолюциях решительно отклонили сделанные предложения. Никто, мол, не имеет права вмешиваться в наши внутренние дела, а перемены в Директории совершенно недопустимы.

---

[1] Эти условия были выставлены французским командованием в Бирзуле 6 февраля 1919 г.

3. Хотя бы в догонку лягнуть копытом.

Для лучшей характеристики французских «рыцарей» необходимо знать еще следующее. Глава совета министров В. Чеховский, считая для себя невозможным находиться в составе правительства при атаманщине и при всех тех бесчинствах и глупостях, которые творились при ней, еще в Киеве заявил Директории о своей отставке и настойчиво добивался ее принятия. Директория еще в Киеве приняла эту отставку, и В. Чеховский оставался в правительстве только до сформирования нового кабинета. Это было хорошо известно французам. Однако таково уж благородство этих людей, что они спешили лягнуть копытом вдогонку, отместить человеку, который был врагом империализма и паразитов.

То же относится и к главе Директории. Видя, что никакими индивидуальными усилиями и жертвами невозможно изменить ход событий и не имея больше сил во имя атаманской государственности жертвовать своими убеждениями, я твердо решил, даже не обращая внимания на постановление Трудового конгресса, выйти из состава правительства. Это было известно антантовским джентльменам. Когда Директория посылала Грекова в Одессу для закупки оружия у французов (и только для этого), то я сам говорил атаману Грекову: «Если они будут бояться, что мы—большевики, то скажите им, чтобы они приехали сюда и посмотрели на наш режим: они совершенно успокоятся. А если моя особа не вызывает у них доверия, то скажите им, что я сам давно считаю себя неподходящим для нашего фактического режима и давно решил выйти из состава правительства. И выйду непременно в самом скором времени».

Таким образом это было им известно, следовательно, не было никакой необходимости так добиваться того, что и без них должно было произойти. Следовательно, их требование «выгнать» было также вызвано желанием «лягнуть копытом».

Когда делегаты сделали Директории доклад об условиях французов и об их тоне, я решил в тот момент не выходить из состава правительства. Директория решительно отклонила все предложения одесских «рыцарей».

Однако... большевики наступали извне. Они подходили уже к Виннице. Армия разбегалась, самостийники и социалисты-федералисты напирали изнутри, требовали «что-нибудь уступить», пятаковщина предлагала капитулировать, сил не было, и дух совершенно упал.

И «революционная, социалистическая» демократия (эсдеки и эсеры), забыв про свои столь решительные резолюции, покорно приняли первое условие французов; выгнать главу Директории и главу совета министров Украинской народной республики, как собак. А для того чтобы этот акт не отдавал таким самоунижением, была придумана формула: передать власть правым партиям — эсерам и самостийникам, эсдеков же и эсеров отозвать из прави-

тельства. (С. Петлюра, как «тоже» эсдек вышел из партии, для того, чтобы иметь возможность остаться в правительстве. На его выходе из правительства французы не очень настаивали. Им важно было выгнать «большевиков», а с «бандитом» они могли примириться.)

При такой «революционности» партий мне оставалось только выполнить это постановление.

А для того чтобы представители Антанты поверили в серьезность этого решения, а также, чтобы моя особа не вызывала подозрения у союзников, мне был сделан намек, что для меня было бы лучше всего уехать за границу,—иными словами, в изгнание. Я и на это согласился во имя «нашей государственности», тем более, что и сам того хотел, ибо при создавшихся условиях на Украине я уже не мог работать.

4. Циничный и наглый «акт».

Так был выполнен первый пункт условий (без исполнения которого французы не хотели даже и разговаривать).

Этим были отброшены, «выгнаны» идейные усилия украинской демократии создать свою действительно национальную, действительно народную крестьянско-рабочую государственность.

Снова возвращалась государственность, «как у людей», со всеми «человеческими» основами ее. Правда, ф а к т и ч е с к и она существовала с самого вступления Директории в Киев. Уничтожение буржуазной государственности проводилась только в декларации Директории и в статьях некоторых партийных газет. В действительности же, в реальной жизни хуторянско-панская державность, за которую народ выгнал из Украины Центральную раду, «творилась» и теперь. Только теперь она «творилась» с тою разницей, что за это дело взялись наихудшие элементы национальной мелкой буржуазии. Хуторянско-панская государственность Центральной рады утратила теперь ту относительную демократичность, которая все же в ней была, и приобрела военно-самодержавный характер.

Потому-то и было так легко отказаться от своих деклараций, что они были только декларациями. И постановление Директории от 11 февраля (после моего ухода) уже гласит:

«Директория Украинской народной республики постановила: выразить свое согласие на принятие в принципе тех условий, какие были выдвинуты с обеих сторон и сообща обсуждены на этих совещаниях. Для вручения командованию союзных войск ответной декларации, а также для детального и окончательного составления, написания и подписи условий взаимного соглашения отправить в Одессу делегатов Директории УНР с надлежащими полномочиями».

Здесь будет кстати напомнить об одной подробности, чрезвычайно интересной для характеристики как антантовских джентльменов, так и украинской революционной власти.

Ведя переговоры с французами и вырабатывая (в Одессе и Бир-

зуле) для них условия, украинская власть и демократия одним из своих условий ставила, чтобы союзное командование опубликовало акт, в котором было бы отмечено его отношение к Украинской народной республике, к его государственности, и заявлялось бы о невмешательстве во внутренние дела Украины. С своей стороны, украинская власть также обязывалась издать акт, в котором должна была просить Антанту «помочь» Украине в финансовом, экономическом, военном и даже административном отношении (дать «инструкторов» в министерства). Однако французы соглашались издать свой акт только после того, когда будут «выгнаны» Винниченко и Чеховский и принципиально приняты иные пункты соглашения. Теперь оба эти условия уже были выполнены.

Тогда появляется французский акт,—вот он во всем своем цинизме и наглости:

Ставка, 7 февраля 1919 г.

Общий приказ № 28.

Первая группа дивизий. Генеральный штаб, 3-е бюро, № 6867/8.

15 января 1919 г. генерал д'Ансельм вступил в командование армиями Южной России, а также иностранными военными частями. Франция и союзники не забыли усилий, которые Россия сделала в начале войны, и теперь они пришли в Россию с целью дать всем благонадежным элементам и патриотам возможность восстановить в стране порядок, уже давно уничтоженный ужасами гражданской войны.

Полковник Фрейденберг, начальник генерального штаба (подпись).

Для подтверждения:

Генерал д'Ансельм, командующий силами союзников Южной России (подпись).

Печать: (Восточная армия, первая группа дивизий. Генерал-командующий).

Вот и весь акт.

Большего издевательства как будто бы нельзя было и придумать, чем этот акт, который наверное писался в компании всяких Гришиных-Алмазовых с хохотом и издевательствами.

5. Два момента.

Но Директория, зачитав этот акт на заседании 11 февраля, все-таки вынесла постановление принять условия, послать в Одессу своих представителей и, с своей стороны, также издать акт. И вот здесь интересно сравнить два момента в отношении Директории к антантовскому империализму.

Первый момент был тогда, когда Директория стояла в Фастове, когда к ней стекались массы революционного крестьянства и рабочих, когда за ее спиной стоял возбужденный, готовый к борьбе народ, когда все революционные, живые, активные элементы с доверием и энтузиазмом приветствовали власть революционной Директории.

Тогда французик Эмиль Энно также предъявлял к нам из Одессы и Румынии такие же требования, как и д'Ансельм. Этот господин точно так же требовал от нас покорности, освобождения гетманско-немецких деятелей, точно так же называл нас «бандитами», точно так же составлял свои заявления от лица антантовских правителей вместе с Гришиными-Алмазовыми.

И тогда Директория в своей ноте «к демократиям всех народов мира и к демократиям держав Антанты в особенности» от 27 ноября 1918 г., коротко указав причины революции против гетманщины, ее характер, ее силы и стремления, говорила так:

«Однако это справедливое и неотвратимое народное движение натыкается на сопротивление со стороны держав Антанты. Устами своего посла Эмиля Энно французское правительство категорически заявляет, что будет поддерживать гетмана Скоропадского и всю его правительственную систему неограниченной монархии силой оружия.

Г. Эмиль Энно обзывает всю украинскую демократию «бандой бунтовщиков» и угрожает силой французского штыка привести украинский народ к повиновению преступнику Скоропадскому.

От имени всех социалистических и демократических партий украинского народа Директория Украинской народной республики обращается ко всем народам мира, к лучшим частям их демократий с вопросом: на основании какого права французское правительство вмешивается во внутреннюю жизнь Украинского государства? Во имя чего правительство держав Антанты теперь отказывается признать то республиканское правительство Украины, которое до прихода большевиков, а потом немцев на Украину, державы Антанты признавали законным, что и отметили тогда известными актами международного характера? Почему и во имя чего теперь правительства держав Антанты угрожают поддерживать вооруженной силой буржуазно-помещичью реакцию на Украине в лице монарха—гетмана Скоропадского и его правительства, которых посадил на Украине германский империализм?

Выступая перед всем миром с протестом против насилия, которое намереваются учинить снова над украинским народом державы Антанты, украинская демократия заявляет, что она будет бороться до последнего человека за социальные и демократические права трудового украинского народа и за ту национально-государственную форму своего существования, какую установил и установит сам украинский народ».

Так говорила Директория в ноябре 1918 года, так она реагировала на «акты» Антанты и ее вмешательство.

Посмотрим теперь, как она говорила в феврале 1919 г., будучи выгнана из Киева теми самыми революционными массами, которые давали ей гордость и силу действительно бороться против всех своих врагов.

В ответ на «акт» д'Ансельма, приняв все его условия (которые преследовали ту же цель, что и Энно, т. е. защиту буржуазно-помещичьей реакции и «единой-неделимой»), Директория издает свою ноту, начинающуюся следующими словами:

«Правительство Украинской республики (слово «народной» уже почему-то отсутствует.—*Авт.*) в лице Директории, получив отзыв от Антанты и Соединенных Штатов Северной Америки в лице верховного командования армией на Украине (имеется в виду «Общий приказ № 28».—*Авт.*), с ч а с т л и в о тем, что может вступить в соглашение с представителями Антанты и Соединенных Штатов Северной Америки в деле

помощи Украине для отпора натиску русского большевизма, пресечения большевизма на украинской территории, появившегося под влиянием русского большевизма, и общей борьбы вместе с другими державами против большевизма до победы» (ответственность за язык и стиль этого акта лежит на авторах его.—*Авт.*).

Дальше излагается история национального украинского движения, но так недостойно, с таким угодничеством и извинениями перед союзниками и Временным российским правительством и до того лживо, что, быть может, самим д'Ансельмам и Гришиным-Алмазовым было противно читать, например:

«Правительство Центральной рады всеми силами добивалось соглашения с Временным российским правительством в деле борьбы с разложением государства для общего восстановления фронта, взяв исключительно на себя активную оборону бывшего Румынского и Юго-западного фронта, а также готово было отложить разрешение своей участи до окончания войны».

«Русские большевики с первых же дней своей власти начали свою преступную работу на Украине. Украинский народ понял это и начал решительную борьбу с натиском русского большевизма. Однако борьба была неравная и, потеряв силы, мы лишились своей столицы—Киева».

«Этим моментом воспользовались вероломные немцы» и посадили к нам гетмана. Национальный союз устроил восстание, сбросил гетмана и теперь, «идеалом наших национальных стремлений является обеспечение нашей независимости» в таких-то и таких-то границах.

Что касается социально-политической программы, то вся декларация Директории, Трудовой конгресс, его постановление провозглашение войны властвующим буржуазным классом на Украине,— все это было, разумеется, устранено из этого акта.

Все законы и постановления Директории и Совета министров, принятые, одобренные, утвержденные и даже опубликованные, отменялись. Отменялся даже земельный закон, так торжественно провозглашенный министром Шаповалом по утверждении «верховной властью», и так старательно проведенный им уже в жизнь. В «акте» говорилось об этом так:

«Одной из наших основных задач является скорейший созыв украинского парламента, созываемого на основе всеобщего избирательного права» (из осторожности опускалась даже «питихвостка»).

Следовательно, с Трудовым конгрессом и декларацией Директории было покончено.

«...а также этим парламетом должны быть обеспечены социально-экономические реформы, из которых на первом месте стоит немедленное проведение аграрной реформы и охрана труда...»

Какая же еще аграрная реформа, когда уже существовал земельный закон?

Следовательно, с аграрным законом было также покончено. А каковы должны были быть новые реформы и в каком духе, об этом надо было спросить Гришиных-Алмазовых.

После этих основных программных идеалов «Высокая Директо-

рия» высказывала свои «пожелания по поводу предложенных пунктов договора», а именно:

«Мы вручаем Антанте и Соединенным Штатам защиту нашего законного права на весь флот Черного моря».

Таким образом, весь флот отдавался в руки Гришиных-Алмазовых.

Далее.

«...мы уверены, что наши высокие союзники помогут нам как в техническом отношении, так и в деле укрепления нашей валюты на мировом рынке.

Иными словами, принимался пункт французских условий о контроле над украинскими финансами. Далее:

«Украинское правительство удовлетворено ныне тем, что благородная Франция, воодушевленная идеалами свободы, культуры и права, вместе с другими державами Антанты и Соединенными Штатами Северной Америки готова поддерживать нас и сообща вступить в решительную борьбу с большевизмом.

Пользуясь случаем, обращаемся к французскому народу и иным народам держав Антанты, с призывом помочь нам в деле окончательного освобождения нашей украинской нации и строительства украинской государственности и ее экономических, финансовых и политических основ».

Это—та же история, как и у Центральной рады: воззвание к «народу», только теперь уже—к французскому вместо немецкого, как было тогда.

«Свое воззвание мы основываем на традиционном уважении французского народа к праву и справедливости и непоколебимой защите их культурно-правовых интересов».

Реализация этих «идеалов» и всего договора была поручена новому кабинету министров, во главе которого был поставлен С. Остапенко, главный и рьяный защитник этого феноменального сервилизма [1].

---

[1] Состав этого нового кабинета был таков: 1) председатель совета народных министров — С. Остапенко (б. украинский эсер, — вышел из партии), 2) военный вн. министр — О. Шаповал (украинский социалист-самостийник), 3) министр вн. дел — Г. Чижевский (б. украинский эсер), 4) министр финансов — д-р С. Федак (галицкий национал-демократ), 5) министр хозяйства — И. Фещенко-Чоповский (украинский социалист-федералист), 6) министр земельных дел — Е. Архипенко (украинский н.-р.), 7) министр иностранных дел — К. Мациевич (украинский социалист-федералист), 8) управляющий министерством юстиции — Д. Маркович (украинский социалист-федералист), 9) управляющий министерством дорог — Т. Филипчук (украинский н. р.), 10) управляющий министерством — просвещения — И. Огиенко (украинский социалист-федералист), 11) управляющий министерством культов — И. Липа (украинский социалист-самостийник), 12) управляющий министерством народного здравия — О. Корчак-Черепковский (украинский социалист-федералист), 13) управляющий морским министерством — М. Белинский (украинский социалист-самостийник), 14) управляющий министерством еврейских дел — А. Ревуцкий (еврейская с.-д. партия поалейцион), 15) начальник управления печати и информации — д-р О. Назарук (галицкий радикал),

Если сравнить теперь этот договор с тем, который был опубликован киевскими коммунистами, то не остается никакого сомнения, что такой тайный договор действительно был составлен и подписан атаманами Грековым и Матвеевым. Только он был составлен в иных выражениях и не так откровенно, но суть была та же самая.

Так, например, 2-й пункт тайного договора требовал уничтожения Директории и передачи всей власти коалиционному кабинету. Теперь кабинет был не только коалиционный, а просто правый. И любопытно, что С. Остапенко (социалист-революционер), беря на себя формирование кабинета, поставил категорическое условие «полноты власти» Совета министров, иначе он даже и не хотел вступать в кабинет. Был ли Остапенко знаком с этим тайным договором или французы частным образом, не вводя его в суть договора, дали ему соответствующую идею,—во всяком случае этот господин был послушным, податливым и согласным на все орудием в руках одесской компании. И действительно, он имел всю полноту власти (разумеется, сколько ее оставалось от атаманов),—например в деле арестованных гетманских министров Директория дважды решительно постановляла не освобождать этих людей, несмотря на настойчивые домогательства французов [1]. Директория поясняла, что эти люди натворили много преступлений уголовного характера, за которые они будут подвергнуты суду. Однако С. Остапенко потихоньку, без шума и без всяких постановления посадил всех этих преступников [2] в вагоны и отвез в Одессу.

Таким образом атаманщина снова потянула бедную «хуторянку», которая не умела уважать себя, в объятия иностранного грубого и враждебного к ней империализма.

Последняя слабая и безнадежная попытка избавиться от антантовских объятий, т. е. заключить мир с Советской Россией, была сделана 9 февраля. В это время как раз пришла телеграмма русского советского правительства о том, что украинская мирная де-

---

16) государственный контролер — Д. Симонов (украинский социалист-самостийник), 17) государственный секретарь — М. Корчинский (украинский социалист-федералист).

Так как д-р Ст. Федак был захвачен поляками во Львове и попал в плен, то на его место был назначен министром финансов М. Кривецкий (украинский социалист-федералист). Министерство труда было упразднено.

[1] Эту настойчивость и «свободолюбие» в интересах германско-гетманских черносотенцев и монархистов со стороны французских «благородных» республиканцев, народные слухи ставили в зависимость от большой цифры миллионов рублей, затраченных русской буржуазией на освобождение своих министров. Этот слух имеет основание в том факте, что самой Директорией было выдано жене ген. Матвеева 5 миллионов рублей для полк. Фрейденберга, от имени которого она приезжала в Киев. Эти 5 миллионов были взяткой этим «рыцарям права и культуры» за их согласие продать нам некоторое количество оружия.

[2] Имена их таковы: бывшие министры гетманского правительства — Рейнбот, Ржепецкий, Гербель, Гаврилов, а вместе с ними еще десятка полтора протофисовцев, которые особенно отличались истязаниями, грабежом и убийствами крестьян, рабочих и лиц украинской национальности.

легация подписала договор и что найдена почва для соглашения [Несмотря на обостренные отношения с украинским советским правительством Пятакова], главе Директории В. Винниченко вместе с министром иностранных дел В. Чеховским удалось добиться согласия Директории не отказываться от этого предложения русского советского правительства, а только выяснить, как надо понимать пункт мирного договора о «признании советской власти»: должны ли это быть трудовые советы или советы русского типа?

И С. Мазуренко была послана телеграмма с приказанием оставаться в Москве до выяснения этого пункта.

Это было постановлено 9-го, а 10-го мы оба вышли из состава правительства. С. Мазуренко долго ждал новых распоряжений, но не дождался,—новая власть всего менее думала о мире с Советской Россией. А когда С. Мазуренко удалось в конце концов протолкнуть своего курьера к Директории, то новый глава ее С. Петлюра с бранью прогнал его, даже не приняв доклада главы миссии, мандат которого был подписан «главным атаманом».

6. Ничего, кроме «общего приказа № 28».

Таким образом с украинской стороны было сделано все, чего требовали французы. Что же получила за это украинская власть? Общий приказ № 28—и больше ничего. Даже слово «Украина» не было упомянуто ни в одном публичном выступлении французов. Не было дано также и никакой технической помощи, и нетрудно понять, почему.

По внутреннему договору Антанта разделила всю бывшую Россию на «сферы влияния»: так, например, Прибалтийский край, а также Кавказ и Дон находились в сфере влияния Англии; Сибирь была главным образом сферой Америки и Японии; сферой же влияния Франции были Польша и Украина за исключением Донецкого района.

Таким образом «влияние», иными словами право распоряжения участью Украины, было отдано в руки Франции. Будучи державой преимущественно финансового, ростовщического капитала, Франция за время франко-русского союза вложила в Россию несколько десятков миллиардов франков. Эти деньги, она, разумеется хотела получить назад, притом с хорошими процентами. И потому не имела никакого материального интереса в разделе России и в защите самостоятельности Украины. Лучше иметь своим должником одну сильную, централизованную платежеспособную единицу, уже известную, нежели десяток мелких и неизвестных.

Другая сторона заключалась в том, что великая сильная Россия была нужна капиталистической Франции против Германии. Несмотря на победу Америки над Германией, на то, что германский империализм был в значительной мере задушен, Франция не могла чувствовать себя спокойной, имея такого упорного и жизнеспособного соседа, как немецкий народ. Зная, что немецкий импе-

риализм когда-нибудь возродится и будет добиваться реванша, а для этого будет искать себе союзников, старая процентщица Франция должна была как-нибудь обеспечить себя с этой стороны. Отсюда—ее горячая любовь к Польше. По той же причине Франции необходимо было иметь великую Россию на своей стороне против Германии.

Вот в чем заключался корень «благородного» поведения французских представителей по отношению к украинской власти. Разумеется, было бы нелепостью с их стороны давать какую-либо помощь украинской государственности и ее власти. Этим объясняется, что как ни подлизывался Остапенко к одесской компании, украинцы не получили за это ничего, кроме «общего приказа № 28».

Глава VI.

Атаманщина после Киева.

1. Между Винницей и Каменцом.

Заняв Киев, большевики стали продвигаться дальше, и через несколько недель украинская мелкобуржуазная демократия вместе с атаманщиной должна была удирать из «столицы» Винницы.

Атаманщина теперь окончательно определилась. Главный атаман был уже и главою Директории, «верховной власти». Таким образом вся как военная, так и политическая власть стала целиком атаманской. «Социалистические» партии были совершенно отстранены. Разумеется, это не благоприятствовало росту противобольшевистских сил, и небольшие украинские военные части, еще остававшиеся в распоряжении атаманщины, должны были уступать большевикам пункт за пунктом.

Из Винницы «власть» разбегалась во все стороны—часть в Каменец, часть в Галицию, часть в Ровно, куда готовились перенести «столицу».

В этот момент левая часть украинской демократии во главе с бывшими министрами В. Чеховским, М. Ткаченко и О. Жуковским, видя разруху и бессилие атаманской власти, видя всю бесплодность и вред союза с Антантою, сделала попытку направить политику в иную сторону—на путь соглашения с большевиками для объединения с революционными элементами широких масс. С этой целью названной группой был образован в Каменце «Комитет спасения республики», ставший на почву советской власти.

Однако эта попытка была сразу же задушена атаманщиной. «Комитет спасения республики», имея в своем распоряжении небольшой военный отряд под командой Жуковского, не мог сопротивляться атаманским войскам. Некоторые члены комитета были арестованы и едва не расстреляны атаманцем Хомадовским.

Спасши себя таким образом слева, атаманщина переселилась в Ровно. Остапенко, выказав полную неспособность в управлении,

а главное не добившись ничего у союзников, должен был подать в отставку со всем своим кабинетом в первых числах марта.

Атаманщина, понимая, что правым курсом она совершенно лишит себя сил, снова решила образовать «социалистический» кабинет, предложив эсдекам и эсерам вернуться к управлению государственными делами. Эти партии согласились, и в Ровно был сформирован в начале апреля новый кабинет министров во главе с эсдеком Мартосом.

Условием своего вступления в правительство партии поставили передачу всей законодательной инициативы из рук Директории в руки кабинета министров. Атаманщина согласилась на это, зная по опыту, что законы и декларации—одно, а фактическая власть—другое.

Правые, недовольство которых обострилось еще более вследствие некоторых трений внутри Директории и ухода из нее Андриевского, решили устроить переворот. Для этой цели был использован атаман Оскилок. Система атаманского режима, бесконтрольность и безответственность его сделали этого молодого человека маленьким сатрапом на своем участке. Он не слушался никаких приказов—ни военного министра, ни главного атамана, ни Директории. Поэтому самостийники и решили опереться на этого «героя». Последний захватил «столицу» Ровно и арестовал почти все правительство, кроме Директории, находившейся не в Ровно, а в Здолбунове. Однако успех его был быстротечен: у «главного атамана» оказалось несколько больше войска, и «просто атаман» Оскилок был выбит из Ровно. С частью своей компании он бежал в Польшу, захватив около десятка миллионов рублей, чем и закончилась «оскилковщина» (в апреле 1919 года).

Однако вскоре и главный атаман со своим правительством должен был удирать из Ровно, к которому в начале мая уже подходили большевики.

Снова пошла вагонная жизнь, блуждание по станциям, местечкам, без войска, без территории и с врагами со всех сторон. Бывали моменты, когда под властью украинского атаманско-«социалистического» правительства было несколько верст железной дороги, занятой правительственными вагонами, в которых, кроме правительства, жили партии, чиновники и «войско». Все это походило на цыганский табор.

Положение было почти безнадежным. Но здесь неожиданно явилась помощь. Из Румынии стал подходить эшелон за эшелоном Запорожский корпус, который во время восстания был оттиснут на румынскую территорию и интернирован там румынским правительством. Украинскому посольству в Румынии с большим трудом удалось добиться у румын разрешения на выезд этого корпуса.

В Галиции, куда перешли запорожцы, их кое-как вооружили, и они стали переправляться к своему правительству. Последнее же, получив эту помощь и собрав остатки старого войска, стало пробиваться на Каменец-Подольск, что ему и удалось, и месяца

через полтора по оставлении Ровно, украинская власть находилась в новой столице—Каменце (20 июля).

Здесь уместно напомнить еще об одном покушении на «переворот». Претендентом на власть выступил, разумеется, также атаман, в лице знаменитого Болбочана. Выдворенный главным атаманом в Галицию, этот преступник нашел себе приют у галицкого правительства «Державного секретариата». Реакционность Болбочана вполне соответствовала направлению галицких правящих политиков, и они поручили этому герою формировать войско из украинцев-наддиепрянцев. Болбочан воспользовался этим и развил свою агитацию среди эшелонов прибывавшего в это время из Румынии Запорожского корпуса. Ему усердно помогала другая часть оскилковцев-самостийников во главе с П. Андриевским, укрывавшаяся под крылышком Державного секретариата в Галиции.

Когда настал подходящий момент, Болбочан произвел энергичное выступление с широкими планами: он хотел захватить всю власть, арестовать главного атамана с его правительством, самого себя провозгласить «самым главным атаманом» и составить свое правительство из тех же самостийников и злосчастных эсеров.

И вот 9 июня этот «герой» устроил «переворот», т. е. явился в штаб Запорожского корпуса, стоявшего тогда в Проскурове, и заявил начальнику этого корпуса, что его, Болбочана, главный атаман назначил атаманом корпуса. Когда начальник корпуса не поверил и потребовал письменного удостоверения, то Болбочан с с помощью небольшого отряда своих сторонников прогнал его. Начальник корпуса донес о «перевороте» главному атаману Петлюре в Черный Остров, где находилась «верховная власть». Тогда почью в Проскуров были посланы агенты атаманской контрразведки, которые без шума арестовали Болбочана и привезли его в Черный Остров. Только тогда он был отдан под суд и 24 июня расстрелян.

2. Между двух сеч. «Ориентация на собственные силы».

Взятие Каменца и превращение его в новую «столицу» не принесло атаманской власти особенно крупных перемен в ее тяжелом положении. Это положение было обусловлено, с одной стороны, внутренними органическими свойствами самой природы этой власти, а с другой, факторами международного характера. Эти условия создавали то, что период «каменецкого сиденья», продолжавшийся несколько месяцев, был тяжелым, но неминуемым и логическим процессом разложения и умирания атаманщины. Бесконтрольность, безответственность, самовластие, неспособность к организации, беспринципность, малороссийский патриотизм и нелепый шовинизм,— словом, все те черты, какими характеризовалась атаманщина с самого начала, но которые в лучших условиях сдерживались побочными факторами, теперь выдвинулись вперед, оголились и отравляли все вокруг себя своим зловонием.

Атаманом мог стать всякий, кто хотел. Главным атаманом выда-

валось удостоверение, что такое-то лицо уполномочено формировать «отряд», ему давалось несколько миллионов рублей, и новый атаман начинал свою деятельность. Разумеется, ни отчетов, ни контроля, ни ответственности за деньги и за свою деятельность эти «национальные герои», по примеру «главного национального героя», не признавали. Формально они как будто подчинялись главному атаману, но в сущности эта честолюбивая «балерина» боялась этих атаманов, заискивала их расположения и не смела ни за какие преступления наказать этих героев, чтобы не потерять среди них популярности.

А потому эти атаманы и атаманцы свободно раскрадывали деньги, пьянствовали, бесчинствовали и устраивали еврейские погромы.

Характерные черты демократии, которая состояла при атаманщине и осуществляла «правительственную власть», выступали теперь еще заметнее. Будучи загнана в угол между двух стен—Антантою и пятаковщиною,—бедная хуторянка беспомощно бросалась от одной стены к другой, боясь и той и другой и надеясь найти у одной помощь против другой. Бросаясь вместе с кабинетом Остапенко в объятия Фрейденбергов, отбросив всякие трудовые принципы и принарядившись под барышню с парламентаризмом и аграрной изменой, хуторянка, как известно, сильно набила себе лоб о стену Гришина-Алмазова. Рассердившись, она выбросила кабинет Остапенко и снова оделась в зипун трудового принципа, образовав «социалистический» кабинет Мартоса. Больше того, она бросилась в сторону пятаковской стены, безуспешно добиваясь соглашения с нею. Что же делать? Оставалось или топтаться на месте в своем уголке, или, как говорилось в партийных сферах, ориентироваться на собственные силы.

Казалось бы, что на тех нескольких десятках верст территории, которые еще оставались под атаманской властью, и при тех материальных и физических средствах, которые находились в руках правительства, можно было бы завести здесь идеальный порядок. И в то же время, кажется, нигде не было такой разрухи, бесправия, необеспеченности спокойствия и жизни, как на этом клочке территории. Разбои, грабежи и убийства среди белого дня совершались в самой столице атаманщины. Самые «министры», бывали и такие времена,—боялись ночевать дома и прятались по конспиративным квартирам. В «провинции» (т. е. в окрестностях «столицы») бесчинствовали в местечках комиссары, коменданты и мелкие атаманы, в деревне же никакой власти не было, и крестьяне часто окапывались рвами, окружали себя пулеметами и пушками не пускали к себе «народной» власти.

В настоящее время возбуждает только смех партийная пресса того времени, пресерьезно обсуждавшая вопрос, что лучше: трудовые советы, советы рабочих и солдатских депутатов или самоуправление (см., например, «Вызволення», орган УСД, № 11).

Вся деятельность «социалистического правительства» представляла собою злостную карикатуру на правительство.

Так, например, «министр» дорог пренаивно заявляет, что главнейшей задачей министерства дорог является борьба... с безбилетными пассажирами. И в самом деле, имея несколько десятков верст железных дорог, что можно на них делать? Только ловить бедных «зайцев».

Точно так же и деятельность всех прочих «министерств» сводилась к самым мелким техническим функциям, которые в настоящих министерствах выполняются средними чиновниками. Так, деятельность «министерства финансов» ограничивалась исключительно доставкой из Берлина напечатанных там гривен и отчасти печатанием их в Каменце. Правда, «министр» финансов Б. Мартос пытался действовать в государственном масштабе и даже вырабатывал в этом направлении законы. Однако эти законы вызывали даже у безграмотных атаманов одни насмешки. Таков знаменитый закон этого «министра» о налоге на предметы роскоши, которым так хвастался сам министр в своей декларации, — налог на предметы роскоши на этом клочке территории, где, кроме нескольких убогих, грязных местечек и несчастной «столицы», не было ни одного порядочного города и где нельзя было купить не только предметов роскоши, но и предметов самой первой необходимости!

В то же время в каждом «министерстве» были громадные штаты чиновников, скопившихся все в том же несчастном Каменце и беспорядочно суетившихся, точно толпа обывателей на пожаре. Все они за свою бесцельную суетню получали жалованье, все бюрократически грызлись между собой, подсиживали, арестовывали друг друга и вносили еще большую деморализацию и разложение в общую жизнь.

3. Гарцевания атаманщины и плач хуторянки.

Что же делала партийная, так называемая «социалистическая» демократия? Она находилась в самом трагическом положении. Она должна была итти за атаманщиной, должна была присутствовать в качестве свидетеля при всех ее мерзостях и преступлениях, должна была даже покрывать эти преступления, ибо этого требовала «наша государственность».

Отвергнув еще во время восстания диктатуру пролетариата и беднейшего крестьянства, хуторянка должна была принять диктатуру атаманщины.

И все, что творилось в Киеве под властью этой диктатуры, все насилия и притеснения демократических и рабочих организаций, теперь, разумеется, продолжались, только в еще более отвратительном и циничном виде. И так же, как и в начале этой реакционной диктатуры, несчастная партийная «социалистическая» хуторянка ублажала своего атаманского унтера, хватала его за «геройские» беспардонные руки и изо всех сил старалась удерживать его от бесчинств и дискредитирования «нашей государственности». А иногда, беспомощно всплеснув руками, она плаксиво спрашивала: «Что

же у нас—демократический строй или реакция? Такой вопрос возникает у нас сейчас на местах и, к величайшему сожалению, не только возникает, но и получает ясное разрешение: реакция». Так писала «Робитнича газета» в № 513—орган правительственной партии, почти официоз. Что же должны были если не писать (ибо писать было небезопасно и запрещено), то думать и чувствовать иные, не правительственные и особенно не украинские, а еще более—социалистические партии.

Для иллюстрации своего вопроса газета приводит следующую любопытную картину «демократического» режима:

«И потому мы видим, с одной стороны, в кругах рабочего класса и социалистических партий огромный рост большевистской агитации и недоверия к нашему правительству, с другой же стороны, в обывательских кругах растет уверенность в том, что нет разницы между нашим правительством, нашей системой управления и деникинской. Так почему же им не ждать Деникина, который несет в старых, хорошо знакомых формах порядок и мещанскую мечту о конце свободы, которых уже давно ожидают обеспеченные группы нашего деревенского и городского населения.

Обратимся к фактам. Возьмем такой центральный город, как Винницу, нашу бывшую, а может быть вскоре и будущую временную столицу.

Здесь в одно прекрасное время неожиданно арестуют целую ветвь портных (игольный цех), всех членов профессионального союза. Впоследствии их освобождают, но на назначенное вскоре собрание профессионального союза печатников уже никто не является: не хотят быть арестованными. Последствия ясны: профессиональные союзы начинают работать нелегально, в подполье, и, разумеется, они снова должны подпасть под влияние большевиков, уже начавших соответственную агитацию.

На собрании еврейских социал-демократов—поалей-ционп—партии, имеющей своего представителя в составе правительства, от имени «политического отдела» воспрещается разговаривать по-еврейски, причем представитель этого славного «отдела» заявляет, что он ничего не знает про существование закона о национально-персональной автономии, а равно и про министерство еврейских дел и еврейских общин и что он уверен, что всего этого вовсе нет, ибо «мы живем на Украине, а не в Палестине».

Собрание, разумеется, не состоялось, а другие социалистические партии уже не мечтают о легальных собраниях при нынешних порядках.

6 сентября наши министры в Винницкой городской думе имели совещание с деятелями самоуправления об общей работе с правительством и о соглашении с демократией «меньшинств»; совещание достигло желаемых результатов.

А 25 сентября г-н сотник Юрченко, начальник Винницкого отдела «агитационно-просветительного бюро» при комендатуре тыла штадарм, производит обыск в помещении того же самоуправления, у городского головы, членов управы (только не украинцев), секретарей и т. д. А когда дума выносит протест против этого обыска в помещении управы, в столах, карманах и частных помещениях, то г-н Юрченко пишет «письмо в редакцию, в котором заявляет, что дума, выражая протест в печати, совершенно забывает о том, что этим она дискредитирует престиж военной власти и разрывает живую связь армии с народом...

Что же делает представитель власти министерства внутренних дел?—спросит читатель. Что же ему делать, если у него самого, у у е з д н о г о к о м и с с а р а в его отсутствии производится обыск? В то

же время без всякого порядка производится бесконечная реквизиция помещений, кроватей, и пр.; все это делает всякое начальство само для себя, при том обязательном грубом обращении, которое так хорошо знакомо населению по старому поведению русских «душек-военных».

А борьба с «большевизмом», которую проводят одновременно несколько учреждений, причем аресты производятся обычно по доносу первого попавшегося провокатора! А во главе следственной комиссии, вопреки негодованию всех демократических кругов, продолжает свою работу реакционер, замешанный в процессе Бейлиса, прокурор Харбовский. Между прочим, он привлек к ответственности вождей всех социалистических партий, которые сейчас добиваются перенесения этого дела в Каменец, так как боятся, что иначе они могут попасть в руки деникинской контрразведки. А между тем, министры в своих красивых и весьма благожелательных речах три недели назад обещали винницкой демократии перемену в порядках следственной комиссии.

А нелепая бумажная система «пропусков» на железных дорогах, проверка которых вызывает всякий раз множество анекдотических инцидентов! Разве возможно такою системой хоть в какой-нибудь степени предупредить преступление, когда все преступники всегда имеют самые лучшие пропуска и документы?

А уверенность каждого агента многочисленных контрразведок в полной безнаказанности даже за самые неосновательные свои распоряжения! Может ли быть что-нибудь более бессмысленное, чем арест товарища министра труда в поезде по подозрению в агитации в пользу Деникина агентом, который считает возможным вести под стражей товарища министра к коменданту? А после этого, недовольный скорым освобождением товарища министра, пишет донесение о том в соответствующую контрразведку...

И та демократия, которая лишь сочувствует украинскому национальному движению, но не принадлежит к нему по своему национальному происхождению или взглядам, спрашивает, боремся ли мы за демократию или за ту реакцию, которая господствует в настоящее время?»

Ради пикантности, полноты и выпуклости этой картины я должен добавить, что атаманским министерством просвещения были недопущены к постановке в Каменце все пьесы В. Винниченко, даже те, которые при всех русских режимах — и при царском, и при керенщине, и при большевизме — допускались к представлению. Родная демократическая украинская власть первая исключила из репертуара украинского театра все пьесы этого автора.

Словом, совершенно та же картина, что и в Киеве, только в еще более ярких и более отвратительных чертах. Та же самая реакционная, бестолковая, лубочно-патриотическая диктатура атаманщины, петлюровщины, «народных героев».

К этому надо прибавить, что на помощь петлюровским «героям» теперь в еще большей степени, нежели в Киеве, спешили со всех сторон деникинские «герои». Их было полным-полно и в правительственных учреждениях, и особенно в армии. По своей социально-политической ценности они мало чем отличались от петлюровцев. Единственное, что делало их неприемлемыми для атаманщины, — это то, что они стояли за «единую-неделимую». Однако весь режим был так сочувственно настроен ко всякого рода реакции и контрреволюции, что эти отбросы совершенно открыто агитировали в пользу «неделимой». Газеты хуторянки ежедневно сообщали о фактах такой агитации, ежедневно плаксиво жаловались на наглость

«специалистов». Однако петлюровщина, разумеется, не трогала этих своих социально-политических родичей.

4. Атаманщина и разгул погромов.

Однако в наиболее тяжелое положение ставили несчастную мелкобуржуазную демократию и ее правительство еврейские погромы. Основные причины этого страшного и отвратительного явления заключаются прежде всего в вековой темноте, забитости и измученности народных (в особенности же крестьянских) масс. Этой темнотой всегда пользовались преступные элементы еще в царские времена. Еврейство было таким объектом, на который всего легче было направить темные порывы. Этим воспользовалась и атаманщина.

Я не буду приводить описаний всех тех ужасов, которые тяжким кошмаром стояли над Украиной в продолжение долгих месяцев. Достаточно сказать, что редко можно было встретить какое-либо местечко или город на территории атаманщины, где жили евреи и где не погуляла бы атаманская рука, где не было бы грабежа, издевательств и убийств безоружных людей, начиная со стариков и кончая грудными младенцами. Об этом черном и позорном периоде нашей истории когда-нибудь будут написаны целые томы.

Но теперь же необходимо твердо и решительно заявить, что главным виновником этого позора и преступлений была атаманщина. Когда я говорю про атаманщину, то имею в виду систему, характер, природу режима, а также его главных выразителей и представителей, больших и малых атаманов, бесконтрольных, безответственных, мелких мещан и эгоистов. Я не имею в виду тех украинских офицеров-тружеников, которые выполняли, как умели, свои военные обязанности на фронтах.

Было два сорта атаманов, открывавших погромный кран. Один сорт—это черносотенное, явно контрреволюционное и провокаторское русское офицерство, составлявшее значительный процент среди офицеров украинской армии. Эти атаманы являлись в известной мере инициаторами и организаторами погромов. Им было выгодно и необходимо дискредитировать украинскую власть. (Это—тот же метод, который применялся этим офицерством во время гетманщины.) Сверх того в погромах они тешили свою темную, недалеко ушедшую от крестьянской, психику, а также набивали карманы награбленным погромным добром.

Второй сорт атаманов—чистые украинцы. Тут главным образом выступал национальный момент. Сынки лавочников, кулаков, попов и простого крестьянства, они уже с детства были заражены духом антисемитизма. Обострение национальных конфликтов, приверженность еврейских рабочих к большевизму развязали руки этим темным душам, и, разумеется, и эти люди грабили, крали и шантажировали на этих погромах во-всю.

5. Атаманско-идейные основы погромов.

Однако главная вина падала, разумеется, на весь режим и на тех людей, которые создали этот режим, защищали и представляли его. И если большевистская, эсеровская и деникинская пресса называла С. Петлюру погромщиком, то надо открыто и не скрывая правды признать, что этот человек действительно заслужил эту темную репутацию.

Я не хочу этим сказать, что С. Петлюра был особым ненавистником еврейства. Нет, это был обычный мелкий мещанин, с легким налетом «либерального» обывательского антисемитизма, «демократический» обыватель, готовый «принципиально» признать евреев такими же людьми, как и все, готовый даже дать им почти все права, однако в нем с детства сидела антипатия к этой расе. Обострение национальной борьбы и сочувствие еврейского пролетариата большевизму усилили эту антипатию. Обывательская психика этого «героя» и мелкомещанское мировоззрение не могли дать ему как атаману, ни сдерживающих стимулов, ни разумного анализа национальных явлений, ни желания бороться с дикими эксцессами. Больше того, он и сам считал все еврейство виновным за то, что в его среде находились большевики.

Этот политически мало образованный мещанин думал, что если хорошенько прижать еврейство, то в нем сразу исчезнет классовая диференциация, еврейская буржуазия и еврейский пролетариат забудут свои классовые противоречия, и буржуазия сможет повлиять на пролетариат и заставить его отказаться от стремления к социальному освобождению и перестать быть «большевистским», т. е. врагом этой самой буржуазии. И когда 17 июля к этому мещанину, главному атаману, явилась делегация от измученного, подвергнутого истязаниям еврейства и просила его «повлиять» на погромщиков, то он, пообещав им это сделать, с своей стороны предложил им, как указывает официоз, «Вестник УНР», также «повлиять на еврейские круги по ту сторону фронта в том направлении, «чтобы они помогали нашей армии, борющейся против большевиков».

То же самое, только в откровенной и цинической форме, он сказал еще в начальный период погромов в Киеве главе Директории: «А почему они (евреи) не помогали нам бороться с гетманщиной?»

А вот и документальное, официальное подтверждение этих слов и оправдание погромов. Тот же официоз «Вестник УНР» в № 26 сообщает:

«Главный атаман Петлюра издал 20 июля 1919 г. под № 69 приказ, которым приказывает всем командирам частей, а также представителям государственного контроля за их особой ответственностью неуклонно следить за тем, чтобы в местах их расположения не велось никакой погромной агитации... Главный атаман приказывает широко оповестить население и казачество о том, что еврейское население стало на путь активной помощи нам в борьбе с врагом и в строительстве Украинской независимой республики, а потому всякие насилия принесут нам лишь вред, внесут разлад в наши ряды и погубят все дело».

Прежде всего этот любопытный документ свидетельствует о том, что до 20 июля никаких подобных приказов не издавалось, никаких решительных шагов к прекращению преступлений не делалось, что погромная агитация велась открыто [1].

Затем характерно объяснение этого приказа: «Евреи стали на путь активной помощи нам» (это после того, как еврейская делегация поклялась Петлюре, что все еврейство готово всеми силами бороться за самостийность, только бы его не били), а «потому» не надо больше допускать насилий, ибо они теперь уже не нужны, не выгодны нам или, как говорит приказ, принесут нам вред. Иными словами, если еврейство не «станет на путь активной помощи», то его следует громить, тогда насилия не принесут нам вреда. Следовательно, до того момента, пока не явилась делегация и не заявила, что еврейство «стало на путь помощи», все погромы были целиком оправданы и дозволены: «так им и надо,—почему не становятся на путь активной помощи?» Это—одна из причин той вредной и преступной позиции, которую этот человек занимал в этих тяжелых событиях.

Другая причина заключалась в его болезненном, маниакальном честолюбии. Получив совершенно случайно, незаслуженным, а отчасти и шарлатанским способом широкую популярность и чувствуя, что эта популярность весьма непрочна, этот маленький и ничем не выдающийся человек всеми способами старался удержать ее. Главной физической силой была армия. В армии же правящей силой было начальство—атаманы. Ясно поэтому, что прежде всего необходимо было поддерживать симпатии и популярность среди атаманов, не вызывать с их стороны неудовольствия против своей особы, угождать им и закрывать глаза на их преступления (а также «поднимать казацкий дух», «давать парням погулять») [2].

Та же болезненная жажда популярности у этого маленького обывателя, случайно попавшего на высокий пост, и вечный страх за нее играли большую роль и в его отношении к погромщикам атаманам.

---

[1] Подтверждение этого можно найти в статье члена особой следственной комиссии («Вызволення», № 25, от 20 июля). В этой статье член комиссии сообщает о том, что 27 мая был утвержден закон об особой следственной комиссии, имевшей своей задачей: «а) всестороннее расследование противоеврейских погромов на территории Украины и преступной агитации против еврейского населения и б) выяснение виновных и привлечение их к судебной ответственности». И член комиссии в конце своей статьи угрожающе заявляет: «Те, кто раньше делал свое преступное дело с уверенностью в полной безнаказанности, в настоящее время, когда они будут знать об угрожающем им наказании, должны будут опустить руки, поднявшиеся для удара, и закрыть уста, готовившиеся звать к погромам. Если Фемида прежде молчала, то теперь она будет говорить во всю мочь своего грозного голоса».

[2] Это было также причиной того, что С. Петлюра ни за что не хотел тронуть Болбочана, когда последний творил свои социальные и государственные преступления в Харьковщине, и с такой решительностью убил его, когда тот сделал покушение на его собственную власть.

Не обращая внимания на настойчивые требования Директории (еще в мою бытность в ней) арестовать и сурово покарать первых атаманов-погромщиков, Петлюра никого не арестовал и никого не покарал. Я доказывал ему, что это чрезвычайно вредно для нашей государственности, что это настраивает против нас Европу, где еврейство имеет большую силу среди буржуазии, что если не во имя гуманности, справедливости и простой порядочности, то хотя бы во имя наших государственных интересов безусловно необходимо принять все меры для прекращения этих диких явлений. А прежде всего, разумеется, необходимо было решительно и беспощадно покарать первых «героев». Но и государственные интересы (которым действительно был нанесен огромный ущерб на европейском рынке погромами) не могли подвинуть этого человека на такую решительность,—ведь он сразу утратил бы благосклонность со стороны этих атаманцев.

И когда потом эти атаманы и атаманцы устраивали погромы, ссылаясь на главного атамана Петлюру и утверждая, будто он так приказал, когда от его имени выпускались даже погромные воззвания, в которых «парни» приглашались «погулять», то разве не было «идейных основ» для таких «провокаций».

И разве не тянулся на протяжении нескольких месяцев этот преступный, кровавый ужас? Разве был наказан кто-нибудь из тех атаманов, которые открыто издавали официальные приказы о погромах? В ответ на настойчивые домогательства партий и еврейской демократии был арестован лишь знаменитый погромщик Симосенко, самое имя которого наводило ужас не только на евреев, но и на украинцев. Но расстрелять этого атамана атаманщина не посмела.

Приведем еще такой любопытный факт. В сентябре в казатинском районе было распространено погромное воззвание. Лица, распространявшие его, говорили, что его прислал главный атаман С. Петлюра. «Робитнича газета», правительственный орган, сообщая об этом факте (сентябрь, № 494), говорит, что содержание этого воззвания было целиком то же самое, что и воззвания, которое распространялось в Ровно в апреле. Газета спрашивает:

«Разве не скрывается все это дело в том учреждении действующей армии, где теперь снова служит знаменитый прислужник Оскилка Шапула, известный садист, у которого в Ровно был электрический стул для допросов. Только Шапулы и им подобные лица, тогда снятые с должностей, а теперь снова принятые каким-то неведомым способом на службу, могут пойти на такую гнусную и позорную провокацию, выпуская погромные воззвания».

И газета справедливо, но беспомощно и бессильно прибавляет: «Либо народное демократическое и социалистическое правительство, либо погромщики Шапулы».

Об одном только газета не спросила и не сказала: кто же снова принял на службу Шапулу? Кто тот главный Шапула, кото-

рый разных известных садистов, палачей и погромщиков снова возвратил «неведомым способом» к их «деятельности»?

Вся украинская и не украинская пресса все время жаловалась на огромные массы погромной литературы, распространяющейся среди населения. А где же она печаталась, где бралась бумага, когда вся бумага правительственной властью реквизировалась и распределялась по издательствам?

Да и для чего далеко искать, когда неофициальный орган главного атамана «Украина» помещала погромные статьи такого характера, что по требованиям партий она была привлечена к суду за погромную агитацию, а конкретно—за статью, помещенную в № 34 этой газеты.

И какой вместе с тем гаденький, лицемерный «либерализм»: время от времени «главный атаман» выпускал от своего имени приказы и воззвания, в которых сантиментально разглагольствовал о том, что он сам своими атаманскими глазами видел, как еврейские женщины и дети ухаживали за ранеными украинскими казаками, какие они, следовательно, патриотки и как подло и мерзко со стороны... большевиков(!) устраивать у нас погромы. Таково приблизительно было содержание этих атаманских приказов [1].

Итак не черносотенное офицерство, не атаманы, не Симосенки, Ангелы и Шапулы устраивали погромы, а коммунисты-большевики!

6. Взамен государственности петлюровщина.

Что же делали украинская власть, «министры», украинская партийная демократия?

Что же она могла делать, как не то, что делала в течение всего периода своего злосчастного обручения с «героем-атаманом»: плакалась на судьбу, просила, выносила резолюции, постановления и всеми силами старалась доказать еврейству, Европе и всему свету, что виновато не «социалистическое» украинское правительство, не украинская «социалистическая» демократия, а стихия, темнота и провокация.

И если русские черносотенцы, кадеты, правые эсеры, некоторые еврейские демократические течения, а также русская и даже украинская социалистическая и коммунистическая печать верили не этим заявлениям украинского правительства и каменецкой демократии, а фактам и делам и повсюду—за границей, в России, на

---

[1] Вот маленький отрывок из таких атаманских «произведений». Украинское телеграфное агентство сообщает 4/VII о том, что главный атаман Петлюра прислал министру-председателю и другим властям телеграмму, в которой говорится, что «главный атаман знает факты, когда представителей еврейского населения, помогавшего нашей армии и лояльно поддерживавшего законную республиканскую власть, враги нашей державы, коммунисты-большевики (!), расстреливали, насиловали женщин и детей, устраивали погромы еврейского населения и отнимали последние материальные средства к жизни...

Украине и даже во II социалистическом Интернационале доказывали, что виновна украинская демократия и ее погромное правительство, то, признавая все другие ошибки этого правительства и этой демократии, необходимо как перед всем миром, так и перед своим народом и перед нашей историей снять это тяжкое обвинение и открыто сказать, кто именно из украинского общества виновен в этих событиях. Ни украинское правительство, ни украинская правительственная демократия не могли в то время этого сказать, не нанося в то же время ущерба своему национально-государственному делу, как они его понимали.

И даже—такова уж злая ирония судьбы, что как раз того человека, который был наиболее виновен в этих злодеяниях, бедная хуторянка, которая так жаловалась на реакционное атаманодержавие, должна была всего больше хвалить, должна была доказывать его полную непричастность к этим явлениям, его демократичность, гуманность, геройство и т. д. Ибо в силу независящих ни от хуторянки, ни от этого человека обстоятельств он очутился во главе верховной власти, он как бы символизировал украинскую мещанскую государственность, он являлся как бы олицетворением борьбы украинства за свое национально-государственное существование.

И такова уж насмешка нашей истории, что этому случайному, незначительному и вредному человеку даже те, которые хорошо его знали и даже не уважали его, должны были создавать популярность как на Украине, так и в Европе. Удары всех врагов украинства прежде всего обращались против того лица, которое стояло во главе власти, т. е. против личности Петлюры. И каждый «правительственный» хуторянский украинец считал своей патриотической обязанностью отбивать все удары врагов украинства.

Так, например, черносотенцы и деникинцы всячески старались, особенно за границей, представить Петлюру авантюристом, бандитом, искателем приключений.

Украинцы же (все заграничные посольства, миссии, комиссии и т. п. учреждения) расходовали огромные деньги на помещение в европейских газетах статей, телеграмм и заметок, в которых Петлюра изображался в качестве «генералиссимуса» украинской армии, «национального героя», непоколебимого борца за свободу Украины. Его называли и «украинским Гарибальди» и «украинским Леонидом при Фермопилах» и кажется даже «украинским Наполеоном». Чтобы опровергнуть «поклепы» русских и польских врагов, доказывавших Антанте, будто Петлюра—большевик и германофил, украинцы с азартом доказывали, что Петлюра—вернейший слуга Антанты и наилучший защитник Европы от революции, что только он сдерживает своей грудью большевизм и не пускает его в антантовские страны.

На Украине же, вопреки агитации большевиков и деникинцев, как партийная, так и не партийная, но патриотическая украинская мелкобуржуазная демократия всеми способами стара-

лась разрисовать возможно более красивыми красками главного атамана, своего «рыцаря», «вождя», «непоколебимого борца», «героя», «батьку» и т. п.

Таким образом, без всяких заслуг со стороны этого «лубочного героя» ему раздували популярность, как пузырь.

И неудивительно, что среди того крестьянства, которое было недовольно большевиками или Деникиным, раздутое таким способом имя «батьки Петлюры» было символом освобождения от всяких бед. «Ах, если бы пришел Петлюра!»

А такая популярность среди «народа» опять-таки еще больше усиливала у С. Петлюры атаманодержавие, безответственность, манию величия, а с другой стороны, внушала ему еще больше страха за свою популярность и желание ни в коем случае не настраивать против себя никого, особенно атаманцев, всех этих Шапул, Симосенок, Ангелов.

А злосчастная национально-мещанская партийная «правящая» демократия, с одной стороны, связанная этой популярностью, а с другой—скованная «нашей государственностью», хотя и видела и понимала всю никчемность, вред и преступность этого человека, однако она не была в силах что-нибудь сделать.

Он же сам, зная любовь бедной хуторянки к своей национальности, зная, что ради этой любви она может вытерпеть все, шантажировал и спекулировал на этой любви еще больше, чем в Киеве. К тому же он знал, что хуторянка находилась в совершенно безвыходном положении: куда могла она податься? Ведь не пойдет она к большевикам, а тем более к Деникину. Поэтому она волей-неволей должна остаться здесь и все терпеть. Такова бывает иногда злая и насмешливая игра истории...

Глава VII.

Борьба за государственность Галицкой Украины.

1. Нескладная история.

«Ориентация на собственные силы» была только гордой позой. Если бы такая ориентация действительно проводилась, если бы атаманщина полагалась исключительно на свои силы, то с уверенностью можно сказать, что приютившаяся в Каменце украинская власть не продержалась бы там и эти 5 месяцев.

Фактическая ориентация была на все, что хоть немного могло поддержать существование атаманщины. И потому ориентировались: 1) на галицко-украинскую армию, 2) на Антанту и ее агентов на Востоке (Румынию, Польшу, Чехию), 3) на повстанцев.

Фактической же силой, поддерживавшей существование атаманской власти, была галицкая армия, вытесненная поляками со своей территории на тот клочок земли, где приютилась атаманщина.

Не посчастливилось и Галиции удержать свою государствен-

ность. Главная причина этого заключалась в ненормально-тяжелых исторических условиях, в которых приходилось жить украинскому народу в Габсбургской монархии под гнетом польской шляхты. И здесь развитие украинского народа было искалечено, вследствие чего и здесь украинская нация состояла главным образом из крестьянства и вышедшей из него интеллигенции. Буржуазия же и пролетариат были представлены польским и еврейским элементом. Когда габсбургский трон зашатался под ударами войны, император Карл пробовал удержать свою власть, провозгласивши федерацию (манифест 17 октября 1918 г.). Однакоже народы Австрии поспешили самоопределиться, и каждый из них стал независимым государственным организмом.

Исключением были украинцы. Наступившая свобода казалась галицко-украинским политикам не безопасной, и они решили, сконструировавшись в государственный организм, все же не освобождаться от габсбургских когтей, а остаться в «федерации». Единственными противниками этого были социал-демократы, решительно протестовавшие против такого постановления национал-демократов, вырешивших это дело. И только после того как Карл через две недели после своего манифеста принужден был бежать из Австрии, и сама Австрия, как таковая, перестала существовать, украинцы волей-неволей должны были стать на собственные ноги, раз они не хотели попасть в польские руки. Поляки же, разумеется, очень этого хотели и оттачивали свои шляхетские когти. Это было известно украинцам и вынудило их взяться за оружие.

В ночь на 1 ноября Национальная рада отдает приказ генеральному военному комиссариату (существовавшему до того в качестве тайной военной организации) обезоружить польские войска, находившиеся в составе львовского гарнизона. Это удалось сделать без пролития крови, и почти вся восточная Галиция после этого перешла без борьбы под власть украинцев.

Национальная рада сформировала правительство—державный секретариат—и передала ему все управление страной [1].

Взявши власть, Национальная рада, разумеется, тотчас же (3 ноября) издала манифест, в котором обещала народу всякие блага: и учредительное собрание по пятихвостке, и национально-персональную автономию для меньшинств (поляков, евреев, румын), и аграрную реформу на основе уничтожения крупной зе-

---

[1] Состав первого секретариата, окончательно сформированного 2 ноября 1918 г., был следующий: 1) председатель секретариата и секретарь финансов—д-р Кость Левицкий, 2) секретарь внутренних дел—д-р Ленгин Цегельский, 3) секретарь торговли и промышленности — Ярослав Литвинович, 4) секретарь просвещения — Александр Барвинский, 5) секретарь дорог — Иван Мирон, 6) секретарь иностранных дел — д-р Василь Панейко, 7) секретарь судебных дел — д-р Исидор Голубович, 8) секретарь почт и телеграфов — Александр Пясецкий, 9) секретарь народного здравия — д-р Иван Куриль, 10) секретарь военных дел — Дмитро Витовский, 11) секретарь общественного обеспечения — Иван Чарнецкий, 12) секретарь земельных дел — д-р Иван Баран.

мельной собственности и наделения малоземельных и безземельных крестьян землею.

Однако одно меньшинство, поляки, не захотели примириться с властью тех, над которыми они так долго господствовали. Обманув украинцев своей покорностью, они собрали свои силы, подготовились и напали на украинцев (4 ноября) в самом Львове. Оказалось, что у поляков было больше сил, хотя бы потому, что преобладающее большинство населения Львова было польским и в немалой степени помогало своим войскам (главным образом так называемыми «боевиками»). Три недели продолжалась борьба за Львов и его окрестности, однако украинцы вынуждены были отступить, и украинское правительство должно было перебраться на клочок украинской земли в Тарнополь, а некоторое время спустя—в Станиславов; там оно пробыло больше шести месяцев, но потом было вытеснено оттуда польским наступлением и перешло на наддиепрянский клочок территории—Каменец—уже значительно потрепанным, в форме «диктатуры» Е. Петрушевича.

Вот нескладная история борьбы мелкобуржуазной галицко-украинской демократии за свою государственность. И закончилась она не более счастливо, чем борьба ее наддиепрянской сестры.

2. Антантовский пес между Востоком и Западом Европы.

Две силы погубили Западную область Украинской народной республики (так она стала официально называться после объединения с великой Украиной): одна сила—внешняя, другая—внутренняя. Внешняя сила, представленная Польшей, была реакционная империалистическая политика Антанты, направленная, с одной стороны, на борьбу с рабоче-крестьянской Россией, а с другой,—на возможно большее унижение, обезврежение и угнетение побежденной Германии.

На польскую шляхту возлагалась почетная роль антантовского жандарма и сторожевого пса на Востоке. На этом польская шляхта удачно спекульнула. В качестве основной и ближайшей задачи ей было поручено бросаться из-под ворот Европы на русскую революцию и хватать ее за икры. Однако Польша предпочла украсть у своего господина те запасы оружия, которые были ей выданы для этой цели и воспользоваться им для спекуляции на несчастьи украинского народа.

Польские дивизии Галера, сформированные, обученные и вооруженные во Франции, снабженные французскими офицерами, дивизии, в которых польским было только «пушечное мясо» и которые должны были итти на большевистский фронт,—эти дивизии польской шляхтой и ее прислужниками «социалистами» вроде Пилсудского, Дашинского и т. п. были употреблены для более выгодного злодеяния против украинцев, для ограбления украинской земли, на которой пауком сидела польская шляхта, этот отвратительнейший вид социальных паразитов.

Вооруженные по последнему слову техники, эти дивизии далеко превосходили плохо одетые и бедно вооруженные войска Национальной рады. Однако то обстоятельство, что эти войска без техники, без помощи, без амуниции, в продолжение нескольких месяцев не только сдерживали натиск антантовского хама, но и не раз били его, показывает, как велика была сила духа у этих подлинных героев, дравшихся без одежды и обуви против жандарма реакции.

Это обстоятельство показывает, что вместо того, чтобы бросаться к г-же Антанте и жаловаться ей на ее хама, недостойным украинским вождям этих героев надо было обратиться к той единственной силе, которая поддерживала украинскую власть и могла еще долго поддерживать—к своему трудовому народу.

Галицкие же «вожди» вместо того писали ноты, протесты, слонялись и плакали в антантовских передних и изо всех сил старались доказать, что они не большевики и не революционеры, а тихие и благонадежные русины, за которыми тоже надо признать право на свободное самоопределение, так великодушно расписанное Вильсоном.

Благонадежных русин слушали не очень охотно. К тому же Польша объяснила, что она для своей тяжелой роли антантовского пса должна иметь как можно больше сил. Без Галичины же, без Бориславской нефти, без земель, загрябленных у крестьянских семейств, какая же могла быть у нее сила? И Антанта добродушно похлопала ловкого хама по плечу и сказала: «Что же с тобой делать? Занимай покамест Галицию по Збруч и исправно выполняй свои жандармские обязанности, а там посмотрим, кому достанется этот ключок—тебе или кому-нибудь другому». А благонадежным русинам она приказала слушаться хама, не ссориться с ним и не докучать ей своими скучными жалобами. Пусть поляки займут Галицию, дадут ей порядок и спокойствие, а там видно будет, кому она достанется—полякам или кому-нибудь другому.

Однако кто-нибудь другой во всяком случае был не русины. Это был труп «единой-неделимой», около которого усердно возились гальванизаторы: Колчак, Краснов, Деникин и другие последыши разбитого монархизма. Русинам же строго рекомендовалось не выдумывать никаких глупостей—никаких самостийностей и самоопределений, не устраивать бесчинств и беспорядков, а «вступить в соглашение» либо с поляками, либо с русскими контрреволюционерами.

И русины, разразившись несколькими слезливыми нотами протеста, пошли соглашаться с гальванизаторами «единого» трупа. К чему привело это соглашение, мы увидим дальше.

3. Кулуарно-нефтяные «патриоты-вожди».

Таковы были внешние силы, принимавшие участие в уничтожении Западноукраинской республики. Внутренними же силами, помогавшими этому делу, были абсолютная безответственность

руководителей движения, их рабская благонадежность, их узкая и худосочная мелкобуржуазность, их психика кулуарных политиков и полное отсутствие какой бы то ни было революционности.

Большинство Национальной рады состояло из представителей мелкобуржуазных партий, из парламентских и сеймовых депутатов, в большинстве своем национал-демократов. Сыны сельской буржуазии, священников или мелких чиновников, сыны бедной, маленькой, забитой польскими панами и ксендзами страны, воспитанные на дегенеративно-шляхетской польской культуре, зараженные духом польского лакейства, с ограниченным псевдо-европейской цивилизацией мировоззрением,—могли ли они понять и почуять революционный, земляной, поднявшийся из самой глубины народной натуры дух борьбы? Они знали лишь бумажную, мелочную, кулуарную борьбу своего парламента. Выпросить местечко для украинца-земляка в своего уезда; выхлопотать, после продолжительных интриг, стараний, беготни по канцеляриям и совещаний по кафе, двухклассную украинскую школу в маленьком местечке—такова была сфера их политической деятельности, сверх того, разумеется,—речи на выборах, в парламенте и за чашкой кофе.

Воспитанные на этих мелких интересах, высушенные, как мумии, в парламентских кулуарах, наученные и привыкшие только выпрашивать, интриговать и подбирать крохи со стола австрийских господ, могли ли эти политиканы и парламентские чиновники сразу изменить всю свою суть, всю свою природу и стать вождями революционных масс?

Это было совершенно невозможное дело. И потому вполне понятно, что эти люди так боязливо, на цыпочках, «целуя руки», подходили к тому манифесту, который издал Карл, и не смели переступить ни через одну букву этого священного для них закона. Понятно, почему будущий «диктатор» Г. Петрушевич так рабски изгибался (уже во время революции) перед австрийскими господами и уверял, что украинство всегда было самым верным, самым преданным народом Австрии.

Столь же понятно, почему эти «вожди» так неохотно, так упорно уклонялись от объединения с наддиепрянской Украиной: они боялись ее революционности, ибо, несмотря, на все свои ошибки, наддиепрянская демократия была в то время (время восстания против гетмана и «почти большевистской» декларации Директории) охвачена революционным порывом и широкими перспективами социальных и политических реформ. Это должно было пугать парламентские кулуарно-канцелярские души галицких русин-вождей. Они вовсе не имели в виду каких бы то ни было социальных и даже глубоких политических революций. Они были всего больше озабочены тем, чтобы вырвать из-под польского национального владычества Галицию, сделать из нее небольшое украинское государство, обеспечить национальные права украинского народа—вот и все. А для себя самих они добивались возможности не только не выпрашивать правительственных должностей, но и раздавать

их «своим людям». Они мечтали еще о том, чтобы обмакнуть правительственный пирог в нефть и с аппетитом уплетать его всю жизнь. Такой тихий и мирный идеал жил в этих кулуарных европейских душах, и к нему совсем не подходила эта надднепрянская «азиатская», «почти большевистская» «несдержанность» и «негосударственность».

Но что же делать? Массы тянулись к этой азиатщине, забитый галицкий крестьянин почувствовал социальное и национальное родство со своим надднепрянским братом, галицкий рабочий своим классовым инстинктом тянулся туда, где шла великая народная борьба за действительное освобождение из-под всякого ярма.

И потому Национальная рада должна была пойти на соглашение и согласиться на объединение. Однако это было только формальное объединение. Ни исторические условия прежней жизни двух стран, ни разница в самой природе руководящих элементов не благоприятствовали более тесному слиянию двух отраслей единого народа.

И, разумеется, та же природа галицких кулуарно-нефтяных политиков была причиной того, что не была использована как следует сила галицкого крестьянства. Невозможно было и ожидать, чтобы эти люди стали на почву действительно народной рабоче-крестьянской власти и государственности. Они были неспособны не только на это, но даже и на буржуазный революционизм, на то, чтобы хоть на минуту проникнуться освободительным энтузиазмом, отважиться на ломку тех социальных и политических отношений, которые превращали Галицию в какое-то феодальное княжество польской шляхты.

Национальная рада уже совершенно сознательно не хотела нарушить ни одной основы шляхетско-буржуазного порядка. Она совершенно сознательно не затрогивала польских помещиков, а из страха перед революционным настроением масс она не допускала более широких его проявлений. Потому-то она и не могла использовать ту великую силу духа, ту энергию, которая бывает часто сильнее пушек и танков.

Более того, когда дивизии Галера начали бить украинское войско, когда украинское правительство, упавши духом, начало отступать и когда украинские железнодорожные рабочие сформировали собственными силами свой рабочий полк и попросили от правительства его утверждения, то разве эти кулуарные души не испугались этого, разве они не воспретили формирования таких «партийных», как они говорили, полков?

А разве эта «демократическая» власть не арестовала некоторых политических деятелей (М. Шаповалова, Ф. Евшана, В. Пачовского), когда последние хотели придать организованные революционные формы тому бурному недовольству масс, которое было известно и Национальной раде? И разве в крестьянстве и рабочем классе не было всеобщей мысли: «вот только бы управиться с польскими панами, а затем уж возьмемся и за своих подпанков»?

Эти худосочные бумажные политиканы не только не умели использовать сил народа, но всей своей политикой убивали революционный дух, глушили порывы народной души, вызывали в ней недоверие, нерешительность, неуверенность. И только сила вековой ненависти к польскому пану и природная покорность галицкого крестьянина поддерживали эти разутые и раздетые крестьянские войска в дисциплине и повиновении.

Эти галицкие патриоты, не допуская образования партийных полков и заглушая революционные порывы своего народа, выставляли на первый план свою преданность государству. Так почему же они не спасли это государство тогда, когда это можно было сделать? Когда поляки били и вытесняли украинскую наддиестрянскую армию из Галиции и когда для каждого было ясно, что надежд на спасение собственными силами нет, когда ясно было, что Антанта отдала украинский народ своему хаму на растерзание, то почему эти великие патриоты не согласились спасти украинскую национальную государственность теми способами, какие им предлагались? Ведь большевики в июне 1919 года предлагали этим патриотам: мы вам дадим оружие, одежду, всякую амуницию и даже свои войска, если это нужно, вступайте с нами в союз, давайте вместе бить поляков; вам нужна ваша страна, а нам надо пробиться в Венгрию. Только одно условие: ликвидируйте петлюровщину. Кулуарные патриоты отказались от этого. Как же это можно: предать Петлюру, предать своих? Для них петлюровщина была как будто бы всей украинской государственностью. Но дело, разумеется, не в петлюровщине. Когда им понадобилось, то они согласились очень легко ее ликвидировать. Если бы они были настоящими патриотами, если бы для них действительно национальные народные государственные интересы были выше всего, они должны были бы решительно заявить, что петлюровщина не есть украинская государственность, что спасать петлюровщину—дело ненужное, безнадежное и даже вредное для действительно украинских народно-государственных интересов. Если бы они не были на самом деле только партийными патриотами, то они не должны были отвергать предложений большевиков.

Есть много шансов думать, что национальное дело и в Галиции и на великой Украине значительно выиграло бы от этого.

Однако «патриоты» отвергли предложение большевиков, ибо прежде всего, как они говорят, они не могли ориентироваться на «труп», т. е. на Советскую Россию. Во-вторых, они не могли предать наддиепрянцев, особенно тогда, когда приехал Петлюра с семью министрами и «в течение десяти часов выплакивал помощи» против большевиков и просил не вступать с ними в союз, не ликвидировать его.

Чего же стоят эти оправдания и аргументы, если их сопоставить с тем фактом, что те же «патриоты» через четыре месяца приняли ориентацию на действительный труп, на Деникина: они предали того же Петлюру и отдали злейшему врагу украинской нации,

отъявленнейшему реакционеру, свою армию, притом отдали почти без всяких контрпредложений.

И разве отсюда не ясно, что этот патриотизм был действительно партийным патриотизмом, враждебным социальному освобождению угнетенных классов украинского народа и дружественным по отношению к реакции, патриотизмом партии прислужников буржуазии, патриотизмом правительственного пирога, кулуарно-нефтяным и предательским патриотизмом.

Поэтому ничуть не удивительно, что эти люди не смогли долго бороться и были вытеснены из Галиции. Они возлагали все надежды исключительно на военную силу, иных сил своего народа и международного положения они не понимали и не хотели понимать.

Дело кончилось тем, чем и должно было кончиться при таких условиях: сильнейшая армия победила слабейшую. Национальная рада и Державный секретариат должны были бросить нефть и удирать за Збруч. Удирая, в дороге (на мосту в Залещиках) они в беспорядке и панике передали всю полноту власти одному человеку—Е. Петрушевичу, провозгласив его «диктатором». Горсть беглецов, кулуарных борцов, узурпировала власть и передала ее одному кулуарному герою. Последний получил теперь «право» распоряжаться судьбой и жизнью той несчастной сотни тысяч людей, которая слепо слушалась своих недостойных вождей и пошла за ними.

Зато была спасена петлюровщина, атаманщина. Когда большевики подступали уже к самому Каменцу и должны были с минуты на минуту взять этот последний клочок земли, то диктатор Петрушевич, поддавшись на слезы главного атамана Петлюры, выслал против большевиков несколько бригад своего войска и спас на несколько месяцев власть атаманщины.

Глава VIII.

Ориентация атаманщины.

1. Наши за границей.

С этого момента галицкая армия стала главной опорой и поддержкой атаманской власти. Хотя она насчитывала до 50—60 тысяч боеспособного войска, однако это не обеспечивало победы атаманской власти над войсками российского и украинского советских правительств. Сверх того эта армия была плохо одета и вооружена.

Наконец она не имела большого желания драться с большевиками в то время, как ей хотелось драться с поляками. Поэтому необходимо было искать где-то помощи. И вот атаманщина стала искать помощи против Антанты у... самой Антанты.

В самом деле, положение было таково: Польша есть та же Антанта. Польша бьет и наддиестрянскую хуторянку. Польша-

Антанта есть явный враг украинской государственности. Поэтому для всякого должно было бы быть ясным, что бессмысленно добиваться, чтобы Антанта пошла сама против себя, чтобы она дала признание государственности, а сверх того дала бы оружия, амуниции, товаров и всего прочего тем, кого ее собственные агенты и с ее собственного согласия бьют и истребляют.

Однакоже именно такое бессмысленное задание было поставлено злосчастной украинской «дипломатии», всем этим миссиям, комиссиям, посольствам и т. д.

На эту дипломатию было собственно возложено две задачи: 1) добиваться признания и помощи и 2) как можно лучше представлять украинскую государственность за границей, в Европе. Однако, несмотря на все усилия и унижения украинской дипломатии за границей, ей ничего не удалось получить от Антанты. Последняя не меняла своего отношения к Украине. Единственное, чего удалось от нее добиться, была «федерация», т. е. то же самое, что мы имели уже и при гетмане, когда украинская державность стала всецело буржуазной. Эту «федерацию» Антанта предлагала Украине с Колчаком, Деникиным, Маклаковым, Сазоновым и всеми прочими русскими «национальными героями».

Разумеется, для Антанты важна была всякая сила, которая охраняла бы ее от большевизма. Украинские атаманщина, хуторянщина были верными и бесплатными слугами. Они своей грудью сдерживали натиск революции с востока. Невыгодно было ослаблять этих слуг, отнимать у них желание сдерживать этот натиск и в дальнейшем.

Поэтому Антанта водила за нос хуторянских «дипломатов», допускала их в свои передние, позволяла им разговаривать, доказывать, показывала вид, что колеблется, взвешивает, посылала их к Маклаковым к Сазоновым,—словом, всякими способами поддерживала в них некоторую надежду.

Вот и все «блестящие» результаты, которых добилась хуторянка в Европе от «рыцарской» Антанты. Так справилась она с одной своей задачей.

И другая задача—представлять в Европе украинскую нацию и украинское государство—была выполнена не хуже.

Тут хуторянка показала уже себя во всей своей красе. Крестьянскую свитку и платок она бросила дома. Ведь теперь она имела дело с настоящими «людьми», с большими господами, и должна была показать, что она тоже—как «люди», что и среди нее—настоящие господа.

А что же всего больше приличествует большим панам?

Прежде всего надо иметь много денег, затем ничего не делать и спать до обеда, после обеда и когда только захочется, а есть только сладкое и самое дорогое и, разумеется, пудриться, потому что паны только то и делают, что пудрятся.

И вот на европейском горизонте появилась диковинная фигура: крестьянская физиономия, обсыпанная самой дорогой пудрой, раз-

малеванная буржуазными красками, обмотанная шелками и с огромным мешком денег в руках.

Эта странная фигура стала появляться то в одном европейском городе, то в другом, вызывая у европейцев удивление и даже замешательство, так как никто не мог понять, кто она и какой смысл имеют ее поступки: где бы она ни появлялась, она тотчас засовывала руку в мешок, доставала горсть денег и тыкала их всякому, кого видела. Европейцы охотно брали деньги, но все же не понимали, чего от них хотят.

Наконец от сведущих людей европейцы стали узнавать, что это была украинская «дипломатическая миссия», которая должна была в наилучшем виде представлять перед Европой украинскую нацию, чтобы Европа не подумала, что украинцы—какая-то незрелая, мужицкая, демократическая, а то, боже сохрани, и большевистская нация.

Только стыд и смех возбуждали эти миссии, посольства, комиссии—все это «представительство» атаманско-хуторянской государственности. Мужиковатые, неуклюжие, иногда мало образованные люди, часто не ездившие дальше своей Сквиры и в большинстве случаев не знавшие как следует ни одного языка (даже украинского), носившие почти всю жизнь вышитые рубашки или косоворотки, а о дипломатии знавшие из бульварных романов,—эти люди, забыв всякий стыд, одевшись в смокинги и не зная даже, как эти смокинги одеваются, полезли в буржуазные и дипломатические салоны, в министерские передние представлять нашу трудовую, измученную, неграмотную нацию.

Разумеется, они считали своей обязанностью жить как можно пышнее, разбрасывать как можно щедрее деньги, ибо это проистекало из их задачи: представить такую нашу государственность, которая была бы «как у людей», т. е. буржуазную. И все эти комиссии, миссии, посольства, члены которых получали неслыханное в Европе колоссальное жалованье, жили только в первоклассных отелях, ездили только в автомобилях, ели только в самых дорогих ресторанах.

Что же они делали? За что украинский народ должен был платить такие огромные деньги этим людям? Они ничего не делали. Они слонялись по ресторанам, отелям, кабакам, притонам,—так проводили они жизнь. Да и что они могли делать? Единственное, что они могли делать и что делали наиболее добросовестные из них, это—иногда помещать в газетах статьи об Украине, восхвалять Петлюру, а при встречах с европейскими дипломатами и политическими деятелями говорить с ними об украинском государстве и доказывать, что его надо признать.

Любопытно, что значительная часть членов этих миссий и комиссий была из «социалистов», главным образом социал-демократов. Некоторые из этих социал-демократов, даже из тех, которые были представителями социал-демократической украинской партии во II социалистическом Интернационале, работали так усердно, что могли

скопить себе некую толику денег, на которые они покупали акции в галицких нефтяных капиталистических предприятиях. Другие «социалисты» совершали в государственных учреждениях и на государственные деньги операции с валютой и на этих операциях тоже не плохо зарабатывали. Некоторые члены социал-демократической партии даже атаманским правительством были отданы за свои дела под расследование специальных ревизионных комиссий.

А атаманские закупочные комиссии? Это—нечто анекдотическое. Появлялись атаманские посланцы с миллионами, как будто бы что-то покупали для «государства»,—и ни миллионов, ни купленного, ни самих атаманов и посланцев никто уже не видел.

Кража денег, распутство, деморализация, какая-то вакханалия моральной мерзости, лодырничества, лени, бессмысленной жалкой жизни—все это чем дальше, тем становилось все более нормальным состоянием «представительства» атаманско-украинского правительства за границей.

Но все это было неизбежным явлением для того режима, каким отличалась атаманщина. И сюда была перенесена основная черта этого режима—безответственность случайных людей, их полная бесконтрольность. Имея на руках огромные деньги и зная, что никакого контроля над ним нет и никакой ответственности он ни перед кем не понесет, а с другой стороны, видя, как тот или другой никуда негодный атаманец присвоивает себе миллионы, как мог какой-нибудь финансовый, закупочный или иной агент оказаться столь высоко моральным, чтобы устоять против всех искушений и не «обеспечить» себя какой-нибудь парой миллионов франков или долларов?

Что же удивительного, что когда уже для самой атаманщины нехватало средств и когда она бросилась проверять, сколько денег имеется в ее распоряжении, то ее министры не могли даже сказать, что и где принадлежало каменецкой украинской власти.

2. Надежды на повстанцев.

Наконец третья ориентация атаманщины была на повстанцев. Забыв, как эти самые повстанцы выгоняли ее из Киева, надеясь выиграть на недовольстве крестьянства экономической и национальной политикой пятаковщины, атаманщина собиралась воспользоваться борьбой повстанцев с русскими коммунистами и вернуть себе таким путем власть на всей Украине.

Расчет этот был совершенно беспочвенен. Не было совершенно никаких данных надеяться, что именно атаманщина захватит власть и что ее не выгонят снова те же повстанцы, вновь объединившись с русскими и украинскими коммунистами. Единственное, что подавало надежду атаманщине, было то, что некоторые повстанческие отряды присоединялись к петлюровцам, но мы уже знаем, что те же крестьянские отряды, которые присоединялись к Петлюре, потом громили его из пушек.

Неосновательной была и мысль, что крестьяне боролись против

коммунистической политики советского правительства, потому что наш крестьянин индивидуалист и коммуны не может принять.

Дело совсем не в коммуне и не в индивидуализме. Крестьянство поднималось просто потому, что у него без компенсации, насильственно отбирали продукты его хозяйства и труда. Это было главной причиной недовольства «коммунией», а этим недовольством пользовались национальные недовольные элементы, являвшиеся главными организаторами и руководителями повстанческих отрядов.

Некоторые данные говорят, что главным элементом повстанческого движения (против советов) были более состоятельные крестьяне, у которых всего больше отбиралось добра и которые социально и экономически всего больше страдали от большевистского строя,—иными словами, это были кулаки, зажиточные крестьяне, мелкие собственники. Из этих элементов главным образом состояла и армия атаманщины.

Но, разумеется, в восстании участвовала и деревенская беднота и даже городские рабочие.

В зависимости от составных элементов повстанческих групп, а также от причин их возникновения и от их предводителей находилась и их социально-политическая или национальная физиономия. А потому одна группа признавала Директорию, Петлюру, другая выдвигала лозунг украинской советской власти и считала Петлюру украинским Деникиным, третья не признавала ни Петлюры, ни советской власти, ни какой-нибудь иной власти и просто дралась со всеми, кто покушался на ее хлеб, скот и добро, четвертая же занималась тем, что сама грабила население, устраивала погромы и т. д.

С уверенностью можно лишь сказать, что все виднейшие вожаки повстанческого движения выступали совершенно самостоятельно, каждый за свой собственный страх и риск; они не были объединены единой, общей всем программой, планом, тактикой. Среди них были и идейные люди и просто недовольные или бандиты. С такой же уверенностью можно сказать, что сами по себе разобщенные, не связанные одной волей и руководством, плохо вооруженные повстанцы не могут иметь решающего значения для организованной силы правительства. Они действительно могут подточить власть, как шашель точит дерево, но опрокинуть ее они не могут.

Поэтому ориентация атаманщины на повстанцев имела бы под собой основание при двух условиях: 1) если бы сама атаманщина обладала организованной силой и 2) если бы она могла связать воедино все повстанческие группы.

На самом же деле сама атаманщина была как бы большим повстанческим отрядом, без оружия, без одежды, без дисциплины и с провокаторскими, разлагающими элементами русского деникинского офицерства в своей среде. Поэтому думать о подчинении своей власти других почти таких же отрядов было с ее стороны безнадежной фантазией. Таким образом и эта ориентация изменила ей, как и все прочие.

3. Благоприятный момент.

Был один момент у каменецкой власти, когда она действительно могла бы принести пользу делу украинской государственности. Этот момент был летом, особенно в августе.

Повстанческое движение обессиливало киевскую советскую власть, затрудняло ее экономическое положение и очень вредило ей в борьбе с организованными врагами.

Поэтому украинофильское течение стало все больше и больше одерживать верх как в Москве, так и в Киеве. В силу этого изменилось прежде всего отношение русских коммунистов к национально-украинской культуре. В том же направлении изменилось и отношение киевского советского правительства. Оно стало проявлять известную активность в деле развития украинской культуры, не ограничиваясь сухой принципиальной равноправностью, которая была на самом деле умыванием рук в отношении руссификации. Появилась даже инициатива самой власти в направлении помощи развитию национальной культуры, особенно в школьном деле. Рассказы самих украинцев, работавших в киевских советских учреждениях, полны увлечения и даже восхищения перед методами и энергией коммунистов. Некоторые говорили, что за это короткое время (от перемены политики до ухода из Киева, т. е. за три-четыре месяца) коммунистами было сделано для украинской культуры столько, сколько не сделала бы за несколько лет Директория, и что условия работы в национально-культурной области были вне всякого сравнения лучше и продуктивнее, чем при чисто украинской власти. И это восхищение было настолько искренним, что люди, работавшие при киевской советской власти и бежавшие из Киева при занятии его Деникиным в Каменец, не могли уже жить в режиме атаманщины и изо всех сил снова рвались к большевикам.

Об отношении киевской советской власти к украинской культуре не могла сказать ничего дурного даже атаманщина. Подтверждение этого можно найти в ноте каменецкого правительства к Антанте, где оно, указав на отношение Деникина к украинству и приведя примеры его варварских поступков в отношении украинского слова, книги и школы, говорит, что он «делает то, чего не позволяли себе делать даже наши враги, московские коммунисты».

Таким образом было ясно, что у русских коммунистов, а значит, и в киевском правительстве, наступала перемена в отношении к украинскому вопросу. С другой стороны, не было никакого сомнения в целях и намерениях деникинской контрреволюции и в этом вопросе. Поддержанный, вооруженный и одетый Антантой Деникин, пользуясь повстанческим движением, все больше и больше теснил Красную армию, выбивая ее из Украины. Он не скрывал своей цели: уничтожить рабоче-крестьянскую власть и вернуть господство эксплоататорским классам. Что же касается Украины и других государств, образовавшихся на окраинах, то всех их вернуть

в лоно единой-неделимой, причем Украине не обещалось даже и автономии.

Каменецкой мелкобуржуазной демократии и ее власти как будто легко было понять, что собственными силами ей не справиться ни с Красной армией, ни с деникинщиной, что наступал момент, когда необходимо было принять окончательное решение и проводить его до конца. Здравый смысл подсказывал такое решение: восемь месяцев ориентации на Антанту, восемь месяцев рабской службы ее интересам показали, что от нее нечего ждать помощи, что Деникин, Румыния, Польша—это та же Антанта, это ее агенты; что ради проблематичной и нежелательной для самой Антанты украинской государственности она не вступит в конфликт ни с одним из этих своих агентов, а тем более с Деникиным,—словом, что с этой стороны не может быть никакого соглашения, ибо украинство для Деникина—еще больший враг, чем большевизм.

Следовательно, необходимо было искать соглашения с другим врагом—большевизмом. Необходимо было обратиться к коммунистам с таким предложением: для вас на первом месте стоит социальная работа, для нас—национально-государственная. И вашему и нашему делу в одинаковой степени угрожает общий враг. Мы не разделяем ваших социальных требований, но мы видим, что наше дело неминуемо погибнет. И вот, заботясь об обеспечении национальных интересов нашего народа и видя, что сами мы ничего не можем сделать, предлагаем вам обеспечить национальный характер украинской государственности с тем социально-политическим ее содержанием, какого вы желаете. За это мы отдадим вам те силы, которые имеем в своем распоряжении, сами отойдем от власти и будем помогать вам бить нашего общего врага. Такое открытое и честное предложение наверное имело бы самые положительные результаты, особенно принимая во внимание тогдашнее трудное положение киевской советской власти, повстанческое движение и ее собственные тенденции в украинском вопросе. Можно думать, что в этих условиях и Москва, и Киев согласились бы на сформирование национально-украинского советского правительства и на признание независимости Украинской советской республики.

От этого как дело революции, так и дело национального возрождения украинского народа безусловно только выиграло бы, не говоря уже о том, что не пролилось бы понапрасну столько крови и не было бы причинено измученной стране столько лишних страданий, какими ознаменовались победы Деникина.

В этом духе украинской социал-демократической правительственной группе в Каменце было сделано предложение со стороны заграничной группы этой партии. Но каменецкая демократия и атаманщина не только отвергли это предложение, но и приняли постановление карлсбадских дипломатов-поршивцев [1] об очищении

[1] «Поршивцы» — каламбур от фамилии украинского эсдека Поршэ, украинского посла в Берлине, уволенного с этой должности петлюровским правительством за неблаговидные поступки. Прим. составителя.

себя от всяких «трудовых принципов», о сформировании коалиционного правительства и о переходе к чистому парламентаризму.

Мало того, был еще такой факт. В конце июля, когда киевская власть стала шататься от повстанческого движения и наступления Деникина, в Каменец прибыла делегация от идейных повстанческих групп в количестве нескольких десятков человек от разных частей с предложением объединения ради завоевания украинской государственности. Делегация в Каменце была встречена с помпой и чуть не с парадом.

Но тут же выяснилось, что каменецкая демократия и атаманщина расходятся в понимании украинской государственности с повстанческой делегацией. Делегация понимала эту государственность как рабоче-крестьянскую, в форме советской власти. Делегация полагала, что наступил момент, когда, объединив украинские силы и приняв форму советской власти, наиболее соответствующую и благоприятствующую социальному и национальному освобождению украинского народа, можно (путем ли вооруженной борьбы или путем переговоров с Москвой и Киевом) добиться обеспечения национального характера украинской советской государственности. С этим проектом они и приехали в Каменец в надежде, что и там так же понимают этот благоприятный момент, что и там на первое место ставят дело обеспечения национального характера украинской государственности вообще, а не непременно атаманской, каменецкой.

Но делегация ошиблась. Атаманщина задрожала от негодования, когда узнала, что повстанцы добиваются: ликвидации Директории, главного атамана, тогдашнего правительства, перехода к системе советской власти и сформирования военно-революционного комитета. Делегаты по приказанию Петлюры ночью были окружены со всех сторон, обезоружены и арестованы вместе с их вождем Юрием Мазуренко (украинским незалежником) — тем самым, который выступил с резким ультиматумом против правительства Раковского.

А вместе с делегацией были арестованы и другие украинские социалисты (незалежники), находившиеся в Каменце (М. Ткаченко, А. Песоцкий и др.). По требованию эсеров делегация вскоре была освобождена из-под ареста, однако вожди и социалисты (Мазуренко, Ткаченко, Песоцкий и др.) были оставлены под арестом под постоянной угрозой официального расстрела или тайного убийства ночью. И только по требованию эсеров с угрозой выйти из правительства, после нескольких недель ожидания смерти, арестованные Петлюрой украинские социалисты были выпущены под «тайный надзор» петлюровской охранки. Украинские же эсдеки, эти «социалисты», недавними товарищами которых по партии были незалежники, не вступились за социалистов, которых Петлюры и Шапулы могли убить каждую ночь.

Так атаманщина и каменецкая правительственно-партийная демократия цепко держались за свою реакционную линию и за свои посты. Отойти добровольно по государственным соображениям от

власти, отказаться от парадов, приказов, автомобилей, ощущения своего «геройства» было бы с их стороны самоубийственным поступком, и, разумеется, повстанцы были просто наивные люди, допуская возможность такого поступка со стороны атаманщины или каменецкой правящей кучки «демократов». Ведь крестьяне готовы были «с иконами встречать батьку Петлюру», ведь «вся Украина» гнала большевиков и не могла дождаться прихода настоящей демократической каменецкой власти. Каким же образом эта власть вдруг сама стала бы вводить этот ненавистный большевизм?

Глава IX.

Отношения каменецкой власти с Деникиным.

1. Атаманщина бережет кровь деникинцев.

Пораженные тем, что Деникин одерживал победу за победой над Красной армией и захватывал все большую и большую часть украинской территории, каменецкие демократы и атаманы начали [летом] с своей стороны лихорадочное наступление на советский фронт, оттесняя его все дальше и дальше к Киеву. Они хотели опередить Деникина и захватить Киев. Наивность этих людей доходила до того, что они думали, что Деникин, поставленный перед фактом занятия украинскими войсками столицы Украины, покорно примирится с этим фактом.

Эти демократические контрреволюционеры не сделали ни одной попытки войти в соглашение с коммунистами, не воспользовались моментом для усиления украинского направления в киевской советской власти, а только восхищались своими успехами на фронте.

Но еще большим позором падает на эту жалкую каменецкую кучку людей то, что они в это время предпринимали все меры, чтобы войти в соглашение с... Деникиным! Вот позорный документ, исходящий от самого каменецкого правительства:

> Народное правительство Украинской республики знало о борьбе армии Деникина с коммунистами на территории Украины и, принимая во внимание, что обязанностью всякого правительства является беречь народную кровь, хотело мирным путем разрешить отношения с армией генерала Деникина.
>
> С ведома правительства еще до взятия Киева нашим высшим командованием была послана военная делегация к командованию Добровольческой армии для установления взаимоотношений между войсками, борющимися против коммунистов-большевиков на территории Украины» («От правительства УНР», 5 сентября 1919 г.).

«Обязанностью всякого правительства является беречь народную кровь»... Чью же кровь? Деникинцев, не так ли? Ибо кровь своих несчастных «казаков» они все равно проливали в борьбе с социалистами-большевиками.

И действительно, эти преступники против своего народа и государственности не осмеливались задевать деникинцев. Петлюрой

был издан приказ не открывать огня против деникинских войск. Украинские части, встречаясь с деникинцами, не вступали с ними во враждебные отношения и даже уступали им дорогу.

2. Знамя социальной дружбы с палачом украинского народа.

Зато Деникин показал этим людям «дружбу». Он позволил им проливать кровь казаков в боях с коммунистами. Он охотно разрешал им прокладывать ему дорогу к Киеву своими трупами. А когда Киев был взят украинскими войсками (30 августа), когда атаманы уже начинали парад, в это время деникинцы тихо и без парада вступили в Киев с другой стороны и, не долго думая, начали выбивать оттуда огнем своих союзников. Главным атаманом был издан общий приказ не вступать в бой с деникинскими войсками, и потому не-главные атаманы не знали, что им делать, и должны были уступить Киев Деникину.

Так оправдывают себя те атаманы, которые командовали частями, занявшими Киев [1].

Дело тут не в приказах, а в том, что атаманщина всеми силами хотела подладиться к Деникину и в союзе с ним бороться против советского правительства. Официально каменецкое правительство поясняет, что оно надеялось, что Деникин очистит всю занятую им территорию Украины, отдаст ее украинцам и тогда они будут бить большевиков вместе. Потому-то, мол, оно и берегло кровь деникинцев.

Признавая простодушие каменецкой власти, все же трудно допустить, чтобы эти люди действительно надеялись, что Деникин отдаст своим национальным государственным врагам ту территорию, которую он отвоевал с такими жертвами и которую считал территорией «единой-неделимой».

Даже хуторянка и даже атаманщина не могли на это надеяться. В действительности (как неофициально сообщают каменецкие деятели) существовало намерение войти в соглашение с Деникиным об установлении демаркационной линии между территориями, занятыми Деникиным и каменецким правительством, причем Деникину отдавалась почти вся Украина, для себя же атаманщина выпрашивала то, что было ею занято. С этой же целью так торопились взять Киев, чтобы демаркационная линия прошла за Киевом.

---

[1] В атаманских наддиепрянских кругах причину уступки Киева любят иногда объяснять «изменою» галичан. Атаман Кравс не исполнил приказа главного командования взорвать мост через Днепр и тем дал возможность деникинцам вступить в Киев. Кравс, как говорят, уже тогда был в сношениях с деникинцами и предал украинцев. Кравс же объясняет неисполнение приказа тем, что прочитал этот приказ уже тогда, когда деникинцы были в Киеве.

Была ли здесь измена или нет, — дело все-таки не в мосте. Если бы мост и был взорван, то деникинцы все равно вступили бы в Киев и выбили бы оттуда петлюровцев, только на несколько дней позже.

Каменецкая «демократическая» власть была готова ради сохранения своего существования отдать три четверти Украины злейшему национальному и социально-политическому врагу украинского народа и не хотела даже попытаться вступить в соглашение с коммунистами, чтобы вся Украина осталась в руках украинской социалистической советской власти. Для атаманщины и злосчастных каменецких «демократов» реакционер, социальный и национальный палач украинского народа, был ближе, чем социалистическая украинская власть.

Чего же они добились? Деникин выгнал их из Киева, разорвал украинское знамя и растоптал его ногами, а этих своих социальных друзей снова отогнал к Каменцу.

Здесь весьма выпукло обрисовалась характерная черта петлюровщины: выскочить вперед, устроить парад и поскорее прокричать себе первую славу: «Мы первые вошли в Киев! Мы первые!» Это для петлюровщины всегда было важнее всего. Но почему же вы не остались там, если вошли первые? Почему не вы прогнали Деникина, а он вас? На этот раз петлюровщину предал ее метод.

Деникина ничуть не тронуло и не переубедило «первенство» петлюровщины. Генерал Бредов, занявший Киев, велел направить пулеметы на этих «первых», «героев», и выбросить их из Киева.

3. Мещанско-атаманские поиски правды на свете.

Атаманщина обеспокоилась, разволновалась, возмутилась: как же так? Она первая вошла в Киев, а ее прогоняют. Где же справедливость, гуманность, где правда на свете?

Очевидно для того, чтобы найти эту правду, атаманщина послала послов к генералу Бредову. Бредов сам не принял их, а выслал к ним своих адъютантов, которые заявили петлюровским послам, что генерал Бредов ни с какими петлюровцами в переговоры вступать не хочет, что если они (петлюровцы) хотят бороться с большевиками, то пусть поступают под команду ген. Бредова и больше ничего. Никаких Украин ген. Деникин не знает. Есть «единая-неделимая» Россия, которую необходимо освободить от насильников-коммунистов. Если же петлюровцы не хотят вступить под команду ген. Бредова или распуститься, то «его превосходительство» будет считать их бандитами и большевиками и соответственным образом их накажет.

Вот какую отповедь получила атаманщина от своих достойных союзников. Что же предприняли в ответ на это «социалистическое правительство» и «национальные герои»?

Каменецкие социалисты побежали жаловаться Антанте—той самой Антанте, которая предоставляла Деникину все средства, чтобы их бить. Они отправили ноту «державам Антанты и державам всего света» (от 7 октября) с жалобами на поведение генерала Деникина. В ней они писали:

«Генерал Деникин, а тем более его приспешники и помощники, не скрывают своих симпатий к желанному для них монархическому строю.

Генерал Деникин, взяв за образец реакционные законы старого времени, беспощадно уничтожает украинскую культуру, лишает нас права и возможности учиться в украинской школе, запрещает пользоваться украинским языком в церкви, закрывает наши культурные учреждения, истребляет украинские книги... Вражда и ненависть ко всему украинскому дошла до того, что администрация Добровольческой армии уничтожает и ликвидирует даже украинское общество Красного креста».

Обрисовав всю реакционность и украинофобскую политику Деникина, совершенно справедливо назвав его немилосердным и злостным врагом украинского народа, наши «социалисты» комично заявляют затем:

«Несмотря на провокационные выходки деникинской армии, украинское главное командование сделало последнюю попытку выяснить, с кем мы имеем дело: с нашим ли союзником в войне с большевиками или с врагом, проникнутым теми же намерениями, что и московские коммунисты».

Для этой цели, как они заявляют, они и послали делегатов к Деникину «еще до взятия Киева».

Однако это не было «последней попыткой». И после того как они были прогнаны из Киева, они еще раз послали атамана Омельяновича-Павленко к Бредову. Была сделана еще одна попытка, о которой говорит само правительство в упомянутой ноте следующими самоубийственными словами:

«Чтобы сберечь силы наших утомленных героев-казаков от лишнего пролития крови, украинское главное командование послало военную делегацию для переговоров с добровольческим командованием. Но генерал Деникин отказался разговаривать с нашими представителями, выслав к ним безответственную делегацию и поставив позорные предварительные условия.

Одновременно с этим Добровольческая армия без объявления войны перешла в наступление против украинской республиканской армии; ответом на это было обращение правительства Украинской народной республики к армии и народу с призывом к обороне и решительной борьбе».

Однако, очевидно, на каменецкий народ была плохая надежда, ибо «социалисты» заканчивали свою ноту следующими словами:

«Потеряв последнюю надежду на соглашение с Добровольческой армией, правительство УНР ожидает, что великие демократические державы Антанты, помогавшие материально генералу Деникину в его борьбе против насильников-коммунистов, не будут помогать его насилиям над свободным украинским народом.

Во имя права и справедливости мы добиваемся, чтобы державы Антанты заставили генерала Деникина оставить территорию Украины и дали возможность правительству УНР установить порядок и спокойствие на свободной украинской земле.

Председатель Совета народных министров УНР
Исаак Мазепа.
Управляющий министерством иностранных дел
Андрей Левицкий [1]).

---

[1]) Оба подписавшиеся—украинские социал-демократы, а весь кабинет — «социалистический».

Каменецкий осел потянулся к Антанте за клочком сена, «потеряв последнюю надежду на соглашение с Добровольческой армией», и Антанта повесила перед его носом этот клочок, сделав вид, что сердится на Деникина, и послав даже свою миссию для расследования: пусть осел, пока у него остается хоть немного сил, отдаст их на службу хозяину. Когда же он околеет, то можно будет содрать с него шкуру и отдать Деникину. Это вскоре и было сделано «великими демократическими державами» «во имя права и справедливости».

Глава X.

Конец атаманщины.

1. Невыполненные слезные обещания.

С этого момента начинается окончательный упадок и агония атаманщины. Все ее надежды были на Киев. Киев должен был дать ей авторитет, признание и помощь со стороны Антанты, соглашение с Деникиным. Киев был обетованной землей, наивысшей точкой надежд, развернутой перспективой.

Деникин сорвал лепестки этого чудесного цветка, растоптал его, снова ограничил всю перспективу полутора уездами территории, убил хуторянско-атаманскую молодцеватость и драчливость.

«Народ», те дядюшки, которые якобы готовы были встречать Петлюру с иконами, не очень усердно его поддержали, а те крестьяне, которые готовы были встречать Петлюру палками и винтовками, тем более не обнаруживали желания стать за него грудью. Единственной силой и опорой, как была, так и осталась галицкая армия.

Однако атаманщина не смогла притти к соглашению и с нею. С первого же момента после перехода наддиестрянцев на территорию великой Украины отношения между ними и наддиепрянцами были полны неясности, недоверия, напряженности и со временем перешли по разным причинам в явную враждебность.

Наддиепрянские демократы охотно объясняют такой характер сложившихся отношений разным социально-политическим мировоззрением той и другой стороны. Можно сильно сомневаться в правильности такого объяснения, ибо какого бы правого направления ни были галицкие политики, они не могли усмотреть ничего «левого» в режиме атаманщины. Кажется, и сам Деникин не мог бы ничего добавить к этому режиму.

А как люди трезвые, галицкие «патриоты», присмотревшись получше к положению, могли быть совершенно спокойны даже и насчет эсеров. Революционность» каменецких эсеров не шла дальше громких слов, резолюций и маханья кулаками. И даже самые левые из «центрального течения» эсеров не могли пугать «реальных политиков», ибо и эти самые левые отличались от самых правых

только пышностью своей фразеологии. Галичанам было известно, как приехала от повстанцев группа тех же левых центральных эсеров (Одрина, Черкасский и др.) и предъявила к правительству требование принять форму советской власти, как этих «революционеров» и «большевиков» успокоили социал-демократы и как «большевики» удовлетворились несколькими министерскими портфелями.

Быть может, вначале галичан, этих кулуарных и бумажных политиков, действительно раздражала и беспокоила словесная революционность каменецкой демократии, вначале это могло вызывать и натянутые отношения. Однако чем дальше, тем больше должна была отпадать эта причина, когда галичане увидели реальную атаманскую политику, которая могла не понравиться «европейцам» разве только своей безалаберностью и бессмысленностью, а не социально-политическим содержанием.

Действительно причины неприязненных отношений лежали в ином, прежде всего в мелких будничных фактах.

Когда С. Петлюра со своими министрами, как сказал д-р Голубович на заседании Национальной рады 26 ноября, «расплакался» в Борщове и выпросил у диктатора Петрушевича 4 бригады, спасшие атаманщину от большевиков, то он наобещал тогда галичанам много всяких приятных вещей—и денег, и оружия, и амуниции, и... даже изменение состава кабинета министров в правом направлении.

Когда же галицкая армия перешла целиком на территорию каменецкого правительства, то выяснилось, что все петлюровские обещания остались обещаниями. Да иначе и быть не могло, ибо где же могла бы взять каменецкая власть то оружие и амуницию, которую сама так страстно вымаливала у Антанты?

Однако что касается денег, то здесь каменецкое правительство могло бы выполнить свои обещания. Однако на него нашел неожиданный дух бережливости. Раздавая мешками без всякого отчета и контроля миллионы разным атаманам, проходимцам и шарлатанам, ни разу не послав за границу ни одной ревизии над десятками своих миссий и комиссий, которые разбрасывали и раскрадывали сотни миллионов гривен, каменецкие чудотворцы вдруг прониклись чрезвычайной строгостью в отношении галицкой армии, требуя от нее отчетов, оправдательных документов на деньги, задерживая выдачу этих денег и т. д. Для контроля над ними, как объясняют сами галичане, было даже учреждено в составе правительства министерство галицких дел во главе с Витиком.

Особенно неприятен в этом отношении для галичан был председатель Совета министров и министр финансов Б. Мартос. Это было причиной его отставки с поста председателя Совета министров и передачи этого поста И. Мазепе. (Официально эта перемена объяснялась, как это делается во всех «приличных домах», «утомлением бедного В. Мартоса»).

2. Продажа Украины на две стороны.

Однако главная причина конфликта заключалась в международной политике атаманщины.

Галицкие национал-демократы, погубив Галицию, пылая ненавистью к польской шляхте и не видя возможности победить своими силами эту шляхту, поддерживаемую Антантой, стали ориентироваться на Восток и искать там себе поддержки.

В это время там существовало две силы—большевики и Деникин. Деникин был далеко; его поддерживала та же Антанта; сношений с ним в Париже гг. Панейки еще не успели завязать,—таким образом, оставались одни большевики. И галичане стали предпринимать шаги к соглашению с этой силой. Уже дело доходило даже до фактической помощи со стороны советских войск оружием и амуницией. Дело могло бы дойти и до дальнейших и более важных соглашений, и неизвестно, как от этого изменилось бы все положение на Украине. Однако в эту минуту подоспел перепуганный требованиями большевиков «ликвидировать» его самого Петлюра со своими министрами. Петлюра «распялакался» и предотвратил эту ориентацию.

Тогда галичане, еще больше убедившись на каменецкой территории в невозможности собственными силами добиться победы над своим врагом—поляками, начали ориентироваться на Деникина. Деникин же, выступая в роли «собирателя земли русской», по старой еще царской традиции, считал Галицию «исконным русским краем». Поэтому он охотно принял бы и этот край в лоно «единой-неделимой». А если бы галичане оказались верными друзьями России, то им можно было бы дать какую-нибудь не опасную для «единой» автономийку.

Глава галицкого правительства, «Державного секретариата», на заседании 26 ноября совершенно открыто заявил: «Галицкое правительство с самого начала жаждало переговоров с Деникиным».

Разумеется, эта жажда скрывалась от каменецкого правительства, которому эта ориентация точно так же угрожала ликвидацией, как и большевистская. Однако в том-то и заключалась трагедия этих двух несчастных правительств, что всякая ориентация, какую бы они ни предложили одни другому, была «ликвидационной» для одного из них или для обоих сразу. Еще трагичнее было то, что любая ориентация, какую бы ни приняло то или другое правительство, была «ликвидационной», пагубной для украинской государственности. Существовала только одна ориентация, которая, будучи «ликвидационной» для этих правительств, могла быть выгодной для народной украинской государственности,—это ориентация на советскую Россию и советскую Украину.

Однако ни то, ни другое правительство не могли и не хотели этого сознать. Они были не в состоянии понять, что вся украинская государственность вышла из революции, революцией поддержи-

валась и всецело от революции зависела в своем дальнейшем существовании и развитии. Они не понимали того, что именно советская Россия была наилучшим обеспечением возможности существования украинской государственности, и не замечая того, что, борясь с Советской Россией в союзе с Антантой и Деникиным, обессиливая Советскую Россию, они тем самым подрезывали сук, на котором сами сидели, что они сами плели себе петлю, с помощью которой их неминуемо и неизбежно задушили бы Деникин и та же Антанта. Да и не только их, эти правительства,—это было бы наименьшее зло для украинского народа,—а самую украинскую государственность, самое обеспечение свободного развития национального духа нашего народа.

Цепко, с слепою, чисто зоологической жадностью держась за власть, эти люди фатально толкали самих себя к гибели этими ориентациями.

Каменецкое правительство чувствовало, что галицкое правительство не может быть его верным союзником. Для галичан на первом плане была Галиция, нефть, а потом уже все остальное. Они могли отдать свои силы на борьбу за всю Украину только с той уверенностью, что, добыв великую Украину, они непременно пойдут с возросшими силами добывать Галицию.

А каменецкое правительство как раз и не давало галичанам такой уверенности. Вся его политика подрывала и убивала надежду галичан на освобождение своей страны, ибо каменецкие «дипломаты» хотели раздобыть эту помощь от... агентов Антанты, от той самой Польши, которая украла, отняла грабительским путем Галицию у украинской нации.

Каменецкие политики хотели спекульнуть как раз на том самом Деникине, на которого возложили свои надежды галицкие политики. Они хотели напугать Польшу тем, чего так хотели галичане, т. е. что Деникин пойдет походом на Галицию и отнимет ее от поляков. Итак, говорили они польской шляхте, Деникин есть враг не только Украины, но и Польши, а потому поляки должны поддерживать каменецкое правительство, дать ему помощь и вообще всеми способами отстаивать самостоятельность украинского государства, ибо это будет и для Польши обеспечением от замыслов «единой-неделимой», которая притом может вступить в союз с Германией. Каменецким хитрецам, разумеется, было известно, что все дело в Галиции. Не было бы Галиции, не было бы у поляков и повода так бояться Деникина. Поэтому им необходимо было прежде всего сказать Польше, как они сами смотрят на этот вопрос. Ведь поляки не такие дураки, чтобы давать помощь тому, у кого они украли целый край.

В этом-то и заключалась причина конфликта между каменцами и галичанами.

Чтобы получить хотя бы крупицу помощи, каменцы должны были с самого же начала заверить поляков, что эта помощь не будет обращена против самих же поляков. А это могло быть до-

стигнуто только тем, что украинцы отказались бы от всяких претензий и намерений возвратить Галицию.

И каменцы должны были с самого начала отказаться от Галиции ради того только, чтобы поляки захотели с ними разговаривать. Это подтверждается как разными негласными, неофициальными переговорами разных петлюровских посланцев в Варшаве (интервью П. Пилипчука, ясно намекавшего на отказ от Галиции), так и всей дальнейшей официальной политикой Петлюр, Левицких и всей каменецкой власти.

Разумеется, такая политика не могла быть по душе галичанам. К тому же тогда, когда из Галиции доходили известия о жестоких, бесчеловечных истязаниях польской властью украинцев, о систематическом, планомерном истреблении интернированной украинской молодежи посредством голода и болезней в лагерях.

Да и сама Польша не так-то уж боялась Деникина. Ей надо было только поладить с ним в отношении Галиции, и в таком случае ей не нужны были никакие Украины, особенно сильная великая Украина, которая, разумеется, имела бы всего больше притязаний на Галицию. Исходя из своих собственных интересов, поляки не могли чересчур усиливать украинцев. Им было выгодно иметь их в качестве угрозы для Деникина, в качестве средства принудить его отказаться от Галиции. И только ради этого и в соответствующих этому размерах они могли на свой страх и даже без согласия Антанты помогать каменецкому правительству. Однако с такой помощью, разумеется, Украины не добудешь.

И галичане понимали это, а потому, не будучи столь заинтересованы в существовании каменецкой власти, как была заинтересована она сама, они не могли и не хотели для спасения этой власти отдавать Галицию польской шляхте и даже искали против нее помощи у Деникина.

Оба эти правительства ориентировались на врагов украинского народа, оба хотели спасать свою маленькую власть и свой клочок земли, на которой они властвовали с помощью врагов всей Украины, а потому один искал помощи у одного палача—польской шляхты, а другой—у другого—Деникина. Оба отдавали на поток и разграбление одну часть Украины за возможность гарцовать на другой. Только каждый продавал ту, на которой гарцовал или хотел гарцовать другой.

Потому-то между двумя этими преступными правительствами не было и не могло быть соглашения.

3. Последние позорные конвульсии атаманщины.

Возможность взятия Киева несколько подняла надежды как наддиепрянцев, так и наддиестрянцев. Но неудача окончательно убила всякие надежды у галичан, и они стали уже совершенно сознательно и уверенно вести переговоры с Деникиным.

Главными руководителями этого дела были в Париже д-р Панейко, а на Украине—диктатор Петрушевич.

Еще одним руководителем были... болезни, особенно сыпной тиф, который начался еще летом и все больше и больше развивался среди украинских войск. Осенний холод и непогода еще больше усилили эпидемии. Босые, неодетые, истощенные солдаты хворали тысячами. Медицинской помощи не было никакой. Санитарные условия были поистине ужасны, и люди погибали больше, чем от боев.

Напрасно каменецкое правительство умоляло Антанту помочь лекарствами для больных. И вот, через несколько недель после взятия Киева и оставления его боеспособная украинская армия насчитывала не больше 6 000 человек, в том числе тысячи две наддиепрянцев. Более 20 000 человек лежало больными в госпиталях и казармах.

4 ноября состоялось совещание галицкого военного начальства, констатировавшее полную неспособность армии к военным действиям. На том же совещании ясно обозначалась и ориентация на Деникина.

В это время прибыл из Парижа посланник Панейко с инструкциями. Диктатор Петрушевич дал тайный приказ командующему галицкой армией Тарнавскому, и последний подписал (7 ноября) договор между галицким командованием и командованием Добровольческой армией, по которому вся галицкая армия переходила под полную власть Деникина.

Политическим пунктом этого договора была автономия Галиции в составе «единой-неделимой». И после 7 ноября все галицкие войска стали переходить на сторону лютых врагов украинского народа.

Деникинцы, не опасаясь теперь уже никакого отпора со стороны наддиепрянцев, бросились на них и в несколько дней разбили их незначительные силы в разных направлениях.

Каменецкое правительство, партийные организации, атаманские штабы должны были удирать из Каменца в разные стороны. Одни министры очутились в Румынии, другие—в Галиции. Главная же часть с главным атаманом С. Петлюрой и частью правительства во главе с И. Мазепой стали отступать в направлении Проскурова по линии железной дороги.

Однако деникинцы гнались за ними по пятам, и они должны были бросить поезд со всей государственной казной, которая была разграблена населением и деникинцами, и на подводах двигаться к Староконстантинову, куда по намеченному плану должны были стекаться все разбитые части войск. Каменец же был отдан полякам, которые и сами зарились на него.

Между Староконстантиновым, где проходила линия польского фронта и Бердичевом, занятым сначала повстанцами, а затем—большевиками, находилась незанятая полоса территории, которую поляки милостиво согласились отдать каменецкой власти для со-

бирания остатков своих сил. Здесь-то, на этой полосе, в маленьком местечке Любаре произошла последняя позорная конвульсия атаманщины.

В среде части правительственных войск, измученных неудачами, боями, бегством, а особенно всей политикой атаманщины, начало распространяться недовольство, вылившееся в решительное намерение совершить «переворот», арестовать «батьку» главного атамана с его правительством и перейти к большевикам. Во главе этого заговора стоял известный повстанческий атаман Волох.

Выбрав подходящий момент, эта часть войск произвела выступление против правительства, начав обстреливать из пулеметов то здание, где находился главный атаман с его штабом. Ошеломленный и перепуганный штаб разбежался, а петлюровские адъютанты посадили главного атамана на коляску и бежали в Шепетовку, где стояли польские войска. Там Петлюра объяснил польскому командованию, что украинские войска обольшевичились, а сам удрал в Варшаву. Поляки же, не долго думая, стали обстреливать Любар.

Между тем, в Любаре уже все успокоилось, ибо большая часть войска осталась верной правительству и отбила нападение Волоха. Последний же с небольшим отрядом бежал из Любара и перешел на сторону большевиков. Таким образом поляки во время обстрела били и убивали не большевиков, а тех же злосчастных петлюровцев.

Таким позорным, изменническим, но характерным для всей петлюровщины актом закончилась деятельность атаманщины на Украине.

А 24 декабря 1919 г. постановлением соединенного заседания центральных комитетов партий социал-демократов и социалистов-революционеров вся полнота власти передавалась кабинету министров во главе с Мазепой. В этой резолюции ни одним словом не упоминались ни Директория, ни главный атаман, и таким образом эти учреждения уничтожались. Командование же всеми вооруженными силами перешло к Омельяновичу-Павленко.

Атаманщина в лице Петлюры и его идейного клеврета социал-демократа А. Левицкого еще делала шаги в Варшаве для спасения своей власти, обивала пороги польской империалистической шляхты, умоляла и даже отдавала землю польским помещикам на Подолии и Волыни (договор Левицкого и Петлюры с польским правительством [1] за польскую помощь. Петлюра и Левицкий де-

[1] По этому договору (от 2 декабря 1919 года) эти два господина прежде всего отдавали в руки польской шляхты Галицию. Пункт 1: Территория Украинской нар. республики имеет быть установлена с такими границами: начиная от Черного моря, по реке Днестру и от Днестра между Полыней и Украиной — по реке Збручу. Дальше граница УНР на территории бывшей Российской империи должна пройти по юго-западной Волыни»... Что касается аграрного вопроса на Украине, то 3 пункт гласит: «... Юридическое положение землевладельцев польской национальности на Украине регулируется на основе особого положения между украинским и польским правительством».

лали даже попытки образовать правое правительство в Варшаве и с помощью поляков отвоевать потерянную власть. Но все это были лишь последние конвульсии. В это время уже доживал последние часы сам Деникин, против которого поляки якобы хотели поддерживать каменецкое правительство, и пропадала реальная основа для дружбы польской реакции с каменецкой контрреволюцией.

Атаманщина умерла. И совершенно верно охарактеризовал ее сам «главный атаман» Петлюра в своем предсмертном воззвании к Антанте, назвавшись ее гладиатором, рабом. В письме к французскому буржуазному журналисту Пелисье он писал: «Нам остается теперь можно сказать Антанте: «Morituri te salutant» (идущие на смерть тебя приветствуют).

АРНОЛЬД МАРГОЛИН.

Украина и политика Антанты [1].

Глава I.

Украинский национальный союз. — Директория. — Винниченко. — В огне восстания.

В июле 1918 года все украинские политические партии пришли к решению о необходимости создать Украинский национальный союз. В таком объединении всех украинских сил представлялась тогда насущная необходимость, ввиду возрастающего с каждым днем влияния общероссийских правых кругов на германское верховное командование и гетмана.

Председателем союза был избран Винниченко, товарищем председателя—Никовский. От социалистов-федералистов был также делегирован в союз и принимал в нем деятельное участие М. А. Кушнир.

Все переговоры, которые вел союз с германским командованием и правительством, не привели к соглашению. Пропасть между обеими сторонами была уже слишком велика, и было очень трудно, а быть может уже и немыслимо, столковаться.

Заседания союза происходили в условиях полной конспиративности. Даже члены центральных комитетов политических партий не всегда знали, что обсуждалось и какие решения принимались в союзе. И когда Национальный союз избрал Директорию и объявил восстание (ноябрь 1918 года), это явилось для весьма многих неожиданностью.

В восстании принимали участие три партии: украинские социалисты-революционеры, социал-демократы и самостийники. Из представителей этих же трех партий составилась Директория и ее первое правительство.

Партии центра (социал.-федералисты, трудовики) и правое крыло воздержались от участия в восстании. У этих групп не было уверенности в успехе восстания. С другой стороны, центр и правые опасались связанных с ним последствий в виде развития большевизма и всяких иных форм анархии и потрясений.

Действительность показала, что размеры восстания и его первые успехи превзошли даже ожидания левых партий. Но зато

---

[1] Из книги под тем же названием, изд-во С. Ефрон, Берлин.

опасения относительно последствий восстания оправдались полностью.

Ставка Директории находилась уже в Фастове, когда в Киеве все еще шло своим нормальным порядком. Державный сенат продолжал свои заседания. Но было уже ясно, что предстоит коренная ломка в ту или иную сторону, в зависимости от исхода восстания.

В Одессе в это время уже появился французский консул Энно, а в Яссах заседали представители держав Антанты.

В комитете партии социал-федералистов шла усиленная, напряженная работа по выработке плана действий в этот ответственный момент истории.

Решено было послать делегацию от партии в Яссы и Одессу для переговоров с представителями Антанты. В состав делегации вошли Мациевич, Прокопович, Фещенко-Чоповский, Ю. Соколовский и я. Затем к нам присоединился А. М. Коваленко, вступивший впоследствии в партию социал-федералистов.

Немцы были уже в это время вполне бессильны и заняли в общем нейтральную позицию по отношению ко всему происходящему. Верховное командование спешно эвакуировало войска из Украины, что составляло тогда уже нелегкую задачу. Все надежды возлагались на Антанту. Франция и Англия еще до Брест-литовского мира фактически признали Украину, как самостоятельное государство, и даже прислали в декабре 1917 года в Киев своих дипломатических представителей, аккредитированных при украинском правительстве (генерал Табуи и консул Балле). От этих двух держав и ждали главным образом помощи, своим вмешательством они могли приостановить и крайнюю политику правых российских групп, засевших в Киеве, и тот неизбежный уклон в сторону анархии, к которой могло привести и фактически привело восстание с его крайними левыми лозунгами.

Отъезд нашей делегации состоялся, кажется, около 20 ноября. Между Киевом и Фастовом уже шли бои, и надо было ехать окружным путем. Мы избрали маршрут на Черкассы, по Днепру, на Бобринскую и т. д.

Через неделю предстояло в сенате очередное судебное заседание, в котором я был одним из докладчиков, и я не считал себя вправе, пока я состоял еще на службе, самовольно освободить себя от явки. Но в Киеве не было уже времени для споров с упрямым Мациевичем, который был назначен главою делегации и требовал, чтобы я ехал в Яссы, угрожая в противном случае «также забастовать» и уклониться от поездки. Я решил, что мне удастся переубедить его в пути, на пароходе. И действительно, мои соображения были приняты во внимание при распределении наших ролей. Решено было, что в Яссы поедут Мациевич, Прокопович, Соколовский и Коваленко, а на Фещенко-Чоповского и на меня возложили менее продолжительную и менее ответственную поездку в Одессу.

Восстание еще не докатилось до Днепра. Наше плавание прошло вполне благополучно.

В Черкассах местные партийные товарищи сообщили нам о том, что на станции Бобринской (около часу езды поездом от Черкасс) уже образовался повстанческий комитет, который не только не окажет препятствий нашей поездке, но даже будет ей содействовать. Но и мы, в свою очередь, не представляли себе оснований, по которым повстанческий комитет стал бы чинить нам затруднения, ввиду нейтрального отношения нашей партии к восстанию.

Не успел, однако, поезд прибыть на станцию Бобринская, как тотчас же наш вагон окружили солдаты, и мы оказались запертыми. Затем вагон без всякого объяснения причины был отцеплен и увезен на запасный путь, недалеко от станции. Время было позднее, около 10 часов вечера, освещение в вагоне весьма тусклое, а на запасном пути, где мы стояли, оно совсем отсутствовало. Все это было весьма загадочно, становилось даже несколько жутко... Наконец к нам в вагон вошло несколько человек, вооруженных винтовками. Начался допрос о том, кто мы, куда и зачем едем. Затем нас вывели из вагона на полотно железной дороги, навели на нас винтовки. Оказалось, что нас пока собираются не расстрелять, а только лишь обыскать. Мациевич проявлял наибольшее хладнокровие и продолжал даже с поднятыми руками курить свою папиросу. Вообще юмор не покидал нас в эти жуткие минуты, а папироса Мациевича привела в веселое настроение даже наших грозных стражников...

После безрезультатного обыска (оружия при нас, мирных «эсефах», конечно, не оказалось) нас повели на станцию и разрешили направиться уже без стражи в буфет. Мы думали, что нас окончательно освободили, и занялись чаепитием и расспросами о поездах, идущих в направлении Ясс и Одессы. Но вскоре нас вновь пригласили в наш вагон и здесь нам объявили, что «именем Директории и главного атамана Петлюры» мы арестованы и будем препровождены под стражей в Фастов. Мы решили, что повстанческий комитет снесся по телеграфу с Директорией и получил соответственные указания. Так оно и было в действительности. Но если даже нас желали увидеть в ставке, то к чему был этот арест и стража? Мы все довольно добродушно делились нашими недоумениями, за исключением Мациевича, у которого юмор сменился гневным настроением. И долго еще раздавалось в вагонном полумраке его ворчание, пока, наконец, все заснули.

Часам к 11 утра специальный паровоз доставил нас в Фастов. Опять оцепили наш вагон солдаты, но на сей раз не надолго. Снова нам объявили ту же торжественную формулу ареста, но на сей раз все это продолжалось несколько минут, без поднятия рук вверх и без обыска. Нам предложили выйти из вагона. Мациевича повели прямо к Директории, а нас подвергли заключению в одном из вокзальных помещений. Через 15—20 минут мы были объ-

явлены «именем Директории и главного атамана» свободными, и нас пригласили проследовать в тот вагон, где заседала Директория.

У самого вокзала стояло 3 или 4 вагона, в которых разместилась Директория и ее канцелярия. В одном из них мы застали за большим рабочим столом Винниченко, Швеца, Андриевского и Мациевича. Петлюра был в это время на фронте. Макаренко, кажется, еще не входил тогда в состав Директории.

После обычных приветствий Винниченко принес нам извинения и объяснения по поводу нашего ареста. Оказывается, что фамилия Коваленко, названная в числе прочих в запросной телеграмме из Бобринской о том, как с нами поступить, вызвала большие сомнения и тревогу у Директории. Дело в том, что среди лиц, которых считали близкими к гетману, был член партии хлеборобов-собственников, однофамилец нашего Коваленко. Явилось подозрение, что этот хлебороб-собственник в сообществе с нами, «эсефами», едет к Антанте в качестве депутации от гетмана. Когда же Мациевич разъяснил Директории недоразумение, Винниченко, лично и близко знавший А. М. Коваленко в годы их совместных заграничных эмигрантских скитаний, отдал немедленное распоряжение о нашем освобождении.

Затем Мациевич изложил цель нашей поездки. Винниченко заявил после этого, что Директория поездке не будет препятствовать. Во время беседы часто раздавались телефонные звонки. Аппарат висел в том же вагоне, Винниченко лично подходил на все вызовы. Каждый раз он делился с нами поступавшими сообщениями о взятии той или иной позиции или деревни. Сражения шли уже около Жулян, в 12 верстах от Киева. «На днях возьмем Киев,—обратился к нам Винниченко,—оставайтесь с нами, все равно вы—наши будущие министры». В мягкой форме, но решительно, мы отклонили это предложение, верные постановлению нашей партии и нашему личному решению не принимать прямого, активного участия в восстании.

Возможно, что мы сделали тогда большую, непоправимую ошибку. Быть может, следовало остаться с Директорией и помочь этим смелым, отважным людям в их трудном, опасном деле, а главное повлиять на них и не допустить того бесконечного «равнения налево», которое началось вскоре после этой нашей встречи.

Трудно и даже невозможно сейчас разрешить этот вопрос...

Из наличного состава Директории говорил все время один Винниченко. Со Швецом я тогда впервые познакомился, с Андриевским я встречался раньше в консультации киевских присяжных поверенных и в судебных заседаниях, но знал его очень мало. В качестве присяжного поверенного он не приковывал к себе внимания. Его считали специалистом по крестьянским земельным делам. Выглядел он всегда угрюмо и неприветливо. Но за этой угрюмостью и нелюдимостью чувствовался сильный и упорный характер.

Наоборот, проф. Швец производил впечатление добродушного и прямого человека. Но сразу же было ясно, что ни он, ни Андриевский не являются движущей пружиною восстания. Душою вос-

стания были Винниченко и Петлюра. В ту минуту, в Фастове, Винниченко держал еще все нити в своих руках, он был еще тогда подлинный вождь движения. А вся исполнительная часть лежала на бывшем в тот день на фронте Петлюре. Это ощущалось нами и в ставке, несмотря на его отсутствие.

Выяснилось, что до Одессы уже нельзя было пробраться, так как где-то под Бирзулою шли бои с какими-то полками, оставшимися верными гетману. Точно нельзя было разобраться, какие это были части, но мы уразумели, что о поездке в Одессу во всяком случае нечего и думать.

Что же касается пути на Яссы (через Волочиск), то он оказался свободным.

Фещенко-Чоповский и я решили возратиться в Киев. Я предложил маршрут на Васильков-Триполье, имея в виду, что по Днепру еще накануне беспрепятственно ходили пароходы, и что мы проберемся из Триполья на пароходе в Киев.

В ставке еще не знали, что как раз в этот день повстанцы приостановили пароходное сообщение с Киевом, причем Триполье и было тем пунктом, где все пароходы, идущие как снизу, вверх по течению, по направлению в Киев, так и из Киева задерживались и дальше не пропускались.

Нам изготовили бумагу о свободном пропуске через всю полосу восстания. Второпях мы не сообразили, что необходимо взять два отдельных пропуска... Словно два каторжника, прикованные друг к другу общей цепью, мы не могли потом разлучиться с Чоповским ни на одну минуту. Правда, нас связывала, помимо общего документа, и взаимная симпатия, но все же мы оказались на все время предстоящего путешествия уж слишком неразлучными.

Но мы вообще еще не подозревали, какими терниями провидение усеет наш путь на Киев. Если бы мы предвидели тогда хотя бы одну десятую предстоящих нам мытарств, мы бы послушались Мациевича и остальных товарищей, ехавших в Яссы и усиленно нас приглашавших туда же. Но я не мог тогда отлучиться из Киева надолго, а Чоповский и не имел особого желания ехать в Яссы, и не хотел оставить меня одного. Вскоре я убедился, что мне без него, действительно, могло прийтись очень круто.

Мы спешили выехать засветло, а потому вскоре распрощались и сели в воинский поезд, который шел в Боярку. В тот же вечер наши попутчики выехали специальным поездом в Волочиск и благополучно добрались затем в Яссы.

Вагон, в котором мы ехали, был переполнен повстанцами, ехавшими на фронт. Среди них были преимущественно крестьяне и несколько молодых интеллигентов. Чувствовался большой подъем настроения, вера в правоту восстания... Интеллигенты ругали тех, кто уклонился от участия в восстании. Мелькнули имена Ефремова и Никовского... Но мы только слушали и считали бесполезным и небезопасным вступать в споры.

Когда мы подъехали к Василькову, уже начинали сгущаться

сумерки короткого и пасмурного ноябрьского дня. У вокзала не оказалось ни одного извозчика, а итти пешком с чемоданами по пустынному полю до города, отстоящего на расстоянии 10 верст от вокзала, было и тяжело и рискованно. Маленькое же здание вокзала было так переполнено и так загажено, что негде было не только переночевать, но даже присесть.

Мы едва успели вскочить обратно в тот же поезд и проследовали в Боярку.

Вскоре мы очутились в столь нам знакомом, но на сей раз неузнаваемом «зале I—II класса» боярского вокзала. Надо было либо простоять всю ночь на ногах, либо итти с чемоданами в поселок и стучаться из хаты в хату, пока не сжалятся и не впустят. Чоповский сначала решительно настаивал на первом... И мы довольно долго простояли у прилавка, бывшего в нормальное время буфетною стойкой.

Здесь впервые мелькнули в толпе, наводнившей вокзал, подозрительные лица... Я часто бывал в свое время в тюрьмах, на свиданиях с моими подзащитными, мне знакомы были такие лица...

Лезли в голову нехорошие мысли, становилось очевидно, что к восстанию начинают присоединяться преступные элементы, почуявшие близость взятия Киева и возможность там поживиться на счет добра ближнего...

Но это были в то время еще только единичные случаи, которые тонули в общем могучем порыве, поднявшем и охватившем несметные массы крестьянства и городской молодежи. Эти массы смело и бодро шли на защиту завоеваний революции и независимости Украины, которым угрожала, по их убеждению, опасность.

Наконец усталость взяла свое, и Чоповский согласился со мною, что надо пуститься в поиски места для ночлега. Мы нашли сердобольного солдата, который взялся помочь нам, и отправились с ним по направлению к базарной площади. Сколько мы ни стукались в несколько домов, нигде нам не отворялось... Жители боялись, очевидно, ночных посетителей, и забаррикадировались засовами, ставнями и т. д...

Печально возвращались мы к вокзалу. Вдруг, уже у самого вокзала мелькнул в глубине усадьбы в оконце дачного домика огонек. Мы пошли на этот огонек, и на сей раз на наш стук откликнулись. Молодой студент-техник приютил нас в своей комнате. Его имя улетучилось из моей неблагодарной памяти... А ведь мы ему были обязаны кровом и теплым гостеприимством.

Сопровождавший нас солдат, который тащил поочереди с нами наши чемоданы, наотрез отказался взять у нас деньги в вознаграждение за его услуги. Такое бескорыстное стремление к оказанию нам помощи наблюдалось потом в пути среди повстанцев не раз и свидетельствовало о приподнято-восторженном состоянии умов и чувств в эти первые недели восстания.

«Утро вечера мудренее»... И мы надумали поутру оставить чемоданы в Боярке и сделать попытку пробиться налегке в Киев

через Демиевку, держась вправо от линии боев. Оказалось, что это было уж слишком мудрено,—и вся эта затея чуть было не закончилась для нас весьма трагически.

Мы набрели на крестьянина, возвращавшегося из Боярки в своей телеге домой, в деревню (забыл, как она называется), расположенную недалеко от Демиевки. Он согласился взять нас с собою, но потребовал за 7—8 верст сто рублей. Мы согласились на эту непомерную в то время плату, что показалось ему, вероятно, подозрительным. Доехали мы до деревни благополучно. Все время со стороны Жулян слышалась канонада.

Наш возница пригласил нас к себе в хату, нам приготовили чай и еду, и мы стали обдумывать дальнейший план продвижения к Демиевке.

Между тем сам возница куда-то исчез. Вскоре он возвратился в сопровождении конного разъезда повстанцев. Я забыл упомянуть, что плату за проезд он поспешил взять с нас раньше... Мы предъявили наш пропуск, но это не произвело никакого впечатления... С нами обошлись весьма грубо, объявили нас арестованными, и повели через всю деревню «в штаб». Там мол разберут...

Нас привели в довольно просторный дом, в котором расположился штаб. Пришлось ожидать несколько часов, пока дошла до нас очередь. К счастью, в штабе оказались, люди, хорошо знавшие Чоповского по его выступлениям на крестьянских съездах. Нас предупредили, что по дороге к Демиевке повстанцы не верят никаким пропускам и по первому подозрению расстреливают.

Между тем снова надвигалась тьма. Мы побрели пешком обратно в Боярку, к нашему гостеприимному технику и к нашим чемоданам.

По дороге нас дважды останавливали разъезды. Мы предъявляли наш пропуск с тревогою... Но на сей раз мы не вызвали подозрений, быть может потому, что направлялись в сторону, противоположную Киеву.

Едва рассвело, как я разбудил Чоповского, и мы решили на сей раз вернуться к первоначальному плану, т. е. добраться до Триполья. Во избежание повторения истории с доносчиком-возницею, мы предпочли на сей раз проделать путь до города Василькова (около 15 верст) пешком. Шли лесом, полями. Через три часа мы были в Василькове, пообедали и стали договариваться с извозчиками о поездке в Трипольe. Но никто из них не соглашался ехать дальше местечка Обухова (25 верст от Василькова), куда можно было добраться до вечера.

Снова конные разъезды и остановки в пути, однажды даже с наведением револьвера... Но имя Фещенко-Чоповского, министра при Центральной раде, каждый раз выручало.

В Обухове мы застали на площади несметную толпу народа. Опять куда-то повели, опять расспросы и объяснения. На сей раз оказались среди офицеров-повстанцев хорошие знакомые Чопов-

ского и нам даже дали «казенных» лошадей, телегу и надежного возницу для путешествия в Триполье.

В Обухове же я успел повидаться и переговорить с местным раввином и представителями местного еврейского населения. Раввин снабдил нас деньгами, так как наши средства были на исходе, а опыт предыдущих дней не внушал уверенности в том, что мы скоро доберемся в Киев. Еврейское население в это время еще не имело оснований опасаться погромов. На многих зданиях и столбах в Обухове (и вообще по пути, по которому мы ехали) были расклеены воззвания Директории. Я сам читал несколько таких воззваний и могу засвидетельствовать, что в них население призывалось к соблюдению порядка и уважению к чужой жизни и собственности. «Евреи—наши братья»,—гласили эти воззвания.

Далее, указывалось на всю позорность погромов царского времени и на то презрение к России, которые они вызывали у других народов, и объявлялось равенство и братство всех народов, населяющих Украину.

Тон воззваний был убедительный, а главное они были написаны простым, понятным для народа языком и дышали теплотой и искренностью. Безусловно, у Директории были самые благие намерения не только предотвратить гибельные для восстания и его целей анархию и погромы, но всячески обеспечить мирное и дружное сожительство всех народов на началах полного равенства.

Местечко Триполье расположено весьма живописно на берегу Днепра, в гористой местности. Часть построек разбросана на вершине гор, часть—на откосах, сбегающих к реке. По реке от Киева до Триполья около 50 верст, а по прямой линии—немногим больше сорока.

В 7—8 верстах от Триполья, вверх по течению, ближе к Киеву, находится дачный поселок Плюты, одно из излюбленных мест летнего пребывания киевлян.

Мы подъехали к Триполью около 10 часов вечера. В местечко ведут из Обухова две или три дороги. Конечно, ни возница, ни мы не могли знать о том, что повстанцы распорядились, чтобы ночью въезжали в Триполье лишь по одной из этих дорог. И мы попали как раз на запретный путь... Лошади неслись вовсю, они как бы чувствовали близость конца путешествия, а может быть, подгонял холодный ветер...

Вдруг вдогонку нам послышались выстрелы и крики. Мы остановились и нас быстро нагнал казачий разъезд. Стали объясняться. Сошли с телеги и пешком, снова под конвоем, направились в трипольский штаб. Наконец на сей раз в помещении штаба оказались уже и мои знакомые из числа родственников крестьян, которых я защищал в свое время по делам о самосудах, убийствах, в драке и т. д.

Нас встретили очень приветливо. Решено было поместить нас

в одном из лучших домов местечка, у зажиточного купца Половинчика. Тут же нам гордо сообщили о том, что все пароходы задержаны и отведены в Плюты, где находятся под охраною разъезда казаков.

Это был тяжелый удар... Мы снова были отрезаны от Киева.

Но нельзя было даже показать и тени неудовольствия. А между тем повстанцы переоценивали значение для них захвата пароходов. Было морозно, река должна была остановиться со дня на день, и налет на Киев с Днепра, на пароходах, уже все равно не мог осуществиться...

Но разве в дни стихийного восстания есть время логически размышлять, взвешивать?

Нас отвели к Половинчикам. Старики-хозяева оказались на редкость милыми и гостеприимными людьми. У них уже поселили несколько человек из пассажиров, снятых с пароходов и застрявших поневоле в Триполье, а также эконома или управляющего именем соседнего с Трипольем помещика, Орлова, оставшегося нам потом весьма памятным.

Нас заботливо накормили и уложили спать.

На следующее утро меня навестил капитан одного из пароходов, находившихся под стражей в Плютах. Он пришел с утра в местечко и узнал от жителей, что я нахожусь в Триполье, у Половинчика. Капитан предложил Фещенко-Чоповскому и мне перебраться к нему на пароход. Но Фещенко-Чоповский считал неблагоразумным удаляться так далеко от трипольского штаба, где нас знали и где, казалось, мы были в безопасности. Пришлось с ним согласиться, о чем мы оба на другой день очень пожалели...

Кажется, был воскресный или праздничный день. На площади, на горе, собралась многотысячная толпа. Священники вышли с хоругвями, иконами...

Народ приносил присягу Директории. На другой день около 12 ч. дня поднялась тревога. Все население местечка стремглав бежало на самую высокую гору, откуда открывался вид на Днепр и на далекие просторы. Взобрались на гору и мы.

Словно белые лебеди, плавно неслись одни за другим по реке, уже значительно выше Плютов, пароходы... Вспомнились дивные, трогательные описания норвежских писателей о последних пароходах, покидающих перед наступлением зимы маленькие норвежские города с замерзающими фиордами.

Скоро все объяснилось. Из Киева, оказывается, пришел «бронированный», как говорили в толпе, пароход. С парохода дали залп по берегу, после чего казаки, охранявшие пароходы, разбежались. А так как по недосмотру повстанцев все пароходы все время не тушили огня и стояли на парах, то все случившееся представлялось ясным.

Позже, в Киеве, я узнал, что пароходные общества и частные пароходовладельцы, желая спасти свое имущество, пригласили

безработных в то время немецких солдат помочь им, и те за хорошее вознаграждение выполнили всю эту операцию.

По реке уже шел лед и для судеб восстания было безразлично, где зазимуют эти пароходы—в Плютах или в Киеве. Но было нечто отнюдь не безразличное во всей этой истории.

Разнесся слух, что выпущенным с парохода залпом ранен один казак. Так и не знаю, соответствовало ли это действительности. Но слух о пролитой крови пьянил и возбуждал повстанцев.

Тут же вдруг показался аэроплан, прилетевший из Киева, и стал кружиться над местечком... Толпа разбежалась. Но тревога оказалось напрасной. Аэроплан вскоре улетел, не сбросивши ни одной бомбы.

В 5-м часу дня мы решили пойти в штаб посовещаться о нашей дальнейшей судьбе. Когда же Орлов обратился ко мне за советом, не пойти ли и ему вместе с нами, я, к сожалению, ответил утвердительно.

На большой площади, у здания штаба, кишела огромная толпа. Снова в рядах повстанцев мелькнули подозрительные лица. То были, несомненно, представители той накипи, которая стала облипать в эти дни первоначальное, здоровое ядро, первые кадры восстания.

Вдруг от толпы отделилось несколько человек, которые окружили Орлова и с криками «кровопийца», «довольно сосал мужицкую кровь» и т. д. куда-то его потащили.

Раскаяние, что я дал Орлову такой неудачный совет, а может быть, и профессионально создавшаяся привычка правозаступничества толкнули меня на весьма опрометчивый шаг,—я бросился вдогонку за Орловым, вступился за него. Начались угрозы по моему адресу. Но тут подоспели знакомые из штаба. Из толпы раздались возгласы: «да это из тех, что ехали к французам, это свои, они за нас». Очевидно весть о делегации, поехавшей в Яссы, стала известной и широко распространилась в Триполье в связи с нашим пребыванием.

Меня и Фещенко оставили в покое, Орлова же повели в здание штаба. Это уже было гарантией, что над ним не учинят по крайней мере самосуда. И я уже не жалел о том, что вмешался в это дело.

Штаб должен был считаться с толпою и продержал Орлова довольно долго в заточении. Об его освобождении я узнал значительно позже, в Киеве, от него самого.

Наступившая ночь оказалась самой тяжелой, самой страшной частью нашего злополучного путешествия. Около 10 часов вечера в квартиру Половинчиков ввалились три пьяных солдата и потребовали от нас всех предъявления документов. Особенно долго они рассматривали почему-то мой паспорт. В конце концов они заявили, что заберут его. Тогда Фещенко-Чоповский прикрикнул на них и потребовал в свою очередь от них предъявления ордера от штаба на предмет проверки документов. Солдаты несколько смутились, паспорта моего не взяли, но, уходя, заявили, что еще возвратятся...

У меня мелькнула мысль о том, не пало ли на меня подозрение в прикосновенности к истории с пароходами. Имя моего отца было в течение 50 лет связано с днепровским пароходством, как бывшего пароходовладельца и бессменного директора пароходных обществ. Я также состоял одно время юрисконсультом пароходных обществ... Час от часу становилось не легче...

Наше положение было безвыходное. Усадьба Половинчика находилась довольно далеко от штаба. Мирное население уже знало, выйти из дому было весьма опасно, так как можно было попасть в руки таких же самочинствующих буянов и грабителей.

Вдруг послышалось, что к нашей усадьбе подъехал экипаж или телега. Оказалось, что приехал из Обухова наш знакомый офицер, которого направили на ночлег к Половинчику. Это спасло нас от большой, уже нависавшей опасности. Не успели мы раздеться и лечь, как раздался сильный стук в двери. Пьяные солдаты, согласно своим угрозам, вернулись для продолжения «допроса».

Но офицер знал, как их выпроводить. В эти дни престиж офицера еще сдерживал солдата. Пронеслось...

Конечно, все это—пустяки в сравнении с тем, что переживало еврейство в дни погромов. Но я подробно остановился на всех этих происшествиях для характеристики того перелома, который на наших глазах уже начинался в рядах восстания. Назревало разложение, анархия, начинались самочинные действия, власть ускользала из рук тех, кто стоял во главе, был руководителем и вдохновителем восстания.

Часто я вспоминал впоследствии этот наглядный пример полного бессилия трипольского штаба в деле наблюдения за ночными буянами-повстанцами, а также и беспомощности пред этими буянами Фещенко-Чоповского, столь видного украинского деятеля, бывшего еще так недавно министром демократического правительства.

На другой день мы твердо решили покинуть Триполье. С раннего утра на площади шел митинг. Это нам дало возможность уехать незаметным образом. Лошадей нам дали знакомые из штаба.

Поехали опять на Обухов... Повстанцев в этот день уже не встречали. Очевидно, произошли какие-то передвижения в этом районе. В Обухове переночевали. На следующий день перебрались в Васильков, оттуда—прямо на вокзал, а к вечеру мы были снова в Боярке в нашей штаб-квартире, у того же разбитого корыта...

Но зато можно было, наконец, переодеться в свежее белье, так как мы снова вернулись к нашим чемоданам.

Удаляясь от Триполья, мы долго думали о том, сколь ужасно положение мирных жителей маленьких городов и местечек в дни восстаний и революции. Жутко было вспомнить о стариках Половинчиках, которые столько из-нас всех, постояльцев, выстрадали и в результате остались в Триполье...

На следующий день—старая канитель: обсуждение новых проектов продвижения на Киев. В этот же вечер мы узнали, что и

Боярке находится немецкий отряд с майором во главе. На следующее утро мы впервые за все это время расстались с Фещенко-Чоповским. Он не хотел пойти со мною к немецкому майору, отчаявшись в возможности попасть в Киев до взятия его повстанцами. Между тем я возлагал большие надежды на немцев и не сомневался в том, что они дадут нам во всяком случае хороший совет и указания. Мы условились, что Фещенко никуда не выйдет до моего возвращения, и я отправился с нашим общим пропуском к майору.

Как только я назвал ему моих знакомых из состава немецкого командования, он принял живейшее участие в нашей судьбе. В этот день, с согласия обеих сторон, на линии Боярка—Святошин—Киев было назначено перемирие, вызванное передвижением немецких отрядов в связи с эвакуацией ими Украины. Майор предложил нам отправиться с четырьмя немецкими солдатами, идущими в это же утро через Святошино в Киев. Я с радостью принял это предложение и просил познакомить меня с этими солдатами. Они оказались весьма любезными и сговорчивыми людьми. Через четверть часа мы уже двинулись в путь и, согласно условию, зашли сначала за Фещенко-Чоповским.

Можно себе представить, как изумился Фещенко-Чоповский, когда увидел меня в сопровождении немцев. Наш хозяин-техник острил, что мы снова к нему возвратимся... Но на сей раз он ошибся. По дороге нас остановил, и то один только раз, повстанческий отряд, но, осмотрев документы, пропустил дальше.

Уже подходя к Святошину, мы наткнулись на первый сторожевой пост гетманских войск, все еще оборонявших Киев.

В составе отряда, охранявшего этот пост, оказался сын одного из профессоров киевского политехникума, лично знавший Фещенко-Чоповского. У нас даже не спросили документов, и мы проследовали с нашими попутчиками-немцами прямо к святошинскому трамваю, который доставил нас в Киев.

За чемоданами мы послали в Боярку нарочного уже после того, как Директория вступила в Киев.

Глава II.

Ожидания в Киеве представителей Антанты. — Вступление Директории в Киев. — Правительство и политика Директории. — Министерство по еврейским делам.

Еще в ноябре все население Киева ожидало со дня на день прибытия в Киев представителей Антанты. Имя Энно не сходило с газетных столбцов. Телеграммы из Одессы часто приводили всякие его заявления о ходе событий. Получалось впечатление, что Энно представляет собою лицо с неограниченными полномочиями от французского правительства. И только позже выяснилось, что значение Энно было весьма небольшое и что настоящие пол-

номочия были в руках французского военного командования, высадившегося в Одессе в декабре 1918 года.

Слухи по Киеву ходили самые нелепые, вплоть до утверждения, что в Одессу прибыл дипломатический представитель Америки с большим штабом и что эти граждане Соединенных штатов направляются в Киев. А французов и англичан многие даже «видели собственными глазами» на киевском вокзале.

Так и остается по сей день непонятным, почему в этих ожиданиях были забыты итальянцы, ближайшие из великих держав, соседи Украины со стороны Черного моря. Но факт таков, что обывательская фантазия облюбовала французов, англичан и американцев. Готовились даже депутации к их встрече, писались приветственные адреса...

Большинство киевского населения сознавало все опасности гражданской и междоусобной войны в эти дни разбушевавшихся страстей. И вполне понятно, что мирный обыватель, который больше думает о себе и своем благе, нежели о судьбах грядущих поколений, с уходом немцев стал побаиваться за себя и за свою судьбу. Справедливость требует признания, что в течение всей немецкой оккупации Украины в городах и местечках наблюдался образцовый порядок, жизнь и имущество находились в полной безопасности. Правда, нелегко приходилось зато деревне, у которой немцы реквизировали хлеб, скот и т. д.

Боязнь большевистского нашествия с севера, растерянность гетманских войск в обложенном со всех сторон повстанческими войсками Киеве, неизвестность окончательного исхода борьбы—такова была сгущенная атмосфера, которая нависла в ноябре и в первой половине декабря над Киевом.

Неудивительно, если все взоры мирного городского населения обращались к Одессе, если так пламенно ждали из-за моря варягов...

Но варяги не являлись...

Между тем в Киеве начиналось разложение среди войск, оборонявших город. На окраинах по ночам уже нельзя было показываться, особенно евреям. Стал безудержно выявляться антисемитизм добровольческих частей, к защите коих прибегло гетманское правительство, все учащались случаи избиения евреев в глухих и малонаселенных местах города, ограбление квартир.

14 декабря гетман подписал отречение и скрылся из Киева.

Вскоре в Киев вошли победоносные войска Директории, а вслед затем состоялся торжественный въезд и восторженная встреча населением самой Директории.

Горячую, задушевную речь от имени еврейской общины произнес при этой встрече Н. С. Сыркин. Энтузиаст возрождения еврейского народа, он понимал тождественные стремления Украины к свободному национально-государственному существованию. Увы, этот праздничный день мирного ликования, к которому так искренно приобщился Сыркин и его единомышленники, оказался для него роковым. Он простудился, слег, и вскоре его не стало.

Правительство Директории составилось из представителей трех партий, принимавших участие в восстании. Премьер-министром был назначен В. М. Чеховский. Он же взял на себя портфель министра иностранных дел. Вообще главными руководителями судеб Украины оказались на сей раз украинские социал-демократы. Глава Директории и глава армии, Винниченко и Петлюра, принадлежали к составу этой партии.

Вскоре стал определяться основной тон политики Директории. Винниченко шел быстрыми, безудержными шагами влево. В этом его усилению поддерживал Чеховский, который со времени выборов в I Государственную думу сохранил еще всю свежесть молодой веры в возможность немедленного переустройства мира на социалистических началах.

О Петлюре, напротив, утверждали, что он представляет собою правое крыло партии и склоняется к совместной работе и соглашению с буржуазией. Но он был в то время всецело поглощен работой по армии и, видимо, не играл руководящей роли в политике Директории и правительства.

Появились воззвания Директории с выпадами против буржуазии. Этот открытый поход против буржуазного строя привел к самым тяжелым последствиям. Стали печататься и распространяться от имени штаба какой-то военной организации прокламации, в которых общее понятие буржуазии уже дополнялось пояснениями, что в ее состав входят главным образом национальные меньшинства—великороссы, евреи и поляки. Это уже было прямым разжиганием не только классовой, но и национальной вражды.

Затем началось насильственное перекрашивание вывесок. Ефремов в «Новой раде» и другие трезвые украинские политики тщетно протестовали против этих крайних, недопустимых выявлений шовинизма. Вскоре последовали обыски сейфов, выемки золота и драгоценностей, эти первые финансовые опыты молодого социалистического правительства.

Весь этот максимализм, быстрота и натиск отшатнули от Директории буржуазные слои населения, а таковые составляли большинство населения Киева. Между тем при более умеренной и спокойной политике Директория могла найти поддержку всего городского населения. Крестьянство же очень мало интересовалось походом министра финансов на киевских ювелиров и ждало разрешения земельного вопроса.

Итак, Директория и правительство решили резко отмежеваться от буржуазии и строить государство лишь силами социалистических партий и пролетариата. Но это было уже почти той же программой-максимум, как и программа большевиков. Впрочем Винниченко к этому и стремился, но он хотел провести грань между московским большевизмом и своей программой на почве вопроса о самостоятельном и независимом существовании Украины. Кроме того он верил еще в то время, что Директории удастся сохранить всю полноту власти.

То был заколдованный круг. Нельзя было в одно и то же время и противопоставлять себя большевизму и воспринимать почти целиком его программу. Винниченко переоценил и свои собственные силы и силу движения. Надо было остановиться на одном из двух: либо строить Украину по образу и подобию уже существующих в Западной Европе и Америке демократических государств, либо объявить себя сторонником советской системы, отказаться от общения с буржуазной Западной Европой и договориться с Москвой о разделении сфер власти.

Но Винниченко был не только горячий украинский патриот. Он унаследовал от общерусской культуры самую характерную черту российской интеллигенции—ее веру в мессианское назначение России. Винниченко перенес эту веру на свою родную почву. Он ждал, что украинский народ явит всему человечеству чудо и вынесет на своих плечах бремя устроения своего государства на социалистических началах. В возможность такого чуда искренно верил и Чеховский, в котором причудливо сочеталось богословско-мистическое миросозерцание с его преданностью социал-демократической догме.

А между тем всякое большое народное движение только тогда достигает намеченных целей, когда таковые являются вполне ясными и не очень сложными для восприятия. Лозунги должны быть краткими, сжатыми и по форме, и по содержанию. «Большевизм—это значит не воевать», вспоминались мне лаконические изречения солдат на выборах в Черниговской губернии. А тут звали народ на одновременное осуществление и национальных и социалистических идеалов в их сложном взаимном переплетении, надуманном кабинетными людьми, но весьма неясном и туманном для человека от плуга или станка, для огромной массы крестьянства, рабочих, мелких городских ремесленников,—словом, для всех тех, кто не причислялся тогда к буржуазии.

Вскоре Директория и правительство почувствовали всю тяжесть взятого ими на себя бремени. Конкретная цель восстания была достигнута, гетман низложен, Киев взят. Лучшие элементы повстанческой армии стали расходиться по домам. Те же, кто шел ради наживы и грабежа, были весьма разочарованы... Впоследствии они нашли себе применение и запятнали доброе имя первоначального состава украинской армии зверскими погромами евреев, грабежом, убийствами и издевательствами.

В Одессе в это время наблюдалось мирное сожительство представителей Антанты с русской Добровольческой армией. Антанта проявляла полное безразличие к идейной стороне украинского движения. Французы как бы окопались в Одессе и ее окружности и не проявляли признаков дальнейшего продвижения. А на севере накоплялись большевистские тучи, готовые разразиться над Украиной...

Тогда, наконец, призадумались. За бортом государственного корабля оказались почти все умственные силы Украины, Директория

осталась в одиночестве с небольшой горсточкой людей, способных к государственной работе, из числа «трех партий, принимавших участие в восстании».

Начались переговоры Директории и правительства с партиями центра. В министерствах, в центральных учреждениях и на местах нехватало опытных людей. Надо было организовать представительство за границей, послать миссии во все государства.

Однако и в это время решено было искать сотрудничества «справа» лишь для чисто технических заданий. Общий же курс и направление должны были оставаться прежними. Речь шла, в первую очередь, о должностях товарищей министров, директоров департаментов и т. д...

С другой стороны, Директория понимала, что партии центра и не согласились бы взять на себя ответственность за продолжение той же политики и поставили бы, в качестве условия своего вхождения в кабинет, требование о самой коренной и радикальной перемене всей системы, всего режима.

«Оказание технической помощи» началось с назначения Фещенко-Чоповского в качестве товарища министра торговли и промышленности. Затем в связи с предстоявшей посылкой за границу дипломатических миссий возник вопрос о назначении меня товарищем министра иностранных дел и о моей поездке за границу.

Наша партия стала на ту точку зрения, что серьезность момента обязывает всех нас к оказанию Директории посильной помощи, хотя бы на первых порах и чисто технической. Но помимо того было ясно, что фактически сдвиг в первоначальной позиции Директории уже наступил и что за первым шагом вправо последуют дальнейшие.

Лично мне деятельность в области внешней политики представлялась чрезвычайно важной в смысле возможности контакта с Западной Европой и ее влияния на ход событий. Я принадлежал в этом отношении к той среде мирных обывателей, которые одинаково боялись и опытов российских реставраторов и опытов нашего кустарного социалистического движения. И если старые призраки царской России с ее погромами были еще столь свежими в моей памяти, то и те миражи, которые уже смутно вырисовывались тогда на горизонте прямого и безудержного устремления к социалистическому строю, заставляли крепко задуматься... А когда в Конотопе и Бахмаче солдаты произвели примерную экзекуцию несчастных пассажиров-евреев, имевших дерзость ехать в поездах по своим буржуазным делам, то стало еще яснее, какие результаты может дать «радикальная ломка буржуазного строя».

Быть может я переоценивал в то время значение помощи, которую могла оказать Украине Западная Европа. Факт тот, что без вмешательства и влияния Европы я не представлял себе возможности избежания продолжительнейшей внутренней, гражданской войны. Но уже и для того только, чтобы отвратить наше-

ствие большевиков с севера, помощь со стороны Антанты была крайне необходимой.

Я поставил вопрос о моей кандидатуре на обсуждение моих товарищей по центральному комитету еврейской территориалистской организации. Речь, конечно, шла не о каком-либо мандате, ибо ЕТО никогда не была политической партией, да и не могла быть таковой по всему строю политического мышления ее родоначальников Зангвилля и Мандельштама. Но мне хотелось узнать мнение близких для меня людей в столь важном вопросе. Мои старые, испытанные друзья высказались в положительном смысле.

Мнение партии и организации, к которым я принадлежал, уже были мне известны.

Оставалось самому мне разрешить этот вопрос окончательно.

К личности В. М. Чеховского, при всем расхождении наших политических взглядов в это время, я относился с большим уважением и теплыми симпатиями. Мы были связаны старыми отношениями, и я знал заранее, что работа с ним будет для меня и легкою и приятною.

В составе министерства находился также профессор О. О. Эйхельман, впоследствии товарищ министра, близкий друг всей нашей семьи, специалист международного права, популярный во всем Киеве и известный своей спартански-скромной жизнью вечного труженика. Из киевского адвокатского сословия в министерстве состояли: А. И. Яковлев, товарищ по комитету партии, который занимал тогда пост директора департамента, и Н. Г. Левицкий, вице-директор того же департамента.

Все это были старые знакомые, с которыми можно было наладить совместную дружную работу. Но решающим для меня было то обстоятельство, что вопрос шел о моей работе в самом министерстве лишь в течение 2—3 недель для ознакомления с составом заграничных миссий и завершения их организации, после чего я должен был выехать в Одессу для переговоров с французским военным командованием, а затем в Париж в качестве члена украинской делегации при конференции мира. Звание же товарища министра было необходимо для того, чтобы у меня была возможность выступать от имени правительства не только в Париже, но и в Одессе, и в Лондоне, и т. д.

Такая работа представлялась мне наиболее для меня приемлемой ввиду моей веры в необходимость помощи со стороны Западной Европы. И я принял на себя в первых числах января предложенный мне пост с доброй верой в возможность быстрого получения этой помощи.

В министерстве иностранных дел я застал работу по составлению заграничных миссий почти законченной. Главное внимание было обращено на состав делегации, едущей в Париж. К сожале-

нию, я не имел тогда никакого представления о Г. М. Сидоренке, главе этой делегации. Он находился в это время в Яссах и собирался проехать прямо в Париж. Точно так же я совершенно не знал д-ра Панейко, известного галицийского деятеля и публициста. Но зато личность А. Я. Шульгина, бывшего министра иностранных дел при Центральной раде, третьего делегата дипломатической секции в Париже, была мне не только близко знакомой, но сулила все возможности ценного и плодотворного сотрудничества. Я знал Шульгина еще студентом. Он принадлежит к числу наиболее благородных, искренних и культурных украинских деятелей, и можно было заранее предвидеть то хорошее впечатление, которое он произведет в Париже.

Кроме Шульгина и меня, из членов нашей партии были назначены: юрисконсультом делегации—сенатор С. П. Шелухин, в качестве советника политической секции—М. А. Кушнир. На пост советника делегации по экономическим вопросам был назначен также член комитета нашей партии, проф. М. И. Туган-Барановский. Как уже упоминалось выше, эта крупная сила безвременно ушла из мира сего. Уже по дороге в Париж Туган-Барановский скончался от припадка грудной жабы.

Во главе дипломатических миссий в Турцию, Грецию, Швейцарию, Бельгию и Голландию, Финляндию и Швецию оказались также социал-федералисты. Из рядов той же партии были назначены впоследствии представители для Румынии, Скандинавии и Англии. Вообще наша партия отдала для заграничной службы большую часть членов своего центрального комитета.

Уже при мне состоялось назначение известного еврейского историка и публициста д-ра М. Л. Вишницера секретарем дипломатической миссии в Англию. В качестве человека, знающего несколько иностранных языков, я рекомендовал молодого врача, д-ра Зархи, известного мне по его работе в еврейской территориалистской организации. Он был зачислен в политическую секцию парижской делегации. Наконец из еврейской молодежи были назначены в состав заграничных миссий студенты Кулишер, Рабинович и Глузман.

Мои старания и представления о назначении некоторых из моих товарищей по Державному сенату в Италию и Испанию не увенчались успехом. Итальянская миссия уже была сформирована, во главе ее стоял известный украинский деятель, Д. В. Антонович. Посылка же миссии в Испанию и Португалию затянулась и не состоялась и по сей день.

За короткое время моей работы в министерстве я исключительно был поглощен этим вопросом о заграничном представительстве. Между прочим я усиленно уговаривал В. И. Лацкого, когда министерство иностранных дел предложило ему вступить в состав нашей парижской делегации, принять это назначение. Но он не мог последовать моему совету, так как был связан партийной дисциплиной в качестве председателя еврейской фолькспартай,

Его вступление могло быть истолковано, как одобрение этой партией всей политики Директории. Между тем в это время уже выявилось резкое расхождение Директории с наиболее численной сионистской партией и некоторыми другими еврейскими партиями и организациями по вопросу о способе назначения министра по еврейским делам...

Сионисты и фолькспартай исходили из начал парламентаризма и требовали, чтобы на этом посту был представитель еврейских партий, имеющих за собою большинство еврейского населения. Директория же хотела видеть в лице министра по еврейским делам обязательно представителя еврейских социалистических партий.

Этим объяснялось и назначение поалей-сиониста Ревуцкого на названный пост при формировании правительства Директории и отрицательное отношение к факту такого способа назначения со стороны названных выше еврейских партий.

Глава III.

Поездка в Одессу. — Переговоры и проект соглашения представителей Украины, Дона, Кубани и Белоруссии. — Французское командование в Одессе. — Еврейские погромы.

Мой отъезд в Одессу был назначен на 26 января 1919 года. Со мною должны были выехать бывший товарищ министра торговли С. В. Бородаевский и чины министерства финансов со специальными поручениями. В мое распоряжение был предоставлен вагон, в котором я и мои попутчики предполагали иметь наше жительство в Одессе.

Перед самым отъездом я заехал к генералу Грекову, который уже был назначен тогда военным министром. Он успел уже побывать в Одессе, вступил в сношения с французским военным командованием.

Я взял у него письма к генералу д'Ансельму и начальнику штаба, полковнику Фреданберу, так как было нежелательно создавать впечатление, что между представителями украинского правительства нет единства действий.

На вокзале творилось нечто невообразимое. Это были первые дни начинавшейся паники по случаю быстрого продвижения большевиков к Киеву. Этим же поездом ехало две или три миссии, направлявшиеся через Проскуров и Галицию в места своего назначения.

На перроне я встретил В. Э. Бруиста, бывшего товарища министра земледелия в период гетманства. Он обратился ко мне с просьбою предоставить ему место в моем вагоне, так как поезд был уже совершенно переполнен. Кроме него ко мне обратилось еще несколько человек с такою же просьбою. Конечно, нельзя было не согласиться. Затем, по пути, все время в наш вагон садились люди уже без спроса, так как на станциях царила пол-

ная анархия. В Казатине же мы почувствовали полную деморализацию местной власти. К нам в вагон ввалился комендант станции. Ни объяснения наши о том, что этот вагон служебный, всецело нам предоставленный, ни наши документы не возымели на него воздействия. Он непременно хотел «произвести ревизию вагона». Когда же мы сослались на то, что едем по поручению Директории и принесем таковой жалобу на задержку в пути (поезд и без того уже бесконечно стоял в Казатине), он ответил, что теперь нет над ним начальства и что Директория—это тоже товарищи.

В конце концов он заставил меня купить билеты за нескольких пассажиров (это были крестьяне и железнодорожные служащие), которые влезли в наш вагон на промежуточных станциях. Надо было покончить всю эту гнусную канитель, истинные мотивы коей были из той же области, что и все последующие в ту эпоху более трагические подвиги станционных помпадуров, пора было, наконец, тронуться в путь, и я оплатил стоимость 7 или 8 билетов 1-го класса, хотя потом оказалось, что без билетов было всего двое или трое.

Привожу этот факт, как чрезвычайно показательный. Если уже в ночь на 27 января в Казатине так обращались и так разговаривали с членами правительства, то можно ли было удивляться всему тому, что вскоре разыгралось? Власть Директории уже ограничивалась Киевом и ближайшим районом. В Казатине была уже своя самочинная власть!..

Поезд шел черепашьим шагом, мы приехали в Одессу только на следующий день, поздно вечером.

Утром к нам явился в вагон полковник украинской службы П., ближайший сотрудник украинского военного представителя при французском командовании, ген. Матвеева. Он предложил нам свои услуги по вопросу о свидании с французами. Я вручил ему запечатанные письма военного министра, его прямого начальника, и просил передать их немедленно по назначению и получить для меня ответ. Точно так же и Бородаевский просил устно доложить французскому военному командованию его просьбу принять его по весьма важному делу.

А дело было, действительно, важное. Добровольческая армия захватила в Одессе после ухода оттуда украинских войск клише для печатания ассигнаций достоинством в 50 карбованців, и усиленно пользовалась этим клише. Бородаевский и приехавшие с ним чины министерства финансов и должны были заявить протест пред французским командованием о недопустимости такого рода печатания денег представителями Добровольческой армии. Прошло несколько дней. Мы ежедневно справлялись у Матвеева и его сотрудников об ответе французского командования, но каждый раз получали ответ, что д'Ансельм и начальник штаба очень заняты, а потому извиняются и просят подождать еще день-другой.

Наконец совершенно случайно выяснилось, что французам даже

ничего не было сообщено о нашей просьбе назначить нам свидание и что письма ген. Грекова были распечатаны, прочитаны и не доставлены по адресу... Когда же я попытался установить виновника столь неслыханного злоупотребления по службе, то все стали обвинять друг друга.

Кроме военной миссии с Матвеевым во главе, в Одессе находился в так называемой специальной миссии мой предшественник по должности товарища министра д-р Галип, буковинец, также назначенный в состав парижской делегации, но приехавший в Париж лишь в конце лета 1919 года. С Галипом я тогда в Одессе впервые и познакомился.

Наконец время от времени в Одессу наезжали с чрезвычайными полномочиями министры Остапенко и Греков.

Вскоре я нашел путь к французскому командованию помимо г-на Матвеева. Но было ясно, что и в Одессе уже начались разложение, интриги и самочинные действия.

Матвеева вскоре уволили. Но лишь с назначением и приездом в Одессу в качестве министра иностранных дел с обширнейшими полномочиями К. А. Мациевича закончились местные одесские интриги.

На другой же день по приезде в Одессу меня навестил С. М. Шемет и предложил мне познакомиться и вступить в переговоры с представителями Кубани и Белоруссии, находящимися в Одессе с такими же заданиями, как и мы. Я охотно принял это предложение и в тот же день состоялась наша первая встреча. Во главе кубанской делегации стоял известнейший деятель Кубани Л. Л. Быч, пользующийся популярностью и за пределами Кубани, а особенно на Украине.

Белорусскую делегацию возглавлял инженер Баханович, о котором у нас не было никаких сведений. Баханович производил впечатление очень толкового и способного человека.

Решено было на первом же совещании составить общее заявление на имя французского командования о политических стремлениях Украины, Кубани и Белоруссии, о методах борьбы с большевизмом и о той помощи, которой мы ждем от держав Антанты. Затем к нам присоединился и представитель Дона, бывший в то время в Одессе, генерал Черечукин.

Составление проекта заявления было возложено на меня. Кроме того было решено составить записку об экономическом положении названных четырех государственных новообразований, что было поручено С. В. Бородаевскому.

Мой проект был принят без особых изменений. Перед подписанием заявления я просил представителей всех украинских партий, имеющихся в Одессе, устроить специальное собрание и обменяться суждениями о содержании заявления. Собрание состоялось, были представлены социал-революционеры, социал-демократы, социал-фе-

дералисты и хлеборобы-демократы [1]). Я выслушал мнение собрания. Некоторые не соглашались кое с какими деталями, но общий смысл заявления был одобрен. После этого я со спокойной совестью подписал этот документ, в котором были изложены мои сокровенные мысли по основному вопросу о путях возможного воссоздания в тот момент государственного порядка на развалинах и хаосе, в котором уже пребывала тогда почти вся огромная территория рухнувшего российского государства.

Вместе со мною от имени украинского правительства заявление подписал д-р Галип, от Кубани—Л. Л. Быч, от Белоруссии—Баханович, от Дона—генерал Черечукин. Настроение у всех было в момент подписания торжественное. Верилось, что найден общий язык. Помню, почтенный генерал Черечукин даже осенил себя крестным знамением перед подписанием.

Привожу полностью текст этого заявления:

«Нижеподписавшиеся, представители Украины, Белоруссии, Дона и Кубани, собравшиеся в Одессе, на совместном совещании, постановили обратиться к верховному командованию держав Антанты с нижеследующим меморандумом по вопросам:

1) о форме государственного устройства этих территорий, равно как и соседних с ними государственных образований;

2) о путях и методах для подавления анархии и большевизма во всех тех государствах и частях, на которые распалась Россия.

I.

Самые убежденные сторонники непосредственного и немедленного переустройства прежнего унитарного российского государства на федеративных началах должны признать, что события последних 18 месяцев в связи с катастрофой, постигшей Россию после большевистского переворота 25 октября 1917 года, создали непреодолимые препятствия для осуществления такого рода «федерации сверху».

Вообще история возникновения государств знает мало случаев прямого и непосредственного перехода от централизованной и унитарной формы государственного устройства к федеративной. Такого рода опыты были применены с большим или меньшим успехом в некоторых южноамериканских государствах (Боливия, Венецуэла и т. д.).

Но страны, наиболее известные своим образцовым федеративным устройством, пришли к федерации не сверху, а снизу. Соединенные штаты Северной Америки и Швейцария образовались путем соединения отдельных штатов или кантонов. Переход от союза государств к союзному государству—таков был результат исторической эволюции и хода событий в этих государствах.

Свободное соглашение, основанное на доброй свободной воле отдельных государств или кантонов, предшествовало такого рода реорганизации на федеративных началах.

Пример южно-американских государств вдохновлял те политические партии, которые ввели в свою программу переустройство России в федеративное государство.

В пользу федерации определенно высказались вслед за государственным переворотом от 27 февраля 1917 года Большой войсковой круг Дона, областная кубанская рада и белорусская рада, как и большинство политических партий российских, украинских и других. Всероссийское учре-

---

[1]) Из киевлян присутствовали Шемет и Мациевич. Последний еще не был тогда министром и приехал в Одессу в роли общественного деятеля.

дительное собрание успело за короткие часы своего существования провозгласить, что Россия должна быть организована на федеративных началах.

Но после этого Россия фактически распалась. В результате исчезновения центральной власти те части страны, которые не признали большевистского режима, организовали при помощи здоровых элементов местную власть и были вынуждены объявить себя суверенными государственными единицами.

И не было уже той центростремительной силы, которая могла бы не только прокламировать, но и осуществить такого рода переустройство старого здания на новых федеративных основаниях.

В настоящее время федерация сверху была бы возможной только путем вмешательства силою иностранных держав, путем принуждения.

Вне этого пути федерация сверху представляется неосуществимой и остается лишь путь федерации снизу, построенной на добровольном соглашении, как равных с равными, государственных ячеек, которые образовались на развалинах старой России.

Только таковой может быть здоровая и жизненная программа тех федералистов, которые основывают свои построения не только на собственных желаниях и чаяниях, но и на действительном соотношении сил и общем политическом положении.

Исходя из всего изложенного, мы, представители Украины, Белоруссии, Дона и Кубани, пришли к глубокому убеждению, что вопрос государственного устройства этих четырех единиц может получить быстрое и надлежащее разрешение лишь путем отдельного осуществления начал государственности и порядка в каждой из них.

Есть основания предполагать, что и другие государственные образования присоединятся к этой нашей формуле.

И мы обращаемся чрез посредство Высокого союзного командования к державам Антанты с просьбою об оказании возможной помощи национальным стремлениям наших народов к укреплению уже создавшихся отдельных образований.

И лишь после подавления большевизма и анархии, когда население каждого такого образования будет иметь возможность свободно высказать свою действительную волю, наступит время для выяснения тех или иных условий соглашения между ними на началах свободы, равенства и братства всех народов—началах, провозглашенных нашими великими нациями.

II.

Переходя к жгучему вопросу о наилучших и кратчайших путях к ликвидации анархии и большевизма, мы позволяем себе обратить внимание Верховного командования на одно весьма важный и наиболее существенный факт.

Успех в борьбе с большевизмом явится наиболее достижимым в том случае, если эта борьба будет основана на использовании в каждой области м е с т н о г о н а с е л е н и я, как источника живой силы. Защита собственного дома, своего очага, своей семьи, своего порога—таковы должны быть лозунги, к которым следует апеллировать для искоренения большевизма.

Мы обращаемся к союзному командованию также за технической помощью и за всеми теми предметами, которых у нас вовсе нет или которые имеются в недостаточном количестве.

В первую очередь нам необходимы ружья, патроны, митральезы, тяжелая артиллерия, а в особенности танки и блиндированные автомобили. Ощущается недостаток также в военном снаряжении, в обуви, одежде, средствах связи и в санитарных материалах.

Мы полагаем, что не следует осложнять чисто военную задачу борьбы с большевизмом стремлениями к организации е д и н о й армии для операций во всех областях, охваченных его пламенем.

Но мы допускаем, что для более успешной организации борьбы

следует создать общий генеральный штаб для руководства всеми операциями на основе взаимного соглашения государственных новообразований, находящихся в состоянии войны с большевизмом, между собою и в контакте с державами Антанты. Такой штаб не должен был бы вмешиваться в политическую жизнь и внутренние дела государственных новообразований».

Заявление было подано по назначению уже 5 февраля. Оно появилось во всех одесских газетах, вызвало всеобщее к себе внимание и ожесточенные нападки со стороны представителей того политического течения, которое ждало спасения России от Добровольческой армии.

Впоследствии оказалось, что в Одессе находится белорусский консул Некрашевич, оспаривающий правомочность делегации Баховича и имеющий доверенность от белорусского правительства. Мы не могли вторгаться в рассмотрение чужих внутренних дел, а потому удовлетворились тем, что Некрашевич в свою очередь присоединил свою подпись к нашему заявлению, о чем известил и верховное союзное командование. Как мы установили, французы считали Некрашевича представителем более авторитетного течения в Белоруссии.

Со времени подачи заявления прошло больше 2½ лет.

Державы Антанты не вняли тем призывам о помощи *местным* силам, которые потом столь часто повторялись нами и в Париже, и в Лондоне, и в Риме. И лишь падение Колчака, Деникина, Юденича и Врангеля наглядно показало Антанте всю бесцельность и безрезультатность применения всероссийских, *централистических* лозунгов в борьбе с анархией. Единственною силою, которую можно было противопоставить тогда большевизму, был *местный* патриотизм, как творческое начало, в противовес анархии. Было уже тогда ясно, что украинцы не пойдут воевать с большевизмом в Сибирь, что грузины не согласятся умирать на полях Эстонии, что эстонцы уклонятся от наступления на Москву...

Как известно, военное союзное командование было фактически представлено в Одессе французами, а в Новороссийске и Батуме — англичанами. Уже в Одессе мне удалось установить причину такого распределения ролей. Из самых достоверных источников я узнал о существовании между Англией и Францией тайного договора о сферах влияния этих государств на территории Европейской России. Точную дату договора я не знаю, но она во всяком случае предшествует времени заключения Брест-литовского мира.

По этому договору Англии предназначается сфера влияния на севере России (лесная полоса), в Балтике, на Кавказе, в Кубани и в восточной части Дона. Украина же, Крым, Польша и западная часть Дона включаются в сферу влияния Франции.

Впоследствии и в Париже, и в Лондоне я на каждом шагу встречался с фактами, подтверждающими существование этого тайного договора. И только в начале 1920 года стало, наконец, ощу-

щаться, что в этом вопросе огромной политической важности появились какие-то трения и что возможен полный пересмотр и радикальные изменения в отношениях союзников к судьбам Восточной Европы.

Впервые предаю гласности эти сведения, так как считаю это теперь вполне своевременным.

Тогда же в Одессе я узнал о существовании во Франции сильного политического течения в пользу создания в будущем теснейшей связи между Польшей, Украиной и Румынией. Вначале называли и Чехо-Словакию, которая намечалась как четвертое звено в этой цепи. Потом Чехо-Словакия то выпадала из этой схемы, то вновь принималась в качестве одного из намечаемых участников этой антигерманской коалиции.

Позже в Париже выяснилось, что это течение возглавляется влиятельнейшими французскими политическими деятелями. Но параллельно с ним существовало в то время во Франции не менее сильное течение в пользу воссоздания унитарной России.

К более подробному освещению этого вопроса я возвращусь в другом месте.

Свидание с генералом д'Ансельмом убедило меня в том, что он как боевой генерал мало занимается политикой, которую он возложил главным образом на начальника своего штаба, полковника Фреданбера. С той поры я, а впоследствии и Мациевич, и вновь назначенный товарищ министра Бачинский, виделись и вели переговоры исключительно с Фреданбером.

Противоположное впечатление произвел на меня известный французский генерал Бертело, который приехал на несколько дней в Одессу из своей главной квартиры в Бухаресте. Чувствовалось сразу, что этот человек живо интересуется политикой и имеет свои определенные взгляды относительно будущего Восточной Европы. Уже в Бухаресте, при втором свидании с ним, стало ясно, что он является сторонником федеративного устройства бывшего Российского государства.

Киев уже в начале февраля был в руках большевиков. Директория и правительство находились в Виннице. Взаимоотношения французской власти, представителей Добровольческой армии и делегатов украинского правительства были весьма сложными и запутанными. Французы колебались, не знали, на чем остановиться. В полицейском отношении Одесса обслуживалась представителями Добровольческой армии. Но уже на вокзале, например, всем ведал французский комендант.

Пока мы жили в вагоне, на путях у вокзала, мы считались как бы экстерриториальными и были под охраной французского командования. Но не успели мы поселиться с Бородаевским в городе, как в одну из ближайших же ночей к нам нагрянула полиция и арестовала именем Добровольческой армии Бородаевского,

Таков был результат его жалобы французам на захват добровольцами клише...

После этого я поспешил переехать обратно на вокзал в служебный вагон.

Бородаевского продержали в тюрьме больше месяца, пока, наконец, Фреданбер внял нашим хлопотам и потребовал его освобождения. Между прочим, французы мотивировали свое долгое упорство в этой истории с освобождением Бородаевского ссылками на нежелание украинского правительства освободить, по ходатайству французов, бывших министров гетманского периода, Гербеля, Ржепецкого, Рейнбота и других, находившихся в то время под арестом в Виннице. «Исполните нашу просьбу,—говорили нам,—и мы тогда воздействуем на добровольцев и освободим Бородаевского».

Такая постановка вопроса была по своей форме и оскорбительной, и неприемлемой.

Но по существу и Мациевич, и Бачинский, и я были в корне несогласны с правительством, которое медлило с исполнением этой гуманной просьбы французов об освобождении людей, не представлявших в то время никакой опасности.

И мы неоднократно требовали, уже и после освобождения Бородаевского, чтобы это желание французского командования было, наконец, удовлетворено. Уже в апреле, по дороге в Париж из Бухареста я вновь послал категорическую телеграмму по этому поводу с указанием на то, что генерал Бертело настаивает на освобождении Гербеля и остальных узников. И лишь тогда, благодаря ли этой телеграмме или другим причинам, их выпустили, наконец, на свободу.

Перехожу к существенному вопросу о содержании проекта соглашения, которое явилось тогда результатом переговоров представителей Директории с французским командованием. Привожу главные его пункты.

Во-первых, французы потребовали передачи им контроля железных дорог и финансов на Украине. Во-вторых, было поставлено непременное условие об уходе из состава Директории Винниченко и из состава правительства Чеховского, как наиболее левых элементов, вопрос же о Петлюре был оставлен пока открытым. В-третьих, в отношении аграрной реформы вводился принцип вознаграждения собственников.

С своей стороны Франция должна была признать Директорию как фактическое правительство Украины, впредь до разрешения конференцией мира вопроса о суверенности Украины. Далее французское командование обязывалось оказать украинской армии в войне с большевиками помощь как техническую (вплоть до танков), так и людьми, а в особенности инструкторами. В марте в Одессе даже появились греческие войска, предназначавшиеся для этой цели, кроме того намечалось формирование французских и румынских батальонов.

Винниченко и Чеховский еще 6 февраля подали в отставку. Из социал-федералистов в Директорию вошла на сей раз Мациевич, Фещенко-Чоповский, Марковнч, Корчинский.

Проект соглашения был уже изготовлен в письменной форме. Оставалось его подписать.

И вдруг, совершенно неожиданно и внезапно, в последних числах марта представители французского командования заявили, что переговоры о соглашении, по телеграфному распоряжению из Парижа, прерываются...

И уже через несколько дней после этого, 3 апреля, французы приступили к спешной эвакуации Одессы и бросили ее на поток и разграбление большевикам.

И по сей день существует много разных версий о причинах этой эвакуации. Но еще не наступило время и нет пока вполне точных материалов для того, чтобы распутать сложный клубок взаимоотношений держав Антанты в тот одесский период. А без этого нельзя поднять завесы над тайной, которой все еще окутана действительная причина эвакуации Одессы.

С развитием успехов большевиков на украинском фронте рос развал украинской армии, который достиг своего апогея при ее беспорядочном отступлении от Винницы к Каменец-Подольску. Начались страшные, жестокие февральские и мартовские погромы. Прибывающие из Балты, Ананьева, Проскурова и других городов и местечек очевидцы погромов рассказывали о таких зверствах, которые превосходили все, что могло себе представить воображение, и вызывали в памяти печальные дни 1903 года в Кишиневе...

К Мациевичу и ко мне стали обращаться различные еврейские депутации из погромленных мест. Наше положение было кошмарное... Мы бросались от телеграфного провода к французскому командованию, совещались с Грековым... Считаю своим долгом засвидетельствовать, что Греков был искренно подавлен и не менее нас метался и принимал зависящие от него меры. Он поспешил на фронт, издал приказ о предании военному суду и расстреле погромщиков... Но это не возымело никакого действия, да и нельзя было проверить, исполнялись ли уже в это время приказы правительства на расстоянии дальше нескольких верст от его нахождения.

Веря в ту силу гипноза, которая еще заключалась в то время для всего населения юга Украины в самом слове «Антанта», я умолял Фреденберга выступить от имени Франции или всей Антанты с печатным протестом и резким осуждением погромов и с указанием на то, что Украина компрометирует и клеймит себя пред всем миром этими варварскими изуверствами. Но последовал отказ, союзники не пожелали «вмешиваться во внутренние дела Украины»...

А между тем французы были еще хозяевами движения до самой Бирзулы. Мы это очень хорошо знали, так как без разреше-

ния французов нельзя было ни выехать из Одессы, ни проехать, направляясь к Одессе, дальше Бирзулы, где находился французский контрольный пост. Но и после Бирзулы, до Жмеринки и Винницы, все на вокзалах почтительно подтягивались, когда проносился лишь слух, что у станции стоит или ожидается поезд, в котором едет хотя бы один французский офицер... Я лично в этом убедился, когда ездил с Мациевичем в самом начале февраля на один день в Винницу с докладом правительству о переговорах с французами.

В том же экстренном поезде ехал с нами курьер французского командования, который вез Директории пакеты. И уже этого было достаточно, чтобы в Одессе нам дали и паровоз, и пропуск.

Было ясно, что французы могли без всякого труда занять двумятремя батальонами всю линию от Бирзулы до Винницы, а также и линию Жмеринка—Проскуров. И тогда не было бы ни анархии, ни погромов...

Глава IV.

В Париже. — Проект посылки французской военной миссии на Украину. — Аудиенции у Пишона и Клемансо. — Французские ориентации. — Прием у Лансинга.

[Неслыханный рост погромного движения и полное бессилие украинского правительства с ними справиться побуждают автора в марте 1919 г. оставить пост товарища министра иностранных дел. Он остается, однако, членом украинской мирной делегации и в этом качестве выезжает в Париж, куда и прибывает в апреле.]

В первые же дни моего приезда в Париж я стал посещать министерство иностранных дел, где имеется специальный «отдел по русским делам». Согласно распределению работы в нашей делегации, Шульгин и я должны были обратить в то время особое внимание на Францию и ее отношение к украинскому вопросу. На общих течениях французской политики я остановлюсь немного позже. Пока же в интересах хронологической последовательности я должен специально выделить ту частную задачу, которую наша делегация тогда преследовала.

Уход французов из Одессы отнюдь не предрешал их дальнейшего отношения к Украине. И нам не без оснований представлялось, что Франция предпочитает в качестве театра военных действий Украины против большевиков не Черное море, а Галицию. А так как и украинское правительство находилось в это время как раз у границ Галиции, то мы и прилагали наши усилия к тому, чтобы была послана французская военная миссия и всякая иная помощь для оказания поддержки украинской армии.

Уже 6 мая Шульгин представил министерству меморандум по этому вопросу.

19 мая последовал официальный ответ министерства иностранных дел. Ввиду огромной важности этого документа, характеризующего взгляды французского правительства того времени, полагаю наиболее целесообразным привести его полностью.

На бланке «отдела по русским делам» министерство запечатлело нижеследующее:

«6 сего мая г. Шульгин обратился с меморандумом, в котором ссылается на предыдущие обращения к французскому правительству с целью получения от него материальной и моральной помощи, необходимой Украине для успешной борьбы против русского большевизма.

Французское правительство счастливо засвидетельствовать полное соответствие его собственным чувствам позиции, занимаемой украинцами по отношению к большевикам, которые являются прежде всего врагами человечества. Французское правительство не может остаться индифферентным к обращенным к нему призывам в этом вопросе. Оно расположено к посылке в настоящее же время в Галицию военной миссии, усиление которой будет зависеть от разрешения некоторых спорных вопросов, в направлении, согласном с взглядами конференции мира.

Во всяком случае, имея в виду настоящие политические условия, поддержка Франции должна быть основана на нижеследующих общих соображениях..

В настоящее время французское правительство лишено возможности какого-либо вмешательства между украинцами и поляками относительно обладания Лембергом. Этот вопрос подлежит рассмотрению конференции мира. Необходимо, чтобы украинцы и поляки объединились в их борьбе против общего врага, большевизма, забыли свои взаимные личные притязания и прекратили враждебные друг с другом действия, и без того долго тянувшиеся. В связи с этим должно быть ясно, что французские офицеры ни в коем случае не станут обсуждать фронт галицийских операций, равно как и принимать участие в организации борьбы на этом фронте.

Наконец помощь Франции не должна оказаться благоприятствующей ни одной из сторон для организации впоследствии войск с целью борьбы против устойчивых элементов России или тех групп, которые французское правительство признает таковыми, а именно против армий Колчака и Деникина, в том случае, если бы таковые в своем наступлении против большевиков проникли на украинскую территорию. Такие же оговорки сделаны специально против участия офицеров в такого рода операциях, причем им будут даны на сей предмет самые точные инструкции при их отъезде с указанием, что они должны немедленно удалиться с румыно-украинских территорий, если для них представится риск вступить в конфликт с названными военными российскими элементами.

Представляется весьма срочным, чтобы г. Шульгин сообщил свое полное согласие с вышеназванными условиями для ускорения посылки, без замедлений, названной миссии в Галицию».

20 мая Шульгин от имени украинской делегации препроводил министерству письмо следующего содержания:

«В ответ на ноту министерства иностранных дел от 19 мая 1919 г. имею честь от имени делегации Украинской республики в Париже выразить благодарность министерству за решение послать военную миссию, которая принесет нам свою материальную помощь в борьбе против русского большевизма.

Что касается условий, на которых предложена посылка инструкторов и снаряжения, то должен объявить, что в намерения украинского правительства отнюдь не входит их использование ни против поляков, ни против войск Колчака или Деникина. В том же исключительном случае, когда военные операции привели бы на украинскую территорию какие-либо антибольшевистские войска, оперирующие в контакте с Антантою, явится необходимость заключать немедленно для каждого такого случая соответствующее соглашение с правительством Украинской республики».

Это заявление Шульгина вызвало полное удовлетворение со стороны министерства. Начались переговоры о составе французской военной миссии, о ее задачах и подробной программе ее деятельности, о дне ее отъезда. В течение всего лета мы с Шульгиным не прекращали работы в этом направлении. Но пришла и осень, а миссия все не ехала... Не поехала она и по сей день!

Сколько надежд было погребено одновременно с этой миссией! В частности я хотел ехать вместе с нею и взять специально на себя всю постановку вопроса о будущей защите еврейского населения от дальнейших последствий анархии.

И когда я был на аудиенции у министра иностранных дел Пишона вместе с Панейко и Шульгиным, я специально и подробно развивал пред Пишоном все то, что необходимо сделать для борьбы с антисемитизмом и прекращения на будущее время возможности повторения погромов. Пока же, до предполагавшейся тогда поездки на место французской миссии, я взывал к Пишону с просьбой об издании декларации французского правительства с осуждением погромов. Я ссылался на пример Англии, завоевавшей себе горячие симпатии еврейского народа декларацией Бальфура о Палестине... Я указывал на то, что нам известно то преимущественное влияние, которое отведено Франции (по ее тайному договору с Англией) в отношении Украины, Польши и Румынии, т. е. как раз тех территорий, где живет большинство еврейского народа всего земного шара.

Декларация Франции по еврейскому вопросу могла ей создать симпатии и вечную признательность этих нескольких миллионов евреев.

Старик Пишон внимательно слушал, одобрительно кивал головою, записывал... Он обещал сделать все возможное.. Но декларация не появилась, а посылка французской военной миссии не состоялась.

Столь же безрезультатными оказались мои заявления по этому же вопросу на аудиенции украинской делегации у Клемансо. Эта аудиенция состоялась главным образом по вопросу о захвате польской армией Галлера украинской части Галиции. Эта основная часть доклада была возложена на Панейко, Шульгин взял на себя разъяснения о Директории и правительстве, мне же было поручено остановиться на вопросе о судьбах национальных меньшинств и в частности еврейства.

Клемансо был очень любезен, но во всех его коротких ответных репликах чувствовалась неискренность и явное желание скрыть от нас свои настоящие мысли, симпатии и стремления в отношении Польши, Украины и вообще всего вопроса о русском наследстве.

Он порицал действия Галлера, соглашался, что среди польской интеллигенции очень много реакционеров и антисемитов... Но все же мы находились тогда в кабинете главного сторонника создания огромнейшего польского государства за счет земель соседних народов, отца французской идеи о великой Польше. И сколько ни

старался этот испытанный старый дипломат вселить в нас, случайных и невольных дилетантов дипломатии, веру в его неудовольствие по адресу Галлера, мы все же ушли от него с иными думами по этому предмету...

Для изложения подробностей этой беседы время еще не наступило.

В частности по вопросу о вмешательстве Франции во «внутреннее дело» защиты еврейства от притеснений и погромов в странах Восточной Европы, тот же Клемансо, ничего не сделавший для украинских евреев, выступил с громовым письмом по поводу еврейских погромов и взрывов антисемитизма в Польше. Письмо это, адресованное, насколько помнится, Падеревскому, было опубликовано в газетах, произвело огромное впечатление на польское правительство и население. Погромы в Польше прекратились и продолжались лишь отдельные случаи издевательства над евреями в поездах, на улицах, сопровождающиеся отрезанием бороды, удалением из поездов и т. д. Письмо было написано в очень сильных выражениях, на сей раз Франция, действительно, являлась защитницей угнетенных и выступала с открытым забралом против несправедливости и жестоких самосудов над невинным еврейским населением. Но это было сделано лишь для Польши: Франция сознавала недопустимость погромов в стране, которой она так покровительствует. Ей необходимо было озаботиться не только о прекращении погромов в Польше, но и о спасении престижа самой Польши, как вновь нарождающегося государства, в глазах Америки, Англии и всех цивилизованных народов.

Тени убитых и замученных евреев на Украине и стоны живых уцелевших, их страхи за ближайшее будущее так и не вызвали такого же вмешательства Клемансо либо его сотрудников по конференции мира в защиту еврейства на Украине... Во внутренние дела Украины они так-таки и не пожелали вмешиваться...

В «русском отделе» французского министерства иностранных дел явно ощущалось тяготение к старой ориентации Франции на единую и сильную Россию. Пишон, Бертело и Камерер находились в то время под сильным влиянием той доминирующей мысли, что Россия в конце концов непременно восстановится, что если даже предприятия Колчака, Деникина и Юденича не приведут к такому результату, то это случится позже «чисто стихийным путем». С одной стороны, чувство долга к бывшей союзнице, столь содействовавшей в начале войны спасению Парижа, с другой стороны, чувство страха пред такой стихийной возможностью восстановления России, удерживали министерство от выявления сочувствия полному осуществлению права народов России на самоопределение. Пишон и его сотрудники находились в то время под влиянием кругов Сазонова, а также Маклакова. И они говорили вслед за ними о создании единой России «с автономиями для

народностей». Они видели попрежнему в такой будущей физически мощной России свой оплот на Востоке против Германии.

Относясь скептически к боевым способностям Деникина и весьма раздраженные тем, что этот генерал считался все время с одной лишь Англией, как главной его покровительницей, министерские круги [1]) все же настоятельно рекомендовали нам путь соглашения с армией и правительством Деникина. Они указывали нам, что сила Деникина заключается в упорной поддержке со стороны Англии, и верили в возможность его конечного успеха при помощи английских танков и пушек.

Эта ориентация министерства иностранных дел на Россию не разделялась, однако, некоторыми влиятельными военными и общественными кругами Франции.

Куда больше симпатий и действительной поддержки со стороны этих влиятельных кругов вызывала ориентация на Польшу. Эта ориентация заключалась в проекте создания, в противовес Германии, великой Польши за счет соседних германских, белорусских, литовских и особенно значительной части украинских земель. Проект создания такой великой Польши пользовался особенно сильными симпатиями военных кругов Франции и самого Клемансо. Последние готовы были, в тайниках своей души, признать на бумаге независимость маленькой Украины, фактически подчиненной Польше и идущей у нее на буксире, в качестве пушечного мяса против Германии. Завершением такой коалиции великой Польши и маленькой Украины на Востоке являлся план привлечения к ней Румынии, а если удастся, то и Чехо-Словакии.

И Польша, и Румыния, и Чехо-Словакия имеют свои виды и притязания на сохранение за собою различных земель с украинским населением. На этих притязаниях отчасти и была построена идея коалиции, причем руководящая роль предназначалась Польше, как наиболее верной и надежной союзнице Франции.

Общипанная с запада в пользу Польши, Румынии и Чехо-Словакии, Украина рисовалась в воображении авторов этого проекта лишь в границах до Днепра, левая же часть Приднепровья предназначалась для успокоения притязаний Великороссии.

Весьма характерно, что названные две ориентации, на Россию или на Польшу, никогда резко не противопоставлялись одна другой перед внешним миром. Представители столь различных взглядов и политических прогнозов о желательности той или иной политики Франции в Восточной Европе действовали, как бы по молчаливому уговору, параллельно. Ставили как бы на две карты, страховали себя на оба случая... Не удастся сильная Польша, будет сильная Россия и наоборот. Суть в том, чтобы иметь впоследствии сильную опору против немцев в лице того или другого мощного союзника...

---

[1]) Речь идет все время о французском министерстве иностранных дел в период весны и лета 1919 года.

Мысль же о возможности приобретения в Восточной Европе *нескольких* друзей и их симпатий, в лице *всех или большей части народов* бывшего Российского государства плохо вязалась со всем укладом и навыками французской политики и с основными свойствами французского мышления и чувствования. Французы были слишком проникнуты и пропитаны духом централизма. Сама Франция как централистически-бюрократическое государство является живым примером психологии французского народа и его самых талантливых представителей в вопросах системы государственного строительства. Трудно было *сразу* примириться с утерей *одного* сильного союзника на Востоке и необходимостью приискания на его место *нескольких* союзников в лице новых государственных образований.

И лишь небольшая группа депутата Франклен-Бульона, Пелисье и несколько других искренних друзей Украины, обстоятельно изучивших украинский вопрос, питали действительное сочувствие к справедливым домоганиям украинского народа и оказывали посильное содействие украинской делегации в ее работе в Париже. Вполне добросовестно и разумно эта группа советовала нам ставить требование об украинском учредительном собрании в качестве основного лозунга нашей программы, отодвигая вопрос об окончательном устройстве Украины до того времени, когда явится возможность созыва и вотума названного учредительного собрания по этому вопросу. Для ближайшего же времени она рекомендовала добиваться *фактического* признания украинской Директории и правительства и оказания им моральной и технической помощи в борьбе с анархией и большевизмом.

Таково было положение украинского вопроса весной и летом 1919 года во Франции, таковы были тогда политические ориентации правительственных и общественных групп Франции по вопросу о судьбах Восточной Европы.

Было ясно, что надежды, возлагавшиеся руководителями украинской политики на Францию, не оправдались. А между тем сама Франция дала в свое время серьезные основания для веры в ее готовность оказать поддержку Украине и украинскому народу в его стремлении к независимости. Достаточно упомянуть, что Франция первая официально признала украинское правительство Центральной рады и еще в декабре 1917 года, почти за два месяца до заключения Брест-литовского мира, назначила генерала Табуи своим официальным представителем при украинском правительстве. Назначение представителя Англии, Пиктона Баггс, последовало несколькими днями позже, в начале января 1918 года.

Из сопоставления этих дат явствует, что первыми на путь признания Украины вступили *не центральные державы*, а *Франция и Англия*.

[В Париже автор был в сношениях по украинским делам не только с французским правительством, но и с иностранными мирными делегациями. Автору сообщили, между прочим, о «благожелательном отношении» к украинскому вопросу американской делегации. Поэтому автор, вместе с галицийским деятелем, прис. пов. Окуневским, добился аудиенции у находившегося тогда в Париже министра иностранных дел Соединенных штатов Лансинга.]

Это свидание, состоявшееся 30 июня, произвело и на Окуневского, и на меня потрясающее впечатление. Лансинг проявил полное незнакомство с положением и слепую веру в Колчака и Деникина. Он категорически настаивал на том, чтобы украинское правительство признало Колчака верховным правителем и вождем всех противобольшевистских армий. Когда речь зашла о принципах Вильсона, применение которых было предрешено в отношении народов бывшей Австро-Венгерской монархии, Лансинг заявил, что он знает только об едином русском народе и что единственный путь для восстановления России—это федерация, по образцу Соединенных штатов. Когда же я пытался доказать ему, что как раз пример Соединенных штатов свидетельствует о необходимости предварительного существования отдельных государств, как с у б ъ е к т о в для всяких возможных между ними в будущем соглашений, он уклонился от ответа и стал опять упорно призывать нас к признанию Колчака.

Правда, то было время оказания наиболее усиленной помощи Колчаку со стороны Соединенных штатов. Но все же никогда ни французы, ни англичане не говорили с нами столь безапелляционным образом.

Так на деле осуществлялись в то время принципы Вильсона. Соединенные штаты поддерживали Колчака, Англия—Деникина и Юденича, Франция—Галлера... Без помощи оставался один Петлюра...

Пушки Галлера уже были обращены против украинской армии, выдерживавшей в то же время беспрерывный натиск большевиков. А впоследствии, в сентябре, после успешного наступления украинской армии и взятия Киева, к этому прибавилась война с армией Деникина... Англия, конечно, и не предвидела того обстоятельства, что то оружие, которым она так обильно снабжала тогда армию Деникина для войны с большевиками, будет потом употреблено против украинской армии, против законных стремлений украинского народа отстоять своей собственной грудью свою землю и свою свободу.

РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА УКРАИНЕ

1917 г.

Март.

1. Образование буржуазного «Общественного комитета» в Киеве, преобразованного в ближайшие дни в «Совет объединенных общественных организаций».
2. Образование Харьковского Совета рабочих депутатов.
3. Образование Киевского и Одесского Советов рабочих депутатов.

3 — 4. Первое легальное собрание членов Харьковской организации РСДРП(б); выборы комитета.

4. Образование Украинской центральной рады в Киеве из представителей украинских национальных и мелкобуржуазных организаций. Рада выдвинула требование украинского языка в школах и правительственных учреждениях.

« Образование Екатеринославского Совета рабочих депутатов.

6. Разоружение полиции и устранение от власти губернатора и вице-губернатора в Киеве.
7. Образование двух Советов — рабочих и солдатских депутатов в Николаеве.

2 — 10. Образование во многих городах легальных организаций обще-русских и украинских социалистических партий.

13. Одесским Советом РД приняты меры к ликвидации погромной агитации в некоторых местечках.
17. Конференция рабочих и крестьянских депутатов в Бахмуте, выразившая доверие Временному правительству, признавшая, что решение земельного вопроса должно принадлежать Учредительному собранию, а условия мира должны быть выработаны на международной демократической конференции.
18. Снятие памятника Столыпина в Киеве.
23. Обновление состава Киевской городской думы введением представительства общественных организаций.
25. Съезд украинских «автономистов-федералистов» в Киеве, образовавших партию «социалистов-федералистов», по программе близкую к народным социалистам.
28. Соединенное совещание представителей Советов рабочих депутатов и горнопромышленников Донецкого бассейна, признавшее необходимым введение 8-часового рабочего дня.

Апрель.

4. Объединенное заседание Украинской центральной рады и президиумов исполнительных комитетов в Киеве в связи со слухами о намерении Рады ввести автономию явочным порядком; Рада опровергла эти слухи.

4 — 5. Учредительный съезд партии украинских эсеров в Киеве, высказавшийся за условную поддержку Временного правительства, немедленное осуществление национально-территориальной автономии Украины, созыв территориального учредительного собрания, оборону страны, пока центральные державы не откажутся от аннексий.

4 — 5. Конференция УСДРП в Киеве, высказавшаяся за условную поддержку Временного правительства, автономию Украины, созыв украинского территориального съезда, опубликование тайных договоров, мир без аннексий и контрибуций, допустимость защиты принципа федеративного устройства Российской демократической республики.

6 — 7. Украинский крестьянский съезд в Киеве, организовавший всеукраинский крестьянский союз и высказавшийся за решение земельного вопроса Украинским сеймом.

6 — 8. Украинский национальный конгресс в Киеве, объединивший около 1000 представителей различных украинских организаций и партий и высказавшийся за организацию в пределах Российской федеративной республики, с санкции Всероссийского учредительного собрания, автономной Украины. Конгресс избрал Украинскую центральную раду нового состава во главе с председателем проф. М. С. Грушевским (укр. эсер).

10. Признание Киевским комитетом РСДРП(б) апрельских тезисов Ленина «недостаточно обоснованными и развитыми».

14. Образование центрального бюро профсоюзов в Киеве в составе 3 большевиков и 3 меньшевиков.

« Признание Киевским комитетом РСДРП(б) апрельских тезисов Ленина, после нового их обсуждения, «в общем неприемлемыми».

15. Краевая конференция РСДРП(б) в Киеве, избравшая краевой партийный комитет.

18. Самочинное образование скопившимися в Киеве 3000 украинских солдат Украинского полка имени Богдана Хмельницкого.

« Избрание Украинским национальным советом в Петрограде комитета для сношений с Временным правительством и для представительства украинских интересов.

26. Областной Съезд советов Р и СД в Киеве, присоединившийся по вопросам об отношении к войне и к Временному правительству и к резолюции Всероссийского совещания советов в Петрограде.

27. Южнорусская конференция Советов Р и СД в Харькове.

Май.

2. Монархическая манифестация в Киеве.

5 — 8. Украинский войсковой съезд в Киеве, на который собралось около 400 представителей фронтовых и тыловых частей и украинских орга-

низаций. Съезд высказался за национально-территориальную автономию Украины, введение в состав правительства министра по делам Украины, образование национально-украинских воинских частей, активную защиту страны и пр. Съезд выбрал украинский войсковой генеральный комитет.

14. Ставка по совещании с Керенским признала возможным наметить 3 корпуса для комплектования исключительно украинцами.

15. Облава на дезертиров в Киеве, сопровождающаяся стычками с дезертирами и разоружением последними милиции. Задержано около 12 тыс. дезертиров.

16. Министром-председателем кн. Львовым в Петрограде принята делегация Украинской центральной рады, вручившая ему декларацию с требованием издания правительственного акта о благожелательном отношении к автономии Украины, установления при Временном правительстве должности комиссара по украинским делам, выделения украинцев в армии в особые части и т. д.

18. Воспрещение Керенским 2-го Украинского войскового съезда.

Июнь.

28/V — 2/VI. I Всеукраинский крестьянский съезд, на который съехалось около 1500 чел., представителей 9 украинских губерний. Съезд присоединился к требованиям Центральной рады к Временному правительству, высказался за автономию Украины, украинизацию учреждений на Украине, мир без аннексий и контрибуций, уничтожение с санкции Учредительного собрания частной собственности на землю, выразил протест против запрещения Керенским 2-го Украинского войскового съезда.

3. Отклонение временным правительством требования Центральной рады об автономии Украины ввиду того, что решить этот вопрос полномочно только Учредительное собрание.

2. Объединенное заседание исполнительных комитетов в Киеве по вопросу о декларации Центральной рады и ответе Временного правительства приняло резолюцию о полной поддержке последнего.

4. Украинская центральная рада на закрытом заседании признала, что Временное правительство отклонением требования автономии Украины нарушило интересы трудового народа на Украине и принцип самоопределения национальностей. Рада признала необходимым издать универсал к украинскому народу.

5 — 11. Состоялся запрещенный Керенским 2-й Всеукраинский войсковой съезд в Киеве, в присутствии около 2000 делегатов. Съезд потребовал от Временного правительства удовлетворения требований Украинской центральной рады, предложил Раде приступить к проведению автономии, признал необходимым украинизацию армии и школы и созыв территориального собрания; избрал украинский войсковой генеральный комитет в составе 1 генерала, 8 офицеров и 1 солдата.

9. Резолюция объединенного заседания Киевских советов рабочих и солдатских депутатов о том, что самостоятельное проведение автономии

Украины до Учредительного собрания несет опасность для общероссийской революции.

10. Принятие Украинской центральной радой 1-го универсала, признавшего необходимость национально-территориальной автономии Украины в пределах России, созыва на основе 4-членной формулы украинского сейма, особой подати на украинское дело от всех украинских учреждений с 1 июля.

15. Украинской центральной радой в закрытом заседании избран исполнительный орган — «Генеральный секретариат» во главе с председателем В. К. Винниченко (укр. с.-д.). Генеральным секретарем по военным делам избран С. В. Петлюра (укр. с.-д.).

29. Переговоры приехавших в Киев членов Временного правительства Керенского, Церетели и Терещенко с Украинской центральной радой и Генеральным секретариатом; достигнуто соглашение по украинским делам.

Июль.

2. На основе соглашения с Украинской радой Временное правительство приняло декларацию по украинским делам, извещающую о предстоящем назначении, по соглашению с Радой, Генерального секретариата для управления краевыми делами Украины, о сочувственном отношении к планам Рады о национально-политическом положении Украины и о постепенном формулировании украинских воинских частей. Министры-кадеты, в знак протеста против этой декларации, вышли из состава Временного правительства.

3. Украинская центральная рада опубликовала 2-й универсал согласованного с Временным правительством текста, в котором признавала, что Временное правительство пошло навстречу украинскому народу, сообщала о предстоящем пополнении Рады представителями других народностей и решительно отвергала попытку самочинного осуществления автономии до Всероссийского учредительного собрания.

5. Арест большевиков в помещении партийного комитета в Киеве. Освобождение арестованных по требованию большевистской фракции Исполнительного комитета Совета РД.

« Вооруженное выступление воинской части «полуботьковцев» в Киеве, захвативших арсенал, разгромивших штаб милиции и пытавшихся захватить городской банк. Ликвидация этого выступления украинским полком им. Б. Хмельницкого.

7. Разоружение «полуботьковцев» в Киеве.

10 — 12. Выступление офицерства и контрреволюционеров против большевиков в Киеве: сожжение большевистской литературы, самочинные аресты большевиков и т. п.

11. Первое заседание Малой рады (Комитета Украинской центральной рады), пополнившейся представителями неукраинского населения.

Август.

4. Утверждение Временным правительством инструкции Генеральному секретариату на Украине, согласно которой полномочия Секретариата распространялись, вопреки домогательствам Рады, лишь на 5 губер-

ний (Киевскую, Подольскую, Волынскую, Полтавскую и Черниговскую), а число секретарей ограничивалось 9; при временном правительстве назначался комиссар Украины.

9. Украинская центральная рада признала, что инструкция Временного правительства продиктована недоверием к стремлениям демократии Украины, проникнута империалистическими стремлениями русской буржуазии в отношении Украины, нарушает соглашение от 3/VII и пр., и обратилась с рядом новых требований к правительству; вместе с тем постановила приступить к подготовке созыва Украинского и Всероссийского учредительных собраний и отказалась от участия в Московском государственном совещании.

12. Однодневная забастовка протеста в Киеве против Московского государственного совещания.

29. Украинская центральная рада предложила через генеральный войсковой комитет всем украинским частям и организациям не исполнять распоряжений ген. Корнилова и оказывать всяческую поддержку Временному правительству.

Сентябрь.

10 — 12. Конференция военной организации РСДРП (большевиков и интернационалистов), признавшая необходимым «переход всей власти в руки организованной революционной демократии города и деревни» и принявшая ряд других соглашательских постановлений.

20. Забастовка 14 металлообрабатывающих заводов в Киеве на экономической почве.

Октябрь.

3. Суд в Киеве над шт.-кап. Дезвалтовским и 79 другими чинами гвардии гренадерского полка за агитацию в 1-м гренадерском корпусе, приведшую к отказу его от участия в боях под Тарнополем во время наступления. Присяжные оправдали всех обвиняемых.

10. Малая рада в Киеве постановила начать подготовку к созыву Украинского учредительного собрания.

« Всеукраинский съезд вольного казачества в Чигирине избрал ген. Скоропадского атаманом вольного казачества.

15. Избрание Ревкома Винницким советом.

18 — 22. Бои между юнкерами и войсками Ревкома в Виннице, закончившиеся отступлением советских войск (через несколько дней Винница была занята частями революционного 2-го гвардейского корпуса).

23. Украинской центральной радой организован в Киеве Всеукраинский военно-революционный комитет с участием представителей всех партий, включая и большевиков.

25. Общеказачий фронтовой съезд в Киеве обратился к союзу казачьих войск в Петрограде, ко всем казачьим правительствам, городским думам и пр. с призывом «к оружию в защиту родины и свободы»; о призыве сообщено послам союзных держав и Керенскому.

26. Выход большевиков из Военно-революционного комитета Центральной рады.

26. Резолюция объединенного заседания Киевских советов рабочих и солдатских депутатов о передаче власти советам. Избрание большевистского военно-революционного комитета.
27. В Екатеринославе соединенное заседание Совета Р и СД и демократических организаций признало власть Совнаркома и Советов. Исполкому поручено пополниться представителями самоуправления и революционных организаций и взять власть. По предложению большевиков высшей властью на Украине признан Ревком Украинской центральной рады в Киеве. Городская дума приняла предложение большевиков и левых эсеров об организации однородного социалистического правительства.
« В Николаеве городская дума объявила город временно самостоятельным. Образована коалиционная верховная власть в виде Революционного штаба из двух представителей думы и двух — совета, под председательством председателя совета.
« В Одессе объединенный пленум совета и Румчерода принял резолюцию большевиков о переходе власти в руки советов.
« В Харькове Исполкомом совета избран Военно-революционный комитет, в руки которого перешла военная власть.
« В Одессе образован Областной ревком Херсонщины из представителей советов, Румчерода, социалистических партий и Украинской войсковой рады.
28. Первые стычки в Киеве. Разгром юнкерами помещения совета и арест Военно-революционного комитета и парткомитета большевиков.
29. Избрание нового Военно-революционного комитета в Киеве арсенальцами. Начало вооруженной борьбы между силами советов и штаба в Киеве.
« В Харькове пленум совета принял резолюцию о передаче власти Советам, в виде коалиции партий от большевиков до энэсов включительно.
« В Николаеве совет Р и СД отверг предложение большевиков о взятии власти советом.
31. Перемирие между Военно-революционным комитетом и штабом округа в Киеве.
« В Одессе соединенное заседание Исполкомов советов РСКр. и матросских депутатов приняло резолюцию о необходимости однородного социалистического правительства и о переходе власти в Одессе к Военно-революционному комитету.
« В Юзовке совет Р и СД принял резолюцию меньшевиков-интернационалистов, осуждающую захват власти большевиками в Петрограде.

Ноябрь.

1. Оставление Киева юнкерами и штабом. Захват власти в городе Украинской центральной радой, расширившей состав Генерального секретариата.
« В Екатеринославе Военно-революционный комитет отклонил предложение большевиков об объявлении банков общенародным достоянием и по-

становил обратиться за средствами к Совнаркому через Украинскую центральную раду.

« В Конотопе создан Военно-революционный комитет.

7. Опубликован 3-й универсал Украинской центральной рады, провозглашавший «Украинскую народную республику» в составе Российской федеративной республики, признавший верховную власть на Украине за Радой и ее правительством — Генеральным секретариатом, включавший в состав Украины 9 губерний, заявлявший об отмене права собственности на помещичьи и нетрудовые земли, об установлении 8-часового рабочего дня и государственного контроля над производством и о других реформах, а также мерах к скорейшему заключению мира и назначавший выборы в Украинское учредительное собрание на 27 декабря, а созыв его — на 9 января 1918 г.

7. Соглашение между Украинской центральной радой и верховным главнокомандующим Духониным об образовании Украинского фронта из соединенных Юго-западного и Румынского фронтов, под командой ген. Щербачева.

« В Одессе Военно-революционный комитет решил пригласить в свой состав представителей городского самоуправления. Для организации власти избрано бюро из 2 большевиков, 1 левого эсера и 2 с.-д.-интернационалистов.

9. Генеральный секретариат, признав заключение мира необходимым, постановил, что вести переговоры о мире может только правительство, признанное всем народом, а не Совнарком; поэтому Секретариат предложил общеармейскому комитету при Ставке взять инициативу создания общесоциалистической власти по соглашению с областными правительствами и центрами всероссийской революционной демократии.

10. В Харькове совет Р и СД признал Совнарком единственным законным общероссийским правительством; приветствуя почин Украинской центральной рады, объявившей народную республику Украины, совет признал, что и на Украине власть должна принадлежать Съезду советов и Секретариату.

11. Генеральный секретариат объявил населению и земельным комитетам, что они не имеют права отбирать землю у частных собственников.

14. В Николаеве пленум совета Р и СД признал Украинскую центральную раду краевым правительством.

19. Юзовская районная конференция советов Р и СД, рудничных завкомов, профсоюзов и пр. приняла резолюцию с требованием однородной социалистической власти.

22. Прибытие в Киев и торжественная встреча Радой избегнувших ареста членов Ставки Духонина вместе с французской, английской, румынской и др. военными миссиями.

24. Харьковский Совет Р и СД принял резолюцию, выражающую недоверие Украинской центральной раде, протестующую против аннексии ею Харькова и Донецкого бассейна, требующую созыва Всеукраинского съезда Р и СД и признающую верховной властью Российской федеративной республики — Совнарком.

25. Генеральный секретариат Украинской центральной рады решил выпустить свои денежные знаки.
30. Разоружение Радой в Киеве большевистски настроенных воинских частей и высылка их из Киева. Вооруженное сопротивление авиационного парка при разоружении.

Декабрь.

1. Резолюция Киевского Совета Р и СД, требующая перевыборов Украинской центральной рады, передачи власти Советам, вооружение разоруженных частей и наказания виновников разоружения.
1 — 2. В Одессе вооруженное столкновение между красногвардейцами и гайдамаками, закончившееся соглашением о создании единого органа власти, для организации которого образован временный комитет из 3 представителей от советов (большевиков) и 3 от украинских революционных организаций.
2. Резолюция Исполнительного комитета совета профсоюзов в Екатеринославе об отказе проводить в жизнь декреты и законы, издаваемые Совнаркомом, ввиду того, что власть последнего не признана всей страной.
2. Резолюция Харьковского Совета Р и СД, признающая Украинскую центральную раду буржуазным и контрреволюционным органом.
3. Извещение Генерального секретариата Украинской рады о предстоящем выпуске новых денежных знаков.
3 — 5. 1-й Краевой партийный съезд (краевая конференция) с. д. большевиков Украины в Киеве, признавший необходимыми решительную борьбу с Центральной радой, как контрреволюционным органом, и организацию советской власти на Украине намеченным к созыву Всеукраинским съездом советов. Съезд одобрил ультиматум Совнаркома Украинской раде.
4. Ультиматум Совнаркома Украинской центральной раде с требованием прекратить пропуск через Украину войск на Дон, прекратить разоружение советских частей и красной гвардии на Украине и пр. с угрозой в случае неудовлетворительного ответа считать Раду в состоянии войны против советской власти в России и на Украине.
5. Конференция РСДРП(б) Донецкого и Криворожского бассейнов в Харькове.
« Ответ Генерального секретариата на ультиматум Совнаркома, в котором, отвергая требования последнего, Секретариат требовал образования Всероссийского федералистического и однородно-социалистического правительства «от большевиков до народных социалистов».
« Занятие украинскими войсками всех штабов на Румынском и Юго-западном фронтах, объединение этих фронтов в один Украинский фронт под командой ген. Щербачева.
« Признание Францией Украинской народной республики де-факто.
« Совещание делегатов 1-го Всеукраинского съезда советов в Киеве.
5. Резолюция Юзовского Совета Р и СД, выражающая недоверие Украинской центральной раде и требующая созыва Всеукраинского съезда советов для создания украинского правительства.

5. Забастовка — протест 50 рудников Боково-Хрустального района против расстрела калединцами председателя Ревкома Переверзева.
6. Открытие I-го Всеукраинского съезда советов в Киеве. Разрыв между большевистским меньшинством и националистическим большинством; уход первого со съезда и решение перенести съезд в Харьков.
« Обращение Украинского революционного штаба в Петрограде к Совнаркому по поводу ультиматума последнего. В нем от имени украинского правительства выдвинуты, между прочим, следующие условия улажения конфликта: невмешательство Совнаркома в дела Украины, урегулирование вопроса о дензнаках и золотом запасе, разрешение вопроса о мире при участии Украины, образование федеративного правительства, в котором Украине должно принадлежать не менее трети членов.
« Съезд советов Херсонской губ. признал губернию неотъемлемой частью Украины, а Центральную раду — временным полномочным парламентом.
« Прибытие в Харьков Московского советского отряда Сиверса.
7. Правительственное сообщение Совнаркома о конфликте с Украинской радой. На предложение Украинского революционного штаба Совнарком ответил признанием права на самоопределение и требованием как обязательного условия соглашения отказа Рады от всякой поддержки калединского мятежа.
8. Всероссийский крестьянский съезд отправил в Киев делегацию для переговоров с Радой по поводу ее конфликта с Совнаркомом.
10 — 12. Съезд советов Румынского фронта и Одесской области («Румчерода») в Одессе, провозгласивший власть советов в области.
10 — 12. Окончание работ перенесенного из Киева в Харьков 1-го Всеукраинского съезда советов. Съезд избрал ЦИК Украины (ЦИКУК) из 40 человек как высший орган советской власти в крае.
12. Нота Генерального секретариата Центральной рады воюющим и нейтральным державам о том, что ввиду отсутствия федерального правительства Украинская республика и ее правительство вступают на путь самостоятельных международных сношений. Генеральный секретариат считает необходимым участие его представителей в Брест-литовских мирных переговорах, равно как и на будущих мирных конференциях.
12. Начало формирования штаба советских войск Южного фронта в Харькове под командованием В. А. Антонова-Овсеенко.
« Попытка Совета г. Александровска захватить власть. Столкновение его с гайдамаками, поддержанными казаками и одержавшими победу.
« На соединенном заседании президиумов советов в Одессе решено провозгласить власть советов и образовать ревком из большевиков и левых эсеров.
13. Державы германской коалиции уведомили украинское правительство о своем согласии на допущение представителей Украины к участию в Брест-литовских мирных переговорах.
« Обращение ЦИК Украины к Совнаркому с извещением об образовании Советской украинской республики и о стремлении ее правительства «обратить все силы на создание полного единения украинской и великороссийской демократии».

13. Переизбранный Бахмутский Совет Р и СД принял резолюцию, протестующую против действий Совнаркома и требующую передачи власти Учредительному собранию, которое должно организовать правительство из социалистических партий от народных социалистов до большевиков.
17. Избрание ЦИК Украины в Харькове первого советского правительства Украины, названного «народным секретариатом».
« Занятие Лозовой советскими силами.
18. « Павлограда советскими силами.
19. Прибытие в Брест-Литовск мирной делегации Украинск. центральной рады.
20. Занятие Купянска советскими силами.
« По обсуждении доклада делегации крестьянского съезда, ездившей в Киев для переговоров с Украинской центральной радой, Совнарком принял предложенную Лениным резолюцию, в которой, указывая на свое безусловное признание права всякой нации на независимое государственное существование и на желание избегнуть войны с Радой, если она согласится не препятствовать войне с Калединым, Совнарком предлагал Раде вступить в переговоры о соглашении.
21. Назначение генерала Табуи комиссаром Французской республики при правительстве Украинской республики.
« В Одессе совещание президиумов Советов военных, рабочих и крестьянских депутатов вместе с представителями Украинской центральной рады постановило, впредь до решения Всероссийского и Всеукраинского учредительных собраний, объявить Одессу временно вольным городом Украинской народной республики, а для установления отношений с Радой послать делегацию в Киев.
« Занятие Синельниково советскими силами.
20 — 24. Наступление советских отрядов, поддержанных местной красной гвардией, в Донецком бассейне. Занятие Луганска, Родакова, Дебальцево.
22. В Одессе президиумами Советов военных, рабочих и крестьянских депутатов избрана коллегия для управления городом.
23. Соглашение Англии и Франции о разделе России на «зоны влияния»: французская зона определялась к западу от линии Керченский пролив — устье Дона — Дон — Царицын, английская — к востоку. Сверх того в английскую зону было включено побережье Белого моря и Прибалтика, во французскую — Польша.
25. Арест и зверское убийство гайдамаками в Киеве председателя Военно-революционного комитета Леонида Пятакова по приказу Украинской центральной рады.
26 — 28. Ожесточенная вооруженная борьба между гайдамаками и советскими силами в Екатеринославе, закончившаяся победой Совета.
28. Декларация правительства Украинской центральной рады в Брест-Литовске о непризнании Совнаркома и о желании принять участие в работах мирной конференции.
« Налет казачьего есаула Чернецова, захватившего Дебальцево.
« Усмирение и разоружение советскими силами украинских полков в Харькове: 2-го и Чигиринского.

28. Советскими отрядами, действующими против Украинской центральной рады, заняты Сосновка, Семеновка и Новозыбков.
29. Вторичное занятие Дедальцева советскими силами.
30. Решение украинского советского правительства в Харькове принять участие в мирных переговорах в Брест-Литовске в составе русской делегации (советская украинская делегация была задержана немцами в Пскове 28/II на пути в Брест-Литовск).
« Победа рабочего восстания в Мариуполе.
« Занятие Лозовой советским отрядом, принудившим гайдамаков сложить оружие.
« Признание германской коалицией самостоятельности Украинской мирной делегации в Брест-Литовске.
31. Сообщение Совнаркома о том, что уклонение Украинской центральной рады от прямого ответа на предложение Совнаркома прекратить всякую поддержку калединцев срывает мирные переговоры и возлагает на Раду всю ответственность за продолжение гражданской войны.
« Ультиматум Совнаркома Румынии с требованием освобождения арестованных русских солдат и прекращения бесчинств и захватов.

1918 г.

Январь.

2. Занятие Александровска советскими силами.
5. Начало общего наступления советских частей под общим командованием Антонова-Овсеенко против Украинской центральной рады. Выступление советского отряда под общим командованием Муравьева из Харькова. Занятие Глухова советским отрядом.
« Разгром Совета в Умани властями Украинской центральной рады.
6. Занятие Полтавы советскими частями Муравьева; занятие хутора Михайловского советскими отрядами.
7. Занятие Константинограда советскими частями.
8. Разоружение по приказу Украинской центральной рады рабочих Киевского арсенала и других заводов. Массовые аресты большевиков в Киеве.
9. Издание Украинской центральной радой 4-го универсала, провозглашающего полную независимость Украинской народной республики.
« Воззвание Народного секретариата Украинской республики против Центральной рады. Указывая на то, что Генеральный секретариат Центральной рады поддерживает Каледина, сеет национальную вражду между украинским и русским народом и укрепляет буржуазный режим на Украине, воззвание объявляет Секретариат Центральной рады врагом свободного украинского народа и призывает верную армию рабочих и крестьян к борьбе против Генерального секретариата и против Каледина.
10. Победоносное восстание железнодорожников, поддержанных солдатами, против Украинской центральной рады в Жмеринке.
« Свержение власти Украинской центральной рады восставшими массами в Виннице.

11. Занятие Ромодана, Кременчуга и Лубен советскими частями.
13. « Гребенки советскими частями.
15. « Конотопа советскими частями и восставшими рабочими.
« Провозглашение власти советов (взамен коалиционного Революционного штаба) в Николаеве.
15 — 16. Рабочее восстание в Одессе, закончившееся победой над гайдамаками.
16. Занятие Бахмача советскими частями.
16 — 21 Рабочее восстание в Киеве, зверски подавленное войсками Украинской центральной рады.
17. Занятие Крут советскими частями Муравьева.
18. Принятие Украинской центральной радой аграрного закона, по которому право собственности на землю уничтожалось и вся земля передавалась трудящемуся населению без вознаграждения прежних владельцев. На деле закон не был осуществлен и послужил поводом для свержения Рады германцами.
« Занятие Нежина советскими войсками Муравьева.
20. Всеукраинская крестьянская конференция в Харькове, признавшая власть Советов и Украинскую рабоче-крестьянскую республику.
22. Занятие Дарницы советскими войсками Муравьева.
23. Победоносное рабочее восстание в Николаеве против Украинской центральной рады.
26. Занятие Киева советскими войсками Муравьева. Бегство Украинской центральной рады из Киева в Житомир.
27. Подписание сепаратного мира между представителями германской коалиции и делегацией Украинской центральной рады. Коалицией признана независимость Украины.
28. Киевским Советом Р и СД принята резолюция фракции большевиков, осуждающая «самосуды над пленным врагом» в городе.
30. Переезд Народного секретариата и ЦИК Украины из Харькова в Киев.
Конец января. Наступление румынской армии против советских частей в Бессарабии.

Февраль.

15. Ультиматум Украинского советского правительства (Народного секретариата) Румынии с требованием очистить Бессарабию и выдать генерала Щербачева.
16. Образование Донецко-Криворожской советской республики с самостоятельным совнаркомом.
« Обращение делегации Украинской центральной рады в Брест-Литовске к Германии за помощью «в жестокой борьбе Украины за свое существование» против «варварского вторжения» советской армии.
19. Наступление германских войск на Украине. Занятие ими Луцка и Ровно.
19 — 20 Первые бои советских частей с румынами.
21. Вступление германской армии в Новгород-Волынск и соединение ее с войсками Украинской центральной рады.
22. Занятие Дубно германцами.
23. « Рыбницы румынами.

24. Занятие германцами Житомира и соединение с местными отрядами Украинской центральной рады.
« Переход наступающих румын через Днестр.
26. Занятие германцами Бердичева и Кременца.
« Решительное сражение с румынами у Слободки. Потерпевшие поражение румыны отошли за Днестр.
28. Занятие германцами Режицы, Фастова и Казатина. Занятие австрийцами Новоселица, Хотина и Каменец-Подольска.
« Задержание германским командованием в Пскове украинской советской делегации, направившейся в Брест-Литовск. Делегации объявлено о состоявшемся заключении мира с правительством Украинской центральной рады.

Конец февраля. Заключение Румколлегией (советская) и одесским Совнаркомом мира с Румынией на условии очищения ею Бессарабии.

Март.

1. Переезд Украинского советского правительства из Киева в Полтаву.
« Занятие германцами Киева и Гомеля. Восстановление власти Украинской центральной рады в Киеве.
2. Занятие германцами Жмеринки.
3. Правительство Украинской центральной рады известило Румынию о том, что судьба Бессарабии может быть решена лишь при участии и с согласия представителя Украины на Бухарестской мирной конференции так как Бессарабия составляет нераздельное целое с Украинской народной республикой.
7. Назначение В. А. Антонова-Овсеенко верховным главнокомандующим всеми войсками Украинской народной республики (советской).
« Декларация ЦИК Украины, приглашающая к объединению советских республик Украинской, Донецко-Криворожской, Донской, Крымской и Одесской в целях объединенной вооруженной защиты советской власти на территории Юга.
8. Преобразование Народного секретариата, председателем которого назначен, Н. Скрыпник.
9. Подписание договора с Румынией о ликвидации конфликта между нею и РСФСР. Румыния обязалась в двухмесячный срок очистить Бессарабию.
10. Переезд народного секретариата из Полтавы в Екатеринослав.
12. Занятие Чернигова немцами.
« Введение григорианского календаря (нового стиля) на территории Украинской народной республики по постановлению Совета народных министров.
14. Занятие немцами Одессы.
15. Прибытие в Киев германского посла Мумма.
16. Занятие немцами Гребенки.
17. « « Бахмача и Николаева.
17 — 20. 2-й Всеукраинский съезд советов в Екатеринославе.
20. Занятие немцами Херсона.

21. Переезд вновь избранного ЦИК Украины из Екатеринослава в Таганрог.
« Высылка правительством Украинской центральной рады из пределов Украины офицеров Антанты.
22 — 26. Восстание рабочих и фронтовиков в Николаеве против оккупантов; кровавое подавление восстания немцами.
23. Приказ правительства Украинской центральной рады о введении украинского языка в делопроизводстве и о замене русского герба украинским.
25. Избрание ЦИК Украины в Таганроге нового состава Народного секретариата. Раскол с левыми эсерами. Правительство составлено из большевиков и левых укр. с.-д.
25. Занятие Кременчуга немцами.
29. « Полтавы и Кривого-Рога немцами.
30. Нота Совета министров Украинской народной республики Совнаркому с предложением начать немедленно мирные переговоры.
31. Занятие Ворожбы немцами.

Апрель.

2. Занятие германцами Екатеринослава.
3. Ответ Совнаркома Украинской раде с выражением согласия приступить к мирным переговорам и с предложением начать их в Смоленске 5 апреля.
5. Прибытие в Киев генерал-фельдмаршала ф. Эйхгорна, главнокомандующего германскими войсками на Украине.
7. Занятие Синельникова и Павлограда германцами.
8. « Харькова германцами.
9. « Белграда и Льгова германцами.
11. Малая рада постановила созвать Украинское учредительное собрание на 12 мая (на самом деле Учредительное собрание не было собрано вследствие переворота 29 апреля)
16. Протест Украинской центральной рады против решения Бессарабского сфатулцерия о присоединении Бессарабии к Румынии.
17. Постановление ЦИКУК о самороспуске, ввиду занятия Украины оккупантами.
« Занятие Валуек немцами.
18. Соглашение германского посла на Украине бар. Мумма и главнокомандующего фельдм. Эйхгорна с ген. Скоропадским о будущем государственном перевороте на Украине.
« Занятие Изюма немцами.
19 — 20. Партийное совещание большевиков Украины в Таганроге, образовавшее Коммунистическую партию (большевиков) Украины и избравшее Организационное бюро для созыва парт. конференции.
20. Занятие Славянска и Мелитополя немцами.
« Вступление германских войск в Крым.
21. Отъезд Народного секретариата Украины из Таганрога в Москву.
23. Заключение экономического соглашения между Украиной и срединными державами, согласно которому Украина обязалась поставить Герма-

ния и Австрии в течение 4-х месяцев 60 млн. пудов (ок. 1 млн. тонн) хлеба и 400 млн. яиц, $2^{3}/_{4}$ млн. пуд. убойного скота, $37^{1}/_{2}$ млн. пуд. железной руды.

24. Занятие Бахмута германцами.
25. « Славяносербска немцами.
« Арест германским командованием в Киеве украинского военного министра Жуковского, жены министра внутренних дел Ткаченко, начальника милиции Богацкого и др. по обвинению в похищении директора Русского банка для внешней торговли Доброго.
26. Приказ фельдм. Эйхгорна о введении германских военно-полевых судов на Украине за ряд преступлений.
« Протест Украинского правительства против ареста членов правительства и Центральной рады во время заседания германскими солдатами.
29. Государственный переворот на украине. Разгон Украинской центральной рады германскими солдатами, провозглашение «гетманом всея Украины» избранного съездом хлеборобов ген. П. Скоропадского, заранее сговорившегося с германским правительством.
30. Занятие Чертково немцами.

Май.

1. Вторжение германских войск в Донскую область. Занятие ими Таганрога.
2. Гетманом назначен кабинет министров под председательством Лизогуба.
4. Заявление верховного главнокомандующего В. А. Антонова-Овсеенко о прекращении военных действий против австро-германских оккупационных войск и гайдамаков и о сложении им с себя звания верховного главнокомандующего Южных республик.
7. Занятие Ростова-на-Дону германцами.
15. Ответ Румынии на ноту Украинского правительства относительно Бессарабии. Румыния отвергала украинские притязания, между прочим, на том основании, что Бессарабия не аннексирована, а добровольно воссоединилась с отчизной.
23. Начало русско-украинских мирных переговоров. Председателем советской делегации был Раковский, украинской — Шелухин. Советская делегация ответила утвердительно на вопрос, признает ли советское правительство Украину независимым государством.
26. Партийная конференция большевиков в Киеве, избравшая «временный всеукраинский комитет рабочей коммунистической партии».
31. Всеукраинская конференция профсоюзов в Киеве, организованная меньшевиками.
« IV Съезд украинской партии эсеров. Раскол их на 2 партии: укр. эсеров—боротьбистов (левых) и укр. эсеров (правых).
« V Съезд УСДРП. Выделение левого крыла партии—незалежников, оставшихся в партии.

Июнь.

5. Отметная нота Украинского правительства Румынии, настаивающая на том, что Сфатулцерий не правомочен решать судьбу Бессарабии и что население последней стремится к воссоединению с Украиной.

8. Украинским советом министров одобрен аграрный закон, по которому частное землевладение ограничено 25 десятинами, но принудительное отчуждение крупных владений не предусмотрено. Государственному земельному банку предоставлено неограниченное право покупки земель с целью продажи крестьянам участками размером до 25 десятин.

12. Украинским правительством вручена германскому послу нота о необходимости присоединения Крыма к Украине.

13. Подписание русско-украинского договора о перемирии, по которому враждебные действия приостанавливаются, установление демаркационной линии предоставляется командующим отдельными войсковыми частями, облегчается возвращение граждан на родину, производится обмен пленных, подготовляется размен железнодорожного материала, устанавливаются торговые сношения и выражается готовность вступить в окончательные переговоры о мире.

20. Открытие Всеукраинского церковного собора, отклонившего предложение об отделении украинской православной церкви от русской и оставившего в силе подчинение киевского митрополита московскому патриарху.

Июль.

5 — 12. 1-й Съезд КП(б)У в Москве, объявивший Народный секретариат распущенным, поручивший ЦК организовать Центральный военно-революционный комитет и признавший необходимым революционное объединение Украины с Россией.

15. Начало Всеобщей железнодорожной забастовки на Украине, продолжавшейся до начала августа и носившей политический характер протеста против германского правительства и оккупации. Движение частью поддерживалось с помощью немецкого персонала.

16. Съезд монархистов в Киеве.

22 — 25. Процесс бывших членов правительства Украинской центральной рады: председателя совета министров Голубовича, министра внутренних дел Ткаченко, военного министра Жуковского и др., обвинявшихся перед германским военно-полевым судом в похищении банкира Доброго. Обвиняемые приговорены к 1 — 2 годам заключения в тюрьме.

30. Убийство главы германского командования в Киеве фельдмаршала Эйхгорна Борисом Донским посредством брошенной бомбы, по приговору партии левых эсеров.

Август.

5. Издание Всеукраинским центральным революционным комитетом приказа о восстании. Восстание, вспыхнувшее в немногих пунктах, было подавлено.

10. Арест Центрального стачечного комитета железнодорожников в Киеве.

31. Взрыв в украинских военных складах в Одессе.

Сентябрь.

3. Отъезд гетмана Скоропадского в Германию.

10. Заключение экономического соглашения между Украиной с одной стороны, Германией и Австро-Венгрией с другой, по которому продлено действие соглашения от 23 апреля, срок которого истек 1 августа.

Октябрь.

2. Начало формирования «Украинской национальной гвардии» гетманом.
4. Начало переговоров между Украиной и Румынией в Киеве с целью урегулирования вопроса о Бессарабии и установления товарообмена.
5. Начало переговоров в Киеве между Украиной и Крымом о включении Крыма в состав Украины. Переговоры оказались безрезультатными, так как Крымское правительство настаивало на федерации при сохранении государственной самостоятельности Крыма, Украина же соглашалась предоставить Крыму только автономию.
6. Открытие 1-го Украинского университета в Киеве.
7. Разрыв советско-украинских мирных переговоров вследствие разногласий по ряду пунктов. Перемирие и дипломатические отношения сохранены.
8. Обсудив мирное предложение германской коалиции державам Антанты, Украинское правительство решило добиваться представительства на мирной конференции и завязать дипломатические отношения с нейтральными державами.

17 — 22. 2-й Съезд КП(б)У в Москве. Борьба «правых» и «левых».

24. «Обновление» Украинского кабинета министров, по требованию Украинского национального союза, включением в него социалистов-федералистов. Усиление националистического курса нового правительства.

Ноябрь.

1. Захват власти во Львове Украинской национальной радой (Галицийской). Разоружение польских войск в городе.
1. Новое столкновение между польскими и украинскими войсками в Галиции и начало войны между Польшей и Восточно-галицийской Украиной.
13. Образование Украинской директории во главе с Винниченко на тайном собрании Украинского национального союза в Киеве.
15. Назначение гетманом нового правительства под председательством бывшего царского министра Гербеля. Декларация нового совета министров заявляет о необходимости восстановления федеративной России при обеспечении национального своеобразия Украины, укрепления порядка борьбы с большевизмом, созыва национального собрания, аграрной реформы, свободы торговли и пр.
« Переезд Украинской директории в Белую Церковь и начало ее восстания против гетмана.
18. Назначение гетманом графа Келлера «главнокомандующим армиями фронта».
« Захват власти в Харькове полковником Болбочаном, присоединившимся к Директории.
20. ЦК КП(б)У образовал временное рабоче-крестьянское правительство Украины во главе с Ю. Пятаковым.
25. Отставка графа Келлера и назначение главнокомандующим гетманскими войсками князя Долгорукова.

25 — 26. 2-дневная всеобщая политическая забастовка в Одессе.
26. Прибытие первых военных судов Антанты в Одессу.
27. Занятие Полтавы войсками Болбочана.

Декабрь.

30/XI — 8/XII Съезд представителей земств и городов Юга России в Симферополе.
1. В Фастове заключен предварительный договор между Украинской народной республикой и Западно-украинской народной республикой об их слиянии.
« Прибытие в Одессу эшелона сербских войск из Тирасполя.
2. Договор между Украинской директорией и германским командованием, по которому Директория приостанавливает дальнейшее продвижение своих войск к Киеву до прибытия представителей Антанты в Киев и до высадки на Украине ее войск.
3. Занятие Валуек красной армией.
12. « Одессы петлюровцами.
13. Договор о нейтралитете между германским военным командованием и Директорией.
14. Отречение гетмана. Вступление в Киев войск Директории.
« Занятие Киева петлюровцами. Отречение гетмана Скоропадского и бегство его из Киева.
17. Высадка французского десанта в Одессе.
18. Декларация генерала Бориуса, командующего 156 пехотной французской дивизией о том, что он берет Одессу под свою защиту и назначает генерала Гришина-Алмазова одесским губернатором.
« Бои между добровольцами и петлюровцами в Одессе. Отступление петлюровцев из города.
21. Занятие Купянска Красной армией.
22. Разгром Центрального бюро профсоюзов в Киеве петлюровцами.
« Занятие Белгорода Красной армией.
26. Восстание левых эсеров в Купянске.

1919 г.

Январь.

3. Занятие Харькова Красной армией.
4. Национальной радой Восточной Галиции в Станиславове постановлено присоединить Восточную Галицию к Великой Украине.
11. Ликвидация лево-эсеровского заговора в Купянске.
12. Занятие Чернигова Красной армией.
16. Ультиматум Украинской директории Советскому правительству с предложением прекратить военные действия на украинской территории и с угрозой войны в случае неполучения удовлетворительного ответа в течение 48 часов.
18. Ввиду неполучения желательного для Директории ответа от Советского правительства Украина признала себя в состоянии войны с последним. Главным атаманом назначен Петлюра.

18. Занятие Полтавы и Богучара советскими войсками.
21. « Луганска, Конотопа и Бахмача Красной армией.
26. « Екатеринослава украинской Красной армией.
27. Открытие трудового конгресса в Киеве, состоящего в большинстве из украинских эсеров. Торжественное провозглашение соединения Восточной Галиции с Украиной.
28. Переезд Директории из Киева в Винницу ввиду наступления советских войск.
30. Захват Тирасполя красными повстанцами. Организация Военно-революционного комитета и Совета народных комиссаров в городе.

Февраль.

1. Занятие Херсона войсками Антанты.
2. Высадка десанта Антантой в Николаеве.
5. Занятие Киева Красной армией.
6. Прибытие в Одессу представителей французской армии ген. д'Ансельма и полковника Фрейденберга.
8. Занятие Тирасполя польско-французским отрядом. Расстрел коммунистов.
10. Выход Б. Винниченко из состава Украинской директории.
11. Военные действия поляков против Советской республики. Занятие Брест-Литовска поляками.
17. Требования французского командования в Одессе о сформировании смешанных русско-французских бригад под французским командованием.
18. Занятие Бахмута Красной армией.
21. Заключение перемирия во Львове между Украинской народной республикой и Польшей через посредничество представителей Антанты.

Март.

1 — 6. 3-й Съезд КП(б)У в Харькове.
Начало марта. 3-й Съезд советов Украины в Харькове.
2. Прекращение перемирия и возобновление войны Украинской народной республики с Польшей, вследствие отказа Украины принять предложенную Антантой демаркационную линию.
« Занятие Херсона красными партизанами Григорьева.
12. « Николаева советскими отрядами Григорьева.
14. Введение осадного положения в Одессе французским командованием.
15. Переезд Украинского советского правительства из Харькова в Киев.
« Объявление Одессы французским командованием на осадном положении; полнота власти передавалась генералу д'Ансельму, его помощником по гражданской части назначался Андре-де Ланжерон; военным губернатором Одессы назначался ген. Шварц.
17. Переезд Украинской директории из Винницы в Проскуров.
19. Требование Верховного совета Парижской мирной конференции о прекращении военных действий между Украинской народной республикой и Польшей.
« Образование в Одессе французами «комитета обороны» ввиду наступления советских войск Григорьева.

20. Прибытие французского генерала Франше д'Эспере в Одессу.
« Занятие Жмеринки Красной армией.
« Оставление Львова петлюровцами и занятие его поляками.
25. Занятие Мариуполя Красной армией.
26. Возобновление украинско-польских мирных переговоров под председательством представителя Америки.
« Возобновление заседаний Западно-украинской национальной рады в Станиславове.
29. Очищение Очакова добровольческой бригадой ген. Тимоновского.

Апрель.

2. Приказ французского командования об эвакуации Одессы.
3. Совет рабочих депутатов в Одессе объявил себя властью в городе.
« Занятие Юзова Красной армией.
5 — 6. Эвакуация Одессы французами и добровольцами. Занятие Одессы советскими отрядами Григорьева.
6. Образование временного совета народных комиссаров в Одессе. Правительство Директории обратилось к президенту Вильсону и представителям Антанты в Париже с протестом против действий Польши, которая продолжает вести наступление в Галиции против Украины, в то время как войска Директории ведут борьбу против Русской советской армии.
9. Образование Директорией «левого» кабинета во главе с с.-д. Мартосом.
12. Занятие Житомира Красной армией.
15. Наступление Деникина в Донецком бассейне. Упорные бои между добровольческой армией и советскими войсками в районе Бахмута и Луганска.
21. Занятие Каменец-Подольска Красной армией.
23. Политическая декларация деникинского правительства.
24. Переезд Украинской директории в Ровно.

Май.

1. Ультиматум советских правительств России и Украины, предъявленный Румынии, с требованием очищения Бессарабии и возвращения захваченного русского военного имущества.
4. Занятие Луганска добровольцами.
7. Восстание атамана Григорьева на Украине против советской власти.
9. Для установления перемирия между Польшей и Украинской народной республикой собралась межсоюзническая конференция в Париже, наметившая демаркационные линии.
11. Бои Красной армии с войсками Григорьева у станции Сухачевка, в районе Екатеринослава.
12. Захват Екатеринослава григорьевцами.
15. Очищение Екатеринослава от григорьевцев.
« Новое наступление поляков в Восточной Галиции против войск Украинской народной республики.
19. Прорыв конницы Деникина у Юзовки.

22. Ликвидация мятежа атамана Григорьева. Занятие Красной армией опорного пункта Григорьева — станции Александрии.
30. Переезд Украинской директории в Каменец-Подольск.

Июнь

1. Занятие Бахмута добровольцами.
4. Занятие добровольческой армией Славянска.
« Мятеж Махно против советской власти в Екатеринославской губ.
5—7. Разгром Махно корпусом генерала Шкуро у Гуляй-Поле.
6. « Бердянска и Славянска добровольцами.
9. Попытка военного переворота Болбочана против Петлюры в Проскурове. Арест Болбочана.
12. Опубликование приказа о подчинении Деникина Колчаку.
14. Занятие Купянска добровольцами.
20. Заключение перемирия между Польшей и Украинской директорией во Львове, нарушенное 24/VI военными действиями.
21. Занятие деникинцами Феодосии, Павлограда, Волчанска, Валуек и Калача.
24. Акт Колчака о замене его в случае смерти Деникиным в должности верховного главнокомандующего.
« Расстрел Болбочана за выступление против Петлюры.
25. Занятие Харькова добровольческими частями генерала Май-Маевского
29. « Екатеринослава и Новохоперска добровольцами.
30. « деникинцами Екатеринослава, Царицына и Константинограда.

Июль.

16. Занятие Красной армией Екатеринослава и Люботина.
21. Верховный совет держав Антанты принял решение передать гражданское управление Восточной Галицией Польше с тем, что впоследствии населению страны будет предоставлено свободно решить вопрос о своей политической принадлежности.
27. Убийство атамана Григорьева атаманом Махно.
31. Оставление Полтавы Красной армией и занятие ее добровольцами.

Август.

1. Начало наступления петлюровских войск против Красной армии на правобережной Украине в связи с успехами Деникина.
11. Занятие добровольцами Гадяча.
13. « Игумна, Ровно и Сарн поляками.
16. Уведомление Деникиным представителей Согласия о невозможности соглашения Добровольческой армии с Петлюрой.
17. Контр-удар Красной армии в харьковском направлении. Занятие ею Нового Оскола и Бирюча.
18. Занятие Херсона и Николаева деникинцами.
22. « Валуек деникинцами.
23. « Одессы деникинцами.

26. Прорыв красными частями деникинского фронта и занятие ими Кулянска.
30. Занятие Киева петлюровцами и добровольческими частями им. Бредова. Столкновение между петлюровцами и добровольцами в Киеве.
« Оставление Киева петлюровцами.
« Объединение боротьбистов с левым крылом укр. с.-д. — незалежников в «Украинскую коммунистическую партию боротьбистов».

Сентябрь.

6. Соглашение Петлюры с Румынией, по которому первый отказывался от притязаний Украины на Бессарабию, Румыния же принимала на себя обязательство снабдить Петлюру оружием и амуницией.
10. Занятие Валуек деникинцами.
26. Наступление Махно на Умань против деникинцев.
« Отставка петлюровского министерства Мартоса в Каменец-Подольске. Образование нового кабинета во главе с Мазепой.
27. Заключение 30-дневного перемирия между украинской народной республикой и Польшей.
28. Занятие Глухова деникинцами.
30. « Воронежа деникинскими частями ген. Шкуро.

Октябрь.

2. ЦК КП(б)У, ввиду потери Украины объявил себя распущенным.
5. Наступление Махно против добровольцев в районе Днепра.
7. Наступление Махно на Гуляй-Поле против добровольцев.
9. Объявление войны Петлюрой Деникину.
12. Занятие Чернигова деникинцами.
13 — 14. Временный захват Киева советскими частями.
25. Нота украинского представительства в Лондоне английскому правительству с просьбой о содействии разрешению конфликта между Украинской народной республикой и Деникиным, так как только немедленное прекращение враждебных действий между ними может привести к окончательной ликвидации большевизма.
27. Захват Екатеринослава частями Махно, наступающим против деникинцев.

Ноябрь.

3. Совещание старших начальников украинских и галицийских войск в Жмеринке.
5. Занятие Чернигова Красной армией.
7. Договор между галицийской армией и Деникиным, согласно которому первая переходила под командование Деникина.
11. Занятие Жмеринки деникинцами.
12. Переход галицийской армии во главе с ген. Тарновским на сторону Деникина.
14. Занятие Глухова и Фатежа Красной армией.
15. Приезд Деникина в Харьков.
18. Занятие Бахмача Красной армией.

19. Наступление ген. Слащева на Екатеринослав против Махно.
23. Очищение левого берега Днепра деникинцами от махновцев.
24. Занятие Конотопа Красной армией.

Декабрь.

1. Красной армией заняты Прилуки и Сумы.
2. Договор между Петлюрой и польским правительством, согласно которому Петлюра отказывался от Восточной Галиции в пользу Польши.
6. Занятие Белгорода Красной армией.
8. « Екатеринослава добровольческими частями Слащева, выбившими из города Махно.
9. Занятие Бердичева, Богодухова и Валуек Красной армией.
12. « Харькова Красной армией.
13. « Полтавы « «
16. « Киева, Купянска и Ромодана Красной армией.
24. « Казатина и Лозовой Красной армией.

« Постановление соединенного заседания центральных комитетов партий украинских социал-демократов и эсеров, по которому вся полнота власти передавалась кабинету министров Мазепы и тем самым молчаливо упразднялась Украинская директория.

26. Занятие Славяносербска, Миллерова и Луганска Красной армией.
30. Занятие Екатеринослава и Синельникова Красной армией.

« Образование Всеукраинского военно-революционного комитета во главе с Петровским на совещании партработников Украины в Москве.

Образование нового партийного центра КП(б)У.

1920 г.

Январь.

8. Занятие Бердянска Красной армией.
26. Занятие Елисаветграда « «
29. « Одессы петлюровским генералом Павленко.
31. « Николаева и Херсона Красной армией.

Февраль.

2. Заключение договора между РСФСР и УССР о тесном союзе.
7. Занятие Одессы Красной армией.
15. « Тирасполя « «
18. Упразднение Всеукраинского ревкома по постановлению Всеукраинского ЦИК и образование Совнаркома Украины во главе с Раковским.
23. Петлюровская дипломатическая миссия в Варшаве объявила, что единственным законным правительством Украины является кабинет Мазепы, назначенный носителем верховной власти Петлюрой, и что Совнарком Украинской советской республики не правомочен вести мирные переговоры от имени Украинского правительства.

Март.

10. Начало переговоров между петлюровской миссией в Варшаве и Польшей. Переговоры закончились заключением политического договора, по которому Петлюра отказывался в пользу Польши от Восточной Галиции и части Волыни, Польша же обязывалась помочь Петлюре освободить Украину от большевиков и занять все Правобережье своими войсками с обязательством увести их по требованию Украинского правительства.

17—20. 4-я конференция КП(б)У в Харькове, принявшая в партию боротьбистов.

Апрель.

2. Нота английского правительства о прекращении помощи добровольческой армии.

3. Передача Деникиным Врангелю поста командующего вооруженными силами Юга России.

11. Первая нота Керзона Советской России с предложением заключить перемирие с Врангелем.

18. Утверждение польско-украинского политического договора Украинской национальной радой в Каменец-Подольске.

22. Заключение союзного договора между петлюровской миссией в Варшаве и польским правительством. Польша признала Петлюру «верховным гетманом Директории независимой Украинской народной республики». Аграрный вопрос на Украине должен был быть разрешен Учредительным собранием, а до того положение помещиков польской национальности на Украине могло быть изменено только путем особого соглашения между Польшей и Украиной. Сверх того было заключено тайное военное соглашение между обоими правительствами.

25. Начало наступления польских и петлюровских войск против РСФСР и УССР.

26. Занятие Житомира и Бердичева польско-петлюровскими войсками.

28. Воззвание верховного вождя польской армии Пилсудского к жителям Украины с указанием, что польская армия останется на Украине лишь до установления управления страной постоянным украинским правительством.

28. Занятие Казатина поляками.

30. « Жмеринки и Винницы поляками.

Май.

1 Занятие Фастова поляками.

3. « Ракитно «

8. « Киева «

13. Преобразование петлюровского кабинета Мазепы, в состав которого вошло двое поляков. Переезд петлюровского правительства из Каменец-Подольска в Винницу.

14. Переход Красной армии в наступление на польском фронте.

26. Новое преобразование петлюровского кабинета, во главе которого с Мазепы поставлен Прокопович (социалист-федералист).

Июнь.

3. Нота великобританского правительства врангелевскому командованию с требованием прекращения военных действий против большевиков.
6. Высадка десанта Врангеля на Азовском побережьи.
7. Приказ Врангеля о земле. Переход армии Врангеля в наступление. Выход ее из Крыма на север. Поражение XIII советской армии.
8. Прорыв конницей Буденного польского фронта на Украине.
9. Занятие Житомира и Белой Церкви Красной армией.
11. « Киева и Фастова Красной армией.
14. « Бердянска войсками Врангеля.
20. « Винницы, Жмеринки и Речицы Красной армией.
21. « Коростеня и Овруча Красной армией.
23. « Бердянска войсками Врангеля.
27. « « Красной армией.
30. « Мозыря « «

Июль.

1. Занятие Шепетовки Красной армией.
3. Поражение красного конного корпуса Жлобы в сражении с войсками Врангеля.
3. Протест Советского правительства против признания Финляндией правительства Петлюры.
4. Занятие Ровно Красной армией.
7. Занятие Летичева и Могилева-Подольского Красной армией.
. « Староконстантинова Красной армией.
9. Занятие Проскурова Красной армией.
10. « Дубно, Новой Ушицы, Минска Красной армией.
12. « Каменец-Подольска « «

Предложение Англии о посредничестве между Советской Россией, Польшей и Врангелем.

16. Занятие Слуцка Красной армией.
17. Отказ Советского правительства от посредничества Англии.
20. Требование английского правительства о немедленном прекращении наступления Красной армии на польском фронте.
2. Обращение польского правительства к Советской России с предложением начать мирные переговоры.
2. Занятие Сломима Красной армией.
. Переезд петлюровского правительства в Тарнов (в Восточной Галиции.
25. Занятие Волочиска и Гусятина Красной армией. Переход советскими войсками бывшей русско-австрийской границы и занятие Брод.
28. Занятие Тарнополя в Галиции Красной армией.
28. Приказ Врангеля о волостном земстве.

Август.

1. Занятие Брест-Литовска Красной армией.
2. Образование Ревкома Галиции во главе с Затонским.
4. Требование Англии о приостановлении дальнейшего наступления Крас-

ной армии на польском фронте с угрозой в противном случае направить английский флот против Советской России.
4. Соглашение Врангеля с атаманами и правительствами казачьих войск.
6. Занятие Острова и Тирасполя Красной армией.
7. Начало мирных переговоров Советского правительства с Польшей.
8. Занятие Владимира-Волынского Красной армией.
11. Признание Францией правительства Врангеля как фактического правительства Юга России.
14. Упорные бои под Варшавой. Начало отступления Красной армии.
14. Высадка врангелевского десанта на Кубани у Приморской-Ахтарской.
17. Открытие русско-польской мирной конференции в Минске.
17. Оборонительный договор между так наз. правительствами Петлюры и «Кубанской республики».
22. Занятие Брест-Литовска поляками.

Сентябрь.

1. Оставление частями Врангеля Тамани.
2. Перерыв русско-польских переговоров в Минске по требованию поляков с целью перенесения их в Ригу.
13. Занятие Владимира-Волынского поляками.
14. « Ковеля поляками.
15. « Бердянска войсками Врангеля.
17. « Луцка поляками.
18. « Брод, Тарнополя, Трембовли и Гусятина в Галиции петлюровцами.
19. Занятие Ровно поляками.
21. « Острога поляками.
21. « Каменец-Подольска петлюровцами.
21. « Возобновление русско-польских мирных переговоров в Риге.
24. « Изъяслава поляками.
24. « Александровска войсками Врангеля.
27 — 28. « Поляками и петлюровцами Проскурова, Сарн и Пинска.
28. « Мариуполя войсками Врангеля.
30. « Жмеринки петлюровцами.

Октябрь.

1. На Рижской мирной конференции советская делегация внесла проект прелиминарного мира с Польшей.
1. Занятие поляками Новогрудка и Новограда-Волынска.
3. Приказ Врангеля о губернском и уездном земстве. Приказ его же о сформировании III русской армии в Польше.
5. Красной армией вновь заняты Летичев и Деражно.
5. Занятие Мариуполя Красной армией.
5. Соглашение по основным вопросам прелиминарного мира на Рижской мирной конференции.
6. Занятие Синельниково Красной армией.
7. « Олевска « «

8. Переход частей армии Врангеля на правый берег Днепра.
8. Наступление войск Врангеля у Никополя.
9. Занятие Бердянска Красной армией.
10. « Гуляй-Поля « «
12. Подписание договора о перемирии и прелиминарных условиях мира между Советской Россией и Польшей на Рижской мирной конференции.
13. Занятие Молодечно и Слуцка поляками.
13. Разгром войск Врангеля у Никополя и Каховки.
14. Занятие Коростеня и Остропо́ля Красной армией.
14. Отход врангелевских частей на левый берег Днепра.
20. Заключение перемирия на Польском фронте.
20. Занятие Винницы петлюровцами, не признавшими перемирия между Польшей и Советской республикой.
22. Назначение главой петлюровского правительства, вместо Прокоповича, Андрея Левицкого.
24. Занятие Александровска Красной армией.
26. Общий переход Красной армии в наступление против Врангеля. Занятие ею Мелитополя.

Ноябрь.

2. Отступление войск Врангеля на перекопские позиции.
3. Общая нота правительств РСФСР и УССР английскому правительству о непризнании ими договора союзников с Румынией от 28 октября, которым за последней признавался суверенитет над Бессарабией.
7. Наступление банд Булак-Балаховича в районе Мозыря.
7. » петлюровских банд на Украине.
7—9. Упорные бои с войсками Врангеля у Перекопа, закончившиеся занятием Красной армией укрепленных перекопских позиций.
11. Приказ Врангеля об эвакуации Крыма.
13. Занятие Литина петлюровцами.
14—15. Занятие Симферополя, Севастополя и Феодосии Красной армией. Бегство армии Врангеля на судах в Константинополь.
15. Занятие Каменец-Подольска Красной армией, наступающей против войск Петлюры.
15. Занятие Керчи Красной армией.
17. Открытие польско-советской конференции для заключения окончательного мира.
17—22. V конференция КП(б)У в Харькове.
18. Занятие Проскурова Красной армией.
20. Вытеснение банд Булак-Балаховича из Мозыря.
22. Занятие Волочиска Красной армией.
22. Ликвидация петлюровских банд на Украине.
23. Ликвидация банд Булак-Балаховича.
28. Занятие Слуцка Красной армией.

Декабрь.

3. Ликвидация советскими частями главных сил Махно на Украине.
17. Лига наций в Женеве отклонила просьбу Петлюры о приеме Украины в члены Лиги.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Авдиенко, М., член украинского революционного комитета, образовавшегося в Киеве по занятии его Директорией в декабре 1918 г. 300.

Аверьянов, прокурор окружного суда в Екатеринославе, растрелянный Махно в 1918 г. 193.

Авксентьев, Николай Дмитриевич (род. 1878 г.), — один из видных членов партии эсеров. В 1905 г. — член Петербургского Совета рабочих депутатов и его Исполнительного комитета; за это был сослан в Сибирь, откуда в 1907 г. бежал в состав ЦК эсеров. Во время войны — крайний оборонец; в период Февральской революции — председатель ЦИК Советов крестьянских депутатов, министр внутренних дел в одном из коалиционных правительств Керенского, председатель «Совета республики». После Октября — активный противник Советов, член, избранный Уфимским государственным совещанием пятичленной директории, так называемого Временного всероссийского правительства; после колчаковского переворота в ноябре 1918 г. выслан Колчаком за границу, где ведет в печати борьбу против Советской республики 228.

Алексеев, Михаил Васильевич (1857—1918), генерал, участник мировой войны. С осени 1915 г., когда Николай II уплыл с поста верховного главнокомандующего вел. кн. Николая Николаевича и сам занял этот пост, Алексеев стал начальником штаба главковерха (фактически же — руководителем всех военных операций); некоторое время в период Февральской революции был верховным главнокомандующим. К революции относился отрицательно, лелеял старался уберечь солдат от «агитаторов» и восстановить старую власть офицерства. После Октябрьского переворота бежал на Дон и явился инициатором и одним из главнейших организаторов добровольческой армии; носил в ней звание «верховного руководителя» и ведал всеми гражданскими и финансовыми делами 143, 147, 196, 197.

Альвенслебен, граф, германский офицер 203.

Ангел, атаман, петлюровец, один из известнейших вождей партизанского бандитизма и организаторов еврейских погромов на Украине 300, 302, 331, 333.

Андреевский, П. см. Андриевский, П.

Андриевский 208.

Андриевский, П. член украинской Директории, принадлежащий к правому ее крылу 49, 166, 182, 183, 290, 296, 362.

Анисов, Дмитрий Федорович (род. 1866 г.) член Государственной думы, мирнообновленец в период французской оккупации Одессы в 1918—1919 гг. эфемерный одесский «министр внутренних дел» 184.

Анисов, С. В., волынский губернский староста (губернатор) при гетмане 264.

Д'Ансельм, см. Д'Ансельм.

Анна Иоанновна (1693—1740), русская императрица (1730—1740), возведена на престол членом Верховного тайного совета; фактическим правителем был любовник императрицы Бирон, установивший режим террора (бироновщину) в интересах двора и узкой клики придворных 66.

Д'Ансельм, генерал, начальник французского оккупационного отряда в Одессе в 1919 г. 177, 180, 181, 187, 185, 307, 308, 312, 313, 314, 315.

Антоний («в мире» Алексей Шиловин Храповицкий, р. 1864), архиепископ Волынский, приобрел до революции широкую известность, как убежденный монархист, мракобес и черносотенец-поклонник Победоносцева. 1918 г. назначен митрополитом киевским 142.

Антонов, Николай Иванович (род. 1857) член III Государственной думы, октябрист, один из организаторов «съезда хлеборобов» на Украине в 1918 г. для выборов гетмана 199.

Антонов-Овсеенко, В. А. (р о д. 1884 г. — старый с.-д., в 1906 г организатор восстания в Севастополе, во время войны — интернационалист,) в 1917 г. вступил в партию большевиков, один из видных членов Военно-революционного комитета и руководителей боевыми операциями Октябрьского восстания, после Октября не раз — на ответственных постах в армии, ныне советский дипломат 159.

Антонович, полковник 308.

Антонович, Б., украинский с.-д., министр искусств в первом совете народных министров УНР, образованном Директорией в декабре 1918 г. 301.

Антонович, Вл. Б., киевский профессор, украинский самостийник 118.

Антонович, Д. В., украинский общественный деятель, националист 120, 371.

Арке, генерал, член французской делегации при украинской Директории 88.

Артеменко, один из вождей украинского повстанчества 272.

Архимович, комиссар киевского учебного округа при Временном правительстве 4.

Архиценко, Е., министр земледелия в одном из кабинетов Директории 316.

Астров, Н. И., кадет, бывший московский городской голова, член контрреволюционных организаций «Национального центра» и «Союза возрождения России» на Уфимском государственном совещании в сентябре 1918 г. избран членом «Временного всероссийского правительства» («Директорию»), но фактически не принимал в нем участия; был одним из членов Особого совещания при Добровольческой армии 158, 229.

Афанасьев, министр иностранных дел в последнем кабинете гетмана 114, 163, 165, 166, 171, 175.

Баггс, Пиктон, английский генеральный консул в Одессе, при Центральной раде — представитель Великобритании на Украине 88, 136, 360, 391.

Балабанов, Мих. Соломо., старый марксист, журналист и исследователь, автор ряда

работ по истории рабочего и революционного движения. В период революции и гражданской войны был меньшевиком 31.

Баллё, адмирал 308.

Баран, Иван, секретарь земельных дел в первом державном секретариате (правительстве) Восточной Галиции в 1918 г. 333.

Барвинский, Александр, секретарь просвещения в первом державном секретариате (правительстве), образованном Национальной радой Восточной Галиции 2 ноября 1918 г. 333.

Баханович, инженер, председатель белорусской делегации к союзникам в Одессе в начале 1919 г. 379 380.

Бартошевич, И. И., польский народовый демократ, председатель польского исполнительного комитета в Киеве в 1917 г. 9.

Бачинский, С., украинский эсер, товарищ министра иностранных дел в одном из кабинетов украинской Директории 311, 333, 381.

Бебель, Август (1840 — 1913), основатель и вождь германской с.-д. партии, из рабочих, блестящий оратор, многолетний член рейхстага, соратник Вильгельма Либкнехта, автор известных работ «женщина и социализм», «Из моей жизни» и др. Занимал центристскую позицию в партии 7.

Бейк, Фед. Ник. (род. 1865 г.), монархист, помещик, член IV Государственной думы, член бюро Совещания членов законодательных палат в Киеве в 1918 г., член «Совета обороны» при графе Келлере, там же 164, 171, 173.

Бельц, генерал, командующий австрийскими войсками, оккупировавшими Украину в начале 1918 г. 137.

Бернс, Джон (род. 1858 г.), английский политический деятель, из рабочих, в 1890 г. выдвинулся как рабочий вождь в движении безработных 1887 г. и в стачке докеров 1889 г. В 1905 г. вступил в либеральное министерство Кэмбелла-Бannермана, в 1914 г. вышел из состава правительства, как противник войны, с 1918 г. оставил политическую деятельность 7.

Биянский, М., украинский эсер, морской министр в разных кабинетах Директории 301, 316.

Бись, И. С., меньшевик-интернационалист, член украинской центральной рады 51, 225.

Бискупский, генерал, командовавший украинскими войсками в Одессе при гетмане в 1918 г. 178, 179, 236, 237.

Бисмарк, Отто (1815 — 1898), крупнейший государственный деятель императорской Германии, один из создателей Германской империи в 1871 г., долголетний глава прусского, потом имперского правительства, пользовался своим большим влиянием в Европе для усиления европейской реакции, автор законов против социалистов в Германии 16.

Блакитный, В. (псевдоним В. Эллановского) украинский пролетарский поэт 83.

Бобринский, В. А., граф, член Государственной думы, сахарозаводчик; во время гражданской войны — член образовавшегося в Киеве Совета государственного объединения России 101, 215.

Болбочан, полковник, 18 ноября 1918 г. произвел переворот в Харькове против гетманских властей и объявил себя сторонником украинской Директории, разогнал рабочий съезд в Харькове, разогнал и высек розгами членов крестьянского съезда в Полтаве. 9 июня 1919 г. неудачно пытался произвести переворот против Петлюры в Проскурове, но был арестован, 24 июня расстрелян 134, 166, 167, 169, 279, 287, 248, 297, 300, 303, 304, 307, 321, 328.

Болдырев, Василий Георгиевич, один из выдающихся генералов царской армии, участник мировой войны, во время гражданской войны Государственным совещанием в Уфе в сентябре 1918 г. избран членом Директории («Временного всероссийского правительства») был назначен главнокомандующим армией Учредительного собрания. После колчаковского переворота 18 ноября 1918 г. был выслан Колчаком за границу; после разгрома Колчака возвратился во Владивосток, где был некоторое время членом местного демократического правительства. При занятии Владивостока Красной армией в октябре 1922 г. остался в городе и будучи арестован обратился по ВЦИКе ходатайством о помиловании, заявив о желании работать с советской властью. В дальнейшем сотрудник Сибирской плановой комиссии 229.

Борнус, генерал, командовавший французскими десантными войсками в Одессе в 1918—1919 гг. 308.

Бородаевский, С. В., товарищ министра торговли при украинской Директории 377, 379, 383, 381.

Бош, Евгения, коммунистка, в 1917 г. — член киевского комитета партии, в 1918 г.

Бранницкая, графиня, помещица Киевской губ. 40.

Бредов, генерал, командующий войсками Деникина в Киеве в 1919 г., потом в Одессе 60, 319, 350.

Бриллиант, член советской мирной делегации в Брест-Литовске в 1918 г. 136.

Бронштейн, Л. Д., см. Троцкий, Л. Д.

Бубликов, прогрессист, член IV Государственной думы, комиссар путей сообщения Исполнительного комитета Государственной думы в дни февральской революции 2.

Бубнов, А. С. (род 1883 г.), старый большевик, в Октябрьские дни член Петроградского Военно-революционного комитета, член избранного ЦК перед Октябрем Политбюро и военно-революционного центра. С 1929 г.—нарком просвещения 149.

Буйон, Ф., председатель французской парламентской комиссии по иностранным делам в 1918 г. 185.

Быч, Л. Л., кубанский демократ, член Кубанской рады, председатель одного из составов кубанского краевого правительства, член заграничной делегации рады, противник великодержавной политики Деникина 185, 379, 380.

Бурчак, Ф. С., киевский городской голова перед Февральской революцией 3, 10.

Бутенко, А. И., инженер, министр путей сообщения в правительстве гетмана Скоропадского в 1918 г. 125.

Быховский, Г. Б., доктор, еврейский общественный деятель в Киеве в 1917—1918 гг. 6, 50.

Бюттнер, немецкий лейтенант на Украине в период оккупации 48.

Вагнер, Ю. Н., профессор биолог, член Киевского военно-промышленного комитета в 1917 г., министр труда в правительстве гетмана Скоропадского 4, 38, 125.

Ванно, полковник, член французской делегации на Украине при Центральной раде в 1917 г. 88.

Фон-Вальдов, глава военно-продовольственного ведомства в Германии в 1918 г. 28.

Василенко, К. П., правый меньшевик, киевский журналист 12.

Василенко, Н. П., кадет, товарищ министра народного просвещения при Временном правительстве, министр народного просвещения и правительстве гетмана Скоропадского 37, 38, 118, 124, 125, 129, 139.

Василенко Николай, украинский общественный деятель из Буковины, член австрийского парламента (до революции 1918 г.) 97.

Веранлов, А., черниговский городской голова 84

Веселовский, С. Ф., украинский общественный деятель 69.

Вильгельм II (род. 1859 г.), последний германский император (1888—1918). В первые годы царствования пытался привлечь к себе симпатии рабочего класса развитием рабочего законодательства. Вскоре встал на путь агрессивного (наступательного) империализма, мечтал о главенстве Германии над Средней Европой, Балканами и Турцией, непрерывно усиливал вооружения Германии, стремясь сделать ее сильнейшей державой в Европе; один из главнейших виновников мировой войны, приведшей к разгрому германской коалиции и к ноябрьской революции 1918 г. в Германии, которая лишила Вильгельма II трона и заставила его бежать в Голландию 45, 115, 138, 212.

Вильсон, Вудро (1856—1924), президент Соединенных штатов Северной Америки (с 1913 по 1921), член демократической партии, при нем САСШ сначала соблюдали нейтралитет в мировой войне, но в 1917 г. ввиду начатой Германией подводной войны, объявили войну Германии. В январе 1918 г. В. опубликовал свои знаменитые 14 пунктов мира, в которых отстаивал самоопределение народов, отказ от тайной дипломатии, ограничение вооружений, образование Лиги наций и пр. Однако, когда Германия была разбита, В. нарушил свои 14 пунктов, подписав насильнический Версальский мирный договор. Впрочем, сенат САСШ отказался ратифицировать этот договор и присоединиться к Лиге наций, и В. ушел с президентского поста, утратив свою популярность 152, 153, 392.

Виноверг, М. М. (1863—1926), один из основателей кадетской партии, публицист, член I Государственной думы, в 1918—1919 — министр белогвардейского крымского правительства; умер в эмиграции 21, 156.

Винберг, полковник, один из организаторов правого офицерского заговора в период Временного правительства, корниловец 160.

Винниченко, В. К. (род. 1880 г.), украинский с.-д. левого крыла, один из крупнейших вождей украинского национального движения, в 1917 г. председатель организованного Украинской центральной радой генерального секретариата и один из организаторов «Украинской народной республики», в 1918 г. председатель организованной Украинским национальным союзом Директории, поднявшей восстание против гетмана и сброшенной его 14 декабря, а затем вступившей в безуспешную борьбу с войсками Советской Украины и РСФСР. В феврале 1919 г. Винниченко, как слишком «левый» для забравшей власть петлюровщины, ушел с поста председателя Директории. В 1920 г., якобы примирившись с советской властью, занимал короткое время пост зам. председателя Совнаркома УССР, но вскоре дезертировал с этого поста и бежал за границу, как враг пролетарской диктатуры.

Винниченко — один из видных украинских писателей-беллетристов 9, 11, 12, 13, 15, 17, 21, 30, 31, 34, 46, 47, 49, 66, 87, 68, 71, 72, 77, 79, 88, 91, 92, 119, 131, 135, 148, 150, 159, 161, 166, 168, 176, 178, 182, 183, 213, 271, 277, 290, 296, 311, 313, 318, 325, 359, 362, 372, 373, 384.

Виноградов, В. А., кадет, профессор, член Государственной думы, на Уфимском государственном совещании в сентябре 1918 г. избран заместителем и членом Временного всероссийского правительства (Директории), после колчаковского переворота 18 ноября 1918 г. имел мужество выйти из состава правительства 229.

Витик, министр г а л и ц к и х дел в одном из кабинетов петлюровской Директории 352.

Витовский Дмитро, секретарь военных дел в первом державном секретариате (правительстве), образованном Национальной радой Восточной Галиции 2 ноября 1918 г. 333.

Вишнипер, М. Л., доктор, секретарь петлюровской дипломатической миссии в Англии 376.

Владимир Святой, в е л и к и й князь Киевский (с 980 по 1015), прославился переходом из язычества в христианство (православие) и обращением в христианство населения Руси 120.

Волков, член национального центра в 1918 г. 157.

Вологодский, П. В. сибирский общественный деятель, областник, член II Государственной думы, входивший по фракцию прогрессистов. Иногда неправильно причисляется к эсерам. Летом 1918 г., после свержения советской власти в Сибири, стал председателем белогвардейского Временного сибирского правительства на Уфимском государственном совещании в сентябре 1918 г. избран членом Директории (Временного всероссийского правительства), но вместе с правыми интриговал против нее, а после колчаковского переворота 18 ноября 1918 г., сверженного Директорию, остался главой колчаковского правительства, фактически допуская властвование черносотенцев и монархической военщины. Борьба с рабочими и крестьянскими восстаниями и все худшие стороны колчаковщины неразрывно связаны с именем В. Уволен в ноябре 1919 г., когда поражения заставили Колчака думать о «демократическом» курсе, после гражданской войны бежал в Китай 329.

Врангель, П. Н., барон (1876—1928), генерал, монархист, один из сплавщиков Деникина, отличившийся взятием Царицына в 1919 г. после упорной борьбы. В апреле 1920 г., когда разгромленный Деникин винил выраженного ему офицерством недоверия вышел в отставку, совещание высшего командного состава избрало Врангеля главнокомандующим бывшими деникинскими войсками, сосредоточенными в Крыму. Отсюда В. в июне 1920 г. предпринял наступление на север, когда силы Красной армии были заняты войной с поляками, и первоначально добился успехов, захватив Бердянск, Александровск, Синельниково и создал угрозу Екатеринославу. Октябрьским наступлением Красной армии и знаменитой ноябрьской атакой перекопских позиций В. был сбит, в 15—16/XI был вынужден очистить весь Крым и уйти с флотом и 120-тысячной армией в Константинополь, откуда врангелевцы постепенно расселились по разным странам. Пользуясь авторитетом в главах русского монархического офицерства (исключая небольшой кучки приверженцев «императора» Кирилла), В. до самой смерти играл роль признанного главы белогвардейской военной силы за границей и вождя белой армии в случае возобновления гражданской войны в России 382.

Волох, повстанческий атаман на Украине, устроивший неудачное выступление против Петлюры в конце 1919 г. 357.

Вольфсон, еврей, финансист на Украине в 1918—1919 гг. 177.

Высоцкий, В, член украинского «революционного комитета», действовавшего в Киеве в декабре 1918 г., после захвата власти Директорией, на правах правительства 300.

Габсбурги в XIX — XX вв. (с 1806 по 1918 г.), династия австрийских императоров, раньше — династия германских императоров (с XIII по XIX в.) и испанских королей (XVI — XVII вв.). Последним императором австрийским был Карл I из этой династии, свергнутый революцией 1918 г. 214.

Гаврилов, министр гетмана Скоропадского 317.

Галаган, В. член украинского революционного комитета, действовавшего на правах правительства в Киеве, по захвате его Директорией, в декабре 1918 г. 301.

Галий, д-р, украинский общественный деятель из Буковины, товарищ министра иностранных дел в одном из кабинетов Директории 177, 178, 379, 380.

Гальперн, А. И., с.-д., петроградский присяжный поверенный, управляющий делами Временного правительства 66.

Ганжа, Р. И., меньшевик, помощник черниговского губернского комиссара при Временном правительстве 72, 73, 78.

Гарбер, д-р, член еврейской партии «Поалей-цион» 244.

Гарибальди Джузеппе (1807—1882), неутомимый итальянский революционер, борец за национальное объединение Италии. В молодости — член тайного об-ва «Молодая Италия», был приговорен австрийцами (властвовавшими над Италией) к расстрелу; в 1848 г., один из вождей итальянской революции, в 18 6 г.— вождь революции, освободившей Южную Италию от власти Бурбонов, в 1870 г.— участник войны Французской республики против пруссаков, сторонник Парижской Коммуны и I Интернационала 331.

Гинзберг К. А. (род. 1883), правый меньшевик, ликвидатор, из рабочих. Во время мировой войны—крайний оборонец, председатель рабочей группы Центрального военно-промышленного комитета, в 1917 г.— товарищ министра труда, затем—министр труда Временного правительства. После гражданской войны—сотрудник советских учреждений 8. 50.

Гейден, графиня 208.

Гейден, Д. Ф., граф, русский помещик, виленский уездный предводитель дворянства, глава союза хлеборобов на Украине в 1917—1918 гг. 152, 162, 174, 184, 214.

Гельфман 42.

Гербель, С. П., монархист, царский министр земледелия во время войны, председатель последнего совета министров гетмана Скоропадского в 1918 г. 46. 135, 143, 164, 176, 213, 220. 221, 317, 384.

Гергель Н., чиновник еврейского министерства в правительстве Украинской центральной рады и гетмана Скоропадского 260.

Гетьманец, Гр., см. Скоропись-Йолтуховский.

Гижицкий, член блока крайних правых в Одессе в период французской оккупации в 1919 г. 179.

Гилерсон, А. 261.

Гинденбург Пауль (род. 1847 г.), германский генерал, монархист, во время мировой войны командующий Восточным фронтом, потом — главнокомандующий германскими армиями. С 1925 г. президент Германской республики, ставленник финансового капитала и аграриев 26, 148.

Глузман 375.

Гоголь, Н. В. (1809—1852), великий русский писатель, один из основателей реалистического направления в русской литературе, автор бессмертных обличений крепостнического строя — «Ревизора», «Мертвых душ» и др. В попытках публицистики («Переписка с друзьями») выказал себя реакционером 75.

Голембиовский, организатор добровольческих дружин в Киеве в период падения власти гетмана 162.

Голицын, князь 174.

Голубович, В, украинский эсер, председатель совета министров Украинской центральной рады в 1918 г., прославившийся своей бездарностью («Крегинообразный субъект» по выражению одного из мемуаристов) и недостойным поведением на немецком военном суде, которому был предан за похищение банкира Доброго, равно как и на советском суде, осудившем его в 1921 г. за контрреволюционную деятельность 22, 25, 28, 29, 30, 31, 33, 40, 92, 98, 109, 111, 112, 114, 117, 120, 122, 123, 125, 136, 243, 260.

Голубович, Исидор, д-р, секретарь судебных дел в державном секретариате (правительстве), образованном Национальной радой Восточной Галиции 2 ноября 1918 г. 333, 356.

Гольденвейзер, А. А., киевский присяжный поверенный и еврейский общественный деятель, автор помещенной в настоящем сборнике статьи «Из киевских воспоминаний» 1.

Гольденвейзер, Я. С. 5.

Гонта, Иван, один из вождей гайдамацкого восстания против поляков в 1768 г. в Приднепровской Украине (принадлежавшей Польше), поднятого Железняком. В захваченной повстанцами Умани была произведена беспощадная резня польской шляхты и евреев. Восстание было усмирено русскими казаками; выданный Польше Гонта был четвертован после того, как с него было снято 12 полос кожи 107, 108, 109, 262, 272.

Гребенко 274.

Григоренко, киевский помещик, крайний правый, выдвинувшийся французами в период оккупации ими Одессы и в 1919 г. в качестве кандидата и члены преобразованной украинской Директории и проектировавшегося южнорусского правительства 178, 179, 180, 183, 184.

Григорович-Барский, Д. Н., присяжный поверенный, председатель Киевского областного комитета кадетской партии, в 1917 г. тов. председателя Киевского Исполнительного комитета общественных организаций и старший председатель Киевской судебной палаты 2, 4, 7, 21, 46.

Григорьев, украинский атаман, из офицеров царской армии, в конце 1919 г.—петлюровец, весной 1919 г. перешел на сторону советской власти и во главе отряда партизан отбил у французских интервентов Херсон, Николаев и Одессу. В мае 1919 г. поднял мятеж против советской власти, избивая коммунистов и евреев, захватил Екатеринослав и другие города, но потерпел поражение и был убит «батькой» Махно 135, 169, 194, 195.

Григорьев, украинский эсер, член Украинской центральной рады 247.

Гришин Алмазов, А. Н., генерал, из офицеров царской армии, после Октября энергичный организатор контрреволюционной офицерщины в Сибири, где летом 1918 г., после чехословацкого мятежа был военным министром Сибирского временного правительства. Выдвигался некоторыми буржуазными кругами, как кандидат в диктаторы, но вследствие неудачного выступления с осуждением союзников был уволен и прибрался к Деникину, у которого был в 1919 г. одесским градоначальником. Деникинцы вернуться в Сибирь к Колчаку, был задержан при попытке перейти через советский фронт и застрелился 179, 238, 307, 308, 313, 314, 315, 316, 322.

Грогман, М., сионист, член Украинской центральной рады 247, 264.

Грушевский, М. С. (род. 1866 г.), известный украинский нацио-

нализт, ученый историк. В 1917 г. украинский эсер и глава украинского националистического движения, председатель Украинской центральной рады, озлобленный враг советской власти. После гражданской войны был помилован советской властью, член украинской и всесоюзной Академии наук 6, 9, 11, 15, 21, 28, 30, 31, 34, 35, 46, 68, 69, 71, 92, 93, 96, 98, 103, 118, 119, 120, 123, 213, 243, 255.

Гутник, С. М., кадет, финансист, министр торговли и промышленности в правительстве гетмана Скоропадского 37, 38, 39, 125, 129, 259.

Данченко, петлюровский атаман, «голова» вольного казачества» в Киеве в 1918 г. 243.

Дашинский, Игнатий (род. 1866 г.), основатель польской с.-д. партии Галиции (в 1890 х годах) во время мировой войны сторонник Пилсудского, поддерживал австрийскую монархию, глава первого правительства независимой Польши (1918—1919 гг.), ныне вождь ПНС, маршал (председатель) трепещущего перед Пилсудским сейма 385.

Дашкевич-Горбатский, генерал, начальник штаба гетмана Скоропадского 151.

Демидов, член Национального центра 173.

Деникин, А. И. (род. 1872 г.) один из видных генералов царской армии, участник мировой войны, в августе 1917 г. поддерживал мятеж Корнилова, был арестован вместе с другими корниловцами и содержался в тюрьме в Быхове, откуда вместе с Корниловым и другими в ноябре 1917 г., при занятии ставки советскими войсками, бежал на Дон; здесь участвовал в организации Добровольческой армии, а с апреля 1918 г., после того как Корнилов был убит под Екатеринодаром, Д. стал главнокомандующим армией. В 1918 г. Д. нанес ряд тяжких поражений кавказским советским войскам и занял весь северный Кавказ, в 1919 г. стал опаснейшим врагом Советской республики, занял Царицын, Камышин, Воронеж, всю Украину, и в октябре занял Орел, проник в Тульскую губернию. В занятых Д. областях установился режим буржуазно-помещичьей диктатуры, население подвергалось произволу и насилиям повстанцы, помещики отбирали у крестьян свои земли и инвентарь, еврейское население подвергалось неслыханным погромам, украинцы—великодержавному гнету. Крестьянские восстания широко разлились в тылу армии Д. и немало способствовали ее окончательному поражению. В октябре 1919 г. Красная армия нанесла решительные удары под Воронежем и Орлом армиям Д., которые стали неудержимо откатываться к югу. Часть их отступила в Крым, другая была перенаправлена туда же в марте 1920 г. из Новороссийска, сам же Д., ввиду выраженного ему офицерством недовольства, передал командование Врангелю и уехал за границу, где выпустил пять томов описания революции и гражданской войны («Очерки русской смуты») 53, 59, 60, 88, 107, 127, 128, 162, 173, 187, 195, 202, 203, 205, 206, 210, 219, 220, 229, 238, 304, 324, 332, 335, 338, 340, 343, 344, 345, 346, 347, 318, 319, 350, 351, 353, 354, 356, 358, 382, 387, 389, 390, 392.

Дзвонкевич, помещики Черниговской губернии, убитые во время революции 121.

Дисналтовский, П. 264.

Дисванницкий, полковник, польский легионер в Одессе в 1919 г. 307, 308.

Добрый, А. Ю., киевский финансист, директор банка, похищенный членами правительства Украинской центральной рады в апреле 1918 г. в период германской оккупации Украины. Похищение это послужило для немцев одним из поводов к разгону Центральной рады, аресту и преданию военному суду членов ее правительства 16, 32, 40, 51, 112, 113, 133, 257, 259.

Доде, Альфонс (1840 — 1897), французский писатель, романист, натуралистической школы, автор известных трех романов о Тартарене из Тараскона, в которых осмеивается хвастливый мещанин-обыватель из провинциального захолустья 115.

Долгоруков, боярин 138.

Долгоруков, князь, генерал, председатель военной монархической партии в Киеве в 1918 г., главнокомандующий войсками гетмана Скоропадского в период борьбы его с Директорией 171, 172, 173, 174, 176, 178, 205, 216.

Доротов, Алекс. Вас., киевский меньшевик, из рабочих-печатников, в период февральской революции председатель Исполкома Киевского совета рабочих депутатов и Исполкома общественных организаций 4, 5, 7, 8.

Дорошенко, Д. И., комиссар Галиции и Буковины при Временном правительстве, в августе 1917 г. умеренный председатель генерального секретариата Украинской центральной рады, потом—черниговский губернский комиссар; министр иностранных дел в правительстве гетмана Скоропадского в 1918 г. 38, 125, 145, 151.

Драгомиров, А. М., генерал царской армии, правый, участник мировой войны; во время гражданской войны—помощник главнокомандующего Добровольческой армией и председатель Особого совещания (правительства) при Деникине; после занятия деникинцами Украины в 1919 г. был главноначальствующим Киевской области 159, 164, 214.

Дроздовский, М. Г., генерал, участник мировой войны, в начале 1918 г. организовал главным образом из офицерства Добровольческий отряд для борьбы с советской властью, во главе которого предпринял в феврале — апреле 1918 г. поход из Румынии через всю Южную Украину на Дон для соединения с Корниловым. Путь отряда Д. был всюду отмечен расстрелами большевиков и массовыми истязаниями крестьянства. В мае Д. достиг Дона, выбил советские части из Ростова и Новочеркасска и соединился с Добровольческой армией Деникина, усилив ее почти вдвое. Умер в 1919 г. от раны, полученной в бою 210.

Дуссан, член «союза хлеборобов» на Украине 1918 г. 152.

Духонин, Н. Н. (1876 — 1917), генерал царской армии, участник мировой войны, в 1917 г. начальник штаба верховного главнокомандующего, с 1 ноября, после бегства Керенского — верховный главнокомандующий. Отказался исполнить приказ Совнаркома об открытии мирных переговоров с германским командованием. Убит солдатами 19 ноября, при занятии ставки советским отрядом Крыленко 83.

Дыбенко, П. Е. (род. 1889 г.), член ВКП(б), из крестьян. После Февральской революции председатель ЦК Балтийского флота, участник Октябрьского переворота, командовавший матросскими и красногвардейскими отрядами, боровшимися с Керенским; первый нарком по морским делам, участник гражданской войны, в дальнейшем на ответственных постах в Красной армии 149, 150, 194.

Евшан, Ф., галицийский общественный деятель 337.

Егоров, бывший полковник, военный эксперт советской мирной делегации на Украине в 1918 г., 149, 150.
Елачич, А. К., киевский приват-доцент в 1918—1919 гг. 50.
Ефимовский, кадет, член Национального центра в Киеве в 1918 г. 157, 173.
Ефремов, С. А., социалист-федералист, влиятельный украинский ученый историк и публицист, один из видных организаторов украинской контрреволюции, неоднократно был членом правительства Украинской центральной рады и петлюровской Директории; помилованный советской властью по ходатайству украинской академии наук и будучи избран в ее члены и вице-президенты, превратил это учреждение в организационный центр контрреволюции на Украине, организовал в в 1920 г. белогвардейское «Братство украинской державности», а в 1926 г.—«Союз освобождения Украины» с подобным «Союзом украинской молодежи» и другими организациями, поставившими себе целью свержение советской власти на Украине путем восстания и с помощью иностранных войск. Осужден в 1930 г. 12, 31, 61, 108, 109, 129, 363.

Жуковский, О., военный министр в последнем правительстве Украинской центральной рады (1918 г.), известный по своему участию в похищении банкира Доброго, за что Ж. был предан немецкому военному суду 30, 33, 34, 35, 36, 111, 112, 113, 116, 243, 319.

Зак, Борух, инвалид, еврей, убитый петлюровцами в Киеве 242.
Загородный, П., член украинского «революционного комитета», действовавшего на правах правительства в Киеве, по захвате его Директорией, в декабре 1918 г. 300.
Загородский, петлюровец 296.
Зайцев, солдат, член Исполнительного комитета общественных организаций в Киеве в 1917 г. 4.
Зализняк, см Железняк.
Зарубин, А. Н., русский эсер, начальник Киевского почтово-телеграфного округа в 1917 г., потом министр почт и телеграфов в правительстве Украинской центральной рады 1, 15, 17, 31, 34, 57, 66, 69.
Зарудный, А. С. (род. 1864 г.), народный социалист, присяжный поверенный, защитник по политическим делам при царском режиме. В 1917 г. министр юстиции в одном из составов Временного правительства 67.
Затонский, В. П. (род. 1888 г.), один из виднейших украинских большевиков, в 1917 г. член Киевского комитета партии, в 1923 г. нарком просвещения Украины, в 1929 г. нарком РКИ 81, 82.
Зеньковский, В. В., министр исповеданий в правительстве гетмана Скоропадского в 1918 г. 125, 129, 139.
Зильберфарб, М., еврей, социалист, министр по еврейским делам в правительстве Украинской центральной рады 17, 19, 260.
Зиново-Боровский, А. А., один из руководителей «Союза хлеборобов» на Украине в 1918 г. 214.
Зозуля, киевский журналист 110.
Золотарев, член Бунда, государственный контролер в правительстве Украинской центральной рады 17.

Иванов, Н. И. (1851—1919), генерал царской армии, участник мировой войны. 27 февраля был послан Николаем II из ставки на главе карательного отряда в Петроград для подавления революции, но проник только до Царского села, будучи задержан железнодорожными рабочими. В 1918 г., проживая на Дону, был назначен Красновым командующим монархической Южной армией, формировавшейся в Воронежской губ. 205, 215.
Ильин, полковник, один из организаторов Ясского совещания в 1918 г. 226, 227.
Иоанн, епископ Черниговский в 1917 г. 84.
Иоффе, А. А. (1883 — 1927) — советский дипломат, старый с.-д., в 1917 г. примкнул к большевикам, в 1918 г. председатель советской мирной делегации в Брест-Литовске, затем посол в Германии, в 1920—1921 гг. председатель советских делегаций при мирных переговорах с Эстонией, Латвией, Литвой и Польшей, потом был послом в Японии, Китае и Австрии. В 1926—1927 гг.— троцкист. Покончил с собой, 136.

Китаи, А., секретарь еврейской общины в Ивankове 252.
Китаенко, Б., представитель еврейской общины м. Гоголева, убитый гайдамаками в 1918 г. 245.
Казаков, Я., кооператор, 248.
Камерер, член русского отдела французского министерства иностранных дел в 1918 г. 389.
Кайкан, полковник, командир 1-го Украинского полка им. Б. Хмельницкого 89.
Карл XII, король шведский (1697 — 1718), воевавший с Россией при Петре Великом; сначала победил Россию и ее союзников, Данию и Польшу, но был разбит Петром под Полтавой (1709), бежал в Турцию, потом вернулся в Швецию, убит в войне с Норвегией 148.
Катков, городской голова Белой Церкви в 1918 г. 41.
Кащинский, генерал, начальник Киевского военного округа в 1917 г. перед Октябрьскими днями 80, 82.
Керенский, А. Ф. (род. 1881 г.) эсер, адвокат, защитник в политических процессах, член IV Государственной думы, популярный политический оратор. Во время мировой войны оборонец. После Февральской революции министр юстиции Временного правительства, с апреля 1917 г. военный министр, последнюю киевских дней председатель Временного правительства, ярый противник большевиков и неизменный сторонник коалиции с буржуазией и кадетами, организовал неудачное наступление 18 июля 1917 г., убеждал крестьянство ждать с разрешением аграрного вопроса до Учредительного собрания, яростно боролся со всеми попытками приблизить мир. Поэтому, будучи популярнейшим вождем масс в начале Февральской революции, утратил всю свою популярность к Октябрю, был легко сброшен вместе с возглавляемыми им Временным правительством восставшими рабочими и солдатами. После неудачной попытки подавить пролетарскую революцию с помощью казачьего отряда царского генерала Краснова бежал за границу, где неизменно оставался врагом Советской республики. Стоит на правом фланге заграничных эсеров, издает газету «День» 3, 10, 55, 64, 65, 66, 67, 83, 103.
Киржнер, еврей из м. Сквира, Подольской губ., убитый погромщиками в 1918 г. 250.
Кириченко 245.
Кирпичев, генерал, один из организаторов добровольческих дружин в Киеве в 1918 г., в период падения гетманской власти 160, 162.
Кистяковский, И. А., московский присяжный поверенный, кадет, в 1918 г. бежал на Украину и пошел в правительство гетмана Скоропадского в качестве государственного секретаря, потом министра внутренних дел, стал мотивейшим членом этого правительства и проводил реакционнейшую политику, беспощадно пресле-

дуя рабочих, крестьян и революционеров 42, 46, 47, 125, 126, 129, 130, 131, 139, 144, 145, 150, 164, 170, 201, 213, 267, 275.

Клейн, д-р, еврей из м. Сварян, подвергнутый истязаниям погромщиками в 1918 г. 250.

Клемансо, Жорж (1841—1929), французский политический деятель радикал-социалист, во время Второй империи — республиканец, с 1870-х годов не раз был депутатом парламента, в 1906—1909 гг. премьер-министр. Один из вдохновителей мировой войны, ярый ненавистник Германии, 1917—1920 гг. премьер-министр, 1919 г. председатель Парижской мирной конференции. Решительный враг СССР, один из организаторов интервенции во время гражданской войны 386, 388, 389.

Ковалевский, украинский эсер, секретарь земледелия и первом генеральном секретариате, организованном Украинской центральной радой в 1917 г. 10, 12.

Ковленко, А. М., украинский социалист-федералист 310, 362.

Ковыленко, член партии хлеборобов-собственников 363.

Ковенко, комендант Киева в период власти Украинской центральной рады, организатор «вольного казачества» в Киеве 93, 94, 95.

Колчак, А. В. (1873—1920), адмирал, участник мировой войны, во время Февральской революции командующий Черноморским флотом. После ряда столкновений с матросами, не будучи в состоянии примириться с Советами, уехал за границу; после Октября строил вместе с английским правительством планы свержения большевиков. Осенью 1918 г. приехал в Омск и в октябре был назначен военным министром в кабинете Директории. 18 ноября 1918 г. черносотенное офицерство, поддержанное английским отрядом, арестовало Директорию, после чего К. был провозглашен «верховным правителем», и попел, опираясь на богатую поддержку Антанты, энергичное наступление против Красной армии, дойдя в апреле 1919 г. почти до Волги и стал опаснейшим врагом Советской республики. В апреле 1919 г. Красная армия нанесла К. поражение под Бугурусланом, и то же время в тылу К. сибирское крестьянство, обираемое и подвергнутое полицейскому режиму, устраивает непрерывные восстания и организует целые армии красных партизан. 14 ноября К. потеряв свою столицу Омск, а в начале января 1920 г., после восстания в Иркутске, был выдан чешским конвоем, с разрешения командующего союзными силами французского ген. Жанена, образовавшемуся в Иркутске политическому центру и 7 февраля был расстрелян по приказу Иркутского ревкома 60, 194, 335, 340, 382, 387, 389, 392.

Коновалец, командир галицийского корпуса сичевых стрельцов, назначенный украинской Директорией во время восстания против гетмана, командиром так называемого «осадного корпуса», захватившего Киев 14 дек. 1918 г. 47, 49, 185, 300, 302.

Корнилов Л. Г. (1870—1918), один из наиболее выдающихся генералов царской армии, во время мировой войны попал в плен к австрийцам, незадолго до Февральской революции успешно бежал. После февральских дней был назначен главнокомандующим Петроградского военного округа, боролся с Советами, потом ушел на фронт, участвовал в июньском наступлении, потом назначен верховным главнокомандующим, добился восстановления смертной казни на фронте, требовал от Временного правительства восстановления старой дисциплины в армии посредством возвращения старой власти офицерству и ограничения прав солдатских комитетов. Благодаря этому стал кумиром в глазах кадет и буржуазии, желавших видеть его диктатором. 26 августа 1917 г. К. по соглашению с близкими к Временному правительству лицами и при попустительстве Керенского двинул войска на Петроград с целью разгрома Советов и провозглашения диктатуры. Под энергичным давлением большевиков, поддержанных пролетариатом столицы, меньшевистско-эсеровский ЦИК Советов вынудил Керенского выступить и борьбу с К. и объявить его мятежником. Посланные большевиками и советами агитаторы разъяснили корниловским войскам смысл выступления, как попытки организовать реакционную диктатуру, после чего войска отказались наступать, и Корнилову пришлось сдаться в ставке вместе с поддержавшими его генералами властям Временного правительства.

Под давлением возмущенных масс рабочих и солдат Временное правительство принуждено было засадить К. и генералов-корниловцев в тюрьму, из которой всем им в ноябре 1917 г. легко удалось бежать и перебраться на Дон под защиту контрреволюционного правительства Каледина. Здесь К. вместе с другим царским генералом Алексеевым организовал в декабре 1917 г. для вооруженной борьбы с советской властью так называемую Добровольческую армию, которую Советской республике удалось окончательно раздавить только после трехлетней упорной борьбы. Сам К. погиб в начале этой борьбы, будучи убит 13 апреля 1918 г. снарядом при осаде красного Екатеринодара 89, 111, 196, 197, 203.

Короленко, В. Г. (1853—1921), популярный русский писатель и общественный деятель, народник 1870—80-х годов, был в ссылке, с конца 1890-х годов член редакции «Русского богатства»; организатор помощи голодающим в 1891 г., защитник обиженных, смело протестовавший против правительственных репрессий, еврейских погромов, смертной казни. Автор многочисленных повестей и рассказов 247, 248.

Корчак-Чепурковский, О., украинский социалист-федералист, министр народного здравия в одном из кабинетов украинской Директории 316.

Корчинский, М., украинский социалист-федералист, государственный секретарь в разных советах народных министров УНР, образованных Директорией в 1918—1919 гг. 301, 317, 385.

Корш, Ф. Е. (1843—1915), академик, филолог-лингвист, профессор Московского университета, исследователь славянских, древних и тюркских языков 118.

Котов, см. Котов-Кононенко.

Котов-Кононенко, харьковский помещик, крайний правый, председатель отделения Союза русского народа, замечавшейся французами, и период оккупации ими Одессы в 1919 г. в состав южно-русского правительства, или Директории, как представитель «демократии» 178, 179, 180, 183.

Краве, атаман, командующий галицийскими войсками, захватившими оставленный Красной армией Киев в августе 1919 г. 348.

Краснов, П. Н. (род. 1869 г.), казачий генерал, монархист, участник мировой войны, активный участник корниловского мятежа; в дни Октября командующий казачьим отрядом, который Керенский

повел на Петроград для ликвидации Октябрьской революции. После неудачи этого похода К., будучи освобожден советскими властями, пробрался на Дон и здесь в мае 1918 г. в разгар казачьего восстания против советской власти избран атаманом «Всевеликого войска донского», где отменил законы Временного правительства и Октябрьской революции и восстановил старорежимные порядки. Организовав большую казачью армию и снабдив ее с помощью немцев, К., выразив покорность и преданность Вильгельму, предпринял наступление против Красной армии, постепенно занял всю Донскую область и проник в Саратовскую и Воронежскую губернии. На короткое время К. стал главным врагом Советской республики. Однако зимой 1918—1919 гг., когда после Ноябрьской революции в Германии помощь немцев прекратилась, К. потерпел ряд тяжелых поражений от Красной армии, под влиянием которых был вынужден пойти в отставку и передать свою армию под командование Деникина. В настоящее время эмигрант. Автор известных мемуаров и обывательских «исторических» романов 153, 165, 205, 210, 335.

Красовский, начальник киевского сыскного отделения при царском режиме, оставленный на службе Украинской центральной радой, один из участников похищения банкира Доброго 114.

Крыжановский, М., украинский социалист-федералист, министр финансов в одном из кабинетов украинской Директории 317.

Крижанович, А. В. (1858—1923), царский министр земледелия (1908—1915), сильный почти либералом, сторонник соглашения с прогрессивным блоком, уволен в отставку после победы реакционного курса; после Октября один из руководителей подпольной московской организации крупной контрреволюционной буржуазии и помещиков, так называемого «правого центра»; в 1918 г. бежал на Украину, где явился одним из организаторов и руководителей контрреволюционного совета государственного объединения России. В 1920 г. был председателем врангелевского совета министров в Крыму, умер в эмиграции 156, 170, 198, 210, 217, 218.

Крымов, генеральный консул Украины в Москве в 1918 г. и период гетманской власти 150.

Крупянов, С. Г., кадет, член Украинской центральной рады в 1917 г. 31.

Крупп, Альфред (1812—1887), собственник крупнейшего пушечного завода в Эссене в Германии, «пушечный король». С начала 1900-х годов заводы перешли к акц. об-ву, после войны перестроились на производство паровозов и машин. Во время мировой войны на заводах К. было около 120 тыс. рабочих, в настоящее время—около 64 тысяч 45.

Крыленко, Н. В. (род. 1885), старый большевик, участник революции 1905 г. и 1917 г., будучи в чине прапорщика,—большевистский агитатор в армии, после Октября советский главковерх, организовавший первые мирные переговоры с Германией и занявший старую ставку, с 1918 г.— на руководящих постах в Наркомюсте, с 1928 г.— прокурор республики 90.

Крыжановский, правый 154.

Крыжановский, член украинской крестьянской трудовой партии в Малой раде 247.

Кулишер, студент 376.

Курилo Иван, д-р, секретарь народного здравия в державном секретариате (правительстве), образованном национальной радой Восточной Галиции 2 ноября 1918 г. 333.

Кусонский, генерал деникинской, потом врангелевской армии 208.

Кушнир, М. А., украинский социалист-федералист, 255, 359, 377.

Ладыжников, владелец издательства русских книг в Берлине 44.

Лагерн, Андре, французский капитан, помощник генерала Д'Ансельма в Одессе по гражданской части во время французской оккупации города в 1919 г. 308.

Лацкий-Бертольди, В. И., член еврейской народной партии «фолкспартей», министр по еврейским делам в кабинете Украинской центральной рады в 1918 г. 19, 29, 33, 260, 376.

Левитан, М. «объединенец» 244.

Левчевский, кадет, член Киевского национального центра в 1918 г. 157.

Левицкий, Кость, д-р, председатель державного секретариата (правительства), образованного Национальной радой Восточной Галиции 2 ноября 1918 г.; он же секретарь финансов 333.

Левицкий, полтавский губернский комиссар в 1917 г. 67, 97, 136.

Левицкий, член мирной делегации украинской центральной рады в Брест-Литовске в 1918 г. 22.

Левицкий, Андрей, украинский с.-д., управляющий министерством иностранных дел в одном из кабинетов украинской директории в 1919 г. 350, 355, 357.

Левицкий, Дмитро, д-р, галицийский общественный деятель 201.

Левицкий, Н. Г., чиновник министерства иностранных дел в период украинской Директории 375.

Леонид, царь спартанский (491—480 до хр. эры), греческий вождь в эпоху Греко-персидских войн, защитник прохода Фермопил, где с кучкой греков оказал сопротивление огромным полчищам персов и был убит вместе со всеми своими воинами 331.

Лемберг, товарищ городского головы в Белой Церкви в 1918 г. 39.

Леонтович-Цегельский, д-р, секретарь внутренних дел в державном секретариате (правительстве), образованном Национальной радой Восточной Галиции 2 ноября 1918 г. 290, 333.

Ленин, В. И. (1870—1924), мировой пожаль пролетарской революции 44.

Лентович, В., украинский писатель (беллетрист) 120.

Леонарский, киевлянин 11, 12.

Лизогуб, Ф. А., председатель полтавской губ. земской управы, председатель совета министров при гетмане Скоропадском с мая по ноябрь 1918 г. 37, 46, 124, 128, 129, 143, 150, 151, 201.

Линзингеи, генерал, командующий германскими войсками, оккупировавшими Украину в 1918 г. 115, 118.

Липа, И., украинский социалист-самостийник, управляющий ведомством культов в разных советах, народных министров украинской Директории в 1918—1919 г.г. 301, 316.

Лиров, М., киевский журналист 2.

Литваков, М., член еврейской партии «объединенцев» 255.

Литвинович, Ярослав, секретарь торговли и промышленности в державном секретариате (правительстве), образованном Национальной радой Восточной Галиции 2 ноября 1918 г. 333.

Ломновский, царский генерал, участник мировой войны, в 1918 г., в период гетманской власти на Украине, председатель армии Деникина в Киеве 159, 162, 163, 172, 173, 174, 175, 176, 220, 221.

Лотоцкий, А. П., генеральный писарь и генеральном секретариате (правительстве) Украинской центральной рады в 1917 г. 69, 72, 83.

Лукомский, А. С., генерал царской армии, правый, после

Февральской революции был некоторое время начальником штаба верховного главнокомандующего, враг советов, один из главнейших участников мятежа Корнилова в августе 1917 г.; после подавления мятежа был арестован вместе с другими корниловцами и содержался в Быхове в тюрьме, откуда бежал 19 ноября, при занятии ставки советскими войсками, и пробрался на Дон, где вступил в организованную Корниловым и Алексеевым Добровольческую армию и занимал в ней ряд командных должностей. В конце 1918 г. состоял председателем Особого совещания (деникинского правительства), в 1920 г. был представителем Врангеля при союзном командовании в Константинополе; потом эмигрант. Автор 2-томных мемуаров о гражданской войне. 154, 155, 165, 207.

Лупенко, д-р, украинский самостийник, организатор еврейских погромов на Украине в 1918 г. 242.

Львов, В. Н. (род. в 1872 г.), помещик, член III и IV Государственной думы, из фракции центра; после Февральской революции был членом Временного правительства, обер-прокурором синода. Причастен к корниловскому мятежу. После Октября эмигрант, в 1921 г. стал сменовеховцем, в 1922 г. вернулся в СССР, работает в советских учреждениях 43.

Львов, Н. Н., богатый помещик, участник либерального земского движения первой половины 1900-х годов, член I Государственной думы; один из организаторов так называемой партии «мирного обновления», стоявшей между кадетами и октябристами. После разгона I Государственной думы 8 июля 1906 г. вел переговоры со Столыпиным о вступлении в министерство. После Октябрьской революции один из черносотенных журналистов в полосе деникинской оккупации, занявший националистическую позицию и проводивший яростную кампанию против Советской республики 156.

Любинский, член мирной делегации Украинской центральной рады в Брест-Литовске в 1918 г. 97, 136.

Любинский, Ю. В., доктор, министр здравоохранения в правительстве гетмана Скоропадского 38, 124, 125.

Людендорф, Эрих, (род. 1865 г.), немецкий генерал, монархист, помощник главнокомандующего Гинденбурга во время мировой войны, после ноябрьской революции 1918 г. в Германии, один из организаторов фашистского движения. Участник контрреволюционного путча в Мюнхене в 1923 г. 22, 28, 32, 45, 137, 143.

Мазепа Исаак, украинский с.-д., председатель одного из советов министров украинской директории 311, 351, 353, 358, 367.

Мазепа, И. С. (около 1644—1709), украинский гетман, защитник интересов богатой казацкой «старшины», враг бедняцкого крестьянства и казачества. Желая освободить Украину от зависимости от Москвы, перешел во время Северной войны Россия со Швецией на сторону Карла XII шведского; после того как последний потерпел поражение под Полтавой (1709), бежал вместе с ним в Турцию, где и умер 138, 148, 212, 213.

Мазуренко, В., украинский с.-д., и. д. министра финансов в первом совете народных министров УНР, образованном Директорией в декабре 1928 г. 301.

Мазуренко, С., мирный делегат украинской Директории, командированный в Москву в начале 1919 г. 177, 301, 318.

Мазуренко Юрий, украинский с.-д. невыясненных 318.

Майзель, братья, евреи, гимназисты, убитые гайдамаками в Киеве в 1918 г. во время погромов 242.

Макензен, Август (род. 1849 г.), фельдмаршал, один из выдающихся германских военачальников во время мировой войны, с успехом проведший ряд крупных операций на Восточном фронте (прорыв русского фронта под Лодзью и под Горлицей, занятие Сербии и Румынии и пр.) 26.

Маклаков, В. А. (род. 1869 г.), один из крупнейших вождей кадетской партии, член II, III и IV Государственной думы; при Временном правительстве был назначен русским послом в Париже; в период гражданской войны входил в состав белогвардейского Русского политического совещания в Париже 2, 3, 151, 340, 389.

Малянтович, П. Н., с.-д., меньшевик, московский присяжный поверенный, видный защитник по политическим процессам при царском режиме; в 1917 г. министр юстиции в последнем составе Временного правительства 15.

Манулов, А. А. (1861 — 1929), видный кадет, экономист, профессор и некоторое время ректор Московского университета, уволенный министром Кассо (в 1911 г.) за оппозицию правительству. В 1917 г. министр народного просвещения Временного правительства, одобривший новое правописание. После Октябрьской революции был эмигрантом, потом вернулся и сотрудничал в советских учреждениях. Автор ряда научных работ 13.

Манульский, Д. З. (род. 1883 г.), член ВКП (б), старый революционер, участник революции 1905 г. и 1917 г., после Октября — на ответственных советских постах, в 1918 г. член мирной делегации при переговорах с Украиной в 1920 г. член Всеукраинского ревкома, в 1920—1921 г., Наркомзем Украины, с 1924 г. член президиума ИККИ 150.

Марголин, А. Д., еврейский общественный деятель, поступивший во время гражданской войны в партию украинских социалистов-федералистов, товарищ министра иностранных дел в одном из правительств петлюровской Директории, член украинской заграничной делегации. Выпустил за границей книгу своих воспоминаний под заглавием «Украина и политика Антанты», из которой заимствована помещенная в настоящем сборнике статья М. 177, 185.

Маргулиес, М. С., петербургский врач и общественный деятель, в 1905 г. организатор мертворожденной «радикальной партии», в годы мировой войны видный деятель Всероссийского союза городов и Центрального военно-промышленного комитета. В 1918 г. бежал из Советской республики на Украину и стал активным белогвардейцем, строил в Одессе с французскими оккупантами планы организации южно-русского правительства, с приближением советских войск бежал за границу, в конце 1919 г. вступил в организованное в Ревеле по приказу английского командования Северо-западное правительство, армия которого предприняла наступление на Петроград под командой Юденича; после провала этого наступления — эмигрант; автор нынешних за границей 3-х томных воспоминаний «Год интервенции» 177, 179, 180, 185.

Маркович, Д., украинский социалист-федералист, управляющий министерством юстиции в одном из кабинетов украинской Директории 316, 365.

Маркизов, В. 164.

Маркс, Карл (1818—1883), великий создатель учения научного социализма, организатор I Интернационала, вождь мирового пролетариата 12.

Мартос, Б., украинский с.-д., член Украинской центральной рады, председатель и министр финансов в одном из советов народных министерств украинской Директории 67, 301, 320, 322, 223, 352.

Марченко, М., член украинского «революционного комитета», действовавшего на правах правительства в Киеве, до занятия его Директорией в декабре 1918 г. 300.

Масленников, А. М., кадет, член Государственной думы, в годы гражданской войны деникинец, член образовавшегося в Киеве белогвардейского «Совета государственного объединения России» 174.

Масленников, моряк, лейтенант, член московской подпольной офицерской организации 197, 198, 210.

Матвеев, русский генерал, революционер, начальник штаба украинских войск при Директории, представитель Директории при французском командовании в Одессе в 1919 г. 307, 308, 317, 380.

Мартюшенко, Б., украинский с.-д., министр народного здравия в первом совете народных министров УНР, образованном Директорией в декабре 1918 г. 301.

Мациевич, К. А., украинский социалист-федералист, агроном, министр иностранных дел в одном из кабинетов украинской Директории 120, 177, 316, 360, 361, 362, 363, 378, 380, 383, 384, 385, 386.

Мильруд, М. С., киевский журналист 105, 106.

Милюков, П. Н. (род. 1859 г.), наиболее яркий и влиятельный из организаторов и вождей кадетской партии, ученый историк, автор ряда исследований и популярных работ по русской истории, талантливый журналист и публицист. В половине 90-х годов политический эмигрант; перед революцией 1905 г. один из организаторов подпольной радикально-буржуазной организации «Союз освобождения». В революцию 1905 г. и в годы реакции один из виднейших вдохновителей либеральной оппозиции правительству. В области внешней политики непременный сторонник империализма. В годы войны упорный сторонник «борьбы до победного конца». В первые дни февральской революции старается спасти монархию, и только решительный напор революционных масс превращает на время его, а за ним и кадетскую партию в республиканцев. В первом временном правительстве М. занимает пост министра иностранных дел и, работая перед буржуазией Антанты, старается заверить ее в готовности России вести войну «до победы». Составленная им в этом смысле нота, отправленная правительствами Антанты 18 апреля 1917 г., вызывает первую враждебную Временному правительству демонстрацию рабочих и солдат, явно большевистского характера; демонстрация эта вызвала первый кризис Временного правительства, после которого Милюков (вместе с Гучковым) вынужден был выйти из его состава. С этих пор М. в лагере контрреволюции, интригует и ведет борьбу против правительства Керенского, ищет сближения с октябристами и монархистами, поддерживает Корнилова и Каледина. После Октября уезжает на юг и вдохновляет белогвардейское противосоветское движение, добиваясь интервенции то со стороны монархической Германии, то со стороны держав-победительниц. После победы Советской республики эмигрирует за границу и там неустанно проповедует интервенцию. В настоящее время вождь левого крыла заграничных кадетов, так называемого «республиканско-демократического объединения», редактор их выходящего в Париже органа «Последние новости» 126, 141, 144, 154, 156 157, 209, 210, 217.

Мирбах, граф, германский посол в Советской России после заключения Брестского мира, убитый в Москве 5 июля 1918 г. левыми эсерами, одновременно поднявшими мятеж против советской и желавшими вызвать этим убийством расторжение Брестского мира и новую войну с Германией. Убийство М. побудило германское правительство предъявить Советской республике требование о пропуске в Москву батальона германских солдат. Требование это, несмотря на возможную угрозу войны, было категорически отклонено советским правительством. Германия же, в виду неудач на Западном фронте, не решилась прибегнуть к репрессиям и ограничилась переселением своего представительства из Москвы в Псков, в полосу германской оккупации 45, 131.

Мирон, Иван, секретарь дорог в державном секретариате (правительстве), образованном Национальной радой Восточной Галиции 2 ноября 1818 г. 333.

Мятюк, О., украинский эсер, министр внутренних дел в первом совете народных министров УНР, образованном Директорией в декабре 1918 г. 300.

Михаил Александрович (1878—1918), великий князь, брат Николая II, которого кадеты и буржуазия хотели возвести в императоры, чтобы спасти династию. 2 марта 1917 г. Николай II отрекся в пользу М. А., однако последний, несмотря на уговоры Милюкова и др., счел более благоразумным отречься в свою очередь. Летом 1918 г. был расстрелян на Урале наряду с другими членами династии 3.

Михайлов, Л., украинский с.-д. и. д. министра труда в первом совете народных министров УНР, образованном Директорией в декабре 1918 г. 31, 301.

Минкевич, член польского демократического центра, министр по польским делам в правительстве Украинской центральной рады в 1917—1918 гг. 17, 19.

Муравьев, М. А. (1880—1918), офицер царской армии, к Октябрьским дням примкнул к левым эсерам, после Октябрьского переворота был командующим войсками военно-революционного комитета, участвовал в боях против Керенского, Краснова, потом в восстании против Украинской центральной рады. Летом 1918 г. назначен командующим восточным фронтом против чехо-словаков; в июле изменил советской власти и сделал попытку двинуть войска с фронта на поддержку левых эсеров, в Москве поднявших мятеж, но не нашел поддержки в войсках и был убит в Симбирске 24, 99, 103.

Мицко, «хлеборов» 183.

Мякотин, В. А. (род. 1867 г.), один из основателей и вождей партии народных социалистов, старый публицист-народник, сотрудник «Русского богатства» и «Русских записок», исследователь истории. Во время мировой войны и февральской революции оборонец. После Октября активный враг советской власти, один из организаторов и руководителей контрреволюционного «Союза возрождения России». После гражданской войны эмигрант 184.

Могилевцев, С., киевский миллионер 30, 120.

Могилянский, Н. М., кадет, украинский общественный деятель, ныне эмигрант, автор помещенной в настоящем сборнике статьи «Трагедия Украины» 151, 152.

Маркотун С. К., секретарь гетмана Скоропадского, один из деятелей украинской контрреволюции в заграничной эмиграции 131, 291.
Мулен 181.
Мумма, барон, германский посол на Украине в 1918 г. 38, 130, 138, 144, 150, 203.
Мустафин, украинский градоначальник Одессы в период гетманской власти, 233, 236.

Набоков, Вл. Дм. (1869 — 1922), видный кадет, публицист, юрист, член I Государственной думы. В 1917 г. управляющий делами Временного правительства, во время гражданской войны член крымского белогвардейского правительства, потом—эмигрант. Убит в Берлине русским монархистом 66.
Назарук, О., д-р, галицкий радикал, начальник управления печати и информации в одном из кабинетов украинской Директории 316.
Натиев, генерал гетманских, потом петлюровских войск в 1918 г. 146, 201.
Науменко, В. П., киевский педагог, украинский ученый, редактор журнала «Киевская старина», при Временном правительстве попечитель Киевского учебного округа. Расстрелян в 1919 г. за контрреволюционную работу 118, 120.
Неплюбин, П. И., киевский рабочий эсер, оборонец в 1917 г., председатель Киевского Совета рабочих депутатов и член Киевского исполнительного комитета общественных организаций 4, 7, 8.
Нейнирок, полковник, один из представителей добровольческой армии в Киеве (1918 г.) в период гетманской власти 143, 165.
Некрасов, Н. В. (род. 1879 г.) член III и IV Государственной думы, кадет, в 1917 г. министр Временного правительства и заместитель Керенского, потом финляндский генерал-губернатор. После Октября работает в советских учреждениях 3, 63, 72.
Некрашевич, консул белой Белоруссии в Одессе в 1919 г. (при французах) 383.
Нечаевич, член Украинской центральной рады, перешедший в партию б-ков и убитый украинскими террористами 92, 218.
Никиш фон Розенек, полковник, гетманский окружной комендант в Белой Церкви в 1918 г. во время германской оккупации Украины 265.
Никольский, А. В. украинский социалист-федералист, журналист, один из активнейших деятелей украинской контрреволюции, министр иностранных дел в одном из правительств петлюровской Директории. После гражданской войны помилованный советской властью, возвратился из эмиграции на Украину и, работая в Украинской академии наук, стал одним из главных организаторов и руководителей «Спилки вызволення Украины», поставивший себе целью свержение советской власти на Украине путем кулацких вооруженных восстаний и призыва иностранных интервентов. Осужден в 1930 г. по процессу «Спилки» 4, 31, 64, 108, 151, 253, 254, 350, 351.
Николай II, последний российский император, выполок реакции, царствовал с 1894 по 1917 г., свергнут Февральской революцией, расстрелян вместе со своей семьей и приближенными 16 июля 1918 г. в Екатеринбурге 3, 259.
Николай Николаевич (1856 — 1929), великий князь, в начале мировой войны верховный главнокомандующий русскими армиями, в 1915 г. смещен Николаем II, полозревавшим Н. Н. в намерении сместить его с престола. Во время гражданской войны бежал за границу, где, поддерживаемый Врангелем и большей частью монархистов был бутафорским претендентом на русский престол, конкурентом самозванного «императора» Кирилла Владимировича 164.
Ниренберг, член ЦК Бунда в 1918 г. 41.
Новаковский, Ю., член еврейской партии «объединенцев», еврейский общественный деятель на Украине во время гражданской войны 255.
Новгородцев, П. И., кадет, профессор-юрист, один из главных руководителей Национального центра; был близок к Деникину и Врангелю; после гражданской войны эмигрант, один из озлобленнейших врагов советской власти 157.
Нуланс, Жозеф (род. 1861 г.), французский политический деятель, депутат парламента, не раз был министром в разных кабинетах, в 1917—1918 гг., французский посол в России, после Октября — один из организаторов и вдохновителей белогвардейских заговоров и восстаний против советской власти. Глава «комитета русских кредиторов» во Франции, ярый враг СССР 136.

Огиенко, И., украинский социалист-федералист, министр народного просвещения в разных советах народных министров УНР, образованных Директорией в 1918—1919 гг. 307, 316.
Одинец, Д. М., народный социалист, организатор и главный руководитель киевского отдела, Союза возрождения России в 1918 г., министр по великорусским делам в правительстве Украинской центральной рады в 1917—1918 гг. 17, 19, 160, 173, 224.
Одрина, украинский эсер 353.
Окуневский, галицийский общественный деятель 393.
Олсуфьев, граф, адъютант гетмана Скоропадского 143, 165.
Омельянович-Павленко, петлюровский атаман, потом командующий всеми петлюровскими вооруженными силами 350, 357.
Орлов, помещик Киевской губернии 368, 369.
Осенний, О., украинский социалист-самостийник, в. д. военного министра в первом совете и родных министров, образованном Директорией в декабре 1918 г. 301.
Оскилок, петлюровский атаман, организатор неудавшегося правого переворота против петлюровщины в апреле 1919 г. 321.
Остапенко, С., украинский эсер, министр торговли и промышленности в первом совете народных министров УНР, образованном Директорией в декабре 1918 г., председатель второго совета министров Директории 183, 302, 311, 317, 317, 379, 385.

Павленко, В. А., полковник, из офицеров царской армии, назначенный Украинской центральной радой в Октябрьские дни начальником Киевского военного округа 82, 89.
Палтов, заместитель министра иностранных дел при гетмане Скоропадском 151.
Панейко, Василь, д-р, секретарь иностранных дел в державном секретариате (правительстве), образованном Национальной радой Восточной Галиции 2 ноября 1918 г. посланник западной Галиции в Париже в 1919 г. 333, 353, 356, 376, 388.
Пачовский, Н. 337.
Пеликан, крайний правый, председатель одесского отдела «Союза русского народа», к Предреволюционное время одесский городской голова 177, 179, 215.
Пелисье, французский журналист и член палаты депутатов 359, 392.
Пересвет-Сидлин, И. И., польский общественный деятель в Киеве, расстрелянный за контр-революционную деятельность 9.

Песоцкий, А., украинский с.-д., незамужних 347.
Петлюра, С. В. (1877—1926), украинский с.-д., из земских служащих, главная фигура украинской контрреволюции. С июня 1917 г. секретарь по военным делам в генеральном секретариате Украинской центральной рады, во время войны рады с (Советской республикой (январь—февраль 1918 г.) главный атаман войск рады, после поражения рады в этой войне один из инициаторов призыва немцев на Украину, которые в апреле 1918 г. уничтожили раду и ее правительство и посадили на их место атамана Скоропадского. При гетмане П. был одним из организаторов Украинского национального союза, который в ноябре 1918 г., после революции в Германии, избрал Директорию в составе Винниченко, П. и др., поднявшую восстание против гетмана и вынудившую его в декабре отречься от власти. Победившая мелкая буржуазная Директория устами вступила в борьбу с разгоревшейся пролетарской революцией на Украине, и в феврале 1919 г. вынуждена была отдать Киев красным войскам. С этого времени, после ухода Винниченко, во главе Директории становится П. Последний в борьбе с Советской республикой унизанно ищет помощи, ценой продажи Украины, у Антанты, у Деникина, наконец у Польши. На территории, еще остававшейся под властью П., получает полную власть разнузданная атаманщина (офицерщина), подвергающая невероятным насилиям рабочий класс и крестьянство и организующая небывалые до того массовые еврейские погромы, с которыми неразрывно связалось имя П. В конце 1919 г. П. заключил военный союз с Польшей, отказавшись в пользу последней от Галиции и Волыни, и в 1920 г. воевал вместе с Польшей против Советской республики, а после заключения польско-советского мира не раз организовывал повстанческие кулацкие банды на Украине, пока новая экономическая политика не отняла почву у украинской контрреволюции. До самой смерти П. возглавлял оперетточное украинское «правительство» за границей и пытался найти помощь у западных держав. Убит в Париже еврейским националистом Шварцбардом, мстившим Петлюре за еврейские погромы, впослед-
ствии оправданным судом присяжных 11, 12, 17, 26, 31, 36, 47, 48, 49, 52, 59, 60, 61, 80, 82, 83, 89, 90, 95, 98, 119, 130, 131, 132, 133, 134, 135, 159, 161, 166, 168, 170, 175, 178, 179, 180, 182, 183, 184, 185, 187, 188, 213, 214, 220, 239, 240, 241, 242, 277, 278, 279, 282, 283, 287, 288, 290, 291, 292, 295, 297, 299, 301, 302, 304, 305, 306, 310, 313, 318, 321, 327, 328, 329, 331, 332, 338, 339, 341, 342, 343, 346, 347, 351, 352, 353, 355, 357, 358, 361, 362, 363, 372, 384, 392.
Петрушевич Е., галицийский общественный деятель, в 1919 г. «диктатор» Восточной Галиции, заключивший договор с Деникиным о передаче галицийской армии под командование последнего 335, 336, 339, 352, 356.
Пешехонов, А. В., старый народник публицист, один из руководителей журнала «Русское богатство», видный член партии народных социалистов, министр продовольствия в одном из коалиционных кабинетов Керенского, во время гражданской войны член «Союза возрождения России». Ныне за границей, сторонник возвращения эмигрантов в Советскую республику.
Пиленко, А. А., профессор, юрист, сотрудник «Нового времени», во время гражданской войны член правых контрреволюционных организаций на Украине при гетмане 153, 162, 173.
Пилипчук, П., украинский социалист-самостийник, управляющий министерством двора в первом совете народных министров УНР, образованном Директорией в декабре 1918 г. 301, 355.
Пилсудский, И. (род. 1867 г.), фактический главарь польского государства. В молодости социалист, с начала 1890-х годов один из первых членов ППС, сторонник независимости Польши. Во время мировой войны помогал Австрии организовывать польские отряды для борьбы с Россией. Первым учредительным сеймом Польши в феврале 1919 г. избран «начальником польского государства». На этом посту, опираясь на поддержку Антанты, П. вел озлобленную антисоветскую политику, стремясь к отторжению от Советской республики Украины и Белоруссии и включению их в состав Польши. Пользуясь гражданской войной в России, П. еще до польско-советской войны предпринял вооруженное наступление на советскую территорию и захватил значительные ее области. Во время войны с Советской республикой был командующим польскими войсками. В конце 1922 г. ушел от политической деятельности, но в 1926 г. с помощью переданной ему военной клики произвел в Польше фашистский переворот и с тех пор снова фашистский главарь Польши, сажающий и президенты и и правительство послушных ему марионеток и третирующий сейм, как подчиненную себе канцелярию 61, 334.
Пильц, А. И. генерал, при царском режиме, иркутский генерал-губернатор, во время гражданской войны гражданский губернатор Одессы при Деникине 308.
Писоцкий, А., член украинского революционного комитета, действовавшего на правах правительства в Киеве, после захвата его Директорией в декабре 1918 г. 301.
Пишенич, херсонский губернский староста в период гетмана Скоропадского 127.
Плеве, Вяч. Конст. (1846—1904), виднейший представитель полицейско-бюрократического режима при Александре III и Николае II. В 1880-х годах в качестве директора департамента полиции уничтожал остатки «Народной воли», после убийства Сипягина в 1902 г. министр внутренних дел, столкнул Витте с влиятельного поста министра финансов и стал фактически полицейским диктатором России; он давит рабочих, развращая их «зубатовщиной», усмиряет крестьянское движение 1902—1903 гг., душит печать, земство, травит «инородцев» и «инородцев», организует еврейские погромы. В короткое время Плеве сумел изолировать самодержавие от самых умеренных слоев общества. Желая предотвратить надвигающуюся революцию, П. всемерно поддерживал придворную клику, провоцировавшую войну с Японией. Убит 15 июля 1904 г. эсером Е. Сазоновым 130.
Поклевский-Козелл, русский посланник в Румынии при царском режиме, один из организаторов «Ясского совещания» в 1918 г. 226.
Половинчики, обыватели Гриполья 368, 369, 370.
Порш, П. В., украинский с.-д. генеральный секретарь и военный министр в разных кабинетах Украинской центральной рады, петлюровский посланник в Берлине, смещенный за неблаговидные

поступки 17, 23, 31, 34, 35, 67, 90, 92, 95, 113, 120, 345.
Постоловский, священник, комиссар Киевской духовной консистории при Временном правительстве 4.
Преснухин, киевский губернский комиссар во время захвата города поляками в 1920 г. 62.
Приезовский, русский генерал, командовавший петлюровскими войсками, занявшими Киев вместе с немцами в марте 1918 г., потом перешедший на службу к гетману Скоропадскому 97, 98, 178, 240, 243.
Прокопович, председатель петлюровского совета министров в 1920 г. 61, 360.
Пуришкевич, В. М. (1870—1919), бессарабский помещик, крайний правый, член Государственной думы, член черносотенного «Союза русского народа», потом организатор погромной черносотенной клики «Общества Михаила Архангела». В декабре 1916 г., с целью спасения монархии и династии, организовал вместе с нел. кн. Дмитрием Павловичем и кн. Юсуповым убийство Распутина. Накануне Октября организовал монархический офицерский заговор, раскрытый потом советской властью. Во время гражданской войны — член контрреволюционных организаций на Украине 153, 217.
Пясецкий, Александр, секретарь почт и телеграфов и державном секретариате (правительстве), образованном Национальной радой Восточной Галиции 2 ноября 1918 г. 333.
Пятаков, Г. Л (род. 1890 г.), в юности анархист, с 1910 г. большевик, в 1917 г. член киевского комитета партии, пытался противопоставлять Ленину свои точки зрения особенно по национальному вопросу. После Октября руководитель Государственного банка. В 1918—1919 г. председатель советского правительства Украины. С 1923 г. один из вождей троцкистской оппозиции, за что был временно исключен из партии. В настоящее время председатель Правления государственного банка 81, 82, 84, 140, 277, 290, 318.

Рабинович 376.
Райхштейнт 253.
Раковский, Х. Г. (род. 1873 г.), старый русско-болгарский и румынский социалист, во время мировой войны интернационалист, потом коммунист, в 1918 г. председатель советской мировой делегации на Украине, в 1919—1920 гг. председатель Совнаркома Украины, потом был полпредом СССР в Лондоне и Париже. Один из лидеров троцкистской оппозиции, за что был временно исключен из партии 126, 130, 137, 145, 149, 150.
Распутин, Г. Е. (1872—1916), крестьянин, в молодости конокрад, потом «старец», развратник, через развращенную петербургскую аристократию проник ко двору, пользуясь религиозным ханжеством Александры Федоровны и минимым «целительным» влиянием на больного наследника, приобрел неограниченное доверие царицы, влиял через нее на решение важнейших государственных дел Николаем II и на назначение и отставку министров. Министры, вроде Штюрмера, Протопопова и др. трепетали перед Р. и покорно исполняли его прихоти. Скандальное влияние невежественного и развратного проходимца позорило последних царя и царицу в глазах всего мира и возбуждало ненависть и презрение к самодержавию среди широчайших масс. С целью спасения династии ближние к царю нел. кн. Дмитрий Павлович и кн. Юсупов при участии Пуришкевича составили заговор против Р. и убили его 16 декабря 1916 г. 1.
Ратнер, С. Б., киевский присяжный поверенный и общественный деятель 37.
Рафес, М. Г. (род. 1883 г.), видный работник и член ЦК Бунда, в 1917—1918 гг. член Украинской центральной рады, после раскола Бунда в 1919 г. председатель украинского комитета коммунистического Бунда, в том же году вместе со всей организацией пошел в РКП. В 1920 г. работал на польском фронте, потом в еврейской секции агитпропа ЦК 13, 14, 15, 23, 31, 34, 35, 51, 240, 255, 263.
Ренуткий, А., член партии Поалей-цион (евр. с.-д. партия), министр еврейских дел в разных кабинетах украинской Директории 301, 316.
Ремнев, левый эсер, сподвижник Муравьева, командовавший некоторыми частями Красной армии во время войны с Украинской центральной радой в начале 1918 г., отличавшийся сумасбродством и допускавший непрошные насилия над населением 119.
Реннер, К. (род. 1870 г.), один из вождей австрийской с.-д. партии, экономист, во время мировой войны социал-оборонец, после революции, в 1918—1921 гг., первый канцлер Австрийской республики, один из теоретиков «австро-марксизма» и проповедников классового сотрудничества с буржуазией 19.
Ржепецкий, А. К., кадет, министр финансов в правительстве гетмана Скоропадского 37, 38, 125, 133, 317, 384
Рогоза, генерал, военный министр в правительстве гетмана Скоропадского 38, 125.
Родзевич 179.
Розен, барон 154.
Родзянко, М. В. (1859—1924), председатель IV Государственной думы, один из крупнейших помещиков России, в молодости умеренно-либеральный земец, председатель Екатеринославской губернской земской управы. После революции 1905 г. октябрист. С 1912 г. председатель Государственной думы. Во время мировой войны один из активнейших вождей «прогрессивного блока» межпартийного объединения думской буржуазной оппозиции, и в этом качестве сыграл немалую роль в деле разложения царского режима перед революцией. После Февраля один из застрельщиков правой оппозиции Временному правительству. После Октября уехал на Дон, где в Добровольческой армии от ч непризнанным, так как ч посотенное офицерство ославило его как «революционера». Умер в эмиграции 2, 156.
Розенблат, Я. 264.
Романов А. А., министр юстиции в правительстве гетмана Скоропадского 132.
Романовский, Ив. Павл., генерал, начальник штаба Добровольческой армии и член Особого совещания при Деникине, возбудивший сильнейшее негодование среди добровольческого офицерства своим интриганством. Убит русским офицером в Константинополе в 1920 г. 148, 162, 163.
Рубанов, один из организаторов добровольческих дружин в Киеве при гетмане Скоропадском 162, 173.
Рутгайзер, председатель городской думы Белой Церкви в 1918 г. 78.
Рябцев, С. П., эсер, киевский городской голова в 1917—1918 гг. 47, 57, 243.
Рясянский, подполковник 147.

Савич, Н. В., октябрист, член Государственной думы; в период гражданской войны член Совета государственного объединения России, член Особого совещания при Деникине 72, 73, 80.
Савченко-Бельский, украинск. эсер, агроном 69.
Садовский, украинский с.-д. 67.

Сазонов, С. Д., министр иностранных дел царского правительства перед мировой войной и в ее начале; слыл либералом, старался ладить с Государственной думой, угодничал перед Антантой, удален Николаем 7 июля 1916 г. по проискам Распутина и Штюрмера. После Февральской революции был назначен Временным правительством послом в Лондон. После Октября активно поддерживал белогвардейское движение; состоял членом Особого совещания при Деникине; затем вошел в состав образовавшегося в Париже «Русского политического совещания», которое присвоило себе роль русского представительства за границей, в действительности же старалось подстрекнуть державы Антанты к интервенции против Советской республики. Автор опубликованных за границей воспоминаний. Умер в эмиграции 156, 311, 389.

Салазкин, член национального центра 157.

Саликовский, А., украинский социалист-федералист, министр в одном из петлюровских кабинетов 51, 210.

Санников, А. С., генерал, одесский городской голова, потом член Особого совещания и главный начальник снабжения в деникинской армии; в 1919 г. был назначен Деникиным на пост главнокомандующего в Одессу 178, 179.

Святополк-Мирский, организатор добровольческих дружин в Киеве при гетмане Скоропадском 162, 167, 173.

Северин, левый эсер, член Украинской центральной рады 92.

Сейрюк, член мирной делегации Украинской центральн. рады в Брест-Литовске, потом посланник рады в Берлине 22, 34, 97, 136.

Сентюлер, граф, французский посланник в Румынии в конце мировой войны 152, 164.

Серваль, начальник французской разведки в Киеве во время украинск. Директории 181, 308.

Сидоренко Г. М., один из кандидатов в члены Южно-русского правительства, намечавшихся французами в период оккупации ими Одессы и начале 1919 г., потом глава делегации, отправленной Директорией во Францию 183, 376.

Симонов, Л., украинский социалист-самостийник, государственный контролер в разных кабинетах Директории и в 1918 г. 301, 317.

Симоненок, один из петлюровских атаманов-погромщиков 331, 332.

Синягин, Дм. Серг. (1853—1902), один из известнейших реакционных бюрократов старого режима, министр внутренних дел (1899—1902), по выражению Витте «без царя в голове», вел беспощадную борьбу как с революционным движением, так и с малейшими проявлениями либерализма в земстве, печати и пр. Убит 2 апреля 1902 г. эсером Балмашевым, впоследствии казненным 130.

Скаржинский, член «монархического блока» в Киеве в 1918 г. 173.

Склокский, эсер, член украинской центральной рады 255.

Скоропадский, П. П., один из богатейших помещиков старой России, бывший член Государственной думы, октябрист. 29 апреля 1918 г. в Киеве, с помощью оккупировавших Украину немцев, произвел переворот, сбросил Украинскую центральную раду и был провозглашен съездом хлеборобов гетманом «всея Украины». В декабре того же года, когда, после Ноябрьской революции в Германии, немцы очистили Украину, Скоропадский был сброшен петлюровской Директорией, которая в свою очередь была сброшена через несколько месяцев советской революцией на Украине. Правление гетмана на Украине ознаменовалось восстановлением старого режима и власти помещиков 36, 38, 42, 45, 46, 89, 90, 91, 122, 123, 125, 126, 131, 132, 133, 134, 135, 138, 142, 143, 158, 160, 170, 173, 175, 200, 201, 202, 203, 212, 213, 214, 216, 219, 220, 221, 222, 223, 225, 227, 230, 233, 236, 258, 291, 314.

Слуцкий, Л. М., меньшевик, киевский общественный деятель 69.

Снежко, И., и. д. государственного секретаря в первом совете народных министров УНР, образованном Директорией в декабре 1918 г. 30.

Соколов, крайний правый, одесский присяжный поверенный 215.

Соколовская С. И., член ВКП(б), во время реакции и гражданской войны вела партийную работу в Чернигове 82, 83.

Соколовский, Ю. Ю., министр земледелия и продовольствия в правительстве гетмана Скоропадского 125, 360.

Сохно-Устимович П. П., первый председатель совета министров гетмана Скоропадского 124.

Спиридович, генерал 171.

Стешенко В. Б., народный социалист, офицер, в период Февральской революции комиссар Временного правительства при ставке, в Октябрьские дни вместе с Керенским безуспешно пытался организовать вооруженный отпор пролетарской революции 160, 175.

Стебницкий, Н. Я. 69

Степаненко, Аркадий, украинский эсер, член Украинской центральной рады 92.

Степанов, А. В., кадет, член Государственной думы, товарищ министра торговли при Временном правительстве; во время гражданской войны член национального центра, член Особого совещания при Деникине и государственный контролер 140, 156.

Столыпин, Петр Арк., знаменитейший усмиритель революции 1905—1907 гг. Помещик Саратовский губернатор с 1902 по 1906 г.; усмирял крестьянское движение в этой губернии. В 1906 г. министр внутренних дел и кабинете Горемыкина, а после разгона Государственной думы председатель Совета министров, на каковом посту усмирает ряд вспыхнувших в разных местах восстаний и вводит военно-полевые суды для «политических преступников». В 1907 г. устраивает государственный переворот 3 июня, разгоняя оппозиционную II Государственную думу и опубликовав с нарушением «основных законов» новый закон о выборах, сильно сокращавший избирательные права рабочих и крестьян. Получив послушную Думу, становится «главой правительства контрреволюции»: душит политическое и профессиональное движение пролетариата, пулями и розгами усмиряет крестьянские восстания, с помощью репрессий и чудовищной провокации почти уничтожает революционные партии, обуздывает печать, насаждает черносотенные организации и черносотенную прессу, подачками и поощрением старается привлечь на сторону царизма крупный капитал; с другой стороны, своим аграрным законодательством и поддержкой «хозяйственного мужика» развивает кулацкое хозяйство в деревне. Не сумев разрешить неразрешимую задачу дать устойчивое сочетание свободного развития капитализма с крепостническим самодержанием, пал на своем посту от руки полуохранника-полутеррориста Богрова. Последний выстрелом из револьвера 1 сентября 1911 г. в киевском театре нанес Столыпину смертельную рану, от которой тот умер 5 сентября 39.

Стешенко, И. М., украинский с.-д., член Украинской центральной рады 67, 69.

Слодоля, Назар 107.
Стороженко, А. В. 143.
Страдомский, Н. Ф., гласный Киевской городской думы, в период Февральской революции председатель Киевского Исполнительного комитета общественных организаций и киевский городской комиссар 4, 5, 6, 7, 8, 9.
Стрижевский, Л. 248.
Суковкин, М. А., председатель Киевской губернской земской управы, в период Февральской революции киевский губернский комиссар 4, 6, 64, 67.
Сулькевич, генерал, председатель правого сепаратистского крымского правительства, назначенного немцами в период оккупации ими Крыма в 1918 г. 116.
Сыркин, Н. С., киевский сионист, член Учредительного собрания, прошедший по списку еврейского национального комитета (ум. в 1918 г.) 21, 244, 372.
Своеобочный, украинский с.-д. 254.

Табуи, французский генерал, начальник французской военной миссии при штабе Юго-западного фронта во время мировой войны, комиссар Франции при правительстве украинской центральной рады с декабря 1917 г. по январь 1918 г. 87, 88, 136, 143, 361, 391.
Тарнавский, командующий галицийской армией, подписавший в 1919 г. договор с добровольческим командованием о передаче этой армии в распоряжение Деникина 357.
Таск, Е. Я., солдат, оборонец, председатель киевского совета военных депутатов в 1917 г. 8.
Терещенко, М. И., сахарозаводчик, один из крупнейших русских богачей, председатель киевского военно-промышленного комитета в 1917 г., участник буржуазного заговора, имевшего целью свержение Николая II, министр финансов первого состава Временного правительства, министр иностр. дел дальнейших его составов, заместитель Керенского, верный слуга Антанты 1, 13, 64, 66, 72.
Тиль, советник германского посольства на Украине в 1918 г. 150.
Тимошенко С., украинский с.-д., харьковский комиссар в период Директории 305.
Титов А. А., член «Союза возрождения России» 229, 232.
Ткаченко, М., украинский с.-д., министр внутренних дел в правительстве Украинской центральной рады, известный своим участием в похищении банкира Доброго, послужившем поводом к разгрому рады немцами; в период петлюровской Директории Т. фрондировал против Петлюры «слева» и пытался напустить почву для соглашения с советской властью 30, 31, 33, 34, 35, 67, 112, 113, 120, 259, 319, 346.
Трейде, обвинитель на немецком военном суде в Киеве при гетмане по делу о министрах Украинской центральной рады Голубовиче и др., обвинявшихся в похищении банкира Доброго 125.
Третьяков, С. Н., председатель Московского биржевого комитета в последнем Временном правительстве Керенского, председатель Экономического совета в последнем правительстве Колчака, министр торговли и заместитель председателя Совета министров; член финансового совещания при Врангеле 156.
Троцкий Л. Д. (род. 1879 г.), старый с.-д. искровец, меньшевик, в революции 1905 года автор так называемой теории перманентной революции, в годы реакции сторонник объединения партий, во время войны и в начале Февральской революции интернационалист, с июля 1917 г. большевик, благодаря кипучей энергии и блестящему ораторскому таланту сыграл выдающуюся роль в организации Октябрьского восстания. Первый наркоминдел, потом наркомвоен советского правительства, один из организаторов победы советов в гражданской войне. По окончании гражданской войны обнаружил постоянные уклоны от ленинской линии, в 1924 г. выступил с пашумевшими «Уроками Октября», в 1925 г. создал новую оппозицию, организовал свою фракцию и подпольную работу против партии. Исключен из партии, но и после этого не прекратил антисоветской работы, за что в 1929 г. выслан из СССР. За границей продолжает выступать против ВКП, СССР и ИККИ 22, 54, 73, 136, 240.
Трубецкой, Г. Н., князь, видный, во время гражданской войны член Совета государственного объединения России, член Особого совещания при Деникине, управляющий недомолвом исповеданий 140.
Туган-Барановский, Мих. Ив. (1865—1919), экономист, профессор, в 1890-х годах легальный марксист, потом критик Маркса, скатившийся в либерализму. С 1905 г. примыкал к кадетам. После Октябрьской революции вступил в партию украинских социалистов - федералистов, входил в состав правительства Украинской центральной рады в качестве министра финансов 17, 69, 72, 376.
Ульянинский, гласный Киевской городской думы в 1917—18 гг. 244.
Урицкий, М. С. (1873—1918), старый с.-д., после II съезда партии меньшевик, во время мировой войны интернационалист, с 1917 г. большевик, в Октябрьские дни член Петроградского военно-революционного комитета потом — председатель Петроградской ЧК. Убит 30 августа 1918 г. террористом студентом Каннегиссером 54.

Фельк, С., д-р, галицийский национал-демократ, министр финансов в одном из кабинетов украинской Директории 316, 317.
Федоров, М. М., управляющий министерством торговли при Витте, гласный Петроградской думы; во время гражданской войны председатель национального центра, член Ясской делегации, член Особого совещания при Деникине 157.
Фещенко, см. Фещенко-Чоповский И.
Фещенко-Чоповский, И., министр торговли и промышленности и одним из кабинетов Украинской центральной рады, министр хозяйства в одном из кабинетов украинской Директории 30, 317, 361, 363, 364, 365, 367, 368, 370, 374, 385.
Фимиячук, Т., управляющий министерством дорог в одном из кабинетов украинской Директории 317.
Фицнельмс, майор, английский представитель при правительстве Украинской центральной рады в 1917 г. 87.
Флеш, лейтенант, один из германских судебных офицеров на Украине в период оккупации в 1918 г. 40, 41, 42.
Франклен-Бульон, член французской палаты депутатов в 1919 г. 39.
Франкфурт, С. Л. 69.
Фредамоер, см. Фрейденберг.
Фрумин, И. О., еврейский общественный деятель в Киеве в 1917—1918 гг., секретарь Киевского исполнительного комитета общественных организаций 4, 6, 8, 36.
Фундаменский, И. И., эсер член «Союза возрождения России», член Ясского совещания (совещания представителей русских контрреволюционных организаций с союзниками) 229, 232.

Холодный, П., украинский социалист-федералист, в. д. ми-

нистра народного просвещения в первом совете народных министров УНР, образованном Директорией в декабре 1918 г. С 1926 г. член контрреволюционной «Спилки визволення Украины», приговорен по процессу Спилки в 1930 г. 301.
Хрипунов, А. С., член Совета государственного объединения России в Киеве в 1918 г. 173.

Чарницкий, Тихон, секретарь общественного обеспечения в державном секретариате (правительстве), образованном Национальной радой Восточной Галиции 2 ноября 1918 г. 333.
Чарыпп, И. Г. 69.
Чебаков, С. М., прокурор Киевской судебной палаты после Февральской революции 55.
Чебярях Вера, соучастница убийства мальчика Ющинского в Киеве, организованного «союзом русского народа» с целью обвинения евреев в ритуальном убийстве и послужившего поводом к процессу Бейлиса 108.
Чернов, В. М. (род. 1876 г.), вождь и идеолог партии эсеров, член ее ЦК и редактор ее органа «Революционная Россия», во время мировой войны интернационалист, в 1917 г. некоторое время министр земледелия («сеняжский министр») Временного правительства, боровшийся с самовольными захватами земли крестьянством. После Октября в рядах активной контрреволюции, кандидат в председатели противосоветского правительства, участник Самарского комитета членов Учредительного собрания, ныне эмигрант 117.
Черкасский, украинский левый эсер 353.
Чехивский, В. М., украинский с.-д., председатель совета министров и министр иностр. дел в первом правительстве украинской Директории. После гражданской войны один из главарей контрреволюционной «Спилки визволення Украины», поставившей себе целью насаждение советской власти на Украине посредством вооруженного восстания и призыва иностранных интервентов; в целях осуществления целей Спилки «маркесил» и стал организатором и главой украинской автокефальной православной церкви, попами которой стали бывшие бандиты, царские офицеры и жандармы. По процессу «Спилки» в Харькове в 1930 г. Ч. осужден 182, 300, 309, 311, 313, 318, 319, 379, 375, 384.
Чижевский, Г., украинский эсер, министр внутренних дел в одном из кабинетов украинской Директории 316.
Чикаленко, украинский с.-д. 240.
Чоповский, см. Фешенко-Чоповский, И.
Чубинский М. П., профессор, министр юстиции в правительстве гетмана Скоропадского 38, 124.
Чудновский 253.

Шапиро, 253.
Шаповал, А., полковник 248.
Шаповал М. (украинский эсер), министр земельных дел в первом совете народных министров УНР, образованном Директорией в декабре 1918 г. 300, 315, 337.
Шаповал, Н. Е., министр почт и телеграфов в одном из кабинетов Украинской центральной рады 91.
Шаповал, О., украинский социалист-самостийник, военный министр в одном из кабинетов украинской Директории 316.
Шайула, один из петлюровских атаманов, погромщик и организатор пыток 330, 332, 346.
Шац-Анин, М., член еврейской объединенной социалистической партии, член Украинской центральной рады 34, 39, 41.
Шац, см. Шац Анин М.
Шелухин, С. П., украинский социалист-федералист, министр юстиции в последнем кабинете Украинской центральной рады, в период гетмана Скоропадского глава украинской мирной делегации при переговорах с советским правительством; при украинской Директории министр юстиции в первом ее правительстве, образованном в декабре 1918 г., потом член делегации, посланной Директорией в Париж 30, 33, 137, 145, 301, 376.
Шемет, С. М., хлеборб левого крыла 177, 379, 380.
Шерер, подполковник, германский комендант в Смеле в 1918 г. 265.
Шинкарь, украинский левый эсер, один из вождей повстанческого движения против гетмана в 1918 г. 271, 300.
Шликевич, С. П., председатель Киевского областного комитета Всероссийского земского союза и член Киевского исполнительного комитета общественных организаций в 1917 г. 1, 4.
Шольц, Е. Г., председатель Киевского областного комитета кадетской партии 2.
Шпринтер см. Реинер.
Шраг И. Л., черниговский общественный деятель, украинец 77, 84.
Штейнгель, Ф. Р., барон, председатель Киевского комитета Всероссийского союза городов в 1917 г., при гетмане украинский посол в Берлине 1, 4, 69, 138, 144, 151.
Штефан И., украинский эсер, министр почт и телеграфов в первом совете народных министров УНР, образованном Директорией в декабре 1918 г. 301
Шульгин, А. В., украинский социалист-федералист, генеральный секретарь национальных дел, потом иностранных дел в правительствах Украинской национальной рады. В 1919 г. член мирной делегации украинской Директории в Париже 12, 17, 22, 68, 69, 87, 95, 120, 376, 386, 387, 388.
Шульгин, В. Я., отец предыдущего, основавший в 1860-х годах в Киеве реакционную националистическую газету «Кievлянин» 18, 19.

Эйхельман, О. О., киевский профессор, товарищ министра иностр. дел в одном из правительств украинской Директории 376.
Эллянский В., см. Блакитный В.
Эльясберг, Е. 264.
Эрлихман, адвокат м. Лыски, убитый во время еврейского погрома в 1918 г. 273.

Юдицкий, А. 275.
Юрченко, офицер петлюровской армии 324.

Яблонский А., перед революцией либеральный журналист, фельетонист, после Октября озлобленный враг советской власти, белый эмигрант 49.
Якоби, С., организатор еврейской боевой дружины в Одессе, существовавшей с 1917 по 1919 г. в целях предупреждения погрома 256.
Яковлев, А. И., украинский социалист-федералист, киевский присяжный поверенный 375.
Янсен, один из атаманов украинской Директории 307.
Янко, украинский эсер, член Украинской центральной рады 34, 36.
Яринович, псевдоним Никовского А. В.
Ярошевский, офицер, городницкий уездный комендант при гетмане Скоропадском, организатор еврейских погромов 267, 268.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

РЕВОЛЮЦИЯ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В ОПИСАНИЯХ БЕЛОГВАРДЕЙЦЕВ

ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Сост. С. А. Алексеев. С предисл. и примеч. А. И. Усагина. Стр. XXXIV + 515. Ц. 3 р. 25 к.

СОДЕРЖАНИЕ: От составителя. Предисловие М. В. Родзянко. Государственная дума и Февральская 1917 года революция. В. В. Шульгин. Дни. П. Н. Милюков. Февральские дни. А. И. Деникин. Февральская революция и армия. А. С. Лукомский. Из воспоминаний. М. И. Смирнов. Адмирал А. В. Колчак во время революции в Черноморском флоте. Кн. С. П. Монсырев. Мои воспоминания. С. И. Шидловский. Воспоминания. Н. П. Карабчевский. Что глаза мои видели. А. Ф. Керенский. Царская семья и Временное правительство. Кн-ня Палей. Мои воспоминания о русской революции. П. Н. Милюков. О выезде из России Николая II. А. Вырубова-Танеева. Царская семья во время революции. В. Б. Станкевич. Воспоминания. А. Пешехонов. Первые недели. Н. Воронович. Записки председателя совета солдатских депутатов. Летопись событий.

★

ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Составил С. А. Алексеев. С примечаниями А. И. Усагина. Стр. 432. Ц. 3 р.

СОДЕРЖАНИЕ: П. Н. Краснов. На внутреннем фронте. П. Н. Милюков. Ликвидация выступления Корнилова. Ф. Дан. К истории последних дней Временного правительства. По Синегубу. Защита Зимнего дворца в день 25 октября 1917 г. С. А. Коренев. День 25 октября. А. Ф. Керенский. Гатчина. В. Б. Станкевич. Октябрьское восстание. П. Н. Милюков. Низвержение Временного правительства. А. И. Деникин. Большевистский переворот. С. Ан-ский. После переворота 25 октября 1917 г. А. Демьянов. Записки о подпольном Временном правительстве. Б. Соколов. Защита Всероссийского учредительного собрания.

ПРИЛОЖЕНИЕ: Ставка 25—26 октября 1917 г. Летопись событий.

ПРОДАЖА В МАГАЗИНАХ И ОТДЕЛЕНИЯХ ГОСИЗДАТА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА—ЛЕНИНГРАД

ЦЕНТРОАРХИВ
АРХИВ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

БУРЖУАЗИЯ НАКАНУНЕ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Стр. 203. Подготовил к печати Б. Б. Граве. Ц. 2 р. 40 к.

★

КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ в 1917 г.

Подготовили к печати К. Г. Котельников и В. Л. Меллер.
Стр. 444. С предисловием Я. А. Яковлева. Ц. 5 р. 25 к.

★

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ в 1917 г.

Подготовили к печати В. Л. Меллер и А. М. Панкратова.
Стр. 371. С предисловием Я. А. Яковлева. Ц. 2 р.

Л. ДАНИШЕВСКИЙ

ОПЫТ БИБЛИОГРАФИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Под редакцией и с предисловием С. Пионтковского.
Стр. 276. Ц. 1 р. 25 к.

СОДЕРЖАНИЕ: Предисловие С. Пионтковского. Алфавитный указатель. Предметный указатель. Географический указатель. Сборники, журналы и газеты, использованные как постатейный материал.

★

М. ДОБРАНИЦКИЙ

СИСТЕМАТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ ЛИТЕРАТУРЫ ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Стр. 152. Ц. 30 к.

Обширный указатель М. Добраницкого дает литературу по истории Октября в разрезах политическом, экономическом, культурном и т. д. Сверх изданий на русском языке, в указатель вошли еще издания на немецком, английском и французском языках.

Любую книгу высылает: Москва, центр, Госиздат, „КНИГА—ПОЧТОЙ"